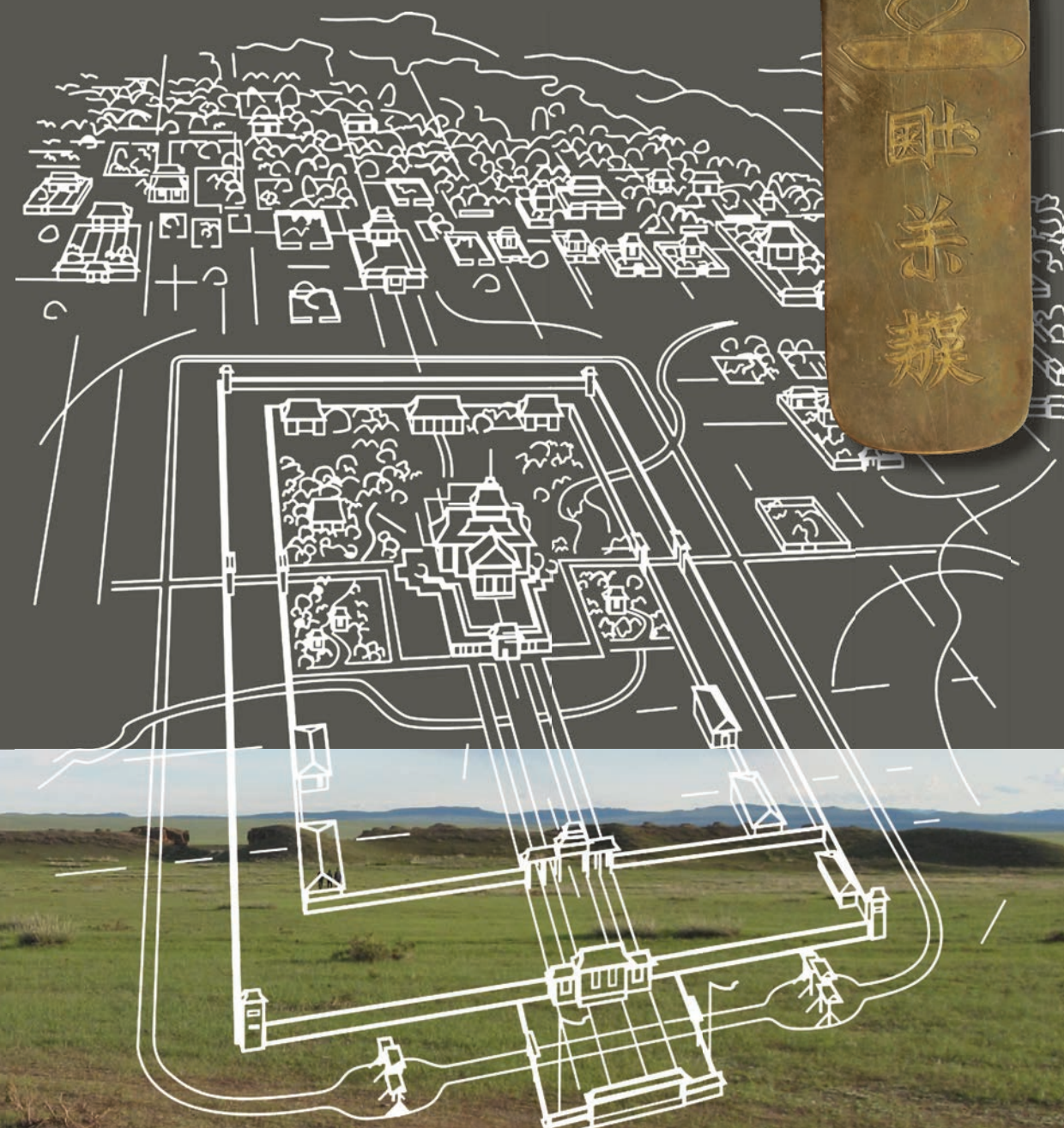

ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

В течение шести с половиной столетий на территории Дальнего Востока России и смежных зон Азии существовали крупные средневековые государственные образования, которые сменяли одно другое: государство Бохай (698–926), киданьская империя Ляо (907–1125), чжурчжэньские империя Цзинь (1115–1234) и государство Восточное Ся (1215–1233), монгольская империя Юань (1206–1368). В настоящем издании обобщается богатейший фактический материал исторических и археологических данных о процессах урбанизации в данном регионе. Показываются роль и место городов в средневековых империях Дальнего Востока в исторической динамике на протяжении почти 700 лет. Книга снабжена большим количеством цветных и черно-белых иллюстраций.

ISBN 978-5-6041860-1-5

9 785604 186015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*Ответственный редактор
Н.Н. Крадин*

Москва
Издательство восточной литературы
2018

УДК 94(571+51)"653"
ББК 63.3(2)4+63.3(5)
Г 70

*Исследования и издание выполнены при финансовой поддержке
гранта РНФ № 14-18-01165
«Города средневековых империй Дальнего Востока»*

Авторы монографии

Е.В. Асташенкова (гл. 3, 4), *С.Е. Бакшеева* (гл. 7, 9), *Е.И. Гельман* (гл. 3, 4),
И.В. Гридасова (гл. 5), *А.Л. Ивлиев* (гл. 1, 3, 5, 6), *Н.А. Клюев* (гл. 5),
Н.Н. Крадин (введение, гл. 1, 6, 9, 10), *Я.Е. Пискарева* (гл. 2),
С.Д. Проконец (гл. 3, 7), *Е.А. Сергушева* (гл. 8).

Рецензенты

д.и.н., проф. А.А. Тишкин, д.и.н., проф. А.В. Харинский

Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н.Н. Крадин;
Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. —
М. : ИВЛ, 2018. — 367 с.: ил. — ISBN 978-5-6041860-1-5

В течение шести с половиной столетий на территории Дальнего Востока России и смежных зон Азии существовали крупные средневековые государственные образования, которые сменяли одно другое: государство Бохай (698–926), киданьская империя Ляо (907–1125), чжурчжэньские империя Цзинь (1115–1234) и государство Восточное Ся (1215–1233), монгольская империя Юань (1206–1368). В настоящем издании обобщается богатейший фактический материал исторических и археологических данных о процессах урбанизации в данном регионе. Показываются роль и место городов в средневековых империях Дальнего Востока в исторической динамике на протяжении почти 700 лет. Книга снабжена большим количеством цветных и черно-белых иллюстраций.

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2018
© Крадин Н.Н., составление, 2018
© Оформление. ООО «Издательство восточной
литературы», 2018

ISBN 978-5-6041860-1-5

«Происхождение города туманно, большая часть его погребена или стерта без возможности восстановления, а будущие перспективы трудно оценить».

Льюис Мамфорд
(Mumford 1961: 3)

Введение

Города играют огромную роль в истории человечества. Сегодня они «занимают 3% поверхности Земли, в них проживает 50% населения Земли и производится примерно 75% валового национального продукта, они потребляют примерно 60% воды» (Gladwin 2008: 15). Начиная с индустриальной революции, рост городов и их значение стали определяющими в цивилизационной динамике. Тема изучения городов является предметом исследования специалистов самых разных наук — архитектуры, географии, экономики, социологии, истории, антропологии и др. В XX в. изучением городов занимались такие выдающиеся ученые, как М. Вебер, Г. Чайлд, Л. Мамфорд, В. Криссталер, Р. Парк, Л. Вирт, А. Пиррен и многие другие.

Про города уже написано так много, что невольно возникает вопрос: а можно ли на эту тему еще что-то написать? Венеция, Париж, Нью-Йорк, Амстердам, Петербург, Лондон, Вавилон, Рим, Афины... Архитектура, история городов, транспортные сети, улицы, городские карты и планы, дворцы, храмы, музеи, повседневная жизнь населения, значные места... Что еще не было или не стало объектом описания?

Как бы то ни было, но заявленная в названии книги тема еще не была предметом специального рассмотрения. Большая часть обобщающих работ, посвященных урбанизации, касается исключительно классических примеров — античности, европейского средневековья, древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия, Китай), майя и ацтеков в Новом Свете. Все остальные исторические феномены освещены в научной литературе гораздо хуже. С полным правом к числу этих феноменов относятся российский Дальний Восток и смежные зоны Азии. Несмотря на самобытный очаг средневековых цивилизаций, местные культуры меньше известны за пределами региона, чем культуры вышеупомянутых стран и народов.

В соответствии с тем, что изложено выше, целью данной работы является необходимость определить роль и место городов в средневековых империях Даль-

него Востока в исторической динамике в указанных хронологических рамках. Эта цель конкретизируется постановкой следующих задач: 1) подготовить обобщающую сводку по городищам бохайского, киданьского, чжурчжэньского и монгольского времени; 2) рассмотреть типологию бохайских, киданьских, чжурчжэньских и монгольских городищ; 3) выявить систему жизнедеятельности населения и функциональное значение (торговые, ремесленные, административные, религиозные и другие функции) городищ разного типа в рассматриваемых средневековых государствах; 4) проанализировать внутреннюю топографию бохайских, киданьских, чжурчжэньских и монгольских городищ; 5) показать динамику урбанизационных процессов в дальневосточном регионе.

Данная тема очень обширна, из-за чего многие важные вопросы не были затронуты в книге. Так, истоки градообразования у мохэ, а также урбанизационные процессы в бохайском и чжурчжэньском государствах рассмотрены в основном на материалах раскопок в Приморье. Отсутствует раздел, посвященный очень интересному и пока еще плохо осмысленному сюжету — средневековым городищам Западного Приамурья. Также не были включены материалы по Северо-Восточному Приморью, где имеется много средневековых городищ. Это самостоятельные сюжеты для последующих и параллельных научных исследований.

Обобщающих книг по истории изучения городов и градостроительных процессов на средневековом Дальнем Востоке нет. Однако данная тематика рассматривалась в большом количестве трудов по истории и археологии региона. Поскольку данные государства были расположены на территории нескольких современных стран, имеется развитая историографическая традиция на различных языках. Так, проблематика исследования государства Бохай в восточноазиатской литературе (китайской, корейской и японской) затрагивается во многих сотнях статей и монографий (краткие обзоры см.: Song Ki-ho 1990; 1990a). При этом, имея в виду в первую очередь археологические источники по теме исследования, следует выделить публикацию раскопок периода Манчжоу-го японскими учеными городища Дунцзинчэн — Верхней столицы и Баньлачэн — Восточной столицы государства (Tung-Ching-Ch'eng... 1939; Сайтō Дзимбэ 1942; Сайтō Масару 1978), а также результаты более поздних исследований этих памятников (Баляньчэн 2014; Бохай шанцзинчэн 2009). На европейских языках литературы, посвященной государству Бохай, практически нет, за исключением книги Й. Реккеля на немецком языке, написанной на основе данных письменных источников (Reckel 1995).

Бохайская тематика стала разрабатываться на русском языке еще с 1920-х годов (Матвеев 1929). В 1968 г. вышла книга Э.В. Шавкунова, систематизировавшего данные письменных источников. В 1994 г. была опубликована коллективная монография «Государство Бохай и племена Дальнего Востока», в которой обобщались основные достижения изучения Бохая российскими учеными. За последующие четверть века было издано более десяти книг с публикацией материалов ежегодных полевых исследований на Краскинском и других городищах бохайского времени в Приморье (Болдин и др. 2005; 2006; 2010; и т.д.). Из исследований,

связанных с тематикой проекта, следует отметить работу В.И. Болдина о предварительной классификации бохайских городищ (1992), попытку изучения пространственной структуры бохайских городищ (Kradin, Nikitin 1996), статью о столичных городах Бохая (Болдин, Ивлиев 1997), исследования о границах бохайского государства (Гельман 2005; Никитин 2005; Шавкунов В.Э. 2005), работы о торговых и культурных обменах в Бохае (Gelman 2006; Гельман 2006). Этими публикациями рассматриваемая тематика и ограничивается.

По истории киданей и империи Ляо имеются обобщающие исследования на различных языках (историографию см.: Franke 1994; Крадин, Ивлиев 2014). Наиболее полная сводка сведений из письменных источников с подробнейшими комментариями была опубликована на английском языке еще в середине XX в. (Wittfogel, Feng 1949). Если говорить об исследовании киданьских городов, то на восточных языках отсутствуют обзорные работы по этой теме. Их компенсирует скрупулезная публикация А.Л. Ивлиева, не потерявшая актуальности и до настоящего времени (1983). На английском языке следует отметить фундаментальную книгу Н. Стэйнвардт о киданьской архитектуре (Steinhardt 1997) и работы китайского исследователя Лин Ху, чья диссертация и статьи были посвящены пространственной структуре городов и рассмотрению киданьской фортификации в контексте презентации имперской власти (Lin Hu 2009; 2010; 2011). Последние публикации имеют важное значение для нашей темы, но они основаны исключительно на письменных источниках и визуальном обследовании памятников.

Попытки систематизации киданьских городищ на территории Монголии были сделаны монгольским археологом Х. Пэрлээ (1957; 1961; 1962) и позднее переосмыслены С.В. Даниловым (2004). Археологические раскопки киданьских городов проводились монгольскими и российскими учеными. Результаты опубликованы в ряде монографий (Очир и др. 2005; Очир, Крадин и др. 2008; Крадин, Ивлиев 2011). Попытка обобщить и систематизировать результаты раскопок была сделана несколько лет назад (Крадин, Ивлиев 2014).

По истории чжурчжэней и империи Цзинь на европейских и восточных языках также написаны крупные обобщающие исследования (см.: Воробьев 1975; 1982; Franke 1994). Однако раскопки чжурчжэньских городов на территории Китая начаты только в последние годы (Чжао Юнцзюнь 2015). Чжурчжэньская археология изучена гораздо лучше в России. Выполнены монографические работы, посвященные введению в научный оборот материалов отдельных памятников: Шайгинского (Шавкунов Э.В. 1990), Лазовского (Леньков, Артемьева 2003), Ананьевского (Хорев 2012) городищ. Опубликована целая серия статей об уникальном памятнике — Красноярском городище (Артемьева 1998; 2005; 2007; 2008; 2009; 2010; 2012; 2014; 2015; Артемьева, Ивлиев 2000; и т.д.). Введены в научный оборот материалы о городищах северной (Крадин, Никитин 2010) и северо-восточной периферии (Дьякова 2009) на территории Приморья. Опубликованы книги по чжурчжэньскому ремеслу (Леньков 1974; Конькова 1989), домостроительству и жилищам чжурчжэней (Артемьева 1998), керамике (Тупикина 1996), фарфору (Гельман 1999) и чжурчжэньской черепице (Саранцева 2013).

Применительно к рассматриваемой теме есть ряд работ по изучению реконструкции численности населения городищ (Никитин, Хорев 1986; Артемьева 1989), социальной топографии (Артемьева 1989а), а также исследования по фортификации чжурчжэней (Галактионов 1983а; Шавкунов В.Э. 1989; 1992; Артемьева 2010; 2011; 2012; и т.д.).

Степень изученности Монгольской империи очень велика, и интерес к этой теме присутствует постоянно среди исследователей разных стран. Поскольку Монгольская империя была многонациональным государством, включавшим самые разные народы Старого Света, то это создает большие трудности для историковедческого и историографического анализа. Наиболее важная литература по тематике Монгольской империи на различных языках была учтена в специальном обзоре по этой теме (Крадин 2014). Что касается урбанизации в Монгольской империи, то приоритет в изучении данного вопроса принадлежит отечественной научной школе. Важнейший вклад в изучение городищ и поселений монгольского времени внесли исследования советских ученых под руководством С.В. Киселева (1947; 1957; 1958; 1961), результатом которых стал капитальный труд «Древнемонгольские города» (1965). Долгие годы эта работа была маяком для исследователей урбанизационных процессов в империях номадов.

Определенный вклад в изучение поселений и городищ Монголии внес монгольский археолог Х. Пэрлээ (1957; 1961; 1962). Открытия археологов дали возможность выполнить серьезные архитектурные реконструкции городов и зданий кочевых империй (Майдар, Пюрвеев 1981; Минерт 1983; Ткачев 1984; 1986; 2009; и т.д.). Позднее С.В. Даниловым составлена наиболее полная сводка монгольских памятников на территории Монголии (2004). Мы не рассматриваем здесь тематику изучения городов Золотой Орды — это отдельный вопрос, по которому к настоящему времени накоплено огромное количество фактических данных и опубликованы десятки книг и многие сотни статей.

Начиная с 1990-х годов возобновился интерес к изучению процессов урбанизации в империи монголов на территории Центральной Азии и Дальнего Востока. Большой вклад был сделан японскими и немецкими археологами. Японские исследователи изучали поселение Аврага, расположенное в излучине Керулена. Японские археологи полагают, что здесь находилась ранняя ставка Чингис-хана. Они проводят здесь исследования в течение десяти лет (Shiraishi 2001; 2002; 2004; 2005; 2006; Shiraishi, Tsogtbaatar 2009). Немецкие археологи возобновили раскопки на территории Каракорума — столицы Монгольской империи. Они начали с исследования дворца, раскопанного С.В. Киселевым, и района перекрестка главных улиц. С течением времени данные исследования расширились на тщательное обследование всей близлежащей долины Орхона (Barkmann 2002; Hüttel 2005; 2009; Pohl 2009; 2010; Bemmann et al. 2010; 2011; 2011a; etc.). Китайскими археологами произведены масштабные раскопки столиц империи Юань — Шанду и Даду (Wei Jian 2008; Вэй Цзянь 2015; Chen Gao-hua 2015).

В начале 1990-х годов на территории Бурятии усадьбу Нарсагуй раскапывал С.В. Данилов (2004). На рубеже 1990–2000-х годов вплоть до своей трагической

гибели исследования и поиски монгольских памятников вел А.Р. Артемьев (2003; 2004; 2005). В настоящее время авторами проекта возобновлены исследования монгольских памятников на территории Забайкалья (Крадин и др. 2010; Харинский и др. 2010; 2012; 2014). Однако данный период изучен еще недостаточно хорошо. В частности, отсутствуют сколько-нибудь приемлемая хронология, типология основных категорий инвентаря, еще рано говорить о локальных вариантах археологической культуры монголов.

В целом, подводя итоги весьма краткого обзора, следует отметить, что к настоящему времени по-прежнему остается неразработанным и дискуссионным такой вопрос, как «город» применительно к средневековым империям Дальнего Востока. Не разработана их типология, плохо исследована планиграфия, отношения с сельскими поселениями, их функциональные характеристики. Помимо этого, отсутствуют обобщающие исследования, в которых бы рассматривались все избранные общества в целом в исторической динамике, а также работы концептуального плана, посвященные обсуждению роли и места городов данных обществ в структуре средневековых государств дальневосточного региона. Отчасти компенсировать отсутствие работ по вышеуказанной проблематике призвана эта книга.

Мы не собираемся подробно обсуждать здесь вопрос, что такое город. Эта тема является предметом давних и бесконечных споров среди специалистов самого разного профиля — от архитекторов до археологов. Даже наиболее авторитетные теоретики урбанизма демонстрируют разное понимание термина «город». Так, Л. Вирт определял город как постоянное поселение, имеющее определенную большую численность жителей, высокую плотность населения, разнообразную функциональную специализацию (Wirth 1938: 8). Согласно образной, труднопереводимой идее Л. Мамфорда, город — это своеобразный театр социальной активности, в котором происходит тесное географическое сплетение экономических и институциональных процессов, а также отражаются эстетические символы коллективного действия (Mumford 2011: 93). Возможно, самая сжатая формулировка принадлежит Э. Глэзеру, который точно подметил, что для города характерны «близость, плотность, теснота» (Glaeser 2011: 6).

Большая численность населения, плотность и гетерогенность ранних городов вызывают сомнение, поэтому вопрос, насколько данное определение применимо к периоду генезиса цивилизации, остается открытым. В археологическом измерении для городов важны такие характеристики, как фортификация, границы, осевая планировка, храмы, дворцы, зоны ремесленной деятельности, кладбища, места для игр и собраний (Renfrew 2008).

Как пишет Дж. Коугил, существующие определения можно объединить в демографический (численность) и функциональный подходы (Cowgill 2004: 526). Согласно первому подходу, в самых общих чертах город характеризуется как поселение с высокой плотностью населения (Stoddart 1999: 909). Подобные дефиниции наиболее часто применяются и в наши дни. Действительно, для современных географов это очень удобно. Можно смело использовать сведения статистики, данные переписи. Нужно только определиться с тем, каково должно быть ми-

нимальное число жителей города (Wheatley 1972: 620–621). Подобные мнения высказывались среди археологов (Массон 1976: 141; Stoddart 1999: 911; Storey 2006: 22), причем нередко в качестве условного эквивалента называется цифра в 5 тыс. человек.

Однако здесь есть несколько существенных проблем. Количество и плотность населения не всегда жестко связаны с теми функциями, которые выполняли те или иные поселения. Плотность населения, например, мезоамериканских городов доколумбового времени была несоизмеримо ниже, чем современных, и они совершенно не соответствовали данному критерию (Smith 2008). Знаменитый Чатал-Гуёк, согласно Я. Ходдеру, являл собой «просто очень большую деревню» численностью до 8 тыс. человек (Hodder 2006: 98).

С данной точки зрения, казалось бы, функциональный подход предпочтительнее демографического. Следует согласиться с Б. Триггером, что город выполнял особые, специализированные задачи в отношении окружающих территорий и тем самым отличался от негородских поселений (Trigger 2003: 120). Однако и в данном случае можно столкнуться с рядом проблем. Самая распространенная точка зрения предполагает понимание города как торгово-ремесленного центра. Она восходит к классическим концепциям урбанистики начала XX в., идущим от М. Вебера, для которых образцом было становление западноевропейского города. Постепенно выкристаллизовалось устойчивое понимание города как экономического центра, где концентрируются человеческий капитал и средства, которые обеспечивают сосредоточение промышленности (т.е. несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969).

В противовес этому мнению сформировалась другая точка зрения, согласно которой город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960). Большую роль в развитии последнего мнения сыграли археологи, которые изучали феномен генезиса и становления ранних городов. Так, Р. Мак-Адамс обратил внимание на то, что город — это место, где располагаются центральные учреждения и производится обмен ресурсами (Adams 1966). Схожая полемика велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946: 8–9; Сахаров 1959: 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983).

Попытка уйти от дихотомии, что важнее — административные или экономические функции города, была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х годов О.Г. Большаковым совместно с В.А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001: 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций, но привело к новой задаче — выяснить соотношение между урбанизацией и политогенезом. Если город представляет собой главным образом центр перераспределения прибавочного продукта, то теоретически это зна-

чит, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции, как вождество, поскольку редистрибуция (т.е. перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества.

Так или иначе, функции города как места концентрации торговых и обменных связей и как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии — это две стороны его жизнедеятельности. Они не являлись функциональной альтернативой, а дополняли друг друга (Brumfiel 1991). Город представляет собой пункт, который выполняет иные, специализированные функции, несвойственные тем поселениям, где проживает большинство населения. Учитывая, что в доиндустриальных обществах большинство населения занималось сельским хозяйством (Gellner 1988), это значит, что речь идет преимущественно о неаграрных функциях (хотя нужно помнить, что жители древних городов часто были земледельцами, как, например, в античных обществах; применительно к кочевым империям нужно говорить о нескотоводческих функциях).

Принципиально важное значение для понимания роли городов в формировании государственности имела знаковая статья Г. Чайлда о «городской революции». Он выделил 10 признаков **цивилизации**: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и др.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Понятно, что работа Чайлда была посвящена не столько урбанизации, сколько описанию того, как процесс формирования классов и государства может быть материализован в археологических источниках (Smith A. 2003: 187). Концепция городской революции дала понимание того, как по археологическим данным можно проследить процесс формирования самых ранних цивилизаций. Нельзя не согласиться с мнением, что модель «городской революции» и признаки «цивилизации» оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith M. 2009: 22).

Список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. Существует много известных работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации (Adams 1966; Renfrew 1972; Haas 1982; Feinman, Marcus 1998; Flannery 1998; Maisels 1999; Smith M. 2003; Flannery, Marcus 2012). Среди признаков, которые встречаются чаще, чем другие, обязательно присутствует **город**. Поэтому для подавляющего большинства исследователей город — это материальное воплощение государственности (Fox 1977: 24).

Тем не менее урбанизм — это нечто гораздо большее, чем просто придаток к концепции государства (Cowgill 2004: 526). Характер соотношения между ур-

банизацией и динамикой политогенеза был предметом изучения многих исследователей (Adams 1966; Blanton 1982; Algaze 2008; Marcus, Sabloff 2008). К настоящему времени написано бесчисленное количество книг и статей, в которых обсуждается проблематика происхождения и ранних этапов урбанизации (см., например: Ucko et al. 1970; Nichols, Charlton 1997; Hansen 2000; Cowgill 2004; Marcus, Sabloff 2008; etc.).

При этом далеко не все исследователи разделяют тезис о синхронности процессов урбанизации и политогенеза. В частности, Д. Вэнгроу (Wengrow 2015) опубликовал специальное исследование, в котором обосновывает со ссылкой на Г. Поссела негосударственный характер городских центров архаической Индии III тыс. до н.э. (Possehl 1998). Моника Смит также согласна с выводами Поссела в том, что нет никакой прямой логической связи между плотностью населения и появлением централизованных управленческих структур (Smith M. 2003: 12). Вэнгроу приводит еще один пример «городов без государства» — поселения трипольской культуры в дунайско-днепровском междуречье.

Не так давно Дж. Дженинг и Т. Эрл (Jennings, Earle 2016) усомнились в том, что процесс происхождения государства и урбанизация протекали как синхронные процессы. Они приводят два примера, которые не укладываются в данную схему. Первый пример представлен городской общиной Тиуанако в Андах на территории современной Боливии. Авторы приходят к выводу, что государство в области озера Титикака было создано спустя 300 лет после начала строительства масштабных монументальных сооружений. Второй пример — хорошо известные Эрлу Гавайи, где, по его мнению, возникает государство в условиях полного отсутствия чего-либо похожего на города. Свое и без того авторитетное мнение авторы подтверждают дополнительной ссылкой на Р. Хоммона (Hommon 2013: 129). С этой точки зрения классические кочевые империи также попадают в число исключений. Их политическая система (суперсложные вожества) не соответствует критериям государства, тогда как существование городов подтверждено широко-масштабными археологическими раскопками (Крадин 2007; 2011).

Проверим, насколько вышеприведенные гипотезы соответствуют статистическим корреляциям между политогенезом и урбанизацией. Для этих целей воспользуемся «Атласом культурной эволюции» П. Перигрина по 289 первобытным и раннегосударственным обществам (Atlas of Cultural Evolution = ACE; Peregrine 2003). Там суммированы данные из девяти томника «Энциклопедия доистории» (Peregrine, Ember 2001–2002). Перегрин с коллегами собирал и структурировал сведения, которые содержались в статьях, написанных для этой книги. К работе над энциклопедией было привлечено более 200 исследователей из 20 стран. В издание включены данные по всем наиболее важным и известным археологическим культурам эпохи первобытности. Хронологический охват работы 500 000 — 500 гг. до н.э. Столь представительная выборка вполне репрезентативна для проведения как синхронных, так и диахронных кросскультурных исследований обществ периодов первобытности и политогенеза (Peregrine 2001; 2004).

Напомним соответствующие признаки:

4. Урбанизация (крупные поселения)

1 = до 100 человек

2 = 100–399 человек

3 = 400 и более человек

9. Политическая интеграция

1 = автономная локальная община

2 = один-два уровня над общиной

3 = три и более уровней над общиной

Политическая интеграция и урбанизация

		Урбанизация			ВСЕГО
		крупные поселения, < 100 человек	крупные поселения, 100–399 человек	крупные поселения, 400+ человек	
Политическая интеграция	Автономная локальная община	112	4	0	116
	Один или два уровня над общиной	37	64	15	116
	Три и более уровней над общиной	0	6	51	57
ВСЕГО		149	74	66	289

Линейная корреляция Пирсона $R = 0,833$ и ранговая корреляция Спирмена $R = 0,822$ показывают очень высокие значения, что свидетельствует о сильной связи между урбанизационными процессами и формированием политической иерархии. Однако для нас в данном случае важнее качественный анализ. Третья колонка во втором ряду показывает, что в 15 случаях в обществах с одним или двумя уровнями иерархии (т.е. в вождествах) существовали крупные поселения с населением более 400 человек. Другой вывод: вторая колонка в третьем ряду свидетельствует, что в шести случаях комплексные общества с трехуровневой и более иерархией (суперсложные вождества и ранние государства) не имели городов.

Таким образом, приведенные выше гипотезы о возможности существования городов «без государства» и ранних государств без городов подтверждаются статистическими данными. Подобных примеров не должно быть много — всего 6 и 15 случаев соответственно из выборки в 289 обществ. Однако вероятность существования подобной ситуации не следует игнорировать.

Так или иначе, урбанизация тесно связана с происхождением государства. В настоящее время исследования в области политогенеза подошли к некоторому рубежу, перейти который пока никому не удастся. Исследователи в своем большинстве разделяют ряд ключевых позиций. Они осознают, что существует большое

число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Генезис государства был обусловлен двумя взаимосвязанными процессами — необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества («интегративная» теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций («конфликтный» подход, «классовая» теория). Наконец, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. В последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства. При этом новый подход предполагает дихотомию двух полярных стратегий в процессе социокультурной эволюции — иерархической, или сетевой, и гетерархической, или корпоративной (Feinman, Marcus 1998; Kradin et al. 2000; Haas 2001; Trigger 2003; Grinin et al. 2004; Bondarenko 2006; Price, Feinman 2010; Flannery, Marcus 2012; Chacon, Mendoza 2017).

Возможно, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что изложенные выше положения относятся к так называемым «великим антропологическим теориям», которые вместе с «насыщенным», или «плотным», этнографическим описанием и так называемыми теориями «среднего уровня» составляют теоретический фундамент современной культурной антропологии и археологии (Ellen 2010). Поскольку «великая теория» разделяется в большей или меньшей степени подавляющим числом исследователей, надо полагать, что новый прогресс возможен в первую очередь на уровне теорий «среднего уровня».

Данное понятие было введено в научный оборот Р. Мертоном (Merton 1968: 39–40). Именно у него этот термин заимствовал Л. Бинфорд, привнеся его в археологическую науку. Вместе с тем Бинфорд интерпретировал этот термин по-своему, что стало причиной для определенной полемики в американской археологии (см.: Smith 2011: 169–170).

Что такое теория среднего уровня? В социологии данный уровень теории понимается как точный и достаточно простой тип теории, который может быть использован для объяснения явлений разного уровня, но который не предназначен для всеобъемлющего объяснения всех социальных явлений без исключения. Теория среднего уровня не должна также быть редуccionистской. Иными словами, это комплекс инструментария, способного интерпретировать ограниченную совокупность фактов или явлений (Hedström, Udéhn 2009: 31). Теории среднего уровня могут быть частично включены в теории более высокого уровня, но в то же время они могут иметь вполне самостоятельное значение для понимания тех или иных аспектов мироздания (Merton 1968: 43).

В настоящей книге будет сделана попытка сформулировать и изложить основные положения подобной теории. Мы постараемся обобщить и проанализировать большой массив исторических и археологических данных, с тем чтобы на выходе получить серию непротиворечивых положений, которые позволят глубже понять и осмыслить, как возникали и развивались города в средневековых империях Дальнего Востока. Надеемся, что наши выводы послужат стимулом для последующих исследований и дискуссий в данном направлении.

Глава 1

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИМПЕРИИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Данная монография посвящена исследованию урбанизационных процессов в дальневосточных средневековых империях. Причем понятие «Дальний Восток» мы трактуем в узком значении — как крайнюю восточную часть современной России и примыкающие к ней Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров и Япония.

В качестве объекта нашего исследования избраны четыре империи (табл. 1.1), которые существовали на данной территории в период средневековья — государства Бохай (698–926), Ляо (907–1125), Цзинь (1115–1234) и Монгольская — Юань (1206/1271–1368). Несмотря на некоторую условность подобной выборки, она достаточна логична. Прежде всего, эти государства существовали примерно на одной территории (с расширением каждого следующего из них за счет включения новых территорий). Данные государства следовали друг за другом в соответствии с «принципом домино»: каждое последующее завоевывало предыдущее. Наконец, все эти государства располагались на периферии восточноазиатской мир-системы. При этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока. Создание Монгольской империи проходило в аридной степной зоне. Ареалы этнополитической активности киданей локализуются в степи, ближе к границе степи и леса.

Таблица 1.1

Средневековые империи Дальнего Востока

№	Государство (народ)	Годы	Площадь (млн кв.км)	Современные государства
1	Бохай (мохэ-бохайцы)	698–926	0,8	КНР, КНДР, РФ
2	Ляо (кидани)	907–1125	2,6	КНР, Монголия, РФ
3	Цзинь (чжурчжэни)	1115–1234	2,3	КНР, РФ
4	Юань (монголы)	1206–1368	14,0 (33,7)	Монголия, КНР, РФ и др.

Несколько слов о дефиниции «империя». Латинское слово «*imperium*» означает «повеление», «власть». В древнем Риме термин *imperium* изначально обозначал право законодательства — нечто подобное суверенитету. В европейские языки это понятие постепенно вошло как обозначение власти, контролирующей большую территорию (Бейссингер 2005: 50–51). В наши дни в общеупотребительном понимании империями называют монархические государства, возглавляемые императорами, или большие государства, которые имеют колонии (Ильин 1997: 229–240). Оба эти значения могут совпадать. В научном понимании данный термин обозначает такую форму политической организации, как правило государственного уровня, которой присущи несколько главных признаков: (1) большие территории; (2) наличие геополитически мощной метрополии и зависимых или колониальных владений; (3) существование имперской идеологии и культуры (Eisenstadt 1963: 6–22; Каспэ 1997: 31–34; 14; Burbank, Cooper 2010: 8).

Согласно Т. Барфилду, для всех империй характерны следующие важные черты. (1) Империи начинают свой рост с гегемонии одной географической области или этнической группы, однако по мере экспансии они включают большое число различных этнических, региональных и религиозных групп. (2) Поскольку империи имели большие размеры, они должны были создавать развитую инфраструктуру, которая со временем могла стимулировать развитие торговли, товарно-денежных отношений и урбанизации. (3) Для управления большими территориями империи должны иметь развитую постоянную бюрократию, универсальный язык общения и письменность. (4) Империи нуждаются в постоянной сильной армии для завоеваний, подавления бунтов и отражения вторжений извне; с течением времени основные военные силы переносятся из центра к границам. (5) Многие империи создавали свой неповторимый единый для метрополии и провинций космополитический стиль, который отражался в архитектуре, религии и космологических представлениях, искусстве и моде (Barfield 2000; Барфилд 2008).

Империи, созданные киданями, чжурчжэнями и монголами, полностью соответствуют всем данным признакам. Сложнее с государством Бохай. Его размеры более сопоставимы с крупными государствами, чем с империями. Однако в дальневосточной археологической литературе Бохай иногда относят к империям, имея в виду два обстоятельства: наличие зависимых от Бохая вассальных мохэских владений (вожеств и племенных конфедераций), существование в Бохае титулов «император» (*хуаншан*) и «Внук Неба» (*тяньсунь*). Так или иначе, без бохайской культурной традиции трудно представить дальнейшую историю киданей и чжурчжэней.

Р. Тапар со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) — высоко развитого экспансионистского государства — и территории, на которую распространяется ее влияние («периферия»). Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем империи Р. Тапар выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней

империи, по ее мнению, метрополия и периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести римскую державу, инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала прошлого столетия (Thapar 1981: 410ff).

Все доиндустриальные империи, включая рассматриваемые в книге, относятся к «ранним» империям. Одним из вариантов «ранней» империи следует считать **варварскую** империю. Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась, условно говоря, «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как ее социально-экономическая структура была менее сложной и дифференцированной, чем эксплуатируемые или завоеванные территории. Империи Ляо, Цзинь и Юань относятся к варварским империям. Кроме того, киданьская и монгольская державы относятся к **кочевым** империям (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин, Ивлиев 2014).

1. Государство Бохай

В середине I тыс. н.э. на территории центральной и северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья обитали народы, известные в китайской исторической традиции под общим названием *уцзи* или *мохэ*. Китайские исследователи полагают, что данные этнонимы — это передача разными иероглифами звучания одного и того же этнонима. Это подтверждается наличием весьма созвучного с «уцзи» варианта «моцзе», встреченного в эпиграфических материалах, а также в ранних списках ряда летописей (Фань Эньши 2012: 130–143). «Суй шу» сообщает о хозяйстве мохэсцев: «Пашут сообща по двое. В [их] землях много чумизы, хлебных злаков типа пшеничных, неклеякого проса. Водяные испарения солоноватые, они порождают соль на коре деревьев. Среди их скота много свиней... Все люди занимаются охотой в качестве [основного] занятия. [Их] роговые луки имеют длину 3 чи, стрелы — 1 чи, два цуня. Обычно в 7–8-м месяцах делают ядовитое зелье, покрывают им стрелы, чтобы стрелять птиц и зверей. При попадании животное тут же умирало» (СШ 81: 1821–1822).

Летописи выделяют семь наиболее известных и влиятельных объединений *уцзи-мохэ* (*булэй* — племенных объединений или вожеств): сумо, бодо, аньцзюйгу, фуне, хаоши, хэйшуй и байшань, — каждое из которых имело вождя и несколько тысяч человек войска (Ван Чэнли 2000: 10–14). Интересно, что три из них связаны с гидронимами: сумо — Сумошуй (река Сунгари до слияния с Нонни), аньцзюйгу — Аньчуху (современная река Ашихэ, правый приток Сунгари),

хэйшуй — Черная река, нижнее течение Сунгари и Амур. Еще одна группа называется по имени гор — Байшань, которые отождествляются с современными горами Чанбайшань.

Из них наиболее крупными и сыгравшими важную роль в истории были сумо мохэ, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, и хэйшуй мохэ — на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура. В VII в. сумо мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к консолидации сумо мохэ и созданию в долине р. Муданьцзян в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом» (Крадин 2005). В 698 г. были провозглашены королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь и Мохэ-го) и первый его правитель (*ван*) Да Цзожун. После него правителем Бохая стал Да Уи. Он ввел летоисчисление по собственному, независимому от Китая девизу правления, активно занимаясь в течение жизни присоединением других мохэских вожеств и племен. В «Синь тан шу» его правление оценено так: «Расширил территорию государства, все инородцы (*и*) северо-востока в страхе подчинились ему» (Цзинь Юйфу 1982: 7).

Истинным расцветом Бохая было правление вана Да Циньмао (737–793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». Не исключено, что именно в период его правления в Бохэе сложилась система пяти столиц: Верхняя столица Лунцюаньфу, Средняя столица Сяньдэфу (городище Сигучэн в уезде Хэлун провинции Цзилинь, КНР), Восточная столица Лунъюаньфу, Южная столица Наньхайфу (наиболее вероятное ее местонахождение — городище Чхонхэ в Пукчхоне провинции Хамгён намдо, КНДР (Болдин, Ивлиев 1997) и Западная столица Ялуфу (близ совр. г. Линьцзян провинции Цзилинь). Современные китайские историки увязывают это со сложением системы пяти столиц в Танской империи в 757 г. и с получением через пять лет после этого королевского титула (*ван*) правителем Бохая. При этом в Тан система пяти столиц продержалась недолго, в Бохэе же она установилась на все время существования государства и послужила образцом для организации территориально-административного деления на основе пяти столиц в государстве киданей и Золотой империи чжурчженей (Дань Хуаша 1983; Вэй Гочжун и др. 2006: 120–122, 318–319).

В правление Да Циньмао Бохай достиг значительного уровня развития культуры. Об этом свидетельствуют стелы из могил принцесс Чжэнь-хуй и Чжэньсяо, тексты которых отражают глубокое знание китайской литературы и истории (Сунь Сюжэнь и др. 1991: 288–289; Яньбянь 1991: 586). Недаром храмовым именем Циньмао стало «Вэнь-ван» — «просвещенный правитель».

В годы его царствования была сформирована также система государственных институтов. В «Синь тан шу», в разделе «Повествование о Бохэе» дано подробное описание аппарата управления (Цзинь Юйфу 1982: 9; Ван Чэнли 1984: 105–109). Высшими органами в стране были три шэна (палаты): Чжэнтаншэн, Сюаньчжаошэн и Чжунтайшэн. Все они возглавлялись *сянами*. При этом Чжэнтаншэн возглавлял *данэйсян*, положение которого было выше левого сяна, возглавлявшего Сюаньчжаошэн, и правого сяна, стоявшего во главе Чжунтайшэна. Палата Чжэн-

таншэн ведала всеми текущими государственными делами. Фактически это было правительство страны. Палата Сюаньчжаошэн, в которую входили наиболее крупные чиновники, занималась стратегической военной политикой государства. Палата Чжунтайшэн выполняла функции имперской канцелярии: она отвечала за составление проектов королевских декретов, указов и запись речей и деяний государя.

Палата Чжэнтаншэн состояла из шести департаментов, которые делились на Левую и Правую части (*люсы*). Данное деление было заимствовано из танской бюрократической системы (Попова 1999), но его истоки уходят в степные древнетюркские традиции. В Левом люсы были департаменты Верности (*чжунбу*), Гуманности (*жэньбу*) и Справедливости (*ибу*). В Правом люсы — департаменты Мудрости (*чжибу*), Этикета (*либу*) и Честности (*синьбу*). Этими департаментами ведали канцлеры (*цин*). Департамент Верности ведал отбором и назначением чиновников, их награждениями и аттестацией. Департамент Гуманности был высшим финансовым органом страны, распоряжавшимся государственными землями, деньгами и продовольствием, данью и налогами. Департамент Справедливости определял государственные ритуалы, религиозные жертвоприношения. Департамент Мудрости являлся главным военным ведомством. На департамент Этикета были возложены судебные обязанности. Департамент Честности соответствовал танскому департаменту Работ, ведавшему транспортом, водным хозяйством, строительством и ремесленниками.

Кроме этих трех палат упоминаются еще следующие учреждения:

Приказ Чжунчжэнтай — контрольный орган в государстве, ревизовал дела чиновников и военных.

Приказ Дяньчжунсы — отвечал за обслуживание быта королевского двора (питание, овощи, одежда, жилье, транспорт, царские экипажи).

Приказ Цзуншусы — отвечал за дела царского рода.

Совет Вэньцзиюань — ведал делами составления учетных списков картин и книг, написания текстов стел, поздравлений, жертвенных надписей.

Приказ Тайчансы — ведал проведением ритуалов и церемоний.

Приказ Сыбиньсы — ведал приемом иностранных посольств.

Приказ Данунсы — ведал запасами зерна в амбарах по всей стране, гарнизонными полями.

Приказ Сыцзансы — занимался делами финансов, кладовых и хранения, торговли.

Приказ Сышаньсы — ведал вином и едой королевского двора.

Бюро Сянбоцзюй — ведало передачей приказов по царскому гарему, его охраной, обслуживанием его быта.

Училище Чжоуцзыцзянь — занималось образованием детей и младших братьев аристократии в духе конфуцианского учения.

Китайские источники также сообщают о системе рангов чиновников, соответствующей рангам одежды, и о некоторых регалиях. Так, чиновники высших трех рангов носили фиолетовую одежду, имели дощечки для записи указаний из слоновой кости и золотые бирки в виде рыбок. Чиновники четвертого и пятого рангов носили темно-красную одежду, имели дощечки из слоновой кости и серебряные бирки-рыбки. У чиновников шестого и седьмого рангов одежда была светло-красная, у чиновников восьмого ранга — зеленая. Все они имели деревянные дощечки для записи указаний (Цзинь Юйфу 1982: 9).

В целом государственный аппарат Бохая во многом копировал устройство государственного аппарата Танской империи (Попова 1999). Однако при этом ведомства имели собственные названия и отличия, что было обусловлено, по мнению Сон Ки Хо, двойственным положением Бохая (Song Ki-ho 1990; 1999). С одной стороны, бохайцы демонстрировали вассальный статус в отношении с империей Тан. С другой стороны, в реальности они проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику. Это выражалось в собственных девизах правления, имперских амбициях, отражавшихся в отношениях с государствами Япония и Силла, периферийными мохэскими владениями, а также в титулах бохайского правителя (*хуанишан* — «его величество император», *тяньсунь* — «Внук Неба»).

Военная организация Бохая состояла из десяти гвардий, аналогичных четырнадцати гвардиям Танской империи. Во главе каждой гвардии стояли Великий полководец и Полководец (*Да цзянцзюнь* и *цзянцзюнь*). На местах, вероятно, были учреждены военные единицы *фу*, подчиненные какой-либо из гвардий. К такому выводу приходит Ван Чэнли, указывая на наличие у посланных в Япо-

нию военных званий, аналогичных тем, что были у военных из *фу* Танской империи (Ван Чэнли 1984: 109–110).

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники; шесть знатных кланов; вожди и старейшины, простые общинники. С течением времени социальная структура трансформировалась следующим образом: император (*хуаншан*) и его семья; управленческо-бюрократическая элита, разбитая на восемь чиновных рангов, в которую входили крупная аристократия, служилая и местная знать; крестьяне, объединенные в общины; различные неполноправные категории населения (Крадин 1989; Государство Бохай 1994: 46–52).

Большинство жителей Бохая составляли крестьяне-земледельцы. В ходе раскопок находят железные лемехи, отвалы, лопаты, серпы, сделанные из камня жернова и ступы. Палеоботанические исследования показывают, что в Приморье бохайское население выращивало просо, пшеницу, ячмень, фасоль, сою, горох, гречиху. Помимо этого бохайцы сеяли технические культуры, были знакомы с садоводством (Болдин 1986; Сергушева, Гельман 2014а: 125–126). Бохайцы разводили также домашних животных — свиней, крупный рогатый скот, лошадей. Охота на таежного зверя и собирательство имели вспомогательное значение. Важную роль играло рыболовство. На раскопках поселений часто находят рыболовные крючки, грузила. Судя по костным остаткам рыб, бохайцы добывали как пресноводные, так и морские виды рыб. Существенную прибавку к рациону питания дважды в год давал промысел проходной рыбы (лососевых). Бохайцы также были знакомы с морским собирательством (Государство Бохай 1994: 102–104). Бохайские ремесленники отличались высоким профессионализмом. Металлурги владели ковкой, закалкой, рубкой, обточкой, возможно кузнечной сваркой. Они также отливали из чугуна котлы, лемехи и отвалы, втулки ступиц, изготавливали бронзовые украшения, мелкую утварь, предметы культа и др. (Леньков 1993; Государство Бохай 1994: 105–117).

Новая страница в истории Бохая открывается со вступлением на престол Да Жэньсю. Согласно 219-му цзюаню «Синь тан шу», «Жэньсю весьма преуспел в военных походах против племен к северу от моря (т.е. от оз. Ханки. — *Прим. перев.*), расширил пределы страны» (Цзинь Юйфу 1982: 8). В результате его завоевательной политики к Бохаю были присоединены длительное время оставшиеся независимыми мохэские владения фуне, юэси, тели, юйлоу, а возможно и частично хэйшуй мохэ. На землях первых четырех в Бохае были учреждены административные области. Начавшая складываться при Да Циньмао территориально-административная система Бохая в 30-е годы IX в. приобрела тот вид, который описывается в «Синь тан шу». «Повествование о Бохае» в этом сочинении привязывает бохайские области к местам обитания различных народов предшествующих времен: «На древних землях сушэней образовали Верхнюю столицу, называется Лунцюаньфу, в ее подчинении три округа (*чжоу*): Лун, Ху и Бо. На юг от нее Средняя столица, называется Сяньдэфу, в ее подчинении шесть округов: Лу, Сянь, Те, Тан, Жун, Син. На древних землях вэймо учредили Восточную столицу, называется Лунъюаньфу, также называется Чжачэнфу, в ее под-

чинении четыре округа: Цин, Янь, Му и Хэ. На древних землях *воцзюй* учредили Южную столицу, называется Наньхайфу, в ее подчинении три округа: Во, Цзин, Цзяо. На древних землях Гаоли учредили Западную столицу, называется Ялуфу, в ее подчинении четыре округа: Шэнь, Хуань, Фэн, Чжэн; область Чанлинуфу, ей подчинены два округа: Ся и Хэ. На древних землях фуюй учредили области: Фуюйфу, здесь постоянно расквартированы отборные войска для охраны от киданей, ей подчинены два округа — Фу, Сянь; Моцзефу, в ее подчинении два округа — Мо и Гао. На древних землях илоу учредили области: Динлифу, ей подчинены два округа — Дин, Пань; Аньбяньфу, ей подчинены два округа: Ань и Цюн. На древних землях шуайбинь учредили область Шуайбиньфу, ей подчинены три округа: Хуа, И, Цзянь. На древних землях фуне учредили область Дунпинфу, ей подчинены пять округов: И, Мэн, То, Хэй, Би. На древних землях тели учредили область Телифу, в ее подчинении шесть округов: Гуан, Фэнь, Пу, Хай, И, Гуй. На древних землях юэси учредили области: Хуайюаньфу, в ее подчинении девять округов — Да, Юэ, Хуай, Цзи, Фу, Мэй, Фу, Я, Се, Чжи; Аньюаньфу, в ее подчинении четыре округа — Нин, Мэй, Му, Чан. Также есть три округа прямого подчинения: Ин, Тун, Су. Округ Су назван так, потому что вблизи от него река Сумоцзян, должно быть, его название означает «река Сумошуй» (верхнее течение Сунгари. — *Прим. перев.*). Лунъюань[фу] на востоке примыкает к морю, это дорога в Японию. Наньхай[фу] — это дорога в Силла. Ялу[фу] — это путь даннических посольств ко двору (т.е. в Тан. — *Прим. перев.*). Чанлин[фу] — это дорога в Инчжоу. Фуюй[фу] — это дорога к киданям» (Цзинь Юйфу 1982: 8–9).

До сих пор нет единого мнения о местонахождении многих областей и округов Бохая. С достаточным основанием можно утверждать, что на территории российского Приморья из описанных областей и округов находились область Шуайбинь в долине реки Раздольная (Суйфун) и округ Яньчжоу области Лунъюаньфу Восточной столицы в южной части Хасанского района. Имеются все основания считать Краскинское городище близ пос. Краскино центром этого округа (Шавкунов 1968: 59). Центром же области Шуайбинь, вероятнее всего, было городище Дачэнцзы в уезде Дунин провинции Хэйлунцзян. В отличие от считавшегося ранее этим центром Южно-Уссурийского городища в г. Уссурийске, это городище имеет типично бохайские материалы, а по своим размерам — его периметр составляет 3570 м — даже больше городищ-остатков Восточной и Средней столиц Бохая (Чжан Тайсян 1981).

Поскольку государственной религией в Бохае был буддизм, на территории Приморья известны пять храмов (Абрикосовский, Борисовский, Копытинский, Корсаковский Краскинский), четыре из них в долине р. Раздольная (Суйфун) (Государство Бохай 1994: 80–91; Шавкунов и др. 1994). В качестве примера можно привести Борисовский храм, расположенный неподалеку от одноименного села на правом берегу р. Раздольная. Храм был возведен на платформе размером примерно 13×14 м и ориентирован по сторонам света. Стены храма были сделаны из дерева и обмазаны глиной. Внутри располагались колонны. Имелись два выхода — на севере и западе — пандус. Четырехскатная крыша была покрыта

плоской и карнизной черепицей, украшена дополнительными элементами — *чивэй* (так называемый «хвост совы»). Здесь найдены бронзовые статуэтки, изображения Будды (Медведев 1998).

Государство Бохай имело дипломатические отношения с соседними странами — империей Тан, Силла, кочевыми империями. Особый интерес вызывают его контакты с Японией. Неоднократно Страну восходящего солнца посещали бохайские корабли. В составе бохайских посольств помимо официальных лиц и торговцев были поэты и музыканты. Они участвовали совместно с японскими литераторами в представлениях при императорском дворе (Государство Бохай 1994: 164–166, 174–175; Полутов 2015).

В письменных источниках сообщается, что в Бохае существовала внутренняя хозяйственная специализация между различными областями: «В народе ценятся тигры гор Тайбайшань, морская капуста из области Наньхай, соевый соус из Чжачэна, олени из области Фууй, свиньи из области Моцзе, лошади из области Шуайбинь, ткани из Сяньчжоу, шелковая вата из Вочжоу, шелковые ткани из Лунчжоу, лучэнский рис, караси из озера Мэйто. Из плодов есть сливы из Ваньду и груши из Ляю» (Цзинь Юйфу 1982: 9–10). Связи Приморья с центральными районами Бохая и Китаем подтверждаются также находками китайских зеркал и украшений, фарфоровой и глазурованной посуды. По археологическим данным прослеживается обмен продуктами питания между континентальными и прибрежными районами Приморья (Гельман 2006).

В начале X в. начинается расцвет киданей, которые под предводительством Абаоцзи создали империю Ляо (907–1125). В 925–926 гг. они завоевали государство Бохай. На бохайских землях было создано марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший сын Абаоцзи — Тууй. Он имел собственный девиз правления и императорские регалии, самостоятельно отправлял посольства в Японию и Китай (ЛШ 72: 16; Е Лунли 1979: 240; Цзинь Юйфу 1982: 143–144). На высшие государственные посты — правого и левого великого канцлеров (*Цзо ю дасян*) и правого и левого заместителей (помощников) канцлеров (*цзо ю цысян*) — назначаются поровну представители киданьской аристократии и старой бохайской знати (ЛШ 2: 66). Зависимость Дундани от киданьской империи выражалась в ежегодной дани в размере пятидесяти тысяч кусков тонкого полотна, ста тысяч кусков грубого полотна и одной тысячи лошадей (ЛШ 72: 16; Е Лунли 1979: 240).

Недовольство бохайцев привело к целой серии восстаний, которые были подавлены (ЛШ 2: 66–7а), а также к массовому бегству населения в Корё (Шавкунов 1968: 54–56; Цзинь Юйфу 1982: 78–81; Ивлиев 1986: 21–22). Поскольку сопротивление не прекращалось, кидани сменили тактику. Елюй Юйчжи предложил обезопасить восточный фланг империи Ляо, депортировав нелояльных бохайцев: «...население значительно размножится, а так как оно живет в далеких землях, я боюсь, что в дальнейшем явится для нас источником бедствий. В то же время земли по берегам р. Ляншуй являются их старой родиной... Если сейчас, пользуясь слабостью населения, переселить его обратно, это явится дальновидным планом» (Е Лунли 1979: 363).

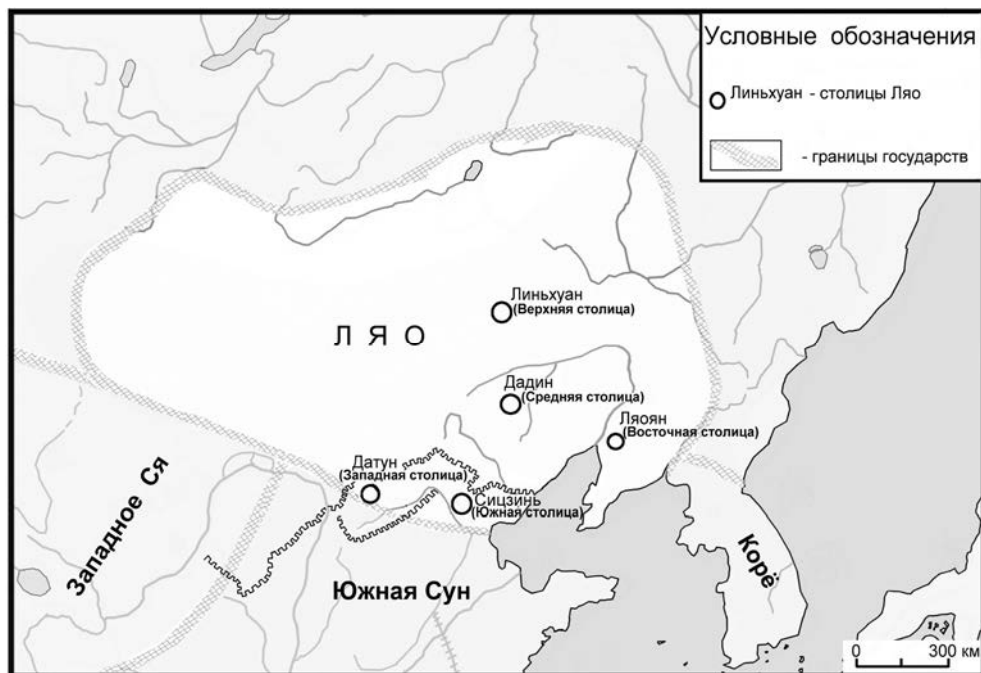
Согласно расчетам китайских историков, из Бохая было выслано примерно 65% населения (Ван Чэнли 1984: 176–177). Депортированных бохайцев сотнями и тысячами приписывали к ордам императоров для строительства и обслуживания императорского мавзолея, они дарились членам императорской фамилии, крупным вельможам, привлекались к несению всевозможных трудовых повинностей. При этом бохайцы продолжали периодически восставать. В 1029–1030 гг., в частности, Восточная столица киданьской империи была потрясена крупным восстанием, вызванным увеличением налогообложения (ЛШ 17: 66–86, 87: 16; Wittfogel, Feng 1949: 314, 335–336, 405, 419–420, 588). Последнее известное в истории восстание бохайцев произошло уже во время войны образовавших новое государство чжурчжэней против империи Ляо в 1116 г. Бохайцев перемещали даже на западные границы империи Ляо для снабжения солдат продукцией земледелия и ремесла. Как показывают археологические исследования, подтвержденные данными письменных источников, часть бохайцев на рубеже X–XI вв. была переселена на территорию Центральной Монголии для строительства города Чжэньчжоу (совр. городище Чинтолгой-балгас) и других крепостей (Крадин и др. 2011). По иронии судьбы, спустя столетие, уже после падения империи Ляо, именно туда прибыли остатки киданьского воинства, которые отказались подчиниться чжурчжэням. Как и бохайцы, они потеряли свою страну и шли теперь искать счастья на чужбине.

2. Киданьская империя Ляо (907–1125)

Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. (Материалы 1984: 154). Их историческая прародина — долины рек Шара-Мурэн и верховья Ляохэ. Согласно «Цзю Тан шу», кидани расселялись «к югу от р. Хуаншуй (Шара-Мурэн. — *Прим. перев.*) и к северу от Хуанлуна, на бывших сяньбийских землях... На востоке они граничат с Гаоли, на западе соприкасаются с владением сисцев, на юге доходят до области Инчжоу, на севере — до земель шивэйцев» (Материалы 1984: 156). По данным археологии, районом начального обитания киданей было нижнее течение Ляохэ вплоть до Дандуна и примыкающей к нему территории современной Кореи (Чэнь Юнчжи 2011).

Этнически кидани связаны с дунху, сяньби, ухуанями и другими монголоязычными народами (Викторова 1980). Основу их хозяйства этого времени составляло кочевое скотоводство. «Население здесь пасет скот, занимается охотой и рыбной ловлей для пропитания; добывает кожи и шерсть, чтобы есть; переезжает с места на место в соответствии с периодами года, причем повозка и спина лошади служат домом» (ЛШ 63: 1а).

В течение большей части I тыс. н.э. кидани не играли значительной внешнеполитической роли в дальневосточном регионе. Они были объединены в рыхлую конфедерацию «кочевий» (*було* — племен или вожеств) с выборным вождем (*дажэнь*). Сначала было десять «кочевий», затем восемь, которые могли выставить от 1 до 6 тыс. воинов (Материалы 1984: 156, 157). Только с гибелью

каганата уйгуров и последовавшим за этим развалом Танской империи они получили исторический шанс (Barfield 1992), который совпал с приходом к власти Абаоци из рода Елюй. Он объединил всех киданей и в 907 г., уничтожив потенциальную племенную оппозицию, объявил себя каганом. Однако до окончательной победы было еще далеко. Ему понадобилось почти десять лет, чтобы расправиться с сепаратистами и укрепить свою власть (Цай Мэйбяо 1964). В 916 г. он принял титул «великий совершенномудрый великий проницательный небесный император» (*да шэн да мин тяньхуанди*), утвердил девиз правления и официальное наименование империи — «Государство киданей» (*Цидань-го*) (ЛШ 1: 9а).

Придя к власти, Абаоци начал активную завоевательную политику. Уже в 902 г. он завоевал девять городов и захватил 95 тыс. пленников. После гибели империи Тан китайские царства, возникшие из ее осколков, стали легкой добычей кочевников-киданей. Параллельно кидани провели несколько военных кампаний против своих соседей на разных фронтах. В 904–911 гг. были разбиты шивэйцы и кумоси, в 915 г. кидани вышли к границам Корейского полуострова, а в 924 г. они дошли до монгольского хартленда — «старого уйгурского города» на берегу Орхона (ЛШ 2: 46–5а). По всей видимости, это были развалины столицы уйгурского каганата — города Карабалгасун (Маявкин 1974: 64, 135). Наконец, в 926 г. они без особых проблем завоевали государство Бохай. На завоеванных землях было создано вассальное государство Дундань (ЛШ 72: 16; Е Лунли

1979: 240). В том же году в возрасте 54 лет Абаоцзи скончался. Ему наследовал второй сын — Елгюй Дэгуан.

В 947 г. Дэгуан изменил название государства на «Великое Ляо» (*Да Ляо*), принял новый календарь по китайскому образцу и новый девиз правления. К этому времени уже более миллиона китайцев являлись подданными киданьского кагана-императора. На Великой равнине фактически сложилась биполярная структура, образованная империями Ляо и Сун, которые противостояли друг другу в течение почти полувека. Только в начале 1005 г. был заключен мирный договор (Е Лунли 1979: 126–129), согласно которому сунский и ляоский правители относились друг к другу как старший и младший братья. Однако формально за более высокий статус, а фактически — в качестве компенсации за неудовлетворение территориальных претензий киданей Сун обязалась ежегодно поставлять 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра.

По сути это был ежегодный откуп за право именоваться старшим по статусу. В договоре стороны также обязались прекратить войну, восстановить дружественные отношения, пресекать вторжения на границы и грабежи со стороны населения обоих государств, не допускать укрывательства преступников и перебежчиков, не строить на границе крепости, валы, рвы и каналы (ЛШ 14: 6а; Е Лунли 1979: 283–285). После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. лян серебра и до 300 тыс. кусков шелка (Е Лунли 1979: 148–149, 289–292; Franke 1990: 408–409). Длительное время эти доходы составляли основу бюджета престижной экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр. (Wittfogel, Feng 1949: 93, 100, 120, 127; Е Лунли 1979: 303–305; Ивлиев 1988: 10–11). Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней дань взималась 69 раз, с тели — 43 раза, с уго — 18 раз (Воробьев 1975: 400–410).

В период расцвета численность населения империи Ляо составляла 3,8 млн человек. Кочевники-кидани составляли всего пятую часть населения империи (750 тыс. человек). Кроме них в состав государства входили земледельцы-китайцы — более половины населения (2400 тыс. человек), бохайцы (450 тыс. человек), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. человек) народы (Wittfogel, Feng 1949: 58). Включение в состав империи значительных земледельческих территорий требовало создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления племенной конфедерации киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. По этой причине в империи Ляо была введена дуальная система управления — разделение на Северную и Южную администрации.

«Кидани управлялись согласно их национальной системе, в то время как китайцы управлялись согласно их собственной системе. Киданьская национальная система была бесхитростна и проста. В китайской системе использование традиционных терминов было сохранено. Правительство государства Ляо было разделено на Северное и Южное подразделения. Северная область управляла делами

кочевий, юрт, племен, родов и племенных объединений, в то время как Южная область управляла налогами и военными делами префектур и областей» (ЛШ 45: 1a–1б; Wittfogel, Feng 1949: 473).

Ключевые позиции в управлении страной занимала Северная администрация (*Бэйфу*). В ее обязанности входил прежде всего контроль за киданьскими племенами, другими кочевыми и так называемыми «варварскими» народами, а также военные функции, включая разведение государственных стад лошадей. Администрация возглавлялась Северным и Южным канцлерами. В ней также имелись подчиненные канцлерам ведомства, ряд учреждений, связанных с непосредственным управлением киданьскими племенами и императорским кланом. В состав правительства Северного района входил также и Секретариат, который вел переписку киданьским письмом. Кроме того, в правительстве Северного района находилась серия технических бюро, руководивших правительственными стадами, плавкой железа, арсеналом, различными мастерскими и охотничьими угодьями (Wittfogel, Feng 1949: 440–442).

Центральный государственный аппарат находился в Верхней столице. Он состоял из двух больших подразделений: администрации Северного района, ведавшей управлением киданьскими и другими племенами, и администрации Южного района, управлявшей оседлым земледельческим населением, в основном китайцами и бохайцами. Для каждой из этих двух групп населения была разработана своя система законодательства (Wittfogel, Feng 1949: 466–467).

Важное значение имело создание собственной киданьской письменности. В 920 г. племянник Абаоцзи Лубугу и Елюй Тулюйбу создали большое киданьское письмо. Считается, что оно было идеографическим. Оно не получило большого распространения. Однако через пять лет Дэла (Юньдухунь) создал малое киданьское письмо, которое, по всей видимости, было фонетическим (подробнее о киданьской письменности см.: Рудов 1963; Авакьянц 1987; Chinggeltei 2002; и др.). Создание письменности имело огромное значение для формирования ляоской государственности и закрепления самоидентичности киданей. С одной стороны, письменность служила инструментом фиксации устных распоряжений на бумаге, что стимулировало формирование строгих правил управления и контроля. С другой стороны, создание письменности привело к формированию корпуса нарративных текстов, что стимулировало развитие национального языка, высокой культуры, способствовало развитию этнической идентичности.

При императоре существовал Тайный совет — высший совещательный орган, в который входили наиболее доверенные лица. По всей видимости, не существовало специального нормативного акта, который регулировал состав совета. Однако в него входили такие высшие должностные лица, как *юньюэ*, *тинь*, *цзайсяны*, *илиби*, представители кланов императора и императрицы, возможно наиболее преданные императорам лица из числа неродственников.

Абаоцзи и его преемники вводили различные почетные титулы и должности для представителей царствующей элиты. Данные звания нередко имели только почетное значение или не имели четко очерченного функционала и не давали реальных инструментов для реализации каких-либо решений. Причиной подоб-

ной противоречивой политики было стремление, с одной стороны, удовлетворить стремление представителей правящей династии быть причастными к институтам власти. С другой стороны, всегда существовали опасения, что близкие родственники — дядья и братья могли составить конкуренцию правящей линии и привести к ее смене.

К числу первых подобных титулов у киданей, введенных еще на заре династии, были звания *тиинь* и *юйюэ*. Титул *юйюэ* появился еще до узурпации Абаоци престола. Во времена империи Ляо *юйюэ* не имели официальных обязанностей, но располагались по статусу выше всех чиновников. Данное звание «давалось только совершившим крупные подвиги и отличавшимся большими добродетелями. Являлось в государстве Ляо почетной должностью и соответствовало должностям трех высших сановников государства» (ЛШ 45: 76; Е Лунли 1979: 419 прим. 18; Тюрюмина 2007: 134).

Тиинь, согласно «Ляо ши», являлся «чиновником, ведающим членами императорского рода» (ЛШ 116: 3а; ср.: Тюрюмина 2007: 134). Согласно «Цидань го чжи», «существующая должность *тииня* соответствует начальнику приказа по делам императорского рода» (Е Лунли 1979: 314). По всей видимости, фактически эта должность не имела четко прописанных функций. Она была введена Абаоци в 908 г. Первым тиинем был назначен Лахэ (Сала) — младший брат императора (ЛШ 1: 3а).

Существовало много других титулов и специальных должностей для киданьской элиты. Перечислим некоторые из них. Так, титул *сянвэнь* упоминается с 938 г. Он давался начальникам различных правительственных органов, помимо того, командующим крупными армиями (ЛШ 4: 26; Е Лунли 1979: 377). Титул *мэйлао* (*мэйли*) получали родственники императора по жене (ЛШ 116: 166; Е Лунли 1979: 348). Титул *шумиши* давался руководителю военного ведомства при Северной администрации (Тюрюмина 2007: 134). В обязанности *дилемаду* входили жреческие функции — проведение религиозных празднеств и церемоний, гадание перед началом военных походов (ЛШ 45: 9а; Тюрюмина 2007: 134).

В киданьской империи были учреждены суд и должность верховного судьи (*илиби*). Судьи более низких рангов подчинялись ему. Существовала целая иерархия *илиби*, которые, подобно многим другим титулам в Ляо, имели приставки «левый» и «правый». Они занимались разрешением споров и вынесением приговоров по преступлениям у киданей, а также между номадами и оседлыми народами (ЛШ 45: 8; Тюрюмина 2007: 134; подробнее о киданьском праве см.: Даншин 2006).

Важное место в структуре государственного аппарата занимал Секретариат, где готовились императорские указы и другие документы, а также Управление Великого *линья* (ученого), занимавшееся составлением официальных документов (ЛШ 45: 86–9а). Должность *линья* предполагала контроль над отбором претендентов в рамках существовавшей в Ляо системы сдачи экзаменов (Тюрюмина 2007: 134).

При императорском дворе были созданы различные административные подразделения и должности для управления государством и для функционирования ставки. В источниках перечисляется большое количество различных чинов и зва-

ний, связанных с двором: конюшенные, сокольничие, ключники, канцеляристы, лица, отвечающие за имущество ставки, повозки, приготовление пищи, охрану двора и внутренний порядок, и др. (ЛШ 45: 146–186; Wittfogel, Feng 1949: 436–438, 440–443; Е Лунли 1979: 43, 55, 67, 116, 133, 149, 177, 249, 272, 314, 440, 465; и др.). При этом описанная в «Ляо ши» четкая структура должностей и офисов не должна вводить в заблуждение. Многие из декларированных институтов функционировали только спорадически. Большинство так называемых чиновников Северной администрации были больше подобны монгольским нукерам. Как верные вассалы-дружинники, они находились в личных связях с правителем (Twitchett, Tietze 1994: 89). Принятие решений во многом зависело не от существующей нормативной базы и разработанных правил, а от личных связей, семейных и клановых предпочтений, персональных отношений с императором, канцлерами, министрами и другими сановниками, наконец, от дружеских и/или родственных отношений.

Разделение на Северную (*Бэйфу*) и Южную (*Наньфу*) администрации не было строго географическим. Северная администрация занималась управлением киданьскими племенами и войсками вне зависимости от того, где они располагались (ЛШ 45: 16; Twitchett, Tietze 1994: 77). Племена и вождества, подчиненные непосредственно администрации Северного района, делились на три категории: 1) четыре «великих кочевья»; 2) четыре «малых кочевья»; 3) зависимые племена и «владения». О разделении киданьских «кочевий» на две неравные по статусу половины уже шла речь выше. Абаоцзи изрядно перекроил состав племен, перемешав их друг с другом. Спустя три столетия Чингис-хан поступит точно так же.

Данный шаг нужен был для ослабления существующих генеалогических связей. Так, 700 дворов си были преобразованы в племя деладеда. Другие кочевья си переданы в племена ишиаовэй и чутэаовэй. Из завоеванного племени далуго было создано племя пиньдалуго. Из покоренных племен больших и малых желтых шивэй созданы племена тулюйбу шивэй и племя неланугу. Из шести тысяч дворов юйгули учредили племена тулу и угунела. Кумоси изначально имели свой союз пяти племен. В течение определенного времени часть кумоси была завоевана и подчинена киданями. Оставшиеся были при Абаоцзи объединены в «большое племя» — *да буцзу* (Цай Мэйбяо 1964: 190).

Надплеменная организация имела довольно запутанный аппарат управления северной и южной частями киданьской конфедерации. Наиболее важную роль играли «Великие правители» (*даван*). Вместе с канцлерами (*цзайсянами*) они оттеснили от управления старую аристократию — *юйюэ* и *тишней* (Даньшин 2006: 88). Подавляющее большинство должностей в администрации Северного района занималось по наследству киданьскими аристократами из родов Елюй и Сяо. В целом номенклатура названий должностей в центральной и местной администрации Северного района отражает прямую связь этой части государственного аппарата киданьской империи с органами управления киданьского племенного союза доимперского периода. При чтении китайских источников может сложиться впечатление, что у киданей сформировалась разветвленная бюрократическая система различных служб и офисов с профессиональными чиновниками и мно-

гочисленными клерками. Скорее, следует согласиться с точкой зрения, что «это была в сущности личная свита больших племенных лидеров, многие из офисов которой были зарезервированы для представителей того или другого клана короля или королевы» (Twitchett, Tietze 1994: 78).

Вместе с тем произошли и существенные изменения. В соответствии с иерархическим принципом организации степного общества номады были разбиты на подразделения по десятичному принципу (Е Лунли 1979: 511–513). При этом обычно только часть кочевников участвовала в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени» (там же: 426). Согласно «Ляо ши», «все население в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет было занесено в военные списки. На одного воина регулярных войск приходилось три лошади, один фуражир и один человек, обслуживающий лагерь» (ЛШ, гл. 34, л. 26–56).

Основой военной мощи киданей служила организация *ордо* императорской гвардии, охранявшей дворец императора и сопровождавшей его в походах, а после смерти императора охранявшей его мавзолей. «Тай-цзу [Абаоцзи] после восшествия на престол при поддержке племени ила разделил свое племя на Пять подразделений и Шесть подразделений, которые управлялись членами императорского клана. Но личной гвардии недоставало. Поэтому были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*. Когда император вступал [в резиденцию], гвардейцы располагались рядом с ним, чтобы защитить его, а когда он выходил, сопровождали его. После погребения императора они охраняли его мавзолей. В случае военных действий опорные базы пяти столиц и двух областей быстро рассылали воззвания и собирали [войска] таким образом, что не было необходимости ожидать окончания мобилизации по уездам, округам и племенам, поскольку армия в 100 000 конных воинов уже была наготове» (ЛШ 35: 16; Wittfogel, Feng 1949: 540).

В 31-м цзюане «Ляо ши» приводится подробное описание орд киданей (ЛШ 31: 1а–9б; см. также рус. пер. в: Е Лунли 1979: 517–523), из которого следует, что каждый киданьский император, вступая на престол, основывал свою собственную орду, в состав которой входили семьи членов орд предшествующих императоров, за исключением охраны мавзолеев. Для обеспечения орд воинами и обслугой к ним приписывались округа, уезды и воеводства. Многочисленные дворы пленных китайцев и бохайцев придавались ордам для обслуживания и выполнения функций вспомогательных войск. При этом обслуживающих дворов из числа пленных китайцев и бохайцев в составе орды обычно было значительно больше, чем дворов киданей. По этой причине численность *ордо* на протяжении истории империи Ляо постепенно увеличивалась. Если в 926 г. в *ордо* входили 15 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 6 тыс. всадников, то на последнем этапе существования империи в *ордо* входило уже 140 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 76 тыс. конных воинов (Wittfogel, Feng 1949: 516).

Администрация Южного района формировалась по мере завоевания киданями территорий Северного Китая и Бохая и включения в Ляо больших масс оседлого сельскохозяйственного населения. Большинство постов в ней занимали китайцы, при этом она никогда не имела такой политической власти, как администрация Северного района, сфера ее компетенции ограничивалась в основном управлением гражданскими делами населения сельскохозяйственных зон империи Ляо. Администрация Южного района по своей структуре во многом копировала государственный аппарат танского Китая. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты «трех наставников», «трех князей-советников» при императоре, три высших органа — Тайный совет (Шумиюань), Административный совет (Чжуншушэн) и Совет двора (Мэньсяшэн), различные советники с подчиненными им департаментами, цензорат, академия наук (*ханьлин*), департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел (Wittfogel, Feng 1949: 445–448).

Территория южной части страны была разделена на области (*фу*) и уезды (*сянь*). Всего в Ляо было пять столиц, шесть областей (*фу*), 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*), 209 уездов (*сянь*), 52 племена (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шу го*) (Чжан Чжэнмин 1979: 43–44). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи (Wittfogel, Feng 1949: 448). Для заполнения вакансий в администрации Южного района для китайского населения империи была введена система экзаменов по танскому образцу (Wittfogel, Feng 1949: 454–456).

Главная резиденция императора располагалась в Верхней столице. Однако императоры большую часть времени проводили вне столиц в сезонных ставках *набо*. В соответствии с традициями сезонных перекочевок императоры переезжали из одного *набо* в другое. Несколько раз в год чиновники Северной и Южной администраций вызывались к императору для обсуждения государственных дел. Они приезжали в Среднюю столицу или в сезонную ставку императора для решения накопившихся вопросов по управлению китайскими территориями. В «Истории династии Ляо» («Ляо ши») дается подробное описание того, как в разные сезоны года происходило принятие решений на самом высшем уровне власти: «Каждый год, в первой декаде первой луны, когда император отправлялся в путешествие, чиновники в ранге от первого министра и ниже возвращались в Среднюю столицу, где приступали к службе и разбирали дела, касающиеся китайцев, а также выпускали приказы о временном назначении чиновников на те или иные должности... Гражданских чиновников в ранге от окружного начальника, регистратора и ниже было разрешено избирать секретарскому совету без доклада императору. О назначении военных начальников следовало докладывать императору. В пятой луне, когда император наслаждался прохладой своей временной ставки, совещания проводились совместно с чиновниками северных и южных учреждений правительства. Таким же образом совещания проходили и в десятой луне, когда император проводил в своей временной ставке зиму» (ЛШ 32, 3б–4а).

Китайцев на эти собрания не приглашали. Они не имели права принимать участия в обсуждении важнейших государственных дел вплоть до 1114 г. (Е Лунли 1979: 178). Только небольшая группа чиновников Южной администрации имела доступ к императору. Принятие ключевых решений производилось на Севере. Все военные вопросы также решались там же. Согласно «Цидань го чжи», до указанного времени лишь восемь китайцев были назначены на высшие должности в империи (там же: 280–281). Только сокрушительные поражения от чжурчжэней заставили киданей доверять китайским бюрократам. Пост «южного канцлера», возглавлявшего всю китайскую часть управленческого аппарата, нередко занимался китайцами (Wittfogel, Feng 1949: 449–450).

Большую роль в структуре империи Ляо играли религиозные институты. В империи бытовали как религиозно-идеологические течения развитых обществ — буддизм, конфуцианство и даосизм, — так и древняя киданьская религия со следами анимизма, тотемизма и магии. Существует мнение, что киданьский двор сознательно развивал разнообразные религии (буддизм, даосизм) и идеологические (конфуцианство) учения, с тем чтобы привлечь на свою сторону их носителей. Однако было бы ошибочным предполагать наличие целенаправленной политики, межрелигиозной гармонии и единой целостной политики. Существовали религиозное разнообразие, конкуренция и сотрудничество различных верований и идеологий (Lin 2011: 238–239). Надо сказать, что это была мудрая политика умиротворения подданных, которая давала им возможность молиться своим богам. В 918 г. был издан декрет, согласно которому в Верхней столице должны быть поставлены конфуцианские, буддийские и даосские храмы (ЛШ 1: 106). Все это давало сбалансированные источники для легитимации имперской власти в глазах различных групп завоеванных народов. Кроме того, нельзя исключать, что религия могла быть политическим инструментом императорской власти, оказывающим влияние на традиционную киданьскую элиту.

Наиболее распространенной из мировых религий в Ляо являлся буддизм. Буддизм был известен киданям еще до образования империи. О давнем знакомстве киданьской знати с буддизмом свидетельствует тот факт, что, когда Абаоцзи спросил своих приближенных, какому богу ему следует поклоняться, все единодушно сказали, что Будде. Уже тогда кидани считали буддизм некитайской религией, что, видимо, указывает на большую роль уйгуров в распространении буддизма среди них (Wittfogel, Feng 1949: 222, 298). В целом же, имеются указания на несколько источников проникновения буддизма в Ляо: от уйгуров, из Си Ся, Кореи и Китая (Wittfogel, Feng 1949: 306–307; Пиков 1980: 150).

Буддизм активно вошел в жизнь киданей с появлением китайского и бохайского оседло-земледельческого населения. В период начала завоеваний Абаоцзи во время одного из набегов на Китай захватил 50 монахов и привез их в Силю, где они построили первый храм (ЛШ 1: 46, цит. по: Е Лунли 1979: 364). За сравнительно небольшой промежуток времени буддизм стал у киданей государственной религией, хотя простой народ во многом продолжал придерживаться традиционных шаманистских представлений (Kwanten 1979: 96–97).

В Ляо буддийские монахи первоначально пользовались большими привилегиями, повсюду сооружались монастыри и храмы (Wittfogel, Feng 1949: 296, 301). Императоры жаловали монастырям земли и крупные средства. К. Виттфогелем и Фэн Цзяшэном приведены сведения о пожертвованиях различным монастырям в период между 949 и 1115 гг., которые были сделаны на весьма впечатляющую сумму (Wittfogel, Feng 1949: 295, table 11). Постепенно церковь стала одним из крупнейших собственников в стране. Так, 300 монахов храма Ганьхуа имели 10 тыс. му плодородной земли и 10 тыс. каштановых деревьев. 100 служителей храма Гуаньцзи владели 3 тыс. му земли, 7 тыс. фруктовых деревьев, 70 постоянными дворами, ростовщической лавкой и денежным капиталом в 5 тыс. связок монет (Wittfogel, Feng 1949: 295–296, 307). Представителей клира нередко назначали на высокие должности (Е Лунли 1979: 150). Простые люди стремились, чтобы в семье хотя бы один из детей стал монахом. Некоторые храмы сохранили свои владения даже после гибели империи Ляо (Wittfogel, Feng 1949: 198).

Ко второй половине XI в. киданьская империя прошла пору своего подъема и стала клониться к закату. Подобные кризисы были характерны для всех династий традиционного Китая (Коротаев и др. 2007), а в более широком контексте — для всех доиндустриальных обществ (Нефедов 2007; 2008; Турчин 2007; и др.). К тому же длительный период относительно мирного существования государства без крупных военных кампаний привел к ослаблению боеспособности киданьских войск. В последней четверти XI в. Ляо уже не пыталось вести какие-либо завоевательные войны. Напротив, киданям все чаще приходилось отражать нападения соседей. Огромных усилий стоила им победа над кочевниками цзубу и диле, захватившими огромные табуны императорских лошадей (Wittfogel, Feng 1949: 539, 593–594). Ослепленные своим былым величием, киданьские правители не смогли вовремя заметить и предотвратить нависшую над империей опасность со стороны чжурчжэней.

3. Чжурчжэни и империя Цзинь

В конце XI — начале XII в. происходит консолидация чжурчжэньских племен и вожеств. У чжурчжэней давно зрело недовольство притеснением со стороны киданей. Особый протест вызывали поборы со стороны киданьских послов, приезжавших за знаменитыми серыми соколами *хайдуцинами*, которые обитали в далеких восточных приморских землях. «Чтобы получить соколов, нюйчжэням приходилось ездить в государство Пяти племен и воевать с ними. Трудности добычи соколов были для нюйчжэней невыносимы» (Е Лунли 1979: 176; Розов 1998: 96). Потребность в соколах особенно усилилась в правление последнего киданьского императора — Тяньцзо, известного своим разгульным образом жизни и пристрастием к охоте. Он описывается в источниках как довольно легкомысленный человек, любитель охоты и иных развлечений. «Когда государством стал править Тянь-цзо, он жаловал награды пристрастно, наказания налагал суровые, неумеренно предавался сладострастию и охоте» (Е Лунли 1979: 176).

К тому же известны случаи притеснения чжурчжэней со стороны правителя киданьской области Хуанлунфу, а также со стороны жителей пограничного киданьского округа Нинцзянчжоу (совр. Шитоучэнцзы, юго-восточнее г. Фуюй в пров. Цзилинь), где проходила торговля киданей с чжурчжэньскими племенами. Местные жители сильно занижали цены на чжурчжэньские товары и притесняли приехавших торговать чжурчжэней. На местном сленге это называлось «обмолот нюйчжэней» (т.е. чжурчжэней). Именно в этих обидах и притеснениях со стороны киданей видели средневековые авторы причину выступления чжурчжэней против Ляо (Е Лунли 1979: 176, 458–459).

В начале XII в., в годы правления чжурчжэньского вождя Ингэ последний активно проводил политику объединения чжурчжэньских племен в единый союз, или, скорее, конфедерацию. При этом с теми племенами, с которыми у него сложились добрососедские отношения, заключались дипломатические браки. Несогласных на добровольное вхождение присоединяли силой (Е Лунли 1979: 164).

В 1112 г. вождь чжурчжэньской конфедерации племен и вожеств Агуда чувствовал себя уже настолько независимо, что даже демонстративно отказался исполнять ритуальный танец перед киданьским императором во время праздника Первой рыбы на весеннем набо (ЛШ 27: 6а). Тяньцзо не почувствовал надвигающейся опасности. Даже после размолвки младшие братья Агуды, как и в прежние годы, сопровождали киданьского императора на охоте. «Они искусно подражали реву оленей и подзывали их, чтобы Тянь-цзо стрелял по ним. Случалось, что они кололи тигров и нападали на медведей. Тянь-цзо любил их, потому жаловал должности и титулы» (Е Лунли 1979: 174; ЛШ 27:6б; Тюрюмина и др. 1974: 229, 260).

Однако после этого события чжурчжэни начали усиленно готовиться к войне с Ляо. Агуда подчинил себе еще ряд племен, расширив территорию чжурчжэньской конфедерации. Непосредственным поводом к войне послужил конфликт за право контроля над приграничными племенами. Разбитый чжурчжэнями вождь племени хэшиле Асу укрылся в Ляо (Ларичев, Тюрюмина 1975: 230). Отказ от выдачи Асу чжурчжэням стал официальным предлогом для начала киданьско-чжурчжэньской войны. С осени 1114 г. чжурчжэни совершили несколько нападений на Ляо и разбили киданьские войска.

В начале 1115 г. Агуда провозгласил чжурчжэньскую Золотую империю и стал первым императором чжурчжэней. Затем в течение ряда лет киданям было нанесено несколько сокрушительных поражений, и к 1221 г. почти половина территории государства Ляо оказалась под контролем вчерашних вассалов. С занятием чжурчжэнями Средней столицы и бегством киданьского императора Тяньцзо в Западную столицу в начале 1122 г. начинается распад империи Ляо. Через несколько месяцев чжурчжэни выдавили его к западным границам империи, а в начале 1125 г. он попал в чжурчжэньский плен (Wittfogel, Feng 1949: 598). На этом завершилась история империи Ляо. Оставшиеся непримиримыми кидани ушли в Среднюю Азию, где под предводительством Елюя Даши создали государство кара-киданей.

Традиционная версия связывала название чжурчжэньской династии с декларацией Агуды, согласно которой, в отличие от предшествующей династии, Цзинь отождествляется с золотом и поэтому вечна. Другая, менее популярная, но также распространенная версия связывает название династии с рекой Аньчуху (совр. Ашихэ), где находилась прародина чжурчжэней. Этимология этого названия связана со словом «золото», которое звучит схоже в языках так называемой алтайской группы. Чжурчжэни поступили по аналогии с киданями, название династии которых отождествляется с рекой Ляохэ. Считается, что эта идея была предложена основателю чжурчжэньской империи его советником бохайцем Ян Пу. Наконец, есть еще одно мнение, согласно которому название было предложено Сунской династией в соответствии с китайской теорией пяти элементов мироздания (*у-син*). Китайцы тонко намекали, что Сун (огонь) должен оказаться сильнее Цзинь (металл). Чжурчжэни в тот момент не разбирались в тонкостях китайской философии и приняли данное предложение (Chan Hok-Lam 1991: 261–264).

Провозгласив себя в 1115 г. императором, Агуда решил легитимизировать свое правление и послал, по наущению своего советника Ян Пу, письмо кидань-

скому императору, в котором предлагал тому узаконить статус Агуды в качестве императора и выдать инсигнии (одежду, нефритовую печать), установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции (Franke 1975: 158–165). Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого ответа со стороны киданей. Однако вызывает интерес стремление легитимизировать свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

Агуда не дожил пары лет до окончательной победы. Он умер в 1123 г., а власть перешла к его младшему брату Уцимаю. В соответствии с китайской традицией он вошел в историю под храмовым именем Тай-цзун. Именно на его плечи легла ответственность за выстраивание внешней политики молодого государства.

Еще в период царствования Агуды был заключен союз против киданей с империей Сун. Однако сразу после разгрома киданей встал вопрос о дележе ляоского наследства. Чжурчжэни отдали сунцам только шесть округов около Яньцзина (Пекина) и обязали их присылать денежные выплаты. В 1123 г. был заключен равноправный договор с династией Сун, согласно которому сунцы должны были выплачивать 200 тыс. лян серебра и 30 тыс. кусков шелка.

В ходе войны 1125 г. за несколько месяцев чжурчжэни захватили большую часть Хэбэя и Шэньси. После завоевания Кайфэна в 1126 г. добыча была просто огромна. Завоеватели получили 54 млн кусков шелка, 15 млн кусков парчи, 3 млн слитков золота, 8 млн слитков серебра, что было эквивалентно 5 млрд связок монет. В сокровищнице буферного государства Ци в 1137 г. было захвачено 1,2 млн лянов золота, 1,6 млн лянов серебра, 900 тыс. ху зерна, 2,7 млн кусков шелка, 98,7 млн связок монет (Воробьев 1975: 270).

В 1142 г. был заключен мирный договор с Южной Сун (так называемый шаосинский договор), по которому река Хуайхэ стала официальной границей между двумя государствами, сунцы обязывались ежегодно выплачивать цзиньцам 250 тыс. связок монет и 250 тыс. лян серебра. Помимо этого сунцы обязывались не чинить препятствий беженцам, возвращающимся на территорию Цзинь, не принимать перебежчиков, отказаться от всех территориальных претензий. Стороны обязывались не размещать в приграничных землях военные гарнизоны, кроме пограничных и тыловых частей. Были также открыты приграничные рынки между Цзинь и Сун.

Оценивая сунские выплаты чжурчжэням, М.В. Воробьев высказал обоснованное мнение, согласно которому доля поступлений от сунской династии в цзиньский бюджет в целом была невелика — всего 1,4%. Однако, учитывая значимость получаемых товаров для престижной экономики традиционного общества, мы вправе предположить, что значительная часть расходов уходила на подарки. Подарки раздавались щедро, в соответствии со статусом индивида по случаю самых разных событий — праздников, брачных церемоний, рождения детей, траурных мероприятий, военных баталий и пр. К примеру, в 1142 г. один из родственников императора, являвшийся военачальником, получил за свои военные успехи 1000 рабов, 1000 лошадей, 1 млн овец, 40 слитков серебра и 2000 кусков тканей.

Этнонациональный состав империи Цзинь, согласно переписи 1183 г., выглядел следующим образом: чжурчжэни и тунгусы (10%), бохайцы (2%), кидани (1%), китайцы (85%). Население располагалось неравномерно. Наиболее густо заселенными были южные части страны около старых столиц китайских династий. Так, в районе Кайфэна (Южная столица) имелось 1,7 млн домохозяйств. Это почти четверть населения страны. Около Пекина (Средняя столица) находилось 226 тыс. хозяйств. Территория Маньчжурии была заселена гораздо меньше. Для примера, в Ляояне (Восточная столица) находилось 41 тыс. домохозяйств, а в районе Хуэйнина (Верхняя столица, совр. городище Байчэн) располагалась всего 31 тыс. хозяйств (Franke 1994: 279).

Основу экономики страны составляло сельское хозяйство. Чжурчжэни имели комплексное хозяйство: помимо земледелия они занимались животноводством, рыболовством и охотой (Болдин 1986). По мере завоеваний в состав империи вошли территории с развитым сельским хозяйством и городской жизнью. Есть некоторые данные, которые позволяют оценивать финансовую систему. Общая сумма государственных доходов Цзинь в конце XII в. составляла 78 млн связок монет при 6,939 млн дворов и численности населения 45,4 млн человек. Для сравнения, в Южной Сун числилось 12,9 млн дворов и 27,6 млн человек, а общий годовой доход составлял 120 млн связок монет. В среднем годовой доход на одного человека в Сун был выше, чем в Цзинь, почти в два с половиной раза (Воробьев 1975: 286).

В первые годы существования империи Цзинь чжурчжэни использовали для управления систему традиционных вождей *боцзиле* (чж. *богиле*), а также институты *мэньань* и *моукэ*. Чжурчжэньский термин *моукэ*, возможно, восходит к маньчжурскому *мукун* «клан, семейство, деревня», а термин *мэньань* (ср. монг. *мянган* — тысяча; маньчж. *минган*), по всей видимости, обозначал «тысяча» (Franke 1994: 273–274). При этом были сохранены ляоское административно-территориальное деление и дуальная система управления. Уже в 1119 г. было создано большое, а в 1138 г. малое чжурчжэньское письмо.

С течением времени система органов управления государства сформировалась в следующем виде: во главе находился подчиненный императору Верховный военный совет, ему подчинялись система *боцзиле* для управления чжурчжэнями и Государственный совет и шесть министерств для управления китайцами. Земли чжурчжэней делились на генерал-губернаторства, которые состояли из *мэньань* и *моукэ*. Территории, заселенные китайцами, делились на губернии, области, округа и уезды. При этом часть *мэньаней* и *моукэ* чжурчжэней для усиления контроля была расселена среди китайцев. Для поддержания военной координации сохранялся Тайный совет (Воробьев 1975: 151–153).

К окончанию войны против киданей была восстановлена экзаменационная система. Первоначально она не затрагивала чжурчжэней. Только с 1156 г. (несколькими годами позже создания чжурчжэньского университета) были организованы экзамены для представителей титульной нации империи. При этом в разные годы система сдачи экзаменов варьировалась (Воробьев 1975: 174). Обобщенные результаты данного канала рекрутирования высшей политической элиты

приведены в табл. 1.2. В 1132–1134 гг. была ликвидирована система боцзиле, а вместо нее с 1137 г. была введена ранговая система. Она состояла из 9 рангов, каждый из которых делился на два: полный и неполный (Воробьев 1975: 170).

Таблица 1.2

Экзаменационная система в Цзинь

Годы	Всего экзаменов	Всего цзиньши	В среднем за экзамен	В среднем за год
1123–1136	10	883+	88,3	59
1138–1149	6	1 600	266,6	133,3
1150–1166	6	390	65	23
1167–1187	7	3 500	500	166,6
1188–1199	4	2 711	677,7	225
1200–1233	12	7 400	633,3	217,6
ВСЕГО	45	16 484	366,3	148,5

Источник: Tao Jing-shen 1974: 28.

В наиболее законченном виде структура аппарата управления империей сформировалась ко второй половине XII в. Она выглядела следующим образом (Воробьев 1975: 159–164). Высшей инстанцией являлся император. При императоре существовало несколько совещательных органов — институт трех князей (*сань гун*) и трех наставников (*сань ши*), «коллегия мудрейших» (*цзисянь юань*) и «коллегия увещаваний» (*цзянь юань*). В первую из коллегий входили советники, которые давали советы по вопросам морали и соответствия политической практики конфуцианской традиции. В задачи второй входило предостережение императора и высших должностных лиц от неправильных поступков. При императоре существовал широкий круг различных ведомств, в который входили цензорат, государственная канцелярия, государственный секретариат, верховный суд, военно-карательное ведомство *дуюаньшифу*, которое впоследствии было преобразовано в Верховный военный совет (Тайный совет) (ЦШ 55).

Государственному совету подчинялись шесть министерств (*бу*) — чинов, финансов, церемоний, юстиции, общественных работ и военных дел. Министерство чинов фактически отвечало за подбор кадров чиновников, начиная от проведения экзаменов вплоть до вопросов ротации, обеспечения жалованьем и награждения. Министерство финансов обеспечивало учет податного населения, собирало налоги и следило за их сохранностью. Министерство церемоний организовывало обряды, праздники, жертвоприношения. Министерство юстиции следило за судопроизводством и соблюдением законов. Министерство общественных работ занималось строительством дорог, мостов, плотин, фортификационных сооружений, ремонтом дворцов и т.д. Министерство военных дел осуществляло контроль над арсеналами, государственными табунами, почтовыми станциями, обеспечивало набор рекрутов.

Существовало специальное ведомство военной стражи, которое занималось охраной городов.

Помимо этого государственному совету подчинялись коллегия государственной истории (*гоши юань*), которой был поручен сбор материалов для составления истории цзиньской династии, академия Ханьлинь, занимавшаяся распространением чжурчжэньской письменности и переводами китайских книг (последняя функция была возложена на специальную коллегия *хунвэнь гуань*), а также государственный архив, обсерватория, служба календарей, библиотека, университет. Ряд ведомств были созданы для обеспечения императорского двора. Среди них были коллегия императорских приемов (*сюаньхуй юань*), сокровищница (*тайфу цзянь*), а также ряд других специальных подразделений.

Высшие органы власти состояли преимущественно из чжурчжэней. Практически все ключевые должности занимались представителями титульного этноса. В различных министерствах численность представителей различных этнических групп сильно варьировала. Так, представители императорского клана Ваньянь присутствовали во всех министерствах, но более всего (38%) их было в военном министерстве. Всего в этом министерстве 69% должностей занимали чжурчжэни. Кроме них было 17% китайцев и 14% киданей. Напротив, в министерстве финансов было 78% китайцев. Очень много китайцев (до половины и более) было в министерствах чинов и церемоний. В министерствах юстиции и общественных работ их было меньше половины. Численность бохайцев и киданей была в целом в министерствах относительно невелика, что объясняется их общей немногочисленностью (Воробьев 1975: 172, табл. 10).

Чжурчжэни имели многочисленную, хорошо обученную и вооруженную армию. По данным источников, в 1161 г. воинские подразделения Цзинь могли выставить 1–1,2 млн человек. Сюда входили 25 тыс. регулярных войск из числа чжурчжэней, расположенных в основном в столицах, порядка 40 тыс. человек резервной армии в Шаньдуне, до 400 тыс. мобилизованных в разных губерниях и около 700 тыс. из числа китайцев, бохайцев и киданей (Воробьев 1975: 195).

Основной задачей военных поселений мэнъянь и моукэ на завоеванных территориях было занятие сельским хозяйством в мирное время и участие в военных походах в годы войны. Однако на практике чжурчжэни не только принимали участие в военных походах, но и привлекались к военным тренировкам, а также к другим обязанностям. Часть из них в мирное время вела праздный образ жизни, пьянствовала. Вследствие этих и других причин конкурентоспособность мэнъянь и моукэ уступала китайским хозяйствам. Многие домохозяйства чжурчжэней разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам.

Государство разными способами пыталось бороться с этой проблемой: раздавало беднякам зерно, запрещало пьянство, выкупало должников, организовывало регулярные военные тренировки. Тем не менее с течением времени этнический фундамент системы военных поселений стал разрушаться. К середине XII в. уже существовали разные по своему этническому составу группы мэнъянь и моукэ. Помимо мэнъянь и моукэ, состоящих из чжурчжэней (часть из них находилась под управлением представителей высшей элиты и императорского клана),

были образованы военные поселения, сформированные не из чжурчжэней, а из киданей и китайцев (Franke 1994: 274–275).

Согласно переписи 1183 г., система военных поселений составляла 615 624 домохозяйства, к которым было приписано 6 158 636 человек. Из них 4 812 669 человек были отнесены к простолюдинам, остальные — к рабам и другим неполноправным категориям населения. В совокупности они составляли 202 мэнъяня и 1878 моукэ (Воробьев 1975: 141–142, табл. 6; Franke 1994: 276). Эти сведения дают важную информацию о численности мэнъянь и моукэ. Получается, что мэнъянь состоял в среднем из 9 моукэ. Одно моукэ состояло из 328 домохозяйств. Численность домохозяйства была около 10 человек. В среднем на домохозяйство приходилось два лица рабского или подобного статуса. Среднестатистическая численность одного моукэ была более 3000 человек, а одного мэнъяня — 30 000 человек. В совокупности количество приписанных к мэнъянь и моукэ людей составляло чуть больше десятой части численности населения империи Цзинь.

4. Монгольская империя

Предки монголов отуз-татары (кит. *шивэйцы*) обитали на территории Восточной Монголии и Забайкалья (Ковычев 2012). Среди названий шивэйских племен упоминаются такие этнонимы, как *татань (дадань)*, *мэнью (мэнгу)* и др. (Материалы 1984: 135–141). После крушения Уйгурского каганата в середине IX в. монгольские номады постепенно заселили большую часть монгольских степей. На рубеже I–II тысячелетий в китайских летописях они выступают под обобщенным этнонимом *цзубу*. Существует красивая легенда о прародине, согласно которой когда-то давно предки монголов бежали в недоступную местность Эргунекун («Крутой хребет», возможно, производно от Аргунь). Постепенно их численность там увеличилась, они стали мастерами кузнечного дела. Собрав много дров и принеся жертвы, они расплавили гору и смогли выйти в степи (Рашид-ад-дин 1952. Т. 1, кн. 1: 154).

На рубеже XII–XIII вв. в монгольских степях обитали самые различные монгольские вождества и племена. В восточной части территории современной Монголии, в долинах Онона и Керулена кочевали племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, кунгираты и другие группы. К востоку от них, в Забайкалье и Внутренней Монголии обитали татары. В Центральной Монголии, в предгорьях Хангая и в долинах Орхона и Толы проживали кереиты. Их вождество во главе с ханом Тоорилом (Ван-ханом) было одним из наиболее могущественных объединений кочевников в указанный период. В Северной Монголии, по берегам Селенги жили меркиты. Западную часть Монголии занимали найманы. Многие исследователи относят их не к монголоязычным, а к тюркоязычным кочевникам (Togan 1998; Крадин, Скрынникова 2006; Нанзатов 2008; и др.).

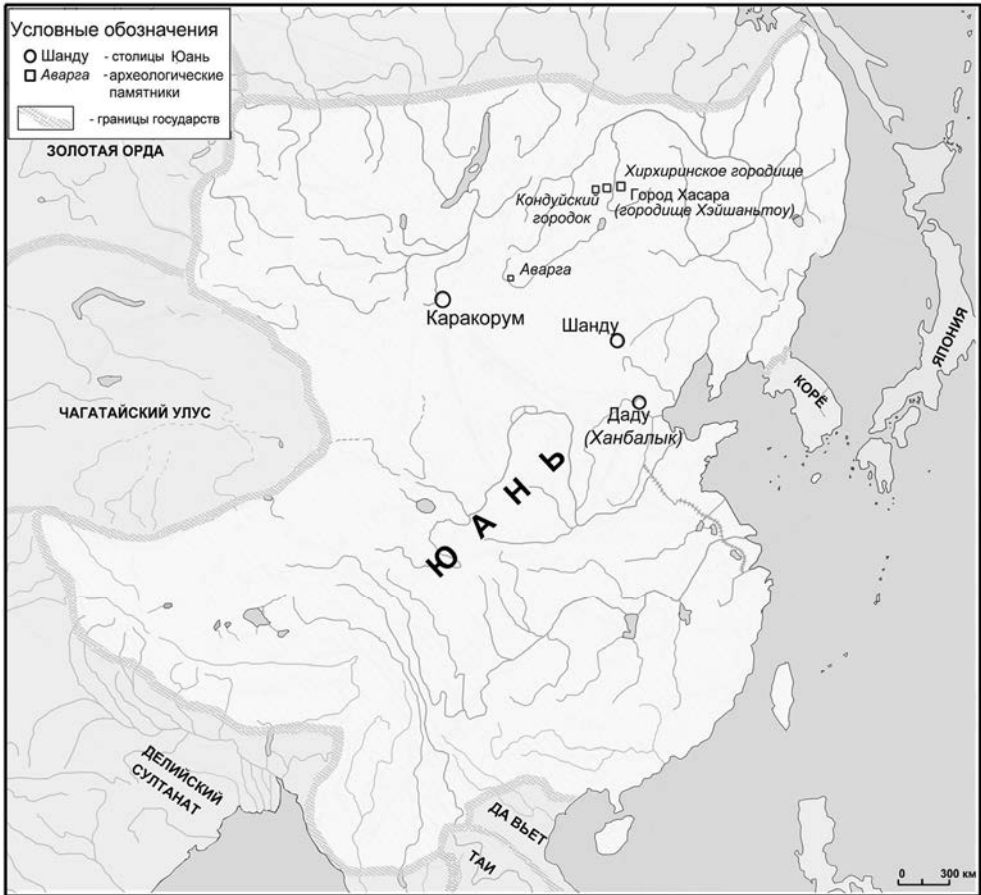
Племена кочевников постоянно нападали друг на друга с целью угона скота, захвата в плен женщин и детей. Анонимный монгольский летописец так красочно охарактеризовал темные времена монгольского средневековья: «Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла» (Козин 1941: 185, § 254).

Именно в таких условиях родился будущий основатель Монгольской империи Чингис-хан. Его отцом был один из потомков Хабул-хана (лидера монгольской конфедерации XII в.) по младшей линии — Есугай-баатур. Детство Темучжина (будущего Чингис-хана) прошло в лишениях и скитаниях. После смерти отца родственники покинули семью умершего вождя, и она осталась почти без средств к существованию. Именно в этих условиях выковывался характер основателя одной из крупнейших империй мира. Его путь к власти и объединению кочевников монгольских степей продолжался около четверти века. В 1206 г. на берегах р. Онон состоялся курултай, на котором он был провозглашен правителем Монгольской державы (*Ёке Монгол Улс*).

Чингис-хан попытался разрушить традиционную племенную систему и создать принципиально новую структуру, основанную на фундаменте личной преданности. В результате была введена десятичная система (деление войска на подразделения численностью в десять, сто, одну тысячу (*myangan*) и десять тысяч (*tumen*) воинов (Плано Карпини 1957: 49; Рашид-ад-дин 1952б: 264)). Они являлись как военными, так и административными подразделениями имперской конфедерации. Старую родовую структуру сохранили племена давних сподвижников Чингис-хана, а также те вождества, которые добровольно вошли в состав имперской конфедерации. Остальные были перетасованы и включены в новые «тысячи». Правым крылом руководил Боорчу, под командованием которого находилось 38 000 воинов. Левое крыло находилось под руководством Мухали, вместе с центром оно составляло 62 000 человек (Рашид-ад-дин 1952б: 266–278).

Судя по «Тайной истории», численность войска Чингис-хана в 1206 г. составляла не менее ста тысяч всадников. В § 202 перечисляются 95 тысячников, которым он доверил свои воинские подразделения. Кроме того, в источнике сказано, что здесь не учтены так называемые лесные народы. С учетом тысячи личных телохранителей, называемой *гол*, а также 40 тысяч, которые были розданы ближайшим родственникам, общее количество воинских подразделений составляло уже 141 тыс. всадников (Рашид-ад-дин 1952б: 266–278).

Чингис-ханом также была создана дружина (*кешик*) в 10 000 воинов. Дружинникам были поручены охрана ханских покоев, имущества и ставки, руководство дворовой челядью, обеспечение ханского стола продовольствием, участие в ханских облавных охотах и т.д. Дружина являлась своеобразной кузницей кадров для будущей имперской администрации. В известной степени дружинников можно рассматривать как эмбрион офицерского корпуса армии и аппарата управления (Козин 1941: 168–171, § 224–229).

Родственники оказались обделенными. Матери на пару с младшим родным братом Чингис-хан выделил 10 000 юрт, брату Хасару — 4000, сыновьям Джучи — 9000, Чагатаю — 8000, Угедю и Толую — по 5000. При этом к ним были приставлены специальные наместники, которые должны были докладывать о каждом их шаге Чингис-хану (Козин 1941: 176, § 242, 243). Причина этого коренится в уже упомянутых событиях далекого детства, когда он столкнулся с изменой родственников, бросивших его семью после смерти отца. Помня об этом, Чингис-хан неизменно старался опираться не на родственников, а на своих верных нукеров (Barfield 1992: 195).

Судебные дела были поручены Шиги-Хутуху. Чингис-хан также провозгласил новые правила поведения, которые обычно называют Ясой. Однако среди современных исследователей нет единства относительно того, что представляла собой Яса (Ayalon 1971; Rachewiltz 1993). Ее подлинник не известен. Имеются только различные пересказы и упоминания восточных авторов Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи, Ибн-Батуты. По всей видимости, Яса не была писаным сводом

законов подобно раннесредневековым варварским «правдам» (Вестготской, Салической, Русской и др.). Она представляла собой свод различных установлений, правил и табу, введенных в правление Чингис-хана и несколько дополненных в правление Угедэя. Данный текст был недоступен для общего пользования. Согласно Джувейни, «эти свитки называются Великой Книгой Ясы и лежат в казне старших принцев. Когда хан садится на трон, или будет собирать великое войско, или соберутся принцы и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и в соответствии с ними осуществляют все решения; и к построению войска или разрушению стран и городов как там предписано» (Juvaini 1997: 25).

В 1210 г. чжурчжэньские посланники потребовали от Чингис-хана уплаты дани. Теоретически монголы все еще оставались вассалами империи Цзинь. Однако реальное соотношение сил между Севером и Югом сильно изменилось, и этот эпизод был использован как повод к войне. На следующий год монголы вторглись в границы Цзинь сразу двумя армиями. С этого времени началась эпоха великих монгольских завоеваний. У чжурчжэней была миллионная армия, соотношение сил было не в пользу кочевников. Однако чжурчжэньская армия была рассредоточена по отдельным гарнизонам, а монголы могли использовать эффект концентрации сил на главном направлении удара. Они перешли за стену и взяли Западную столицу. Первые же победы привели к увеличению численности монгольского войска за счет перебежчиков.

Монголы использовали тактику тотальной войны, масштабное запугивание противника с целью подавления его боевого духа и деморализации. Если города не сдавались им по первому требованию, они не брали никого в плен, кроме искусных ремесленников (Мэн-да бэй-лу 1975: 67). Для осадных работ использовалось местное население (*хашар* — букв. «толпа»), которое заставляли приводить в действие гигантские механизмы, собирать камни, заготавливать лес, строить осадные сооружения (Рашид-ад-дин 1952б: 207; Мэн-да бэй-лу 1975: 67).

В начале военных действий против чжурчжэней у монголов не хватало опыта и специальных средств при осаде городов. С течением времени они стали использовать на военной службе чжурчжэньских, китайских, а также мусульманских инженеров и ремесленников, что быстро дало ощутимые результаты. Скоро они освоили самые передовые военные технологии — строили осадные башни, использовали различные метательные орудия, проводили крупномасштабную артподготовку перед штурмом, возводили плотины для затопления вражеского города, рыли подкопы под вражеские стены и т.д. (Плано Карпини 1957: 53–54).

Одерживая победы, монголы включали в состав своих армий завоеванные народы. В результате, чем больше они завоевывали, тем мощнее становились их вооруженные силы. Первые кампании принесли огромную добычу. Чжурчжэньский император заплатил большую контрибуцию в 10 тыс. лян серебра и 10 тыс. слитков золота. После этого Чингис-хан обратил свой взор на запад, на владения хорезмшаха. В сентябре 1219 г. 150 тыс. монгольских всадников подошли к Отрару. Крепость была взята через пять месяцев. Со временем пали и другие го-

рода Средней Азии — Бухара (1219), Самарканд (1220), Ургенч (1221). В 1226–1227 гг. было повержено тангутское государство Си Ся.

В 1227 г., во время осады столицы тангутского государства Чингис-хан умер. Выбор преемника был сделан им еще при жизни. Им оказался его третий сын — Угедэй. Он отличался спокойным нравом, был щедрым и любил развлечения. Однако самое главное достоинство нового хагана оказалось в способности не мешать ходу развития естественных процессов. Он пил вино, охотился и развлекался со своими многочисленными женами, а в это время монгольские воины брали новые города, присоединяли новые страны. При нем империя раскинулась от Волги до Амура.

Общая хронология наиболее важных военных походов монголов выглядит следующим образом. С отдельными перерывами продолжалось завоевание Северного Китая. В 1234 г. пала чжурчжэньская династия Цзинь. Последний оплот империи — город Цайчжоу был взят. Чжурчжэньский император повесился и приказал сжечь свое тело, чтобы оно не досталось врагам. В 1231–1232 гг. был совершен поход на Корейский полуостров, подчинена и обложена данью династия Корё. В 1230–1240-х годах было совершено несколько успешных походов на территорию Ирана. С 1234 г. возобновилась война в Китае, на этот раз против династии Сун. Уже через три года сунцы согласились платить ежегодно 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелка. Мунке, ставший хаганом в 1251 г., возобновил военные действия, однако только при Хубилае в 1279 г. весь Китай был завоеван (подробнее о походах см.: Тихвинский 1977; Allsen 2002).

В 1235 г. состоялся курултай, определивший судьбы многих народов Старого Света. Было принято решение продолжить завоевания в Европе и Азии. В 1236 г. была завоевана Волжская Булгария. Зимой следующего года монгольское войско вторглось на территорию Руси. Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов Великий последовательно пали в ходе нашествия Батыевой рати. Потери монголов были немалыми, и они несколько лет собирали силы для нового похода. В 1239 г. был захвачен Чернигов, а осенью 1240 г. осажден и взят штурмом Киев. В январе 1241 г. монголы вторглись в Польшу и Венгрию. Этот поход привел в ужас население европейских стран, их спасла только смерть монгольского хагана Угедэя.

В период правления Угедэя начинает складываться бюрократический аппарат огромной империи. Надо сказать, что для кочевников институт казны и государственной финансовой системы воспринимался как непонятный, чужеродный для правителей кочевой империи. Они не стремились накапливать богатства в своих кладовых, чтобы использовать их как дополнительный властный ресурс. Напротив, щедрость — это то качество, которое кочевники ожидали от своих степных вождей. Не случайно ханы стремились раздавать все свои богатства, чтобы привлечь на свою сторону племена номадов (Рашид-ад-дин 1960: 19, 35, 41, 49, 53, 55, 58, 59, 62, 63; Juvaini 1997: 188–189, 198, 202, 204). По этой причине Чингисиды периодически сталкивались с тем, что ханская казна оказывалась пустой. Именно поэтому, когда после возвращения из похода в Среднюю Азию выяснилось, что на складах нет ни зерна, ни шелка, сторонники провоенной партии предложили Угедэю уничтожить все население Северного Китая, а земледельче-

ские поля превратить в пастбища. Только благодаря заступничеству Елюя Чуцай удалось предотвратить этот широкомасштабный геноцид. Однако разногласия между двумя придворными партиями остались. Сторонники той группировки, которую возглавлял Елюй Чуцай, придерживались мнения, что налоги являются наиболее действенным средством получения доходов с завоеванных территорий.

Елюю Чуцаю удалось аргументированно доказать монгольскому хагану, что гораздо выгоднее заставить завоеванное население платить налоги. Именно тогда Елюй Чуцай произнес свои знаменитые слова: «Хотя [Вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» (цит. по: Мункуев 1965: 44–45, 73, 106, 190). Увидев, какие это может дать результаты, Угедэй назначил Елюя Чуцай председателем государственного секретариата (кит. *чжун-шу шэн*). Фактически киданин стал верховным канцлером имперского правительства. Здесь вырабатывались наиболее важные решения и готовились указы для распространения их на местах, выдавались пайцзы, печати и другие атрибуты имперской власти. Однако вплоть до воцарения Хубилая этот орган не имел четкой организационной структуры.

Вначале Елюю Чуцаю удалось наладить устойчивую налоговую систему. Помимо стандартных поземельных налогов были введены различные повинности и дополнительные поборы. Большим бременем стала обязанность снабжать пищей монгольских гонцов и должностных лиц, перемещающихся по территории страны. В немалой степени успехи были обусловлены тем, что Чуцай стал активно формировать государственный аппарат из числа бывших конфуцианских бюрократов. Он аргументировал это тем, что они обладали большими знаниями и административным опытом. Для оптимизации налогообложения в 1233 и 1234 гг. на территории Северного Китая были проведены переписи.

Когда Елюй Чуцай предлагал ввести налоги, он думал не только о наполнении ханской казны, но и о восстановлении экономики страны. К концу жизни Угедэя влияние набожного конфуцианца упало. Зимой 1239/40 г. мусульманский купец Абдр-ар-Рахман предложил отдать ему налоги на откуп, пообещав удвоить поступления в казну. Несмотря на яростное противодействие Чуцай, Угедэй и его окружение согласились. В 1236 г. под давлением кочевой аристократии Угедэй роздал значительную часть завоеванной территории Северного Китая во владения. Елюй Чуцай также не смог воспрепятствовать этому. Ему удалось добиться лишь того, чтобы приставить для надзора к каждому из монгольских вождей специальных контролеров [Юань ши 2: 35].

По приказу Угедэя в завоеванные страны были направлены должностные лица (*баскаки*) и сопровождавшие их писцы (*битикчи*). Слово *баскак* тюркского происхождения (тюрк. *бас* — давить). Это калька монгольского термина *даргучи* (монг. *дару* — давить). Дословно оба слова обозначают человека, который ставит печать от имени хагана. Судя по всему, в функции *даргучи* входил достаточно широкий круг административных, военных и судебных полномочий.

Для укрепления инфраструктуры империи в 1235 г. была создана ямская служба. Примерно через каждые 40 км располагались почтовые станции (в разных регионах это расстояние могло варьироваться). От каждой тысячи должны

были быть выделены смотрители почтовых станций (*ямов*). Они обеспечивали гонцов и других должностных лиц свежими лошадьми, пищей и кровом. Это давало возможность гонцам, быстро меняя лошадей, преодолевать в день по 350–400 км (Марко Поло 1956: 121–122; Juvaini 1997: 33).

Наивысшего могущества Монгольская империя достигла в годы правления Мунке (1251–1259) — сына Толуя, младшего из сыновей Чингис-хана. В 1252 г. при Мунке была проведена перепись всех завоеванных владений. На территории бывших китайских царств перепись дворов была поручена Махмуду Ялавачу. В Среднюю Азию с аналогичными функциями вернулся Аргун. На Русь был послан Бицик-Берке (т.е. *битикчи* — писец Берке). Правда, ему удалось провести перепись только зимой 1257/58 г. После смерти Мунке можно говорить о фактическом разделении империи Чингис-хана на отдельные части.

Территория Дешт-и-Кыпчака и Хорезм еще раньше были отданы во владение старшему сыну Чингис-хана — Джучи. При его потомках Сартаке и Бату возникло самое могущественное государство в Восточной Европе — Золотая Орда. Границы Орды простирались по степям от Волги и Дуная до Оби с запада на восток и включали на юге оазисы Отрара и Ургенча (Греков, Якубовский 1950; Хакимов, Фаверо 2017; и др.). Улус третьего сына Чингис-хана — Чагатай включал Восточный Туркестан и Мавераннахр. Столицей стал г. Алмалык в долине р. Или. В период правления Хайду (1269–1301) — внука Угедэя — улус стал фактически независимым. Трудность управления улусом Чагатаидов состояла в том, что его западную часть составляло персидско-мусульманское население, тогда как на востоке проживали уйгуры, исповедовавшие буддизм и несторианство. Другая ось противостояния — противоречия между кочевым и оседло-земледельческим населением (Biran 1997). В 1340-х годах ханство распалось на оседло-земледельческий Мавераннахр и степной Могулистан, где продолжали править Чингисиды.

Несколько иначе разворачивалось завоевание монголами Ирана. Становление государства Хулагуидов связано с решением курултая 1251 г. выделить в качестве улуса хану Хулагу «западные земли иранской земли, Сирию, Миср (Египет), Рум (Малую Азию) и Армению». Походы монгольского войска привели эти некогда цветущие страны в состояние запустения. В 1258 г. был разрушен Багдад. Монголы были остановлены только мамлюками, одержавшими победу в знаменитой битве при Айн-Джалуте (3 сентября 1260 г.). Правители нового монгольского государства стали называться *ильханами* (тюрк. «хан страны»). Столицей нового государства был избран Тебриз. В период расцвета держава ильханов занимала Иран, значительную часть Афганистана и Ирака. При этом только часть года правители проводили в столице. Остальное время они кочевали со своей ставкой по степи. В Иране и Средней Азии имелись хорошие пустыни и пастбища, соседствовавшие с сельскими и городскими оазисами. Это позволяло сохранять привычный для степняков кочевой образ жизни. Основное население составляли иранцы — жители земледельческих оазисов и городов. Государство просуществовало до 1335 г. (Boyle 1968; Morgan 1988; Melville 1999; Lane 2003; etc.).

В Китае монголы вписались в классическую схему смены династий вследствие утраты предыдущим императором Мандата Неба. В результате Монгольский улус переродился в династию Юань. После прихода к власти Хубилая спектр ханской политики был перенесен на юг, а в 1279 г. весь Китай был завоеван монголами. Официально все население страны разделили на четыре категории. Высшую составили монголы, имевшие наибольшее число прав и привилегий. Несколько ниже располагались так называемые «цветноглазые» выходцы из Западной и Средней Азии (*сэмужэнь*). Они использовались монголами в управлении, поскольку не были связаны с местным китайским населением и не были включены в клановую иерархию завоевателей-монголов. Еще ниже располагались выходцы из Северного Китая — ханьцы, чжурчжэни, кидани, бохайцы (*ханьжэнь*). Низшее место в иерархии отводилось населению империи Сун (*наньжэнь*).

Особенности социально-политического устройства династии Юань подробно описаны в специальной литературе (Dardess 1973; Langlois 1981; Endicott-West 1989; Farquar 1990; Franke 1994; etc.). При этом нужно отметить, что конфуцианская система экзаменов чиновников была возрождена только в 1314 г. Для китайцев были введены три ступени экзаменов, тогда как для монголов и *сэму* только две, да и то по облегченной программе. Впрочем, главным источником для рекрутирования в центральный аппарат являлись гвардейские подразделения юаньского хана-императора (Hsiao Ch'i-ch'ing 1978). Личные пристрастия, коррупция и клановый протекционизм брали верх над здравым смыслом и компетентностью (Далай 1983: 126–127).

С течением времени монгольские гарнизоны, расквартированные в городах, теряли свои боевые качества. Это было обусловлено многими причинами, такими как ослабление общей идентичности кочевнического сообщества, аккультурация элиты кочевников к ценностям завоеванного общества, постоянные лишения, которые несли простые скотоводы, участвуя в непрерывных войнах и гарнизонной службе, неблагоприятные климатические условия конца XIII — начала XIV в. Это разоряло кочевников, вынуждало их продавать в рабство жен и детей. Поскольку ханская власть не была заинтересована в ухудшении положения простых скотоводов, являвшихся основой войска, предпринимались меры по их поддержанию. Государство выкупало проданных в рабство детей и жен кочевников, раздавало скот, ткани, деньги, обеспечивало хлебом. Многие воины обзаводились китайскими женами, перенимали китайские обычаи. Билингвизм стал обычной практикой в смешанных семьях. Это дает основание говорить о частичных аккультурационных процессах в государстве Юань. Однако если кидани и чжурчжэни (особенно последние) твердо шли по пути китаизации, то монголы для местного населения оставались бóльшими «варварами», чем их предшественники. Императорская семья заимствовала китайский церемониал, но этническое противостояние между завоевателями, другими народами и китайцами сохранилось. В общей сложности за сто с лишним лет политического господства они не растворились среди местного населения. К середине XIV в. антимонгольские движения принимают характер организованного сопротивления, а в 1368 г. монголы изгоняются обратно в степь.

Заключение

Подводя краткие итоги рассмотрения истории четырех крупных государств Дальнего Востока, нельзя не отметить, что они вписываются в единую динамику исторического процесса. Каждое из них завоевывает предыдущее государство и затем погибает под натиском следующего агрессора. Условно подобная закономерность была охарактеризована как «принцип домино». Она может рассматриваться как частный случай теории «окраинного преимущества» Р. Коллинза, суть которой заключается в том, что государства, находящиеся на краю Хартленда, имеют серьезные геополитические преимущества. Им не нужно вести войну на много фронтов, и это дает им важный козырь в борьбе за господство. Однако по мере роста могущества периферийные общества становятся центральными и теряют свои важные окраинные преимущества (Коллинз 2001). Коллинз, в частности, приводит пример России, которая находилась на окраине европейского мира в эпоху Нового времени, и это дало ей определенную фору в борьбе за мировое господство. Однако после того как Советский Союз стал мировой державой, он оказался между Европой на западе и США и Китаем на востоке. Необходимость противостояния по всем фронтам подорвала могущество СССР, и он распался (Коллинз 1998).

С подобной точки зрения можно рассматривать возникновение и рост всех исследуемых в этой главе империй — Бохая, Ляо, Цзинь и Юань. Все они находились на периферии уже сложившихся центров и имели преимущество для старта «из-за спины» соседнего гегемона. Вместе с тем необходимо иметь в виду достаточно широкий спектр различных теоретических периодизаций истории дальневосточных империй, каждая из которых имеет право на существование. Первая из подобных интерпретаций — теория К. Виттфогеля. Сравнивая аграрные земледельческие и скотоводческие общества, он отмечал, что при кочевом образе жизни гораздо меньше условий для установления деспотизма. Текучесть степной экономики поддерживала диффузию и сепаратизм. Сильная власть устанавливалась только после подчинения или завоевания орошаемых земель, но и в таком случае военные неудачи или природные бедствия быстро могли ослабить пасторальный деспотизм предводителя номадов (Wittfogel 1957: 204–207). По его мнению, можно выделить три модели такого взаимодействия: (1) при кочевых династиях Ляо (907–1125) и Юань (1206–1368) масштабы культурного взаимопроникновения между номадами и земледельцами были ограничены. Такую модель можно назвать как «сопротивляющуюся культурным изменениям» (*culturally resistant*); (2) напротив, при земледельческой чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234) возникла ситуация, благоприятная для культурного симбиоза. Виттфогель определил ее как «поддающуюся культурным влияниям» (*culturally yielding*); (3) маньчжурская династия Цин (1644–1911) представляла некую промежуточную (*transitional*) форму (Wittfogel, Feng 1949: 24–25).

К сожалению, в этой фундаментальной книге была проигнорирована роль собственно кочевых империй (хунну, тюрки, уйгуры). Виттфогель не включил в свою классификацию империи номадов, которые эксплуатировали Китай на

расстоянии. Впоследствии этот недостаток был исправлен в концепции японского историка Тамуры Дзицудзо (Tamura 1974). В отличие от Виттфогеля, Тамура включил в свою схему не только «завоевательные» династии, но и более ранние политии кочевников. Он выделил два больших цикла в истории Северной Евразии: (1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. — IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; (2) цикл средневековых завоевательных династий, происходивших из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зоны (X — начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго — завоевывали земледельческий Юг и создавали симбиотические государственные структуры с дуальной системой управления, оригинальными формами культуры и идеологии.

Л. Квантен предложил несколько иной принцип разграничения между древними и более поздними кочевниками. Империи раннего периода (хунну, сяньби, жужани) представляли, по его мнению, конфедерации племен, основанные на военном успехе и харизме предводителя. Империи переходного периода (тюрки и уйгуры) установили контроль над Шелковым путем, а кидани научились управлять смешанными оседло-кочевыми структурами. Поздний период приходится на время господства монголов. Создание империи Чингис-хана было обусловлено сочетанием разнообразных факторов. Падение юаньской династии означало конец степного фактора мировой истории (Kwanten 1979).

Возможно, одна из самых привлекательных концепций периодизации степей Внутренней Азии принадлежит перу Т. Барфилда (Barfield 1992). По его мнению, можно установить синхронность процессов роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае. Империи кочевников являлись зеркальными двойниками китайских династий. Барфилд полагает, что такие империи можно называть *теневыми* (2008), поскольку они возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с современной точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает именно «теневого» характер экономики подобных паразитических структур). Кочевники не стремились к непосредственному завоеванию южного соседа, они предпочитали дистанционную эксплуатацию. Развал централизованной власти в Китае приводил к кризису степи и освобождал народы Маньчжурии от давления как со стороны кочевников, так и со стороны китайцев. Освобожденные от внешнего прессинга, эти народы создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге. Такая циклическая структура политических связей между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока, по мнению Т. Барфилда, повторялась трижды в течение двух тысяч лет: от хунну до жужаней, от тюрков до гибели Юань и от Мин до Синьхайской революции, которая прервала эту круговую эволюцию (Барфилд 2002; 2008; 2009).

Данная точка зрения критиковалась некоторыми исследователями за ряд фактических неточностей (Wright 1995; Васютин 2011; Тишин 2015). Действительно, только хуннско-ханьский цикл примерно совпадал, тогда как в дальнейшем динамика взлетов–упадков китайских династий и степных империй шла в асин-

хронном ритме. В немалой степени это связано с тем, что Т. Барфилд, к сожалению, не учел такой важный внутренний фактор, как динамика численности элиты степной конфедерации (Крадин 2015).

Еще одна точка зрения на периодизацию истории степных империй Внутренней Азии была высказана Н. Ди Космо. На основании способа получения доходов от внешнего мира он выделил четыре этапа в истории региона: 1) период даннических империй — от хунну до жужаней (209 г. до н.э. — 551 г. н.э.); 2) период торгово-даннических империй тюрков, хазар и уйгуров (551–907), когда номады научились получать доходы от внешнего обмена; 3) период дуально-административных империй (907–1259), когда номады научились завоевывать земледельческие цивилизации (кидани, чжурчжэни, монголы до Хубилая); 4) период зрелых империй (1260–1796), которые наряду с прочими способами эксплуатации использовали методы прямого налогообложения (монголы и их западноазиатские наследники, маньчжуры) (Di Cosmo 1999: 26–39; Ди Космо 2008).

Несомненно, подобной периодизации трудно отказать в логично обоснованных критериях. Однако далеко не со всем здесь можно согласиться. Во-первых, все ранние номады практиковали разные формы внешней эксплуатации, которые нельзя сводить только к данничеству. Во-вторых, дуальная система складывается еще на первом этапе в IV–V вв., в период так называемой эпохи «16 государств пяти варварских племен» (например, Тоба Вэй). В-третьих, вызывает сомнение включение в третий этап чжурчжэней, которые не были кочевниками. В-четвертых, в Ляо действительно существовала двойная система управления кочевниками и земледельцами (пусть в первом случае даже номинально). У монголов официально был создан только аппарат для управления китайскими территориями. В-пятых, для минского времени более характерен вариант эксплуатации Китая посредством чередования набегов и вымогания дани.

Одна из самых последних периодизаций была предложена Н. Шираиси. Он рассматривает эволюцию кочевых империй в рамках спиральной эволюции от состояния раздробленности к фазе централизации и постепенной децентрализации. При этом каждый виток от хунну до монголов характеризуется все большим расширением дуги власти, максимально расширяясь в XIII в. (Shiraishi 2001; Шираиси 2008).

Так или иначе, все перечисленные теории дополняют друг друга. Их объединяют некоторые общие компоненты, которые можно сформулировать в нескольких пунктах: 1) возможно проследить сходство между всеми кочевыми империями, которое одни исследователи трактуют в контексте существования определенной преемственности между более ранними и поздними обществами номадов, тогда как другие интерпретируют это в рамках экологического подхода, объясняя близость социальных форм спецификой природной среды (Крадин 2016); 2) имеются определенные отличия более ранних степных империй древности и раннего средневековья (от хунну до уйгуров), взаимодействовавших с Китаем на расстоянии, от средневековых завоевательных империй (кидани, чжурчжэни, монголы); 3) можно проследить некоторую взаимосвязь между взлетами–

кризисами аграрных мир-империй и активностью номадов. Так как обычно номады вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий, упадок аграрного общества приводил к более тесным контактам кочевников и земледельцев (глобальный демографический кризис разных цивилизаций Старого Света III–V вв. совпал с эпохой «великого переселения народов»).

Что являлось причиной кризиса и распада империй дальневосточного региона? Все империи рано или поздно распадаются. Причинами их гибели могут быть самые разнообразные факторы — от изменения климата и появления на внешней арене более мощной империи до внутренних восстаний и революций. Есть большое число исследований, в которых дается обоснование тех или иных обстоятельств кризисов, упадков и распадов империй и больших государств (см., например: Tainter 1988; Chase-Dunn, Hall 1997; Даймонд 2012). Однако наиболее точно природу циклов аграрных государств отражает структурно-демографическая теория. В ее основе лежит модель, согласно которой причина кризисов находится в изменении соотношения таких составляющих, как объем аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество взимаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и к росту цен. Независимо от этого одновременно увеличивается численность элиты и аппарата (согласно первому закону Паркинсона — для конфуцианского Китая это особенно актуально). Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и краху (Нефедов 2007; 2008; Турчин 2007; и др.).

Другим важным фактором цикличности китайской истории было значение так называемой надельной системы. Ее введение еще в древности обусловлено стремлением государства обеспечить максимальное количество налогов с земледельцев, и оно проводило крупномасштабные акции по изъятию земли у богатых граждан и наделению участками всех способных к труду жителей страны. С течением времени часть крестьян богатела, а часть разорялась. При этом элита находила лазейки, чтобы не платить налоги, а бедняки не были на это способны. Однако расходы на содержание элиты и государства постоянно увеличивались. Усиление эксплуатации масс неизбежно приводило к экономическому кризису, голоду, политическим волнениям и восстаниям. После создания новой династии правящая элита нередко начинала с очередной реформы «надельной системы» (Васильев 1993).

Все это можно проследить в истории средневековых дальневосточных империй. Перепроизводство бюрократии в киданьском государстве зафиксировано в письменных источниках. В «Ляо ши» сохранились подробные данные о количестве лиц, сдавших экзамены на степень *цзиньши* с 988 по 1118 г. Если в первые 16 лет количество сдавших исчислялось единицами, то с 1006 г. счет уже пошел на десятки, а с 1056 г. счет осчастливленных переваливал в годы выборов, как правило, за сотню (Wittfogel, Feng 1949: 491–492). Киданьская армия и бюрократия обходились казне слишком дорого. Мало того что на их оплату фактически уходила вся дань от Сун, с течением времени киданьская знать, ставшая крупным земельным собственником, стала уклоняться от уплаты налогов. Это понижало

и без того не очень высокий уровень налогообложения в стране. Налоговая нагрузка на китайских крестьян возрастала, и многие из них разорялись, превращались в бродяг и разбойников либо восставали против непомерного гнета (Wittfogel, Feng 1949: 286, 377, 406; Barfield 1992: 177).

В результате степень эксплуатации крестьян росла, это вело к их бегству и восстаниям. Ухудшалось качество и уменьшалось поголовье государственных стад, учащались случаи продажи государственных лошадей частным лицам, конокрадства и подмены хороших государственных лошадей на худших (Wittfogel, Feng 1949: 118). Мощь государства расшатывалась и все возраставшей борьбой за власть среди киданьской аристократии. Поскольку династия Ляо была кочевой империей, то нужно учитывать значение такого важного фактора, как увеличение численности элиты в геометрической прогрессии вследствие наличия института многоженства (Крадин 2015).

Схожие процессы можно выделить и в империи Цзинь. К 1183 г. численность чиновников составляла 19 700 человек при общей численности населения 44,7 млн человек. В 1193 г. численность чиновников была снижена до 11 499 при некотором росте населения до 48,5 млн человек. Это было сделано при Чжан-цзуне за счет вытеснения китайцев и киданей. В 1207 г. численность чиновников достигла 47 000 человек при общей численности населения страны в 45,8 млн человек (Воробьев 1975: 173). Следовательно, за период с 1188 по 1207 г. соотношение между числом чиновников, приходящихся на одного человека, выросло в 2,8 раза! В соответствии со структурно-демографической теорией это классический показатель кризиса.

При династии Юань на рубеже XIII–XIV вв. сложилась ситуация, когда большое количество богатых и знатных людей уклонялись от налогов. Так, в 1293 г. было выявлено 69 862 сокрытых цинов земли, с которых в казну должно было пойти 151 тыс. ху риса. А в 1310 г. в докладе императору У-цзуну (Хайсану) было сообщено, что в Цзяннани богатые лица при попустительстве местной власти не платили налогов. В Сунцзяне утаили большое количество продуктов на сумму более 30 тыс. гуаней (Боровкова 1971: 16). В 1314 г. в докладе уже следующему императору, Жэнь-цзуну (Аюрбариаде), сообщили, что со времени правления Хубилая налоги выросли в 50 раз (Боровкова 1971: 28; ср.: Далай 1983: 124).

При этом нужно помнить, что большое количество населения было привлечено к крупномасштабным общественным работам — расширению Великого канала (*даюньхэ*), строительству военно-морского и грузового флотов империи (более 3 тыс. кораблей) и столичных городов империи, ирригации на реках и каналах, обслуживанию судов и почтовых станций и т.д. Параллельно постоянно увеличивались траты элиты на личные нужды. В «Юань ши» эта ситуация описывается в назидательном контексте: «Начиная с 1310 г. хаган и нояны, стоявшие у власти в империи Юань, вели особенно разгульную жизнь, тратя огромные суммы на свои прихоти, они меньше думали о делах государственных; во время их ежедневных пиршеств шум был слышен далеко за стенами императорского города» (Далай 1983: 126). Результат не замедлил сказаться: в 1368 г. монголы были изгнаны из Китая.

При этом необходимо иметь в виду, что создание Монгольской империи и завоевания монголов стали определенным рубежом в истории Старого Света. В последнее время этот период все чаще называется средневековой или монгольской глобализацией XIII–XIV вв. Монгольские завоевания косвенно стимулировали масштабные миграционные процессы, транзиты высоких технологий и культурные обмены, начиная от распространения картографических и медицинских идей, книгопечатания, технологии изготовления спирта и пороха вплоть до переформатирования национальных пищевых стереотипов (итальянская паста, русские пельмени, кавказские хинкали и т.д.). Принципиально изменилась геополитическая расстановка сил. В Китае была восстановлена единая государственность. В исламском мире появились новые центры политического влияния — Тебриз и Алмалык. В западноевропейской мир-системе экономическое «ядро» стало смещаться из Средиземноморья на север. В Восточной Европе место Константинополя и Киева заняли сначала Сарай, а затем Москва. Мир находился на пороге новых, глобальных изменений (Abu-Lughod 1989; Biran 2004; Холл 2004; Крадин, Скрынникова 2006; и др.).

ГОРОДИЩА МОХЭ

В середине I тысячелетия н.э. на обширных территориях Дальнего Востока обитали многочисленные группы населения, в исторической литературе упоминаемые как мохэ. Китайская летопись «Цзю тан шу» районами их проживания называет земли, граничащие на западе с тюрками, на юге с Гаоли, а на севере с шивэй (Ивлиев 2005: 450). Мохэсцы, таким образом, испытали влияние и кочевых империй, и китайских государств (Северная Вэй, Суй, затем Тан), и государств Корейского полуострова (Когурё, Пэкче и Силла) (там же). Упоминается, что мохэсцы были искусными воинами и принимали участие в различных военных конфликтах между Когурё, Пэкче, Силла, Суй и Тан (Ивлиев 2003: 310).

В источниках мохэсцы описываются как люди, занятые земледелием, охотой, животноводством, упоминаются детали их довольно примитивного быта, приводятся события из истории их отношений с соседними народами (Бичурин 1950б: 91). Мохэские объединения находились на разном уровне развития, о чем свидетельствуют летописные источники. Согласно хронике «Суй шу», сильнейшим «поколением» было *хэйшуй*, у *боду* «строевого войска семь тысяч», а у *хаоши* мохэ, проживавших на восток от *фуне*, «стрелы вообще с каменными наконечниками» (Бичурин 1950б: 91–92). У части *сумо* мохэ (10 этнопотестарных групп во главе с вождем Тудицзи), переселившихся на юг, в пределы Китая, к образованию государства Бохай было развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство и «вековой опыт военно-политического, экономического и культурного общения с центрами цивилизации — Китаем и Когурё» (Ивлиев 1997: 56). С территорией Приморья китайские исследователи связывают такие группы мохэ, как *шуайбинь* и *вэймо*, основываясь на сведениях из «Синь тан шу» (Сунь Цзиньцзи 2001: 53–54).

Никаких конкретных упоминаний о поселениях и городищах мохэсцев в летописях нет. Есть лишь некоторые косвенные свидетельства, указывающие скорее на определенный, предгосударственный уровень социально-экономического развития отдельных групп мохэ, при котором появление протогородов представляется закономерным. Так, мохэское объединение *тели* имело своих чиновников, по статусу не уступающих бохайским. Известны посольства *тели* в Тан начиная

с 714 г., а также в Японию и Ляо (Ивлиев 2016). Не ранее 795 г. *тели* вошли в административную систему Бохая, а затем, ко времени завоевания Бохая киданями, вышли из его состава. Эти события происходили в бохайское время, и *тели*, несомненно, испытали на себе влияние бохайской государственности. Что касается истоков урбанизации мохэ в добохайский период, то данный вопрос остается малоизученным. Прежде всего это обусловлено недостаточной степенью исследованности археологических объектов и скудностью научной информации, когда речь идет о раннесредневековых городищах, расположенных на территории Китая.

История изучения мохэских городищ

Несмотря на многолетние археологические изыскания, Приморье остается неравномерно исследованной территорией. Если южная часть края изучена относительно хорошо — имеются сведения не менее чем о 62 мохэских памятниках (Никитин 2005: 524), то северное и северо-восточное Приморье в археологическом плане менее известно (рис. 2.1). «Типолист» мохэской археологической культуры включает лепные сосуды различных форм: горшковидные, вазовидные емкости, изделия с шаровидным туловом, чаши, сосуды с вырезом (рис. 2.2, 2). Как правило, они украшены налепным валиком под венчиком. Также на мохэских памятниках встречаются изделия из камня (рис. 2.3, 1), железа (рис. 2.3, 2–7), бронзы (рис. 2.3, 12–14), глины (рис. 2.3, 16).

В южном и юго-западном Приморье открыты городища Синельниковское и Новоселищенское, Петровское, Борисовское, Криничное, Новогеооргиевка-2 и Константиновка-4, Андреанов Ключ, в центральном Приморье — Можаяев Ключ, Павловка-2, Павловка-3. Исследованиями этих памятников и их материалов в разное время занимались В.И. Болдин (Болдин 2002), А.Л. Ивлиев (Ивлиев 1978), Ю.Г. Никитин (Никитин 1989), Е.И. Гельман, А.Л. Мезенцев (Мезенцев, Бурднов 2007), Н.Г. Артемьева (Рубленко 1985; Артемьева 2012) и др.

Не все памятники могут быть полноценными источниками информации: ни на одном, кроме Синельниковского городища, не проведены раскопки, а о принадлежности некоторых из них к мохэской культуре можно говорить лишь предположительно. Материал большинства из них получен из археологических шурфов, и это представляет определенную сложность в интерпретации городищ, содержащих отложения нескольких археологических культур (например: Борисовское, Петровское), поскольку невозможно точно сказать, к какому времени относятся фортификационные сооружения. Самым исследованным является Синельниковское городище, где был сделан разрез вала и исследованы жилища. Причем это единственный памятник в Приморье, где удалось проследить перестройку мохэского вала в бохайское время (Болдин 2002). Присутствие небольших укрепленных городищ, расположенных на господствующих высотах по берегам Суйфуна, таких как Новогеооргиевка-2 и Константиновка-4, по мнению Ю.Г. Никитина, свидетельствует о военном вторжении мохэсцев на эти территории в V–VI вв. (Никитин 2000: 151).

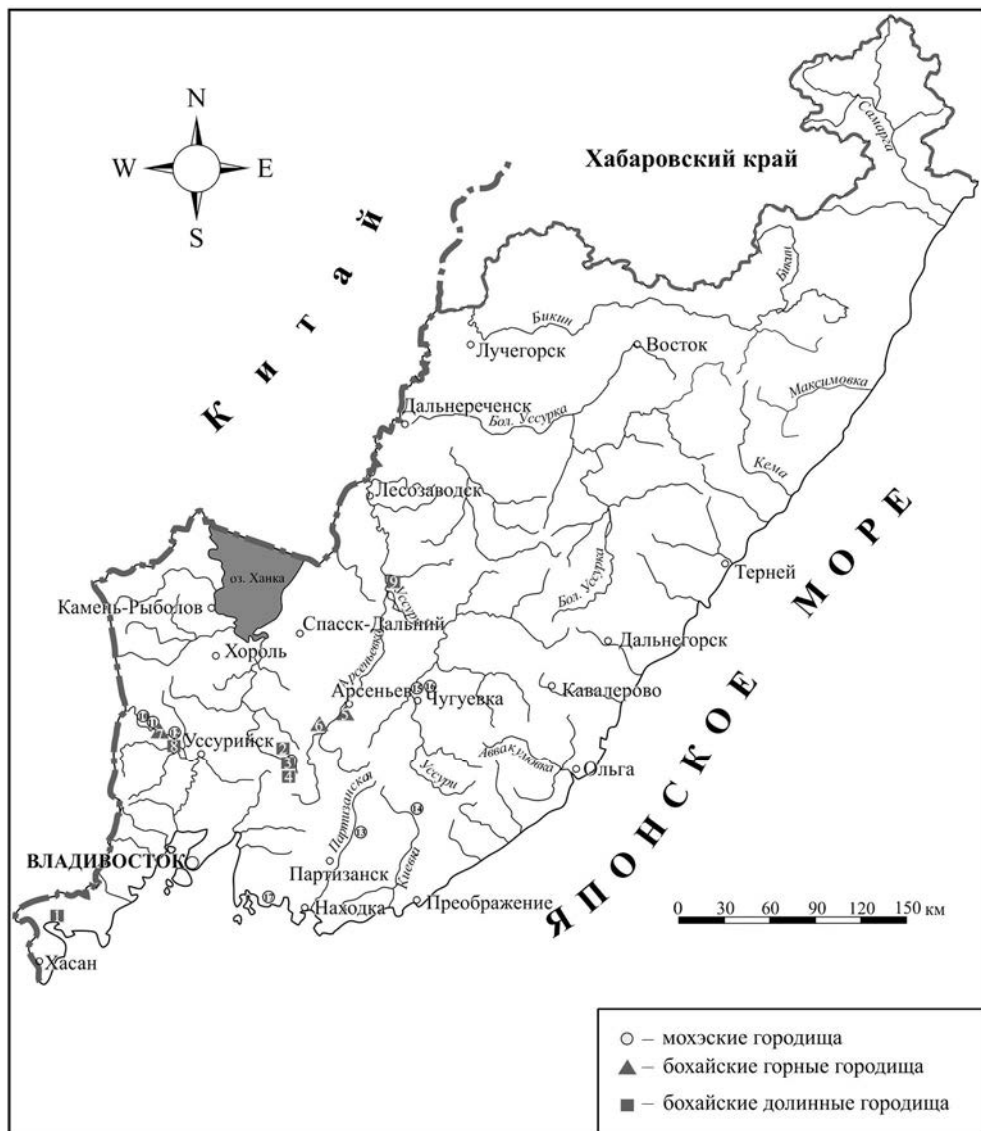

Рис. 2.1.

Карта Приморья с мохэскими и бохайскими городищами.

Мохэские городища: 10 — Таловское городище; 11 — Константиновское городище; 12 — Борисовское городище; 13 — Андреанов Ключ; 14 — Можаяев Ключ; 15 — Павловка-1; 16 — Павловка-2; 17 — Петровское городище. Бохайские городища: 1 — Краскинское городище; 2 — городище Горбатка; 3 — Николаевское-1 городище; 4 — Николаевское-2 городище; 5 — Новогордеевское городище; 6 — Ауровское городище; 7 — Синельниковское городище; 8 — Старореченское городище; 9 — Марьяновское городище

Таблица 1.

Мохэские городища Приморья

Название	Район	Расположение	Площадь, кв. м	Укрепления	Число западин
Новоселищенское	Ханкайский	Невысокий мыс	11 000	Вал, ров и пандус	35
Криничное	Хорольский	Пологий склон горного отрога	21 057	Замкнутый вал и два рва	100
Синельниковское	Октябрьский	Вершина сопки	18 000	Земляной вал, в основании укрепленный камнями	–
Борисовка-1 (Борисовское городище)	Уссурийский	Вершина мыса	3 300	Земляной вал высотой до 1 м и ров	17
Константиновка-4	Октябрьский	Вершина небольшой сопки	580	Невысокий сомкнутый земляной вал	–
Новогеоргиевка-2 (Таловское укрепление)	Октябрьский	Мысовидная сопка	650	Земляной вал высотой 3–3,5 м и ров	–
Петровское	Шкотовский	Вершина сопки	70 000	Двойной вал, внутренний город	39
Можаев Ключ	Лазовский	Мыс, отрог сопки	1700	Невысокий вал и ров	1
Павловка-2	Чугуевский	Надпойменная терраса	1600	Замкнутый вал высотой до 2 м	–
Павловка-3	Чугуевский	Надпойменная терраса	1400	Замкнутый вал высотой до 1 м	–
Городище на мысе Теплый	Тернейский	Мыс	Около 3000	Три линии дугообразных валов высотой 0,5–0,7 м	
Васьковское	Тернейский	Вершина сопки	12 600	Дугообразный каменный вал высотой около 1 м	2

В северо-восточном Приморье с мохэским временем связывают так называемые «мысовидные» городища (Дьякова, Сакмаров 1996: 110). К ним отнесены Единкинское, Оазис, Кузнецовское, городище на мысе Тепло (Дьякова 2009: 193). Основная проблема в интерпретации этих памятников заключается в том, что материал с них неизвестен, на них почти не проводились археологические раскопки. К мохэской культуре они зачастую отнесены на основании сходства фортификационных сооружений. О.В. Дьякова и С.А. Сакмаров указывают, что мысовидный (или, в некоторых работах, «мысовой») тип мохэских городищ распространен в береговой и прибрежной зонах северо-восточного Приморья (Дьякова, Сакмаров 1996: 110). Эти городища выделяются прежде всего наличием незамкнутых оборонительных сооружений: с трех сторон территория защищена естественными образованиями, а с четвертой огорожена валом или несколькими валами (там же: 108). Территория распространения мысовидных городищ ограничена «водоразделом одного из горных хребтов Сихотэ-Алиня», а периодом существования названы XII–XIII века (там же: 111). Позднее, в работе О.В. Дьяковой 2006 г. эти взгляды несколько изменились, к мысовым городищам кроме вышеназванных добавлены такие памятники, как Новоселищенское, Таловское, Известковое. В качестве датировки указаны IV–VIII века (Дьякова 2006: 221).

С северным Приморьем связаны исследования Н.Н. Крадина и Ю.Г. Никитина. С 1998 по 2009 г. ими были обследованы территории Пожарского, Красноармейского и Дальнереченского районов и выявлен ряд новых памятников, в том числе городищ. Большинство из них были предварительно отнесены к периоду средневековья, но не соотнесены с конкретными археологическими культурами: городище Агзани (Пожарский район), Таборовское-2, Таборовское-3, Гоголевское (Красноармейский район) (Крадин, Никитин 2010). Археологические исследования проводились лишь на городище Музиза в 1998–2000 гг. Раскопки показали, что городище многослойное, мохэский материал довольно поздний, он находит аналогии в покровской археологической культуре и может быть датирован не ранее чем IX в. (Крадин 2000).

Безусловно, мохэские городища располагались и на территории современного Китая. Однако достаточно сложно получить информацию из китайских научных публикаций. Это обусловлено различными обстоятельствами, в том числе и традицией датировать памятники довольно широким хронологическим периодом. Так, например, в обобщающей работе, посвященной исследованию и топографической съемке древних археологических памятников долины р. Цисинхэ (Саньцзян) (Цисинхэ 2004), приведены сведения о 113 памятниках. По датировке они делятся на две группы: памятники периода Хань–Вэй (V в. до н.э. — III в. н.э.) и Ляо–Цзинь (X–XIII вв.); для нескольких селищ указана датировка Суй–Тан (VI–X вв.). Материал, полученный с этих памятников, преимущественно подъемный. Таким образом, связать наверняка какие-то из этих городищ с мохэской культурой не представляется возможным, хотя особенности планировки и фортификации некоторых из них имеют сходство с мохэскими городищами.

Истоки градостроительной традиции

К мохэскому времени (VI в.) у населения Приморья уже сложились определенные строительные навыки. Городища известны в регионе начиная с эпохи бронзы. В развитом железном веке, в польцевской и ольгинской культурах, непосредственно предшествующих мохэской, городища появляются в среднем течении рек Уссури, Бикин, Хор, долине р. Арсеньевки (Крадин и др. 1997; Коломиец и др. 2002: 142–155; Коломиец и др. 2003: 277; Медведев 2009: 231–232). По мнению В.Е. Медведева, эти памятники возникли в результате миграции части польцевского населения со среднего и нижнего Амура. Миграция осуществлялась не одномоментно, поэтому городища должны иметь разный возраст (Медведев 2009: 233). В соседнем Приамурье, в отличие от Приморья и юга Хабаровского края, укрепленные памятники этого периода неизвестны.

Польцевские городища, располагавшиеся вдоль рек Уссури, Бикин, Арсеньевка, исследователи относят к категории «малых» (Мезенцев 2011; Батаршев и др. 2006). Они имели небольшую площадь (самое большое — Васильевское городище — 1,4 га (Краминцев 2002: 130) и располагались на возвышенных местах вдоль рек.

Основная «идея» польцевских городищ — дополнение естественных преград мощными искусственными сооружениями. Древними строителями максимально использовались защитные свойства рельефа местности. Естественные препятствия затрудняли противнику подход к крепостным валам, делали невозможным внезапное нападение. В уязвимых местах сооружались дополнительные укрепления. Так, например, на Васильевском городище стороны, не защищенные протоками реки, были прикрыты системой валов и рвов (там же). Зачастую вал был двойной или тройной (Бродянский 2014: 19; Батаршев и др. 2006: 121). Конструкции ворот польцевских городищ разные: начиная от простых разрывов в валу (городище у с. Кедрово) (Медведев 2009: 223) до сложных ворот с захабами, иногда ворот было двое (Васильевское городище) (Краминцев 2002: 131).

Количество западин невелико: от 2 до 16 (городище Рудановское) (Бродянский 2014: 19). Небольшие размеры польцевских памятников позволяют отнести их скорее к долговременным сторожевым постам, чем к городищам. В пользу этого свидетельствуют и «двойная» схема расположения памятников: польцевским крепостям всегда сопутствует поселение в долине, — и их топография: они занимали высоты, с которых хорошо просматривалась речная долина (Коломиец и др. 2003: 277).

Все эти памятники, за исключением Кондратьевского городища (Медведев 2010), являются многослойными и содержат как более ранние (эпоха палеометалла), так и поздние средневековые культурные напластования. Зачастую фортификационные сооружения неоднократно достраивались и перестраивались в различные эпохи, как это видно на примере городищ Глазовка, Васильевка-3 и т.д. (Краминцев 2002б; Коломиец и др. 2002). Это обстоятельство указывает на выгодное расположение укреплений для стратегического обзора и обороны.

Могли ли мохэсцы в какой-то степени перенять польцевские градостроительные традиции? Известно, что польцевцы сосуществовали с мохэсцами. Об этом свидетельствуют некоторые, довольно поздние датировки, например с поселения на сопке Булочка (Деревянко А.П. и др. 2005), признаки смешения польцевской и мохэской гончарных традиций на памятниках южного Приморья (могильник Чернятино-5). Ареалы распространения археологических памятников польцевцев и мохэсцев пересекаются, но при этом городища польцевцев сосредоточены на севере, а мохэсцев — на юге. Регион, где на памятниках выделяются объекты с ольгинским и мохэским материалом, — это центральное Приморье, бассейн р. Арсеньевки. Такие случаи зафиксированы на Ауровском и Рудановском городищах (Бродянский 2014: 58; Шавкунов, Гельман 2002: 101). Свидетельством того, что у мохэсцев под влиянием контактов с польцевцами могли сформироваться строительные традиции, являются раскопки жилища № 10 с каном на Ауровском городище, где присутствовал и мохэский, и ольгинский материал (Шавкунов, Гельман 2002: 106). Вероятно, мохэсцы, не соорудившие кань в своих полуземлянках, переняли эту конструкцию от польцевского населения. Некоторые детали в конструкциях валов на польцевских и мохэских городищах схожи: они были земляные, сооружались простым «навалом» грунта. Но, в отличие от польцевских, мохэские городища выглядят менее защищенными. Тройные и двойные валы, сложные ворота с захабом не строились мохэсцами, возможно, в этом не было необходимости.

Классификация городищ

В дальневосточной средневековой археологии выделяют мысовые, горные и долинные городища. Эти типы исследователи в рамках предложенных ими классификаций подразделяют на виды в зависимости от сложности фортификационных устройств и места расположения (Шавкунов Э.В. 1990; Болдин 1992; Государство Бохай 1994; Шавкунов В.Э. 2000). При публикации мохэских материалов авторы часто пользуются уже сложившимися схемами классификации (см.: Дьякова, Сакмаров 1996; Дьякова 1998).

Кроме термина «городище» исследователи используют такой термин, как «укрепление», подразумевая под ним памятники меньших размеров, на которых также есть остатки фортификационных сооружений или укрепленное поселение. Иногда один и тот же памятник может называться в разных работах и городищем и укреплением. Термин «укрепление», как и его синоним «форт», происходит из военно-инженерной терминологии и обозначает отдельное долговременное сомкнутое укрепление (а также элемент внешнего пояса обороны крепости), содержащее только воинский гарнизон и защищающее отдельные объекты (Губайдуллин 2003: 88; Стоякин 2010: 150).

Все известные мохэские городища располагались на возвышенностях: вершинах сопек, мысах, высоких надпойменных террасах. В какой бы географической провинции ни находились городища, они неизменно занимают господствующие

для рельефа этой местности высоты. Так, Новоселищенское и Криничное городища располагаются на территории Уссури-Ханкайской равнинной провинции, для которой свойственны холмисто-увалистые равнины. Возвышенности этого ландшафта представлены в основном невысокими мысами, вершину одного из таких мысов занимает Новоселищенское городище, а пологий склон горного отрога другое городище — Криничное. Низкогорьем представлен и ландшафт Хасано-Гродековской провинции, где расположены памятники среднего течения р. Суйфун (Синельниковское, Борисовское, Костантиновка-4, Таловское (Ново-гергиевка-2). Следует отметить интересный факт, на который обратил внимание А.Л. Мезенцев: топография бохайских поселений в Уссурийском районе «не имеет ярко выраженных общих традиций с мохэскими поселениями», т.е. ландшафтные ниши двух культур разные (Мезенцев 2014: 215–216).

Что касается городищ, то здесь мы можем судить только по одному памятнику, на котором велись стационарные раскопки, — Синельниковскому городищу. Можно предположить, что, если в случае выбора территории для поселений стратегии мохэского и бохайского населения могли быть разными, то выбор места для сторожевого поста определялся прежде всего возможностью максимально использовать защитные свойства рельефа местности, найти естественные препятствия, делающие невозможным внезапное нападение и затрудняющие врагам подступ к крепостным валам, а также использовать возможности обзора территории. Остальные памятники среднего течения р. Суйфун отличаются небольшими размерами, и за ними закрепился термин «укрепления» (Никитин 1989; Дьякова 1998). Все они сосредоточены на вершинах сопков, расположенных вдоль среднего течения р. Суйфун и ее притоков, как по правому, так и по левому берегу. Среди них большими размерами выделяется Борисовское городище.

Памятники северо-восточного побережья: мыс Теплый, Кузнецовское, Оазис, Единкинское — также приурочены к возвышенностям: морским террасам и мысам (Оазис, Теплый), высоким отрогам сопков (Кузнецовское, Единкинское) (Дьякова 2009). На вершине сопки в Южно-Приморской горно-долинной провинции располагается Петровское городище. Таким образом, такой признак, как «высотность» ландшафта, занимаемого памятником, в данной классификации не будет существенным. Основные типобразующие признаки — это размер городища и конфигурация фортификационных сооружений (валов и рвов). По своим размерным параметрам большинство из мохэских городищ попадают в категорию «малых»; средние и крупные пока присутствуют в единичном количестве (Мезенцев 2011). Главный параметр при характеристике вала — его сомкнутость, т.е. окружал ли вал городище полностью или частично. Подтипы выделены по способу сооружения вала, который мог быть построен из земли или камня.

Тип 1. Малые городища с разомкнутым контуром укреплений

К этому типу относятся городища небольших размеров, у которых укрепления (валы и рвы) строились с одной или двух сторон. Такие памятники располагали на вершинах небольших сопков, мысах, выступах террас, отгораживая доступные

участки валом, остальная территория была ограничена естественными препятствиями. Планиграфия памятников очень простая: отсутствуют башни, внутренний город, ворота с захабом и т.п. К данному типу можно отнести следующие памятники Приморья: укрепление Можаяв Ключ (рис. 2.4, 3), расположенное в Лазовском районе (Рубленко 1985), городище Дубровинское (Дальнегорский район), Усть-Соболевское, городище на мысе Тепло (Тернейский район) (Дьякова, Сакмаров 1996), Таловское городище (рис. 2.4, 4) (Октябрьский район) (Никитин 1989) и Андреанов Ключ (рис. 2.4, 1) (Партизанский район) (Артемьева 2012). Основные отличия городищ в рамках этого типа заключаются в количестве валов и их устройстве.

К подтипу городищ с одним земляным валом относятся Можаяв Ключ, Таловское, Борисовское (рис. 2.4, 5) и Андреанов Ключ. Первый памятник находится на мысу, в плане имеет подтреугольную форму, площадь его составляла 1700 м². Остатки фортификационных сооружений в виде одного земляного вала длиной 36 м и высотой 0,5–0,7 м и рва находятся в северо-западной части мыса и отгораживают его выступающую часть (Рубленко 1985: 4). Таловское городище находится на левом, высоком берегу р. Раздольная (Никитин 1989: 144), оно неправильной формы, частично огорожено валом высотой до 3,5 м и рвом. На вершине мыса, у слияния рек Борисовка и Казачка располагалось Борисовское городище. Укрепления Борисовского городища представлены тремя валами со рвами. По мнению исследователя этого памятника А.Л. Мезенцева, все три вала — разновременные. Один из них относится к ольгинской культуре, второй — к мохэской, а третий не атрибутирован и предположительно мог быть построен в VIII–XII вв. Вал, относящийся к мохэской культуре, располагается в 50 м от оконечности мыса. Площадь мохэской части памятника, таким образом, могла быть около 2500 м². Высота вала составляла 1 м, также с северной и южной сторон зафиксированы рвы (Болдин, Никитин 1996). При этом перепад между дном рва и вершиной вала равен около 2 м (Мезенцев 2007: 46). Городище Андреанов Ключ занимает вершину сопки на берегу р. Поворотной в Партизанском районе. Мыс пересекают два земляных вала высотой около 1 м, шириной 3 м, и два рва глубиной 0,5 м и шириной 2 м (Артемьева 2012: 225). Площадь памятника составляла 1200 м². На памятнике прослежены террасовидные площадки и западины, сгруппированные возле них. Всего выявлено 12 западин жилищ.

Другой подтип — городища, при сооружении валов которых использовался камень. Один из таких памятников, городище на мысе Тепло (Тернейский район), располагается на мысу, выдающемся в море. Три ряда дугообразных валов длиной 26 м, сложенных из камня с земляной засыпкой, перегораживают перешеек. Высота валов 0,5–0,7 м, их разделяют рвы глубиной 0,5 м. Сохранившаяся площадь памятника 0,3 га (Дьякова 2009: 138). К этому же подтипу, вероятно, относятся Дубровинское и Усть-Соболевское городища, также имеющие тройной ряд валов (Дьякова, Сакмаров 1996: 110). Подобные городища О.В. Дьякова и С.А. Сакмаров отнесли к «мысовидным» укреплениям. По мнению авторов, керамический материал позволяет отнести их к троицкой группе мохэской культуры, датируемой VI–XIII вв. (там же: 106). На наш взгляд,

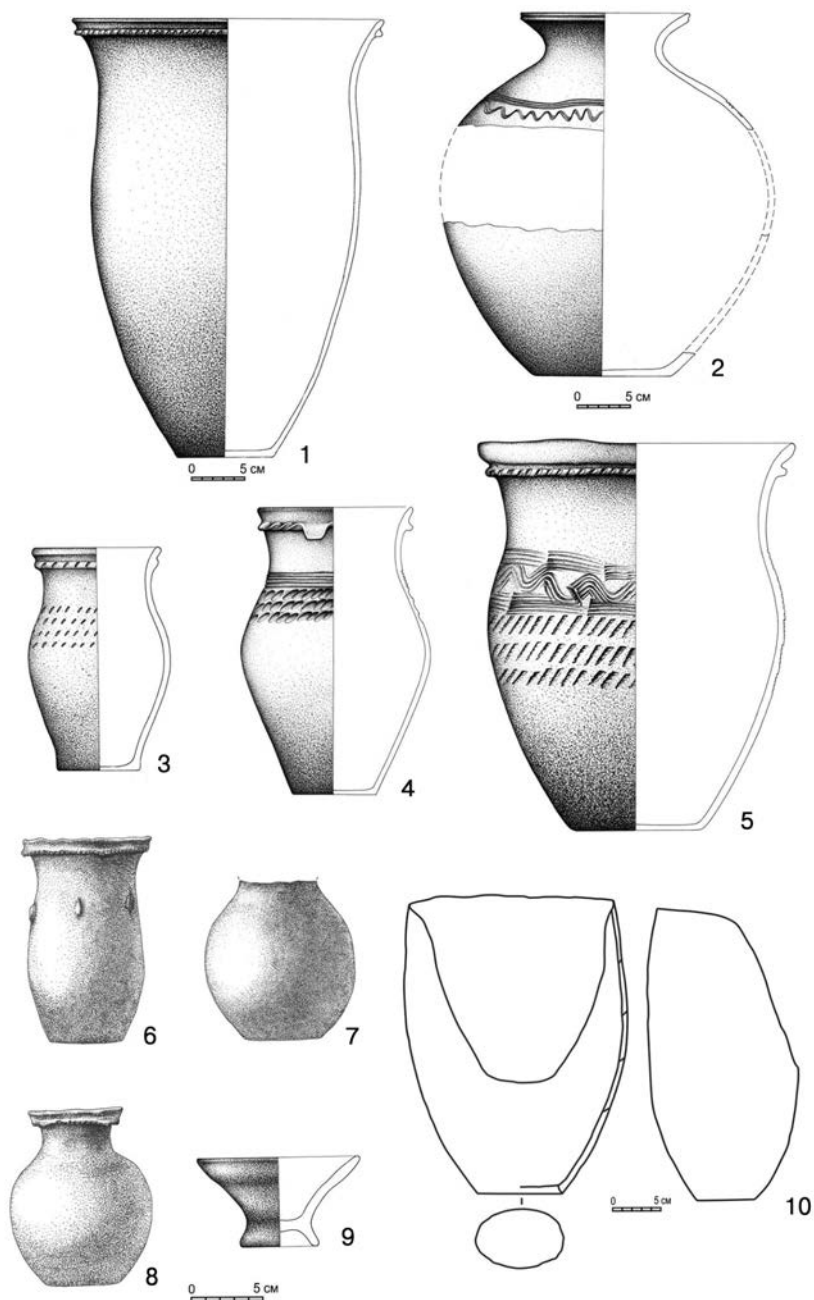

Рис. 2.2.

Мохэская керамика Приморья: 1, 2, 9 — поселение Раковка-10; 3, 4 — поселение Абрамовка-3; 5 — поселение Барабаш; 6–8 — поселение Кордон Дровяник (по: Слепцов и др. 2013), 10 — городище Синельниково-1

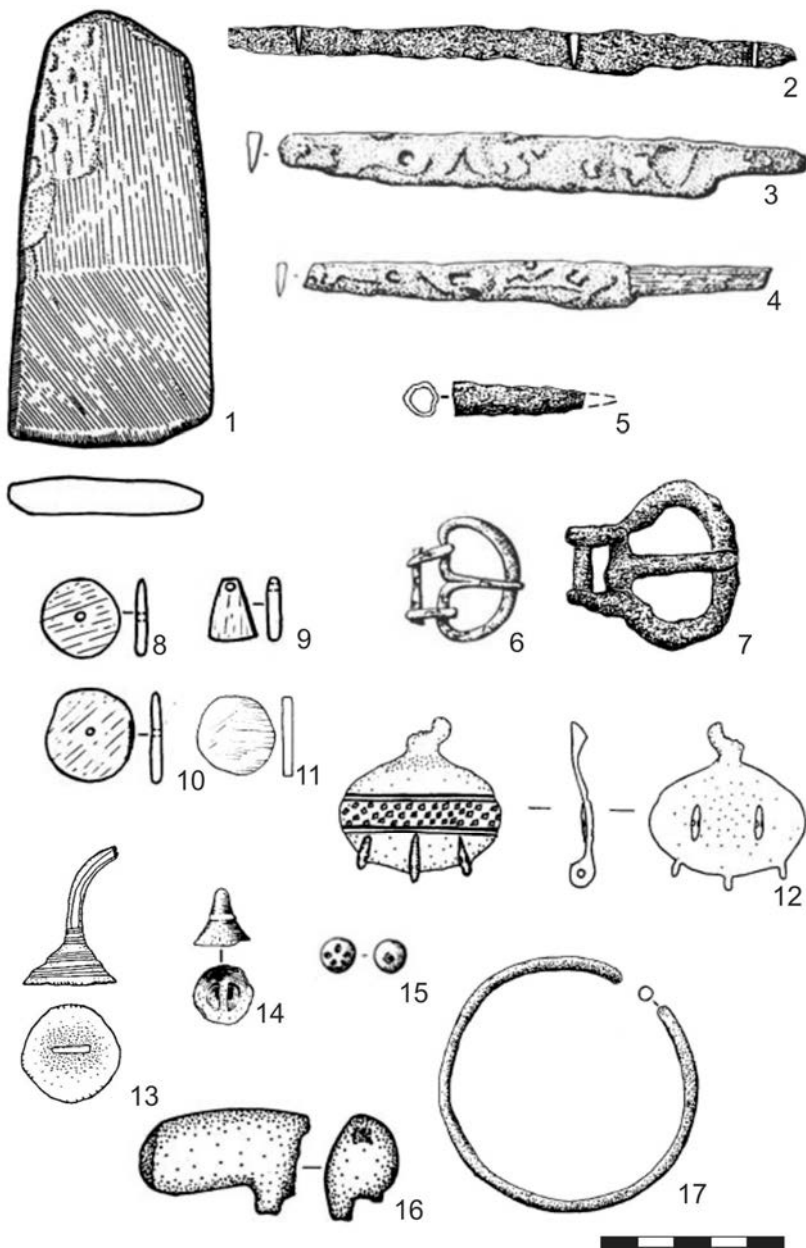

Рис. 2.3.

Изделия из камня, металла и керамики, найденные на мохэских памятниках Приморья. 6, 3, 4, 15 — поселение Михайловка-2 (по: Семин 1986); 13 — поселение Михайловка-4 (по: Кривуля 2015б); 8–10, 16 — поселение Абрамовка-3 (по: Кривуля 1992; 2015а); 12 — поселение Раковка-10 (по: Кривуля 2002); 5, 7, 14, 17 — Лузановский могильник (по: Семин 1989)

оснований для такого утверждения недостаточно, керамика этих памятников практически неизвестна, а керамический материал укрепления Можаяев Ключ не имеет признаков троицкой группы: это гладкостенные горшковидные сосуды, с орнаментированным валиком под венчиком и орнаментом по основанию горловины (Рубленко 1985: 5).

Тип 2. Малые городища с сомкнутым контуром укреплений

К памятникам этого типа относятся Константиновка-4 (рис. 2.4, 2), Павловка-2 и Павловка-3 (рис. 2.5, 2), возможно также городище Агзани, расположенное на правом берегу р. Бикин (материал отсутствует). Укрепление Константиновка-4 находится на вершине небольшой сопки, на правом берегу р. Суйфун. Оно окружено замкнутым земляным валом высотой 1,5–2 м (Никитин 1989:144), площадь памятника 580 м². Городища Павловка-2 и 3 (Чугуевский район) располагались на высоких надпойменных террасах, на расстоянии 80 м друг от друга, имели квадратную (Павловка-2) и овальную форму (Павловка-3). Вал в обоих случаях замкнутый. На городище Павловка-2 высота вала с внешней стороны составила около 2 м, ширина у основания 8–9 м, площадь памятника 1600 м². Высота вала городища Павловка-3 не превышает 1 м, ширина у основания 5–6 м, площадь 1400 м². Керамика, полученная из разведочных шурфов, позволила датировать памятники мохэским временем (Болдин, Никитин 1996: 41–46).

Тип 3. Средние городища с разомкнутым контуром укреплений

К этому типу можно отнести Новоселищенское (рис. 2.5, 1), Синельниковское и Васьковское городища.

Городища с земляным валом. Новоселищенское городище располагалось на одном из мысов, расположенном в 20 км от о. Ханка, площадь памятника 11 000 м² (табл. 1, рис. 1). Его укрепления представлены двумя валами: один вал, высотой от 0,5 до 1 м, перегораживал узкую оконечность мыса от юго-западного до северо-восточного склона. Перед валом, на оконечности мыса располагались две западины. Второй вал огораживал поселение, пересекая широкую часть мыса и поворачивая почти под прямым углом на юго-восток на его пологом склоне. За валом находился ров, глубина которого составляла 0,6–0,8 м. Таким образом, укрепления были защищены самые уязвимые части города. Между валами на вершине мыса и на пологом юго-восточном склоне находились 35 западин древних жилищ квадратной формы с закругленными углами, образовывавшими некое подобие улиц. Западины различных размеров, самая крупная имеет размеры 8×6 м, а самая маленькая — 4×3 м. Большинство западин размером 18–20 м², а глубиной от 0,4 до 0,8 м. На северо-восточном склоне мыса обнаружен пандус — пологая наклонная площадка шириной 5 м.

Еще один памятник этого подтипа — Синельниковское городище. Этот памятник считается уникальным для Приморья: в результате исследований, проводившихся с 1996 по 1998 г., здесь впервые удалось стратиграфически

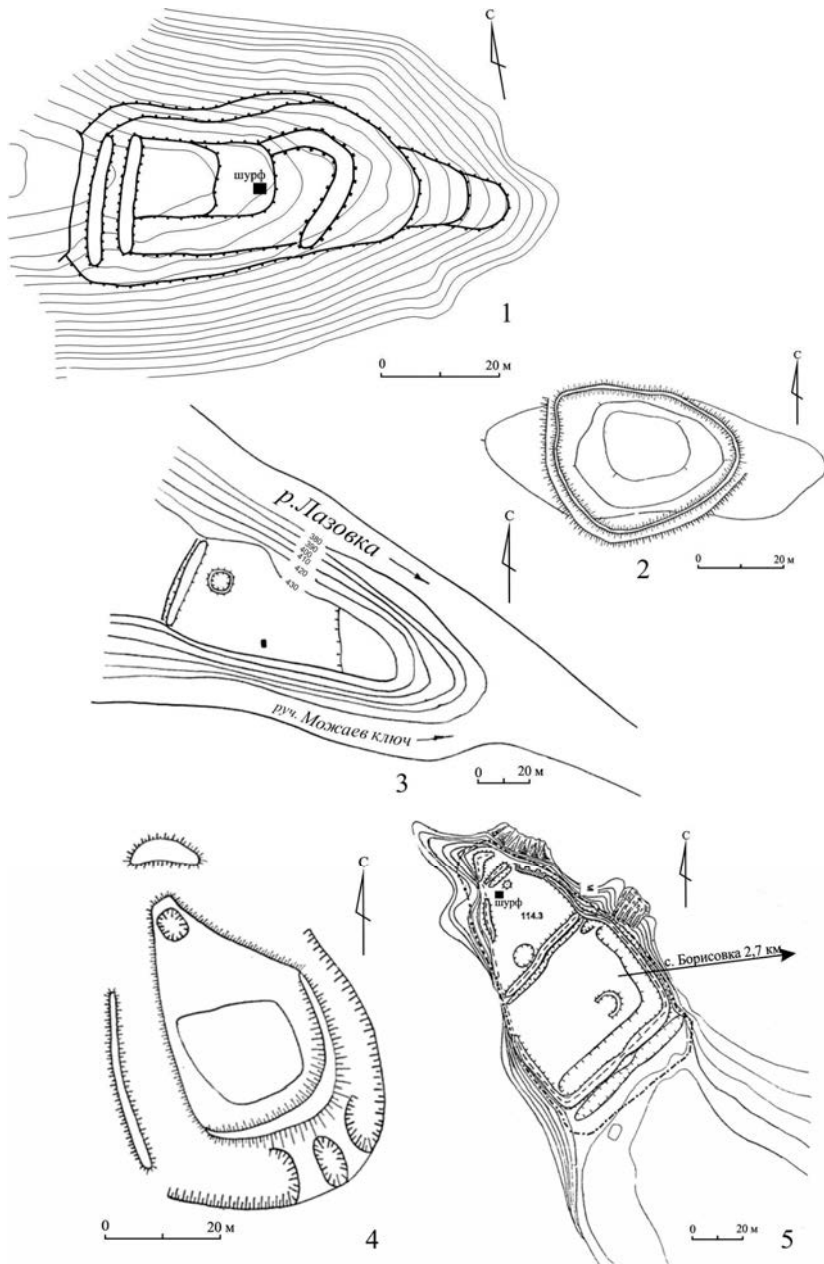

Рис. 2.4.

Мохэские городища Приморья: 1 — Андрееван Ключ (по: Артемьева 2012); 2 — Константиновское (по: Никитин 1989); 3 — Можаяв Ключ (по: Рубленко 1985); 4 — Таловское (по: Никитин 1989); 5 — Борисовское (по: Мезенцев 2011)

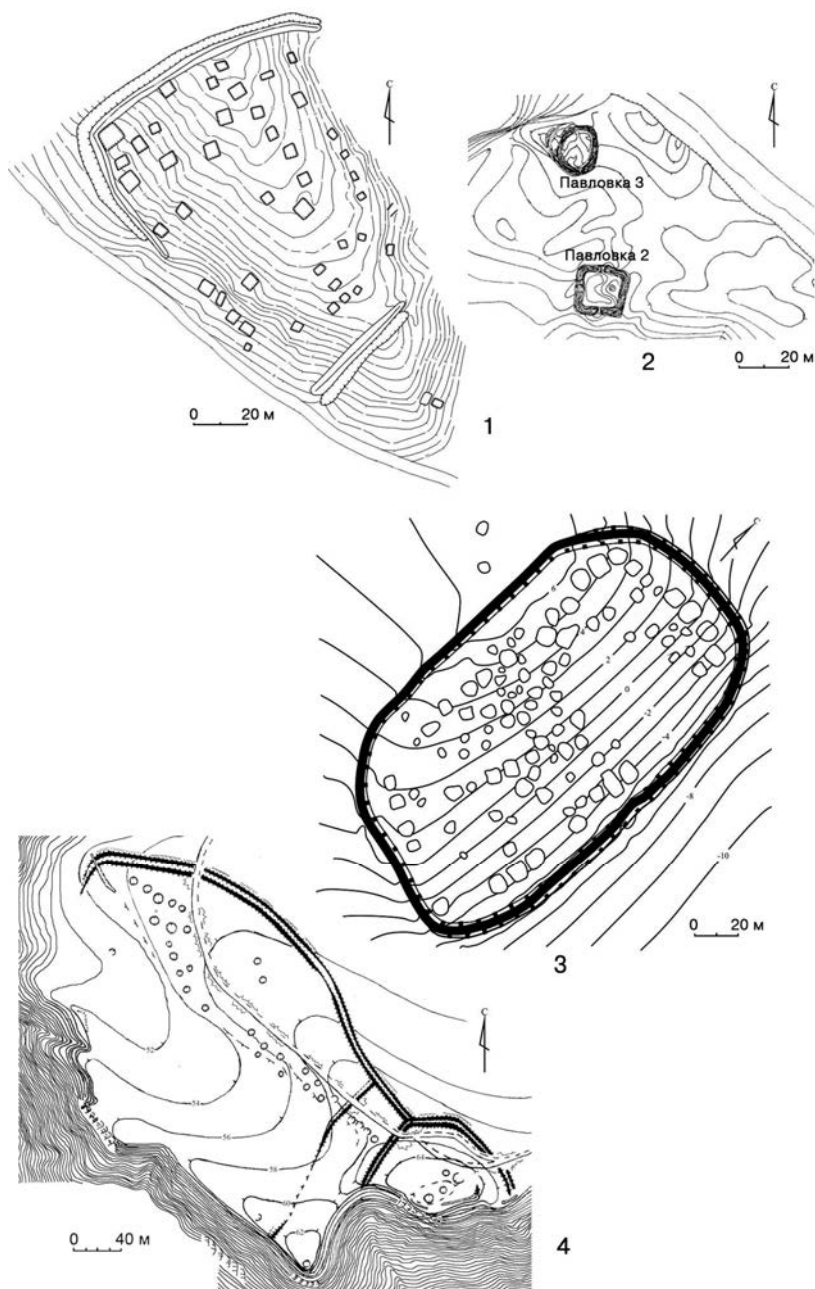

Рис. 2.5.

Мохэские городища Приморья: 1 — Новоселищенское; 2 — Павловка-3 и Павловка-2 (по: Болдин, Никитин 1997); 3 — Криничное (по: Археологические 2014); 4 — Петровское (по: Мезенцев, Бурдонов 2007)

зафиксировать смену мохэской культуры на бохайскую (Болдин 2002: 181). Раскопки вала показали, что сначала он был сооружен мохэсками и был земляным, укрепленным снаружи крупными камнями, а впоследствии был достроен каменными блоками (Болдин и др. 1999: 260). Также удалось определить следы частокола на поверхности вала (там же). Площадь памятника 18 000 м². Высота мохэского вала составляла около 0,5 м, ширина основания 2,5 м. Укрепления отсутствуют на северном участке сопки, где находится крутой обрыв. Ворота, представляющие собой разрыв в валу шириной 2 м, располагались в юго-западной части крепости (Болдин 2002: 181). Причем концы вала в разрыве продолжены параллельно друг другу и проход между ними вымощен камнями (Болдин и др. 1999: 260). Раскопки в 2015 и 2016 гг. показали, что на городище действительно присутствуют два строительных горизонта, материал которых весьма близок. Вероятно, памятник существовал непродолжительное время накануне прихода бохайцев в регион и какое-то время после их появления. Жилища небольшие, размерами 9–12 м², находятся близко друг к другу, на расстоянии 1–2 м. Плотность заселения памятника чрезвычайно высока. Судя по расположению жилищ в пределах раскопов, можно предположить, что на территории города могло иметься более 1000 таких построек. Пока трудно сказать, сколько жилищ могло быть заселено одновременно, но, скорее всего, это мог быть временный вариант размещения жителей неукрепленного поселения, расположенного рядом, в случае военной опасности.

Городища с каменным валом. Предварительно к этому подтипу отнесено Васьковское городище, находящееся на правом берегу р. Монастырка, в ее приустьевой части, на вершине сопки. Площадь памятника 12 600 м². С севера и запада городище прикрывает дугообразный вал, сложенный из камня, длиной 160 м, высотой около 1 м (Дьякова 2009: 62–64).

Тип 4. Средние городища с сомкнутым контуром укреплений

К этому типу относится городище, расположенное на расстоянии около 30 км к юго-востоку от Новоселищеского, — Криничное (рис. 2.5, 3). Памятник занимает пологий склон горного отрога и обнесен валом высотой 0,4–1,2 м, с двух сторон от вала есть рвы глубиной 0,4–1,2 м. Вал замкнутый, не имеет разрывов, ворота отсутствуют, зафиксировано лишь понижение на южной части вала (Археологические 2014: 363). Площадь Криничного в два раза больше Новоселищеского, и оно, по всей видимости, имело большую численность населения. Здесь насчитывается 100 западин в пределах вала и две западины рядом с городской стеной (табл. 1) (Археологические 2014: 363).

Тип 5. Большое городище с разомкнутой системой укреплений

К этому типу относится самое крупное мохэское городище — Петровское (рис. 2.5, 4), располагающееся на вершине сопки. Находится памятник в 4 км юго-восточнее с. Петровка в Южно-Приморской горно-долинной провинции,

ландшафты которой характеризуются низкогорьем с широколиственными лесами. Площадь памятника составляет около 7 га (Археологические 2008: 350). Планировка городища обыгрывала особенности рельефа: валами, в том числе двойными защищены лишь легкодоступные участки города, с обрывистого края валов нет (там же). Этот памятник существенно отличается от других мохэских городищ усложненной системой укреплений (присутствует внутренний город, отделенный двойным валом) и высотой валов, достигающих 2 м (Мезенцев, Бурдонов 2007: 61–66). Причем второй (внешний) вал значительно ниже первого — его высота составляет около 0,5 м. В его пределах расположены западины 30 жилищ.

Заключение

Несмотря на небольшое количество известных на сегодняшний день мохэских городищ в южном Приморье, можно говорить об определенных различиях памятников, расположенных в разных регионах. Такие памятники, как Криничное городище, Новоселищенское, Петровское, производят впечатление долгосрочных, хорошо обжитых поселений, в отличие от крепостей среднего течения р. Суйфун, скорее являвшихся убежищами или фортами для небольшого гарнизона. Исследователи этих городищ предполагают, что сооружение таких укреплений может быть связано с появлением в данном регионе бохайцев и неизбежными военными конфликтами между местным населением и пришлым (Никитин 2000: 151; Болдин 2002: 184). Различаются памятники и по конструкции своих оборонительных укреплений. В большинстве своем они довольно простые и ограничиваются валом и рвом. Но такие городища, как Петровское, явно выбиваются из этого ряда. Городища с каменным валом известны пока только на северо-востоке Приморья. К сожалению, практически невозможно судить о хронологии большинства этих памятников в связи с недостаточностью данных.

Что касается времени появления городищ мохэ, то судить об этом сложно в связи с недостаточностью данных. Можно лишь отметить, что керамика таких памятников, как Синельниковское городище и Криничное, не производит впечатления архаичной, подобно керамике поселений типа Абрамовка-3, датированных концом VI — VII в. Синельниковское городище, вероятно, возникло достаточно поздно, накануне появления бохайцев в регионе. Возникновение Криничного городища, возможно, также следует соотносить с бохайским временем. Вероятно, появление мохэских городищ на территории Приморья может быть связано с военно-политическим давлением Бохая. В настоящий момент в изучении мохэских городищ пока больше вопросов, чем ответов. Исправить данную ситуацию могут только планомерные широкомасштабные исследования.

ГОРОДА БОХАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: общая характеристика и хронология бохайских городов

Территориально-административное устройство в Бохае сложилось в основном во второй половине VIII в., при третьем правителе Да Циньмао (737–793) под китайским (эпохи Тан) влиянием, включая систему «пяти столиц». В отличие от Тан, в Бохае эта система столиц продержалась все время его существования, а впоследствии была взята за образец киданями и чжурчжэнями. Из китайских и японских хроник известно, что с начала IX в. в Бохае уже были образованы 15 областей, 62 округа и 125 уездов. Таким образом, в Бохае существовала фактически пятиуровневая система поселений: столицы — областные центры — окружные центры — уездные центры — сельские поселения. На территории России были расположены бохайские область Шуайбинь в долине р. Суйфун (сам областной центр находился на территории современного Китая — на городище Дачэнцзы уезда Дуннин провинции Хэйлунцзян) и округ Янь, относившийся к области Восточной столицы (Лунъюаньфу). Центр округа Янь, или Яньчжоу (что означает Соляной округ), находился на Краскинском городище, примерно в 70 км от остатков столицы — городища Баляньчэн, недалеко от современного города Хунчунь. Сведения об административно-территориальном устройстве в Бохае с начала IX в. до завоевания его киданями в 926 г. в письменных источниках отсутствуют, как и информация о функционировании городов и поселений. Это означает, что такие данные могут быть получены только благодаря археологическим исследованиям.

Бохайские городища традиционно разделяются на равнинные и горные (Шавкунов Э.В. 1968; Государство Бохай 1994). Равнинные памятники преобладают (городища Краскинское, Горбатка, Кокшаровское-I, Николаевское-I и II, Высокое, Старореченское, Стеглянухинское (бохайский слой), Марьяновское) (рис. 3.3, 1, 3–5; 3.4, 3–5). Некоторые из них имеют относительно правильную, почти прямоугольную форму, остальные приспособлены к рельефу местности и отклоня-

ются от шаблона. Все городища окружены валами и рвами. Тяготение к правильной форме и планировке указывает на подражание стандартам столичных городов Бохая, в частности Верхней столицы (Лунцюаньфу в Дунцзинчэне уезда Нинъань провинции Хэйлунцзян КНР) и предполагаемого центра области Шуайбинь — городища Дачэнцзы в уезде Дуннин той же провинции. Особенно заметны эти признаки на Краскинском городище, где улицы ориентированы по сторонам света, имеется разбивка на кварталы, в северной части найдены и раскопаны остатки храмового комплекса, а также обнаружены бурением остатки административных зданий (Гельман, Ивлиев 2013).

Горные городища — небольшие по площади (около 3–4 га), занимают окраины обрывистых горных мысов или вершины сопок, господствующих над долинами, откуда открывался прекрасный обзор местности (городища Синельниковское, Отраденское, Круглая Сопка (Новогордеевское) (бохайский слой), Ауровское) (рис. 3.3, 2; 3.4, 1, 2). Планировка их разнообразна, полностью зависит от рельефа местности и часто повторяет контуры горного мыса или сопки, но тяготеет к округлым очертаниям. Высота валов от 1 до 3 м. На неприступных участках валы сооружались символические либо совсем отсутствовали.

В обеих группах есть памятники, которые продолжали функционировать в цзиньскую эпоху и подверглись изменениям: городища Круглая Сопка, Марьяновское. Подавляющее большинство бохайских городищ относятся к компактному типу, все функциональные части их находятся в пределах городских валов. Исключение представляет городище Горбатка на р. Илистой, где перед северо-восточными воротами имеется естественная платформа, окруженная старицей. Она была использована для постройки общественных зданий.

По размерам бохайские городища можно условно разделить на две группы. Первая включает памятники площадью 10–16 га и с длиной крепостных стен 1250–1645 м — городища Горбатка, Краскинское и Кокшаровское-1. Ко второй группе относятся городища площадью от 1,2 до 7,5 га и с длиной валов 186–1070 м. Различные размеры и расположение памятников, вероятно, связаны с их разными статусом и функцией. Возможно, что городища Горбатка (длина вала 1250 м) и Кокшаровское-1 (1645 м), судя по их размерам, могли также являться центрами округов, как и Краскинское городище (1380 м). Кроме того, Кокшаровское городище функционировало и в постбохайский период (Клюев и др. 2011). Не исключено, что этот памятник находился в пределах государства Динъань, существовавшего почти до конца X в.

Бохайские городища различаются по количеству и способу оформления ворот. Например, одни ворота имеются на городищах Синельниковское-1 и Высокое, двое ворот — на Николаевском-II, трое — на Краскинском, четверо — на Николаевском-I городищах. Ворота могут быть устроены в виде разрыва в валу (городища Горбатка, Николаевское-II, Высокое), в некоторых случаях укреплялись защитными сооружениями Г-образной формы (Николаевское-I городище) или прямоугольной с проходом в одной из боковых стен (Краскинское городище). Судя по исследованиям Восточных ворот на Краскинском городище, первоначально они были устроены в виде прохода, а защитные сооружения возведены позднее.

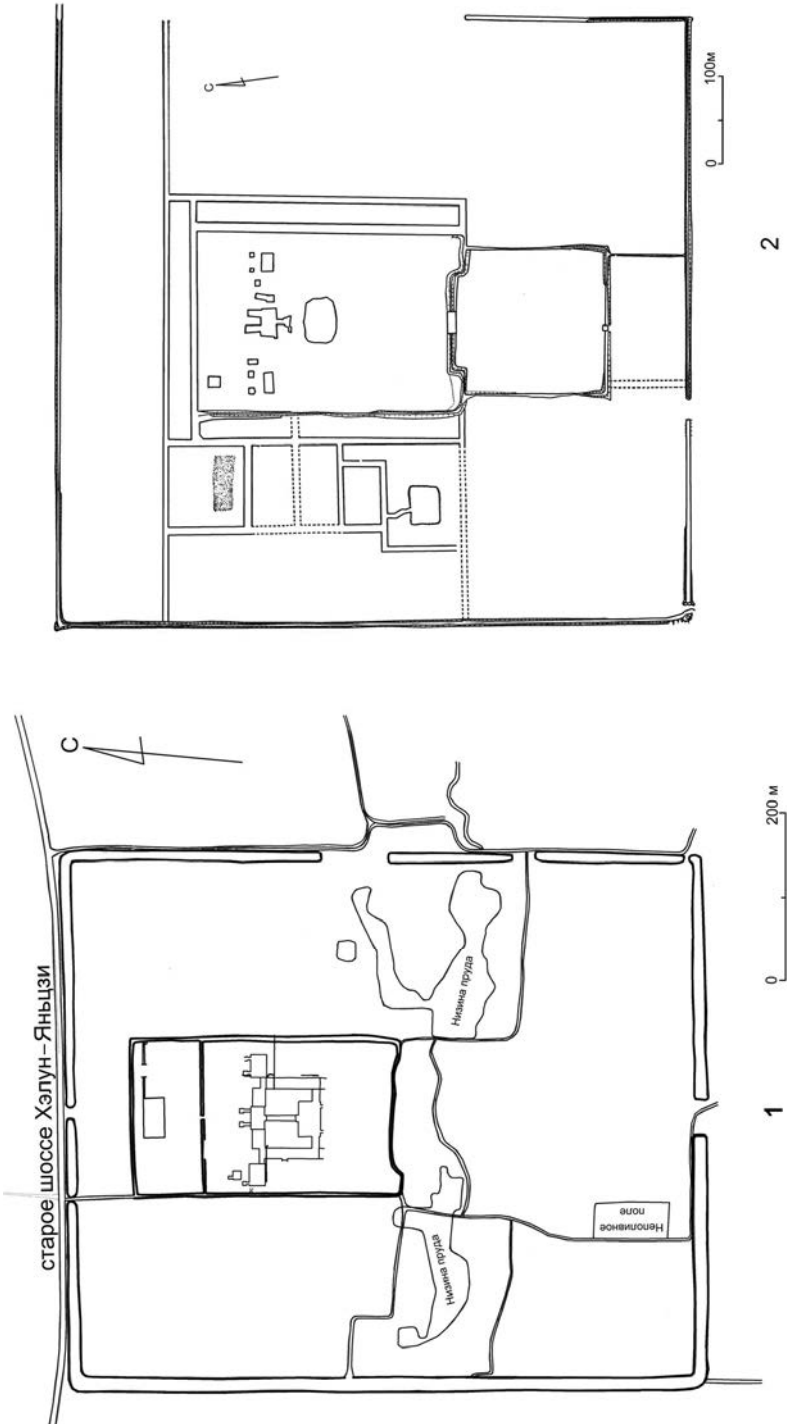

Рис. 3.2.
Столицы государства Бохай:

1 — городище Сигучэн (Сяньчжоу); 2 — городище Баляньчэн, Восточная столица (Лунъюаньфу)

В последнее десятилетие исследования фортификационных сооружений бохайских городищ показали, что некоторые из них имеют общие черты в конструкции валов — Краскинское, Горбатка, Николаевское-II, Синельниковское. Внутренняя и внешняя стены на этих памятниках сложены из камня, между ними утрамбовывалась земля. Поскольку данный способ строительства стен использовался на когурёских памятниках, очевидно, что бохайцы испытали влияние их архитектурных традиций. На Краскинском городище обнаружен еще один когурёский градостроительный элемент — башня с каменным основанием. Камень, как строительный материал для возведения крепостных стен, использовался в том числе на позднебохайских и постбохайских памятниках (Кокшаровское-1, Кокшаровское-2, Ауровское городища), что стало продолжением бохайских традиций в строительстве фортификационных сооружений.

Важнейшими задачами в изучении бохайских памятников являются их абсолютное датирование и установление синхронности существования. Эта задача решается в большей степени археологическими методами путем совершенствования процесса раскопок, детального анализа стратиграфии памятников и археологического материала. Еще 15 лет назад на бохайских городищах и поселениях в российском Приморье чаще всего выделяли только два одновременных горизонта. В настоящее время на двух памятниках (городища Краскинское и Горбатка) удалось выделить пять-шесть строительных горизонтов в жилых кварталах. Исследования показали, что на Краскинском городище единая планировка внутри кварталов существовала в верхних четырех горизонтах, а на городище Горбатка (на раскопанном участке) она была частичной и только в верхних двух горизонтах.

Привязка выявленных горизонтов к абсолютным датам затруднена при отсутствии эпиграфического материала. Надежным датирующим материалом пока остаются только глазурованная керамика и фарфор. Нижняя граница существования городища Горбатка привязана к находке фрагмента сосуда сорта бохайский саньцай, который датируется предварительно концом VIII в. На Краскинском городище фрагменты керамики сорта диньяо встречаются в жилищах 3-го строительного горизонта, который предварительно можно датировать концом VIII в., а фрагменты сорта саньцай найдены в 4-м горизонте. На основании этого факта самый нижний, 6-й горизонт может быть предварительно датирован началом VIII в. Этому не противоречат и данные из летописей о начале обмена посольствами между Бохаем и Японией в 727 г. Это косвенно указывает на возможность существования округа Яньчжоу (и Краскинского городища соответственно) в конце 1-й трети VIII в., а также позднее, когда ставка бохайского короля в 785–792 гг. была перенесена в Восточную столицу, где и оставалась вплоть до 794 г.

Если принять во внимание длительность функционирования памятников и количество выделенных строительных горизонтов, предполагая относительную равномерность накопления слоев, мы можем допустить, что каждый горизонт обитания формировался примерно за одинаковые отрезки времени. В среднем культурный слой на таких памятниках, как городища Краскинское и Горбатка, формировался в течение 35–40 лет. На основании этих данных мы имеем возможность разложить более надежно археологические материалы в хронологической последовательности.

Мощность культурных отложений и внутренняя топография бохайских памятников дополнительно изучались геофизическими методами. Такие работы проводились на городищах Краскинское и Кокшаровское-1, где данные методы применялись для получения разнообразной геологической, геофизической и геохимической информации. Так, например, электрометрия, выполненная на Краскинском городище, подтвердила выводы, сделанные предварительно на основе археологических раскопок, о том, что толщина культурных отложений на Краскинском городище не превышает 2,4 м. Изучение аномального магнитного поля памятника позволило выявить различные типы строительных конструкций и представить планировку Краскинского городища в его верхних отложениях. Полученные данные были неоднократно подтверждены раскопками (Бессонова, Ивлиев 2007; Бессонова и др. 2010).

Столицы государства Бохай

Как сообщается в «Цзю тан шу», будущий основатель Бохая Да Цзожун, разгромив преследовавшее его танское войско, «во главе своего народа укрепился на востоке в древних землях *гуйлоу*, занял гору Дунмоушань, построил город и поселился в нем» (ЦТШ, цз. 199). Вскоре после этого было провозглашено образование государства, сначала известного как «Мохэ» или «Чжэнь», а впоследствии как «Бохай». Видимо, город в районе горы Дунмоушань и был первой бохайской столицей.

Общегосударственная столица Бохая (都 都) переносилась четыре раза (Болдин, Ивлиев 1997: 77). В хронологическом порядке это происходило следующим образом. Вначале ставка бохайского вана находилась в Старом Владении, возможно, это была гора Дунмоушань. В годы танского периода правления Тянь-бао (742–756) столица бохайского вана Да Циньмао была в Сяньчжоу, но в конце этого периода Да Циньмао переехал в Верхнюю столицу, которая располагалась в 300 ли от Старого Владения, восточнее р. Хуханьхэ (совр. р. Муданьцзян). Затем, в годы правления Чжэнь-юань (785–805) Да Циньмао перенес резиденцию в Восточную столицу, где и умер в 793 г. В следующем году его внук Да Хуаюй вернул резиденцию в Верхнюю столицу. Этот город оставался столицей бохайских правителей вплоть до его взятия киданями в 926 г. (СТШ, цз. 219, «Повествование о Бохэе»; Сун Юйбинь 2009). Сейчас неизвестно, когда столицей стал город Сяньчжоу, Восточная столица могла быть общегосударственной столицей не более девяти лет. Верхняя столица являлась общегосударственной столицей дважды: сначала около трех десятков лет после переноса из Сяньчжоу, затем с 794 г. она оставалась главной столицей вплоть до киданьского завоевания.

Наряду с общегосударственной столицей *ванду* 王都 в Бохэе была система «пяти столиц» *цзин* 京. Впервые эта система сформировалась в империи Тан, где о ней известно с 757 г., когда в стране были Западная столица Фэнсянфу, Южная столица Чэндуфу, Средняя столица Цзинчжаофу, Восточная столица Хэнаньфу и Северная столица Тайюаньфу (Лю Сяодун 2006: 52). Бохайские «пять столиц»:

Верхняя — Лунцюаньфу, Средняя — Сяньдэфу, Восточная — Луньюаньфу, Западная — Ялуфу и Южная — Наньхайфу, — как отмечают многие китайские исследователи, явились подражанием танским «пяти столицам». При этом среди историков нет единого мнения о времени появления системы «пяти столиц» в Бохае. Многие относят это событие ко второй половине правления третьего правителя Бохая Да Циньмао (737–793), который в 762 г. получил от Тан титул *гована* (короля) и, в свою очередь, стал копировать танское мироустройство в своем королевстве (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984: 60–61; Вэй Гочжун и др. 2006: 120–122; Чжэн Юнчжэнь и др. 2011: 103), другие — ко времени после расширения территории Бохая при ване Да Жэньсю, о котором в «Географическом трактате» «Ляо ши» сообщается: «В годы правления Юань-хэ (806–820 гг. — *Перев.*) бохайский ван Да Жэньсю на юге усмирил Синьло, на севере захватил все племена, учредил области и уезды» (ЛШ, цз. 38; Дунбэй... 1989, цз. 2: 363–365). Наиболее детально вопрос о времени становления системы «пяти столиц» в Бохае разработан Лю Сяодун. Он доказывает, что сведения о «пяти столицах» Бохая и его территориально-административном делении попали в Китай с Чжан Цзяньчжаном, посетившим Бохай в 834–835 гг. с посольством от танской области Ючжоу. Именно его не дошедшие до нас «Записки о Бохае» («Бохай цзи») легли в основу соответствующего текста «Повествования о Бохае» («Синь тан шу»). В более ранних сочинениях, упоминающих столицы бохайского вана, названия пяти столиц (Верхняя, Восточная и т.д.) не встречаются, так как в то время их еще не было (Лю Сяодун 2006: 52–55). Ко времени посольства Чжан Цзяньчжана в Бохае сложилась административно-территориальная система, включающая «пять столиц» (*цзин*), 15 областей (*фу*) и 62 округа (*чжоу*). Более ранние названия округов Бохая, встречающиеся в китайских и японских источниках, не совпадают с названиями областей и округов в «Повествовании о Бохае» («Синь тан шу»). В поздний период Бохая территориально-административная система также изменялась. Так, в географическом разделе «Ляо ши» встречаются названия территориально-административных единиц Бохая, отсутствующие в списке «Синь тан шу», а вместо *чжоу* 州 — «округ» употребляется термин *цзюнь* 郡 (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984: 61, 172).

Идентификация столиц Бохая с конкретными археологическими памятниками велась историками и археологами на протяжении многих десятилетий. Первые обследования и описания городища Верхней столицы Бохая (Дунцинчэн) были сделаны в середине — второй половине XVII в. сосланными в Маньчжурию китайскими учеными Чжан Циньянем, Чжан Бэнем, У Чжаоцянем и его сыном У Чжэньчэнем. Однако впервые это городище было идентифицировано с Верхней столицей Бохая в написанной в 1778 г. А Гуме книге «Маньчжоу юаньлю као» («Исследование происхождения маньчжуров») (Лю Сяодун 2006: 14–30; Бохай шанцинчэн 2009. Т. I: 3). Археологические исследования японских археологов в 30-х годах XX в., китайских — в 60-х годах XX в. и в XXI в. убедительно подтвердили эту идентификацию (Tung-Ching-Ch'eng 1939; Людиншань юй бохайчжэнь 1997; Бохай шанцинчэн 2009).

Поскольку в полученной от Тан Да Цзожуном должности главного военного начальника области Хуханьчжоу имеется топоним «Хухань» — тогдашнее назва-

ние р. Муданьцзян (Хурха), можно полагать, что и первая столица Да Цзожуна находилась в бассейне этой реки. Китайские историки и археологи идентифицировали ее с комплексом из равнинного городища Аодунчэн и горного городища Чэнцзышань близ города Дуньхуа провинции Цзилинь. Однако исследования последних десятилетий показали, что на этих памятниках есть материалы времени чжурчжэньской империи Цзинь, но нет каких-либо находок, указывающих на VII–VIII вв. (Вэй Цуньчэн 2008: 52–55; Сун Юйбинь 2009: 41).

Согласно выдвинутой Ван Юйланом и Вэй Гочжуном гипотезе, гора Дунмоушань и, соответственно, первая столица бохайского вана — это городище Чэнцзышаньшаньчэн у слияния рек Бурхатунхэ и Хайланцзян близ г. Яньцзи — центра Яньбяньского корейского национального автономного округа в провинции Цзилинь. Это городище (сейчас оно называется Мопаньшаньчэн) — остатки Южной столицы государства Восточное Ся (1215–1233), однако там встречается и гораздо более ранняя черепица, характерная для Когурё и раннего периода Бохая. Название же «Хухань» первоначально относилось к р. Бурхатунхэ и только с переносом бохайской столицы в долину р. Муданьцзян перешло на последнюю (Ван Юйлан, Вэй Гочжун 2008: 121–134). Сейчас на городище Мопаньшаньчэн ведутся крупномасштабные археологические раскопки. Возможно, они дадут какие-то материалы в пользу или против этой гипотезы.

Средняя столица Бохая Сяньдэфу большинством бохаеведов идентифицируется с городищем Сигучэн в уезде Хэлун Яньбяньского корейского национального автономного округа. При этом считается, что и столица бохайского вана Сяньчжоу тоже была на этом городище (Вэй Гочжун и др. 2006: 184). Это не вызывало бы возражений, если бы в списке подчиненных Средней столице Сяньдэфу округов «Повествования о Бохае» («Синь тан шу») Сяньчжоу был на первом месте. Традиционно на первом месте в таком списке располагался округ, находившийся в самом столичном или областном городе. В описании же Средней столицы Сяньдэфу на первом месте стоит Лучжоу. Авторы «Исторической географии Северо-Восточного Китая», следуя предположению Ториямы Киити, считают, что Средняя столица сначала находилась в Сяньчжоу, а потом была перенесена в Лучжоу, с которым они отождествляют Сигучэн (Дунбэй... 1989, цз. 2: 369–370). Кодзима Ёситака предположил, что столица бохайского вана Сяньчжоу была на городище Хэнаньтунь, примерно в 2 км на юг от городища Сигучэн, впоследствии ставшего Средней столицей (Кодзима 2015). В 2014 г. китайские археологи провели обследование этого памятника и установили, что предполагавшиеся ранее валы этого городища на самом деле валами не являются и сам памятник не может быть отнесен к категории «городище» (Цзилинь... 2017). В перечисленных выше версиях исходили из того, что, поскольку Сигучэн своей планировкой сходен с городищем Верхней столицы Дунцинчэн и городищем Восточной столицы Баляньчэн, он должен представлять собой остатки Средней столицы. Однако Сун Юйбинь предложил иной подход к этому вопросу. Согласно этому подходу, именно сходство планировок Сигучэна, Дунцинчэна и Баляньчэна указывает на то, что эти городища были в разное время столицами бохайского вана. Города же — столицы *цзин* — совсем не обязательно должны были иметь такую

планировку. Во всяком случае, городище Южной столицы Чхонгхэсонг такой планировки не имеет (см. ниже), и других бохайских городищ с такой планировкой не известно. Исходя из этого, Сигучэн — это Сяньчжоу, где в 740–750-х годах была столица Да Циньмао, при этом Средняя столица Бохая в IX–X вв. могла находиться в другом месте (Сун Юйбинь 2009).

Также большинство китайских, российских, японских и южнокорейских ученых, кроме северокорейских, согласны с тем, что Восточная столица должна отождествляться с городищем Баянчэнь в уезде Хуньчунь провинции Цзилинь (Дунбэй... 1989, цз. 2: 375–377; Цзинь Юйфу [1982]: 291; Чжу Гочэнь, Вэй Го-чжун 1984: 170; Вэй Гочжун и др. 2006: 184–185; Вэй Цуньчэн 2008: 60–67).

Городище Дунцзинчэн — остатки Верхней столицы Бохая Лунцюаньфу; расположено в 40 км на юго-запад от уездного г. Нинъань провинции Хэйлуцзян КНР на правом берегу р. Муданьцзян. Городище разделяется на внешний, Царский и Дворцовый города (рис. 3.1). Внешний город имеет в плане форму прямоугольника, вытянутого по линии восток–запад. Своей центральной осью он ориентирован на юг с отклонением к западу на 4,5°. Северный участок стены с прямоугольным выступом в центре имеет длину 4952 м, южный участок — 4590 м, восточный — 3364 м и западный — 3402 м. Периметр стен внешнего города составляет 16 313 м (Бохай шанцзинчэн 2009: 14)¹. Стены построены на фундаменте из утрамбованной земли глубиной 1–2 м и шириной 6–7 м, на уровне дневной поверхности на этом фундаменте сложена стена из камня. Ее ширина 2–3 м, стена сохранилась на высоту 0,2–3 м. Изначально на стене был каменный бруствер. Перед стенами прослеживаются остатки рва шириной 3 м и глубиной 1–2 м. В стенах города устроено 10 ворот, в том числе по три на северном и южном участках и по двое на восточном и западном участках. Главные ворота находились в центре южной стены, от них на север к южным воротам Царского города ведет проспект шириной 110 м. Кроме него еще не менее семи улиц шириной до 50 м пересекали город в меридиональном и широтном направлениях, образуя огороженные кварталы.

Царский город (Хуанчэн) располагался в северной части внешнего города. Он прямоугольный в плане, его земляной вал высотой 2 м также облицован камнем. Длина северной и южной стен составляет 1050 м, восточной и западной — 454 м². В городе имеется трое ворот: южные, восточные и западные; главные ворота — южные. От ворот в центре южной стены через город на север проходит улица шириной 222 м, она делит город на огороженные каменными стенами восточную и западную зоны. На территории Царского города отмечены следы отдельных строений. В северо-восточной части восточной зоны были раскопаны остатки здания на платформе длиной с востока на запад 31 м и шириной 11,5 м. Также следы семи

¹ Длина стен и периметр городища разнятся в разных публикациях об этом памятнике. Здесь приводятся самые последние данные, опубликованные в монографии об исследованиях Дунцзинчэна в 1998–2007 гг.

² Так как севернее, между Царским и Дворцовым городами проходит широкая поперечная улица, в районе восточной и западной стен Царского города перегороженная стенами с воротами, эту улицу тоже можно рассматривать как находящуюся в Царском городе. В таком случае длина восточной и западной сторон Царского города составляет 454 м.

строений разных размеров прослежены в западной зоне. Вэй Цуньчэн полагает, что это должны быть административные здания (Вэй Цуньчэн 2008: 107–108).

С севера к Царскому городу примыкает Дворцовый город (Гунчэн), состоявший из четырех частей: собственно Дворцового города, восточного и западного боковых городов и узкого, вытянутого с востока на запад северного города. Его южная сторона примыкает к улице, которая соединяет восточные и западные ворота Царского города. Планировка Дворцового города формировалась с учетом центральной оси, которая определяла и застройку внешнего города столицы. Собственно Дворцовый город, прямоугольный в плане, имел длину с юга на север 720 м и ширину 620 м. Стены Дворцового города сложены из базальта, их высота 3–4 м. В центральных частях южной и северной стен есть ворота. В Дворцовом городе по линии с юга на север располагались пять дворцовых зданий. Перед дворцами № 1, 2 и 3 были большие площади, огороженные соединявшими дворцы галереями. Дворцы стояли на земляных платформах, облицованных камнем. Со стороны фасада на каждый дворец вели две лестницы, с северной стороны — одна лестница. Самый крупный дворец — № 2, его платформа имеет длину 93,5 м при ширине 22,4 м. Дворец № 4 состоит из главного и двух боковых строений, стоящих на одной платформе. Все строения этого дворца имеют помещения, отапливавшиеся канами. Дворец № 5 расположен на значительном отдалении от остальных и отгорожен от них поперечной стеной с проходом в ней.

В западном боковом и северном городах Дворцового города строений не обнаружено. В восточном боковом городе шириной с востока на запад 213 м и длиной с юга на север 720 м северную треть занимает усадьба со строением, а в южной части был парк с прудом, двумя искусственными островами с беседками и зданием-павильоном с галереей (Вэй Цуньчэн 2008: 74–105).

В Дворцовом городе, где жил бохайский ван, на площадях перед южными воротами, а также во дворцах № 1 и 2 проходили официальные приемы (Лю Сяодун 2006: 115–118).

Многолетние исследования Верхней столицы принесли многочисленный археологический материал, наиболее полно отражающий бохайскую культуру в целом.

Городище Сигучэн — столица бохайского вана Сяньчжоу и предполагаемая Средняя столица Бохая Сяньдэфу (SongYubin 2010: 84). Расположено в 15 км на юго-запад от г. Хэлун провинции Цзилинь КНР и в 3 км к северу от р. Хайланцзян. Городище состоит из прямоугольного в плане внешнего города и находящегося в центральной его части со смещением к северу внутреннего города (рис. 3.2, 1), ориентировано по сторонам света с отклонением к востоку на 10°, северная стена внешнего города имеет длину 632,0 м, южная — 628,2 м, восточная — 734,2 м, западная — 725,7 м; периметр внешнего города составляет 2720,1 м. У внутреннего города длина северной стены составляет 187,0 м, южной — 187,9 м, восточной — 311,1 м, западной — 306,8 м, периметр — 992,8 м (Сигучэн... 2007).

Земляной вал имеет ширину в основании 12–17 м, по верху 1,5–4 м, среднюю высоту 1,5–2,5 м. Есть только двое ворот — северные и южные шириной 15 и 14 м. Вдоль восточной и южной стен прослеживаются остатки рва.

Во внутреннем городе есть платформы — остатки дворцовых зданий. Самый крупный дворец, № 1, находится на юге против южных ворот внутреннего города. Севернее расположен дворец № 2 с дворцами № 3 и 4 по сторонам от него, а за перегораживающей внутренний город стеной севернее находится дворец № 5. Здания соединялись галереями.

Городище Баляньчэн представляет собой остатки Восточной столицы Лунъюаньфу (Болдин, Ивлиев 1997: 90, 91). Располагается в 6 км к западу от г. Хунчунь и в 2,5 км на восток от р. Тумэньцзын (Туманган, Туманная) в провинции Цзилинь (рис. 3.2, 2). Городище прямоугольное в плане; как и Сигучэн, состоит из внешнего и внутреннего городов. Исследовавшие это городище в 30–40-е годы XX в. японские археологи предполагали наличие у него и у Сигучэна большого внешнего города, как у Дунцинчэна, однако эта гипотеза не нашла подтверждения в ходе полевых исследований начала XXI в. (Вэй Цуньчэн 2008: 55–64; Сигучэн... 2007). Внешний город в плане близок к квадрату, ориентирован на юг с отклонением на 10° к западу. Длина северной стены 712 м, южной — 701 м, восточной — 746 м, западной — 735 м. Периметр городища составляет 2894 м, земляной вал имеет к настоящему времени высоту 1 м, ширину в основании 6 м. В центре каждой из стен располагались ворота, вокруг города прослеживаются остатки рва.

Внутренний город с остатками дворцовых зданий находится в центральной части городища со смещением к северу. Его размеры: ширина с востока на запад 218 м, длина 318 м, периметр 1072 м. Кроме северной стены, у остальных в центре были устроены ворота. Как и у Сигучэна, южная стена внутреннего города в средней части вогнута внутрь. За южными воротами была обширная площадь, а за ней — дворец № 1. Это был самый большой дворец, его платформа высотой 2 м имела размеры 45×30 м. Дворец № 2 был в 32 м на север от дворца № 1, по форме напоминает дворец № 2 Сигучэна (Вэй Цуньчэн 2008: 60–64). Дворцы были соединены галереями.

Руководивший раскопками Сигучэна Сун Юйбинь отмечает, что планировки зоны дворцов внутреннего города Сигучэна и зоны дворцов № 3–5 Дворцового города бохайской Верхней столицы Лунцюаньфу совершенно одинаковы (Сигучэн... 2007).

Городища Дунцинчэн, Баляньчэн и Сигучэн имеют общие черты, характерные для столичных городов: крупные городские постройки расположены вдоль центральной оси, во всех городищах есть крупные дворцовые комплексы, которые имеют глазурированные архитектурные украшения. Лю Сяодун, анализируя планировку Дворцового города Дунцинчэна и внутренних городов Сигучэна и Баляньчэна, обнаружил, что планировка внутреннего города Сигучэна полностью совпадает с планировкой дворцов № 3–5 в Дунцинчэне. При этом совпадают и их размеры. Таким образом ему удалось вычленить строения Дворцового города Дунцинчэна, относящиеся ко времени первого строительства столицы Да Циньмао на месте позднейшей Верхней столицы Бохая. Аналогичный комплекс был прослежен и на Баляньчэне. Все три города строились в правление Да Циньмао. При этом если размеры Сигучэна и столицы времени Да Циньмао в Дунцинчэне совпадают, то более поздний Баляньчэн несколько шире двух пер-

вых, превышая площадь Сигучэна на 65 000 кв. м (Лю Сяодун 2006: 79–85). В Верхней столице Бохая — Дунцинчэне уже в IX в. Дворцовый город был расширен, были построены дворцы № 1 и 2 и южные ворота с башней-павильоном над ними. Вокруг прежнего города образовались кварталы большого внешнего города. Вся столица своей планировкой напоминала столицу Тан город Чанъань.

Таким образом, три рассмотренные выше городища — Сигучэн, Дунцинчэн и Баляньчэн — были общегосударственными столицами Бохая. Что же представлял собой город — «столица» *цзин*? Поскольку Восточная и Западная столицы Бохая не сохранились, будучи уничтожены современной застройкой, осталось только городище Южной столицы Наньхайфу. Это городище Чхонгхэсонг, расположенное в 14 км на юго-восток от города Пукчхон, на широкой равнине левого берега р. Намдэчхон в провинции Хамгён-намдо КНДР. Городище в плане имеет форму, близкую к прямоугольнику, вытянутому с востока на запад. Сохранились его западная, а также частично северная и южная стены. Согласно реконструкции северокорейских археологов, длина западной и восточной стен 342 м, северной и южной — 724 м, периметр стен городища 2132 м. Стены земляные, в их средних частях отмечены следы ворот. Снаружи на стенах через равные промежутки есть фронтальные башни, следы угловой башни отмечены на юго-западном углу. Внутри городища еще заметны следы улиц, идущих в меридиональном и широтном направлениях. Северо-восточнее западных ворот и юго-восточнее северных ворот найдены остатки административных сооружений, здесь есть каменные базы колонн, характерная для Бохая черепица, включая концевые диски с декором, аналогичным декору на дисках из столичных городов Бохая. На городище раскопаны остатки жилищ с двухканальными канами и каменные колодцы (Ким Джонг Хёк 2003). Следует отметить, что среди найденных на этом памятнике предметов есть вещи более позднего, чем Бохай, времени, как, например, стремя на рис. 8 статьи Ким Джонг Хёка.

Бохайские города на территории российского Приморья

Краскинское городище

Географическое положение памятника. Краскинское городище (рис. 3.3, 1) находится в Хасанском районе на юге Приморского края в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки (Яньчихэ), впадающей в бухту Экспедиции. Бухта расположена в западной части залива Посёта Японского моря. Для побережья характерна изрезанность береговой линии узкими ингрессионными заливчиками. От берега реки и бухты городище отстоит на 400 м, от ближайшего залива — примерно на 100 м, а от пос. Краскино — на 2 км к юго-западу.

Городище имеет форму, близкую к прямоугольнику, только у северного вала форма дугообразная. Периметр вала составляет 1380 м. Площадь внутренней поверхности памятника около 12,6 га. В настоящее время вал возвышается на высоту 1,5–2 м, он задернован, на его вершине в некоторых местах обнажены

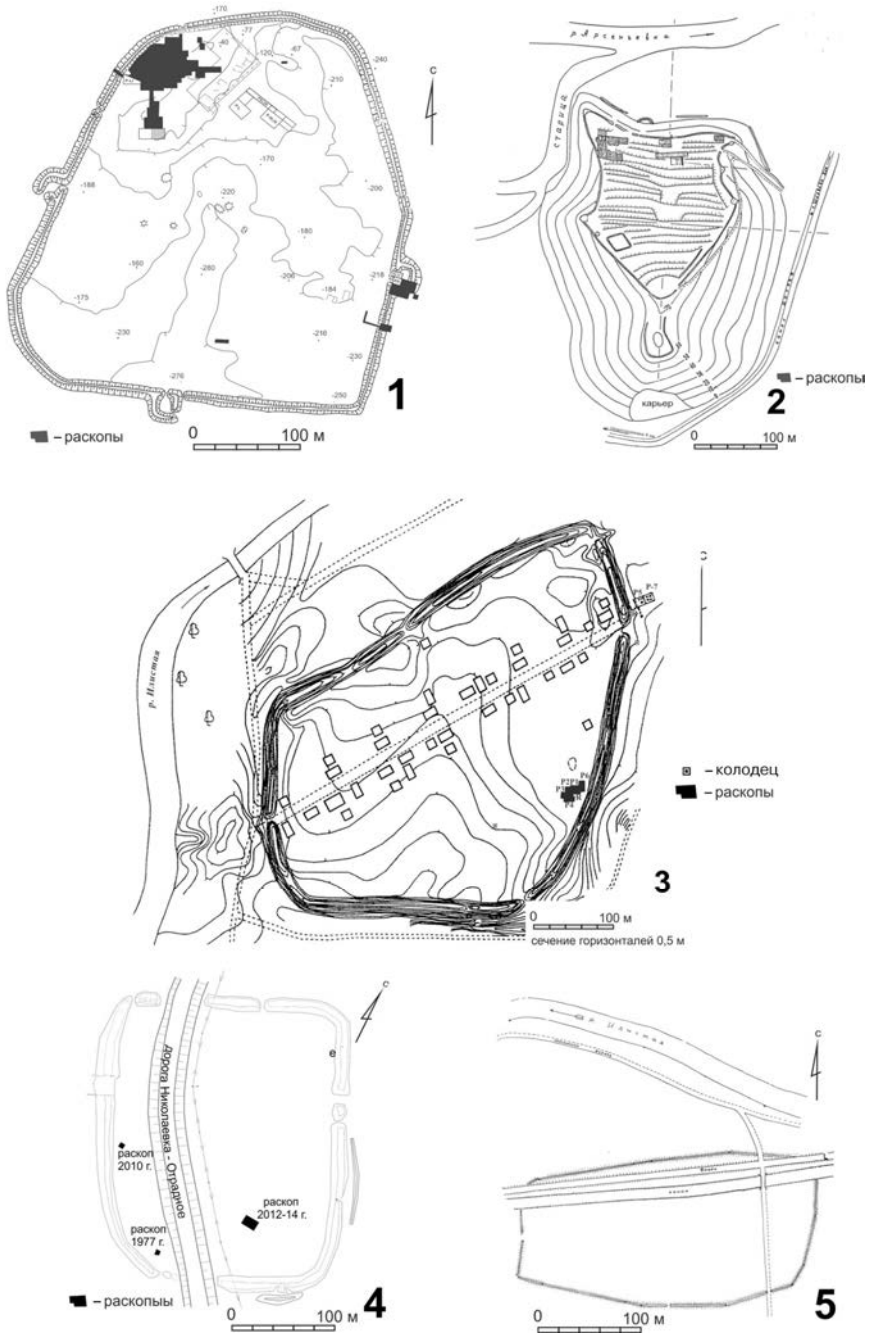

Рис. 3.3.

Бохайские городища Приморья: 1 — Краскинское; 2 — Новогордеевское; 3 — Горбатка; 4 — Николаевское-I; 5 — Николаевское-II

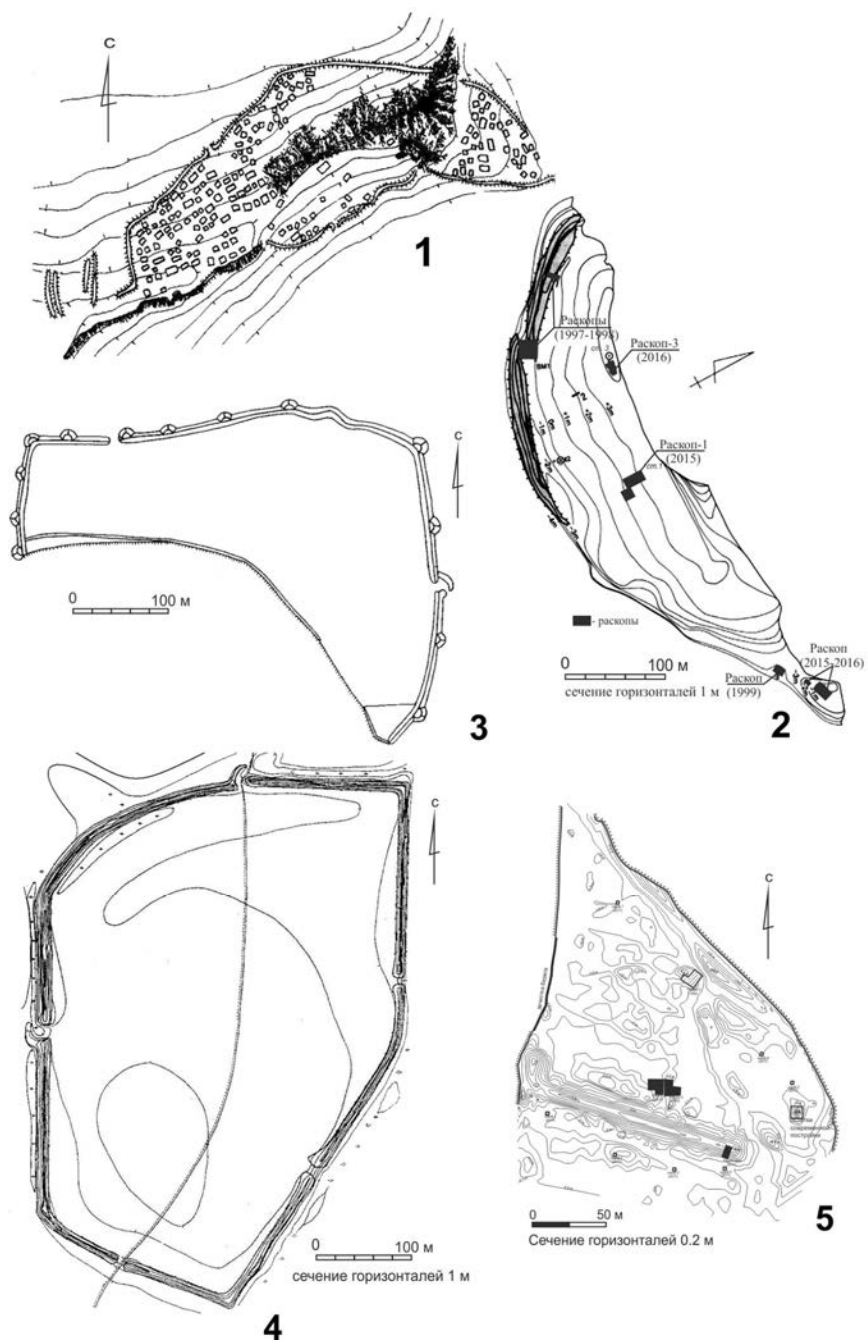

Рис. 3.4.
 Бохайские городища Приморья: 1 — Ауровское; 2 — Синельниково-1; 3 — Марьяновское;
 4 — Кокшаровское-1; 5 — Старореченское

валуны и гальки. Ширина вала по верху — 1 м, а в основании — 10–12 м. Осевая линия городища ориентирована на север с отклонением на 20 градусов к востоку. Имеются трое ворот (южные, восточные и западные), которые защищены с внешней стороны прямоугольными предвратными укреплениями (илл. 3.1.).

Перепад высот внутри городища составляет 2–2,5 м, северо-западная часть является наиболее возвышенной, южная часть наиболее низкая. От южных ворот к северной части памятника прослеживается широкая (до 30 м) улица, делящая город на две части — восточную и западную. Поверхность городища частично нарушена в конце XIX — начале XX в. хозяйственной деятельностью корейских крестьян, а в 30–50-х годах XX в. — военными окопами. Но в целом сохранность памятника вполне удовлетворительна.

Краткая история исследования. Впервые предположение о том, что в районе залива Посыета может находиться бохайский порт, высказал Палладий Кафаров. В 1871 г. он побывал на Краскинском городище, но усомнился в том, что этот памятник представляет собой остатки морского порта. В 1958 г. городище посетили молодые московские ученые Г.И. Андреев и Ж.В. Андреева во время археологических поисков в составе Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции на юге Приморья близ бухты Экспедиции.

В 1960 и 1963 гг. памятник обследовал Э.В. Шавкунов. Он выполнил инструментальную съемку крепостных сооружений и на основе собранной черепицы датировал его VIII–X вв. Э.В. Шавкунов предположил, что городище является центром бохайского округа Янь, откуда осуществлялась основная связь Бохая с Японией. Раскопки на памятнике начаты археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии под руководством В.И. Болдина, который проводил исследования в 1980–1981, 1983, 1990, 1994–2007 гг., а с 2008 г. по настоящее время раскопки ведутся Е.И. Гельман.

Место памятника в истории Бохая. Большинство историков и археологов, изучающих Бохай, идентифицируют Краскинское городище как центр округа Яньчжоу, входившего в столичную область Восточной столицы. Судя по названию города, он контролировал производство соли, но, видимо, важнейшая функция Краскинского городища была обусловлена его удачным географическим положением — от этого города-порта начиналась морская дорога в Японию.

Раскопки на памятнике ведутся уже более четверти века. В течение этого времени проведена большая работа и получены значительные результаты, которые стали возможны благодаря комплексным исследованиям с использованием как археологических методов, так и методов естественных и точных наук.

Фортификационные сооружения. Крепостные сооружения изучались на северо-западном и восточном отрезках вала, в том числе в районе восточных ворот. Стены городища строились не менее чем в два этапа, при этом внутри них достраивались дополнительные сооружения (башни, защитные сооружения ворот), осуществлялся ремонт. Первоначально были построены стены из грубо обработанных каменных блоков (0,3×0,4×0,8 м) в основном белого цвета с желтоватым оттенком сахаровидного облика (туфы) и окисленной красновато-коричневой поверхностью. Выходы аналогичных пород известны в междуречье рек Цукановки и Камышовой, а также вблизи устья р. Гладкая (Съедин и др. 2013). Можно

предположить, что их добывали в естественных карьерах и транспортировали по ингрессионному заливу и вдоль северного побережья бухты Экспедиции.

Из каменных блоков 6–9-ю ярусами были сложены две стены — внутренняя и внешняя, расстояние между ними около 3,5 м, пространство между ними засыпалось землей. Наружная стена из блоков была высотой 2,6–2,7 м, внутренняя — 1–1,2 м, обе кладки имели в основании бордюр из каменных плоских плит (Болдин и др. 2001). Наружная кладка стены на 0,4–0,6 м возвышается над внутренней, образуя бруствер для защитников крепости. Общая толщина стены составляла 5 м. Позднее из каменных блоков были пристроены фронтальные башни, одна из которых раскопана на восточном участке стены. Размеры ее составили 3×4,75 м. В условиях муссонного климата каменная стена, возведенная на рыхлых грунтах (супеси), неизбежно подвергалась разрушению. Для неоднократного ремонта использовался другой необработанный окатанный и слабо окатанный крупный каменный материал — валуны и глыбы. Камень мог добываться в центральной и южной части полуострова Новгородского и на северо-восточном побережье бухты Экспедиции. Доставка на городище такого камня, скорее всего, осуществлялась прибрежно-морским путем на расстояние до 6,5 км. Из этого же материала построены защитные сооружения ворот. Впоследствии (на втором этапе), по мере нарастания культурных отложений (в том числе в результате мощных разливов реки), вал был надстроен насыпью из утрамбованных слоев земли, укрепленной галечным покрытием. Подобный камень залегает в русловых отложениях р. Цукановка, откуда его по реке доставляли в городище. Такая же галечно-земляная насыпь перекрывает и защитные сооружения ворот.

Первоначально ворота (судя по восточным воротам) представляли собой проход шириной около 5 м в блочной каменной стене. После постройки башен и защитных сооружений ворот, а также неоднократного ремонта стен ширина прохода в воротах уменьшилась и составила около 3,5 м. Имеются данные, позволяющие предположить, что при сооружении галечно-земляной насыпи восточные ворота были засыпаны из-за угрозы наводнения.

Защитные сооружения ворот (захабы) имеют прямоугольную форму, и в настоящее время их размеры в заплывшем состоянии составляют 25×38–44 м. Проход в крепостной стене прикрывается глухой стеной (длиной 38–44 м), выход из захаба у западных и восточных ворот обращен в сторону бухты Экспедиции (на юго-запад), а у южных ворот — на р. Цукановку (на юго-восток). В 300 м к западу от западных ворот, рядом с курганами чжурчжэньского времени обнаружены бохайские погребения (Гельман и др. 2016).

Раскопки, которые проводились только на восточных воротах (рис. 3.5), еще не завершены. В процессе исследований установлено, что толщина стен защитных сооружений составляет 5,5 м. Длина короткой стены — 14,4 м, длинной — 16,6 м. Ширина прохода в юго-западной короткой стене — 5 м. Расстояние от прохода в крепостной стене до юго-западной стены захаба достигает 11,3 м. Северо-восточная стена не раскапывалась, но, судя по всему, защитные сооружения устроены симметрично. В этом случае площадь внутри них составляет 239 кв. м. С юго-востока в защитные сооружения ведет дорога с галечным покрытием, которая имеет мощную подушку из битой использованной черепицы (в ней сохранились колеи от

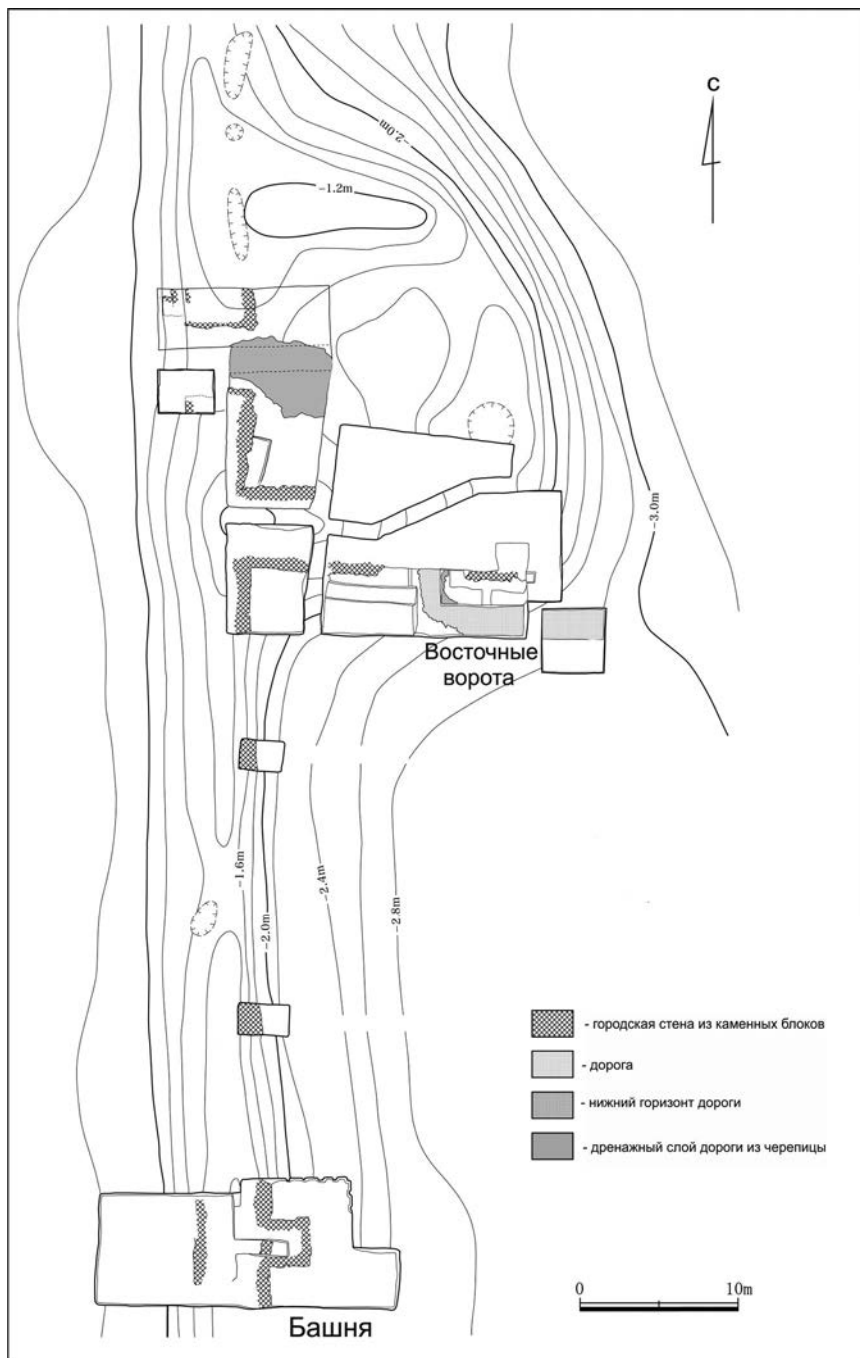
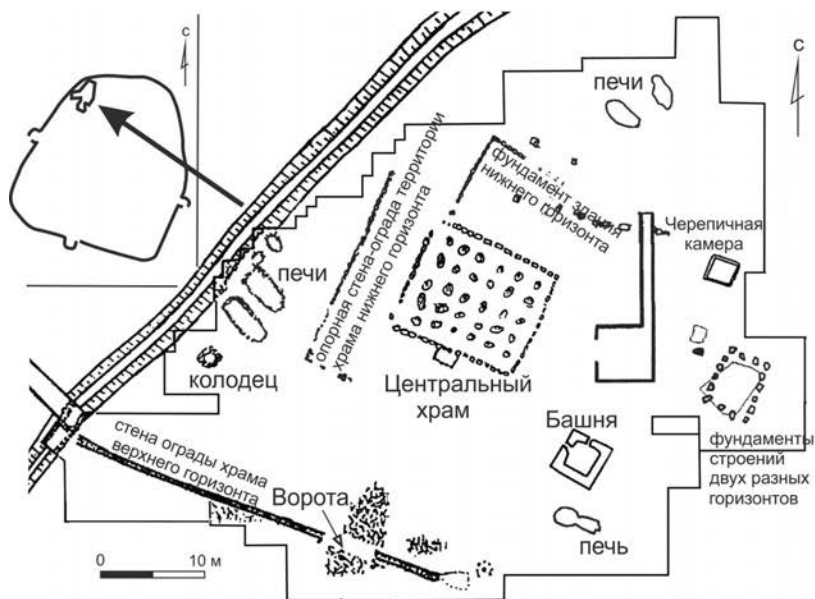
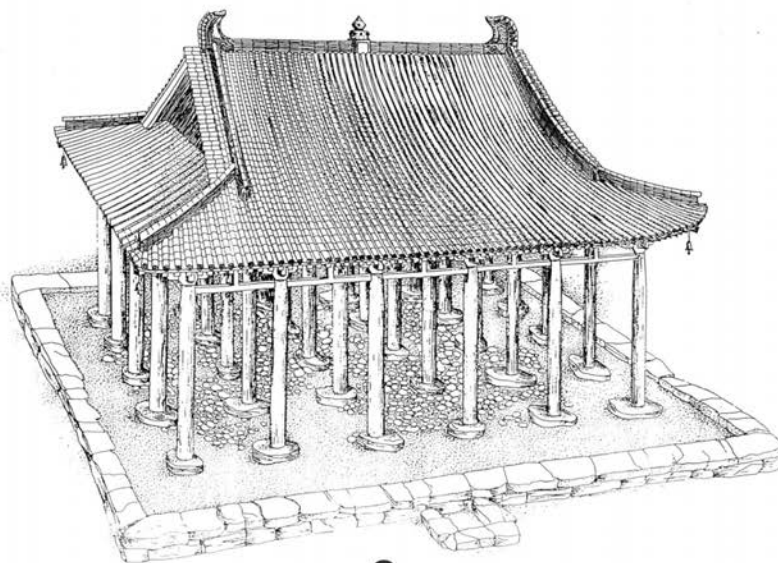

Рис. 3.5.
План раскопок восточных ворот и башни Краскинского городища

1

2

Рис. 3.6.

Буддийские сооружения Краскинского городища:

- 1 — расположение раскопов и объектов в северо-западной части Краскинского городища;
 2 — графическая реконструкция Краскинского храма

тележных колес) и грубозернистого песка. Сверху уложена крупная галька, забутованная мелкой галькой и песком. Дорога в захабе под прямым углом ведет к проходу в городской стене. Ее ширина внутри защитных сооружений ворот составила 2–4 м вместе с черепичным слоем. Удалось также проследить небольшой отрезок этой дороги с внутренней стороны города. Поверхность линзовидного в сечении дорожного полотна — покатая, для лучшего стока воды.

Внутренняя планировка городища. Планировка памятника изучена частично, но можно уже сказать, что город был поделен на прямоугольные кварталы, ориентированные относительно центральной оси памятника (примерно по линии север–юг). Постройки внутри кварталов ориентированы преимущественно диагонально относительно сторон света. Эти данные первоначально получены на основании раскопок, а затем подтвердились результатами магнитометрии (Бессонова, Ивлиев 2007; Бессонова и др. 2010) и бурения (Гельман, Ивлиев 2013). В северо-западной части памятника располагался храмовый комплекс, к югу и востоку от него частично изучены жилые кварталы.

Краскинский храмовый комплекс (рис. 3.6). Раскопки на территории храмового комплекса начаты В.И. Болдиным в 1980 г. В отличие от других храмов, найденных на территории Приморья, Краскинский буддийский комплекс расположен на территории городища. Он находится в его северо-западной возвышенной части, примыкает к северному участку крепостной стены и в верхнем строительном горизонте был отделен от городских кварталов оградой на каменном фундаменте (изучен южный отрезок ограды). Ворота устроены напротив храма, а дополнительный проход — ближе к крепостной стене. Храмовый комплекс начал функционировать на раннем этапе существования городища, судя по находкам черепицы в нижнем пятом строительном горизонте в жилом квартале. Вместе с тем выявлены только три строительных горизонта, отражающие динамику застройки комплекса, что, видимо, объясняется тем, что храмовые здания перестраивались существенно реже, чем жилища. Все сооружения были ориентированы одинаково: по линии северо-восток–юго-запад. В нижнем горизонте сохранились остатки стены ограды храмового двора (сохранился участок длиной 17,5 м, ширина кладки фундамента, сложенной в 1–2 слоя, около 40 см, высота — 35 см), в среднем — остатки стены храма среднего горизонта (длина одной сохранившейся стены 8 м, ширина каменной опорной стенки, сложенной в 1–2 слоя, — 30–40 см), а в верхнем — остатки трех зданий, которые представляли собой главный храм, башню и сооружение с подземной камерой с черепичными стенами, а также колодец, построенный в среднем горизонте. Возведению всех зданий предшествовало строительство черепичных печей, в которых обжигалась черепица, после использования печи разрушались и засыпались (Болдин и др. 2001).

Храм верхнего горизонта (рис. 3.6, 2) был сооружен на искусственной земляной платформе высотой от 0,43–0,49 м по краям до 0,8 м в центре, размерами 10,4×11,8 м (122,7 кв. м) (Болдин 1993). Платформа ориентирована углами по сторонам света, ее края по периметру укреплены подпорной каменной стенкой, сложенной в два ряда. Нижний ряд состоит из тесаных плит глинистого сланца (максимальный размер достигал 35×60×85 см), на некоторых участках перекрытых тонкими (до 5 см) плитками песчаника. Нижний ряд сложен из более тонких

плит необработанного песчаника. Для постройки колоннадного типа использованы 30 каменных баз, из которых сохранились 25. Расстояние между ними составляло 1,3–1,4 м, и они располагались в шесть рядов, по пять в каждом из них. Вход находился с юго-западной продольной стороны, где в центральной части к платформе вплотную примыкала ступенька (0,12×1,3×1,3 м), укрепленная по краям двойным рядом камней. Пол храма был вымощен речной галькой (0,1–0,2 м толщиной), а в его центральной части сохранилось место алтаря в виде возвышения до 0,2 м высотой и площадью 1,5 м. Площадь здания на платформе составляла 8,3–9,5 м (78,8 кв. м). Крыша была четырехскатной и немного перекрывала края платформы, вследствие чего черепица рухнувшей кровли лежала в основном полосой вокруг платформы. Конек крыши по краям был увенчан двумя архитектурными деталями типа «совиный хвост» (чивэй, чивэнь), а центр — предположительно лепным украшением в форме бутона лотоса, от которого сохранились основа и лепесток, крепившийся в нижней части бутона.

Черепица, использованная для кровли храма, включает в себя (там же): плоскую обычную и карнизную с орнаментом (длина 36–37 см, ширина узкого края 14,6–18 см, ширина противоположного края 15,2–24 см); полуцилиндрическую обычную (32,5–34,5 см, диаметр широкого края 15,5–16,6 см, узкого — 9,3–9,8 см) и карнизную с орнаментированным диском с плавно зауженным узким концом (большинство) (длина 37,5, диаметр диска 15,4–16,2 см, диаметр зауженного края 9,6 см) и с узким концом в виде уступа («хвостовик»); угловую; козырьковую. Полуцилиндрическая черепица с уступом использована только для западного угла храма, скорее всего для ремонта крыши.

В процессе раскопок храма найдены три чугунных тонкостенных (0,6 см) колокольца с отверстием в верхней части для шнура. Один из них конусовидной формы, шестигранный, с прямыми стенками, прорезями в виде полумесяца (9,5×14,5 см); два других восьмигранные с округлыми стенками (11,9×12,3 см и 11,5×13 см). Каждая грань колокольцев обоих типов заканчивается фестончатым вырезом. В центре храма перед предполагаемым местом алтаря обнаружена позолоченная фигурка бронзового Будды на стержне (высота 7,7 см) (рис. 3.7, 4), а у входа в храм — два обломка каменной (песчаник) скульптуры Будды, выполненной горельефом (рис. 3.7, 1) и три фрагмента каменной (песчаник) плитки с изображением сидящих будд, выполненных в той же технике. На полу храма собраны четыре чугунные чаши. Ритуальная керамическая посуда из храма представлена восемью закопченными чашами-светильниками, фрагментами шести триподов с чашевидным туловом и ножками в виде лап льва, фрагментами пяти глазурованных сосудов с трехцветной глазурью саньцай, в том числе крупным шаровидным сосудом с наклепными медальонами и тремя крышками.

Позднее примерно в 15 м от южного угла храма был найден каменный фундамент здания (Болдин и др. 2001) — скорее всего, башни для колокола или барабана, так как пагоды, согласно архитектурным канонам буддизма, располагают напротив главного храма на одной линии с ним. Размеры почти квадратного фундамента составили 4,2×4,4 м (18,06 кв. м), ширина каменной кладки, выложенной двумя-тремя слоями, достигала 0,82–0,92 м. Внешний и внутренний края кладки выложены правильными рядами, между ними камень забутовывался поч-

ти без ориентировки. Крыша здания была четырехскатной, слой черепицы после разрушения здания сформировался не только над фундаментом, но и со всех четырех сторон от него. Использованная для кровли башни черепица относится к нескольким функциональным типам: плоская обычная и карнизная орнаментированная (длина 32–36,5 см, ширина узкого края 18–19 см, широкого — 20–21 см); полуцилиндрическая плавно зауженная с одного края обычная и карнизная с дисками четырех типов (длина 34–36, ширина узкого края 8–12 см, широкого — 15–16 см); полуцилиндрическая обычная с уступом (длина 37–39 см; ширина узкого края 9–10 см, широкого — 15 см); полуцилиндрическая фигурная (сохранилась частично); козырьковая (сохранилась частично); узкая (длина 33–36 см, ширина краев 7 см); угловая (сохранилась частично).

В процессе раскопок найдены фрагменты украшения конька крыши типа «свиный хвост» (чивэй). Верх крыши башни был украшен керамической скульптурой в форме бутона лотоса, обрамленного лепестками у основания (рис. 3.7, б). Рядом с постройкой был найден керамический щиток с головой зверя (обычно крепились на фронтонах) а также другие лепные украшения кровли.

В 14 м к востоку от восточного угла храма было обнаружено полуподземное сооружение со стенами, сложенными из черепицы (Отчет 2005). Оно получило условное название черепичной камеры, размеры внутреннего пространства которой составили 2,6×2,3 м (5,98 кв. м). Длина стен почти квадратной постройки снаружи черепичных стен составила 2,75–3 м. Глубина камеры не превышала 1,2 м. Углами постройка ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. При возведении стен использовалась старая, фрагментированная, преимущественно плоская черепица, которая укладывалась пачками, скреплявшимися железными скобами. Так как все фрагменты черепицы были разного размера, выравнивание выполнялось только для внутренней поверхности. Камера имела черепичную крышу, ее деревянные конструкции сгорели и рухнули внутрь. Назначение подземного сооружения не ясно, но с большой долей вероятности можно предположить, что это было хранилище, постепенно превратившееся в мусорную яму. Внутреннее заполнение черепичной камеры содержало самые разнообразные по назначению артефакты и экофакты, в том числе: нижнюю часть глиняной скульптуры льва, перед которым находится фигурка обезьяны, — украшение крыши храма; фрагменты керамического украшения крыши в форме лотоса на цилиндрическом основании; фрагменты фарфоровых и глазурованных сосудов; «игральные» фишки, изготовленные из стенок сосудов и обломков черепицы; бронзовые декоративные накладки, шпильки, бубенчик; бронзовые, железные и каменные наременные украшения; железные серп, лопату, ножи, гвозди, скобы, ключ и детали дверных запоров, кольцо, пластину, пробой, наконечники стрел; чугунные утюжок, втулки ступиц и чеку тележных колес, гирьку, котел; каменные бляшку, бусину, плиту с расчерченным игровым полем. В камере найдены фрагменты приблизительно 50 сосудов — корчаг, корчажек, горшков, ваз, мисок, блюд, чаш, блюдец, крышек, чайника. Среди обломков черепицы найдены фрагменты пяти типов дисков полуцилиндрической черепицы, которые аналогичны тем, что использовались для покрытия крыши храма и башни. Среди плоской черепицы встречались обломки карнизной, которая украшалась несколькими типами декора.

Рис. 3.7.

- Буддийские реликвии из Красинского храмового комплекса:
 1 — фрагмент каменной скульптуры Будды; 2, 3 — бронзовые бодхисаттвы;
 4 — бронзовая фигурка Будды; 5 — руки бронзового Будды;
 6 — декоративное украшение крыши Красинской башни

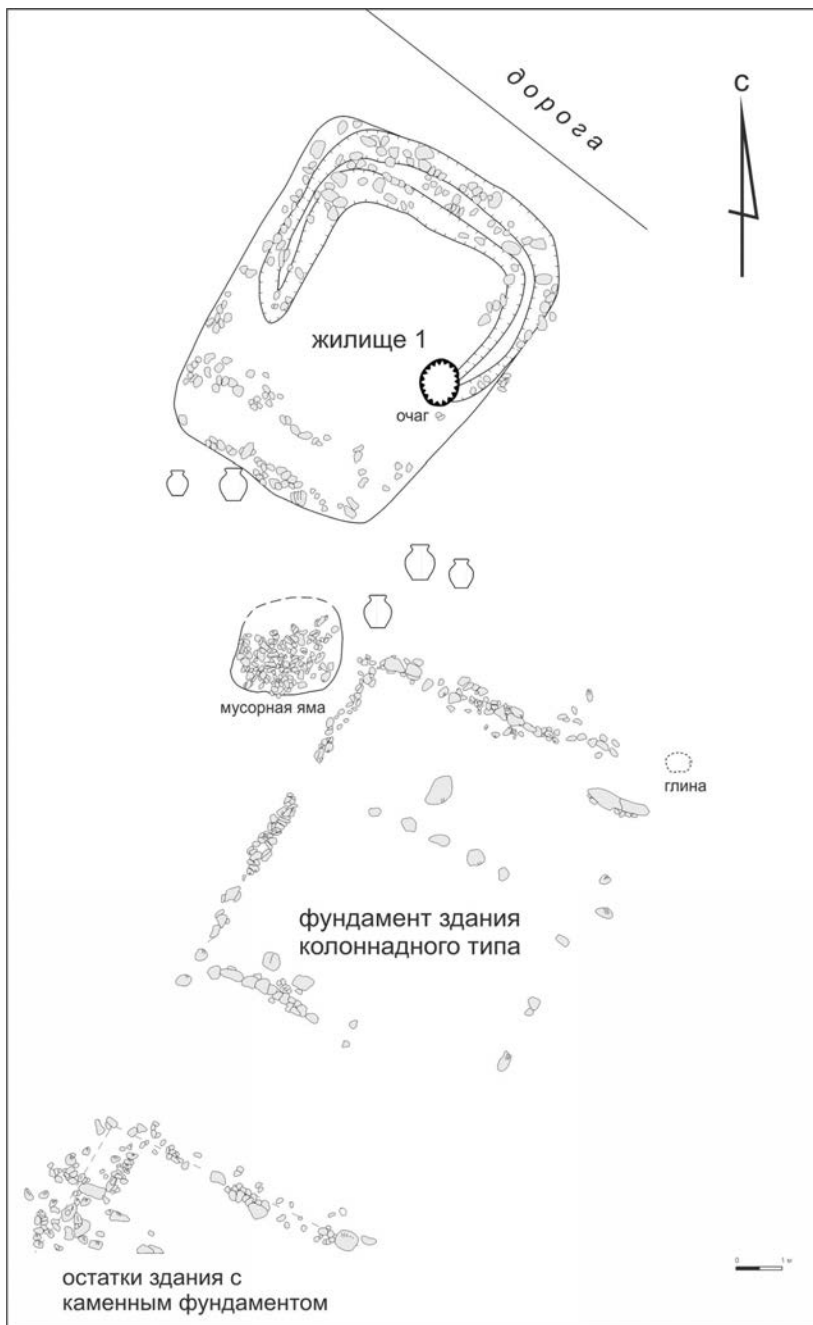

Рис. 3.8.
Участок жилого квартала Краскинского городища
с остатками жилищ и общественных зданий

Жилища. На Краскинском городище частично или полностью изучены 24 жилища (Гельман 2015). Они подразделяются на два типа: полуземлянки с очагом и наземные, слегка заглубленные, с кановой отопительной системой. В обоих случаях они имеют прямоугольную форму, редко — квадратную, углы обычно округлые. Жилища чаще всего ориентированы по линии северо-восток — юго-запад, реже встречается ориентировка по линии северо-запад — юго-восток, север-юг, запад-восток.

Глубина котлованов полуземлянок достигала 0,4–0,5 м, площадь одной полностью изученной полуземлянки составляет около 12 кв. м. В ней найден очаг овальной формы диаметром около одного метра. В некоторых полуземлянках найдены столбовые ямки, которые располагались в основном по периметру жилища, реже в центральной части. Однако полученных данных пока недостаточно для надежной реконструкции полуземлянок. Причиной гибели части бохайских жилищ были пожар и наводнения, почти все полуземлянки после разрушения использовались в качестве мусорных ям.

Наземные жилища обычно немного заглублены на 0,2–0,3 м (рис. 3.8). Их площадь достигала 15–57 кв. м, но чаще в среднем не превышала 20–30 кв. м. Самые большие жилища найдены только в верхнем строительном горизонте. Для основания стен нередко использовался камень, который укладывался в 1–3 слоя и обмазывался глиной. Общая ширина основания не превышала 0,25–0,35 м. В одном из жилищ верхнего горизонта была обнаружена пристройка, имевшая каменное основание. Она могла использоваться как тамбур или как открытая веранда под крышей перед входом в жилище. Все наземные жилища имели отопительную систему типа кан, часто плохой сохранности. Во всех случаях использовались двухканальные каналы П-образной формы в плане.

При сооружении дымоходных каналов кана их стенками являлись врытые вертикально каменные плиты или крупные плоские гальки, перекрытые сверху другими подходящими камнями. Длина секций канов зависела от размеров жилищ, ширина секций обычно превышала один метр. Ширина дымоходных каналов в среднем составляла 22–30 см. С канами обычно связаны один-два очага, диаметры очагов различны — от 0,75 до 1 м в диаметре, глубина — 0,25–0,5 м. Столбовые ямы прослежены в отдельных случаях, но позволяют предполагать, что жилища имели каркасно-столбовую конструкцию. К жилищам примыкали небольшие дворы, в которых найдены остатки хозяйственных ям разных размеров. Как правило, они обмазывались глиной, одна из таких ям располагалась под навесом.

На памятнике раскопан один колодец, построенный на территории храмового комплекса. Он существовал длительное время, имел небольшую глубину — около 3 м, так как грунтовые воды на городище располагались всегда довольно высоко (Гельман и др. 2000). Шахта колодца имеет круглую в плане форму вверху и квадратную форму внизу. Диаметр верхней части на разном уровне составлял 70–115 см, а длина одной стороны квадрата — 115 см. Углы колодца были ориентированы почти по сторонам света. Он был построен вблизи черепичных печей и, видимо, предназначался в первую очередь для нужд черепичного производст-

ва. Колодец сооружался из камня вперемешку со старой и бракованной черепицей, только внутреннее кольцо колодца, а также кладка нижней квадратной шахты были сложены целиком из камня. Колодец возводился на деревянном срубе из двух венцов плах и брусьев (два ряда) толщиной 14–15 см. Дно было выложено каменной галькой средних и мелких размеров, под которой располагался фильтр оригинальной конструкции. Он состоял из слоя песка, который находился между двумя плетнями, сплетенными из тонких ивовых прутьев и закрепленных на дубовом каркасе. Все деревянные конструкции колодца сохранились в естественном виде. Колодец был заброшен в последний период существования городища и завален камнями, ветками деревьев, в том числе фруктовых, керамическими сосудами и черепицей. В заполнении ямы, вырытой для колодца, найдена голова миниатюрного керамического изображения дракона.

Здания на платформе, которые можно условно отнести к общественным или административным, изучались частично (рис. 3.8). В северо-западной части памятника, в жилом квартале, в верхнем строительном горизонте расчищены остатки сооружения площадью 88 кв. м. В северной части памятника исследования бурением позволили выявить остатки каменных фундаментов девяти зданий, площадь некоторых из них была установлена: 4,5×8,1 м, 9×6,5 м, 13×8 м, 20×11 м. В восточной части городища, примыкавшей к воротам, найдены каменные фундаменты двух построек — размерами 10×5 м и 7×5 м. Все обнаруженные здания относились к разным строительным горизонтам (Гельман, Ивлиев 2013).

В процессе археологических исследований установлено, что мощность культурных отложений на городище превышает 2 м. На разных участках выявлено несколько строительных горизонтов. В районе храмового комплекса установлено наличие трех горизонтов, в районе жилых кварталов — 5–6 горизонтов. Вероятно, такая разница обусловлена различной продолжительностью существования объектов. Жилища по сравнению с храмовыми постройками, безусловно, были менее долговечны. Храмовый комплекс отделялся от других кварталов города ограждением на каменном основании. Фрагменты подобных оснований встречались и в северной части памятника. При помощи капнометрии в сочетании с геохимическим исследованием отобранных образцов почвы из разных строительных горизонтов была построена геохимическая модель культурного слоя на одном из полностью раскопанных участков. Она подтвердила результаты археологических исследований.

Для изучения планировки памятника существенное значение имеют дороги. Как уже отмечалось, один из участков дороги с каменным покрытием раскопан в районе восточных ворот. Другой участок найден в жилом квартале в северо-западной части памятника. Каменное покрытие было сильно разрушено, но сохранилась придорожная канава шириной 0,5–1 м. В центре северной части памятника обнаружен еще один участок дороги с каменным покрытием. Дальнейшие работы на этом месте выявили перекресток двух дорог, ориентированных по линии восток–запад и север–юг. Таким образом, найдены разделенные дорогами фрагменты четырех кварталов, исследования которых продолжаются. На участке дороги, ориентированной по линии север–юг, выявлены пять строительных гори-

зонтов, причем в четырех верхних горизонтах дорога имела каменное покрытие. Ширина дорожного полотна на этих выявленных участках достигает 5 м вместе с обочинами. Ширина галечного покрытия 2–2,5 м. Возле храма раскопан еще один участок хорошо сохранившейся дороги, идущей вдоль храмовой ограды с востока на запад, а затем повернувшей в сторону западных ворот с севера на юг вдоль городской стены.

Земледелие и животноводство. Земледельческие орудия на Краскинском городище представлены находками лопат, лемехов и отвалов (рис. 3.9, 8, 12). Но наиболее детальная информация о земледелии была получена благодаря систематическому применению метода водной флотации и сепарации через сито. Культурные растения на городище представлены пылью пшеницы, проса, ячменя и крестоцветных. К настоящему времени идентифицированы карбонизированные семена восьми видов культурных растений, найденные на Краскинском городище (Сергушева, Гельман 2014): ячмень голозерный (*Hordeum vulgare*), ячмень пленчатый (*H. vulgare* var. *nudum*), пшеница мягкая (*Triticum aestivum*), просо японское (*Echinochloa utilis*), просо итальянское (*Setaria italica*), просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*), фасоль угловая (адзуки) (*Phaseolus angularis*), соя культурная (*Glycine max*), растения семейства крестоцветных (*Brassicaceae*), вероятно горчицы (cf. *Brassicasp.*), а также конопля посевная (определения Е.А. Сергушевой и С.В. Баштанника). Эти сведения подтверждаются и палинологическими данными (определения М. Лящевской). В дальнейшем список культурных растений наверняка расширится. Судя по остаткам древесины яблони и груши, найденной в колоде, жители городища занимались садоводством. Неслучайной является, скорее всего, выявленная пыльца облепихи.

В качестве тяглового животного при обработке полей использовался крупный рогатый скот — быки и коровы. Кости коровы, свиньи, собаки, лошади, козы были в значительном количестве обнаружены в жилищах и на дорогах, куда они попадали во множестве вместе с другими бытовыми отходами (Винокурова и др. 2016). Единичны пока определения птичьих костей из-за отсутствия эталонных коллекций, но все же установлено наличие костей курицы на памятнике. Важным открытием стало обнаружение кости верблюда. Несомненно, что для Краскинского городища верблюд являлся экзотическим животным, пришедшим вместе с караваном по торговому пути. Неслучайность этого события подтверждается бронзовой миниатюрной скульптурой верблюда, найденной на этом же памятнике.

Ремесленные производства. На Краскинском городище присутствуют прямые и косвенные свидетельства всех основных видов производств, в числе которых обработка черных и цветных металлов, гончарство и черепичное производство.

Хотя в разных частях памятника обнаружены обломки кузнечных клещей и куски криц, нельзя однозначно установить источник минерального сырья для производства железа, обнаруженного на городище. Однако, судя по результатам химического анализа, можно с большой долей уверенности говорить о генетической связи железных и чугунных изделий (рис. 3.9; 3.10, 2, 4, 9–11; 3.12, 1–10, 12–16, 19) с материалом, обнажающимся на поверхности в среднем и верхнем

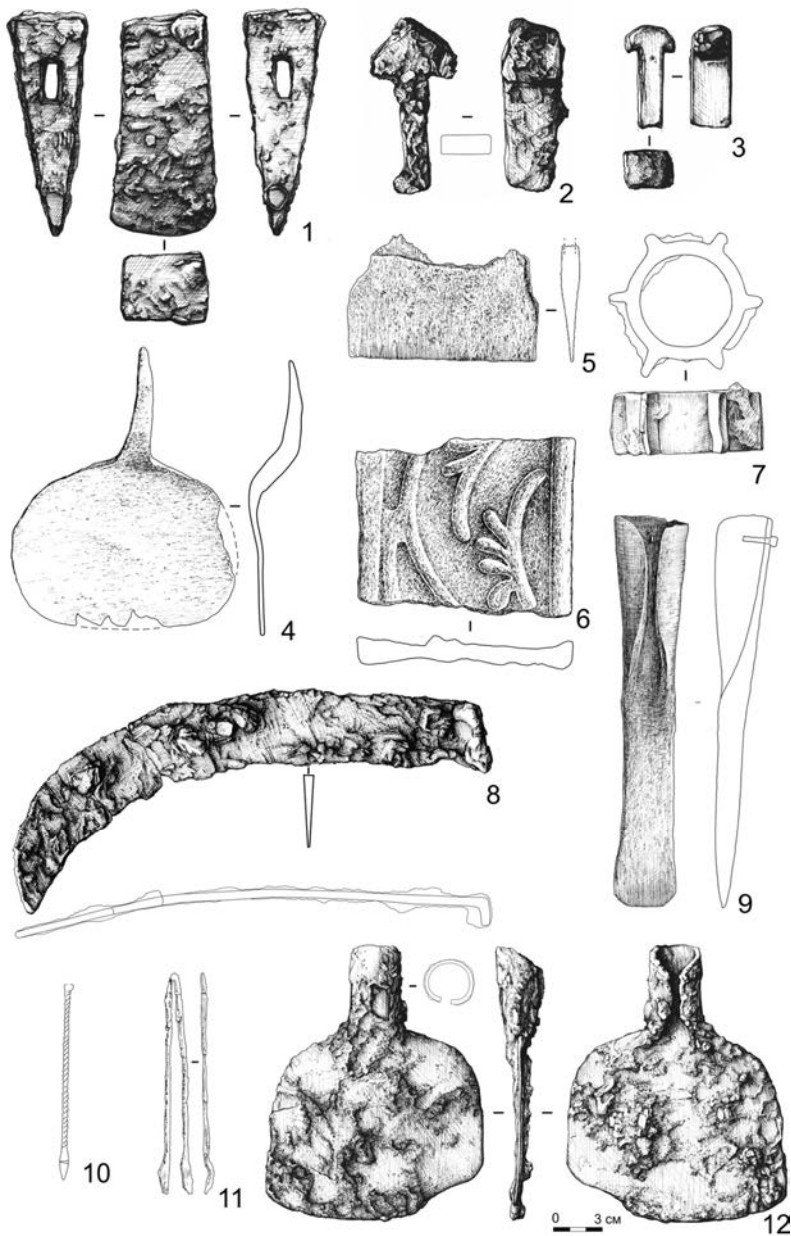

Рис. 3.9.

Железные (1, 4, 5, 8–12) и чугунные (2, 3, 6, 7) бохайские изделия: 1 — топор; 2, 3 — чеки втулки ступиц колес; 4 — лопатка с насадом; 5 — деревообрабатывающий инструмент; 6 — фрагмент рамы-обкладки очага; 7 — втулка ступицы колеса; 8 — серп; 9 — долото; 10 — сверло; 11 — ювелирный пинцет; 12 — лопата (1–3, 7, 8, 12 — из Краскинского городища; 4–6, 9–11 — из городища Горбатка)

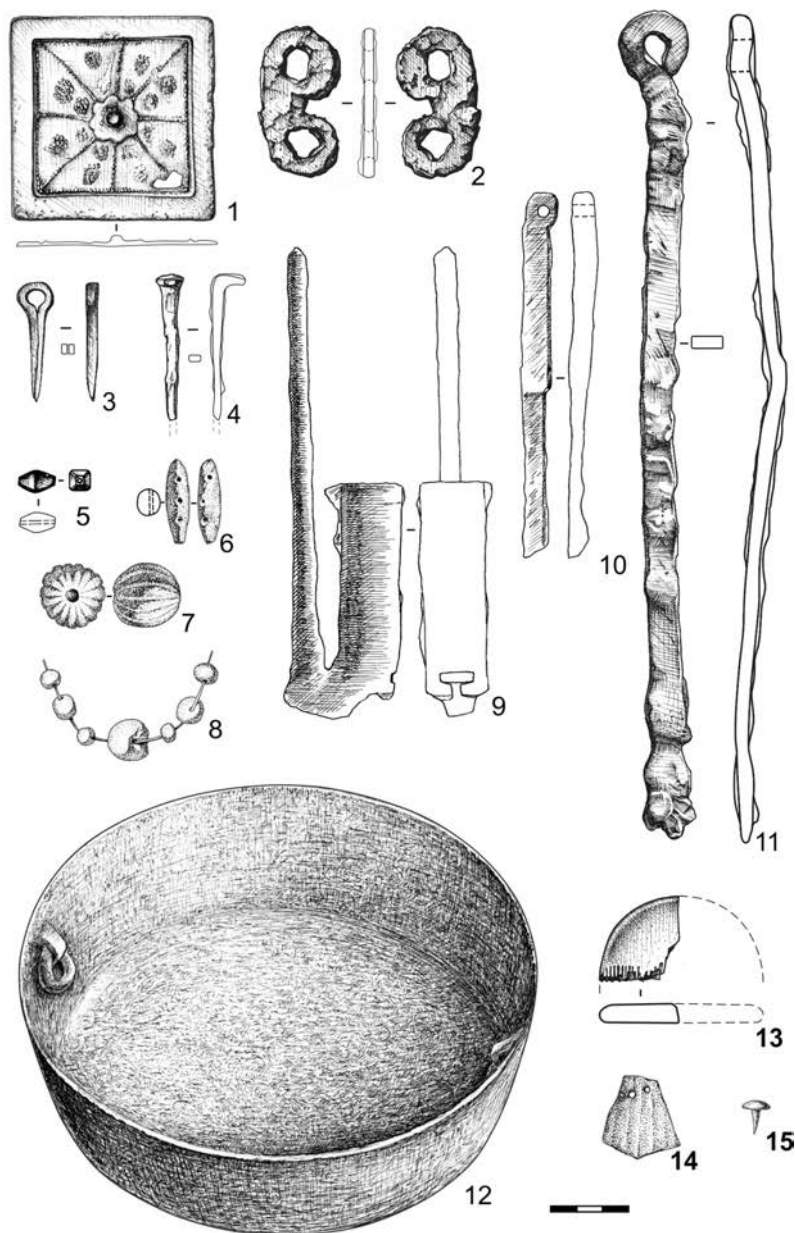

Рис. 3.10.

Бытовые предметы из городищ Краскинское и Горбатка:

- 1 — зеркало; 2 — кресало; 3 — пробой; 4, 15 — гвозди; 5, 7 — бусины; 6 — пуговица; 8 — бусы;
 9 — замок; 10, 11 — ключи; 12 — кованый котел; 13 — гребень; 14 — подвеска
 (1, 3 — бронза; 15 — позолоченная бронза; 2, 4, 9–12 — железо; 5 — камень;
 6–8 — керамика; 13 — дерево; 14 — жаберная крышка)

течении р. Цукановки. Печи для выплавки железа и чугуна, а также кузнечные горны на городище пока не найдены. Для них в качестве топлива мог использоваться каменный уголь, месторождения которого находятся вблизи городища. Во всяком случае, достоверно установлено, что он применялся для отопления жилищ.

Судя по находкам фрагментов тиглей и следам меди на них, население городища занималось бронзолитейным производством (Гельман и др. 2017). Довольно часты находки бронзовых изделий, среди них и такие уникальные, как буддийская миниатюрная скульптура, украшения, зеркала и др. (рис. 3.7, 2–5; 3.10, 1, 3). Химический состав части этих предметов изучен, но установление источника сырья затруднено по ряду объективных причин.

Наиболее многочисленны материалы, связанные с черепичным и гончарным производством, хотя пока найдены только черепичные печи (Gelman 2013) (рис. 3.11). Петрографические исследования черепицы и керамики, а также фрагментов стен печей позволили выяснить, что температура обжига черепицы и керамики обычно не превышала 850°C, хотя гончары могли увеличивать ее до 1000°C. Также выяснилось, что для производства керамики и черепицы использовалась глина, запасы которой в значительном количестве имеются в окрестностях Краскинского городища.

Есть уверенность, что добыча соли для городища имела также важное экономическое значение. Однако мы пока располагаем только косвенными данными, такими как название памятника и реки Яньчихэ-Цукановка, и сведениями архимандрита Палладия о том, что еще в 1871 г. такая добыча велась на берегу бухты Экспедиции.

Домашние промыслы и ремесла (охота, рыболовство, собирательство).

Многочисленные находки костей диких животных, собранных на памятнике, свидетельствуют о том, что охота занимала важное место в системе жизнеобеспечения (Винокурова и др. 2016). Найдены кости кабана, косули, пятнистого и благородного оленя, барсука (определения В.Е. Омелько и М. Винокуровой).

Морские и речные ресурсы на Краскинском городище представлены остатками костей рыб и раковин моллюсков. Кости рыб сохраняются редко, тем не менее идентифицированы кости пилингаса, горбуши, сельди, рыбы-собаки (фугу) и других видов рыб, обитавших в заливе Посьета и бухте Экспедиции (определения А.В. Санниковой). Рыболовные крючки и грузила разных размеров, найденные на памятнике, указывают на то, что бохайцы использовали различную рыболовную снасть, включая сети (рис. 3.13, 1, 3–6).

На основании изучения остатков раковин моллюсков (Шарова и др. 2011) определены семь основных промысловых видов двустворчатых: мидия Грея (*Crenomytilus grayanus*), устрица тихоокеанская (*Crassostrea gigas*), спизула сахалинская (*Spisula sachalinensis*), гребешок Свифта (*Swift opectenswifti*), глицимериса (*Glycymeris yessonsis*) и два вида брюхоногих (рапана *Rapana venosa*, нептуinea луковичная *Neptunea bulbacea*). Доминирующим по частоте встречаемости видом является только спизула сахалинская, значительно меньше добывали мидию Грея и еще реже — остальные виды (определения В.А. Ракова). Все добывавшиеся моллюски обитают в бухтах залива Посьета и в настоящее время, обычно на зна-

чительном расстоянии от городища (от 3–4 до 10–12 км), на относительно небольшой глубине (от 1–1,5 м и глубже) и в разных местах обитания. Кроме того, однажды в жилище нижнего горизонта был найден позвонок кита.

Среди ботанических остатков диких и мусорных растений выявлены косточки винограда, скорлупы ореха сосны. Наверняка важную роль в питании играли и съедобные клубневые растения, которые и в настоящее время произрастают в окрестностях Краскинского городища (Сергушева 2011; Сергушева, Гельман 2014).

Домашние ремесла, которыми занималось население Краскинского городища, традиционно представлены косторезным делом, деревообработкой и ткачеством (рис. 3.10, 13; 3.12, 20, 21). Фрагменты костяных изделий (свистунки для стрел, накладки для лука, декоративные пластины и др.) плохо сохраняются во влажных супесчаных почвах памятника, но те, что удалось найти, изготовлены из костей диких животных. Так как заготовки костяных изделий найдены в обычных жилищах, а их количество незначительно, можно предположить, что обработкой кости занимались для нужд домохозяйств.

Данные о занятиях деревообработкой сохраняются еще реже, однако среди обугленных остатков древесины нередко встречаются следы обтесывания, остругивания, рубки. Деревянный сруб из дуба, фильтр из ивовых веток и чаша, обнаруженные в колодце, а также фрагмент грубо обработанной доски, найденный при раскопках защитных сооружений ворот, — вот те немногие артефакты, которые являются прямыми свидетельствами обработки древесины. Деревообработкой занимались не только для нужд домохозяйств, но и профессионально. Косвенно о высоком мастерстве бохайских мастеров можно судить по остаткам немногочисленного инструмента (топоры, ножи, долота), а также по тому, что в морском порту, каким являлось Краскинское городище, помимо возведения деревянных стен и крыши жилищ необходимо было заниматься ремонтом лодок и кораблей (рис. 3.9, 1, 5, 9). При строительстве зданий колоннадного типа требовалось умение изготавливать огромное количество сложных деревянных деталей, без которых крыша не смогла бы выдержать тяжелое покрытие из черепицы.

Многочисленные керамические пряслица, грузики-отвесы для ткацкого станка, отпечатки тканей и веревки на черепице и керамике указывают на значительные объемы изготавливаемого полотна с разными типами переплетения (рис. 3.14, 1–3, 5). Крапива и конопля — основное сырье — в естественном виде в значительных объемах произрастали в окрестностях городища.

Торговля. О роли, которую играло Краскинское городище в торговле с соседними странами, известно не только из летописей. Разнообразные археологические материалы свидетельствуют как о внутренней, так и о внешней торговле, в которой участвовало население города. К городу вели сухопутные и морские дороги. На памятнике обнаружены импортные стеклянные бусы, включая бусину, изготовленную в одной из мастерских Ближнего Востока. Они в большом количестве попадали по Шелковому пути на Корейский полуостров и Японские острова, и государство Бохай не было исключением. Нефритовые изделия, обломки которых изредка встречаются на Краскинском городище, поступали, вероятнее всего, с территории Танской империи.

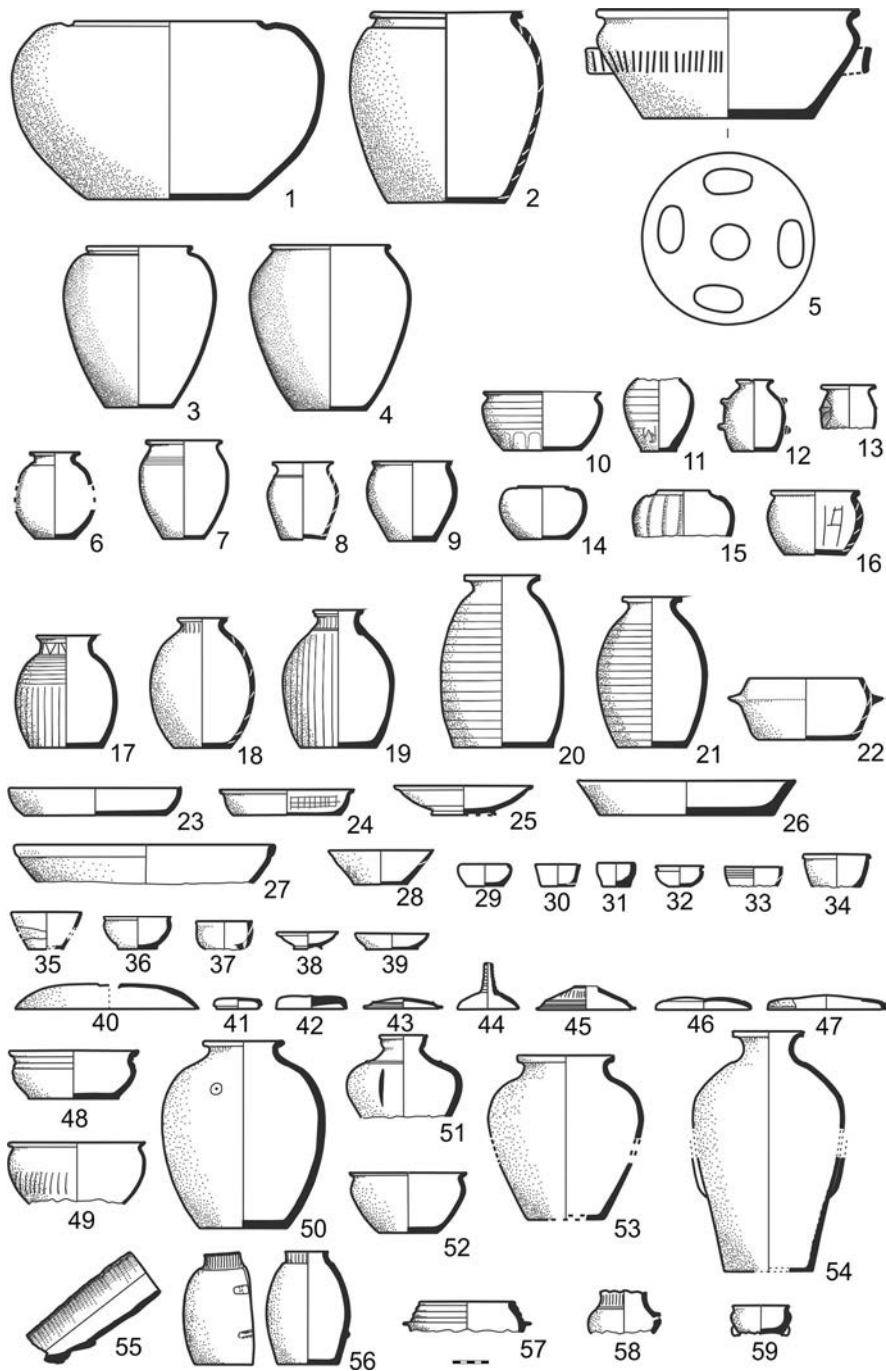

Рис. 3.11.

Бохайская керамическая посуда с Краснинского городища

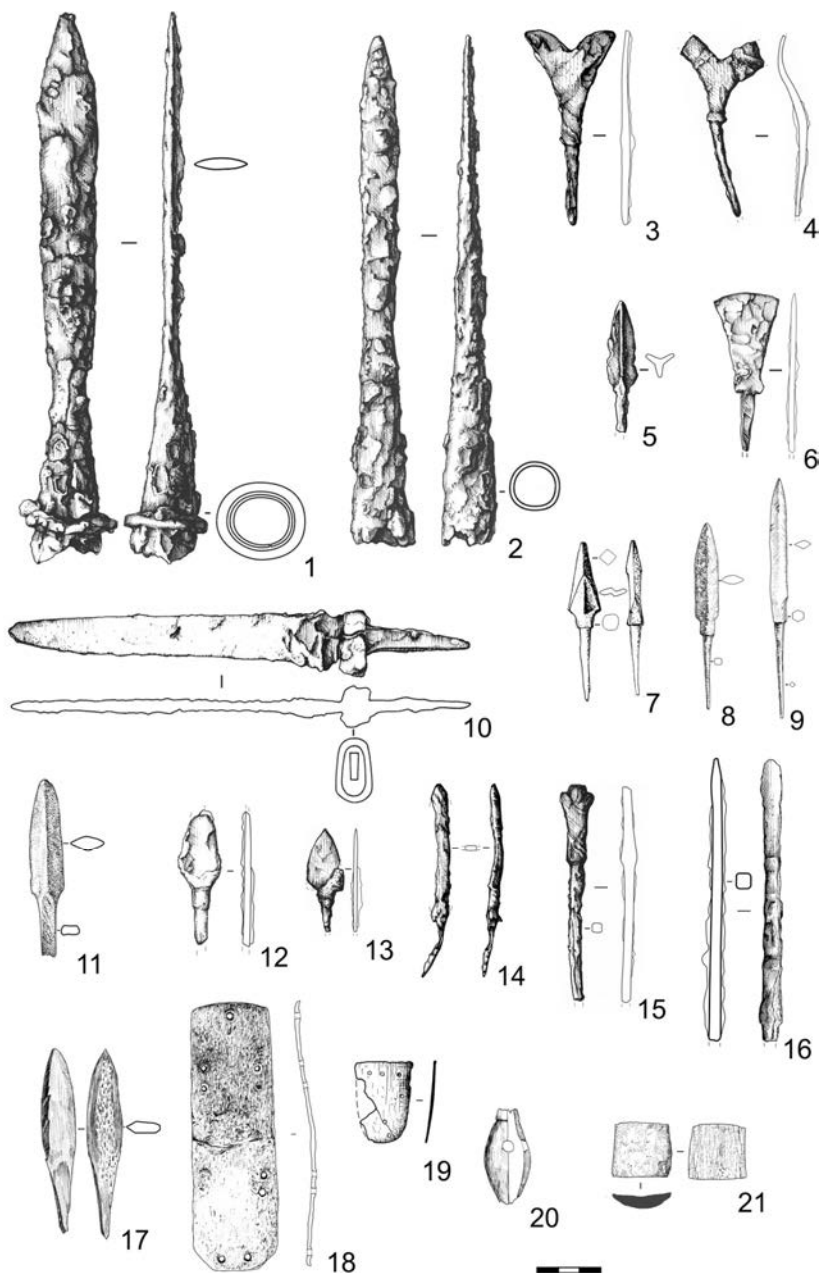

Рис. 3.12.

Образцы оружия и доспехов бохайцев: 1, 2 — наконечники копий; 3–9, 11–17 — наконечники стрел; 10 — нож; 18, 19 — панцирные пластины; 20 — свистунок; 21 — накладка на лук (1–9, 12–16, 18, 19 — железо; 11, 17, 20, 21 — кость) с городищ Краскинское (1–7, 10, 12–16, 19) и Горбатка (8, 9, 11, 17, 18, 20, 21)

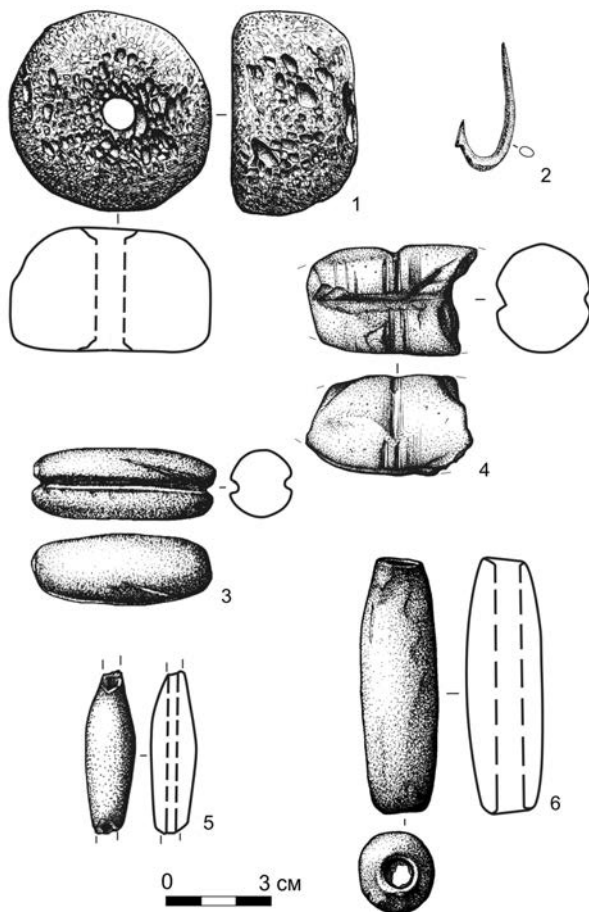

Рис. 3.13.

Орудия лова с бохайских памятников российского Приморья:
 1, 3–6 — грузила с Краскинского городища (1 — пемза; 3–6 — керамика);
 2 — рыболовный крючок с городища Горбатка

Регулярно в культурных отложениях городища встречаются фрагменты глазурированной керамики и фарфора, изготовленных в танских печах Китая, — *юэяо* (провинция Чжэцзян), *динъяо* и *синъяо* (провинция Хэбэй), *чаниша* (провинция Хунань) (Гельман 2014).

Среди обломков сосудов со свинцовой глазурью сорта саныцай подавляющее большинство было произведено, скорее всего, в Бохае (Гельман и др. 1999; Furihato et al. 2015). Анализ химического состава (высокое содержание оксида свинца — от 56,32 до 72,79%) в сочетании с низкой температурой обжига (не более 900–950°C) указывают на его производство в бохайских печах. Цвет черепка и глазури, отсутствие в некоторых случаях ангоба отличают эту керамику от китайского саныцай. Поскольку бохайские саныцай не найдены на памятниках за пределами

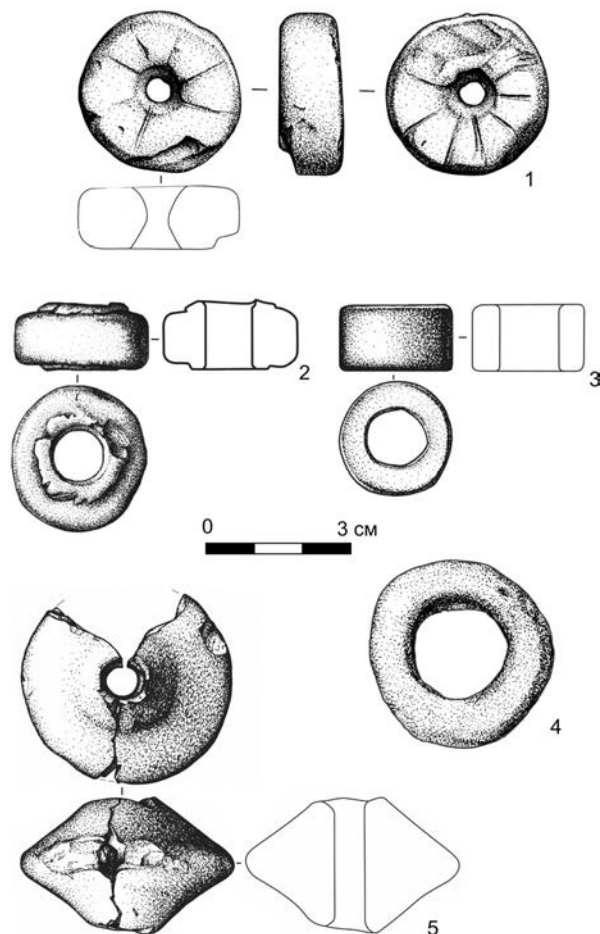

Рис. 3.14.

Орудия ткачества с бохайских памятников: 1–3, 5 — керамические пряслица с Краскинского городища; 4 — керамический грузик-отвес с городища Горбатка

Бохая, можно предположить, что печи для их производства работали на территории государства на внутренний рынок. Косвенными свидетельствами наличия таких печей в Бохае служат находки глазурованной черепицы в столичных бохайских городах. Чаще всего на Краскинском городище встречаются фрагменты керамики со свинцовой глазурью, следующими по встречаемости являются фарфоровые изделия *динъяо* и *синъяо*. Стоит добавить, что фрагменты керамики сорта саныцай найдены на городище во всех строительных горизонтах.

В единичных случаях на Краскинском городище обнаружены остатки черного лака в глиняной чаше и остатки нефтяного продукта в одном из сосудов. Исследования Кодзимы Ё и его коллег выполнены в лабораториях университета г. Канадзава и г. Нара (инфракрасная спектроскопия Фурье FTIR, газ-хроматография

Gas Chromatography). Дерево уруши (лаковое дерево — *Rhus vernicifera*), из которого получают сок для производства лаков, встречается на территории Китая, Кореи, Японии и восточной части Гималаев. Неизвестно, откуда лак был привезен в морской порт Яньчжоу, так же как и асфальт (Кодзима, Гельман 2011). Ближайшее место, откуда могли поступать нефтепродукты, — провинция Северный Хамген (КНДР), где находилась пограничная территория между Бохаем и Объединенной Силла. Однако не исключено, что битуминизированная нефть могла быть привезена из Японии, где много ее естественных выходов на поверхности, в том числе в провинциях Ниигата и Акита, куда прибывали и откуда отправлялись бохайские и японские посольства (Дерюгин, Гельман 2015).

Функциональное назначение. Краскинское городище сочетало несколько основных функций. Как административно-территориальная единица в государстве Бохай, город являлся окружным центром Яньчжоу, входившим в столичную область Луньюаньфу. В округ входили четыре уезда: Хайян, Цзехай, Гэчуань и Лунхэ. А.Л. Ивлиев полагает, что город Яньчжоу мог быть одновременно и уездным центром Хайян, название которого переводится как «находящийся на северном берегу моря», что соответствует местонахождению Краскинского городища на северном берегу бухты Экспедиции (Ivliev 2013: 140). Сочетание двух административных функций (в том числе окружного и уездного центра) встречалось и в других регионах Бохая.

Название города, упомянутое в «Синь тан шу», как справедливо предположил Палладий Кафаров, совпадает с гидронимом — рекой Яньчихэ (Янь означает «соль»). Город у моря обеспечивал добычу соли, которая традиционно осуществлялась на берегу бухты Экспедиции вплоть до конца XIX в. Соль в средневековье имела высокую цену и могла в качестве налогов изыматься для нужд других регионов государства.

Главная функция города заключалась в том, чтобы обеспечивать морской путь в Японию. Эта задача придавала ему высокий статус и сохранила в истории его название. «Дорога в Японию» упоминается в письменных источниках, она официально как сухопутная начиналась в Восточной столице (городище Баляньчэн близ г. Хунчунь КНР). За все время дипломатических отношений между Бохаем и Японией из Краскинского городища отправились 33 бохайских посольства из 34. Все японские посольства (таких миссий было 13) уезжали домой также через этот порт. Сами посольства являлись формой международной торговли, как государственной, так и частной. Самые разнообразные товары перемещались через Краскинское городище и прибывали сюда как морем, так и сухопутным путем. К сожалению, большая их часть в почве не сохраняется — шелковые ткани, шелковая вата, пояса, меха, женьшень, панты. находка кости верблюда указывает на то, что сюда приходили караваны с грузами. С большой долей вероятности можно утверждать, что в одной из частей города находится квартал, где останавливались посольства и имелись склады для товаров. Так как бухта Экспедиции была мелководной, рейд, где останавливались корабли, скорее всего, находился в Посьете. Оттуда на лодках через залив и по реке товары и людей можно было доставить в Краскинское городище. Не случайно дорога из восточных

ворот направляется в сторону р. Цукановки (Яньчихэ). Таким образом, власти и население города обеспечивали функционирование порта.

Вместе с тем город являлся крупным торгово-ремесленным центром, здесь велась преимущественно меновая торговля товарами из других стран, из других регионов Бохая и местного производства. Свидетельства обработки черных и цветных металлов, гончарное и черепичное производства, ткачество, деревообработка и косторезное дело обеспечивали потребности жителей и гостей города в массовых товарах.

Часть населения занималась сельским хозяйством — выращиванием зерновых и бобовых культур, садоводством, разведением домашних животных. Без собственного обеспечения пищей город не смог бы выживать. Охота, морской промысел, собирательство и рыболовство играли вспомогательную, но важную роль в системе жизнеобеспечения Краскинского городища — центра округа Яньчжоу.

Городище Горбатка

Городище Горбатка расположено в Михайловском районе Приморского края, на территории современного села Горбатка, на правом берегу р. Илистой, которая раньше называлась Лефу, что означает «медведь» на маньчжурском языке (рис. 3.3, 3). Хотя долина реки за последние 100–150 лет заметно обезлесилась, но и в настоящее время уже в 4–5 км от городища начинается таежная зона, которая, вероятно, в бохайское время располагалась еще ближе к нему. Притоки, впадающие в р. Илистую, бегут с сопок и в период циклонов и тайфунов быстро наполняют ее так, что река разливается на десятки километров, покрывая всю долину. В этом случае незатопленным остается только городище Горбатка. Аллювиальные почвы в долине реки вполне благоприятны для выращивания зерновых и овощных культур.

Самый ранний период заселения этого памятника связан с населением кроуновской культуры раннего железного века, практиковавшим грядковую систему земледелия. Следующий период заселения относится к бохайскому времени. Он предположительно продолжался с конца VIII в. до первой половины X в. С этим периодом связаны основные культурные отложения. Третий период заселения относится к переселению на территорию городища Горбатка и прилегающие к нему земли корейцев примерно в начале XX в. Таким образом, во все исторические периоды, как и в настоящее время, это место всегда оставалось привлекательным для земледельцев.

Фортификационные сооружения и топография. Городище имеет неправильную форму, поскольку вписано в рельеф местности и площадь около 10 га. Оно обнесено каменным валом протяженностью около 1250 м. Обнаружены четверо ворот, у которых нет специальных защитных конструкций в виде захабов, как и на большинстве бохайских городищ. Ворота в настоящее время выглядят как разрывы в валу с высоким пандусом. Изнутри высота вала составила 2–2,3 м, снаружи 4–4,2 м, ширина основания вала 10–16 м, сверху — 2,5 м. Что касается ворот, проходы в которых оформлены в виде пандуса, то двое из них расположе-

ны почти по центру на западном и северо-восточном участках вала, третьи находятся в центре верхней половины восточного участка вала, а четвертые устроены в юго-восточном углу городища (напротив северо-восточных ворот). На южном участке, недалеко от ворот в юго-восточном углу городища, с внешней стороны вал был очищен от листвы и дерна. При этом обнажились семь рядов каменной кладки. В основании вала отчетливо обозначился прямоугольный проем в стене, заполненный в настоящее время землей. Надо полагать, что в древности он использовался для стока воды, т.е. был сквозной.

Перед северо-восточными воротами расположена высокая платформа, которая образует единое целое с воротами. К платформе и городищу с северо-восточной стороны подходит старица — бывшее русло реки, которое соединяется с ней во время наводнений. Возможно, в бохайское время оно было частью рва, окружавшего городище. На платформе размером 28×18 м найдены каменные базы — остатки здания колоннадного типа, которое в длину составило 25 м, но осталось недокопанным. Каменные базы по длине здания расположены на расстоянии около 3 м. Его функциональное назначение пока остается неясным, предположительно оно представляет собой остатки почтовой станции.

Сооружения. Территория городища занята современными постройками, которые расположены вдоль центральной улицы, протянувшейся от южных к северным воротам. Эта улица проходила здесь и в бохайское время. Современными постройками оказалась нарушена территория, прилегающая к дороге, а корейскими фанзами — часть остальной площади городища. Тем не менее на его территории есть значительные участки, где культурный слой сохранился полностью и достигает мощности более 2 м. В процессе раскопок были выявлены пять строительных горизонтов, в которых содержались на разных уровнях полностью или частично остатки 12 жилищ и одного колодца. Раскопки показали, что плотность заселения на памятнике хотя и менялась от нижнего горизонта к верхнему, но в целом была всегда очень высока.

Конструкции жилищ менялись от нижнего горизонта к верхнему. В самом нижнем слое раскопаны одно жилище полностью и три частично. Все они представляют собой по-разному ориентированные полуземлянки глубиной около 50 см с очагами, устроенными в задней части жилища. В жилище 3 напротив очага обнаружены земляные нары, оставленные в виде ступеньки одновременно с рытьем котлована под жилище. Так как на этом участке городища материковым слоем является в основном ярко-желтая глина, то в нижнем строительном горизонте особенно четко выявляются все последовательные шаги, связанные с сооружением котлованов жилищ. Из трех других частично раскопанных жилищ нижнего горизонта два также имеют признаки наличия в них земляных нар.

Раскопанные в двух жилищах округлой формы очаги (жилища № 3 и 8) занимают почти половину задней части жилища и располагаются напротив нар. Они углублены на 25–40 см и не имеют каменной обкладки, так как устроены прямо в глине. Рядом с ними могут находиться отдельные крупные камни, которые использовались бохайцами как подставка, точило или наковаленка.

После того как жилища нижнего горизонта забрасывались, что происходило по разным причинам, они превращались в мусорные ямы для соседей. Во всех остальных четырех строительных горизонтах жилища уже имели кановую отопительную систему. В период существования нижнего горизонта произошло сильное наводнение, которое частично разрушило это жилище, а также покрыло слоем илесто-глинистых отложений до 15–20 см уже заброшенные к этому времени жилища нижнего, 5-го горизонта. На основании этого факта мы предположили, что, вероятно, до этого наводнения крепостные стены не были еще построены. А их сооружение было связано не только с функцией защиты поселения от военной опасности, но и с защитой его от наводнений.

Особенно хорошо сохранились остатки кана жилища № 4 из 4-го строительного горизонта. Кан был двухканальный, его дымоходы сооружены из вертикально поставленных каменных галек, деревянного каркаса и редко перекрыты сверху также каменными гальками. Все это сооружение обмазывалось толстым слоем глины. Частично сохранилась и труба в виде углисто-золистого пятна. Ее каркас сооружался из веток, обмазанных глиной. Внутренние каналы кана (которые обращены внутрь жилища) шли прямо к трубе, соединяясь перед ней. В трубе в этом месте имелся специальный вход.

Внешние каналы кана примыкали непосредственно к стенам жилища (т.е. стенка жилища являлась одновременно одной стенкой дымоходного канала). Но прежде чем попасть в трубу, они в углах задней части жилища проходили через вертикальные полые шахты, обмазанные в верхней части глиной и имевшие два отверстия — вход и выход. Оба отверстия имели либо каменные, либо керамические заслонки. Мы предполагаем, что эти шахты играли роль накопителей горячего воздуха, помогая дольше обогревать жилище. В передней части жилища № 4 была найдена еще одна такая шахта, как и в другом жилище из этого строительного горизонта. Их глубина варьирует от 40 до 80 см. Таким образом, можно сказать, что бохайцы, которые начинали на Горбатке строить первые жилища с канами, были уже знакомы с этим техническим приемом. В этом же, 4-м горизонте были частично вскрыты остатки еще двух жилищ с кановой отопительной системой.

В одном из строительных горизонтов обнаружены остатки погребка диаметром немногим более метра, стенки погребка были выложены разбитыми крупными фрагментами чугунного котла и керамической корчаги. Помимо костей животных из заполнения погребка извлечена нижняя часть сосуда с сохранившимися в нем отваренными улитками.

В верхнем строительном горизонте раскопаны остатки колодца. Общая высота колодца составила почти 3 м без надземной части. Стены его были сложены преимущественно из камня. Основание колодца имело форму квадрата, сторона которого изнутри составляла 90–98 см. Углы колодца были ориентированы почти по сторонам света. Нижняя квадратная часть на глубину до 60 см была обшита частично сохранившимися досками. Выше начиналась каменная кладка, два яруса которой имели также квадратную форму, выше шахта приобрела круглую в сечении форму. Диаметр ее на разных уровнях составил 84–110 см.

Материальная культура населения. Несмотря на то что не все жилища раскопаны полностью, все же мы получили на этом памятнике весьма разнообразные изделия, характеризующие не только материальную культуру населения городища Горбатка, но и бохайскую культуру в целом. Хотя пока не найдены следы производства и обработки железа на памятнике, однако обнаружены чугуновые изделия (котел, фрагмент лемеха), железные наконечники стрел, ножи и панцирная пластина, из бытовых предметов — гвозди, ключи от замков, подковные гвозди, пряжка, скобы, рыболовный крючок, а также инструменты — пинцет, угломер, сверло (рис. 3.9, 10, 11).

В большей части жилищ найдены фрагменты льячек — для плавки бронзы, а также изделия из бронзы — пряжки, фрагменты браслетов, фрагмент зеркала, декоративные гвозди, а также бронзовый и медный лом (Гельман, Кодзима 2013). Факт плавки бронзы на памятнике подтвердили анализы г-на Кодзимы, который исследовал поверхностный слой льячек, сохранивших следы металла.

Значительное место в хозяйстве бохайцев городища Горбатка занимали костяные изделия. Это наконечники стрел и обкладки для лука, накладки с орнаментом, палочка для копки женьшеня, обработанные рога косули для развязывания узлов веревки и другие пока неясные нам предметы (рис. 3.12, 11, 20, 21).

Каменные изделия на памятнике были немногочисленны, но разнообразны: это точильца из сланца, бусы из сердолика и жадеита, фрагмент кольца для серьги, обломки нагрудных широких плоских колец-дисков.

Среди изделий из керамики, найденных на памятнике, присутствуют нагрудные керамические диски-кольца, пуговицы, бусы и предметы, которые обычно называют бохайскими «кубиками». Им приписывают традиционно ритуальное значение, так как некоторые из них имеют антропоморфные черты (глаза, брови). Но, вероятнее всего, они имели практическую значимость, например для фиксации веревки, концы которой пропускались через отверстия. Эти изделия могли позволить использовать веревку без завязывания специальных узлов и легко регулировать высоту подвешенных предметов. Значимость такого фиксатора несомненно возрастала, если он использовался над очагом или над подвешенной колыбелью. Вполне закономерно, что такие предметы могли одушевляться и надеяться сверхъестественными возможностями.

Керамика городища Горбатка имеет большое сходство с керамикой других памятников (рис. 3.11), отражающее общность бохайской культуры. Если оценивать степень сходства по количеству видов сосудов, встречающихся на бохайских памятниках российского Приморья, то, например, по отношению к керамике Краскинского городища она составляет 54%. По этому показателю городище Горбатка стоит на одном уровне с Николаевским-II городищем и Константиновским поселением, но отстает от Абрикосовского поселения и в то же время существенно опережает все остальные бохайские городища, поселения и даже храмовые постройки.

Вместе с тем в лепной керамике городища и керамике, изготовленной на медленном круге, наблюдаются и черты, отражающие культурные особенности. Форма этой керамики, особенности оформления деталей в совокупности с тех-

нологическими характеристиками позволяют рассматривать это городище вместе с Николаевским-I и Николаевским-II городищами как отдельную группу бохайских памятников. Это, возможно, связано не только с культурными, но и с этническими особенностями населения долины р. Илистой. Необходимо отметить также, что на более ранних мохэских памятниках этого региона такой лепной керамики, как на городищах Горбатка, Николаевское-I и II, не найдено. Не исключено, что население этих памятников сформировалось уже в бохайское время.

Пока немногочисленные находки глазурованной керамики на городище Горбатка иллюстрируют участие его населения во внутренних и внешних торговых обменах в Бохае. Бохайский саньцай был найден в 1-м нижнем строительном горизонте в очаге жилища 3, а фрагмент керамики *юэяо* (производившейся в китайской провинции Чжэцзян) — в мусорных отложениях другого жилища нижнего горизонта. Более наглядно широкий обменный процесс иллюстрируют находки остатков моллюсков из жилищ городища Горбатка.

Реконструкция системы жизнеобеспечения населения. На городище и вокруг него обследованы все минеральные ресурсы, входящие в зону хозяйственного использования. Это позволило установить вблизи памятника наличие оловорудного месторождения, пригодного также для получения в небольших количествах меди. Кроме того, в окрестностях городища имеются доступные значительные по объему месторождения глины (включая бурые, коричневые, серые и белые), а также строительного камня (в том числе андезибазальты в виде плотных и пористых разностей), использовавшиеся местным населением.

Изучение культурных отложений на памятнике с помощью методов водной флотации и водной сепарации дало нам возможность за довольно короткое время получить обширную, сбалансированную по всем видам экофактов коллекцию, которая позволяет осуществлять реконструкцию системы жизнеобеспечения бохайского населения в этой части Бохайского государства.

Значительное количество образцов карбонизированной древесины, найденной в процессе раскопок, стало вполне пригодно для определения пород деревьев, произраставших вокруг памятника в бохайское время и использовавшихся населением для построек, топлива и других целей. Наиболее часто использовалось не более восьми таксонов, в числе которых сосна, дуб монгольский, береза, клен и др.

К настоящему времени мы располагаем данными о 12 видах культурных растений, относящихся к зерновым, зернобобовым, крупяным и техническим культурам, которые возделывало население городища в долине р. Илистой. Немаловажную роль в жизни населения играли также дикоросы (Сергушева 2002а).

Составной частью жизнеобеспечения населения городища Горбатка являлось разведение домашних животных, в числе которых значительное место занимало выращивание свиней и собак (для еды), крупного рогатого скота, лошадей. Тем не менее роль охоты оставалась также высокой, и среди остатков дикой фауны частыми находками являются остатки дикого кабана (в том числе клыков), крупного оленя, косули, медведя и мелких роющих животных (Панасенко, Гельман 2008, 2009).

Исследованы также к настоящему моменту остатки моллюсков (Раков, Гельман 2002). В процессе раскопок были найдены сотни фрагментов, принадлежавших 29 видам, в том числе 15 из них — это морские виды, как двустворчатые, так и брюхоногие, хотя памятник располагается на расстоянии не менее 70 км от моря по прямой (и не менее трех дней пути в реальности). В настоящее время еще находятся в процессе изучения найденные нами кости рыб, однако среди них предварительно также выделяются пресноводные и морские рыбы (Беседнов, Гельман 2011). Несомненно, что они дополняют наши знания в целом о системе жизнеобеспечения у бохайцев и дадут возможность представить себе годичный цикл их хозяйственной деятельности.

Функциональное назначение городища. Городище Горбатка, по всей вероятности, имело высокий статус в административно-территориальной системе Бохая. Площадь памятника соотносима с площадью Краскинского городища, которое являлось центром округа Янь, входившего в столичную область (Восточной столицы). Николаевское-I и II городища, расположенные неподалеку от городища Горбатка, скорее всего, были уездными центрами, будучи значительно меньше по площади. Окончательные раскопки остатков здания с каменными базами перед северо-восточными воротами, возможно, дадут дополнительную информацию о статусе этого памятника в государственной системе Бохая. Тем не менее уже имеющиеся данные характеризуют городище как один из периферийных центров. Возможно, он маркирует административную границу государства на одном из этапов существования Бохая.

Николаевское-I городище

Долинное городище Николаевское-I находится в 3 км от южной окраины села Николаевка (Приморский край, Михайловский район), вверх по долине р. Илистой (рис. 3.3, 4). Оно расположено на возвышенном участке долины, недалеко от р. Чука — притока р. Илистой. Впервые о городище сообщил Ф.Ф. Буссе (Хорев 1978: 25).

Городище обнесено оборонительным валом прямоугольной формы, имеет следующие размеры: внутренняя площадь — 60 785 кв. м; площадь по внешней стороне вала — 74 959 кв. м; протяженность вала — 1010 м; ширина в границах валов — от 177 до 223 м, длина — от 240 до 280 м. Ориентирован памятник углами по сторонам света. Вал сильно оплыл. Его средние размеры составляют: ширина по подножию — 15 м; ширина по вершине — 3 м; высота — 2 м. На данный момент сохранилось трое ворот. По описанию предыдущих исследователей, их было четверо, причем южные ворота имели Г-образный захаб. Сейчас на этом месте наблюдаются только два небольших останца вала. Разрушения произошли в ходе перестройки дороги Николаевка–Отрадное, которая проходит через весь памятник. Общая площадь разрушения дорогой составляет 11 640 кв. м. На территории городища долгое время находились огороды, что привело к сильной запашке верхней части культурного слоя.

В 1977 г. В.И. Болдиным (Болдин 1977; Болдин, Семениченко 1978) был заложен небольшой раскоп у южных ворот городища и одновременно проведена его инструментальная съемка. В ходе раскопок было найдено два небольших жилища — полуземлянки, а также выделено два культурных слоя — бохайский (верхний) и кроуновский (нижний). Жилища представлены котлованами прямоугольной формы с округлыми краями. Археологический материал, собранный в ходе раскопок, позволил исследователям датировать его VIII–X вв. и отнести к бохайскому времени (Государство Бохай... 1994: 58).

С 2010 г. начался новый этап изучения памятника. Было заложено два раскопа. Раскоп 1 площадью 25 кв. м (5×5 м) заложен в западной части городища недалеко от вала. Изучен культурный слой мощностью до 80 см. Найдены остатки платформы, забутованной камнем, которая относится к фортификационной системе городища. Под платформой найдены остатки древних построек, относящихся к более раннему времени. Среди этих слоев прослеживалась мохэская керамика. В нижней части культурных отложений раскопа найден котлован жилища, которое относится к зайсановскому времени эпохи неолита. На дне котлована обнаружено несколько сосудов зайсановского времени (Прокопец 2012).

В 2012 г. был заложен раскоп 2 общей площадью 200 кв. м (Прокопец 2012; 2015). Раскоп 2 является продолжением северной стенки раскопа 1. В ходе работ изучены культурные наслоения мощностью до 90 см. Во время раскопок исследовано большое число хозяйственных ям и при этом найдено множество фрагментов различной керамической посуды, в основном бохайского времени, костяные и железные наконечники стрел, а также бытовые инструменты (серп, гвозди, обломки и целые ножи, оселки и т.д.). Из военных вещей стоит отметить панцирную пластину с нехарактерным набором отверстий для бохайского времени. Среди украшений были бронзовая накладка и несколько обломков бронзовых колец от браслета и от серьги. В результате исследований участок, где был разбит раскоп 2, предварительно отнесен к хозяйственной территории (Прокопец 2015). Интересной находкой, которую стоило бы отметить, был музыкальный инструмент — варган (Лещенко, Прокопец 2015).

Кроме бохайской керамики, собранной на всех уровнях культурных наслоений, в обоих раскопах собран остеологический материал, который относится ко времени государства Бохай. Он представляет гастрономическое разнообразие мясной пищи населения Николаевского-I городища. В него входили как домашние, так и дикие виды различных животных: собака — *Canis familiares*, лошадь домашняя — *Equus caballus*, крупный рогатый скот — *Bostaurus*, овца — *Ovisaries*, свинья домашняя — *Sus scrofa*, кабан — *Sus scrofa*, косуля сибирская — *Capreolus pygargus*, олень благородный — *Cervus elaphus*, олень — *Cervus* sp, медведь бурый — *Ursus arctos*, соболь — *Martes zibellina*, барсук азиатский — *Meles leucurus*, заяц маньчжурский — *Lepus mandshuricus*, бобр обыкновенный — *Castor fiber*, белка обыкновенная — *Sciurus vulgaris*. Мясная пища дополнялась пресноводной рыбой и пернатой дичью, определить которые до вида, к сожалению, не удалось (заключение по костным остаткам было лю-

безно предоставлено В.В. Гасилиным (Институт экологии растений и животных УрО РАН) (Прокопец 2014).

Во время археологических работ на памятнике собрано большое количество раковин морских и пресноводных моллюсков. Часть моллюсков использовалась в пищу (жемчужницы, перловицы, устрицы, мидии, гребешки), а другая — как украшения (параюга, рапана, анадара) (Саенко, Прокопец, Лутаенко 2015).

В ходе раскопок на памятнике четко выделились только бохайский и зайсановский неолитические культурные слои (в раскопе 1). Вместе с тем весь полученный керамический материал относится к нескольким различным археологическим культурам: зайсановской (неолит), кроуновской (ранний железный век), ольгинской (ранний железный век), мохэской (раннее средневековье), бохайской (средневековье) (Прокопец 2015). Основные отложения на памятнике (верхний слой) связаны с бохайской культурой.

Николаевское-II городище

Городище расположено в Михайловском районе Приморского края на левом берегу р. Илистая, в 500 м от с. Николаевка и в 5 км от городища Николаевское-I (рис. 3.3, 5). Впервые о памятнике сообщил в 1888 г. Ф.Ф. Буссе. В 1972 г. его исследовал О.С. Галактионов, а в 1975–1977 гг. проводил раскопки В.И. Болдин (Хорев 1978: 25; Болдин, Семениченко 1978). Площадь городища составляет 4 га. Само оно долинного типа, в плане подпрямоугольной формы, размером 140×290 м, ориентировано по сторонам света. Высота валов 1–2 м. Ворота представлены разрывами в валу в южной и восточной стенах городища. К настоящему времени памятник практически полностью уничтожен пахотой и мелиоративными работами. Археологическому исследованию подверглось 1511 кв. м, что составило 3,7% его внутренней площади. Исследования проходили в северо-западной, северо-восточной и центральной части памятника. Городище имеет один слой, но два строительных горизонта. Нижний датирован VIII — первой половиной IX в., а верхний — IX–X вв., что соответствует раннему и позднему этапу бохайской культуры (Государство Бохай 1994: 57–58; Болдин, Семениченко 1978: 58–62). Жилища нижнего и верхнего горизонтов практически одинаковы и имеют прямоугольную в плане форму. Единственным отличием является наличие тамбура перед входом у жилищ нижнего горизонта и его отсутствие у жилищ верхнего (Государство Бохай 1994: 73).

В ходе археологических работ на памятнике была собрана богатая археологическая коллекция. Были найдены сельскохозяйственные орудия, железные и костяные наконечники стрел, кузнечные инструменты, чугунные котлы, предметы украшения, костяные изделия, фрагменты военной амуниции (панцирные пластины), большое количество станковой и лепной керамики (Государство Бохай 1994: 92–164).

Остеологический материал, который был собран во время раскопок, представлен следующими видами диких животных: волк, красный волк, лисица, енотовидная собака, черный и бурый медведь, барсук, россомаха, харза, мелкие куньи, тигр,

кабан, косуля, пятнистый олень, изюбрь, лось, горал, заяц, бобр и т.д. Из костей домашних животных присутствуют кости свиньи, собаки, коровы, лошади, овцы (заключение по костным остаткам Э.В. Алексеевой) (Алексеева, Болдин 1986).

На городище был найден целый кузнечный комплекс, представленный остатками кузнечной мастерской на фундаменте площадью 70 кв. м, в которой находилось девять горнов. Кроме того, отдельно было найдено семь горновых ям (Государство Бохай 1994: 106).

Новогордеевское городище

Памятник находится в Анучинском районе Приморского края и имеет еще одно, более распространенное название — Круглая сопка (рис. 3.3, 2). Городище действительно находится на сопке Круглой в 5 км на северо-восток от пос. Новогордеевка, на правом берегу р. Арсеньевки. Осенью, когда уже опадет листва, и весной, когда только пробьется молодая трава, на сопке хорошо видны 24 искусственные террасы (Болдин, Ивлиев 2002), на которых можно рассмотреть западины (углубления), оставшиеся от заплывших котлованов жилищ.

Памятник многослойный: верхний слой относится ко времени чжурчжэней Восточного Ся (1215–1233), под ним находится бохайский слой, он подстилается слоем, связанным с ольгинско-польцевской культурой, который перекрывает кроуновский слой раннего железного века. В данном разделе рассмотрены только отложения, связанные с эпохой государства Бохай. Городище укреплено оплывшим земляным валом, который, вероятно, был сооружен уже чжурчжэнями.

По форме городище напоминает пятиугольник с основанием на севере и вершиной на юге. Наибольшая протяженность городища с севера на юг 230 м, с востока на запад — 190 м. Площадь памятника около 3,25 га. Высота его стен в северной и северо-восточной частях с внутренней стороны достигает 1–2 м, а с внешней, где вал переходит в крутой склон сопки, — 13–16 м. На других участках граница городища проходит вдоль почти неприступных склонов. Крепостной вал здесь носит чисто символический характер и составляет 0,2–0,5 м. В северной части восточного склона прослеживаются остатки двух параллельных древних дорог, ведущих в городище вверх по склону в северо-западном направлении. Нижняя дорога доходит до ворот, находящихся на углу, верхняя делится на две: одна ведет к воротам, расположенным в восточной стороне вала, другая поднимается вверх по склону и направляется в город через разрыв вала рядом с вершиной сопки. Ворота в районе северо-восточного угла вала защищены тремя небольшими башнями, сооруженными на валу. Южная вершина сопки укреплена с трех сторон невысоким (до 0,4 м) земляным валом. Два разрыва находятся в центре северного участка вала. Имеются дополнительные системы укрепления в виде небольшого подковообразного вала (редута) у подножия северного склона сопки. С обеих сторон от него местами (вдоль подножия северного и северо-восточного склонов) прослеживаются рвы шириной 2 м и глубиной 1 м.

Искусственные террасы шириной от 5 до 15 м тянутся с востока на запад и образуют как бы гигантскую лестницу на северном склоне сопки. В некоторых

местах террасы рассечены поперек уступами на площадки, где располагались постройки. Из 24 террас 13 — сквозные, они пересекают всю территорию памятника с востока на запад. В центральной части городища имеются две террасы шириной свыше 25 м. В юго-западной находится квадратное (20×20 м) в плане укрепление с невысоким (0,5–1 м) земляным валом — это характерный для горных городищ чжурчжэней «редут». Он ориентирован углами по сторонам света.

Первые сведения о городище появились в отчете геолога А.И. Лопатина. Ф.Ф. Буссе, первый председатель Общества изучения Амурского края, большой энтузиаст, посвятивший много времени изучению археологического наследия Южно-Уссурийского края, в 1878 г. впервые детально обследовал Круглую сопку и подробно описал ее. В 1965 г. этот памятник раскапывал известный исследователь, востоковед и археолог Института истории и археологии народов Дальнего Востока ДВО РАН Э.В. Шавкунов, который впервые выделил разные культурные горизонты на городище. В 70-х годах здесь осуществлялись раскопки под руководством Л.Е. Семениченко; позднее, вплоть до недавнего времени, этот памятник раскапывался под руководством В.И. Болдина (Болдин, Ивлиев 2002).

Бохайское население Новогордеевского городища, как и позднее чжурчжэньское, вынуждено было строить жилища на искусственных террасах. Отложения бохайского времени (IX–X вв.) выявлены в северо-западной части городища. Они отделяются от верхнего чжурчжэньского слоя прослойкой погребенного дерна мощностью до 10 см. Бохайский слой достигал мощности около 35 см.

На этом участке найдены остатки бохайского вала, который представлял собой земляную стену, укрепленную с двух сторон деревянной обшивкой. Подобная конструкция вала, но с каменной кладкой вместо деревянной обшивки, встречается на бохайских городищах в Приморье (Ивлиев и др. 1998: 153–156).

На одной из террас раскопаны остатки бохайского наземного жилища (Болдин, Ивлиев 2002). Оно имеет прямоугольную форму, а его площадь составляет около 20 кв. м. Жилище ориентировано продольной осью по линии север–юг. Вход устроен в западной стене. Остатки ям от шести опорных столбов расположены по периметру жилища. Центральный опорный столб находился в северной половине раскопанного сооружения. В жилище имелся двухканальный кан Г-образной формы. В северо-западном углу жилища (напротив входа) к нему примыкал прокаленный, квадратный по очертаниям очаг (50×50 см), заполненный золой. Труба кана находилась за пределами жилища.

В жилище собрана типичная круговая бохайская керамическая посуда — фрагменты сосудов горшковидной, вазовидной и шаровидной форм, включая пароварки и сосуды с горизонтальными ленточными ручками. Обнаружены три типа железных наконечников стрел: уплощенные долотовидные, килевидные и ланцетовидные. Украшения из бронзы представлены обломком пластинчатого браслета и пронизкой. Остатки бохайского слоя предварительно датированы IX–X вв. на основании отсутствия среди керамического материала лепной посуды, а также изделий из кости (Болдин, Ивлиев 2002).

Ауровское городище

Этот памятник относится к группе горных городищ и располагается в Ануцинском районе Приморского края на вершине сопки, которая находится на левой стороне долины р. Муравейки (рис. 3.4, 1), в 5 км от слияния ее с р. Арсеньевкой (Даубихэ) (Шавкунов В.Э., Гельман 2002). Он раскапывался сначала Э.В. Шавкуновым, а затем в течение нескольких лет (начиная с 1997 г.) В.Э. Шавкуновым.

Место для городища со стратегической точки зрения древними жителями было выбрано очень удачно. Сверху открывается вид на долину р. Муравейки, через которую проходил путь к р. Уссури, который, таким образом, хорошо просматривался. Кроме того что сам подъем на сопку очень затруднен, городище имеет крепостные стены, сложенные из дикого камня. Стены достигают 3 м на наименее защищенных участках городища, а на обрыве скалы исчезают совсем. Прямо по территории городища проходит сам хребет сопки, разделяющий ее на три части. Для каждой из частей были устроены ворота в виде разрыва в валу шириной до 2 м, куда подходили древние дороги. Вал в проходах расширен примерно вдвое по сравнению с другими участками.

Так как место для поселения было очень удобным для защиты от военной и других опасностей, человек с глубокой древности выбирал его для строительства своих жилищ. Протекающий с западной стороны городища по глубокому оврагу ручей легко контролировался со стен города и мог круглый год снабжать население питьевой водой (Галактионов 1976: 154). Удалось установить, что на сопке люди жили еще в эпоху бронзы, а затем раннего железного века (Шавкунов В.Э., Гельман 2002). Слой эпохи бронзы на изученных участках памятника оказался сильно разрушен, но частично сохранилось жилище с отложениями, содержащими кроуновско-ольгинскую и мохэскую керамику. Крепостные укрепления здесь были построены в бохайское время.

Каменные стены городища имеют сходство с конструктивными особенностями валов других бохайских городищ, башни на них отсутствуют. Материальная культура населения этого памятника (верхний слой) соотносится со временем существования государства Бохай. Вместе с тем некоторые находки, такие как китайские монеты периода Северной Сун, позволили предположить, что, вероятнее всего, Ауровское городище существовало и после гибели Бохая. Тем не менее можно заключить, что наиболее активную хозяйственную деятельность население городища вело преимущественно в конце бохайского периода.

К настоящему времени полностью раскопано около десятка жилищ (там же: 77). Все они возводились по одному принципу. Для них древние строители вырывали неглубокие котлованы и сооружали в них Г-образные двухканальные каналы. Каналы отличались от тех, что найдены на Новогордеевском городище, тем, что дымоходы не вырывались в земле, а строились прямо на поверхности пола из каменных плоских галек, поставленных на ребро (и частично вкопанных) и перекрытых сверху другими гальками. Таким образом, дымоходный ка-

нал имел П-образную форму в сечении. Вся конструкция обмазывалась глиной. Площадь жилища была разной, примерно от 16 до 36 кв. м.

Находки бохайского/постбохайского слоя представлены главным образом керамическим материалом, найдено несколько железных предметов, три фрагмента глазурованной керамики сорта юэяо, небольшое бронзовое проволочное колечко, два круглых базальтовых диска и несколько предметов, которые могут быть отнесены к среднему слою. Кроме того, в верхний слой попало определенное количество керамики и обсидиановых отщепов из нижних слоев, что неудивительно, так как более поздние жители в процессе обустройства своих жилищ нарушали лежащие ниже слои.

Важной находкой на Ауровском городище следует считать семь наконечников стрел, формы которых сходны с теми, что встречались и на других бохайских памятниках, а также на более поздних памятниках амурских чжурчжэней X–XI вв. Кроме того, были найдены и другие железные изделия — более двадцати железных колец, плоских либо выполненных из витой проволоки диаметром около 3 см, а также скоба и три ледоходных шипа для лошадей (Шавкунов В.Э., Гельман 2002: 92–93).

Из всех перечисленных выше категорий находок керамика является наиболее информативной в плане культурной интерпретации жителей данного памятника, а следовательно и в плане определения времени его существования. Всего за время раскопок верхнего слоя Ауровского городища в 1997–1999 гг. было найдено почти 3000 фрагментов круговой керамики, которые принадлежали не менее чем 182 сосудам. Из них удалось реконструировать 10 археологически целых сосудов и 21 частично сохранившийся (верхние или нижние части). Кроме того, в жилище 3 найдена лепная крышка-чаша с кольцевым поддоном. Наряду с ней выделены многочисленные виды круговых сосудов: корчаги и корчажки; горшки с отогнутым венчиком, выделенной горловиной и округлым туловом; горшки с прямым венчиком и шаровидным туловом (типа сосуда *юй*); пароварки (сосуды с отверстиями в днище для приготовления пищи на пару); вазовидные сосуды с шаровидным туловом; миска; чаша.

Сосуды собирались ленточным кольцевым и спиралевидным налепом на круге. Часть сосудов (23%) имеет следы выбивки только в виде бугристой поверхности. Следов лопаточки в виде каких-либо оттисков не отмечено. Это может указывать как на то, что у нее была гладкая поверхность, так и на тщательность обработки поверхности сосудов. Несколько сосудов имеют признаки частичного вытягивания на круге, что указывает на высокий уровень развития гончарства и использование, как косвенный признак, ножного круга. Вместе с тем необходимо отметить, что для изготовления посуды в целом использовалось два типа круга — медленный и быстрый. Эти данные указывают с большой долей вероятности на то, что наряду с ремесленным гончарством сохранялось домашнее — для нужд семьи и обмена среди родственников.

Изготавливалась круговая посуда преимущественно из запесоченной глины (87%). В этом случае естественные включения зерен имели размеры в пределах 0,1–0,3 мм в объеме 5–10%. Остальные сосуды изготавливались с добавкой в ка-

честве минерального отощителя дресвы размером 0,1–1 мм и в объеме 40%. Судя по результатам исследованных образцов черепков, гончары использовали не менее трех типов глины: с объемом алевритистой примеси 10–20%, 20–30% и 30–40%. Причем все эти глины, судя по качественному составу, располагались в одной местности, возможно в одном и том же месте, отражая процесс отложения осадочных пород в разные периоды времени.

Почти половина станковой керамики обжигалась в восстановительной среде — 49%, в окислительной среде — 38%. Часть посуды в конце окислительного обжига подвергалась дымлению — 13%.

Сосуды средних и больших размеров, которые часто переставлялись в процессе использования обитателями Ауровского городища, имели горизонтальные ленточные ручки. На посуду обычно наносился плоский лощеный орнамент. Он мог быть в виде множества горизонтальных нешироких полосок, а нередко в виде вертикальных коротких полосок на горловине сосудов или на середине тулова, как раз на одной линии с ручками. В двух жилищах были найдены фрагменты от довольно больших корчаг с дольчатым орнаментом — в виде вертикальных вдавленных желобков, которые делали сосуды похожими на очищенный мандарин с дольками. Некоторые гончары применяли прочерченный орнамент в виде частых параллельных бороздок на верхней части сосудов. На одном горшке был прочерчен магический знак, похожий на знакомую нам пятиконечную звезду. На фрагментах одной из корчаг найдены стилизованные отпечатки «лап медведя», как на керамике из Новогордеевского селища.

Кроме обычной керамики во время раскопок жилищ было найдено несколько фрагментов керамики *юэяо* с коричневой глазурью, которая привозилась на территорию Приморья в бохайское время, а может и несколько позднее, из китайской провинции Чжэцзян, которая находится в южной части Китая. Еще обнаружен фрагмент фарфоровой чаши с белоснежным черепком, которая была изготовлена в печах, также работавших в Китае (северная часть), но уже в провинции Хэбэй.

В целом, главным маркером бохайской культуры на Ауровском городище является круговая керамика, которая характеризуется своими отличительными чертами. Набор форм сосудов соответствует керамике бохайских памятников Приморья, имеющих слой позднего этапа бохайской культуры. Вместе с тем ауровская керамика верхнего слоя не имеет всего видового разнообразия, которое встречается на таких бохайских памятниках, как Николаевское-II, Новогордеевское, Марьяновское, Старореченское, Краскинское городища, городище Горбатка, Константиновское селище.

Круговая керамика памятника демонстрирует преобладающее использование запесоченной глины в качестве формовочной массы, что совпадает с таким же технологическим показателем в керамике других бохайских памятников Приморья. В то же время количество керамической посуды, обжигаемой в восстановительном режиме, значительно меньше, чем на других бохайских памятниках, имеющих поздний строительный горизонт. Возможно, это следует объяснять начавшимся упадком гончарства.

В керамических комплексах жилищ памятника присутствует как керамика медленного круга, так и быстрого (ножного?) круга, что может свидетельствовать в пользу сосуществования домашнего и ремесленного гончарства у жителей Ауровского городища. Среди орнаментированной ауровской керамики встречаются фрагменты с дольчатым орнаментом, что характерно для средних и поздних горизонтов бохайских памятников.

Таким образом, по целому ряду признаков мы можем соотнести круговую керамику верхнего слоя Ауровского городища с керамикой позднего этапа существования бохайской культуры в Приморье. В связи с этим важно отметить находку фрагментов сосуда с отпечатками «лап медведя», которые кроме Ауровского городища встречены также на керамике Новогордеевского селища (Гельман 2002). Оно существовало в другой, более поздний временной период, чем бохайский слой соседнего с ним Новогордеевского городища.

Представленная материальная культура населения, оставившего верхний слой Ауровского городища, несомненно, характеризуется как бохайская, обладает некоторыми специфическими характеристиками, видимо регионально-временного характера. Памятник существовал длительное время и после Бохая, вероятно вплоть до начала XI в.

Городище Синельниково-1

Памятник расположен в Октябрьском районе Приморского края на правом берегу р. Раздольной, в 2,5 км к западу от с. Синельниково (рис. 3.4, 2). Он занимает труднодоступную плоскую вершину узкого хребта, возвышающегося над долиной реки на 120 м. Городище обнаружено В.Н. Тарасенко в 1983 г., а в 1986, 1996–1999 гг. на нем велись стационарные археологические работы под руководством В.И. Болдина (Гельман и др. 1999; Болдин 2001; 2001а). С южной, западной и восточной сторон городище укреплено валом, северная линия укреплений природная — крутые скальные обрывы, обращенные к реке. Общий периметр городища 700 м, а площадь 1,8 га. Местами на дневной поверхности прослеживаются террасы, на которых находились котлованы жилищ. Археологический материал, полученный в ходе ранних исследований памятника, позволил отнести его ко времени существования государства Бохай (698–926). Кроме того, В.И. Болдин полагает, что на городище Синельниково-1 впервые на юго-западе Приморья удалось стратиграфически зафиксировать переход от мохэской культуры к бохайской (Болдин 2002: 181–184). Городище имеет одни ворота, которые образуют коридор шириной 2 м и протяженностью 5,5 м, заключенный между двумя каменными стенами вала. Подобная конструкция характерна для некоторых бохайских городищ Приморья. В 1999 г. был сделан разрез вала (Болдин 2001а; Гельман и др. 1999). Сверху он был задернован. Два верхних уровня кладки сложены из крупных блоков, присыпанных сверху мелкими камнями. Ниже половина стены, обращенная внутрь городища, была отсыпана рыже-коричневым суглинком с примесью базальтовой крошки. Толщина достигала 40 см.

Внешняя половина стены представляла собой каменную кладку, в промежутках заполненную мелкими камнями и темно-коричневым рыхлым суглинком. Часть мелких камней — это разложившиеся блоки рыхлого песчаника. Базальтовую поверхность покрывал маломощный (до 10 см) слой плотного темно-коричневого суглинка с незначительной примесью базальтовой крошки. Это нетронутый мохэский слой, сохранившийся на скальных ступеньках пологого склона вершины сопки. На нем и была сооружена каменная стена уже в более позднее время, видимо не ранее VIII в. Таким образом, исследования крепостного вала на городище позволили заключить, что его стены были возведены на трех ровных скальных площадках склона на мохэском культурном слое. Внутренняя часть стены сооружалась из утрамбованной земли, включавшей мохэские артефакты, возможно при использовании деревянной опалубки. Снаружи и сверху стена имела каменную кладку. В целом стена достигала высоты 2 м. Ширина ее в основании 6 м, а вверху 1 м (Болдин 2001а: 73–74).

На первом этапе исследований были раскопаны два жилища (Болдин 2001а). Контуры жилища 1 выявлены в раскопе, расположенном на террасовидной площадке на восточной окраине городища. Нижняя часть заполнения жилища была насыщена углями. Его размеры составили 4×4,6 м, т.е. 18,4 кв. м, центральная часть имела неглубокий ступенчатый котлован 2,4×2,8 м, выдолбленный в скальном грунте. На полу в северо-западном и северо-восточном углах котлована сохранились две столбовые ямы. Очевидно, столбы имелись и на двух противоположных углах котлована, однако следы их не сохранились. В центре жилища размещался очаг, он представлял собой чашевидное углубление диаметром около 50 см, заполненное золой на несколько сантиметров. Вокруг очага обнаружены обломки лепной и станковой керамической посуды. Здесь же найдены и кости животных, в том числе обгорелые. Кроме того, в жилище лежали галечниковое лощило-отбойник, еще один отбойник из гальки и две терочные плиты. Судя по контурам котлована, жилище ориентировано практически по сторонам света с выходом на южную сторону. В целом конструкция жилища представляла собой четырехскатную кровлю с опорой на связку столбов, занимавших углы котлована. Нижняя часть кровли устанавливалась в семь ямок, образующих внешнюю границу жилища. Это распространенный тип жилищ, использовавшийся мохэцами.

Жилище 2 было определено по остаткам сгоревших и разрушенных конструкций. Ориентировано оно продольной стороной с юго-востока на северо-запад. Вход, очевидно, располагался на северо-западной торцевой стороне. Жилище было маленьким, 2×3 м, т.е. его площадь составила 6 кв. м. Его остатки проявились сразу после снятия дерна и гумусированной супеси в виде котлована подквадратной формы. В юго-западной части раскопа была расчищена Г-образная конструкция из камней, лежавшая на слое очень темной, местами прокаленной супеси с углями. С северо-востока эту конструкцию дополняла прерывистая полоса желтовато-коричневого суглинка с примесью углей. Предположительно это следы сгоревшего и разрушенного наземного жилища с остатками Г-образного кана. Внутри жилища собраны мелкие фрагменты стенок станковых и лепных

сосудов и обломки костей животных. За пределами жилища расчищено скопление железных панцирных пластин различных размеров и конфигураций. Все плоские, изготовлены из тонкой (0,1 см) жести. Некоторые несут на себе следы огня. Рядом обнаружены челюсть лошади, обломки чаши и баночного сосуда, фрагмент крышки, обломок чугунного сбруйного тройника.

Таким образом, в результате первого этапа раскопок Синельниковского городища были получены данные об устройстве бохайских крепостных стен на горных городищах и типах жилищ, использовавшихся населением крепости в период образования на этих территориях (бассейна р. Суйфун) области Шуайбинь.

В 2015 г. были продолжены раскопки этого городища. Раскоп располагался в центральной части городища. Его площадь составила 325 кв. м. В ходе раскопок было исследовано шесть котлованов жилищ, несколько хозяйственных ям, а также остатки древнего колодца — «копанки». Планиграфия раскопа показала, что жилища располагались рядами на небольших террасах. Сами жилища относятся к типу землянок. К настоящему времени от них остался только котлован, который очень часто перекрыт горелыми плахами — остатками от крыши и стен. Котлованы прямоугольной формы, небольших размеров (в среднем 2,5×2,5 м). В середине каждого из них расположено место под кострище. Столбовые ямки прослеживаются, но чаще всего они были сильно замыты. Все жилища несут на себе следы пожара, что дало возможность сохраниться большому количеству органических предметов и конструкций: костяные проколки, накладки с рисунками, берестяные короба, лежанки, кружки и т.д. В результате того, что в эти жилища никто более не возвращался, сохранились и другие бытовые предметы, например развалы керамических сосудов, ножи, наконечники стрел, оселки, глиняные поделки и т.д. Хозяйственные ямы содержали большое количество костей диких и домашних животных. Интересна стратиграфия жилищ. Видно, что некогда построенные жилища были сожжены. Затем котлованы были или забутованы камнями с глиной, или использовались как помойные ямы.

В 2016 г. раскоп был заложен в самой высокой точке городища. Этой высокой точкой оказалось место, которое находилось напротив ворот. Раскоп не имел определенной формы, так как его северная стенка определялась резким обрывом в сторону р. Раздольная. Общая площадь раскопа составила 140 кв. м.

В ходе работы на нем было обнаружено шесть котлованов жилищ. Они практически ничем не отличаются от тех котлованов, которые были обнаружены на этом же городище ранее. Те же формы и размеры, то же расположение очага по центру котлована. Единственным отличием является то, что они вырублены в скале. Практически во всех жилищах основным заполнением является серо-коричневая сажистая супесь с фрагментами угля, что указывает на пожар, который уничтожил эти строения. После пожарища котлованы жилищ не были засыпаны, как, например, это было сделано с котлованами, обнаруженными в раскопе 2015 г. Скорее всего, это было связано с расположением жилищ на самой окраине плато у пропасти. Явно закиданным камнями после пожара был котлован жилища 4. Возможно, это было связано опять же с его расположением. Он находился ближе всех к центральной части города по отношению к другим жилищам это-

го раскопа. Планируя местность под новые строения, древние обитатели засыпали остатки этого сгоревшего жилища.

Так же как и предыдущие раскопы, этот принес большое количество интересных находок. Большую часть этих находок представляли развалы керамической посуды. Среди индивидуальных вещей стоит отметить бронзовый колокольчик, бронзовую пряжку и костяные обкладки кибити лука.

В 2015–2016 гг. работы также проводились в восточной части городища на небольшой уплощенной вершине мысовидного отрога горного хребта. В ходе исследования была получена большая археологическая коллекция, выделено несколько этапов заселения этого отрога: от эпохи неолита до раннего средневековья. Первое строение здесь появилось еще во времена неолита. Скорее всего, оно принадлежало носителям бойсманской неолитической культуры, но их жилище разрушилось в результате перестроек более поздними жителями. Остались лишь переотложенные артефакты. Зато от носителей другой неолитической культуры — руднинской сохранился прямоугольный котлован жилища с выложенным камнем очагом. Следующий этап проживания на этом отроге связан с периодом палеометалла. К этому периоду относятся остатки практически полностью разрушенного котлована жилища эпохи бронзы. Лишь единично сохранившиеся *in situ* находки, а также стратиграфия раскопа позволили сделать вывод, что жилище находилось в северо-восточной части площадки, на которой был заложен раскоп.

Остатки сооружения были снесены постройками в раннесредневековое время. В заполнении мохэских жилищ и за их пределами были встречены фрагменты керамических изделий, а также каменные орудия (тесла, наконечники стрел) эпохи бронзы.

В раннесредневековое время площадка отрога перепланировалась несколько раз. Сначала на этом месте находилось два небольших мохэских жилища, которые ничем не отличались от жилищ основных раскопов. Четко читался мощный горелый слой в заполнениях котлованов жилищ. Затем жилища были заброшены, подчищены и утрамбованы, а на их месте возникла большая прямоугольная постройка размером 5,5×9 м.

В восточной половине жилища находился очаг прямоугольной формы, немного углубленный в грунт и оконтуренный по углам крупными камнями. Его размеры — 2×1 м. По всей видимости, очаг имел по периметру некую деревянную конструкцию в виде настила, на котором стояли сосуды, образуя очажную зону. В пользу этого предположения говорит наличие крупных фрагментов деревянных плах в очаге и рядом с ним, а также лежавшие внутри и возле него сосуды, вероятно упавшие при пожаре и разрушении жилища.

Помимо керамических сосудов в жилище были обнаружены и другие предметы быта: железные изделия (ножи, наконечники стрел, топор), костяные орнаментированные накладки, фрагменты изделий из бересты, каменные абразивы и оселки.

Скорее всего, жилище было с каркасно-столбовой основой и двускатной крышей. Углубления под упоры столбов, а также столбовые ямы были видны как

по углам строения, так и по центральной линии. Вход в жилище, по всей видимости, располагался в центральной части северной стены. Об этом свидетельствуют остатки конструкции, формирующей проем в виде ям и остатков сгоревших деревянных плах.

Эта постройка была огорожена от основной части городища отдельным валом. Исследования этого вала показали, что он был возведен еще в период палеометалла. Затем, в раннем средневековье, он был реставрирован. Ров перед ним был углублен в скальную породу, а камни из этого рва пошли на увеличение вала. Возможно, что отрог с постройкой, огороженный валом, представлял своеобразный редут. Редуты хорошо известны в более позднее время на чжурчжэньских горных городищах.

Старореченское городище

В 1915 г. Старореченское городище было обследовано А.З. Федоровым, а в 1975 г. — В.А. Хоревым (Хорев 1978) (рис. 3.3, 5). В 1982 г. на памятнике проведены археологические раскопки Л.Е. Семениченко, а в 1996 г. здесь работал российско-японский отряд (Болдин, Никитин 1996). Городище расположено в Октябрьском районе Приморского края, на правом берегу р. Раздольной. Памятник находится в 1,5 км к югу от поселка Старореченского и в 4,5 км к юго-востоку от пос. Заречное. Паводки р. Раздольной постепенно разрушают памятник, и на момент проведения археологических исследований сохранилась лишь восточная его часть (Семениченко 1984: 3; Болдин, Никитин 1996: 11). В результате археологических работ выявлены два строительных горизонта, которые предварительно были датированы IX–X вв., т.е. поздним этапом бохайской культуры (Семениченко 1984: 13).

Старореченское городище — небольшое долинное укрепление. Общая площадь сохранившейся части 250 кв. м (2,5 га). Система укрепления состояла из валов и широкой старицы, которая служила преградой в северо-восточной части городища (Болдин 1992: 59). В южной и северо-восточной частях сохранились земляные валы (Семениченко 1984: 4). Высота их составила от 2 до 3 м. Вероятно, возводились они путем чередования земли и слоя мелкой гальки, что, по мнению авторов исследования, давало лучшую трамбовку вала. С южной и северо-восточной сторон располагались ворота. Северо-восточные ворота имели укрепление в виде двух параллельно расположенных друг к другу невысоких валов, поставленных с внешней и внутренней стороны городской стены. На южных воротах въезд на протяжении 45 м был отгорожен с двух сторон основным валом (Болдин 1992: 60). Ширина прохода между валами составляла 4–5 м, длина около 40 м.

Предположительно, внутренняя планировка городища соответствовала китайским канонам, которые с середины VIII в. широко использовались в Бохае при строительстве городов. В северной части городища сохранились остатки четырехугольного вала высотой от 0,6 до 0,8 м. Площадь обвалованного участка 15×75 м. Возможно, это остатки внутреннего города, где располагалась админи-

стративная часть городища. Жилые и производственные кварталы, вероятно, находились в западной, южной и восточной частях. На юго-востоке городища зафиксирован холм с плоской вершиной площадью 15×30 м. Учитывая, что поверхность всего городища практически ровная, а холм расположен в относительной близости от обоих ворот, можно предположить, что он выполнял определенную функцию в фортификационной системе городища.

Археологическими исследованиями были выявлены два строительных горизонта. В южной части городища изучены остатки наземного жилища с двухканальным каном. Длина каналов достигает 3 м, ширина 20–25 см, глубина 20 см. На некоторых участках сохранились каменные перекрытия дымоходов. В восточной части кана располагался очаг, размеры которого 60×90 см и глубина 40–50 см. Площадь жилища составляет около 24 кв. м. Помимо этого было выявлено 10 ям. Предположительно две из них выполняли функции очагов (Семениченко 1984). Ко второму строительному горизонту исследователи отнесли яму с погребенными костями животных (Болдин 1992: 62).

В.И. Болдин полагает, что Старореченское городище выполняло функцию земледельческо-ремесленного центра (там же).

Марьяновское городище

Марьяновское городище впервые было обследовано Э.В. Шавкуновым в 1968 г. (рис. 3.4, 3). Им же в 1969, 1975 и 1995 гг. на памятнике были произведены раскопки (Краткий отчет... 1999: 311). В 1971 и 1972 гг. исследования на городище проводил О.С. Галактионов (Хорев 1978).

Марьяновское городище находится примерно в 4–5 км к югу от с. Марьяновки Кировского района Приморского края на правобережной части долины р. Уссури, на правом берегу одной из стариц р. Уссури. Площадь городища составляет 7,5 га. Бохайский слой датируется одними исследователями IX — началом X в. (Краткий отчет... 1999: 311), другими — VIII–X вв. (Болдин 1992: 62). Но в целом памятник двухслойный: нижний слой относится к бохайскому времени, верхний — к чжурчжэньскому, вероятнее всего к периоду Восточного Ся (1215–1233).

Марьяновское городище имеет в плане неправильную форму. Оно обнесено валом со всех сторон, кроме южной. С этой стороны вторая надпойменная терраса, на которой находилось городище, круто обрывается к первой надпойменной террасе. Вероятно, в бохайское и чжурчжэньское время здесь проходило русло р. Уссури и надобности в дополнительных оборонительных сооружениях не было (Краткий отчет... 1999: 312). Вал имеет высоту от 7 до 10 м, вдоль него сохранились остатки оборонительного рва. Исследователи полагают, что вал насыпался дважды (Государство Бохай... 1994: 60). Городище имело двое ворот — северные и восточные. Восточные были защищены с наружной стороны Г-образным валом (поврежденным в настоящее время бульдозером), северный проход — выступающей наружу с восточной стороны башней. Всего по валу городища было зафиксировано 13 башен. При этом расстояние между башнями сокращается

по направлению с востока на запад: первая, вторая и третья, расположенные на восточной стороне оборонительного вала на расстоянии 75–107 м, четвертая–десятая — на северной стороне, 11–13-я — на западной стороне, расстояния между которыми 30–40 м. Поэтому Э.В. Шавкунов предположил, что западная часть городища была защищена лучше (Краткий отчет... 1999: 312). Башни представляют собой овальные выступы вдоль внешней стороны, полусферическая макушка которых несколько возвышается над оборонительным валом. Раскопки двух из них показали, что они были возведены, вероятнее всего, в XII в. (там же: 332). Есть предположение, что фиксированное расстояние между башнями свидетельствует в пользу того, что городище перестраивалось в чжурчжэньское время (Стоякин 2012: 179).

О внутренней планировке городища можно сделать лишь предварительные выводы. В его юго-восточной части были выявлены остатки каменной стены. Это самая широкая по линии север–юг часть памятника. Судя по сохранившимся участкам, камни были уложены в четыре яруса, высотой до 30 см, ширина основания стены в среднем была равна 45 см. Длина выявленных участков стены, попавших в раскоп, 12–13 м. Исследователи предполагают, что на каменном основании была возведена деревянная стена (Краткий отчет... 1999: 327). Поскольку в этой части городища не выявлено жилых и производственных построек, Э.В. Шавкунов считает, что таким образом мог быть огорожен внутренний город городища, где располагались административные здания. Соответственно, жилой и производственный комплексы находились в северо-западной и юго-западной частях городища. Здесь были выявлены котлованы жилищ, хозяйственные постройки и хозяйственные ямы. Жилища представляли собой полуземлянки прямоугольной или близкой к ним формы, с котлованами глубиной от 20 до 60 см (там же: 317). Некоторые жилища имели вход в виде тамбура с вымощенным галькой дном. Внутри жилищ располагался очаг, выложенный камнями. В непосредственной близости от жилых построек находились котлованы хозяйственных объектов, в которых не были зафиксированы остатки очагов. Возможно, это были хранилища типа амбаров (там же: 321).

Высказываются предположения, что Марьяновское городище могло выполнять административную функцию уездного центра (Болдин 1992: 62; Стоякин 2012: 173), а также фронта, маркирующего восточную границу Бохая (Гельман 2006: 41).

Заключение

Значительную роль в формировании и становлении государства Бохай сыграли городские центры разных уровней, занимавшие соответственное их рангу место в административно-территориальном устройстве. Они выполняли соответствующие их статусу основные функции: наличие и поддержание бюрократической организации, сбор излишков, хранение и перераспределение товаров, организация ритуалов, ремесленная специализация и регулирование внутренней и

внешней торговли. Помимо общих функций, обеспечивавших централизованное управление землями Бохая, многие города выполняли особую функцию в экономике государства. Система пяти столиц, заимствованная в Китае, оказалась наиболее надежной для удовлетворительного контроля над огромной территорией Бохая.

Некоторые города стали важнейшими центрами, обеспечивавшими международные связи и торговлю. Так, например, Краскинское городище, являясь одновременно окружным и уездным центром, местом по добыче ценной продукции — соли, было и морским портом. Отсюда начиналась морская дорога в Японию, а к нему вела сухопутная дорога из Восточной столицы, откуда приходили караваны с товарами и посольствами.

По мере расширения границ и приобретения новых территорий появлялась необходимость строить новые города, которым предстояло стать форпостами на завоеванных землях.

КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БОХАЙСКИХ ГОРОДОВ¹

Введение

В период формирования государственности и складывания административно-территориальной структуры в Бохае центры уездов, округов и столиц постепенно становились средоточием экономической, политической и духовной жизни средневекового населения. Города имели более развитую, по сравнению с сельскими поселениями, социальную, транспортную и инженерную инфраструктуру, благодаря которой достигались более высокий уровень и разнообразие технологий. Для городского населения характерна более высокая степень грамотности, использования ценных и престижных высокохудожественных изделий.

Через города осуществлялись политические, экономические и культурные связи с соседними населенными пунктами, государствами, народами и территориями. Государство обеспечивало функционирование торговых путей с танским Китаем, корейскими государствами, Японией. Официальные посольства осуществляли не только дипломатическую, но и экономическую деятельность. В крупных городах оседали группы людей разной этнической принадлежности. По мере усиления централизации в Бохае складывался городской быт, формировалась культура элиты и простого населения.

Планировочная структура бохайских городов

В середине VIII в. в бохайском градостроительстве появилась строгая планировка, соответствующая китайскому архитектурному стилю (Болдин, Ивлиев 1997: 96). Столичные города и окружные центры Бохая возводились с соблюде-

¹ Перевод китайских источников А.Л. Ивлиева.

нием китайских строительных канонов того времени, когда за архитектурный эталон была принята столица Тан — г. Чанъань. Так, Верхняя столица Луныцунаньфу в г. Дунцзинчэн, Восточная столица Люньюаньфу (городище Баляньчэн) в г. Хуньчунь, Средняя столица Сяньдэфу (городище Сигучэн) в уезде Хэлун, городища Дачэнцзы, Чхоньхэ имеют прямоугольную в плане или близкую к ней форму (Болдин, Ивлиев 1997: 85; Стоякин 2012: 176). На территории ряда столиц городов конструктивно выделяется внутренний город, который располагался, как правило, в северной части внешнего города. Внутренние (или «царские») города зафиксированы на территории Верхней, Восточной и Средней столиц Бохая. Этот же принцип положен в основу планировки бохайских городищ, расположенных на территории Приморья. Так, на Краскинском городище религиозный и административный центры располагались в северной части города (Гельман 2006: 40; Гельман, Ивлиев 2013) (рис. 3.6, 1). Городище являлось главным портовым бохайским городом, который играл ключевую роль в бохайско-японских связях. Археологические, геофизические исследования, а также бурение позволили получить более подробную информацию об основных элементах городища и его окрестностей на разных этапах его существования (Бессонова, Ивлиев 2007; Гельман, Ивлиев 2013). Удалось выявить пять строительных горизонтов, причем основная планировка городища прослеживается на всех этапах его существования. Были частично изучены основные элементы планировочной структуры городища: защитные сооружения восточных ворот; жилые, хозяйственные здания и объекты; жилые кварталы; здания общественные и административные; храмовый буддийский комплекс из нескольких зданий разного типа; пересекающиеся центральные (направления север–юг и запад–восток), межквартальные улицы и участок дороги, входившей в восточные ворота; производственные сооружения (черепичные печи); колодец; могильник (Гельман и др. 2000; Болдин и др. 2001; Ивлиев, Болдин 2006; Археологические исследования... 2012; Гельман и др. 2014).

На городище Горбатка площадью более 10 га имеются четверо ворот, у которых нет специальных защитных конструкций в виде захабов, как и на большинстве бохайских городищ (Гельман 2005) (рис. 3.3, 3). Перед северо-восточными воротами расположена высокая платформа, которая образует с ними единое целое. На ней расположены общественные здания колоннадного типа. Предположительно были частично изучены остатки почтовой станции. Раскопки велись вблизи западных ворот. Были выявлены пять строительных горизонтов, в которых содержались на разных уровнях полностью или частично остатки 11 жилищ, колодец, погреб, хозяйственные ямы. Большинство жилищ содержали свидетельства занятий местными жителями бронзолитейным и другими видами производства. Предположительно в этой части городища располагался ремесленный квартал. Основные дороги пересекали город с востока на запад и с севера на юг. На пересечении этих дорог сохранились остатки здания на платформе с каменными базами для колонн.

На городище Кокшаровское-1 внутренний город также расположен в северной части городища (площадь его около 45 600 кв. м) и отгорожен по пери-

метру городским валом и внутренними стенами (Бессонова, Ивлиев и др. 2012: 191).

Прямоугольная планировка и расположение правительственных и дворцовых зданий в северной части внутреннего города являются отражением конфуцианской концепции, согласно которой правитель Поднебесной сидит на троне, обратившись лицом на юг (Болдин, Ивлиев 1997: 92).

Развитие государства и расширение его границ, строительство городов на периферии, приспособление их к особенностям рельефа, функциональное назначение городищ, изменение политической ситуации вносили коррективы в общепринятые нормы и правила градостроительства и способствовали появлению местных традиций. Изменение внутренней планировки происходило зачастую под влиянием природных факторов.

На памятниках, где систематически проводились геофизические и археологические исследования (на Краскинском и Кокшаровском-1 городищах), установлена планировка жилых кварталов. На Краскинском городище их ориентация сохраняется практически на всем протяжении существования городища. На Кокшаровском-1 городище первоначально улицы были ориентированы по сторонам света, исследователи выделяют здесь так называемую «прямоугольную» застройку. Для жилых кварталов городищ Краскинское, Кокшаровское-1 и Горбатка характерна высокая плотность застройки (Бессонова, Ключев 2010).

Улицы и площади выполняли в городе важную практическую и социокультурную функции. Улицы внутри городищ связывали различные районы города, упорядочивали его внутреннее устройство. Крупные дорожные магистрали делили город на значимые части. Широкий проспект шириной до 110 м, обнаруженный в Дунцзинчэне, тянулся от южных ворот городища до южных ворот царского города. На Краскинском городище улица шириной до 30 м, проходя от южных ворот до северной стены оборонительного вала, тоже выделяла в городе две части — восточную и западную. Широкие улицы делили города на кварталы и блоки внутри них. Четыре дороги шириной около 50 м и менее широкие улицы в Дунцзинчэне проходили в широтном и меридиональном направлении (Болдин, Ивлиев 1997: 87). Улицы, идущие с севера на юг и с востока на запад, одна из которых имеет длину 585 м и ширину около 3 м, обнаружены на территории городища Чхонхэ, которое исследователи отождествляют с остатками Южной столицы Бохая Наньхайфу (там же: 91).

В районе дорог, улиц и площадей происходили многочисленные события городской жизни. На городище Чэнцзышань, расположенном близ города Дунхуа провинции Цзилинь, в центральной части обнаружено несколько ровных площадок, самая крупная из которых имеет площадь в несколько тысяч квадратных метров, на ней тренировались войска (там же: 85).

Раскопки улиц в северо-восточной, северо-западной и южной частях Краскинского городища позволяют сделать вывод о том, что рядом с ними осуществлялась разнообразная хозяйственная деятельность населения города. Это отразилось в характере отложений как на самих дорогах, так и рядом с ними. Для осушения

дорог и заполнения ям использовался бытовой мусор, включая кости животных и многочисленные обломки керамических сосудов и поломанной черепицы. Артефакты, найденные в районе дорог, характеризуют социальную и культурную значимость этого объекта в городе, как это было и в других городах Дальнего Востока. В них улицы являлись главными городскими рынками, где собиралось значительное количество людей, в том числе игравших у дороги в популярные в то время игры. Раскопки дорог показали, что здесь сосредоточено наибольшее количество игральные фишек по сравнению с жилыми кварталами. Это убедительно демонстрирует социальное значение данного места.

Хозяйственная деятельность населения бохайских городов

Окончательное сложение государственного управления и административно-территориального устройства способствовало укреплению экономики. Основу экономической, также как и социальной иерархической структуры в Бохае составляли домохозяйства простых общинников-крестьян, проживавших не только в поселениях, но и в городах. Экономическая организация государства во многом известна на основании летописных источников и археологического изучения городских укрепленных поселений (городищ).

Сельскохозяйственные ресурсы городов

Разнообразие природных условий, в которых формировалось Бохайское государство, способствовало складыванию комплексной системы жизнеобеспечения (Гельман 2007). Ее основой было *пашенное земледелие*. Вспашка земли обеспечивалась высокотехнологичными орудиями — чугунными лемехами с отвалом. Использование методов водной флотации и сепарации на бохайских городищах существенно расширило информационную базу для изучения сельскохозяйственного производства в Бохае (Сергушева 2010а). Получены данные о 14 видах культурных растений. Основу бохайского земледелия составляло выращивание просяных культур. Второе место по значимости в жизни бохайского населения занимали зерновые культуры — пшеница, голозерный и пленчатый ячмень. Из бобовых чаще всего встречаются фасоль и соя. Бохайцы использовали и технические культуры для получения масла, пригодного для еды и технических нужд, а также для изготовления веревок, циновок и грубых тканей.

Животноводство. Среди домашних животных наибольшую ценность имела свинья. Количество остальных видов животных, таких как собака, лошадь и корова, варьируется на разных памятниках (Панасенко, Гельман 2008; 2009; Винокурова и др. 2016). Но серьезную конкуренцию свинье и корове составляли собаки. Вместе с тем собака являлась не только объектом питания, но и партнером человека на охоте, а также домашним питомцем. Так, на Краскинском городище найдено

одно захоронение 6-месячного щенка. Лошадь являлась частью военного снаряжения, в пищу употреблялись в основном старые особи. По предварительным данным, доля домашних животных в питании бохайцев была более 70%.

Промыслы

Охота и собирательство. Немаловажную роль в жизни населения городов играли также дикоросы, всего обнаружено 12 видов полезных и съедобных растений, остатки которых были найдены в заполнениях жилищ. Потребности в мясе, в теплой одежде и сырье для изготовления костяных изделий дополнительно обеспечивались охотой. Среди добывавшихся животных наибольшее значение имел дикий кабан, а потом уже разные виды оленей (Панасенко, Гельман 2008; 2009; Винокурова и др. 2016). Около десятка копытных животных, более двух десятков хищных видов животных, множество видов птиц и пресмыкающихся добывались бохайцами и занимали существенное место в их системе жизнеобеспечения. Охотничье снаряжение мало чем отличалось от предметов вооружения, охотники использовали лук и стрелы, копье, ножи (рис. 3.12, 1–17, 20, 21). Предположительно, для охоты на небольших пушных зверей чаще использовались костяные наконечники стрел с притупленными концами, на крупных животных — железные наконечники стрел типа двурогих срезней для нанесения равных ран и быстреего обескровливания зверя и т.д. Но в целом на охоте бохайцы использовали универсальные виды оружия.

Морская, озерно-речная фауна также являлась важной составной частью жизнедеятельности городского населения. Предварительные исследования показывают, что бохайцами использовалось более 29 видов промысловых двухстворчатых морских и речных моллюсков (Раков, Гельман 2002; Раков и др. 2010; Шарова и др. 2011).

Рыболовство. Занятия рыболовством населения Приморья во все исторические эпохи, включая бохайскую культуру, обусловлены естественными благоприятными природными условиями. Многочисленные удобные бухты и заливы Японского моря, с одной стороны, крупные речные системы и закрытые пресные водоемы — с другой, насыщены богатыми разнообразными биоресурсами.

Археологические источники по изучению рыболовства бохайцев включают в себя как орудия лова, так и костные остатки рыб из мест постоянного обитания человека. На бохайских памятниках Приморья найдены разнообразные виды железных рыболовных крючков и грузил из городищ Краскинское, Горбатка, Николаевское-II, Новогордеевское и Марьяновское, Старореченское, Посъетской пещеры, на Константиновском и Утесном селищах, в Корсаковском храме (рис. 3.13). Для ловли более крупной рыбы пользовались острогой. Рыболовные грузила изготавливались из глины и камня для разных видов рыб.

Изучение костных остатков рыб из бохайских памятников проводилось пока выборочно, но известно, например, что население городища Горбатка использо-

вало в пищу 20 видов рыб трех экологических групп: пресноводных (по мере убывания — верхогляд, пестрый конь, косатка-скрипун, амурский сом, сом Солдатова, черный амурский лещ, горбушка, монгольский краснопер, белый толстолоб, мелкочешуйный желтопер, желтощек, змееголов), морских (сельдь, камбала) и проходных (кета, горбуша, красноперка, пиленгас) (Беседнов, Гельман 2011). Кроме сельди, которую вылавливали весной, все остальные виды могли вылавливаться с весны до осени. Все морские виды являются привозными на памятнике, и их, вероятно, доставляли сюда с побережья моря в вяленом виде. На Краскинском городище обнаружены костные остатки, из которых уже определены сельдь, пиленгас, рыба-собака (фугу), горбуша (определения Епифановой А.В.).

Ремесленное производство обеспечивало потребность государства в разных видах товаров. В значительной степени ремесленники были сосредоточены в городах, там же наблюдается наибольшее разнообразие в производимой продукции. Судя по археологическим материалам, масштабы производства основных видов ремесел в городах были намного больше, чем в поселениях. Наличие ремесленной специализации в экономике государства Бохай имеет самые разнообразные свидетельства как в письменных источниках, так и непосредственно в материальной культуре, включая прямые и косвенные данные о различных ремесленных производствах. Среди них — остатки кузнечной мастерской, горнов, плавильной печи, кусков железной руды, крицы, шлаки, тигли с застывшими каплями металла, керамические сопла, выплески чугуна. Железо не всегда сохраняется в кислых и влажных почвах Приморья, но то, что удалось получить, демонстрирует высокий уровень кузнечной обработки (получение мало- и среднеуглеродистой стали), чугунолитейного и бронзолитейного производства (Государство Бохай... 1994). Найдены многочисленные железные инструменты для работы по самому разному материалу, в том числе инструменты ювелиров (рис. 3.9, 10, 11). Железные изделия из бохайских памятников относятся к самым разным сферам деятельности: орудия труда и вооружения, предметы быта, конской сбруи, украшения и культовые предметы. Из чугуна (преимущественно белого и половинчатого, редко — серого) отливали котлы, котелки, чашки, колокольца для храмов, чеки и втулки от ступицы колеса, рамы для очага и др. (рис. 3.9, 2, 3, 6, 7). Стандартизация производства проявляется как в технологии изготовления разной продукции, так и в ее формах и размерах.

Наиболее массовым видом производства, судя по материалам бохайских памятников в российском Приморье, было керамическое, включающее производство архитектурной керамики, в том числе черепицы, керамической посуды и разнообразных изделий из глины (рис. 3.11). Черепица изготавливалась в основном для буддийских храмов, печи для ее обжига сооружались иногда прямо рядом с местом строительства. Бохайская керамика в городах представлена тремя технологическими традициями, существовавшими одновременно.

Торговля

Внутренняя торговля. Сведения из летописей дают нам самое общее представление о внутренней торговле в Бохэе, главным образом сообщая о специализации разных областей и округов. Поскольку значительную часть производившихся в разных регионах Бохэя товаров составляли продукты питания или материалы, которые не сохраняются или плохо сохраняются в земле, то найти подтверждения этому по археологическим данным очень трудно.

Благодаря археологическим раскопкам мы все же располагаем некоторыми материальными свидетельствами о внутренней торговле. К ним относится, в первую очередь, керамика со свинцовыми глазурями. В подражание известному китайскому сорту *саньцай* бохайцы сумели наладить производство этих престижных изделий на местной основе. Серия анализов образцов керамики со свинцовыми глазурями из бохайских памятников Приморья подтверждает различие между китайскими и бохайскими свинцовыми глазурями, место производства последних остается пока неизвестным (Гельман 1999; Furihato et al. 2015). Но, судя по глазурованной черепице из бохайских столиц, производство керамики со свинцовыми глазурями могло быть сосредоточено рядом с ними. Вместе с тем изделия со свинцовыми глазурями бохайского производства также были ценным, престижным товаром, поэтому они нечасто встречаются на бохайских памятниках.

В результате изучение остатков малакофауны и ихтиофауны также дало нам прямые свидетельства внутренних обменов между разными областями Бохэя. Так, например, на континентальном памятнике, на городище Горбатка, были собраны раковины моллюсков, принадлежащих к 29 видам, при этом 17 из них являются морскими (Раков, Гельман 2002). На этом же памятнике обнаружены кости морских и проходных видов рыб, доставлявшихся сюда с побережья: дальневосточной сельди, горбуши, кеты, красноперки, камбалы (Беседнов, Гельман 2011). Это наглядно демонстрирует взаимодействие местного населения континентального района Приморья с жителями морского побережья, которое находится примерно в 70 км по прямой или в 95–130 км, если пользоваться сухопутными и речными путями. Кроме того, выявлен случай обмена речными моллюсками, так называемыми «жемчужницами», между бохайским населением из долин рек Иистой (Лефу) и Раздольной (Суйфун).

Внешняя торговля. Археологические данные о внешней торговле Бохэя пока также немногочисленны, но каждый год раскопок приносит новые данные. К ним относятся редкие фрагменты бронзовых зеркал танского типа, известно пока только два образца — из городищ Краскинское и Горбатка. Предположительно из танского Китая привозились нефритовые нагрудные диски и кольца для серег, стеклянные бусы и бисер, найденные на городищах Краскинское и Горбатка, Абрикосовском поселении, могильнике Чернятино-5. Точное место производства большинства их на территории Китая остается пока неизвестным. Одна бусина, найденная на Краскинском городище, была изготовлена в мастерских Ближнего Востока. На этом же памятнике обнаружена кость верблюда, по-видимому при-

шедшего в окружной центр (Яньчжоу) с караваном товаров для дальнейшей отправки морским путем. Эта находка косвенно свидетельствует о функционировании сухопутного участка дороги между Восточной столицей и Японскими островами.

Больше всего известно о другом привозном китайском товаре — глазурованной керамике и фарфоре. К ним относятся изделия, изготовленные в печах юэяо провинции Чжэцзян, *динъяо* и *синчжоу* провинции Хэбэй, фрагмент сорта *чанша*. Большинство керамики из китайских печей было найдено в жилых кварталах городищ и поселений. Несомненно, важную роль в этой торговле играл морской порт, каким являлось Краскинское городище. Через него товар, прибывавший морским путем, поступал не только в центральные районы Бохая, но и на северо-восточную периферию. Судя по тому, что соотношение разных сортов различно на памятниках, вероятно, торговля привозной керамикой осуществлялась и через другие поселения на морском побережье в пределах российского Приморья.

Городская культура

Образование, письменность

Исследователи отмечают, что уровень грамотности в Бохае был довольно высоким. После образования государства бохайцы ввозили китайские книги и неоднократно отправляли своих студентов в Чанъянь, «чтобы постигать древние и современные постановления», создали совершенную систему конфуцианского образования (Чжань Цзюнь 1994: 60).

Э.В. Шавкунов полагал, что в Бохае были известны как минимум три вида письменности (Шавкунов 1968: 109), но археологические данные подтверждают наличие лишь одной — иероглифической (рис. 4.1). Именно она использована на четырех стелах — надгробиях бохайских принцесс Чжэнь-хуй (могильник Людиньшан, провинция Дуньхуа), Чжэнь-сяо и бохайских королей Сяо-и и Шунь-му (могильник Лунхай, уезд Хэлун) (Людиншань юй бохайчжэнь 1997; Ивлиев 2014: 208), в письме бохайского правителя, хранящемся в императорской сокровищнице в Японии, и в содержащей бохайский девиз правления надписи на вывезенной в прошлом веке в Японию буддийской статуе (Ивлиев 2014: 215). Исследователи отмечают, что на образованных людей Бохая значительное влияние оказывала культура Танской империи и поэтому для текстов на погребальных стелах использовались китайские иероглифы, написанные почерком *кайшу* (Цзи-линь хэйлунцзян... 2009: 38).

Из письма, которое было передано японскому двору прибывшим в 841 г. бохайским посольством и подписано будущим правителем Бохая, следует, что для важной дипломатической миссии из бохайских и военных чиновников отбирали тех, кто хорошо владел письменными документами и был способен к их литературному написанию (Вэй Цуньчэн 2008: 162).

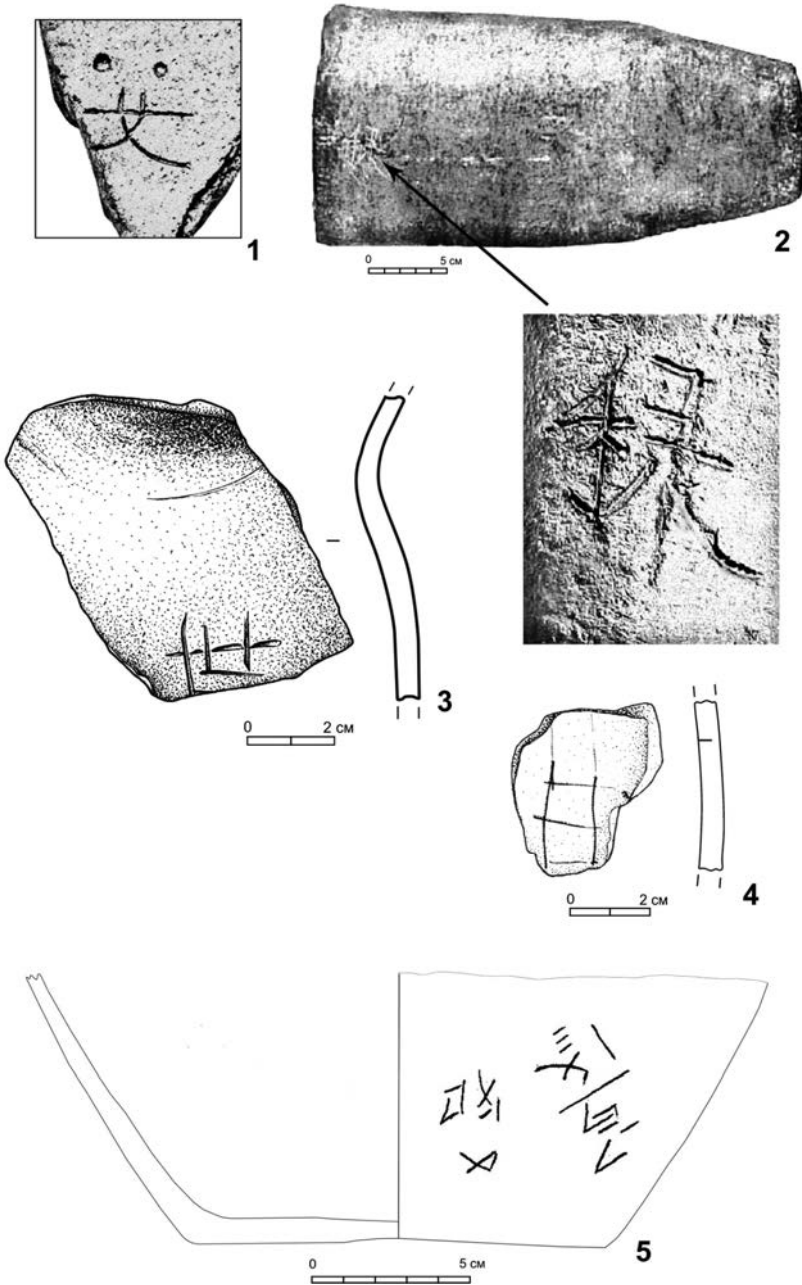

Рис. 4.1.
Иероглифические знаки и надписи на фрагментах сосудов
и черепицы Краскинского городища

В административной части дворца Хэйдзэ (эпоха Нара, Япония) были найдены деревянные таблички, датированные 715–729 гг. На одной из них есть надписи «бохайский посол», «обмен» и рисунок. В 727 г. в Японию прибыло первое бохайское посольство. Из 24 человек до столичной резиденции японского императора добралось лишь восемь. Они передали государственные послания, верительные грамоты и 300 шкур соболей. Исследователи полагают, что в том месте, где обнаружены таблички, было расположено официальное присутствие или жилище чиновника, где неофициально принимали бохайских послов и, возможно, вели торговые обмены. А отрывочные надписи на табличке — следы лингвистических упражнений, своего рода черновик (Вэй Цуньчэн 2008: 160). Иероглифическая надпись процарапана на внутренней части придонной части сосуда, обнаруженного при раскопках Краскинского городища (рис. 4.1, 5). По мнению А.Л. Ивлиева, ее можно интерпретировать как японские имена Иротомо и Мититака, принадлежавшие буддийским монахам (Гельман и др. 2010: 215), или как текст буддийской молитвы (Ивлиев 2014: 211–212). Известно, что представители высших слоев бохайских буддистов, такие как Ши Жэньчжэнь и Чжэнь Су, совершали в качестве послов поездки в Японию (Чжань Цзюнь 1994: 67).

Очевидно, что дворцово-храмовое строительство способствовало развитию грамотности, и простое городское население тоже было знакомо с китайской письменностью и в определенной степени владело ею. Об этом свидетельствуют надписи на керамических сосудах и черепице, оставленные бохайскими ремесленниками. Так, при раскопках дворцового комплекса № 2 Верхней столицы Бохая обнаружено около 145 фрагментов черепицы с оттисками печатей и около 18 с прочерченными знаками. Оттиски сделаны деревянными печатями, квадратной и прямоугольной формы. Внутри помещены иероглиф или иероглифическая надпись (Бохай шанцзинчэн 2009. Т. 1: 57–70). Такие клейма могли обозначать знак печи или партии продукции (Бохай шанцзинчэн 2009. Т. 1: 58). Сунь Сюжэнь выделяет семь категорий знаков на бохайской черепице: цифры, циклические знаки, фамильные знаки, односложные и двусложные имена, нечитаемые знаки и знаки, отображенные зеркально (Ивлиев 2014: 210). Сохранившаяся частично иероглифическая надпись на черепице, найденной при раскопках храма Хуньюнь в уезде Ванцзин, гласит, что *«создали алтарь в 6-м месяце года...»*, т.е. свидетельствует об этапах строительства культового сооружения (Вэй Цуньчэн 2008: 146–148).

На черепице, обнаруженной при раскопках храма Краскинского городища, есть прочерченный по сырой глине иероглиф (рис. 4.1, 2). Он состоит из двух графем, которые вместе не встречаются в китайской иероглифике (Ивлиев 2014: 208). Возможно, это неверное написание иероглифа «запись, регистрация, фамильный знак» или «счастье, жалованье, фамильный знак» (Ивлиев 2014: 208).

На стенках сосудов из Николаевского-II и Краскинского городищ найдены иероглифические надписи, которые могут являться именами или фамилиями гончаров или владельцев посуды (Болдин 1977: 61, рис. 70:1; Гельман и др. 2010: 214; Ивлиев 2014: 210). Они или нанесены острым предметом на еще сырую глину, или прочерчены по уже обожженной поверхности. Среди иероглифов встречаются следующие: «дерево», «ван», «женщина», «река», «военное дело» (воин,

богатырь, фамилия «У», военная доблесть), «поколение» (век, эпоха, мир, человечество, фамилия «Ши»), «солнце» (день) (рис. 4.1, 1, 3, 4). Есть сочетание двух иероглифических знаков, которое может обозначать имя Упин (Уцзе, Уфэн) (Ивлиев 2014: 210).

О распространении письменности и грамотности среди бохайского населения свидетельствуют тушечницы, фрагменты которых найдены на территории Верхней столицы Бохая и на Краскинском городище (Бохай шанцзинчэн 2009; Болдин и др. 2001: 88).

Китайские исследователи полагают, что зеркальное или неверное написание иероглифов свидетельствует о низком уровне грамотности бохайских ремесленников (Бохай шанцзинчэн 2009: 58). Но это может быть и следствием становления собственной системы письменности на основе китайских иероглифов.

На бохайских поселениях тоже найдены фрагменты керамических сосудов с иероглифическими знаками, но это единичные находки, которые лишь подтверждают тот факт, что развитие письменности и грамотности в Бохае было тесно связано со становлением государственного делопроизводства, налаживанием политических, экономических и культурных связей с соседями, распространением официальных вероучений и что главную роль в этих процессах играли городские центры.

О бохайском языке мало что известно. Есть информация о том, что некто Гао Дофо, прибывший вместе с бохайским посольством в Японию в 809 г., не пожелав вернуться на родину, остался в местечке Эттю и обучал местных жителей бохайскому языку (Кожима 1996: 23).

Религия

Основу религиозной жизни бохайского населения составляли даосизм, буддизм и шаманизм. Даосизм в Бохае, как полагают исследователи, распространился вследствие тесных отношений с Когурё и связей с Китаем, где он был признан как официальная религия (Чжань Цзюнь 1994: 63; Lim Sang Sun 2001: 131). Но сложность этого религиозного направления, обилие строгих предписаний и заповедей обусловили его большее распространение среди высших слоев бохайского общества (Чжань Цзюнь 1994: 63). Одним из основных вероучений государства Бохай оставался буддизм. Это не противоречило социально-политической и идеологической обстановке, сложившейся в окружавших его государствах. Именно на VII–VIII вв. пришелся расцвет буддизма в танском Китае, который в этот период был одним из влиятельнейших соседей Бохая. Здесь в это время буддийская доктрина обретает политический авторитет и до последней трети VIII в. функционирует в качестве официального вероучения. Именно через Китай буддизм начинает проникать в другие государства Восточной Азии (Бокщанин 1970: 122; Yao Tao-chung 2001: 152). И Бохай, геополитическое положение которого располагало его к посреднической роли в разного рода контактах между соседними государствами и чья администрация во многом копировала государственное

устройство Поднебесной и испытывала значительное экономическое, политическое и культурное влияние Танской империи, конечно, не избежал и идеологического давления. Известно, что в 713 г. бохайский принц, приехав в Тан, попросил императора разрешить ему посетить буддийский храм (монастырь) для поклонения (Вэй Цуньчэн 2008: 115). Проводниками новой идеологии была бохайская аристократия, сосредоточенная преимущественно в городах. Именно в столичных и областных центрах Бохая в первую очередь появлялись административно-храмовые комплексы. Остатки как минимум девяти храмов выявлены на территории городища Дунцзинчэн и в его окрестностях (Вэй Цуньчэн 2008: 117), следы храмовых построек обнаружены на остатках Восточной столицы городища Баляньчэн (Болдин, Ивлиев 1997: 89; Чжань Цзюнь 1994: 65), храмовый комплекс исследован в северо-западной части Краскинского городища (Болдин 1992: 60) (рис. 3.6, 1). Но нормальное функционирование государства и стабильное положение элиты во многом зависят от наличия общей для населения идеологии (Классен 2012: 206). Она не всегда абсолютно идентична у правителей и подданных, могут быть незначительные расхождения, которые не представляют угрозы для легитимности администрации, тем не менее основные положения официальной доктрины должны быть восприняты основной массой людей. Вероятно, чтобы способствовать распространению буддийского вероучения, на периферии государства вне населенных пунктов, но в непосредственной близости от них появлялись отдельные небольшие буддийские храмы. К таким религиозным постройкам относятся Копытинский, Корсаковский, Борисовский и Абрикосовский храмы, исследованные на территории Уссурийского района Приморского края. Обращает на себя внимание местоположение этих объектов — все они сосредоточены в пределах бохайской области Шуайбинь, к которой относится территория бассейна р. Раздольной. Высокая плотность археологических памятников и, соответственно, плотность населения в этом районе в период средневековья позволяют исследователям рассматривать его как важный экономический район того времени (Гельман 2006: 41). Также в отдалении от столичных центров, в северо-восточной части Китая находится еще один храм. Он был раскопан в районе Гаочань, расположенном в 15 км на юг от г. Хэлуна (Яньбянь-корейский автономный округ КНР) (Людиншань юй бохайчжэнь 1997).

Полученный в ходе археологических раскопок материал позволяет представить, как выглядели бохайские буддийские храмы, и судить о том, какое идеологическое влияние мог оказывать на население их вид (рис. 3.7). Храмы строились в соответствии с канонами китайской архитектуры (рис. 3.6, 2). Они возводились на высоких искусственных платформах или возвышенных местах и имели прямоугольную в плане форму. Каркас здания составляли деревянные колонны, установленные на каменные базы. Стену дополнительно укрепляли меньшие в диаметре столбы. Поскольку лицевая сторона храма должна была быть открытой, в каждом пролете здесь помещали ворота. В храме № 1 в Дунцзинчэне таких ворот было пять (Людиншань юй бохайчжэнь 1997). Внутри главного храма помещался алтарь, раскопки в Дунцзинчэне дают представление о нем. Алтарь имел прямоугольную форму, в южной его части зафиксирована выемка размером

5,3×1,95 м — вероятное место церемониальных поклонений. Стены алтаря были покрыты известью. Внутри его северной части на каменных основаниях помещались статуи будд, бодхисаттв, небесных князей и архатов. Глиняные скульптуры возводились вокруг деревянного стержня, укрепленного в основании (Людиншань юй бохайчжэнь 1997). Статуи дополнительно фиксировались посредством гвоздей, сохранившихся в отверстиях некоторых постаментов. Судя по многочисленным фрагментам глиняных украшений пьедесталов, нимбов и статуй, алтари были богато украшены.

Крыши храмов, вероятно, были одноярусными. На концах главного конька помещались *чивэи*, а посередине — украшение «драгоценная жемчужина»; гребни крыш были украшены глиняными головами животных (Людиншань юй бохайчжэнь 1997). Часть черепицы и украшения крыши в столичных городах покрывались зеленой и фиолетовой глазурью и выкладывались таким образом, что глазурованная черепица располагалась по краю, а обычная серая — в центре (Людиншань юй бохайчжэнь 1997). Менее статусные религиозные объекты покрывались обычной серой черепицей, но также имели украшения в виде *чивээв*, голов зверей, орнаментированных концевых дисков (рис. 4.4, 8). Храмовый комплекс мог включать в себя дополнительные здания, такие как барабанная башня (или колокольная), башня для хранения сутр, пагоды и т.п. Фундаменты двух подобных башен обнаружены при раскопках храма № 1 Верхней столицы. Они были соединены с основным зданием крытыми галереями (Вэй Цуньчэн 2008: 117). На территории храмового комплекса Краскинского городища остатки отдельно стоящего павильона, который мог являться барабанной башней или пагодой, зафиксированы в 9 м к юго-востоку от южного угла храма (Болдин и др. 2001). Пагоды и башни имели покрытые черепицей 4-скатные крыши, украшенные глиняными головами животных, их макушку венчало куполообразное украшение (рис. 3.7, 6). Культовые объекты были богато украшены как снаружи, так и изнутри. Об этом свидетельствуют многочисленные находки фрагментов каменной, глиняной и бронзовой (в том числе позолоченной) скульптуры, представленной фрагментами статуй и статуэток, обломками нимбов, пьедесталов, разного вида рельефами, элементами монументально-декоративной скульптуры (рис. 3.7, 1–4; илл. 4.5).

Основу буддийского пантеона в Китае составляли будды Амитаба и Майтрея. Большой популярностью в восточноазиатском буддизме пользовался культ бодхисаттвы Авалокитешвары (кит. Гуаньинь, кор. Кваным, яп. Каннон). Это нашло отражение и в бохайской буддийской культуре. Скульптура и пластика Бохая не избежали влияния такого мощного культурного центра, как империя Тан. При этом некоторые бохайские изображения настолько точно воспроизводят особенности танского стиля, что это позволяет китайским исследователям рассматривать бохайских ремесленников в качестве преемников имперских мастеров (Инь Шумэй 2007). Среди подарков, которые преподносили бохайские послы танскому двору, были и искусно сделанные золотая и серебряная статуи Будды (Чжань Цзюнь 1994: 68). Но не стоит абсолютизировать культурное влияние соседей на искусство Бохая. Буддизм являлся официальной доктриной, распростра-

нение которой было обусловлено интересами государственной политики, поэтому в нем и прослеживаются наиболее ярко следы заимствования уже сформировавшейся на территории соседних государств иконографии. При этом, вероятно, подвергались культурному воздействию в первую очередь столичные области Бохая, где по заимствованным из Китая и Кореи образцам бохайские ремесленники готовили свои изделия, которые потом могли служить для периферии «иконографическими эталонами». Но буддизм менялся в соответствии с историей и культурой того народа, который его воспринимал (там же: 65). Бохай не стал исключением, в бохайской скульптуре и пластике явно прослеживаются элементы собственного стиля (Асташенкова 2013: 80–81). О том, что буддизм только начинал «завоевывать» территорию Бохая, говорят данные археологии — на территории городских поселений внутренней и внешней периферии государства не зафиксировано каких-либо следов храмового строительства и пока не обнаружено изделий, связанных с буддийской иконографией.

Существование официальных доктрин не мешало простому населению сохранять верность традиционным верованиям, одним из которых был шаманизм (Шавкунов 1994; Чжань Цзюнь 1994: 63). В отличие от буддизма, который оставил нам материальные следы в виде остатков зданий и элементов их внешнего и внутреннего оформления, фрагментов буддийской скульптуры и пластики, атрибуты народных культов зачастую были выполнены из плохо сохраняющихся во времени материалов, что затрудняет их поиски. Но те, которые удалось обнаружить, позволяют составить представление о них. Так, на Марьяновском городище в пределах жилища были обнаружены орнаментированный костяной держатель от кресала и костные остатки животных с просверленными в них отверстиями для подвешивания. Эти находки вполне можно трактовать как шаманские атрибуты (Шавкунов 1996: 316). На бохайских памятниках находят клыки диких животных, астрагалы и бабки домашнего скота, которые также обладали не только утилитарным значением, но и использовались в ритуальных целях. На альчик, обнаруженный на поселении Чернятино-2, был нанесен прочерченный орнамент. Вполне вероятно, что население Бохая использовало эти виды костей в качестве гадательных. Есть мнение, что одна из причин существования долинных бохайских городищ неправильной формы заключалась в сохранении шаманских представлений в архитектуре — стремление избежать сходящихся под прямым углом стен (Стоякин 2012: 117). Не стоит также исключать возможность того, что одной из функций тамгообразных знаков на керамике была функция оберегов содержимого сосудов или владельца посуды.

Группу артефактов, связанных с народными верованиями, представляют изделия со взаимопересекающимися отверстиями, которые встречаются на разных бохайских памятниках, различаются размерами, формой, количеством отверстий и их расположением (рис. 4.2; илл. 4.8). Вероятно, они имели прежде всего практическую значимость, например для фиксации веревки, концы которой пропускались через отверстия. Эти изделия могли позволить использовать веревку без завязывания специальных узлов и легко регулировать высоту подвешенных предметов. Судя по следам гари и сажи на многих из этих артефактов, они нахо-

дили применение и над очагом. Вполне закономерно, что такие предметы могли одушевляться и наделяться сверхъестественными возможностями. Некоторые из них имеют антропоморфные черты, другим придано сходство с головой совы (рис. 4.2, 2, 3). Особую группу составляют изделия, выполненные в форме построек (рис. 4.2, 1). Уникальны два изделия из Краскинского городища. Одно изготовлено в виде административно-храмовой постройки с черепичной крышей и антропоморфной фигурой на торце, а второе — в виде буддийской ступы. На их примере мы можем наблюдать, как утилитарные вещи, широко применявшиеся в быту, сначала становились носителями традиционных представлений, а затем видоизменялись под влиянием новых религиозных идей.

С традиционными верованиями могли быть связаны бронзовые фигурки всадников на лошадях, найденные на бохайских и бохайского времени памятниках (Никитин и др. 2007: 226, 233; Tung-Ching-Ch'eng 1939: 1, tabl. CXIX; Ян Сюцюань 1997: 54). Так, Ван Пэйсинь обращает внимание на то, что на изображениях ноги животных совсем не развиты, из чего исследователь делает вывод, что они не имеют никакого отношения к бегу по поверхности земли. По мнению исследователя, наездник в данном случае выступает в качестве шамана, а конь — его помощника в общении с духами (Ван Пэйсинь 2002: 159). Вероятно, фигурки всадников играли определенную роль в шаманском ритуале и занимали особое место среди шаманских атрибутов.

Досуг городского населения

Обнаруженные при раскопках бохайских памятников артефакты указывают на то, что одним из способов времяпрепровождения населения были игры (рис. 4.3). Анализ археологических материалов позволяет предположить, что наибольшую популярность имела игра с использованием фишек на расчерченном игровом поле. Это игра шашечного типа, которая из-за использования разного количества фишек и формы поля имеет много разновидностей и была широко распространена в период средневековья на обширной территории Евразии, появившись, безусловно, значительно раньше². В Бохае, судя по найденным на камнях игровым полям, был известен классический вариант этой игры (рис. 4.3, 1). Игральные фишки, изготовленные из стенок сосудов, найдены как на территории бохайских городищ, так и на поселениях. Но количество их несопоставимо. Только на Краскинском городище к настоящему моменту найдено более 1500 экземпляров (илл. 4.9). При этом в верхних строительных горизонтах городища фишки встречаются гораздо чаще, чем в нижних. Вероятно, по мере становления и развития города его статус постепенно менялся (что прослеживается на археологическом материале), увеличивалась плотность населения, а быт и досуг жителей все более приближались по уровню к жизни населения столичных центров. Игра постепенно приобретала все большую популярность, пик которой пришелся на IX — начало X в.

² Данная игра известна под разными названиями — мельница, рез, киркат, моррис и т.д. В Корее ее называют «гону».

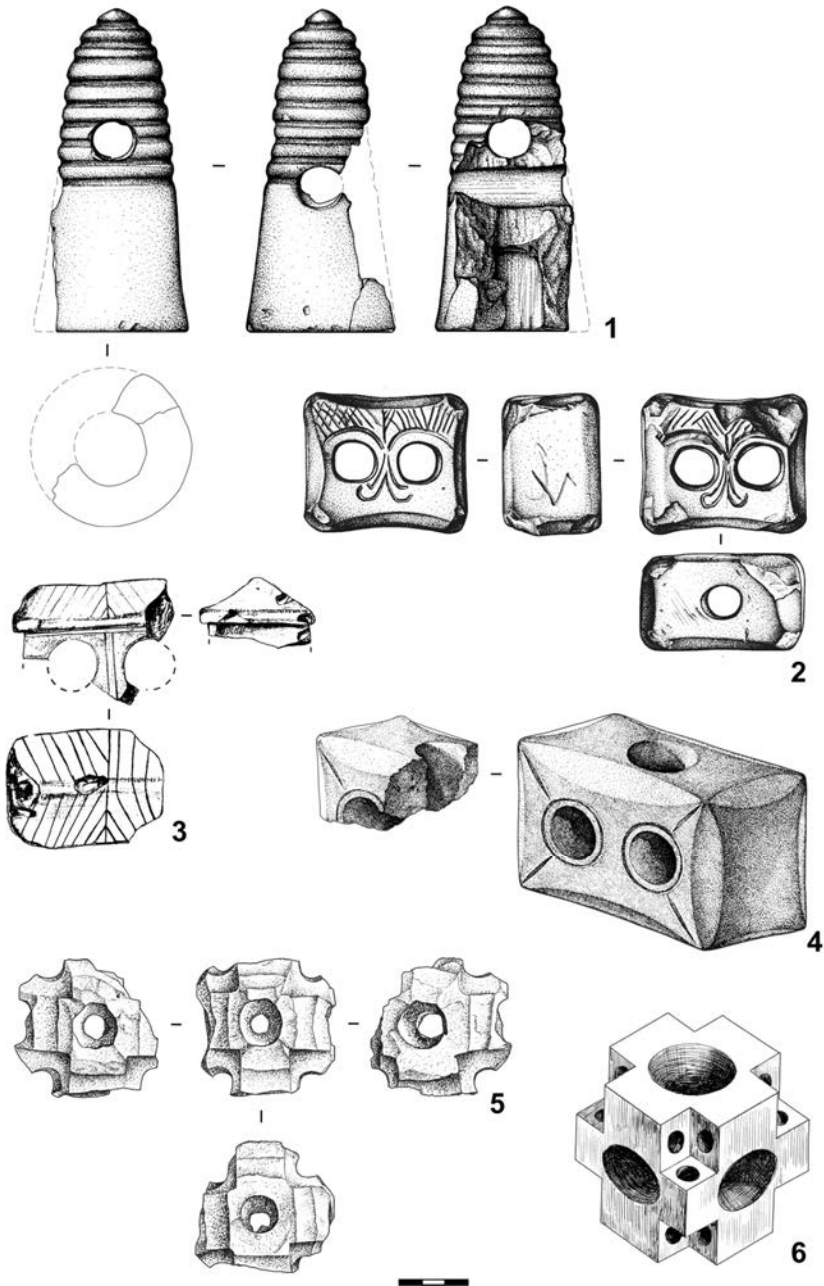

Рис. 4.2.

Керамические изделия со взаимопересекающимися отверстиями:
 1, 2 — Краскинское городище; 3 — Николаевское городище (Михайловского района);
 5, 6 — городище Горбатка

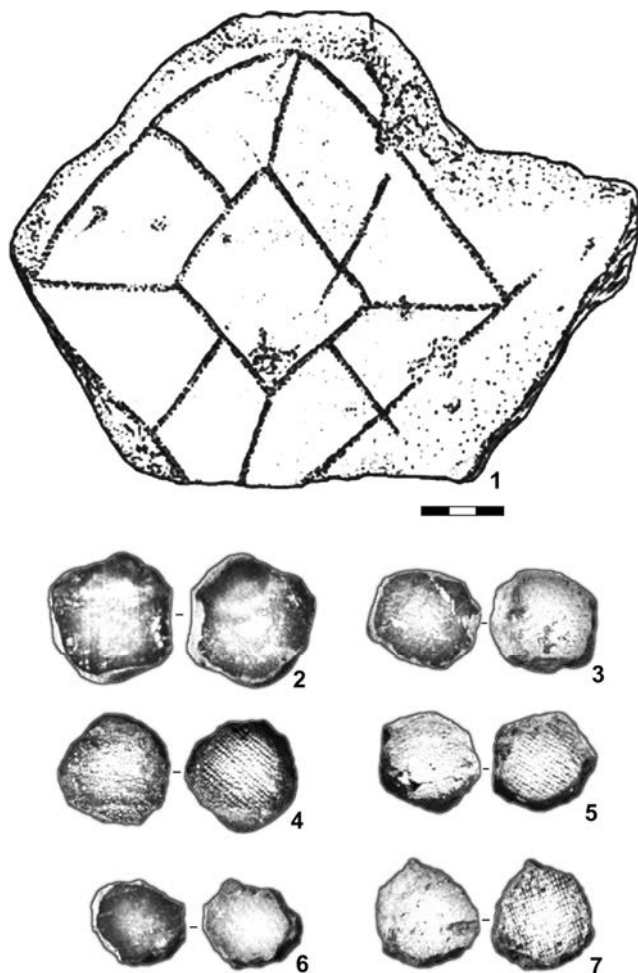

Рис. 4.3.
Игральное поле (1) и игральные фишки (2–7),
изготовленные из стенок керамических сосудов и черепицы

Бохайское население было знакомо с нардовыми играми, и находка на Абрикосовском селище костяного кубика с нанесенными на его грани точками в количестве от 1 до 6 может косвенно свидетельствовать об этом. Обточенные альчики, обнаруженные на территории городищ Марьяновского и Кокшаровского, Константиновского-1 селища (Шавкунов 1999: 319; Городище Кокшаровка-1 2012: 187), «говорят» об игре в кости. Скорее всего, и игра типа *вэйци* (кит.), *го* (яп.), *падук* (кор.) также была известна бохайцам, поскольку она была широко распространена в Восточной Азии среди соседей Бохая, но прямых доказательств этого пока нет.

Из письменных источников известно и об активном виде отдыха бохайцев — игре в поло. Известно, что в 822 г. бохайский посол Ван Вэньцзюй во главе команды провел в Японии матч игры в верховое поло, а наблюдавший эту встречу японский император описал ее в стихотворении «Ранней весной наблюдаю игру в мяч» (Государство Бохай 1994; Чжань Цзюнь 1994: 62). Вероятно, игра в поло была очень популярна, поскольку одной из мер киданей после завоевания ими Бохая был введенный запрет на эту игру, так как в ней «кидани видели возможность военных тренировок бохайцев» (Wittfogel, Feng 1949: 404).

Искусство

В искусстве Бохая можно выделить изобразительные и неизобразительные виды. К первым относятся скульптура, декоративно-прикладное искусство, графика (рисунок), живопись. Ко вторым — архитектура, литература, музыка.

Монументально-декоративная и мелкая скульптура и пластика Бохая развивалась под сильным идеологическим влиянием буддизма. Она представлена фрагментами и обломками керамических, каменных и бронзовых будд, бодхисаттв, буддийских божеств и их атрибутами, всеми видами убранства храмов — лепными украшениями крыши (*чивэи*, навершия крыши, головы зверей, «гуляющие животные», концевые диски) и стен (разные виды рельефа, орнаментированные кирпичи) (рис. 3.7, 1–5; илл. 4.1, 2). Обнаруженные на бохайских памятниках предметы буддийского культа свидетельствуют о существенной роли когурёской и танской художественных традиций на бохайскую буддийскую иконографию. В свою очередь, поскольку буддизм в Бохае распространялся через крупные городские центры, прослеживается заметное воздействие стиля крупных столичных городов на миниатюрную и монументально-декоративную скульптуру и пластику бохайского населения отдаленных районов. Это говорит о налаженных связях, существовавших между центром и периферией государства. В буддийском искусстве важную роль играет строгое соблюдение художественных норм и правил, диктуемое определенными религиозными предписаниями. От точности воспроизведения буддийских символов зависит и уровень духовной энергии, которым они, по мнению верующих, обладают. Бохайские ремесленники стремились следовать сложившемуся уже в Поднебесной канону, и благодаря соблюдению этих правил мы можем соотнести ряд изображений с буддийским пантеоном. Но искусство — это не застывшие формы. Прежде чем достигнуть Китая и Кореи, буддийская скульптура прошла сложный и долгий путь своего развития в Индии и Центральной Азии (Rhie 1988: 24–28). В любой стране, куда проникал буддизм, он непременно изменялся под воздействием местной истории и обычаев. Следы аналогичных явлений можно отметить и в Бохае, где постепенно формировался свой стиль (Чжань Цзюнь 1994: 64–66).

О бохайской бытовой круглой скульптуре можно судить по сохранившимся статуэткам из могил бохайской аристократии. Так, в погребении бохайской королевы Шунь-му были найдены скульптуры людей и животных. Фигуры мужчины и женщин изготовлены из простой глины, а для мелких деталей использовали

каолиновую, в завершение изделия покрыли зелено-желтой глазурью. Глаза, брови, рот, ленты в волосах, пояса нарисованы красками. Здесь явственно прослеживается влияние художественной традиции Тан — одежда, в которую облачены фигуры, полностью соответствует танской моде. Но вместе с тем исследователи отмечают отдельные элементы, которые позволяют отличать бохайский стиль от танского. В частности, бохайские скульптуры более вытянуты, пропорции тел правильные, постаменты фигур больше по размеру, имеют круглую или овальную форму, а подола одежд свисают на их среднюю часть, а не на край. Кроме того, в трехцветной глазури, которой покрыты фигуры, преобладает зеленый цвет, а тон глазури более светлый по сравнению с танской (Цзилинь хэлуинши... 2009: 39).

Предметы декоративно-прикладного искусства Бохая позволяют составить представление о быте всех категорий населения, о различных видах и уровне развития ремесленной техники, об эстетике и идеологии культуры.

Важным направлением декоративно-прикладного искусства бохайского населения была резьба по кости и рогу. Это предметы быта, выполненные в форме животных, многочисленные пластины и накладки, пуговицы, псалии, украшенные геометрическим, растительным и зооморфным орнаментами, украшения в виде зооморфной подвески, плоских широких колец (илл. 4.4). Декорированные фрагменты изделий неясного назначения также не оставляют причин для сомнений, что кость и рог играли существенную роль в прикладном искусстве.

Кроме кости и рога животных использовались и другие природные материалы, в частности камень, ракушки и кости рыб. Так, в жилище городища Горбатка были обнаружены две подвески: одна вырезана из раковины, вторая — из жаберной крышки рыбы (рис. 3.10, 14). Еще одна аналогичная по форме подвеска из перламутра найдена на территории городища Николаевское-II Михайловского района, дополнительно она украшена орнаментом в виде двух рядов мелких отверстий. В качестве украшений бохайское население широко использовало морские ракушки с просверленными отверстиями. Это подтверждают находки на Константиновском-1 селище, городищах Горбатка и Николаевское-II Михайловского района и др. Среди ракушек встречаются распиленные вдоль раковины каури.

Камнерезное искусство тоже было на высоте (илл. 4.6). На Краскинском городище обнаружены фрагменты крышки миниатюрного сосудика (или шкатулочки) в виде очень искусно вырезанной уточки из обгоревшего камня кварцевой породы черно-серого цвета (рис. 4.4, 1). Разновидности халцедона (особенно сердолик), кальцит, горный хрусталь, яшму бохайские ремесленники довольно активно использовали для изготовления украшений, прежде всего бус и подвесок (рис. 3.10, 5). Каменные поясные накладки, аналогичные по форме металлическим, найдены на Краскинском и Кокшаровском-1 городищах. На городищах Николаевское-II, Новогордеевское, Кокшаровское-1, на могильнике Чернятино-5 обнаружены плоские широкие кольца и их фрагменты, вырезанные из кварцита или нефрита. Бохайские ремесленники не только сами резали камень, но и пользовались уже готовыми вещами. Так, в качестве каменного украшения, вероятно, использовался шлифованный наконечник копья с обломанным острием, найден-

ный на территории Кокшаровского-1 городища. Он был изготовлен в эпоху бронзы, но жители городища приспособили его для своих нужд, просверлив отверстие для подвешивания (Городище Кокшаровка-1 2012: 158).

Глина служила не только для гончарного и черепичного производства. На Краскинском городище найдена миниатюрная голова лошади, а на поселении Чернятино-2 целая фигурка этого животного (илл. 4.2: 2). Возможно, из глины делали детские игрушки. Погребальные целые и фрагменты фигур лошади и мифического существа обнаружены в могиле королевы Шунь-му. Из глины лепили украшения (бусины), изделия со взаимопересекающимися отверстиями, которые явно имели полисемантическое значение, и их нередко украшали геометрическим и антропоморфным орнаментами (рис. 3.10, 7, 8). Оригинальная керамическая скульптура найдена на Кокшаровском городище. Она имеет квадратное основание-поддон, уплощенно-пирамидальное тулово, увенчанное сильно стилизованными головами с отверстиями (Городище Кокшаровка-1 2012: 155).

Искусство бохайцев включало в себя работу с металлами. Особую категорию предметов декоративно-прикладного искусства составляют изделия, отлитые из бронзы (илл. 4.3). Это элементы наременной (поясной) гарнитуры (наконечники ремня, накладки, пряжки, распределитель, обоймицы, бубенчики), предметы домашнего обихода (зеркала, пинцеты и пр.) и украшения (декоративные гвоздики, браслеты, подвески, кольца, шпильки и их фрагменты), миниатюрная фигурка верблюда (рис. 3.10, 15; рис. 4.4, 1–7).

Среди декоров на металлических изделиях преобладают геометрический и растительный. Орнамент мог быть рельефным и плоским. В целом ряде случаев декоративную нагрузку несла форма изделий. Так, известны фигурные накладки, накладки с фигурным отверстием, ажурные бляхи амурского типа, подвески в виде птиц, украшения в виде цветочных розеток, рыбки (рис. 4.4, 3, 5–6). В некоторых случаях изделия выполнены в очень стилизованной манере, тем не менее в них можно угадать изображение благожелательных символов. Так, на городище Николаевское-II Михайловского района найдены две бронзовые накладки. Одна, позолоченная, оформлена в виде бабочки, вторая — в виде летучей мыши. Известны в Бохае и бронзовые зеркала. Целые изделия и их фрагменты обнаружены при раскопках городищ Краскинское, Горбатка, могильников Хунцзунь-юйчан и Лунхай. Большая их часть являются танскими по происхождению. Но, несмотря на сильное влияние китайской культуры, бохайские ремесленники, судя по всему, стали отливать и свои собственные. Предварительно можно выделить их общие признаки: чаще всего бохайские зеркала имеют квадратную форму, они очень тонкие, для них характерны невысокий бортик и миниатюрность центральной петли-держателя. Об орнаменте дает представление найденное на Краскинском городище целое бронзовое зеркало (рис. 3.10, 1; илл. 4.7). Исследователи высказывают мнение о его местном изготовлении (Гельман и др. 2015: 15–16). Это тем более вероятно, что следы бронзолитейного производства обнаружены на бохайских памятниках Приморья, в том числе на Краскинском городище (Гельман, Кодзима 2013: 51–52).

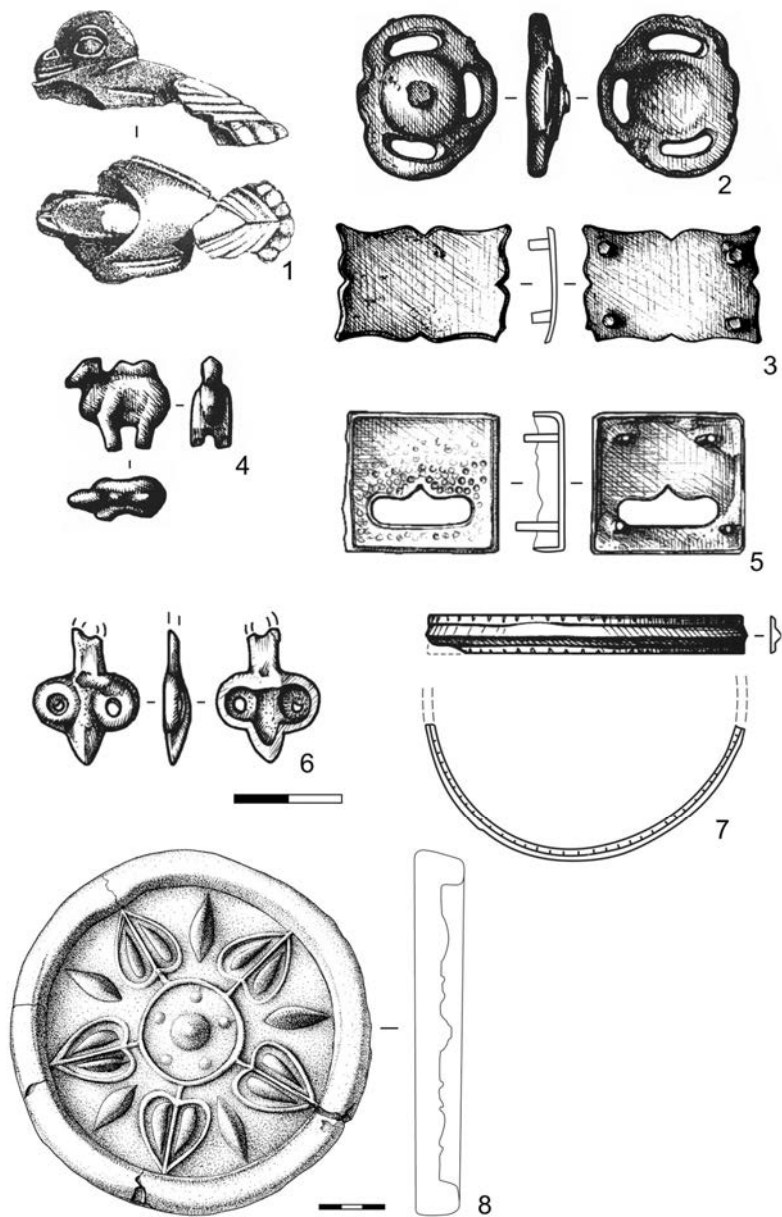

Рис. 4.4.

- Предметы быта и декоративно-прикладного искусства Краскинского городища:
 1 — каменное навершие крышки миниатюрного сосуда в виде уточки;
 2 — бронзовый распределитель ремня; 3, 5 — бронзовые наременные накладки;
 4 — бронзовая миниатюрная фигурка верблюда; 6 — бронзовая подвеска;
 7 — фрагмент бронзового браслета; 8 — керамический концевой диск кровельной черепицы

Из драгоценных металлов бохайцы использовали золото и серебро. Значительное количество изделий из золота найдено при раскопках могил бохайской аристократии — корона, поясные накладки, сережка, браслеты, золотые пластины, шпильки, декоративные элементы и др. (Нинъань хунцзуньюйчан 2009: 180, рис. 6; Цзилинь хэйлунцзян 2009: 36). Так, трехлепестковая корона из толстой золотой пластины была найдена при раскопках могилы 14 в могильнике Лунхай. Изделие украшено орнаментом в виде мелких икринок, которые служили основным фоном, на котором изображены облака жуи, ветви и цветы (Цзилинь хэйлунши... 2009, рис. 15). Украшения из золотой фольги обнаружены в кургане Кокшаровка-8. Химический состав изделий свидетельствует, что изготовлены они из природного золота 802–806‰ пробы. Исследователи полагают, что разработку рассыпного золота, из которого выполнены украшения, вполне могло осуществить местное население на месторождениях, расположенных в междуречье рек Раздольной и Комиссаровки, в восточной части государства Бохай (Археологические памятники 2015: 218). Можно предположить, что такие украшения были элементами головного убора, деталями серег или подвесок (Археологические памятники 2015: 133). Судя по наборному поясу, обнаруженному в могиле 14 могильника Лунхай, бохайские ювелиры были очень искусными мастерами. Полуовальные и прямоугольные накладки и наконечник ремня были изготовлены из золотых пластин, на которые сверху крепились при помощи золотых шпеньков нефритовые. Они, в свою очередь, были дополнительно украшены декором в виде пятилистника (Цзилинь хэйлунши... 2009: 37).

Украшения делали также из серебра. Так, при раскопках кургана Кокшаровка-8 обнаружены серебряные декоративные гвоздики с полусферическими шляпками, поясная и сбруйные накладки (Археологические памятники 2015: 133). Серьги из серебряной проволоки, серебряные накладки, фрагмент цепочки, подвески в виде птичек, детали предметов домашнего обихода найдены на бохайских могильниках Хунцзуньюйчан и Лунхай (Нинъань хунцзуньюйчан 2009: 180, рис. 2–4; Цзилинь хэйлунши... 2009: 32). Часто вместо чистого золота и серебра бохайские ремесленники использовали бронзу, которую золотили или серебрили. Признаки этих технологических операций зафиксированы Л.Н. Коньковой (Конькова 1989: 63–72).

Кроме бронзы в декоративно-прикладном искусстве использовали железо и чугун (илл. 4.10). Из железа ковали элементы поясной гарнитуры, накладки-нашивки. Чугунные массивные обкладки для очагов найдены в Верхней столице Бохая и на городище Горбатка (рис. 3.9, б). Они были декорированы растительным орнаментом. Иногда, для того чтобы престижность вещи сохранилась, но сама она стоила дешевле, из бронзы отливали только лицевую часть изделия, а то, что оставалось невидимым для глаза, делали из железа. Такую производственную хитрость мы можем наблюдать на отдельных элементах поясной гарнитуры Краскинского городища — накладки с железными пластинами-подложками или с железными креплениями в виде штифтов, пряжка с железным приемником.

О живописи Бохая можно судить по фрескам, которые в наиболее полном виде сохранились в могиле бохайской принцессы Чжэнь-сяо (Вэй Цуньчэн 2008: 249, 257, рис. 179). Здесь были изображены стражи ворот, эскорт, слуги и музы-

канты. Мастерское владение кистью, использование цвета, внимание к мельчайшим деталям делает изображение живым, демонстрирует высокий художественный уровень авторов данного произведения. Сначала черными линиями наносили контуры рисунка, а затем заполняли его красным, красно-бурым, синезеленым, зеленым, черным и белым цветом. Штрихи кистью с черной краской завершали рисунок. В итоге перед нами предстают люди с полными напудренными лицами, тонкими бровями и узкими глазами, маленьким ртом с алыми губами, одетые в длинные белые халаты с круглыми воротами и широкими рукавами, подвязанные черными кожаными поясами. В воротах халатов видны пурпурного цвета нательные рубашки. Халаты украшены орнаментом из лепестков цветов пурпурного цвета, на головах идущих — шапки *нумоу* (Чжань Ишань 2012: 91). Стиль изображения ничем не отличается от стиля фресок в танских могилах (Вэй Цуньчэн 2008: 249). Из графических рисунков можно отметить пока лишь одно изображение головы бохайского чиновника на дне сосуда из Верхней столицы Бохая (Вэй Цуньчэн 2008: 102, рис. 67).

Музыка и литература. О развитии музыкальной культуры и литературы в Бохае мы узнаем прежде всего из письменных источников. Так, «Сёку нихонги» сообщает, что прибывший в Японию в 740 г. бохайский посол Ши Думэн «играл музыку своей страны». При этом японские чиновники были настолько поражены самобытностью бохайской музыки и мастерством ее исполнения, что отправились за море, чтобы изучать ее (Чжань Цзюнь 1994: 62; Масааки 1992: 224–226). Также известно, что бохайская музыка проникла в Центральный Китай и стала одной из составляющих придворной музыки династий Ляо и Цзинь (Чжань Цзюнь 1994: 62). Археологических свидетельств обнаружено пока немного. Так, на уже упомянутой фреске из могилы бохайской принцессы Чжэнь-сяо из двенадцати изображенных человек шесть являются музыкантами. Все они одеты в красивые одежды, но инструменты остались нерасчехленными, словно люди только готовятся к исполнению музыки (Вэй Цуньчэн 2008: 257, рис. 179). Исследователи предполагают, что на данных фресках изображены такие инструменты, как *пина* (лютня), *кунхоу* (арфа), губной орган *шэн*, гонг *ло*, многорядная флейта, бронзовые тарелки (Чжан Ишань 2012: 106). О том, что и простой народ был приобщен к музыкальной культуре, свидетельствует находка, сделанная на Николаевском-1 городище (Михайловского района). Здесь был обнаружен железный варган — самозвучающий язычковый инструмент (Лещенко, Прокопец 2015: 224).

В бохайской культуре активно развивалось литературное творчество. Известно, что из Бохая в Японию в составе посольств были посланы знаменитые поэты и литераторы Ван Сяолянь, Чжоу Чжибо, Пэй Тин и его сын Пэй Цю, которые устраивали поэтические соревнования (Чжань Цзюнь 1994: 60). Тексты на стелах принцесс Чжэнь-сяо и Чжэнь-хуй представляют собой, по мнению ряда специалистов, живые и яркие примеры бохайских литературных произведений. В них нашли отражение бытовавшие в то время конфуцианские идеи верности господину, женских добродетелей и этикета, шести порядков и трех послушаний (Чжан Ишань 2012: 91). Но литература касалась не только высокой материи и философских идей. Слагались стихи и о повседневном труде и бытовых вещах.

Городская культура Бохая в целом не отличалась кардинально от поселенческой, но она обладала иным качественным и количественным выражением. Это проявляется в размерах городов, которые значительно превышают размеры поселений (в среднем в несколько раз), наличии различных типов построек (административных, культовых, общественных). Ремесло, которое, безусловно, развивалось и на территории поселений, в городских центрах было представлено гораздо шире, оно становится более специализированным. В городах наблюдалась более высокая плотность населения, что вело к социальной дифференциации общества. Так, набор украшений, которым пользовалось население в городах, был стандартным. Однотипные элементы наременной гарнитуры, декоративные гвоздики и накладки, шпильки, подвески в виде птичек и т.д. встречаются как на территории столиц, так и на периферии. Но материал и технологии изготовления изделий позволяют нам говорить об имущественной стратификации бохайского населения в городах. Как правило, для производства статусных вещей для аристократии использовали бронзу (позолоченную в том числе), золото, серебро, нефрит, глазурованную керамику. Очевидно, что большей ценностью, а соответственно и большим престижем, обладали привозные вещи (стекло, лаковые изделия). По распространению подобных вещей на территории города можно выделить элитные кварталы. Так, на территории Краскинского городища распределение бронзовых изделий, локализация позолоченных и с железными элементами артефактов свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что вблизи центральных дорог и храма в северной части города проживали в первую очередь представители привилегированной части населения.

В городской культуре Бохая можно выделить культуру элиты и культуру простого населения. Первая развивалась под сильным влиянием танского стиля и моды, а также буддийской идеологии, что особенно ярко проявилось в живописи, храмовой архитектуре, монументально-декоративной скульптуре. Вторая унаследовала традиции основателей государства мохэсцев. Свидетельством этого выступает в первую очередь декоративно-прикладное искусство. Но, поскольку эти два пласта не могли существовать отдельно друг от друга, в Бохае сложились свое самобытное искусство и узнаваемый стиль. При этом такие направления, как музыка и литература, стали заметным культурным явлением в средневековом обществе региона.

Заключение

Городам в Бохае принадлежала доминирующая роль политических и экономических центров. В целом большинство уездных и даже окружных городов, по видимому, являлись ремесленно-земледельческими центрами с соответствующей системой жизнеобеспечения. Они обеспечивали себя необходимой продукцией и собирали дань/налоги для дальнейшей отправки в столичные города.

Благодаря сети сухопутных, речных и морских дорог даже внутренняя периферия была включена в систему не только внутренней, но и международной торговли. На окраины Бохая поступали товары с самых отдаленных территорий.

Бохайские города строились по заранее подготовленным планам, а внутренняя планировка сохранялась на протяжении всего их существования. Централизованно осуществлялись ремонт и перестройка крепостных сооружений, ремонт дорог, а также, судя по масштабам городищ, доставка строительных материалов к месту назначения.

По мере появления городов складывалась и городская культура, влиявшая не только на распространение технологических новшеств, но и на формирование моды в одежде, в проведении досуга, литературе, музыке и танцах, в монументальной и миниатюрной скульптуре, архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве. Города в первую очередь становились центрами распространения грамотности и официальной идеологии.

ГОРОДИЩА ПОСТБОХАЙСКОГО ВРЕМЕНИ

В истории Приморья период после гибели государства Бохай (X–XI вв.) остался слабо изученным. Он не обеспечен достаточным количеством источников, как письменных, так и археологических. Поскольку крупномасштабные раскопки на памятниках этого периода до недавнего времени не проводились, то и судьба оставшегося бохайского населения в Приморье после его завоевания киданями не совсем ясна. В какой-то мере ответы на эти вопросы были получены в ходе исследований городища Кокшаровка-1 (Кокшаровское-1) и связанного с ним погребального комплекса Кокшаровка-8 в Центральном Приморье. В результате работ на обоих памятниках были изучены археологические объекты, не имеющие аналогий в археологии Приморья. На городище Кокшаровка-1 такой объект был представлен архитектурным комплексом, состоящим из семи зданий, а на памятнике Кокшаровка-8 — монументальным могильным сооружением.

Общее описание памятников Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8. История исследования

Памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 находятся в Чугуевском районе Приморского края. Расположены в пойменной долине верхнего течения р. Уссури на левом берегу р. Кокшаровка, недалеко от с. Кокшаровка. Этот район относится к центральной части Южно-Приморской горно-долинной провинции Сихотэ-Алиньской физико-географической области.

Городище Кокшаровка-1 представляет собой укрепленное валом и рвом поселение площадью 16,45 га, расположенное в 3 км к северо-востоку от с. Кокшаровка на террасе левого берега р. Кокшаровка — правого притока р. Уссури, в 2 км выше устья (илл. 5.1).

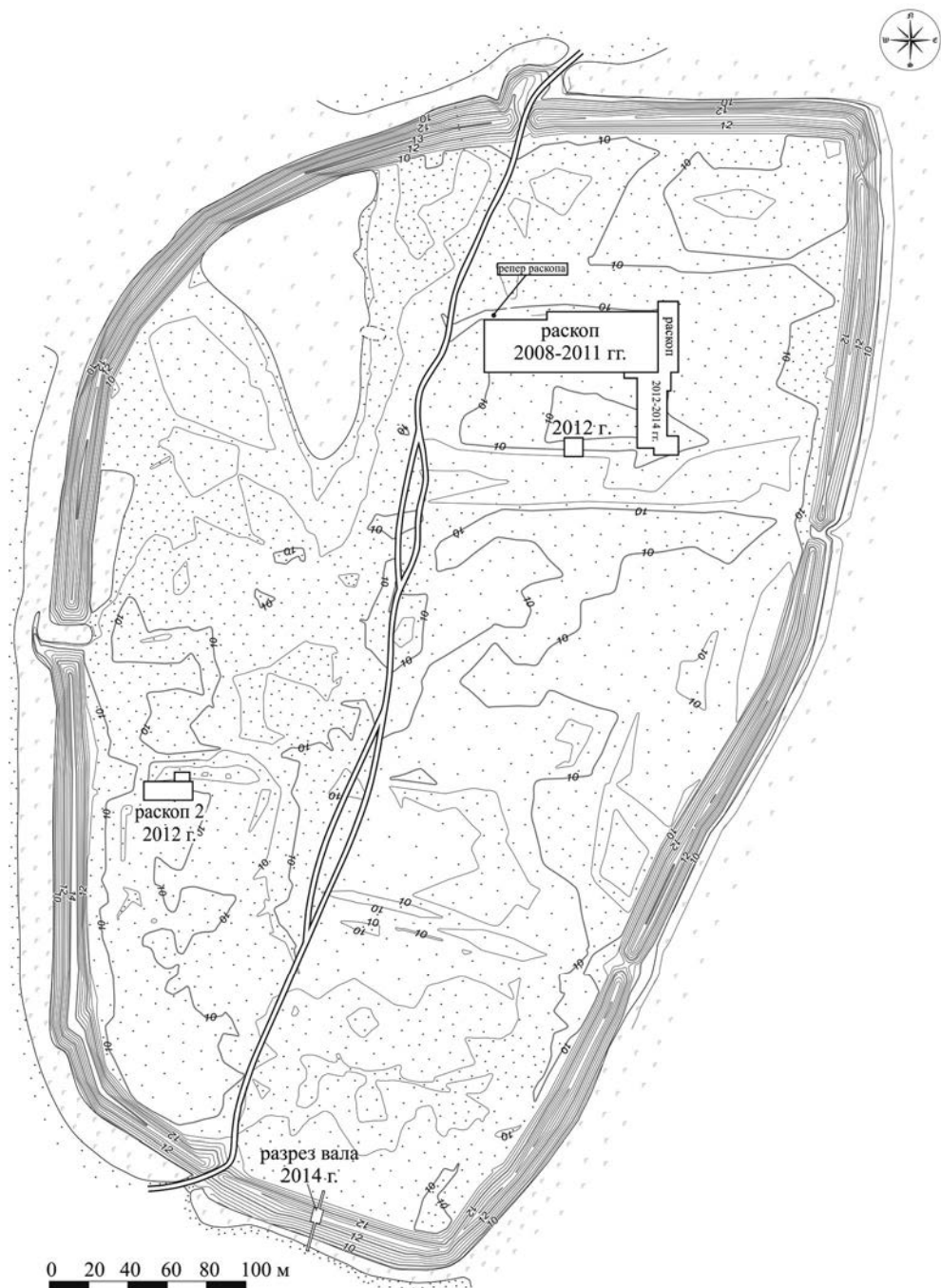

Рис. 5.1.
План городища Кокшаровка-1 с указанием местоположения раскопов

Городище имеет форму неправильного четырехугольника, ориентированного по сторонам света. Его окружает вал, ширина которого в основании варьируется от 10 до 14 м, а высота колеблется от 4 до 6,2 м. Периметр вала составляет 1645 м (длина северного участка вала — 405 м, южного — 250 м, западного — 340 м, восточного — 650 м). С северной и западной сторон городище имеет двое ворот, оборудованных Г-образными траверсами (рис. 5.1). В основании траверсов, на стыке с валом, гребень вала уплощается, возможно, это небольшие искусственные плоские площадки. В восточном валу имеются два проема, разделяющие вал на три относительно равные части. Снаружи вала наблюдаются остатки рва, которым местами служило старое русло реки. Ширина рва доходит до 10 м, глубина до 1 м.

Особенности геометрии крепостного вала, расположение ворот указывают на то, что при строительстве городища учитывались ландшафтные особенности территории: основой, вероятно, являлась пойменная возвышенность, ограниченная с юга, запада и севера руслом р. Кокшаровка. Следует заметить, что наружная высота вала больше внутренней в среднем на 0,6 м, что может свидетельствовать об отсыпке внутренней поверхности городища. Наиболее мощный вал защищает городище с западной стороны, где открывается более свободный подход к городищу по широкой равнине пойменного пространства от русла р. Уссури. На юго-восточном углу вала отмечается внешний выступ, выглядящий как башенный, но без верхней площадки.

Рельеф внутренней части городища слабо расчлененный. Наиболее высокие превышения рельефа (2–2,33 м) характерны для южной части. Минимальными отметками (до –1 м) характеризуется северо-запад. В центральной части и на юге археологического памятника в рельефе просматривается возвышенный участок, занимающий две трети площади городища. Перепад высот на границах участка достигает 1 м. В пределах этого участка были зафиксированы три платформы — прямоугольные возвышенности с выровненной поверхностью: южная размером 100×70 м, западная — 70×70 м и северная — 100×60 м. Платформы характеризуются широтным и меридиональным простиранием границ.

Курган Кокшаровка-8 расположен на одной из пойменных возвышенностей правого берега р. Уссури, являющейся левобережной террасой заросшей старицы. Находится в 4 км на север-северо-восток от с. Кокшаровка и в 0,6 км на северо-запад от северных ворот городища Кокшаровка-1. Насыпь кургана высотой 1,1–1,35 м округлой формы, ближе к овальной. Ее средние размеры: 18×15 м в верхней части и 20×22 м — у основания. Площадь кургана составляет около 380 кв. м. Западный и северный края кургана достаточно крутые, с резко очерченными границами подножия, восточный и южный — более пологие, с плавным переходом от подножия к поверхности террасы. Самая высокая точка кургана, по сути уплощенная вершина, расположена в его западной части. Площадь вершины около 30–35 кв. м. Западный склон кургана с запада на восток прорезает желобобразное углубление, пересекающее также и край вершины кургана. Ширина углубления около 1,2–1,5 м, длина 3,5–4 м. Дневная поверхность кургана покрыта преимущественно травянистой растительностью, в южной части растет не-

сколько деревьев. Также на дневной поверхности отмечены несколько хаотично расположенных задернованных углублений диаметром от 0,5 до 2,2 м и глубиной не более 10–12 см, которые, вероятно, связаны с пасекой, располагавшейся на кургане в недалеком прошлом. Однако не исключено, что углубления могут быть следами древних грабительских ям.

Первые сведения о городище Кокшаровка-1 были опубликованы в 1888 г. в сводке Ф.Ф. Буссе (Буссе 1888). Впоследствии эта сводка об археологических памятниках Приморья была дополнена Л.А. Кропоткиным и издана в 1908 г. (Буссе, Кропоткин 1908). В приложении к этой работе приводится схематический план городища, из которого следует, что городище имело двое ворот. Этот факт небезынтересен, так как доказывает, что проход на территорию городища с юга, существующий в настоящее время, не мог появиться в период средневековья. Дальнейшие исследования городища продолжились в 50-е годы XX в. Его обследовали А.П. Окладников и Э.В. Шавкунов, которые провели сбор подъемного материала (Окладников 1953). В музее Института археологии и этнографии СО РАН хранится большая коллекция подъемных сборов на памятнике, датированная 1955 годом. В последующие годы городище неоднократно посещалось археологами. На территории памятника проводились сельскохозяйственные работы, что облегчало поиск подъемного материала. Первый инструментальный план памятника был снят О.С. Галактионовым в 1983 г. Он же осуществил шурфовку городища с целью выяснения его стратиграфии (Галактионов 1983). В 2003 г. А.Л. Шумковой и С.А. Сакмаровым была также проведена инструментальная съемка памятника, собран подъемный материал (Шумкова 2003). Небольшие разведочные работы на городище в 2006 г. были проведены С.А. Сакмаровым.

Результаты разведочных работ позволили исследователям датировать городище Кокшаровка-1 VIII–X вв. — бохайским временем (Памятники 1991: 260; Государство Бохай 1994: 59). Однако окончательно вопрос о его датировке и культурной принадлежности мог быть решен только после проведения крупномасштабных исследований на памятнике, так как в подъемном материале, собранном на нем, встречались артефакты и более позднего облика, чем бохайские. Такие работы были начаты в 2008 г. и продолжались до 2014 г. Исследования на городище носили комплексный характер. Памятник изучался как археологическими методами, так и методами естественных наук (электро- и магниторазведка, георадиолокация, методы палеогеографии, палеоботаники и др.). На городище было заложено несколько раскопов в разных частях памятника, осуществлен разрез фортификационных сооружений (вала и рва). Общая площадь изученной части памятника составила около 4000 кв. м.

Курган Кокшаровка-8 был обнаружен Н.А. Ключевым в 2010 г. В ходе разведочных работ было проведено его геомагнитное обследование (Е.А. Бессонова), по результатам которого принято решение о необходимости дальнейшего археологического обследования этого объекта, что и было осуществлено в 2012–2015 гг. На памятнике была вскрыта площадь около 450 кв. м, полностью исследован курган, под насыпью которого обнаружено монументальное каменное сооружение.

Итоги исследований городища Кокшаровка-1

Основным объектом раскопок на памятнике стала северная платформа. На местности платформа выделялась в виде прямоугольника, длина ее с востока на запад 100 м, ширина с севера на юг 60 м. Над дневной поверхностью она возвышалась примерно на 1 м. По периметру платформа выложена камнями, из которых в древности была сложена стена, ограждавшая сооружения, расположенные на ней. Разрез через край платформы и шурф на ее поверхности показали, что платформа построена на более раннем средневековом горизонте обитания, скорее всего относящемся ко времени начала строительства городища. Также выявлены два строительных горизонта самой платформы. В ходе второго строительства она была насыпана и расширена более чем на 3 м.

В результате раскопок на платформе вскрыта часть архитектурного комплекса, состоящего из семи зданий, огороженного каменной стеной, с большим внутренним двором и хозяйственными постройками (верхний строительный горизонт платформы). Были исследованы также центральные и дополнительные ворота, часть каменной ограды (рис. 5.2).

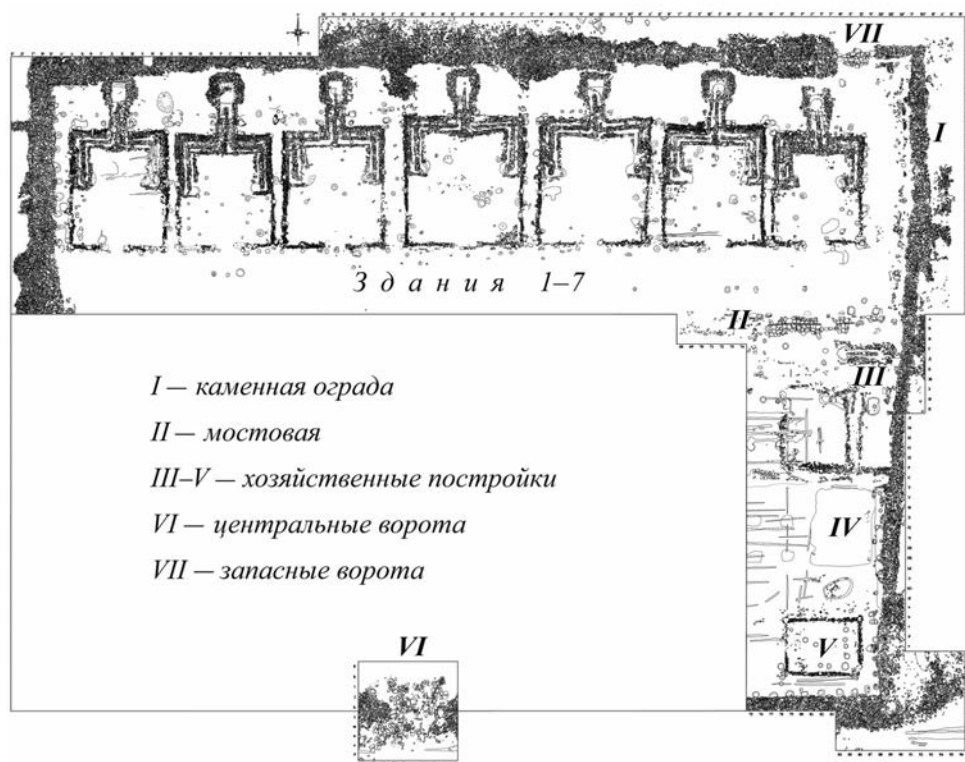

Рис. 5.2.

Городище Кокшаровка-1. План архитектурного комплекса

Все семь зданий имеют схожую конструкцию, отличаясь лишь размерами, и расположены по оси запад–восток в северной части платформы (илл. 5.2). Здания каркасно-столбовой конструкции представляют собой прямоугольные в плане помещения, ориентированные по сторонам света. Все они имеют схожее строение, отличаясь лишь размерами. Помещение внутри каждого здания разделено на две половины — северную и южную. Северную половину зданий занимает П-образный кан с двумя очагами и двухканальным дымоходом, который через разрыв в северной части фундамента стены выходил в трубу, расположенную в 1,5–3 м к северу от помещения. Квадратное в плане основание труб размером 3×3 м сложено из камня в виде колодца. Стенки дымоходов кана сооружены из камней, сверху дымоходы накрывались каменными плитками. Вход в каждое здание располагался с южной стороны и был шириной до 2 м. Все помещения разделены между собой узкими коридорами шириной от 0,6 до 2 м.

Площадь зданий варьируется от 87 до 139 кв. м, самым крупным по размеру является центральное здание № 4. Фасады всех построек располагались на одной линии. Общая площадь всех семи зданий составляет 1133 кв. м, протяженность по линии фасадов — 78 м. Такое расположение зданий позволяет предположить, что все они составляли единый ансамбль с крышами, примыкающими друг к другу и образующими своеобразные ярусы.

Анализ сохранившихся остатков фундаментов стен и конструкций позволяет предположить каркасно-столбовой принцип возведения построек. Несущими конструкциями являлись столбы и балки. На глинобитной платформе по периметру будущего сооружения устанавливались каменные плоские базы. С восточной и западной стороны симметрично располагалось по шесть баз на расстоянии 1,6–2 м друг от друга в зависимости от размеров зданий. По южной стороне проходило также шесть баз: 2 базы ограничивали выход в центральной части, 2 базы устанавливались в юго-восточном и юго-западном углах, еще 2 базы располагались между ними. Симметрично им с северной стороны устанавливались 4 или 6 баз: 2 по углам дымоходных каналов и по одной между ними и угловыми базами, еще 2 базы, как и в южной стене, могли устанавливаться в северо-восточном и северо-западном углах. Все базы имели подсыпку из мелкой речной гальки. Следует сказать, что в конструкции фундаментов некоторых зданий отмечено наличие дополнительных каменных баз, что может быть связано с ремонтом построек. На каменные базы устанавливались деревянные столбы, являющиеся основой стен. Всего в конструкции зданий использовалось 22–24 опорных столба. Деревянные стойки по верху связывались балками, на которых крепилась конструкция крыши. Фундамент стен выкладывался из речной гальки и скальных обломков, скрепленных между собой глиняным раствором. Ширина фундаментов в среднем составляет 30–40 см, высота не превышает 25 см. Стены, вероятно, были сделаны из горизонтально уложенных плах и тонких бревен, концы которых могли быть вставлены в пазы столбов каркаса, а потом обмазаны глиной, смешанной с травой. В пользу этого предположения могут свидетельствовать незначительное количество гвоздей, найденных при раскопках, и присутствие обмазки стен с отпечатками древесины и травы. Наличие во внутренней части

и снаружи зданий обмазки с сохранившейся желтой, розовой и белой штукатуркой говорит о том, что стены имели оштукатуренную поверхность. Важной особенностью является то, что при раскопках на платформе не было обнаружено кровельной черепицы. Это может свидетельствовать в пользу того, что крыши зданий имели деревянное или глиняно-соломенное покрытие (Клюев, Ивлиев 2013: 110; Клюев, Гридасова 2017: 156–157).

Раскопами на северной платформе городища Кокшаровка-1 было вскрыто около 50% всей площади архитектурного комплекса. В итоге были выявлены следующие характерные черты в его планировке:

- 1) прямоугольная в плане или близкая к прямоугольной форма построек;
- 2) строгая ориентация по сторонам света;
- 3) наличие осевой симметрии в расположении зданий, их структурных элементах, а также в конструкциях других объектов;
- 4) расположение построек по периметру прямоугольного двора;
- 5) размещение главных зданий в северной части комплекса, вспомогательных (хозяйственных) построек в его восточной и, по всей вероятности, западной части;
- 6) расположение главных ворот в южной части архитектурного комплекса (Клюев, Гридасова 2017: 158).

Планировка участка, занимаемого архитектурным ансамблем на городище Кокшаровка-1, соответствует традициям восточноазиатской архитектуры в целом и китайской в частности (Всеобщая история архитектуры 1971: 331–379; Кузьмин 2014: 176). Если рассмотреть эволюцию планировки столичных городов Китая в VII–XIII вв., то можно отметить, что в танское время центр администрации — Императорский город — располагался в северной части столицы Чанъань, примыкая к Дворцовому городу у ее северной стены. Позже, во времена Северной Сун (960–1127), Императорский город находился в центре столицы Бяньцзин (современный город Кайфэн). Судя по планировке бохайских городищ — столичных: Дунцинчэна, Сигучэна и Баляньчэна, а также городища Дачэнцзы в Дуннине провинции Хэйлунцзян (Чжан Тайсян 1981) и Краскинского городища, — они следовали образцу, заданному танской столицей. И на городище Кокшаровка-1 административный двор занимает северную часть городища, что соответствует традициям бохайского времени. Архитектурный ансамбль Кокшаровки-1 имеет и другие аналогии с известными бохайскими дворцами. Общая планировка всего комплекса образует единый обращенный на юг фасад, по длине сопоставимый с фасадами дворцов бохайских столиц. Имеющиеся в зданиях каналы отличаются специфической конструкцией вынесенной далеко за пределы здания дымовой трубы. Такие же конструкции труб наблюдаются на городище Верхней столицы Бохая в Дунцинчэне, во дворце № 4, или «спальном дворце» (Людиншаньюй Бохайчжэнь 1997). Скорее всего, такими трубами были и аналогичные квадратные основания, находившиеся неподалеку от канов, у дворцов № 2 и № 4 и жилища № 1 в Сигучэне, однако авторы публикации не определяют их трубами, поскольку дымоходов к ним прослежено не было (Сигучэн 2007). В более позд-

нее время (XII–XIII вв.) такой вынос трубы с большим квадратным основанием не встречен. Характерной чертой канов бохайского времени является устройство их дымоходов, которые не вырывались в земле или в насыпной кановой подушке, как это наблюдается на канах Цзинь и Восточного Ся, а сооружались на поверхности земли либо с небольшим углублением в землю. При этом стенками между дымоходами служили камни либо кирпичи. Именно так устроены и каны зданий на северной платформе городища Кокшаровка-1, где большая часть стенок дымоходов сложена из камней. Следует отметить и ряд существенных отличий кокшаровского комплекса от дворцовых сооружений Бохая: отсутствие черепичной кровли, конструкции из параллельных рядов поддерживающих крышу колонн на каменных базах, в сетке которых распланировано внутреннее пространство дворца, отсутствие высокой платформы-фундамента дворца. Все семь строений имеют общий фасад, образующий единую линию. Подобно «спальному дворцу» Верхней столицы Бохая, задние стены строений выдвинуты на север на разную длину. Однако отличия здесь состоят в отсутствии окружающей здание галереи и в том, что строения между собой разделяются не общей стеной, а каждое имеет свою стену, отстоящую от стены соседнего на расстояние от 0,6 до 2 м. То есть вполне вероятно трактовка их как семи отдельных построек типа каркасно-столбовых жилищ с канами. Не ясно, имела ли каждая из семи построек свою крышу, ориентированную продольным коньком по линии север–юг, или все они находились под общей крышей, вытянутой по линии восток–запад. Отчетливо видно только, что каждое из семи строений имело свой выход в центре южной стены (Клюев, Ивлиев 2013: 115). В то же время нельзя не увидеть сходство зданий кокшаровского комплекса с жилищами бохайцев и чжурчжэней: каркасно-столбовая конструкция, наличие кана, выход в узкой стене сооружения.

При раскопках северной платформы городища Кокшаровка-1 был получен разнообразный археологический материал, включающий изделия из глины, металла, камня, кости, бересты. Наиболее представительной является керамическая коллекция, включающая развалы и фрагменты около 400 сосудов. В эту коллекцию входят также немногочисленные находки обломков фарфоровой посуды. Как выяснилось, в целом керамика по своим технико-технологическим показателям типична для Бохая (способ изготовления сосудов из глиняных лент на гончарном круге, формовка и обработка поверхности, орнамент) и отражает характеристики бохайского гончарства на стадии его наивысшего расцвета — IX — начало X в. (Городище Кокшаровка-1 2012: 161). Основная часть керамической коллекции представлена посудой, типологически близкой коллекциям из других бохайских памятников Приморья. К такой посуде можно отнести вазы, вазовидные сосуды, корчаги, горшковидные сосуды, пароварки, миски, чаши на поддоне (рис. 5.3). Особое место в коллекции занимают оригинальные керамические подставки, выполненные в форме пагоды (илл. 5.4: 1–3). Вся керамика изготавливалась на гончарном круге. Для получения керамического теста использовались естественные запесоченные глины. Обжиг проходил обычно в восстановительном режиме. Тулово большинства сосудов формовалось на гончарном круге

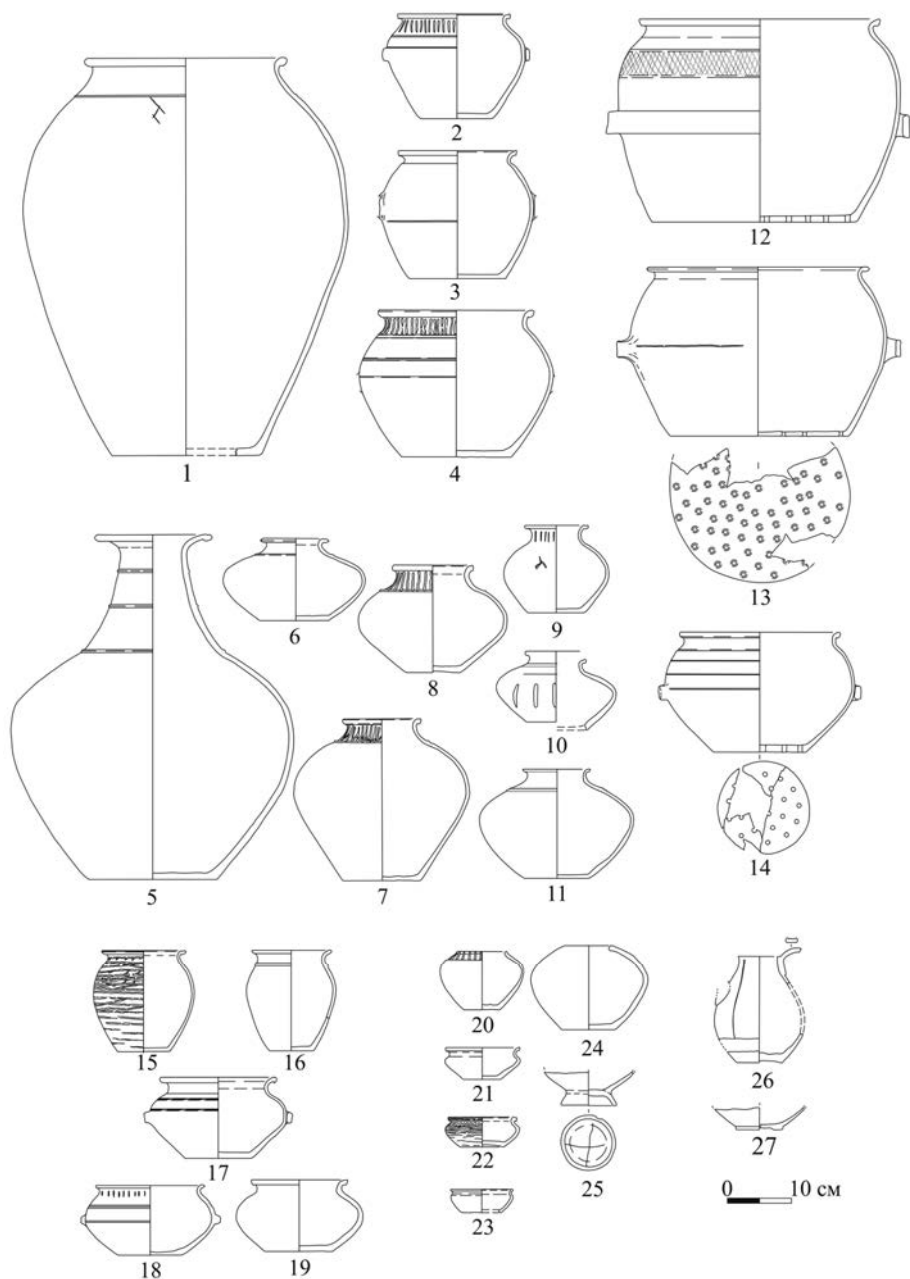

Рис. 5.3.

Городище Кокшаровка-1. Керамика из раскопок архитектурного комплекса:
 1–4 — корчаги; 5–11 — вазовидные сосуды; 12–14 — пароварки; 16–19 — горшки;
 20, 24 — шаровидные сосуды; 21–23 — чаши; 25 — чаша на поддоне;
 26 — глазурованный чайник; 27 — глазурованная чаша на поддоне

спирально-жгутовым или ленточно-кольцевым способом. Ленты крепились внахлест. Большие тарные сосуды лепились из глиняных лоскутов. Самостоятельной стадией формовки, обеспечивающей более прочное соединение конструктивных частей и уплотнение стенок на стыках, служила выбивка стенок сосудов. Заключительной стадией лепки являлась обработка поверхностей стенок сосудов, которая также осуществлялась на круге. Поверхности затирались, выглаживались, на внутренней поверхности часто сохранялись горизонтальные параллельные трассы шириной около 5 мм. Особое внимание уделялось наружной поверхности стенок. В придонной части фиксируются следы обтачивания. Вся наружная поверхность, за исключением единичных случаев, подвергалась лощению. Прослежены три типа лощения: сплошное горизонтальное, горизонтально-полосчатое и комбинированное — горизонтально-вертикальное (в верхней части — горизонтальное, в придонной — вертикальное).

Орнамент в зависимости от способа нанесения имеет плоскостной (лощенный), углубленный (прочерченный, продавленный), выпуклый (налепной, выдавленный), сквозной (вырезанный) рельеф.

Лощением наносились чаще всего вертикальные линии, реже — косая сетка и зигзаг на шейку сосудов.

Углубленный орнамент представлен в основном прочерченными горизонтальными линиями и канавками, опоясывающими плечики сосуда.

К выпуклому орнаменту относятся выдавленные одиночные горизонтальные валики, расположенные у основания горловины керамических изделий, и рассеченные налепные валики, украшавшие керамические подставки.

Сквозной орнамент представлен округлыми и овальными отверстиями на выпуклых деталях подставок.

Несомненно, украшением керамической коллекции являются оригинальные подставки (илл. 5.4: 1–3). Практически все они были найдены в коридоре, разделяющем здания № 3 и № 4. Всего были обнаружены части от восьми подставок. Подставки однотипны по форме, немного различаются в размерах и орнаментальных мотивах. Археологически целая подставка имеет следующие параметры: высота 52,6 см, диаметр венчика 23,7 см, диаметр основания 34,2 см, толщина стенок 1–1,3 см. Эти изделия представляют собой высокую конусовидную трубу, разбивающуюся на шесть частей. Нижняя часть — основание подставки — имеет широкий ободок для установки на поверхность и почти вертикальные стенки. Тулово (ножка) подставки состоит из четырех выпуклых частей, стоящих одна над другой, каждая верхняя часть имеет меньший диаметр, чем нижняя. Выпуклые части изготовлены на круге отдельно друг от друга и соединялись между собой дополнительными вогнутыми в профиле лентами. Верхняя часть подставки представляет собой отогнутый под прямым углом широкий венчик. Венчик служил основной функциональной частью подставки, именно на его поверхность устанавливался нужный предмет. Ножка — тулово подставки — украшена налепными валиками, расположенными в местах стыков отдельных частей. Валики между основанием и нижней частью тулова часто рассечены, что добавляет им

дополнительный декоративный эффект. Выпуклые части имеют сквозные отверстия круглой формы или в виде горизонтально ориентированного завитка. Круглые отверстия сгруппированы по три таким образом, что центры отверстий образуют углы равностороннего треугольника. Круглые отверстия расположены с четырех сторон, завитки обычно располагались между ними. В основании подставки также имеются отверстия. На имеющихся образцах они либо одиночные круглые, либо листовидные, сгруппированные по два.

Ближайшие аналогии этим керамическим подставкам найдены в непосредственной близости от городища Кокшаровка-1 при исследовании кургана Кокшаровка-8, расположенного в 600 м от территории городища (илл. 5.4: 4–6). Есть и более отдаленные аналогии. Можно указать на материалы раскопок Дунцинчэна — Верхней столицы Бохая (Tung-Ching-Chen 1939: 39), киданьского городища Чинтолгой-балгас XI — первой четверти XIII в. в Монголии (Крадин, Ивлиев и др. 2011: 111–113) и ряд других.

Назначение керамических подставок пока остается предметом дискуссии. Вполне вероятно их использование в ритуальных целях, так как аналогичные изделия были обнаружены при исследовании погребального комплекса Кокшаровка-8 (Клюев и др. 2016: 32).

При раскопках здания № 1 было найдено керамическое изделие, вероятно не утилитарного назначения, не имеющее пока аналогий в средневековой археологии дальневосточного региона. Предмет представляет собой скульптуру с квадратным основанием-поддоном, туловом уплощенно-пирамидальной формы, которое в верхней части раздваивается, образуя стилизованные головы. Их торцовые грани оформлены зубцами, лицевые поверхности имеют по три сквозных отверстия, проделанные по сырой глине, одно отверстие располагается на месте перехода тулова в головы. В верхней части голов имеются также несквозные вертикально-наклонные отверстия. Высота изделия 15,5 см, ширина 11,5 см, толщина в основании 8,2 см (рис. 5.4: 12).

В керамическую коллекцию входят также немногочисленные изделия из фарфора. Как известно, глазурированная керамика в государстве Бохай была импортной и доставлялась с территории Китая. На городище были обнаружены фрагменты глазурированной керамики, изготовленной в известных китайских печах в Динчжоу и Юэчжоу. Эти сорта фарфора могут являться своего рода временным индикатором для датировки городища, так как их широкое распространение за пределы Китая приходится на период начиная с IX в. (Клюев, Ивлиев 2013: 111). Глазурированная керамика в коллекции представлена фрагментами чаш, блюдца и чайником. О последнем изделии следует сказать подробнее. Чайник изготовлен из фарфора сорта *юеяо*. У него серый тонкокаменный черепок с серовато-зеленоватой глазурью (почти оливковой). Имеет грушевидную форму, дольчатый орнамент (7 долей) и слегка вогнутое дно. Венчик сосуда прямой, в верхней части сосуда есть рифленая ленточная ручка. Высота чайника 16,6 см, диаметр венчика 6,6 см, диаметр дна 7 см, толщина стенки 0,4–0,8 см (рис. 5.3: 26).

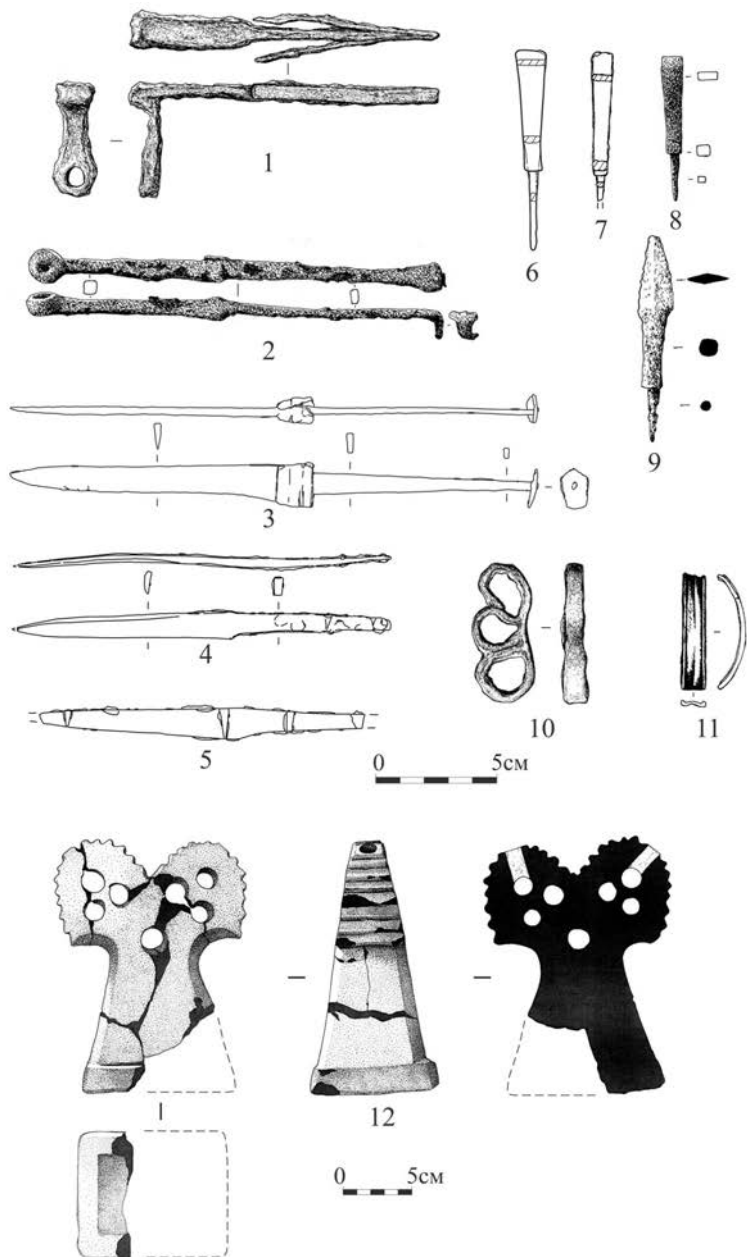

Рис. 5.4.

Городище Кокшаровка-1. Артефакты, найденные при раскопках северной платформы:
 1 — деталь железного замка; 2 — железный ключ; 3–5 — железные ножи;
 6–9 — железные наконечники; 10 — кресало из железа; 11 — обломок бронзового браслета;
 12 — керамическое изделие

Гл. 3. Илл. 3.1. Краскинское городище

Гл. 4. Илл. 4.1. Концевые диски кровельной черепицы из бохайских буддийских храмов:
 1 — Копытинский храм; 2–4, 6–8 — Краскинский административно-храмовый комплекс;
 5 — Корсаковский храм

Гл. 4. Илл. 4.2. Керамические изделия Краскинского городища:
 1 — облицовочный кирпич с орнаментом;
 2 — миниатюрная скульптура в виде головы лошади; 3 — фрагмент украшения кровли

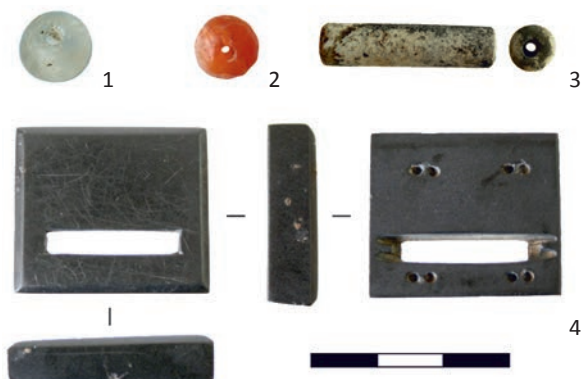
Гл. 4. Илл. 4.3. Бронзовые изделия Краскинского городища:
 1, 4 — навершия шпилек; 2, 5, 8, 9, 12 — наременные накладки; 3 — наконечник ремня;
 6 — пряжка; 10 — скобка; 11 — подвеска

Гл. 4. Илл. 4.4. Бохайские изделия из кости, рога и раковин:
 1 — проколка в форме ящерицы (Константиновское-1 селище); 2 — накладка с орнаментом (Николаевское II городище); 3 — пластина-накладка с орнаментом (Новогордеевское селище); 4, 5 — пластины-накладки с орнаментом (Марьяновское городище); 6 — подвеска из жаберной крышки рыбы (городище Горбатка); 7 — подвеска из раковины (городище Горбатка); 8 — кубик игровой (Абрикосовское поселение); 9 — пуговица (Новогордеевское селище); 10 — фрагмент пластины с орнаментом (городище Горбатка)

Гл. 4. Илл. 4.5. Предметы буддийской скульптуры и пластики из Краскинского городища:
 1 — фрагмент каменного рельефа Будды; 2 — бронзовая с позолотой статуэтка бодхисаттвы;
 3 — бронзовая с позолотой статуэтка бодхисаттвы; 4 — бронзовая кисть руки буддийской статуэтки;
 5 — бронзовый с позолотой пьедестал буддийской статуэтки

Гл. 4. Илл. 4.6. Бохайские престижные изделия:
 1 — бусина из горного хрусталя (Краскинское городище);
 2 — бусина из сердолика (Краскинское городище); 3 — бусина из халцедона (городище Горбатка);
 4 — наременная накладка (Краскинское городище)

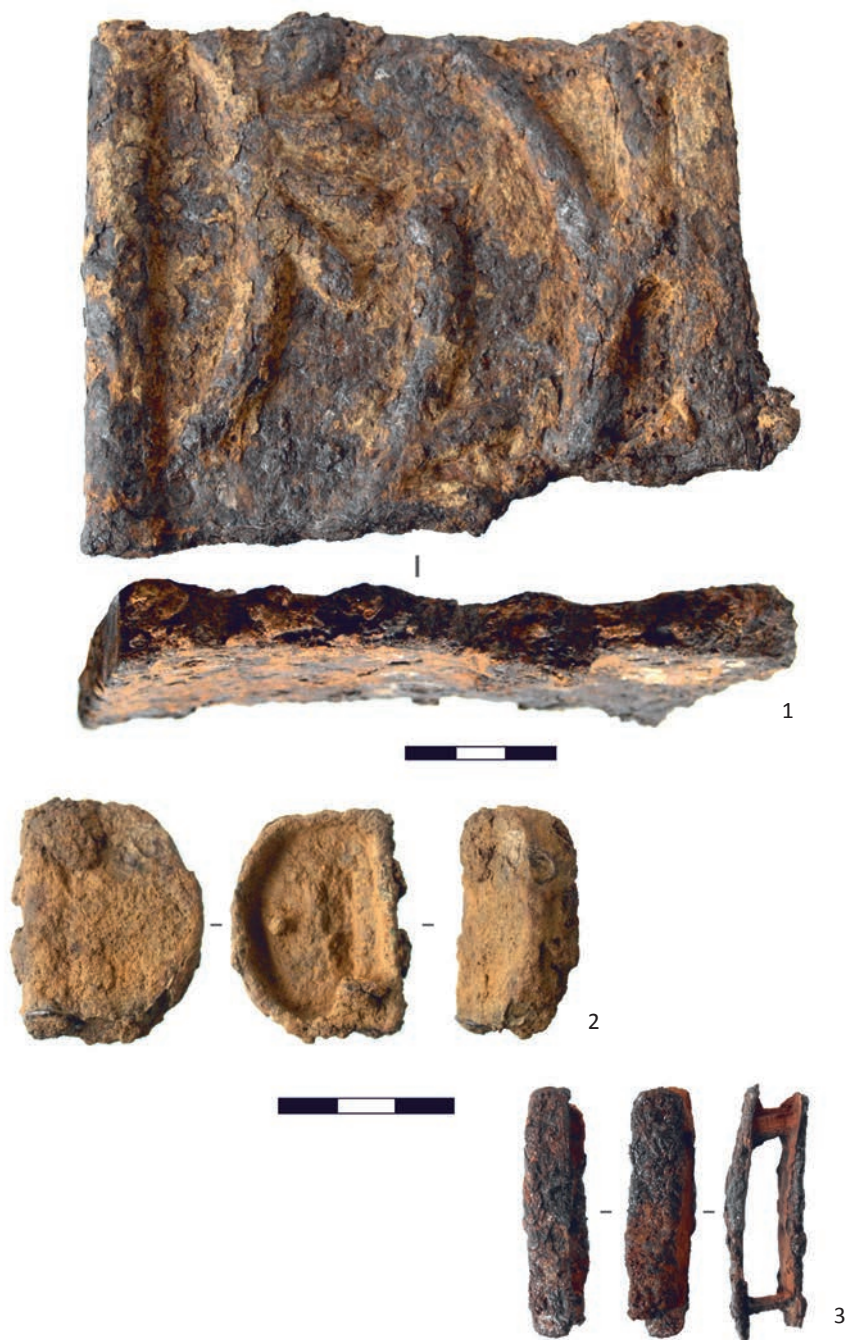
Гл. 4. Илл. 4.7. Бронзовое зеркало с орнаментом из Краскинского городища

Гл. 4. Илл. 4.8. Керамические предметы с отверстиями из Краскинского городища:
 1 — фрагмент изделия в виде модели здания; 2 — изделие в виде буддийской ступы;
 4 — фрагмент изделия трапециевидной формы без орнамента;
 5 — изделие прямоугольной формы с орнаментом

Гл. 4. Илл. 4.9. Игральные фишки из Краскинского городища:
 1–3 — изготовленные из стенок сосудов; 4–6 — изготовленные из черепицы;
 7–9 — изготовленные из камня

Гл. 4. Илл. 4.10. Бохайские изделия из чугуна и железа:
1 — фрагмент обрамления устья печи (городище Горбатка);
2 — наременная накладка (Краскинское городище); 3 — обоймица (Краскинское городище)

Гл. 5. Илл. 5.1. Городище Кокшаровка-1. Вид с юго-востока

Гл. 5. Илл. 5.2. Городище Кокшаровка-1. Архитектурный комплекс. Вид с запада

Гл. 5. Илл. 5.3. Городище Кокшаровка-1. Здание № 6. Вид с юга

Гл. 5. Илл. 5.5. Погребальный комплекс Кокшаровка-8. Вид с юга

Гл. 5. Илл. 5.4. Керамические подставки.
1–3 — городище Кокшаровка-1; 4–6 — погребальный комплекс Кокшаровка-8

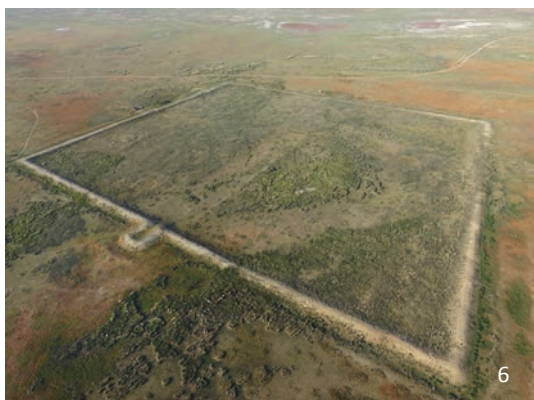

Гл. 5. Илл. 5.6. Погребальный комплекс Кокшаровка-8. Артефакты из металла:
 1, 2 — серебряные сбруйные накладки; 3 — серебряная полусферическая накладка;
 4 — серебряные гвоздики; 5 — лепестки из золотой фольги;
 6, 7 — две половины бронзового браслета

Гл. 6. Илл. 6.1. Городище Углугчийн-хэрэм.

1 — общий вид с юга; 2 — северная стена в районе скал; 3, 4 — кладка каменной стены;
5 — стена в районе северных ворот и северо-восточного угла городища

Гл. 6. Илл. 6.2. Городища государства Ляо в Монголии.
 1–5 — Эмгэнтэйн-хэрэм (1 — вид с севера; 2 — каменная кладка на верхней части вала;
 3 — железная гирька кистеня; 4 — фрагмент керамического котла; 5 — разрез через западный вал);
 6 — Зуун-хэрэм, вид с северо-востока; 7 — Баруун-хэрэм, вид с северо-запада

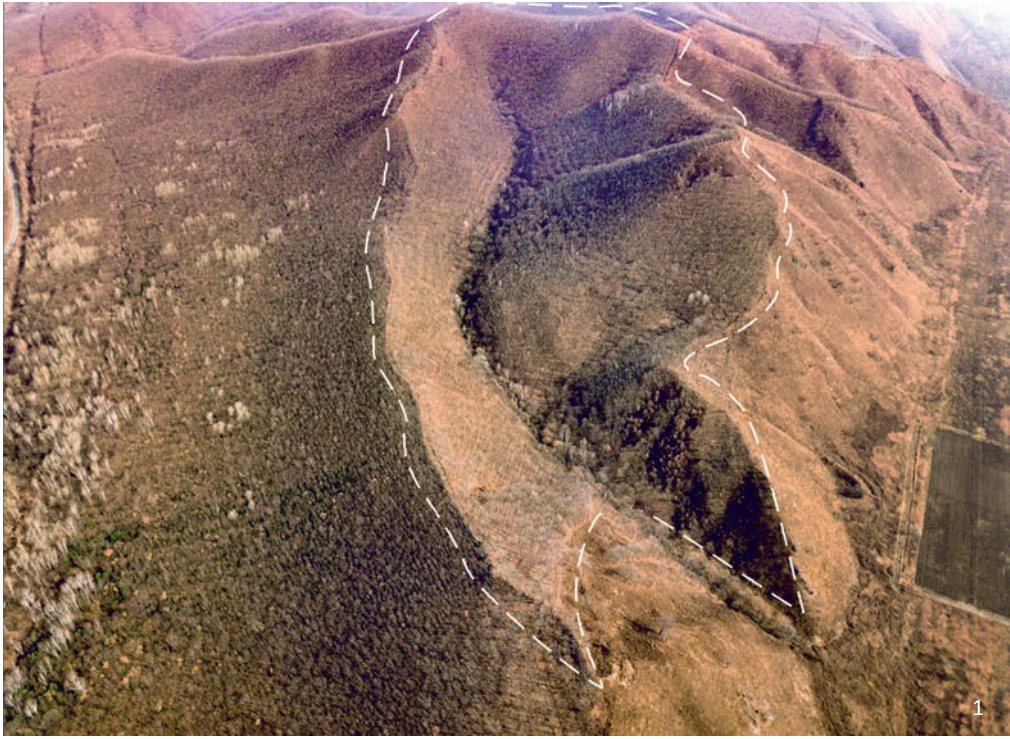

Гл. 6. Илл. 6.3. Городище Хэрмэн-дэнж.

1 — вид с севера; 2 — кан жилища в раскопе 4; 3 — северная стена городища в районе разрыва и траншея (раскоп 5) в ней; 4 — остатки деревянных конструкций в утрамбованных слоях северной стены в раскопе 5; 5 — обсидиановая бусина; 6 — бронзовая деталь наременной накладки; 7, 8 — железные наконечники стрел; 9 — костяная щетка; 10 — чугунный лемех плуга; 11–13 — керамические сосуды

Гл. 7. Илл. 7.1. Красноярское городище

Гл. 7. Илл. 7.2. Шайгинское городище.
1 — вид на памятник сверху; 2 — вид с юго-востока

Гл. 7. Илл. 7.3. Стоговая сопка

Гл. 7. Илл. 7.4. Городище Стоговая сопка.
1 — участок каменного вала; 2 — жилище 1

Гл. 7. Илл. 7.5. Николаевское городище.
1— вид на памятник с юго-востока; 2 — вид с северо-востока

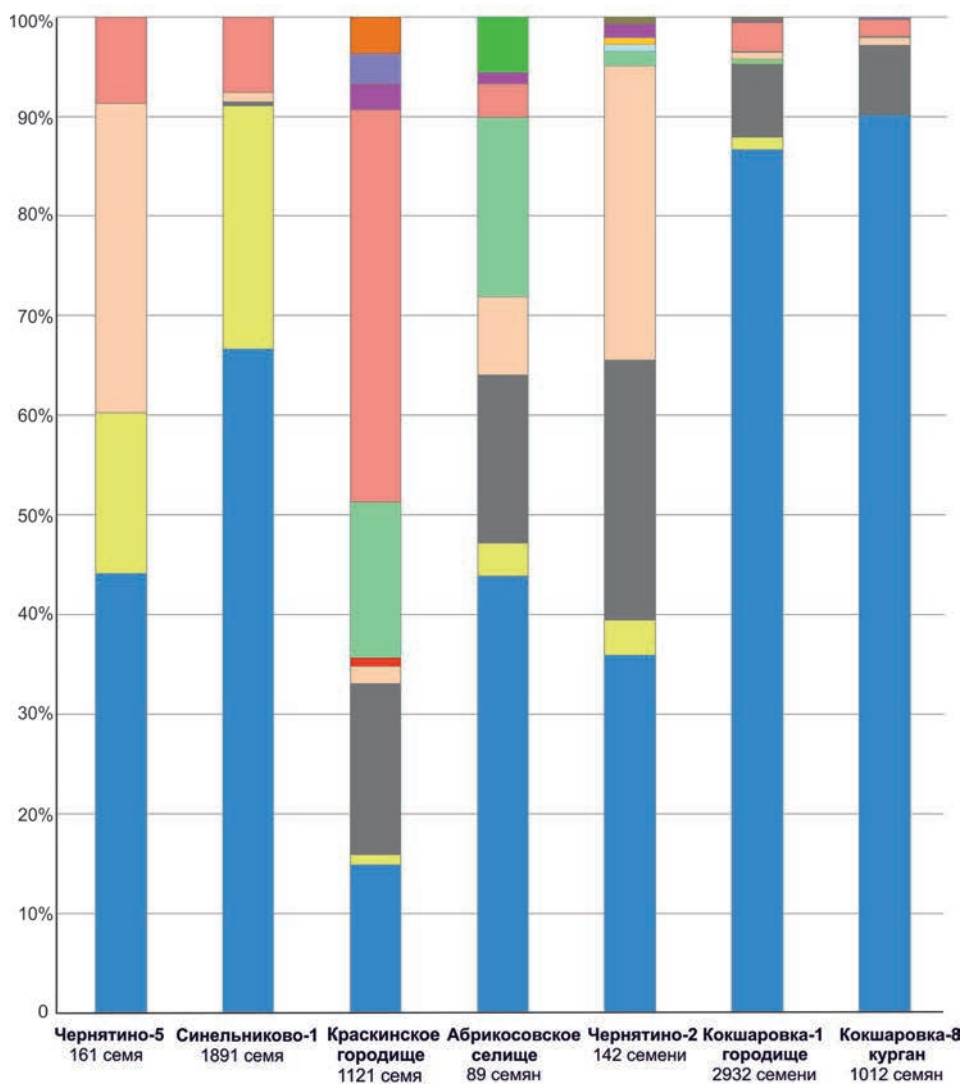
Гл. 7. Илл. 7.6. Кровельная керамическая скульптура в виде головы дракона из Николаевского городища (фонды Музея археологии и этнологии ИИАЭ НДВ ДВО РАН)

Гл. 7. Илл. 7.7. Престижные предметы из Шайгинского городища. 1 — пайцза (серебро); 2 — печать чжичжуня (бронза) (фонды Музея археологии и этнологии ИИАЭ НДВ ДВО РАН)

Гл. 7. Илл. 7.8. Военные доспехи чжурчжэней.
1, 2 — копья из Шайгинского городища (железо); 3 — шлем из Красноярского городища (железо)
(фонды Музея археологии и этнологии ИИАЭ НДВ ДВО РАН)

- просо итальянское
- просо обыкновенное
- просо японское
- просо культурное неидентифицированное
- ячмень голозерный
- ячмень пленчатый
- пшеница мягкая
- овес, рожь, пшеница
- соя культурная
- фасоль угловатая
- горох посевной
- гречиха посевная
- перилла
- конопля посевная
- крестоцветное

Гл. 8. Илл. 8.1. Процентное содержание семян культурных растений в отложениях средневековых археологических памятников Приморья (по: Сергушева 2012, 2016а; Sergusheva 2014; Сергушева, Пискарева 2007; Сергушева, Стоякин 2015)

Гл. 8. Илл. 8.2. Семена культурных растений, обнаруженные в отложениях средневековых памятников Приморья. 1–3 — просо итальянское (*Setaria italica* subsp. *italica*); 4 — перилла (*Perilla frutescens*); 5 — просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*); 6–8 — просо японское (*Echinochloa utilis*); 9 — пшеница мягкая (*Triticum aestivum*); 10, 11 — ячмень голозерный (*Hordeum vulgare* var. *nudum*); 12–14 — соя культурная (*Glycine max*); 15, 16 — фасоль угловатая (адзуки) (*Vigna angularis*); 17 — гречиха посевная (*Fagopirum esculentum*); 18–20 — конопля посевная (*Cannabis sativa*) (1, 7–9, 11, 12, 18–20 — Краскинское городище; 2–6, 10, 13–16 — городище Кокшаровка-1; 17 — курган Кокшаровка-8)

Гл. 9. Илл. 9.1. Хирхиринское городище.

1 — вид с запада; 2 — центральная усадьба памятника; 3 — северная часть усадьбы 1. Остатки построек (Артемьев 2005); 4 — остатки отопительной системы в западной части города (исследования 2014 г.)

Гл. 9. Илл. 9.2. Хирхиринское городище. Материалы исследований 2014 г.
 1 — штырёк; 2 — фрагмент украшения; 3 — фрагмент обкладки; 4, 6–8 — гвозди;
 5 — фрагмент ножа; 9, 11 — бусины; 10 — фрагмент украшения
 (1–3 — бронза; 4–8 — железо; 9–11 — стекло)

Гл. 9. Илл. 9.3. Хирхиринское городище. Материалы исследований 2014 г.
 1–5 — фрагменты глазурованных сосудов; 6 — фрагмент сосуда с рисунком;
 7 — фрагмент чашечки-пиалы с рисунком; 8 — игральная фишка из стенки глазурованного сосуда;
 9 — фрагмент стенки сосуда (подвенечная часть); 10 — фрагмент стенки сосуда (подвенечная часть);
 11 — фрагмент венчика сероглиняного сосуда; 12 — фрагмент стенки сероглиняного вазовидного сосуда;
 13, 14 — фрагменты стенок сероглиняных сосудов с киданьским орнаментом
 (1–6, 8, — керамика, глазурь; 6, 7 — фарфор; 9–14 — керамика)

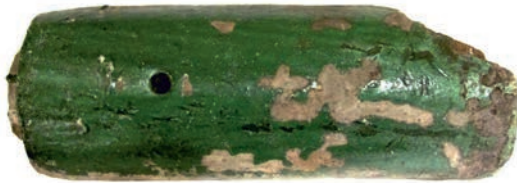
Гл. 9. Илл. 9.4. Кровельная черепица.

1–4 — с Хирхиринского городища (фонды Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, г. Чита); 5–7 — из усадьбы Алестуй (1–7 — керамика)

Гл. 9. Илл. 9.5. Усадьба Алестуй.

1 — остатки дымоходных каналов кана в центральной части постройки; 2 — печь; 3–9 — некоторые находки: 3 — фрагмент втулки ступицы колеса; 4–5 — фрагменты обкладок; 6 — монета; 7 — пила; 8 — изделие неясного назначения; 9 — гвоздь; 10 — фрагмент глазурованного сосуда (3 — чугун; 4–6 — бронза; 7–9 — железо; 10 — керамика)

Гл. 9. Илл. 9.6. Кондуйский городок.

1 — дворец; 2 — гранитный дракон (Малая энциклопедия 2011: Илл. 146);
3 — церковь Рождества Пресвятой Богородицы и свв. Мучеников Кирика и Улиты
(с. Кондуй Борзинского района Забайкальского края);
4–8 — кровельная черепица дворца (керамика, глазурь)
(фонды Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, г. Чита)

Гл. 9. Илл. 9.7. Кондуйский городок.
Северо-западный павильон (исследования 2015–2016 гг.).
1 — вид с юга; 2 — вид с востока; 3 — пандус

Гл. 9. Илл. 9.8. Кондуйский городок. Северо-западный павильон.
 Керамические строительные материалы:
 1 — кирпич; 2–5, 7, 9 — черепица; 6, 8 — кровельная скульптура
 (1–5 — керамика; 6–9 — керамика, глазурь)

Подчеркивая в целом бохайскую основу полученной керамической коллекции на городище Кокшаровка-1, нельзя не отметить и ее особенности. Небольшую ее часть (до 7%, по подсчетам Е.И. Гельман) представляют изделия, не свойственные для Бохая. Речь идет о дольчатых сосудах, сосудах с раздвоенными, а также с «трегубыми» венчиками, горловинами с широким устьем, с приземистыми пропорциями тулова. Присутствие подобной керамики может свидетельствовать как о тесных связях населения этого города с примыкавшими к Бохаю территориями на восток и северо-восток от р. Уссури, где она преобладает и представлена в памятниках покровской культуры, так и о том, что городище существовало какой-то период и в постбохайское время. Одним из наиболее ярких признаков керамики покровской культуры является также штампованный орнамент, который мог наноситься как одиночным, так и роликовым штампом в виде геометрических или антропоморфных фигур, которые образуют орнаментальные пояса, расположенные в верхней или средней части сосудов. Также для керамики этой культуры характерны некоторые виды прочерченного орнамента в виде расположенных в зоне плечиков орнаментальных поясов, заполненных прочерченными вертикальными прямыми и в виде мелкого зигзага линиями; горизонтальных прямых и волнистых одиночных и многорядных линий, арок. Образцы именно такой керамики были найдены на городище Кокшаровка-1 при раскопках архитектурного комплекса на северной платформе. В связи с этим следует заметить, что залегали они в тех же стратиграфических условиях, что и основная масса керамики бохайского облика.

При раскопках был обнаружен и другой археологический материал (рис. 5.4: 1–11). Изделия из железа представлены наконечниками стрел, ножами, гвоздями, кресалами, фрагментами ступиц и котлов, деталями замков и пр. Изделия из бронзы — браслетом, из камня — ступами, грузилами, бусинами, подвесками и пр., из кости — кольцом. Практически все найденные предметы имеют аналогии в материалах бохайских памятников Приморья.

На полу здания № 3 были расчищены остатки изделия из бересты. Точные его размеры восстановить сложно из-за плохой сохранности материала, но можно предположить, что все фрагменты бересты принадлежали одному изделию — прямоугольному коробу с крышкой. Крышка изготовлена из целого листа бересты с прикрепленным к нему под прямым углом кантом 5 см из сложенного вдвое другого листа бересты. Стенки изделия также изготовлены из листа бересты. Верхний край стенок укреплялся кантом из сложенного вдвое берестяного листа, который крепился к стенке шнуром через отверстия.

Вторым объектом исследований на городище стала западная платформа размером 70×70 м. На платформе был заложен раскоп площадью 220 кв. м. В ходе проведенных работ выяснилось, что на этой платформе также располагался комплекс зданий, имеющих прямые аналогии по своему строению с комплексом зданий на северной платформе. Были полностью изучены остатки здания № 1. Оно имело подпрямоугольную форму. Стены здания ориентированы по сторонам света и имели размеры с севера на юг 10 м, с запада на восток — 11, 11,5 м. От сооружения сохранился частично фундамент стен в виде оплывшей кладки, сло-

женной из окатанных речных галек. В западной и восточной части фундамента зафиксированы плоские горизонтально выставленные каменные плиты, которые могли быть использованы в качестве оснований для деревянных столбов. Вход в здание № 1 располагался с южной стороны.

Северная часть помещения имела отопительную систему типа двухканального П-образного кана с двумя очагами. Дымоходы сохранились в виде выкопанных в желтом суглинке закопченных каналов. Секции кана расположены вдоль западной, северной и восточной стен помещения. Перекрытия дымоходных каналов не сохранились. Как и на северной платформе, дымовая труба была вынесена за пределы сооружения.

Прямые аналогии с северной платформой продемонстрировал и полученный археологический материал. Отличия состояли лишь в представительности коллекции по типам изделий. Керамика была представлена низкими корчагами и пароварками, а также дольчатым сосудом. Этот сосуд имеет тулово, по форме близкое к овалу, и прямой вертикальный венчик. Высота сосуда 22,2 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 11,8 см, наибольший диаметр 26,9 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. В месте наибольшего диаметра находится горизонтальная выпуклая полоса, образованная выдавливанием и разделяющая сосуд на верхнюю и нижнюю части. На внешней поверхности тулова есть вдавленные вертикальные полосы, делящие тулово на своеобразные доли. Переход от плечиков к горловине также выделен выпуклым валиком. Горловина, одновременно являющаяся венчиком, имеет рельефный профиль.

Изделия из металла были немногочисленны и включали в себя железные гвозди, фрагмент чугунного котла и серебряную проволоку.

Исследования на западной платформе показали, что сооружения на ней относятся к тому же этапу заселения городища, что и на северной платформе.

Третьим объектом, подвергшимся изучению на городище, стали фортификационные сооружения. В центральной части южного вала городища был заложен разрез общей длиной 31 м. Он захватывал участок с внешней стороны городища (3 м), ров (5 м), вал (20 м) и прилегающую к валу часть городища (3 м). Это позволило исследовать основание вала и связать его стратиграфию со стратиграфией городища.

Высота вала на исследуемом участке составила 3,8 м от дневной поверхности городища и 4,5 м от дневной поверхности рва. Вал в своей основе земляной, с включением камней. Стратиграфически зафиксированы два этапа его сооружения. Первоначально вал был построен на месте неукрепленного поселения бохайского времени. Его внешняя облицовка состояла из больших, плотно подогнанных камней. На вершине были зафиксированы остатки 11 деревянных столбов. Столбы образуют определенную конструкцию. Разрезом вскрыта только ее часть. Зафиксировано два параллельных ряда парных столбов, идущих вдоль оси вала. Отмечено три пары столбов. Перпендикулярно этим рядам расположены еще два ряда столбов. В первом ряду было выявлено три столба, а во втором — два. На позднем этапе вал был увеличен в высоту и незначительно в ширину. На его вершине была сложена каменная стена, скрепленная глиной и укрепленная

с внешней стороны деревянным палисадом. Судя по данным стратиграфии и планиграфии, ров, вероятно, был выкопан во время второго этапа сооружения вала. Заполнение рва представлено темно-коричневым суглинком, насыщенным крупной галькой и скальными обломками, мощностью до 72 см.

Из основания вала (первый этап строительства) была получена дата 1270 ± 20 BP (Cal AD 675–770) (Beta-409087), а из слоя, относящегося ко второму этапу строительства вала, — 1070 ± 30 BP (Cal AD 895–925; 940–1020) (Beta-409086) (Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 2015: 160–161).

При исследовании разреза вала и рва была получена достаточно информативная коллекция археологических материалов, включающая изделия из глины, железа и кости. В целом этот материал не противоречит имеющимся данным из раскопок городища и относится к бохайскому и постбохайскому времени. Среди артефактов следует выделить изделие в виде керамического кубика (так называемый «бохайский кубик»), обнаруженное при разборке нижней части отложенный вала. Оно представляет собой прямоугольный брусок из обожженной глины черного цвета с четырьмя горизонтальными и одним вертикальным отверстием. Размеры кубика $10,2 \times 6,2 \times 3,4$ см. На одной из плоскостей по сырой глине прочерчен солярный знак в виде креста, на противоположной поверхности нанесено изображение домика на сваях с двухскатной крышей.

Исследования фортификационных сооружений городища дали интересные результаты. Принципиальная особенность вала на городище — в способе его сооружения. Технология отлична от других известных долинных городищ эпохи средневековья Приморья, где использовался метод *ханту*, либо применялись деревянные короба при возведении вала, либо крепостные стены складывались из каменных блоков. В данном случае вал насыпался не многочисленными горизонтальными слоями и прослойками, как, к примеру, на таких долинных городищах, как Южно-Уссурийское (Окладников 1959: 268), Николаевское (Артемьева 2012: 24–25) или Марьяновское (Шавкунов Э.В. 1971: 63, 88), а несколькими мощными слоями, расположенными под углом $40\text{--}45^\circ$, идущими от основания к вершине. Слои внешнего и внутреннего скатов насыпались, последовательно чередуясь, перекрывая в вершине предыдущий слой, насыпанный на противоположном скате. Основание вала со стороны городища было преднамеренно углублено в материк и оформлено в виде ступеней. Близкие аналогии этой методике сооружения вала пока выделить сложно. Связано это во многом со слабой изученностью оборонительных сооружений долинных городищ бохайского и постбохайского времени континентального Приморья.

К вопросу о периодизации и культурной принадлежности городища Кокшаровка-1

Проведенные крупномасштабные исследования на памятнике, анализ полученных археологических материалов, имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют наметить основные этапы функционирования городища. По данным шур-

фовки, разведочного раскопа в западной части городища (см.: Городище Кокшаровка-1 2012: 102–124), разреза оборонительных сооружений, которые вскрыли всю толщу культурных отложений на памятнике, а также опираясь на результаты геофизических исследований, можно с полной уверенностью утверждать, что это место было заселено человеком еще в бохайское время. Первоначально возникло неукрепленное поселение, затем были построены оборонительные сооружения в виде вала и рва. Городище просуществовало достаточно долгий период времени, несколько раз перестраивалось. Как показали результаты геомагнитных исследований, осуществленных на всей территории памятника Е.А. Бессоновой, было три одновременных типа планировки застройки городища (Бессонова и др. 2012: 190). Раскопками на северной и западной платформах были вскрыты остатки сооружений, относящихся, по нашему мнению, к постбохайскому этапу существования городища. Маркеры этого периода проявляются прежде всего в археологическом материале и выражаются в сочетании в одном комплексе керамических изделий бохайского облика и посуды, имеющей сходство с керамикой покровской культуры, распространенной в бассейне Амура и части бассейна р. Уссури и просуществовавшей вплоть до XIII в. Изученный комплекс зданий на северной платформе городища тоже имеет свои особенности, соединяя в себе как традиции бохайской архитектуры сооружений дворцового типа, так и, вероятно, собственный опыт местного населения строительства жилищ с канами (Клюев, Ивлиев 2013: 116). В ходе раскопок зданий на обеих платформах было отобрано 30 образцов сгоревшей древесины для проведения радиоуглеродного анализа. Большинство полученных дат укладываются в хронологический диапазон — конец IX — начало XI в.

Городище Кокшаровка-1, как в бохайское, так и в постбохайское время, было крупным административным центром, на что указывают прежде всего комплексы зданий дворцового типа. По мнению корейских исследователей, в эпоху Бохая оно могло быть центром области Аньбяньфу (Городище Кокшаровка-1 2012: 171). Что касается постбохайского периода, то, по мнению О.В. Дьяковой, это городище являлось административным центром «киданьского государства Дундань, а позднее империи Ляо» (Дьякова 2014: 281). Свою версию культурной атрибуции городища исследователь подтверждает наличием на памятнике киданьской керамики, угловой башни, типичной для фортификационных сооружений империи Ляо (там же: 180). По этому поводу следует заметить, что за все годы раскопок на памятнике киданьской керамики найдено не было. Что касается угловой башни, то действительно, на юго-восточном углу вала отмечается внешний выступ, выглядящий как башенный, но он без верхней площадки (Городище Кокшаровка-1 2012: 36). Не подтверждают идею О.В. Дьяковой и имеющиеся исторические материалы, которые не позволяют относить памятники в центральной и восточных частях Приморья к Дундань или империи Ляо (Ивлиев 2015: 228). Следует признать, что пока вопрос о культурной принадлежности городища Кокшаровка-1 в постбохайское время остается открытым. Об этом можно говорить только в предположительной форме. Вероятно, городище являлось административным центром вожества или раннегосударственного образования, некогда

испытавшего бохайское влияние и в значительной степени независимого от киданей. Как известно, на протяжении X — начала XI в. отмечались неоднократные выступления бохайцев против владычества киданьской империи Ляо. На бывших бохайских землях возникали государственные образования, наиболее заметным из них было государство Динъань (Ивлиев 2005: 470–472). Известно, что в последней четверти X в. территория этого государства охватывала восточную часть современной провинции Цзилинь, юго-восточную часть провинции Хэйлунцзян и, вероятно, районы Приморского края, примыкающие к оз. Ханка (Крадин, Ивлиев 2014: 44).

Итоги раскопок погребального комплекса Кокшаровка-8

Еще одно подтверждение высокого административного статуса городища Кокшаровка-8 в постбохайское время было получено при раскопках погребального комплекса Кокшаровка-8. Погребальный комплекс не имеет аналогов в средневековой археологии Приморского края. Были вскрыты остатки прямоугольного монументального сооружения из гранитных плит общими размерами 15×16 м (илл. 5.5). Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. В западной половине южной стороны сооружения сохранился широкий пологий ступенчатый подъем из каменных плит. Были выявлены особенности конструкции и этапы ее строительства (рис. 5.5). Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную платформу размером 9,2×8,2 м, по верхней части оконтуренную стеной шириной около 1 м. Общая высота сооружения не превышала 0,65 м. По периметру первичного сооружения сохранился каменный водоотбойник *саньшуй*. Возможно, сооружение было возведено над погребением. В его центральной части расчищена средневековая грабительская яма, прорезавшая все слои каменных плит до служившего материком слоя речного аллювия с галькой. На дне ямы лежала каменная плита размером 67×79 см, подобная тем, из которых построено все сооружение. На ее поверхности сохранились остатки тлена и пятна охры. Однако явных следов погребальной камеры не обнаружено. При этом следует отметить, что основная масса находок из золота и серебра была сделана в районе этой грабительской ямы. Вторым этапом строительства стало возведение вокруг первичного сооружения внешней кладки из гранитных плит, увеличившей размеры сооружения до 12,2×16,2 м. Были изменены и стены наверху постройки. Вдоль южной стороны строения на этом этапе был ряд деревянных столбов. Впоследствии у западной половины южной стороны была пристроена лестница из гранитных плит. Следующим этапом стало возведение каменной стенки из крупнообломочного скальника, обрамляющей по верху с запада, севера и востока центральную надстройку. Скорее всего, после постройки этой каменной ограды над сооружением была возведена земляная насыпь. Вероятно, первоначально она оставляла открытыми верхнюю часть каменной ограды, каменную площадку наверху и лестницу на южном склоне кургана.

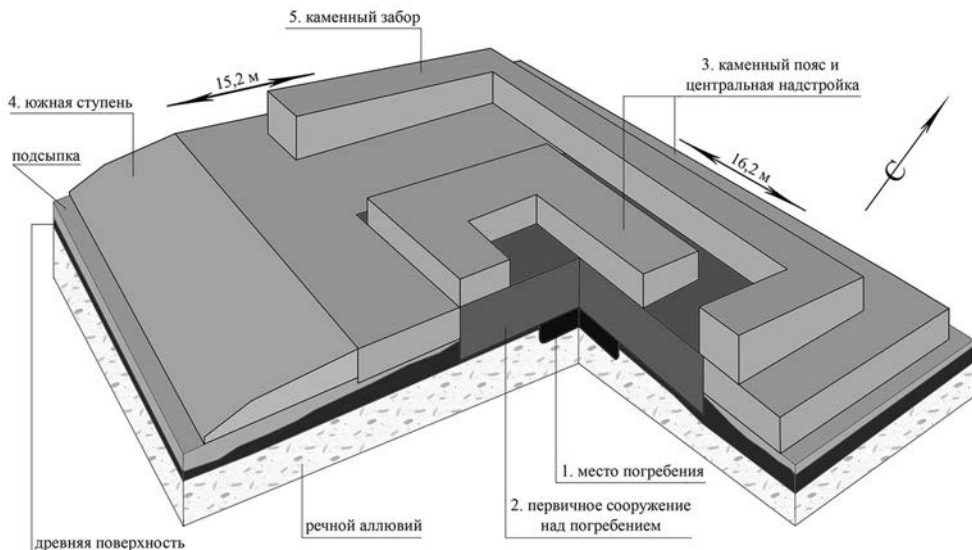

Рис. 5.5.

Принципиальная схема строения погребального комплекса Кокшаровка-8

На завершающем этапе над курганом появилась черепичная крыша. Скорее всего, она накрывала только каменную стенку, так как скопления черепицы и остатки сгоревших деревянных конструкций были обнаружены вдоль внешнего периметра каменного основания кургана с западной, северной и восточной стороны (Клюев и др. 2016: 35–38). Сооружение было серьезно повреждено грабителями в средние века.

Исследование показало, что, вероятнее всего, сооружение связано с очень знатной персоной, которая могла быть здесь погребена. Об этом свидетельствуют его монументальность и характер погребального инвентаря, включающего изделия из благородных металлов, в том числе 26 серебряных гвоздиков, две серебряные сбруйные бляхи и 44 листика, вырезанные из золотой фольги (илл. 5.6). Был проведен химический анализ изделий из фольги. Выяснилось, что для изготовления листиков, вероятно, использовалось золото высокой пробы из Фадеевского рудного узла, расположенного в Западном Приморье (Попов и др. 2015: 44). Нет сомнений, что погребальный инвентарь был гораздо богаче и подавляющая его часть определено была унесена грабителями еще в средние века. Скопления камней с фрагментами керамики на большой площади вокруг кургана позволяют предполагать, что это сооружение также могло быть платформой для погребальных церемоний на большой кладбище. Памятник имеет прямое отношение к городищу Кокшаровка-1, где найден аналогичный керамический материал, в том числе такие же керамические подставки (илл. 5.4).

Ближайшими по времени и месту аналогиями данного сооружения являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристо-

кратии и членов царского рода. Наибольший интерес в этом плане представляют могила № 5 могильника Людиншань, каменные платформы на могильниках Людиншань и Хунцзуньюйчан, особенно платформа № 11 на первом из них, а также сооружение на памятнике Цидаохэ города Цзяохэ провинции Цзилинь (Цзилиньшэн вэньу 2009; Людиншань бохай 2012; Нинъань хунцзуньюйчан 2009). Не будучи полностью сходным с указанными сооружениями, кокшаровский курган явно демонстрирует эту же бохайскую культурную традицию.

На основе анализа найденных предметов и радиоуглеродных датировок можно предварительно отнести этот погребальный комплекс к X–XI вв. Здесь большое значение имеют две найденные в кургане серебряные сбруйные бляхи с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности (илл. 5.6: 1, 2). Они имеют близкие аналогии в бохайских материалах (городище Дачэнцзы в уезде Дуннин провинции Хэйлуцзян) (Чжан Тайсян 1981: 224; Вэй Цуньчэн 2008: 270). Наиболее точно датируются такие накладки их находками в ляоских могилах № 3 и № 4 у деревни Цяньулибугэнь хошуна Хурэ-Ци аймака Джирэм Внутренней Монголии (КНР). По определению Ван Цзяньцюня и Чэнь Сяньвэй, эти две могилы относятся к 1030–1050-м годам (Ван Цзяньцюнь, Чэнь Сяньвэй 1989: 76). Также ближайшей аналогией кокшаровским накладкам следует считать находку в районе дворца № 2 на городище бохайской Верхней столицы Лунцюаньфу. Это бронзовые сбруйные накладки с таким же, как у кокшаровской бляшки, внешним контуром и лицевой поверхностью, состоящей из двух наклонных граней, сходящихся на продольной оси симметрии изделия (Бохай шанцзинчэн 2009: 215–216, рис. 156: 5, 6). Таким образом, время бытования сбруйных блях с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности можно предварительно определить как X–XI вв. Весьма своеобразна найденная на кургане черепица. Отдельные фрагменты такой же черепицы подняты и на поверхности городища. Черепица отличается отсутствием оттиска ткани на вогнутой стороне, в поперечном сечении имеет форму части овала, а не правильной дуги. При этом в центральной части изогнутость слабая, а у краев увеличивается. Это свидетельствует о формовании такой черепицы на шаблонколодке, предназначенном для изготовления одной черепицы за один прием, тогда как вся черепица в Восточной Азии в средние века формовалась на цилиндрических шаблонах, позволявших за один прием делать две желобчатые либо четыре плоские черепицы. Складывается впечатление, что мастера, изготавливавшие черепицу, явно имели представление о том, как она должна выглядеть, но не были знакомы с технологией ее производства. По этой причине можно высказать предположение, что изделия, обнаруженные на памятнике, возможно, являлись копиями, репликами известных местным мастерам образцов (Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 2015: 130).

Подводя итоги, следует заметить, что исследования на памятниках Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 позволили получить новые данные о малоизученном периоде средневековой истории Приморья после гибели государства Бохай, и в этом их несомненная важность. В связи с этим встает закономерный вопрос: а были ли эти памятники единственными для Приморья в указанный период? Маловероят-

но. Перед археологами стоят задачи выявления и изучения городищ постбохайского времени. Такая работа уже ведется. Так, по мнению О.В. Дьяковой, одним из признаков, указывающих на постбохайский возраст городищ, могут служить новые технологические приемы сооружения валов — использование способа *ханту* и укрепление валов башнями. Этот исследователь считает, что данные новшества проникли в Приморье вместе с киданями (Дьякова 2014: 280). Исходя из указанных критериев, она относит к постбохайским памятникам ряд городищ, расположенных преимущественно в центральной и восточной части Приморья, — Кокшаровка-1, Стеглянуха-1, Поднебесное, Джигитовское, Мономаховское, Красное Озеро (там же: 280–281). Подобные утверждения весьма спорны. Способ сооружения валов методом *ханту* был известен и бохайцам (хотя действительно получил широкое распространение позже), о чем говорят данные из раскопок в КНР (Сигучэн, Баляньчэн) (Сигучэн 2007: 20, 25, 29; Баляньчэн 2014: 19–22) и российском Приморье (Старореченское городище)¹. С другой стороны, можно уже считать доказанным факт существования городища Кокшаровка-1 и в постбохайское время, однако при строительстве вала обитатели городища не использовали метод *ханту*. Приведенные примеры говорят о том, что при отнесении памятников к постбохайскому времени археологи Приморья сталкиваются с определенными трудностями, которые могут быть разрешены только при развертывании планомерных исследований и получении репрезентативных археологических коллекций с изучаемых памятников.

¹ Данные из раскопок городища авторами в 2017 г.

ГОРОДА ИМПЕРИИ ЛЯО

По всей видимости, зачатки урбанизационных процессов у киданей можно проследить задолго до создания империи Ляо. Еще в 654 г. сообщается, что когурёсцы отвоевали у киданей город Синьчэн (СТШ 220: 6195; Бичурин 1950б: 118). Не исключено, что этот древний когурёский город, идентифицируемый с горным городищем на горе Гаоэршань у современного города Фушунь в провинции Ляонин, какое-то время был под контролем киданей (Дунбэй... 1989: 208, 308–309). На рубеже IX–X вв. Шулань, занимавший пост *юлюэ* у киданей до 902 г., первым начал заниматься каменным зодчеством и строительством обнесенных стенами городов (ЛШ 2: 8б).

Незадолго до создания империи Ляо, в 902 г. армия киданей в 400 тыс. человек захватила 95 тыс. пленников и огромное количество скота. В том же году был построен первый окруженный валом город Лунхуачжоу южнее р. Хуанхэ (Шара-мурэн) (ЛШ 1: 16; Wittfogel, Feng 1949: 43, 298). По приказу Абаоцзи многие пленные были переселены в города (Е Лунли 1979: 43). По мнению Ху Линя, это сделано вследствие стремления урбанизовать новое государство и тем самым придать ему легитимный внешнеполитический статус (Lin Hu 2009: 53).

Большинство городищ располагаются в районе обитания киданей времени образования их государственности, т.е. в бассейне рек Шара-Мурэн и Лаохахэ (Bennet 2016). Кроме того, они находятся на завоеванных киданями территориях — в Монголии, на северо-востоке Внутренней Монголии, в Забайкалье, в западных частях провинций Цзилинь и Хэйлунцзян (рис. 6.1). Кидани захватывали и ранее существовавшие города на завоеванных ими территориях Северного Китая и Бохая, однако здесь рассматриваются в первую очередь города и городища, построенные самими киданями. Конкретные данные об основных киданьских городищах систематизированы в ряде работ (Ивлиев 1983; Крадин, Ивлиев 2014: 300–315).

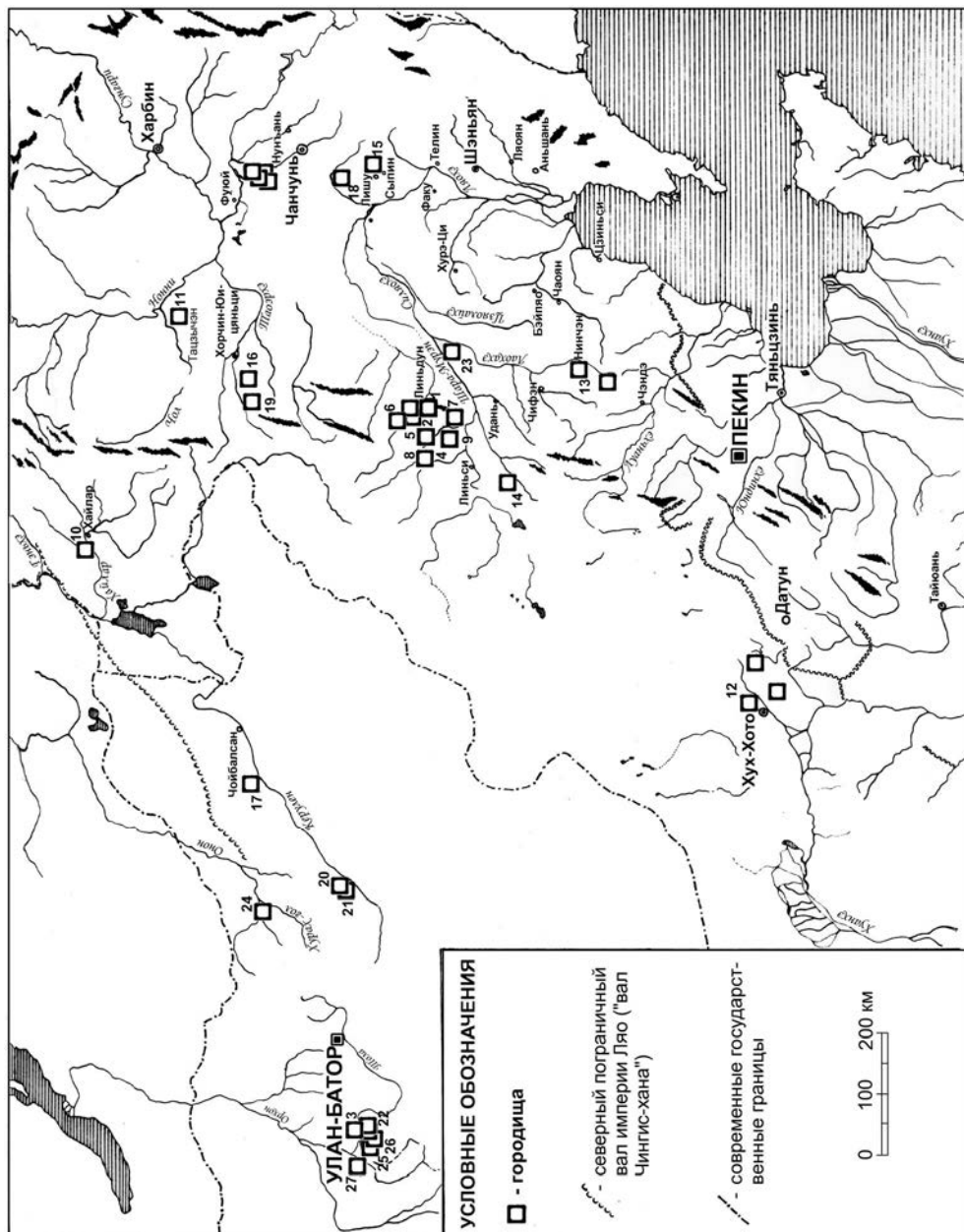

Рис. 6.1.
Карта ляоских городищ

- 1 — остатки Верхней столицы Линьхуанфу в Линьдуне, Внутренняя Монголия, КНР.
- 2 — Байчэнцзы у дер. Вэймэньмяоцунь хошуна Байрин-Цзоци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 3 — Хэрмэн-дэнж в Заамар сомоне Центрального аймака Монголии.
- 4 — Сяочэнцзы у дер. Ванъаньчицунь хошуна Байрин-Цзоци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 5 — Сяочэнцзы у дер. Синлунчжуан в хошуне Байрин-Цзоци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 6 — городище в Халаргэнь у дер. Тумухучуаньцунь хошуна Байрин-Цзоци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 7 — Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу) в хошуне Байрин-Цзоци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 8 — Байтацзы (Цинчжоу) в дер. Байтацзыцунь хошуна Байри-Юци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 9 — Ганганмяо (Хуайчжоу) у дер. Ганганмяоцунь хошуна Байри-Юци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 10 — Хаотэтаохай (Тунхуачжоу) на северном берегу р. Хайлар, в 7,5 км от центра хошуна Чэньбарху-Ци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 11 — Тацзычэн (Тачжоу) в уезде Тайлай провинции Хэйлунцзян, КНР.
- 12 — остатки ляоского города Фэнчжоу в 20 км на восток от Хух-Хото, Внутренняя Монголия, КНР.
- 13 — Даминчэн (Средняя столица Даминфу), уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, КНР.
- 14 — остатки ляоского города Жаочжоу на левом берегу р. Шара-Мурэн, в 50 км на юго-запад от г. Линьси, Внутренняя Монголия, КНР.
- 15 — Пяньлянь в уезде Лишу г. Сыпин провинции Цзилинь, КНР.
- 16 — Тучэнцзы у дер. Байсиньтунь хошуна Хорчин-Юицяньци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 17 — Барс-хот 1 на левом берегу р. Керулен, Восточный аймак, Монголия.
- 18 — городище в дер. Циньцзятунь уезда Хуайдэ провинции Цзилинь, КНР.
- 19 — Шуанчэнцзы в уезде Туцюань, Внутренняя Монголия, КНР.
- 20 — Зуун-хэрэм у слияния рек Керулен и Мурэн в Мурэн сомоне Хэнтэйского аймака Монголии.
- 21 — Баруун-хэрэм в 2 км на запад от Зуун-хэрэма, Монголия.
- 22 — Улан-хэрэм на восточном склоне горы Шивээт, в 9 км от сомона Баяннуур Булганского айсака, Монголия.
- 23 — остатки ляоского города Юнчжоу у слияния рек Лаохахэ и Шара-Мурэн, коммуна Байиньтала хошуна Оннюд-Ци, Внутренняя Монголия, КНР.
- 24 — Углүчийн-хэрэм в Байширээт сомоне Хэнтэйского аймака Монголии.
- 25 — Харбүхын-балгас в 12 км на запад от Дашинчилэн сомона в Булганском аймаке Монголии.
- 26 — Чинтолгой-балгас (Чжэньчжоу) в 25 км на восток от Харбүхын-балгаса, Дашинчилэн сомон, Булганский аймак, Монголия.
- 27 — Эмгэнтийн-хэрэм на правом берегу р. Харбүхын-гол, в 25 км на север от городища Чинтолгой-балгас, Дашинчилэн сомон, Булганский аймак, Монголия.

Киданьские городища часто располагаются на пологих возвышениях на территории степей, иногда на их склонах (городища Баруун-хэрэм, Зуун-хэрэм в Хэнтэйском аймаке; городища Ганганмяо (Хуайчжоу), Байтацзы (Цинчжоу), Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу) в хошуне Байрин-Цзоци, Тучэнцзы у дер. Байсиньтунь в хошуне Хорчин-Юицяньци Внутренней Монголии; городища Пяньлянь в уезде Лишу и Циньцзятунь в уезде Хуайдэ провинции Цзилинь и т.д.). Обычно валы киданьских городищ образуют в плане прямоугольник или квадрат, но в отдельных случаях они имеют форму двух смежных прямоугольников, один из

которых является внутренним городом, а другой — внешним (городище Верхней столицы Линьхуанфу в Линьдуне (рис. 6.2), городище Шуанчэнцзы в уезде Туцюань Внутренней Монголии (рис. 6.3: 1). Уникальным является городище Углугчийн-хэрэм неправильной формы, находящееся на южном склоне г. Дайчин, в Батширээт сомоне, Хэнтэйского аймака МНР (рис. 6.4: 1; илл. 6.1). По своим конструктивным особенностям городище очень похоже на горные крепости когурёсцев и чжурчжэней.

По своим размерам киданьские городища четко делятся на две группы: столичные города (Верхняя столица — Линьхуанфу в Линьдуне, центре хошуна Байрин-Цзоци, и Средняя столица — Дадинфу в уезде Нинчэн Внутренней Монголии) с длиной валов 9–15 км по периметру и прочие города — областные (*чжоу*) и уездные (*сянь*) с длиной валов по периметру от 0,7 до 6,8 км. При этом четкой грани в длине валов между уездными и областными городами не удается проследить, хотя несомненно, что уездные города были меньше областных.

Единственным исключением является городище Барс-хот 1, расположенное на левом берегу р. Керулен в Восточном аймаке Монголии (рис. 6.4: 2). По своим размерам оно приближается к столичным городам империи Ляо, что недопустимо по градостроительным канонам того времени. Городище датируется киданьским временем на основании наличия характерной для XI–XII вв. пагоды, расположенной к востоку от него. Однако, по нашему мнению, это городище должно относиться к более позднему, монгольскому времени. Мы не нашли на этом памятнике киданьской керамики. Городище производит впечатление недостроенного объекта. Все крупные сооружения и улицы зафиксированы на юге городища, что вписывается в монгольскую традицию (ставка должна находиться на юге). Неподалеку располагается дворцовый комплекс Тогон-Тэмур — последнего императора монгольской династии Юань. Возможно, что после изгнания монголов из Китая здесь начал строиться столичный город (Далай 1983: 133). Не исключено, что это было сделано на месте более раннего киданьского памятника. Однако по политическим причинам строительство новой столицы монголами было остановлено, и ставка была перенесена в Каракорум. Так или иначе, эта проблема может быть решена только с помощью раскопок на данном памятнике.

Столичные города

Ярким воплощением имперской идентичности стала система пяти столиц киданьской империи. Подобная система существовала в завоеванном киданями Бохае. Однако первоисточником является организация столичных городов при династии Тан. Верхняя и Средняя столицы Ляо располагались на исконно киданьских землях, Западная и Южная — на завоеванных китайских землях, Восточная столица — на западных землях бывшего Бохая. Однако окончательно система пяти столиц сформировалась только к 1044 г.

Рис. 6.2.

План городища Верхней столицы Ляо Линьхуанфу по результатам обследования 1962 г. (Нэймэнгу... 1994) с добавлением местонахождения выявленного в последние годы Дворцового города. Цифрами обозначены номера выявленных улиц

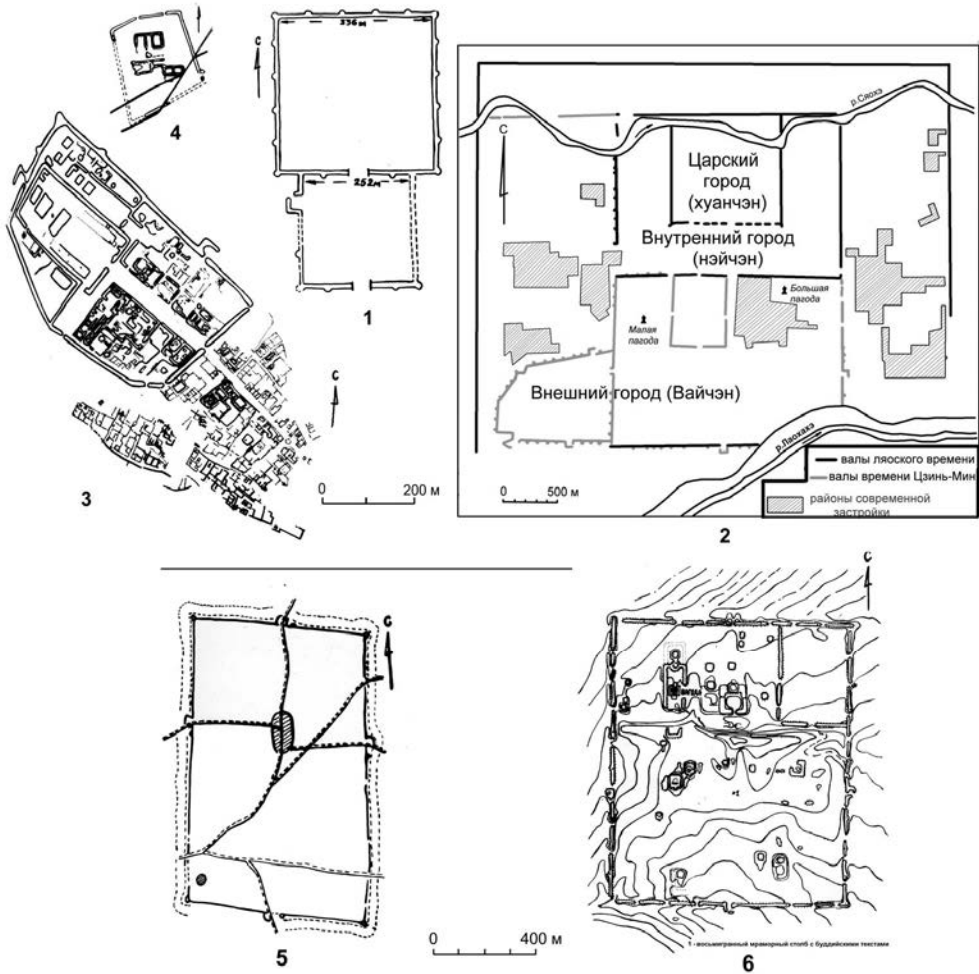

Рис. 6.3.

Планы киданьских городищ на территории Китая.

- 1 — Шуанчэнцзы в уезде Туцюань (Ли Юю 1959); 2 — городище Средней столицы Дадинфу (Ляо чжунцзин... 1961); 3 — Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу) (Симада 1952: 280–281);
 4 — Сяочэнцзы у дер. Ванъаньчицунь (Симада 1951: 21–22);
 5 — городище у дер. Циньцзятунь уезда Хуайдэ провинции Цзилинь (Чэнь Сянвэй 1964: 80);
 6 — Байтацзы (Цинчжоу) (Тамура, Юкё 1953: 5)

Еще с конца IX — начала X в. становятся известными постоянные резиденции вождя конфедерации киданей — «башни»: Северная, Восточная, Южная и Западная. Вождь совершал кочевки между этими «башнями» во время сезонных охот (Е Лунли 1979: 52–55). Видимо, «башни» были центрами постоянных поселений. Так, «Западная башня» находилась на месте «большого кочевья» (Е Лунли

1979: 52). Впоследствии на ее месте была возведена Верхняя столица киданьской империи. Аналогично, позднее на месте «Южной башни» в X в. вырос город Юнчжоу (Цзян Няньсы, Фэн Юнцянъ 1982).

Самой первой была построена Верхняя столица. В 918 г. Абаоцзи приказал заложить ее прямо в центре степи. Существует мнение, что киданьские города создавались с целью представить новую империю как цивилизацию с городами (Lin Hu 2009: 85). С этой точки зрения Верхнюю столицу следует рассматривать не столько как административный центр, сколько как монументальный пейзаж, предназначенный для легитимизации империи.

Местонахождение столицы было обусловлено значимостью с точки зрения имперской идентичности или этногенетической памяти киданей. Место было выбрано между р. Шара-Мурэн и отрогами Хингана в районе современного города Линьдун, центра хошуна Байрин-Цзоци. По мнению Ху Линя, выбор был обусловлен целью «вызвать эстетическое восприятие имперской легитимности даже в то время, как природные условия были настолько отвратительными, что они обусловили крайне сложные, если не невозможные условия обитания человека» (Lin 2011: 228).

Надо сказать, что взгляд современного городского жителя сильно отличается от преставлений современников указанных событий. На самом деле мы не знаем, какой был климат тогда, и то, что некомфортно для горожанина, то вполне приемлемо для кочевника. Более того, в «Ляо ши» территория Верхней столицы описывается как место, богатое водными источниками, пастбищами и плодородными почвами для посевов (ЛШ 37: 26).

Было мобилизовано большое количество рабочих сил для строительства стен, башен, зданий и других объектов. Строительство велось быстрыми темпами и осуществлялось по китайским градостроительным канонам. Город был построен за 100 дней. В том же, 918 г. в императорском городе были построены буддийский, конфуцианский и даосский храмы. Позднее, после возвращения из бохайской кампании в 926 г. Абаоцзи построил дворец Тяньцзань, три больших зала — Кайхуан, Аньдэ, Улуань. После его смерти Тай-цзун изменил название города. Императорская столица стала называться Верхней столицей. Территория императорского города равнялась примерно 200 га.

Город состоял из двух частей подпрямоугольной формы, разделенных рекой, — Царского города (*Хуанчэн*) и так называемого Китайского города (*Ханьчэн*) (рис. 6.2). Общий периметр валов равнялся 27 ли (8838 м). Высота вала — два чжана (6,4 м). На валах не было башен. Высота валов Царского города — три чжана (9,6 м), и на этом валу были башни.

В 1962 г. археологическим отрядом Внутренней Монголии было проведено детальное обследование с разведочным бурением Царского города. Был выяснен характер культурного слоя в разных частях памятника, определена основная планировка города, включая местонахождение улиц и различных строений (Нэй мэньгу... 1994). Начиная с 2010 г. китайскими археологами ведутся крупномасштабные археологические исследования городища Верхней столицы Ляо. Раскапывались западные ворота Царского города, остатки пагод близ западной стены

Царского города, участок улицы с городской застройкой, и были выявлены следы Дворцового города.

Западные ворота Цяньдэмэнь Царского города состояли из собственно ворот в городской стене и защитного вала *вэнчэн* в форме следа лошадиного копыта перед ними. Выход из *вэнчэн* был обращен на юг. Ворота в городской стене имели один проход. Судя по возвышениям на стене в этом месте и скоплению обрушившихся кирпичей и черепицы, над воротами на стене была башня. Раскопки показали, что ворота строились трижды. Во время второй перестройки ворота были доведены до совершенства. При этом, если первый вариант ворот имел конструктивные особенности, сходные с устройством ворот столичных городов Тан, — деревянная балка, в которую ставились столбы вдоль стен прохода ворот, лежала на отдельных каменных базах, то у второго варианта появляются специфически ляоские элементы конструкции, сближающие их с конструкцией ворот ляоских императорских мавзолеев, — аналогичная деревянная балка с пазами для столбов покоилась на каменной балке правильной формы. Третья перестройка произошла уже во времена империи Цзинь, тогда проход в воротах стал уже, чем в эпоху Ляо, размеры сооружения также уменьшились. В общих чертах это отразило историю расцвета и упадка Верхней столицы. Наличие одного прохода в воротах отличает их от ворот столичных городов Тан, где таких проходов три. По мнению Дун Синьлина, это тоже отражает местные специфические градостроительные концепции.

Остатки трех шестиугольных в плане пагод раскопаны близ западной стены Царского города. Это самое высокое место в Царском городе находится на пологом склоне Западной горы (Сишаньпо). Пагоды занимали северную усадьбу остатков большого буддийского монастыря. Они стояли на террасе, обращенной фасадом к востоку с отклонением к югу в 17°, образуя проходящую с севера на юг линию: большая пагода в центре между двумя маленькими. Большая пагода — шестиугольное кирпичное сооружение с деревянной кольцевой галереей — строилась на утрамбованной земляной шестиугольной платформе шириной 40 м и высотой 2 м. Каркас сооружения образовывали три кольца колонн на каменных базах. Найдено большое количество глиняных буддийских скульптур, фрагменты каменных статуй, монеты и др. От малых пагод сохранились фундаменты и подземные камеры-реликварии.

В южной части Царского города раскопаны остатки городской улицы с примыкающими к ней строениями. Культурный слой здесь достигает толщины 3,4–5 м. Выявлено 15 горизонтов дорожной поверхности улицы, исследованы 30 строений разных горизонтов. Выделено пять этапов существования этой улицы, относящихся к временам Ляо, Цзинь и Юань. Первые строения появились здесь в Ляо, в Цзинь проходили многократные перестройки, а с наступлением эпохи империи Юань все строения были заброшены. Важно отметить, что местонахождение строений и улицы в разное время в основном не изменялось.

Наконец, раскопками удалось точно установить местонахождение и облик Дворцового города ляоской Верхней столицы. Дворцовый город находился в средней части Царского города со смещением к востоку, в плане он образовывал

фигуру, близкую к прямоугольнику. Его ширина с востока на запад около 740 м, длина с с юга на север около 770 м, общая площадь составляет около $\frac{1}{5}$ площади Царского города. Как показали исследования, стены Дворцового города времени Ляо в Цзинь уже в основном были разрушены. Западные ворота Царского города и западные ворота Дворцового города были соединены прямой улицей (Ван Ин 2016; Дун Синьлинь 2015).

Не существует единого мнения относительно прообраза Верхней столицы. Так, С. Джагчид считал таковым Ючжоу — Пекин танского времени (Jagchid 1981), а Н. Стэйнвардт — танскую столицу Чанъань (Steinhardt 1997: 6). Ху Линь полагает, что одно не противоречит другому, поскольку Чанъань был в ту эпоху образцом для подражания всех крупных городов (Lin 2010: 106).

Существование столицы не означало, что уже был создан постоянный правительственный аппарат. По сути дела, функции правительства выполнял двор, который перемещался в соответствии с сезонными перемещениями императора. Это фактически был большой мобильный город на колесах, состоящий из шатров, юрт и жилищ на колесах. Даже при приезде в столицу двор напоминал больше кочевой табор, чем ядро столичного города.

По всей видимости, большие открытые пространства внутри киданьских столичных городов были предназначены для размещения здесь дворцовых и административных офисов, военных формирований. Кочевая элита если и не избегала проживания в городах напрямую, то, во всяком случае, большую часть своей жизни проживала вне городов — во время сезонных охот и церемоний, в переездах двора между столицами и различными частями империи.

В «Ляо ши» содержится детальное описание Верхней столицы, приводятся подробные наименования храмов, ворот, различных учреждений (ЛШ 37: 4а–5а). Как было сказано выше, город был разделен на две части — северный город для киданей (*Хуанчэн*) и южный город (букв. «китайский город» — *Ханьчэн*), в котором располагались китайские кварталы и рынки. Это классический пример пространственной сегрегации, выражавшейся в искусственном разделении города на части для проживания разных социальных и этнических групп: элиты и титульной нации в северном городе и завоеванного китайского и бохайского населения (Lin Hu 2009: 128). Образно можно сказать, что стены и ворота города поддерживали киданьскую идентичность, не давалиномадам растворяться среди завоеванного населения.

Совершенно очевидно, что ведущую роль в росте и развитии киданьских городов сыграло размещенное в них киданями земледельческое население — пленные и беглые китайцы и переселенные бохайцы. Они, видимо, составили основную массу земледельческого и ремесленного населения ляоских городов, свидетельства о чем имеются в письменных источниках (ЛШ 37–39; ЦШ 24; Тань Хэцзы 1934). За счет этих переселенцев и был обеспечен рост посадов — торгово-ремесленных кварталов возле цитаделей киданьских городов и крепостей.

Северный город был разделен улицей, идущей с севера на юг. К востоку от улицы находились Управление наместника, Управление по делам соли и железа, храм Дракона. К западу от улицы находились: буддийские храмы Аньгосы и

Чунсяосы, даосский храм Тяньчангуань, элитная школа, несколько административных зданий, резиденции императриц и наложниц, мастерские по изготовлению шелка, склады и пр. Надо сказать, что Абаоцзи как мудрый правитель степной империи был терпим к религиям завоеванных народов. В Верхней столице были построены буддийские, конфуцианские и даосские храмы всех конфессий и мировоззрений (ЛШ 37: 4а–5а).

В Китайском городе помимо офисов различных ведомств и храмов, согласно описанию одного китайского путешественника, «можно найти ремесленников, изготавливающих шелковые ткани, чиновников, ученых, специалистов по оккультизму, школы, спортивные состязания, конфуцианцев, буддистов, даосов и многих других из Срединного государства» (Chavannes 1897: 399). В юго-восточной части города находилось подворье уйгурских купцов, в юго-западной — подворье Тунвэнь для иностранных дипломатов и подворье Линьхуан для послов из государства Ся.

Не исключено, что южная часть города была построена уже после завершения бохайской кампании, а китайское население изначально проживало вне пределов городских стен. На это, в частности, косвенно указывает несоответствие границ валов между северной и южной частями столицы.

Восточная столица была основана на бохайских землях. «Ляо ши» сообщает, что в 4-й год Шэнь-цэ (919) Абаоцзи отремонтировал старинный город Ляоян, заселив его семьями бохайцев и китайцев, образовал область (*цзюнь*) Дунпин в качестве оборонительного округа. После начала переноса сюда столицы Дундани в 929 г. город был возведен в ранг Южной столицы, а в 938 г. он был переименован в Восточную столицу империи Ляо (ЛШ 38: 2а–3а). Сейчас это город Ляоян на р. Тайцзыхэ, примерно в 70 км к югу от столицы провинции Ляонин города Шэньян. Высота стен — три чжана (9,6 м), окружность вала — 30 ли (12 км). В городе имелось 8 ворот, по 1 на севере и юге и по 3 на западе и востоке. Дворцовый город находился в северо-восточном углу и представлял собой огороженный валом участок размером 2×2 ли (чуть больше километра) с угловыми башнями. В южном валу имелось трое ворот с башнями. На территории располагались дворцовые здания. Напротив южных ворот дворца была поставлена стела с надписью о создании Южной столицы в государстве Дундань.

Внешний город также назывался китайским. В нем существовали южный и северный рынки. Между ними стояла наблюдательная башня. В западной части города располагалось несколько буддийских храмов, административные здания, управления охраны порядка, казармы (ЛШ 38: 1а–2а). В столичной области Ляоянфу насчитывалось 40 604 двора податного населения (ЛШ 38: 3а).

Ляоская Западная столица Датунфу располагалась на месте современного города Датун, пров. Шаньси. Южная столица была учреждена в районе современного Пекина в 938 г. для управления присоединенными китайскими территориями. Периметр окруженного стенами с башнями города составлял 36 ли (14,4 км). Высота стен — три чжана (9,6 м), ширина — 1 чжан и 5 чи (4,8 м). Имелось 8 ворот, по двое с каждой стороны. В императорском городе было два дворца, один из которых находился в восточной части, а другой — в южной. В западной

части города располагался летний дворец, в северо-восточной — рынки, административные учреждения, буддийские и даосские храмы (ЛШ 40: 1а–2а). Согласно Е Лунли, «императорский дворец выглядит большим и величественным. В северной части города расположены рынки, на которые свозят все, что дарует земля и море. Буддийские храмы, в которых живут монахи, превосходят все другие на севере. Производящиеся шелковые ткани с затканым и вышитым узором и шелковые изделия — лучшие в Поднебесной» (1979: 309).

Если создание Верхней столицы стало символом формирования новой идентичности при Абаоци, то формирование Южной и Восточной столиц при Тай-цзуне было проявлением стратегии объединения в рамках единой империи кочевого и земледельческого населения. Средняя же столица должна была стать подтверждением великих преобразований второго императора династии (Lin 2010: 122).

Средняя столица Дадинфу (городище Даминчэн) была основана на землях кумоси в 1007 г. Она располагалась в низине, на левом берегу р. Лаохахэ, возле современного уездного города Нинчэн Внутренней Монголии. В «Ляо ши» приводится легенда, согласно которой император Шэн-цзун, будучи в этих местах, увидел облака в виде башен и дворцовых ворот. После этого он задумал построить здесь столичный город. Работы продолжались два года (ЛШ 39: 1а–1б).

Город имел весьма внушительную фортификационную систему из трех вписанных один в другой городов: Внешнего, Внутреннего и Царского (рис. 6.3: 2). Длина внешнего вала, который имел прямоугольную форму, была около 15 км. Этот вал ограничивал площадь примерно 1470 га (4200 м с востока на запад и 3500 м с юга на север). Вал Внутреннего города ограничивал прямоугольник площадью около 300 га. Длина вала равнялась примерно 7 км. Северная стена Внутреннего города одновременно являлась и северной стеной Царского города, имевшего квадратную форму со стороной около 1 км. В Царском городе находились храм предков и зал с изображениями императора Цзин-цзуна и императрицы Чэнтянь.

Сохранилось описание Средней столицы Ляо, сделанное сунским историком и сановником Лу Чжэнем в 1008 г.: «Стена Внешнего города [столицы] государства киданей имеет высоту в 1 чжан с лишним... его окружность 30 ли. Южные ворота называются Чжусямэнь, [в них] всего три прохода, есть надвратная башня. От ворот Чжусямэнь выходим на улицу шириной в сто с лишним шагов, на восток и на запад от нее есть около 300 жилищ с галереями, торговые ряды населения находятся под галереями. На восточной и западной сторонах улицы есть по три квартала, ворота кварталов находятся друг против друга... Через три ли (на север от ворот Чжусямэнь. — *Перев.*) находится второй город (Внутренний город по современной реконструкции планировки Средней столицы. — *Перев.*). Южные ворота этого города называются Яндэмэнь, в них всего три прохода, есть надвратная башня. Высота стены 3 чжана, есть *тини* (парапет или зубцы на городской стене. — *Перев.*). Окружность около 7 ли. Войдя через ворота Яндэмэнь, через 1 ли доходим до ворот Внутреннего города (Царский город по современной реконструкции планировки. — *Перев.*). Ворота Внутреннего города называются Чанхэмэнь, в них три прохода. На восток и запад от [ведущей к ним] улицы ни-

кто не живет, есть только низкие стены, ограждающие пустое пространство. На башне ворот Чанхэмэнь есть пять фениксов, вид у нее как у столичной. Размеры примерно такие, но исполнение убогое. Восточные и западные боковые ворота отстоят от ворот Чанхэмэнь на 300 с лишним шагов. Восточная и западная угловые башни отстоят друг от друга примерно на два ли...» (цит. по: Ляо чжунцин... 1961: 35). Из записей Лу Чжэня также известно, что через восточные боковые ворота он попал к воротам Угунмэнь, за которыми во дворце Угундянь был принят киданьским императором. Позже через западные боковые ворота Лу Чжэн проходил к воротам Вэньхуамэнь, за которыми он был принят вдовствующей императрицей во дворце Вэньхуадянь (Лу Чжэн... 2013).

Проведенное в 1959 г. китайскими археологами обследование городища с разведкой бурением и пробными раскопами позволило получить представление о планировке этого города и времени строительства разных его объектов. В частности, северная и восточная стены Внешнего города были заброшены после падения империи Цзинь (1234 г.); в юаньскую эпоху (XIII–XIV вв.) были сооружены стены, соединяющие углы Внутреннего города с западной и южной стенами Внешнего города. Во времена династии Мин (1368–1644) был построен прямоугольный городок, примыкающий к южной стене ляоского Внутреннего города. Его Внешним городом стало прямоугольное, огороженное валами с фронтальными башнями пространство между южной стеной ляоского Внутреннего города и южной стеной его Внешнего города. Впоследствии его территория была расширена выступом в южной части западной стены.

Примерно посередине Внешнего города Средней столицы прослежена улица, протянувшаяся от главных ворот в центре южной стены на север. Ширина улицы во Внешнем городе равнялась 64 м. Параллельно ей с каждой стороны шло еще по три улицы, они пересекались пятью улицами. Этими взаимно пересекающимися улицами Внешний город делился на кварталы. Улицы являлись местом сосредоточения жизнедеятельности на территории города. Здесь находились торговые лавки, ремесленные мастерские, буддийские храмы и т.д. (Ляо чжунцин... 1961: 35–36). В городе имелись подворья для приемов послов из Китая, Кореи и тангутского государства (ЛШ 39: 1а–1б). Проходившая от южных ворот города улица продолжалась и на территории Внутреннего города за его южными воротами, имевшими три прохода. Здесь ее ширина составляла 40 м. По сторонам от этой улицы не обнаружено следов каких-либо строений, что соответствует наблюдениям Лу Чжэня. Также в Царском городе обнаружены следы дорог, идущих на север от боковых ворот в его южной стене, остатки упомянутых Лу Чжэнем ворот и двух императорских дворцов, к которым вели эти дороги (Ляо чжунцин... 1961: 36–37).

Город непосредственно связан с сельской округой. Сельские жители должны были снабжать несельскохозяйственное население (элиту, армию, ремесленников, торговцев) продукцией сельского хозяйства. В округе многих киданьских городищ можно встретить следы сельскохозяйственных угодий, оросительные сооружения, возвышающиеся на современной дневной поверхности в форме небольших возвышенностей и холмов, остатки жилых и хозяйственных построек.

Особенности фортификации и планиграфии

Периметры валов областных городов в Ляо варьировались в довольно больших пределах. Так, у семи киданьских окружных городов, которые к настоящему времени удастся отождествить с определенными городищами, они имеют следующие величины: Фэнчжоу — 4500 м (Ли Юю 1977: 55–56), Хуайчжоу — 2220 м (Су Бай 1977: 62), Цинчжоу — 4050 м (Тамура, Юкё 1953: 5, рис. 5), Цзучжоу — 1750 м, Юнчжоу — 2150 м (Цзян Няньсы, Фэн Юнцян 1982), Жаочжоу — 4200 м (У Цзусинь 1980: 512), Тайчжоу — 4565 м (Сунь Сюжэнь 1979: 224). О размерах уездных городов имеются сведения у Симады Масао. Основываясь на том, что все окружные киданьские города в пределах хошуна Байрин-Цзоци уже выявлены, он полагает, что описанные им киданьские городища на территории этого хошуна были уездными городами области Линьхуанфу, каких, по данным «Ляо ши», насчитывалось восемь. Эти городища имеют следующие периметры: Сяочэнцзы (Синлунчжуань) — около 700 м, Байчэнцзы — около 920 м, Сяочэнцзы (Ваньаньчицунь) — около 640 м, Халаргэнь — около 850 м (Симада 1952: 282–288).

Большинство киданьских городищ ориентированы своими валами по странам света, а ось их планировки имеет направление север–юг. Подобная планировка и ориентировка характерны для многих древних и средневековых городов Восточной Азии, а их корни уходят в китайскую практику ориентации лицом на юг (Steinhardt 1990).

В то же время ранние киданьские города, построенные в начале X в., — Верхняя столица, Цзучжоу и, видимо, Хуайчжоу — ориентированы по оси северозапад — юго-восток. Т. Миякэ отмечает, что Императорский город (Хуанчэн) Верхней столицы киданей обращен на юго-восток в соответствии с киданьским обычаем уважения восточного направления (1944: 14). В Верхней столице Ляо многие строения, в том числе храмы и монастыри, были обращены на восток (Lin Hu 2009: 121–122).

Возможно, традиция восточной ориентировки сохранилась у киданей с давних времен. Так, у этнически близких киданям ухуаней была традиция обращать выход из шатров к востоку (Бичурин 1950а: 142). Восточную ориентировку имеет и городище сяньбийских тугухунь-тоба в районе оз. Цинхай (Хуан Шэнчжан, Фан Юн 1962: 456–457; Сюй Юйлинь 1977: 46–47, рис. 7). По линии восток–запад ориентированы крепости и цитадели ряда уйгурских городищ, в частности орхонской столицы Уйгурского каганата Харбалгас или Карабалгасун (Киселев 1947: 370–372; 1957: 94). Как интересный факт следует отметить сообщение одного из сунских послов, который отметил, что в южной столице всегда открытыми были только восточные ворота (Lin 2011: 232).

Еще одна схожая черта в фортификации киданей и уйгуров — это использование такого способа возведения валов, как *ханту* (кит.) — насыпание земли слоями с последующей трамбовкой. Так были воздвигнуты стены дворцовой

цитадели на Харбалгасе — столице каганата уйгуров. Точно так же были сооружены валы на киданьских городищах Чинтолгой-балгас и Хэрмэн-дэнж на территории Монголии. Впрочем, возможно, что и в степь, и во Внутреннюю Монголию, как и в Маньчжурию и Приморье, где она встречается у чжурчжэней в эпоху Цзинь (см., например: Крадин, Никитин 2003), данная технология пришла из Китая.

В то же самое время на киданьском городище Эмгэнтийн-хэрэм в Монголии валы были построены с использованием камня и земли. Сначала вал был сооружен с помощью техники *ханту*, а затем его укрепили снаружи и изнутри каменной обкладкой (Крадин и др. 2011) (илл. 6.2: 1, 5). Здесь важно отметить, что использование камня в строительстве валов характерно для бохайских памятников Приморья и Маньчжурии (Ивлиев и др. 1998). Другой очень интересный объект в этом отношении — уже упомянутое городище Углогчийн-хэрэм из Хэнтэйского аймака Монголии с каменным валом. Наружная сторона вала сложена из хорошо подогнанных больших камней и плоских плит. Высота каменной стены снаружи 2,5–3,5 м, изнутри 0,5–0,8 м (рис. 6.4: 1; илл. 6.1: 3, 4). Изнутри пространство заполнено камнями средних и мелких размеров. Как было сказано выше, подобный способ возведения стен горных крепостей использовали когурёсцы и чжурчжэни. Оба эти примера свидетельствуют о том, что империя Ляо была многонациональным государством и при строительстве городов использовался опыт многих народов и государств.

В бассейнах рек Шара-Мурэн и Лаохахэ часто вместо рвов применялось естественное прикрытие города реками. Город помещался у слияния двух рек так, чтобы они защищали его с двух-трех сторон. Руслу реки прикрыты городища Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу), Даминчэн (Средняя столица), Ганганмяо (Хуайчжоу), городище Верхней столицы, городище в Халаргэнь в районе Тумухучуаньцунь (Ивлиев 1983: 125). Искусственный ров в бассейне р. Шара-Мурэн известен пока только на городище Жаочжоу (Фэн Юнцян, Цзян Нянсы 1982: 215) и вокруг Царского города Верхней столицы (Ван Цин 1979: 80). Другие столичные города киданей на территории их исконного проживания не были окружены рвами (описываемые Такэсимой Такуити рвы ляоской Средней столицы, как было установлено китайскими археологами, относятся к XIV–XV вв.) (Такэсима 1940: 214–215; Ляо чжунцзин... 1961: 39–40). В то же время искусственный ров встречается на многих ляоских городищах Монголии (Зуун-хэрэм, Баруун-хэрэм, Хэрмэн-дэнж, Улан-хэрэм, Чинтолгой-балгас и др.) и в Маньчжурии (Циньцзятунь, Пяньлянь, Тацзычэн и Хаотэтаохай), что, видимо, объясняется отличными от бассейна Шара-Мурэн географическими условиями.

Как уже было сказано, валы городищ, чаще всего земляные, трамбовались из прослоек земли и глины толщиной по 5–12 см (Чэнь Сянвэй 1964: 79–80; Цзян Нянсы, Фэн Юнцян 1982: 212–215). Это традиционная китайская технология *ханту*. Высота валов была от 1,5 до 8 м при ширине 2–16 м в основании и 1–2 м в верхней части. Кроме того, при строительстве столиц практиковалась постройка стен из кирпича-сырца, именно так сложены стены Царского города Верхней столицы (Тории Рюдзо 1946, Т. 1: табл. 7).

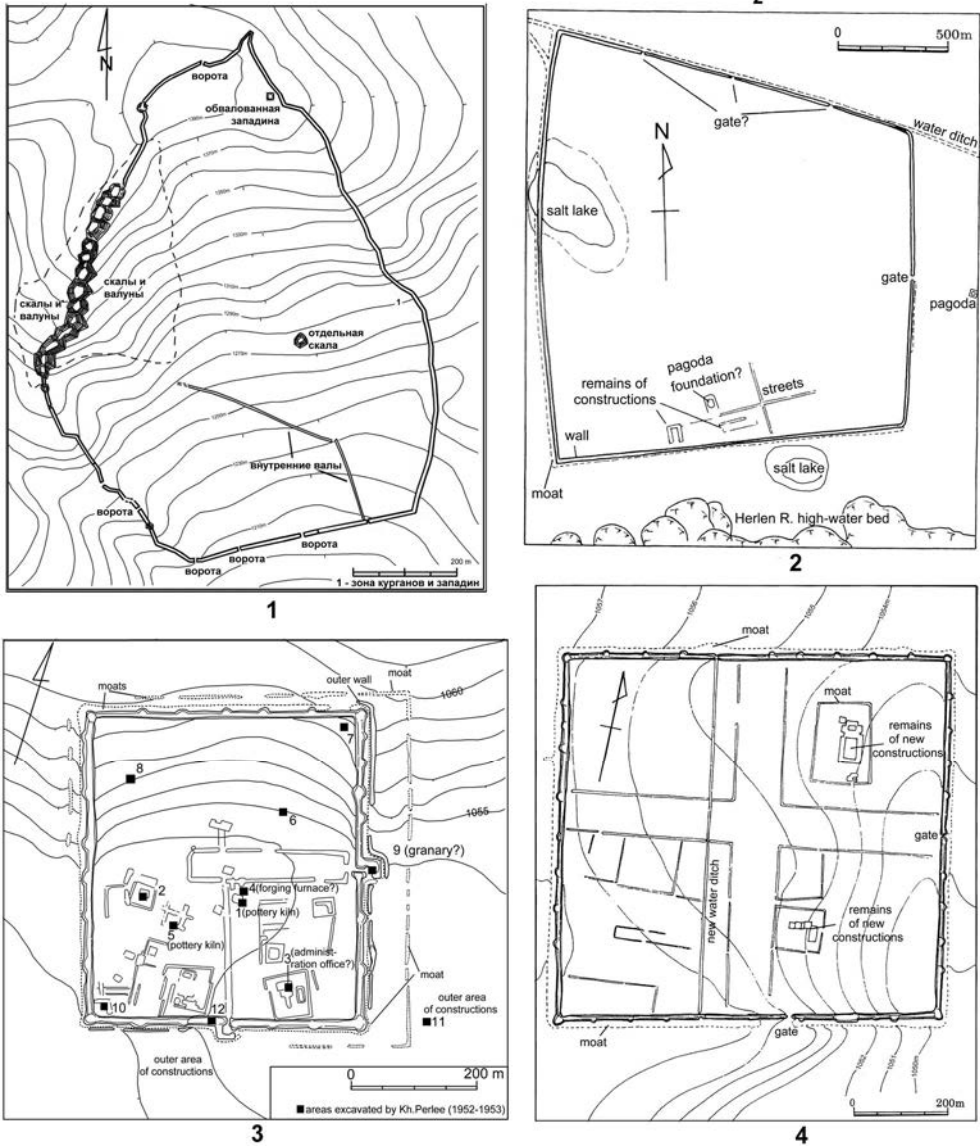

Рис. 6.4.

Планы киданьских городищ в Монголии:

- 1 — Углогчийн-хэрэм; 2 — Барс-хот 1 (Сираиси 2008: 7); 3 — Зуун-хэрэм (там же: 16);
4 — Баруун-хэрэм (там же: 11)

В качестве примера приведем стратиграфию вала городища Хэрмэн-дэнж в Монголии. Стратиграфия была исследована нами в процессе раскопок в 2011 г. Был изучен разрыв в северном валу. Высота от условной подошвы составила 3,3 м. От верха до низа было зафиксировано ровно 27 прослоек из плотной белесой глины с мелкими камнями. Толщина прослоек от 10 до 13 см. Плотность прослоек очень мощная — они твердые как камень, плохо поддаются лопате при зачистке вала. Ширина вала по верху составляет от полутора до трех метров. Высота восточного вала городища несколько выше, до 4 м. В отдельных местах (на северном и восточном валах) по верху встречены камни, поэтому можно предположить, что сверху вал был укреплен камнями. Кроме того, в ряде мест также по верху вала встречаются следы обгорелого дерева — возможно, остатки каркаса. Интересно, что деревянные конструкции зафиксированы также в стенах дворцовой цитадели в столице Уйгурского каганата Карабалгасуне (Харбалгасе).

В 2012 г. на Хэрмэн-дэнже в месте разрыва ближе к западному краю нами была заложена траншея размером 12×1 м и глубиной более 2 м. В раскопе была зафиксирована схожая стратиграфия из множества плотно утрамбованных прослоек земли. В утрамбованной земле встречены деревянные плахи, вероятно от каркаса стены (илл. 6.3: 4). В процессе раскопок были найдены также кости домашних животных, фрагмент черепицы, киданьская керамика, железный крюк, наконечник стрелы, гвоздь. Находки свидетельствуют о том, что вал сооружался уже после того, как данное место было заселено киданями.

У подавляющего большинства киданьских городищ на углах сохранились возвышающиеся над валами и выступающие за их пределы полукруглые холмы — остатки угловых башен. Использование фронтальных башен на киданьских городищах не всегда подчинено четкой закономерности. На ряде памятников башни располагались без особой системы с различными промежутками между ними, как на городищах Зуун-хэрэм, Баруун-хэрэм (рис. 6.4: 3, 4, илл. 6.2: 6, 7), Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу), Сяочэнцзы у Ваньаньчицунь) (рис. 6.3: 3, 4). На валах городища Циньцзятунь на каждой стороне имеется по одной фронтальной башне, расположенной неподалеку от ворот, со стороны выхода из предвратных укреплений (рис. 6.1: 5). Более совершенное расположение фронтальных башен через равные промежутки (90–110 м) наблюдается на валах Царского города Верхней столицы (рис. 6.2) и Внутреннего города Средней столицы (рис. 6.3: 2). При этом стены внешних городов столиц никаких башен не имели и были значительно ниже валов внутренних городов. Упорядоченное расположение фронтальных башен наблюдается также на городищах Байтацзы (Цинчжоу) (рис. 6.3: 6), Шуанчэнцзы (Ли Юю 1959: 210) (рис. 6.2: 1) и на ряде городищ в Монголии (Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм) (рис. 6.5: 1, 2; рис. 6.6).

С одной стороны, можно предположить, что упорядоченная система башен на вышеперечисленных киданьских городищах была обусловлена их статусом или военно-стратегической ролью. Так, города на Толе и Керулене были пограничными крепостями, охранявшими северо-западные границы империи Ляо. Город Цинчжоу был одним из важнейших городов киданьской империи перио-

да ее расцвета. Здесь находились мавзолеи императоров Шэн-цзуна, Дао-цзуна и Син-цзуна и, соответственно, храмы, где ежегодно совершались поклонения этим императорам. Охрана мавзолеев и уход за ними считались важнейшим делом, недаром на пост начальника этой области допускались только люди из правящего рода Елюй (ЦШ 24: 562). Цинчжоу в силу особого внимания к нему со стороны правителей был одним из богатейших городов империи. С другой стороны, упорядоченное расположение фронтальных башен на валах упомянутых городищ, возможно, обусловлено хронологией и указывает на более поздний период строительства (перестройки) городища.

Специфической чертой фортификации и планировки киданьских городищ являются расположение ворот и устройство оборонительных сооружений перед ними. Чаще всего ворота находились в центральных частях всех четырех стен (около 40% всех рассмотренных нами городищ). Далее по частоте встречаемости идет расположение ворот в восточной, западной и южной стенах (около 20%) и в восточной и западной стенах (15%). В единичных случаях ворота располагаются только в южной или северной стене, а также в северной, южной и западной. Эти варианты, скорее всего, объясняются плохой сохранностью валов городищ и вследствие этого невозможностью точно установить количество и местонахождение ворот.

Иногда ворота представляют собой простой разрыв в стене, но чаще всего они защищены Г- или П-образным земляным валом с боковым проходом. Такой способ защиты ворот широко распространяется на Дальнем Востоке в X–XII вв. Правда, известно и более раннее существование подобных укреплений на когурёских, ханьских и бохайских городищах (Ли Лянь 1958: 53–54; Шавкунов Э.В. 1968: 94–95, 98–99, 107–108; Хоу Жэньчжи, Юй Вэйчао 1973: 98–99, 104–105; и др.), однако эти случаи единичны, и именно в ляоский период такие предвратные укрепления становятся массовыми на городищах Монголии и Северо-Восточного Китая. В дальнейшем подобные предвратные укрепления, но часто уже в форме полукольца, получают распространение на чжурчжэньских городищах XII — начала XIII в. (Ивлиев 1983: 130). Предвратные полукольцевые укрепления также хорошо известны в Китае.

Интересно наличие облицовки кирпичом наружной поверхности бруствера перед воротами и вымостки кирпичом прохода внутри предвратного укрепления западных ворот городища Циньцзятунь в провинции Цзилинь. Здесь же встречено большое количество кровельной черепицы, что, видимо, свидетельствует о наличии черепичной кровли над воротами (рис. 6.3: 5) (Чэнь Сянвэй 1964: 80).

Наконец, важным элементом в системе киданьских городищ являлись пагоды. Пагоды встречаются на киданьских городищах очень часто (на 35% всех известных нам городищ (Крадин, Ивлиев 2014: 300–315, табл. 1), тогда как на чжурчжэньских городищах Маньчжурии отмечен только один случай наличия остатков, видимо, пагоды возле городища Тахучэн в Цзилине (Ли Цзяньцай 1964: 46–47). Пагоды располагались как на территории городища, так и возле него.

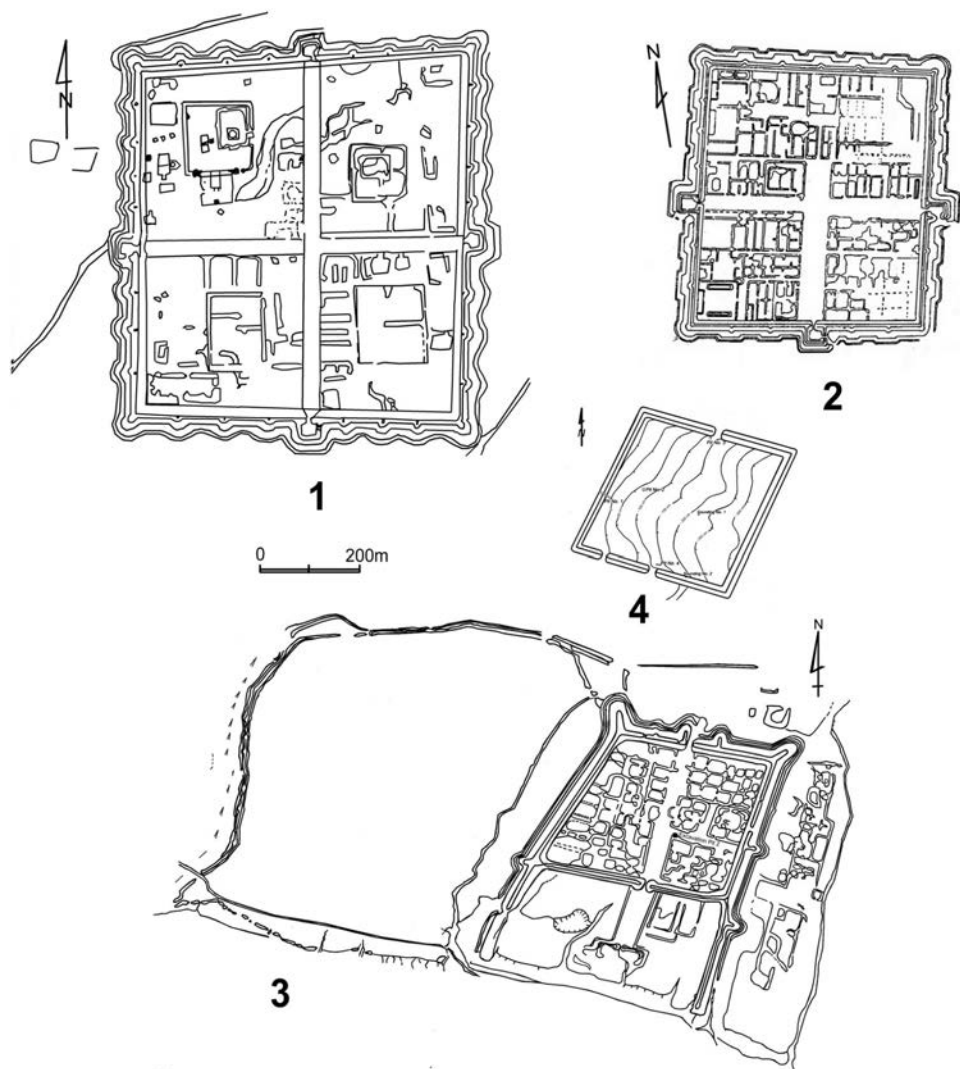

Рис. 6.5.

Планы киданьских городищ в Монголии:

1 — Харбухын-балгас; 2 — Улан-хэрэм; 3 — Хэрмэн-дэнж; 4 — Эмгэнтийн-хэрэм

Планировка киданьских городищ имеет следующие характерные черты. Обычно город делился идущими от ворот улицами на ряд кварталов. Как указывает Х. Пэрлээ, внутри городá делились валами на части: военно-административную, ремесленную, жилую (1974: 273). Административная часть чаще всего занимала наиболее высокую, обычно северную, часть города. Примерно так выглядит планировка городища Шитоуфанцзычэн (Цзучжоу) (рис. 6.3: 3).

Во Внутреннем городе, расположенном в северо-западной части городища и отделенном от юго-восточной и восточной частей города валами, находятся большие земляные платформы — остатки дворцовых зданий. Участок восточнее Внутреннего города также отделен стеной от южной части городища. Здесь имеются платформы от меньших, чем во Внутреннем городе, но все же довольно крупных зданий. На самой северной платформе этой зоны находится «каменная комната» — сложенная из семи огромных каменных плит, похожая на склеп камера без окон с выходом, обращенным на юго-восток. Ее размеры 7×5,7 м при высоте 3,6 м. Чэнь Юнчжи убедительно доказывает, что эта камера — место, где на протяжении 13 месяцев покоилось тело основателя киданьской империи Елюя Абаоци перед погребением его в мавзолее Цзулин (Чэнь Юнчжи 2011: 106–120). Юго-восточная часть городища делится надвое широкой улицей, идущей от ворот Внутреннего города на юго-восток к центральным городским воротам. Здесь все пространство разбито на кварталы, состоящие из участков, обнесенных каменными стенами высотой около 1 м. На этих участках находились дома жителей города. Участки, выходящие на центральную улицу, отличаются большими размерами, на них встречаются черепица и кирпич. Это свидетельствует о наличии здесь довольно крупных зданий, возможно, как указывает Симада Масао, домов местной знати (1951: 19–20; 1952: 280–281, рис. 2). Участки, расположенные в стороне от главной улицы, гораздо меньше по размерам и беднее по материалам. Видимо, это остатки жилых кварталов простых жителей города, скорее всего воинов и ремесленников. Аналогичные кварталы имеются и на юге вне городской стены.

Данная планировка Цзучжоу подтверждается данными «Ляо ши»: «Цзучжоу, воеводство Тяньчэн высшего ранга... Здесь часто проходила осенняя охота Тай-цзу. Сначала Тай-цзу установил здесь западную башню (Силоу)¹, а затем построил город и назвал его Цзучжоу („Город предков“), ибо это место — родина предков... Высота городских стен 2 чжана, стены без защитных навесов, их длина 9 ли. Восточные ворота называются „Ванцзин“, южные — „Да-ся“, западные — „Ешань“, северные — „Синго“. В северо-западном углу имеется Внутренний город. В нем стоят дворцы: Лянмин, [здесь] установлены высочайшие образы предков, Эрью, в котором стоит отлитая из серебра статуя Тай-цзу, дворцы Хэйлун и Цинми, в каждом из них имеются военные доспехи и оружие, а также меховые и пуховые одежды времен, когда Тай-цзу еще не достиг славы и известности. Это хранится, чтобы показать потомкам, дабы те не забыли свои корни. Южные ворота Внутреннего города называются Синшэн, в них три прохода, наверху башня с павильонами, на востоке и на западе есть угловые башни. Восточнее Внутреннего города находится администрация округа, присутственные места и учреждения, Двор шелка и парчи, приписанные ко двору 300 человек варвары, китайцы и бохайцы обеспечивают потребности императорского двора. На поперечной улице на юго-востоке, по четырем углам друг против друга возвышаются башни, внизу

¹ Согласно исследованиям В.С. Таскина, Силоу — «Западная башня» была на месте Верхней столицы Ляо (Е Лунли 1979: 558).

непрерывно следуют торговые лавки. На востоке правление уезда Чанбасянь, на западе — уезда Сяньнинсянь» (ЛШ 57: 6а–6б).

Истоки подобной четко структурированной планировки у киданей восходят к китайской градостроительной традиции. Строгие геометрические формы валов, применение фронтальных и угловых башен, четкая планировка по линии север–юг с делением города на кварталы идущими от ворот улицами — все это характерно для городов китайских династий. Со времени династии Тан (618–907) сложились обязательные каноны, согласно которым дворцовый комплекс должен был располагаться в северной части города, с северной стороны отсутствовали ворота, путь во дворец прокладывался от южных ворот, которые считались главными, улицы должны были быть ориентированы строго по сторонам света (Ивлиев 1983; Steinhardt 1997).

Города пограничного фронта

Для поддержания своего присутствия на территории монгольских степей кидани построили серию пограничных крепостей в бассейнах рек Керулен и Тола. В восточной Монголии, у слияния Керулена и р. Мурэн в Хэнтэйском аймаке находится городище Зуун-хэрэм. По форме оно представляет собой почти правильный прямоугольник, ориентированный с небольшим отклонением по сторонам света (западная сторона 343°). Длина северного вала — 425 м, южного — 428 м, восточного — 510 м, западного — 498 м. Высота валов в разных местах 2–3 м, ширина вала сверху — 2,5 м, внизу — около 20 м. Местами вал сильно заплыл. Перед валом выкопан ров. Имеются трое ворот с Г-образным захабом, по одному с западной, южной и восточной стороны. В валу есть несколько более поздних разрывов. На каждом валу имеется по несколько фронтальных башен, выступающих наружу. Кроме того, имеются угловые башни. От южных и восточных ворот идут две перпендикулярные друг другу широкие улицы, которые соединяются в центре (рис. 6.4: 3). Визуально прослеживаются следы кварталов правильной формы, усадебных комплексов, иных конструкций (илл. 6.2: 6). На поверхности много фрагментов орнаментированной киданьской керамики, черепицы, металлургического шлака, что дало основание Х. Пэрлээ сделать вывод о расположении здесь большого числа ремесленных мастерских разного профиля (1962: 57).

В 2 км к юго-западу расположено другое городище того же времени — Баруун-хэрэм. Памятник почти квадратной формы, ориентирован с небольшим отклонением по сторонам света (западная сторона 349°). Его размеры примерно в два раза больше Зуун-хэрэма. Длина северного вала — 807 м, южного — 806 м, западного и восточного — 811 м. Высота валов — 1–3 м. Отдельные участки вала размыты. На каждом валу и на углах имеются башни. Перед валами прослеживается небольшой ров. Город разделен на четыре части двумя пересекающимися в центре улицами. Внутри этих частей выделяются кварталы правильной формы. Особенно масштабные сооружения были расположены в северо-западной

части города (рис. 6.4: 4). Это вполне соответствует китайским градостроительным канонам, согласно которым северная часть города считалась наиболее престижной. Здесь нами зафиксированы остатки нескольких зданий, которые были покрыты черепичной крышей.

Очень интересный памятник — городище Углугчийн-хэрэм находится на южном склоне г. Дайчин в Батширээт сомоне Хэнтэйского аймака. По своим конструктивным особенностям городище очень похоже на горные крепости когурёсцев и чжурчжэней. Сложенный из камня вал идет по краям распадка на южном склоне горы от ее вершины до основания. С севера отдельные участки городища прикрыты непроходимыми скалами на вершине горы. Южный вал, проходящий по лугу у основания горы, наиболее мощный; здесь расположены двое ворот (рис. 6.4: 1; илл. 6.1: 1). Наружная сторона стены сложена из хорошо подогнанных больших камней и плоских плит. Внутри стена заполнена бесформенными обломками камня. Поскольку стена идет по склону, ее наружная сторона выше внутренней. Высота каменной стены снаружи 2,5–3,5 м, изнутри 0,5–0,8 м (илл. 6.1: 3–5). Внутри городища, при визуальном осмотре, остатков каких-либо сооружений не обнаружено. С поверхности собрана киданьская керамика, и также встречен орнаментированный фрагмент, своим нанесенным штампом декором очень похожий на уйгурскую керамику либо керамику покровской культуры IX–XII вв.

Кроме того, в этой части Монголии находится так называемый северо-восточный «вал Чингис-хана» (Кириллов, Ковычев 2002; Баасан 2006; Луньков и др. 2009). Его протяженность 745,8 км. Вал перекрывает большой участок степи, находящийся между двумя таежными зонами Монголии и Забайкалья. Он начинается в Монголии, в долине р. Сайхны-Хундий, проходит через российское Забайкалье и заканчивается за городком Лабудалинь на левом берегу р. Кулихэ (левый приток Гэньхэ) в КНР. В настоящее время это почти сплошная, сильно запыленная насыпь высотой 0,8–1,5 м и шириной 8–15 м. В средние века это был земляной вал со рвом с северной стороны. Через определенное расстояние на валу были построены башни (не на всех участках). В некоторых местах располагались ворота, иногда укрепленные дополнительными привратными сооружениями.

Вдоль вала, с его южной стороны расположена серия маленьких городищ (более 50). Они обычно перекрывают наиболее крупные долины. Расстояние между крепостцами от 6 до 50 км. Городища разной формы: четырехугольные, круглые, круглые с вписанным внутрь четырехугольником, четырехугольные с расположенным внутри квадратом. У всех четырехугольных городищ, в том числе вписанных в круглые, на углах сохранились возвышающиеся над валами и выступающие за их пределы остатки угловых башен. По форме городища западной части отличались от более сложных крепостей на востоке. Часть городищ, локализующихся вдоль «вала Чингис-хана» на территории Забайкалья и Китая, располагались попарно — одно круглое и одно квадратное. Возможно, квадратные и круглые городища имели разное назначение. На 19 памятниках найдена станковая серая керамика с типичным киданьским штампом в виде насечек клиновидной формы. По всей видимости, этот вал прикрывал северные границы Ляо от монгольских кочевников (цзубу, шивэйцев).

Северо-западный фронт империи Ляо контролировался киданьской колонией, рассредоточенной в долине р. Толы (монг. Туул). Здесь открыто более двух десятков памятников киданьского времени. Это четыре крупных крепости-города, городища средние и небольших размеров, а также защищенные валом усадьбы (Очир и др. 2005; 2005а). Три крупных города — это городища Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм, расположенные в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии. Четвертое городище — Хэрмэн-дэнж — находится на противоположном берегу р. Толы и расположено в сомоне Заамар Центрального (Тув) аймака. Интересно, что все городища располагаются примерно по одной линии в направлении с запада на восток. Расстояние между ними максимально полдня пути верхом.

Самым крайним на западе является городище Харбухын-балгас (рис. 6.5: 1). Городище имеет близкую к квадрату форму, ориентировано почти по сторонам света. Длина северного вала — 660 м, южного — 670 м, западного — 690 м, восточного — 760 м. Городище пересечено крест накрест двумя улицами. В середине каждого из валов имеются ворота. На северном и южном валах имеется по шесть башен, на западном и восточном — по семь. Общее количество башен, вместе с угловыми, составляет 30. Памятник исследовался разными авторами (Киселев 1957; Пэрлээ 1957; Свинин и др. 1991; Свинин 2001; Очир и др. 2005). Раскопки показали, что город был построен в киданьское время, на городище есть культурные слои как более раннего, так и позднего времени. В 1970 г. Э.В. Шавкуновым и Х. Пэрлээ здесь найден уникальный памятник монгольского права XVI–XVII вв. «Восемнадцать степных законов» (Насилов 2002).

Расстояние от крепости Харбухын-балгас до Чинтолгоя 26 км. Городище Улан-хэрэм находится примерно в 23 км к востоку от Чинтолгой-балгаса. Еще примерно 10 км от Улан-хэрэма до городища Хэрмэн-дэнж. Вероятно, города были построены специально на таком расстоянии, чтобы можно было за один день верхом съездить до соседнего города и вернуться назад. По всей видимости, в каждом городе были построены сигнальные башни и в случае необходимости с помощью огня информация моментально распространялась на всю территорию округа.

Городище Улан-хэрэм (дословно «красная крепость») прямоугольное по форме, ориентировано углами примерно по линиям СЗ–ЮВ (154°) и СВ–ЮЗ (237°), защищено валом, рвом и внешним валом (рис. 6.5: 2). Длина северной стороны 480 м, южной — 480 м, западной — 550 м, восточной — 540 м. Общая длина периметра вала 2050 м. Высота основного вала с внутренней стороны 3–4 м, с внешней (из рва) — 5–6 м. Ширина вала сверху 2–3 м, у основания — около 20 м. На городище трое ворот с Г-образным захабом, которые находятся по центру западного, южного и восточного валов. Помимо угловых башен имеются фронтальные. На северном, западном и восточном валах их по пять, на южном валу четыре фронтальные башни. Некоторые башни были установлены на дополнительной земляной подсыпке над валом. К западу и югу от городища найдены остатки строений, обвалованные участки и много киданьской керамики. По всей видимости, здесь располагались сельские поселения.

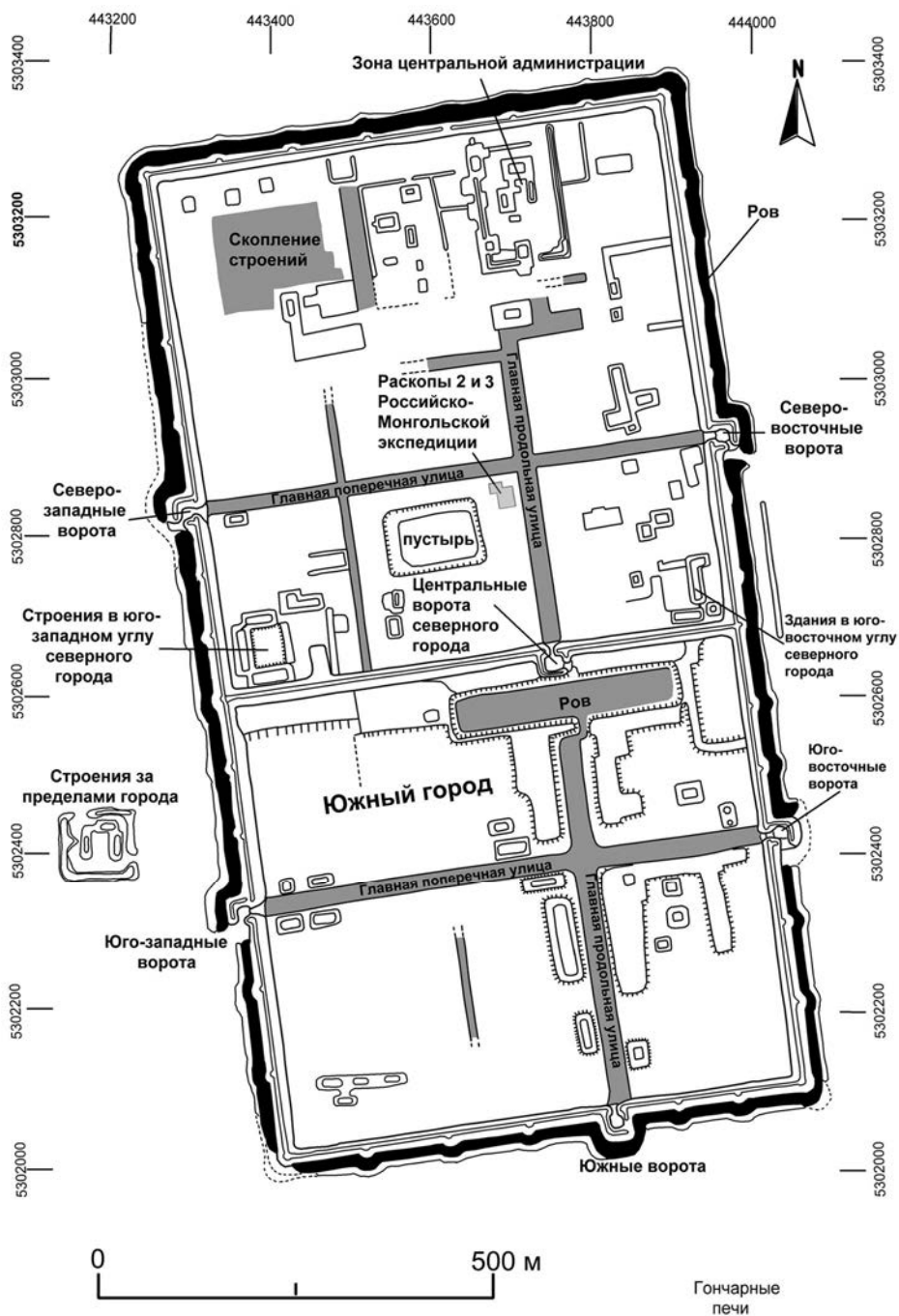

Рис. 6.6.
План городища Чинтолгай-балгас (Usuki, Enkhtur 2009)

Особый интерес из киданьских городищ Монголии вызывает самое крупное — Чинтолгой-балгас. По форме памятник представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1256×655 м, ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении С–Ю (рис. 6.6). Общая длина периметра вала составляет 3822 м. Городище окружено двумя валами и рвом между ними. Высота основного вала 3–5 м, ширина до 35 м у основания и 2–4 м вверху, ширина 3–4 м. Вал был сооружен традиционным для китайского градостроительства методом *ханту* — насыпкой земли слоями и их последующей утрамбовкой. Снаружи от вала имеется ров, на внешней стороне которого прослеживаются остатки наружного вала, который плохо выражен на дневной поверхности. Он повторяет форму основного вала. Высота внешнего вала до 0,5 м, ширина у основания 3–4 м. Глубина рва около 0,5 м, ширина 3–4 м.

На углах городища имеются угловые башни. Кроме них на каждой стене имеются фронтальные башни, выступающие наружу вала: на северном валу — 6 башен, на южном валу — 5, на западном и восточном валах по 10 башен. Общее количество башен, таким образом, составляет 35. На городище имеется 5 ворот, по двое ворот с западной и восточной сторон и одни ворота на южном валу. Все ворота имеют Г-образный захаб. Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом. Внутри городища имеется длинная улица, пересекающая городище по линии С–Ю, и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии З–В. В месте пересечения длинной улицы и внутреннего поперечного вала имеется Г-образное укрепление, защищающее ворота в северную часть городища. В северной части города главная улица упирается в большой холм — вероятно, административное здание или храм.

На городище имеется большое количество холмообразных возвышений различной высоты и разной формы. На поверхности многих из них встречены каменные базы, фрагменты черепицы. На основании изучения рельефа внутри городища можно вычленил на его территории отдельные сооружения и кварталы, которые окружены валами, высотой не более 1 м. Большинство подобных конструкций находится в северной части городища, ближе к северному валу. Эта часть городища была разделена на несколько обвалованных отсеков. Это могли быть дворцовые, административные здания, храмы. Северо-западный угол представляет собой необвалованный участок, на котором располагалось большое количество невысоких возвышенностей.

Южная часть городища фактически делится на несколько отдельных участков. Западная часть достаточно ровная, только в юго-западном углу имеется несколько обвалованных участков и платформ. Напротив, восточная сторона насыщена различными конструкциями. Особый интерес представляет П-образное здание с каменными базами около пересечения главной и южной улиц. К югу от ворот, в южной части города находится большая прямоугольная платформа размером примерно 270×40 м, вытянутая вдоль внутреннего вала. Далее вдоль главной улицы расположено несколько длинных платформ. Еще четыре высокие платформы (по две с каждой стороны) находятся вдоль южной улицы около юго-западных ворот. На валу южной части города нередко встречается киданьская

орнаментированная керамика. Это свидетельствует о том, что южная часть вала была сооружена позднее северного города, но территория, примыкающая к городу, использовалась для проживания. Косвенным подтверждением этого является и то, что уровень дневной поверхности северного города выше дневной поверхности южного города.

В 2004–2008 гг. на городище проводились археологические раскопки (Kradin et al. 2005; Kradin, Ivliev 2008; 2009; Очир и др. 2008; Крадин, Ивлиев и др. 2011). Площадь раскопа 2004–2005 гг. составила 384 кв. м. С восточной стороны к раскопу была прирезана траншея 16×2 м, частично пересекающая городскую улицу по линии З–В. В центральной части раскопа, в наиболее возвышенной части в верхних слоях были обнаружены остатки глинобитного здания квадратной формы. В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами. В северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с отопительной системой из камней — *каном*. Трехканальный кан был ориентирован по линии С–Ю. В его южной части находился очаг. С восточной стороны от кана было зафиксировано скопление из более чем 400 игральных альчииков. С севера за пределами жилища располагались три больших сосуда (*хума*), врытые в землю. Еще чуть дальше к северу была зафиксирована кирпичная стенка, идущая по линии З–В. По всей видимости, она отделяла жилище (и/или квартал) от улицы.

В 2006–2008 гг. исследования велись на другом раскопе площадью 180 кв. м, расположенном к западу от раскопа первых двух лет. Здесь были найдены остатки еще двух жилищ верхнего строительного горизонта с Г-образными канами в каждом из них. Граница между жилищами была определена по кладке черепицы, расположенной на уровне пола. Основания южных стенок обоих жилищ были укреплены крупными камнями. Кроме того, с этой стороны были зафиксированы большие плоские камни, являвшиеся основанием для столбовых конструкций. Северная стенка жилища являлась одновременно внешней стеной усадьбы. Это дает основание говорить, что город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, на которые они должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скудно располагались жилища.

После выборки дымоходов и разборки канов обоих жилищ были найдены следы еще одного кана, относящегося к нижнему строительному горизонту. Также были зафиксированы вертикально поставленные плоские камни, которые, вероятно, укрепляли северную стенку одного из жилищ более раннего строительного горизонта в этом же секторе. Под полом того же жилища были найдены три большие хозяйственные ямы. В одной из ям был врыт большой хум.

Ниже другого жилища найдено несколько археологически целых больших сосудов — *хумов*. В самом низу на материке были выявлены остатки большого котлована. Возможно, что это жилище самого начального этапа существования городища. Однако точных выводов на этот счет сделать нельзя, поскольку не бы-

ли зафиксированы следы от столбовых конструкций (найдено всего две ямки), а также не удалось найти следов очага. Впрочем, не исключено, что жилище было полностью разобрано, а потом этот котлован использовался как яма для мусора. Однако совершенно очевидно, что жилища перестраивались внутри кварталов, по всей видимости примерно на том же месте, где стояли более ранние жилые строения.

В процессе раскопок было обнаружено огромное количество керамики и черепицы, много предметов материальной культуры и искусства, фаунистические остатки (Крадин, Ивлиев и др. 2011). Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Выделены такие формы сосудов, как корчаги, горшки, вазы, бутылевидные сосуды, чашки, миски, тазы, поддоны. Фарфоровая посуда в основном представлена фрагментами преимущественно чаш, покрытых белой глазурью. На стенках некоторых чаш есть оттиснутый с помощью шаблона растительный орнамент. В целом такая посуда соответствует продукции керамических печей типа *диньяо* Северного Китая. Глазурованная посуда в основном представлена нижними частями плавно сужающихся к днищу высоких бутылевидных сосудов, с грубоватым каменного качества черепком, содержащим большое количество частиц камня, преимущественно кварца, и покрытых оливковой глазурью разных оттенков — от бледно-серого до почти черного.

Металлические изделия, к сожалению, сохранились очень плохо. К числу предметов из железа относятся гвозди, пробои, наконечники стрел, панцирные пластины, пряжки, детали конской упряжи и др. Найдены также фрагменты чугунных котлов, чугунные втулки ступиц тележных колес, ножка бронзового ритуального сосуда, бронзовая отливка двух соединенных рыбок, бронзовые кольца и пр. Все найденные монеты относятся к китайским династиям Тан и Сун.

Изделия из кости представлены целой серией предметов, включая игральные альчики, орнаментированные накладки на лук. Архитектурные украшения представлены фрагментами вылепленных из серой глины голов животных (львов, драконов и др.). Черепица представлена большим количеством фрагментов плоской (нижней) и желобчатой (верхней). Концевые диски украшены зооморфными ликами, обрамленными жемчужником. Из индивидуальных находок следует отметить фарфоровую фигурку человека с собакой в руке, зубные щетки из кости и дерева, костяные игральные кубики, фрагменты тушечниц. В целом полученные материалы создают фундамент для эталонной коллекции различных категорий артефактов городской культуры империи Ляо на территории монгольских степей. По сути дела, можно сказать, что это один из наиболее изученных в настоящее время по археологическим данным город империи Ляо.

Письменные источники дополняют данные археологии. По всей видимости, три городища на левобережье Толы следует связывать с киданьскими городами Чжэньчжоу, Фанчжоу и Вэйчжоу, построенными в 1004 г. В том же году сюда были направлены 20 тыс. воинов для несения пограничной службы, а для обеспечения их продовольствием придано 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в городах (ЛШ 37: 14а). При этом самое большое городище — Чинтолгой-балгас следует связывать с центром округа Чжэньчжоу,

местонахождением командования воеводства Цзяньаньцзюнь (Крадин, Ивлиев и др. 2011: 163–164).

На киданьских городищах в Монголии имеются следы присутствия бохайского населения. Среди наиболее показательных характерных для бохайцев артефактов — круглые игральные «фишки», сделанные из стенок сломанной посуды или фрагментов черепицы, ряд технологических особенностей посуды (горизонтальные ленточные ручки, козырьковые ручки) и др. Сюда же следует добавить каны, характерные для дальневосточных культур (Kradin, Ivliev 2008; 2009; Крадин, Ивлиев и др. 2011: 160–163). Бохайцы были депортированы также в район Верхней столицы и в другие губернии империи Ляо. Т. Мияке сообщает о находке черепицы бохайского типа на городище Ганганмяо (Хуайчжоу), куда, по данным «Ляо ши», в годы Тяньцзань (922–924) были поселены бохайцы из разгромленного киданями города Фууйчэн (Миякэ Тосисигэ 1944: 64). Аналогичная бохайской черепица есть в ранних слоях городища — остатков города Жаочжоу (Фэн Юнцян, Цзян Нянсы 1982), а также в материалах из раскопок Верхней столицы Ляо.

На правом берегу Толы, на высокой террасе расположено еще одно киданьское городище — Хэрмэн-дэнж. Это самый яркий фортификационный памятник киданей в Монголии — с высокими, изрезанными временем крепкими стенами и башнями, внушительными рвами. Крепость удивительно точно вписана в рельеф. С западной и восточной стороны город защищают овраги, а с юга он выходит к правому берегу р. Тола (рис. 6.5: 3; илл. 6.3). Большое впечатление производят как высокие неприступные стены и башни, рвы городища, так и выбранное место. Город удачно вписан в естественный рельеф. С западной стороны к нему примыкает защищенный валом посад, больший по размерам, чем сам город. С восточной стороны за пределами городских стен находятся открытое поселение и отдельно стоящие усадьбы. В окрестностях города имеются другие поселения и укрепления киданьского и уйгурского времени (Очир и др. 2005), а также уникальный курган-кенотаф вождя телеского объединения пугу Иту с огромным числом уникальных находок и эпитафией на китайском языке (Очир и др. 2013).

По форме город представляет собой неправильную трапецию, которая расширяется в направлении к югу. Как и все киданьские городища, памятник разделен внутренним валом на северную и южную части. Северный, внутренний и южный (если судить по его сохранившейся части) валы параллельны и ориентированы точно в широтном направлении. Северная часть памятника имеет четкую планировку и является наиболее высокой частью городища. На ее территории выделены разнообразные объекты, а также две улицы: главная улица проходит от северного вала через внутренние ворота на юг в южную часть города до внешних ворот; восточная — идет от условного центра северной части городища на восток. Длина западного вала — 534 м, восточного — 538 м, северного — 328 м, внутреннего вала — 419 м. Южный вал почти не сохранился, он разрушен рекой. Примерно посередине южного вала со смещением к востоку находились ворота с башнями по краям. В этом месте в валу имеется П-образное заглубление вовнутрь городища с воротами. Тем самым доступ к воротам был дополнительно защищен, поэтому нападавшие на ворота с юга могли обстреливаться фактически со всех сторон.

Общий периметр вала — 1926 м. Площадь примерно 20 га. Высота вала от 4 до 10 м. Ширина вала 2–6 м сверху и 25–30 м у основания. Снаружи имеется ров. Вал сделан методом *ханту* (т.е. набивкой земли слоями по 15–20 см), что хорошо прослеживается визуально. Возможно, при строительстве вала был сооружен деревянный короб, который был заполнен плотно утрамбованными слоями земли. Именно этим объясняется хорошая сохранность вала. В некоторых местах на северном и восточном валах встречаются обгорелые плахи.

На городище имеется семь крупных, сильно выступающих наружу (от 15 до 20 м) фронтальных и угловых башен и одна небольшая башня. Поскольку северная сторона самая уязвимая, здесь находится самое большое количество башен — две угловые и три фронтальные, включая небольшую башню. Примерно в центре вала, между башнями имеется разрыв. На аэрофотоснимках, сделанных в 1960-х годах, он отсутствует. По словам местных жителей, северный вал был проломлен приблизительно в 1970-е годы. На западном и восточном валах башни размещены примерно в том месте, где проходит вал, разделяющий городище на северную и южную половины. Кроме того, на восточном валу имеется башня, расположенная примерно посередине северной половины вала. С западной стороны такой башни нет. Возможно, это объясняется тем, что с запада к городу был пристроен так называемый посад в виде обнесенного невысоким земляным валом большого участка неправильной, близкой к прямоугольнику в плане формы. Назначение последнего не очень понятно, поскольку здесь почти нет подъемного материала. Это мог быть огромный загон для скота и установки временных жилищ сельского населения в периоды опасности, когда на киданей напали местные кочевники.

На самом городище было заложено несколько раскопов и две траншеи общей площадью 236 кв. м. Первый раскоп был сделан совместной монгольско-голландской экспедицией в 2005 г. Наш основной раскоп (№ 2) был разбит в северной части городища на краю квартала рядом с главной улицей. Через улицу была проложена траншея для изучения стратиграфии. Другой небольшой раскоп (№ 3) был заложен в южной части городища на краю обвалованной площадки (предположительно здания, покрытого черепицей) для изучения стратиграфии и получения черепичного материала. Еще один раскоп (№ 4) был заложен в южной части городища, где визуально прослеживались следы канов жилищ, расположенных вдоль главной улицы. Здесь было раскопано жилище с каном Г-образной формы (илл. 6.3: 2). Наконец, в месте разрыва северного вала был сделан разрез вала (раскоп № 5). В нижних горизонтах здесь обнаружены следы бревенчатого каркаса, укреплявшего вал городища, сделанный китайским методом послойной трамбовки *ханту*. Самые последние смежные раскопы (№ 8 и № 9) были заложены в 2017 и 2018 гг. Здесь удалось выйти на угол здания, крытого черепицей с глинобитными стенами и с каменными базами колонн. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что это строительный горизонт доляоского, уйгурского времени.

Полученный материал представлен различными категориями предметов: керамикой, фарфоровой и глазурованной посудой, строительными материалами — кирпичами и черепицей, изделиями из камня, железа, бронзы и кости. Артефакты вполне соответствуют вещевым комплексам с других киданьских городищ в

Монголии, но при этом также демонстрируют примесь более ранних, предположительно уйгурских материалов, происходящих из нижних слоев памятника (Крадин и др. 2011; Ивлиев и др. 2017). Вследствие этого была высказана гипотеза о локализации в этом месте в докиданьское время уйгурского города Кэдунь (Хэдунь, Кэдучэн и т.д.) (подробнее см.: Васютин 2011).

Жизнь киданьской колонии в центральной Монголии, судя по всему, была непростой. Отношения между киданями и монгольскими кочевниками (цзубу, шивэй, мэngu, татань) были похожи на гибридные войны между предшествующими китайскими династиями и номадами. Ранние монголы время от времени нападали на империю Ляо для грабежей. Набеги сменялись периодами вымогания подарков и торговли (ЛШ 10: 26; 13: 9а; 14: 4а–4б, 7б; 37: 14а). Кидани в ответ устраивали карательные рейды (ЛШ 15: 9а; 17: 2б–3а) и даже стремились наложить на местных кочевников дань (ЛШ 16: 3б, 20: 2а, 7б). Не прошло и десяти лет после строительства трех новых городов в бассейне Тола, как дадани осадили в 1013 г. Чжэньчжоу и больше месяца держали город в блокаде (ЛШ 15: 6а).

Киданьское правительство осознавало трудности гарнизонной жизни и оторванность коммуникаций пограничных городов на западе. «Нет нынче более тяжелой службы, чем гарнизонная жизнь на западной границе», — констатировал один из ляоских чиновников в своем докладе трону (Wittfogel, Feng 1949: 557). Елюй Тангу во время совещания по поводу расширения западной границы сказал: «Гарнизонные крепости слишком отдалены, и в случае внезапной опасности помощь не сможет прибыть вовремя. Это не хороший план». Ему были поручены снабжение и управление гарнизонами в округе Чжэнь (речь идет о событиях начала XI в.), куда были переселены войска из приграничных крепостей Керулена. В течение 14 урожаев удалось накопить значительные запасы зерна (ЛШ 91: 2а; Wittfogel, Feng 1949: 137). Кидани, кстати, придумали достаточно оригинальную систему ирригации на этой территории. Поскольку р. Тола постоянно меняет свое русло, они прорезали длинный зигзагообразный участок каналом и соединили два участка реки. От основного канала отводились дополнительные каналы для орошения полей. Вопрос был только в том, насколько эффективно можно было защищать эти поля от набегов кочевников.

Этот вопрос, как и другие проблемы, был поднят Елюем Чжао, который обрисовал суровую картину жизни населения пограничных городов. «В северо-западных районах во время сельскохозяйственных работ один несет патрульную службу, другой заботится об общественных землях, двое находятся в распоряжении должностных лиц. Никто из четырех мужчин не находится дома. Забота о стадах возлагается на их жен и детей. Если их ограбить, они тотчас становятся нищими. Летом и весной им оказывают вспомоществование. Однако чиновники нередко смешивают зерно с мякиной, и через несколько месяцев они опять сталкиваются с нищетой. Больше того, скотоводство — это основа процветания страны. Однако чиновники, чтобы предотвратить утаивание животных, пасут их в одном месте и не разрешают им рассеиваться в местах, где вода и трава обильна. Далее, из-за дезертирства и смертности воины на границе постоянно заменяются другими, которые не приспособлены к местным природным условиям. Поэтому

ситуация ухудшается день за днем, а набеги продолжаются месяц за месяцем, [люди] постепенно приближаются к полному изнеможению. Самым лучшим планом на сегодня было бы помочь в такой ситуации бедным, уменьшить налоги, снабдить их быками и семенами, чтобы побудить их к занятию обработкой земли и сбором урожая. Должны быть созданы мобильные патрули против кражи и грабежей. Трофеи должны быть розданы, чтобы помочь [людям] пережить лето и зиму. Стада должны быть рассеяны, чтобы они могли достичь хороших пастбищ. Тогда мы можем ожидать богатства и могущества через несколько лет» (ЛШ 104: 2a–2б; Wittfogel, Feng 1949: 556).

Данный любопытный пассаж требует нескольких комментариев. Прежде всего, важно отметить, что, кочевник по происхождению, Елюй Чжао прекрасно понимал, что основа скотоводства — это дисперсный (рассеянный) способ выпаса домашних животных. Чрезмерная концентрация скота ведет к вытаптыванию травы, нехватке пастбищных ресурсов, увеличению риска эпизоотий и т.д. Тот факт, что ляоским чиновникам это было невдомек, свидетельствует только об одном — засилье в соответствующих ведомствах китайцев, плохо знакомых с реалиями скотоводческого хозяйства.

Еще один важный момент, который лейтмотивом проходит через весь текст, — это условия жизни киданьских воинов. Судя по всему, они прибыли на границу со своими семьями, стадами и, возможно, целыми клановыми или племенными группами. Мужчины были заняты большую часть времени воинской службой. Скорее всего, их привлекали также к различным трудовым повинностям и сельскохозяйственной деятельности. Хозяйство оказывалось на попечении женщин и подростков, что достаточно типично для кочевников. Важное указание касается вспомоществования зерном весной и летом. Это самое тяжелое время, когда кочевники едят в основном так называемую «белую пищу» (различные виды молочных продуктов). Наличие зерна могло бы существенно дополнить эту диету.

Однако более важным представляется другое обстоятельство. Местным монгольским кочевникам (цзубу, шивэйцам, татаням/даданям и др.) вряд ли было под силу брать штурмом города. Они могли вытоптать или поджечь посевы зерна. Они могли напасть на стада киданьских воинов, которые в этот момент находились вне дома. Именно этим были обеспокоены ляоские чиновники, заставляя киданей собирать стада в одном месте. Возможно, большие ровные участки земли на городищах (юго-западная часть Чинтолгай-балгаса и укрепленный посад Хэрмэн-дэнжа) служили как раз для того, чтобы переждать набеги кочевников. Но при концентрации животных возрастает нагрузка на пастбища, травы больше вытаптываются, чем съедается.

Суда по подборке данных из «Ляо ши», которую собрали К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн, условия существования киданей на этой территории оставались тяжелыми. Как подчеркивал в своей докладной записке Сяо Ханьцзяну, «с момента возведения стен Кэдуня и расширения границ на несколько тысяч ли обязательные повинности людей северо-запада день за днем увеличивались, и день за днем приходили в упадок их производительные занятия... Номинально мы расширили территорию, но в действительности ничего от этой земли не приобрели. Если

жадность до территорий не прекратится, постепенно будет достигнуто состояние полного истощения. Бедствие будет неопишное» (Wittfogel, Feng 1949: 558–559). Лучше и не скажешь.

Жизнь городов

Города были административными, культурными и религиозными центрами, а также местом сосредоточения торговли и ремесла. С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981: 74). Одна из основных функций киданьских городов — это сосредоточение ремесленного производства. Об этом свидетельствуют результаты многочисленных археологических исследований. Так, например, на территории Царского города Верхней столицы была обнаружена гончарная мастерская (Ли Вэньсинь 1958). Печи, в которых обжигали кирпич и черепицу, были найдены на городище № 2 в дер. Цяньгунчжулинтунь хошуна Хорчин-Юицяньци (Лю Цзинвэнь 1982: 221) и на городище, являвшемся лясским городом Юнчжоу у слияния рек Лаохахэ и Шара-Мурэн (Цзян Няньсы, Фэн Юнцян 1982). Гончарные печи раскопаны к югу от городища Чинтолгой-балгас (Senda, Enkhtur 2009). На городище Зуун-хэрэм, по мнению Х. Пэрлээ (1962: 57), имелось большое количество ремесленных мастерских различных видов деятельности (гончарных, кузнечных, производивших строительные материалы).

При этом важно отметить, что многие мастерские, удовлетворявшие потребности киданьской знати в предметах роскоши — фарфоровой посуде, шелковых тканях, — находились непосредственно в пределах административных кварталов (цитаделей — внутренних городов). Так, «Ляо ши» (ЛШ 57: 6а) свидетельствует, что в Цзучжоу мастерская, производившая парчу и шелк для нужд императорского дворца, располагалась там же, где и административные учреждения области, а вышеупомянутая гончарная мастерская, производившая фарфоровую посуду, находилась в Верхней столице, именно в Царском городе, а не во Внешнем (Ханьчэне). Однако, по мнению Ли Вэньсиня (1958: 104–105), эта мастерская могла принадлежать крупному вельможе или монастырю.

Имеется также немало свидетельств сельскохозяйственной деятельности населения киданьских городов — находки всевозможных сельскохозяйственных орудий, а также следов старинных пашен и ирригационных сооружений в окрестностях городищ (Пэрлээ 1962: 57; Минь Сюаньхуа 1956: 69; Крадин и др. 2011: 435–436).

На некоторых киданьских городищах имеются обширные участки без следов застройки (во Внутреннем городе Средней столицы, на городищах Баруун-хэрэм, Барс-хот-1, Харбухын их шороон хэрэм). Существует несколько объяснений наличия таких пустырей: сады (Киселев 1957), огороды, места для установки шатров кочевников (Пэрлээ 1962: 58–60). Последнее мнение представляется наиболее вероятным. Если учесть, что императора сопровождало большое войско — его орда, то наиболее вероятным местом его размещения в Центральной столице должен быть Внутренний город, отделяющий ставку императора от Внешнего города.

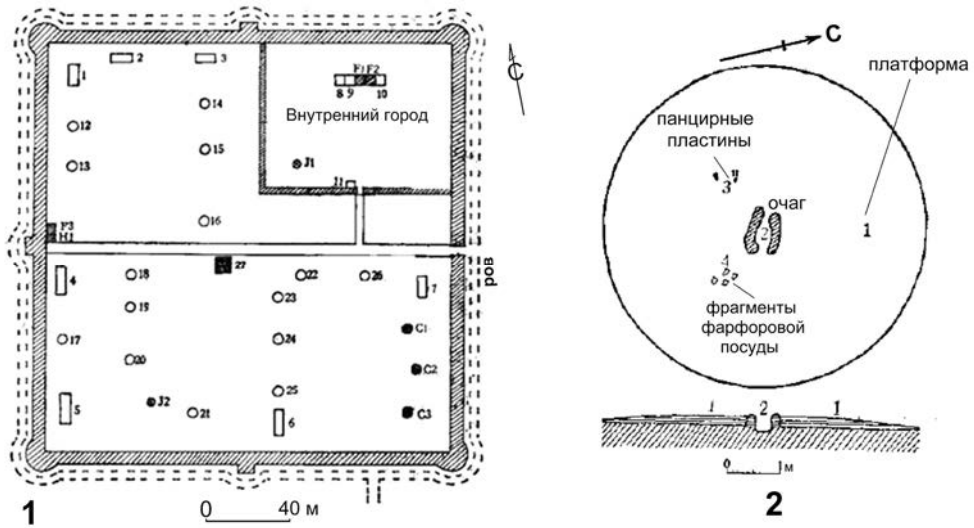

Рис. 6.7.

- 1 — городище-крепость № 2 со следами юрт или шатров у пограничного вала Цзинь в районе угольного бассейна Холинь, провинция Цзилинь;
 2 — план и разрез остатков юрты на этом городище (Чжэлимумэн... 1984)

На мысль о том, что кидани в городах жили в юртах, как это до сих пор наблюдается в Монголии, наводят результаты раскопок крепостей у чжурчжэньского крепостного вала в северной части аймака Джирэм Внутренней Монголии. В крепостях наряду с фундаментами прямоугольных строений встречены круглые основания юрт с устроенными в них земляными топчанами, крытыми камнем (рис. 6.7). В крепости № 2 юрты занимали большую часть территории. При этом, по мнению Шао Цинлуна (Чжэлимумэн... 1984), опирающегося на сведения из «Цзинь ши», большинство населения этих крепостей составляли кидани и кумоси. Сообщение о юртообразных войлочных дворцах у киданей есть в письменных источниках (Е Лунли 1979: 497, 533; Ивлиев 1985: 95–105). На городище Верхней столицы Ляо в Царском городе обнаружен круглый фундамент, очевидно от такого дворца-юрты (Ван Цин 1979). Круглые основания строений известны и на городище Байтацзы — ляоском городе Цинчжоу (Такэсима 1939: 9, 11). Видимо, в городах киданей не меньше было и юрт без стационарных оснований, как раз и занимавших участки без очевидных следов застройки.

В целом киданьская градостроительная практика представляла собой своеобразный вариант воплощения собственных традиционных и изобретенных практик в сочетании с заимствованиями у соседей, а также с универсальными вкусами и модами, перенимаемыми из ведущих центров дальневосточного региона. Киданьское фортификационное строительство могло отчасти опираться на предшествующий опыт градостроительства у кочевых народов, в первую очередь на традиции планировки уйгурских крепостей (Ивлиев 1983). Некоторое влияние на

киданьские градостроительные практики оказали бохайцы. Однако самым большим было влияние китайской архитектуры. Непосредственным образцом фортификации при строительстве киданьских городов послужили бывшие танские города, находившиеся в южных районах киданьской империи. Строгие геометрические формы валов, применение фронтальных и угловых башен, четкая планировка по линии север–юг с делением города на кварталы идущими от ворот улицами — все это характерно как для танских и сунских, так и для большей части киданьских городов.

Подводя итоги, следует отметить, что киданьские города являлись административными, ремесленными, торговыми и религиозными центрами киданьской империи. По большому счету, можно согласиться с мнением С. Джагчида о том, что строительство киданьских городов в значительной степени явилось следствием интенсификации контактов между номадами и земледельческими районами Китая (Jagchid 1981: 87–88). В киданьском градостроительстве нашли отражение как традиции фортификации у народов Внутренней Азии, так и передовые для того времени танско-сунские приемы фортификации и планировки городов. Киданьские города являются новой ступенью развития градостроительства на территории Внутренней Монголии, Маньчжурии и Монгольской Республики. Кидани вводят в этом регионе широкое применение фронтальных и угловых башен, защитных валов перед воротами.

Можно допустить, что киданьская фортификация оказала определенное влияние на строительство чжурчжэньских равнинных городищ в Маньчжурии и Приморье со строгой планировкой, подобной ляоской, но еще с более развитой фортификацией (городища Таху, Бали, Верхняя столица — Байчэн, Чугуевское и т.д.). (Ивлиев 1983: 150). Здесь ранее были известны города бохайцев VIII–X вв. и крепостцы-ставки чжурчжэньских вождей, но только с образованием Золотой империи чжурчжэней они обретают столь крупные размеры, характерную планировку и совершенную фортификацию.

На место выбора городов огромное влияние оказывали конструкты этногенетической памяти и существующие бюрократические практики, а также степные имперские амбиции. Пространство городской среды организовывалось как в соответствии с общепринятыми градостроительными канонами, так и с учетом локальных особенностей и нововведений. То же самое можно сказать в отношении технологии строительства фортификационных сооружений и зданий, жилищ различных категорий населения. Городские стены и башни воплощали территориальный контроль имперской элиты над подчиненной территорией. Важное место имело создание сакральных мест, связанных с политической властью и религиозным господством. Пагоды и храмы торжественно возвышались над хижинами простолюдинов. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения больших потоков людей. Дворцовые и административные здания демонстрировали политическое превосходство элиты и легитимизировали сформировавшийся политический порядок. Не менее важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта, которая, с одной стороны, отсекала простых жителей от мест пребывания элиты, а с дру-

гой — служила маркером этнической стратификации, подчеркивала неравенство между разными группами завоевателей и различными категориями завоеванных. С традиционной точки зрения город должен отличаться замкнутой, компактной планировкой различных типов строений. Кидани были кочевниками и поэтому привнесли свое собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на любимую и бескрайнюю степь. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них, имеются достаточно большие пространства, где не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками. Основные политические решения всегда принимались в юртах.

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ ГОРОДА

На территории Приморского края располагается множество археологических памятников, датированных чжурчжэньским временем (XII — первая треть XIII в.). Наиболее представительные из них — городища (рис. 7.1). Они окружены высокими валами и рвами, вход внутрь оформлен в виде разрыва в валу; внутри городищ хорошо прослеживается их внутренняя топография в виде больших и малых террас и обвалованных участков.

Согласно принятой в дальневосточной археологии классификации памятников, средневековые городища по месту их расположения подразделяются на два основных типа — равнинные и горные (Воробьев 1968: 69–71; Артемьева 1998: 14). Э.В. Шавкунов предлагал более дробную классификацию. В частности, делил все городища на три типа: большие равнинные, малые равнинные и горные (Шавкунов 1990: 54).

Чжурчжэньские города располагались и в долинах рек, и на высоких сопках. Размеры городищ весьма разнятся. Все они существовали в средние века в качестве административных и торгово-ремесленных центров. Выбор места для строительства того или иного города был обусловлен их различными функциями. От этого фактора также зависели площадь города, его структура и плотность застройки.

В настоящее время в научной литературе известно около 30 памятников чжурчжэней, относящихся к категории горных городищ. Их размеры сильно различаются и варьируются от 0,06 до 180 га. Городища располагаются преимущественно на территории Южного и Центрального Приморья. Городище, расположенное севернее всех, — Юрковское находится в Кировском районе Приморского края, южное — Гусевское городище (Хасанский район).

Все городища имеют оборонительный вал, он мог быть земляным или каменным. Земляные валы построены способом *ханту* — трамбовки земли слоями. Расположение вала полностью зависело от ландшафта. В местах, где существо-

вали плавные склоны хребтов, резко переходящие в высокие скальные обрывы, вал иногда не возводился. Напротив, там, где был возможен прорыв вала атакующим городище врагом, он усиливался и в уязвимом, по мнению жителей города, месте дополнительно укреплялся. Внешний вал памятника опоясывал городище, периодически прерываясь в местах ворот, оформленных в виде разрывов П- или Г-образными захабами, с целью не только устройства прохода в город, но и для организации защиты от неприятеля.

Практически на всех городищах частыми находками являются каменные ядра различных размеров, иногда в виде скоплений, аккуратно уложенные в большие кучи (Артемьева 2012). Многие памятники чжурчжэней (за исключением Скалистого городища, что, очевидно, было обусловлено его особой функцией) имеют так называемый редут — небольшой огороженный земляным валом участок города прямоугольной формы, стандартного размера, приблизительно 20×20 м, в котором располагалось несколько жилищ. Согласно предположению О.С. Галактионова, редуты — это укрепленные усадьбы, служившие временными резиденциями для приезжавших в город правительственных чиновников (Галактионов 1983: 114). Предположительно, редут являлся ставкой градоначальника, контролировавшего город и управлявшего им с начального этапа возведения города. Некоторые горные городища, такие, например, как Смоляниновское и Анучинское, были построены, однако не заселены. Так, на Анучинском городище имеются возведенный вал и построенный редут, однако культурный слой отсутствует, что, скорее всего, указывает на начальную стадию его постройки.

Возведение чжурчжэньских городов осуществлялось согласно заранее продуманному проекту. Последовательность застройки некоторых городищ представлена двумя стадиями. На первом этапе возведения строились вал крепости и редут. К этой стадии постройки города можно отнести Смоляниновское и Анучинское городища, которые, вероятно, остались недостроенными. Второй этап предполагал необходимость в защите и расселении большого количества людей одновременно. На этом этапе городище приобретает первую застройку, сохранившуюся в виде остатков жилищ первого строительного горизонта. Затем эти жилища разрушаются, и их заменяют на более просторные, с хозяйственным двором и, возможно, свайным амбаром. К таким городищам определенно можно отнести Ананьевское и Лазовское.

Часть памятников имеют не один, а два или даже три редута, как, например, на Новонежинском, Горнохуторском или Екатерининском городищах. Редуты были возведены в разных частях города, что, возможно, связано с переносом ставки градоначальника в более удобное для него место.

Еще одними неотъемлемыми для горных городищ объектами являются внутренние, или запретные, города — довольно большие участки, обнесенные земляным валом. На разных памятниках количество таких участков могло быть различным: от одного до четырех. Функции их также могли быть самыми разными. Предполагается, что эти огороженные участки предназначались для проживания знати, государственных складов, размещения металлургических центров, ремесленных мастерских и т.д.

Рис. 7.1.

Чжурчжэньские городища Приморья.

- 1 — Красноярское; 2 — Шайгинское; 3 — Ананьевское; 4 — Лазовское;
 5 — Екатериновское; 6 — Горнохуторское; 7 — Скалистое; 8 — Стоговая сопка;
 9 — Дубовая сопка; 10 — Гусевское; 11 — Южно-Уссурийское; 12 — Западно-Уссурийское;
 13 — Николаевское; 14 — Майское

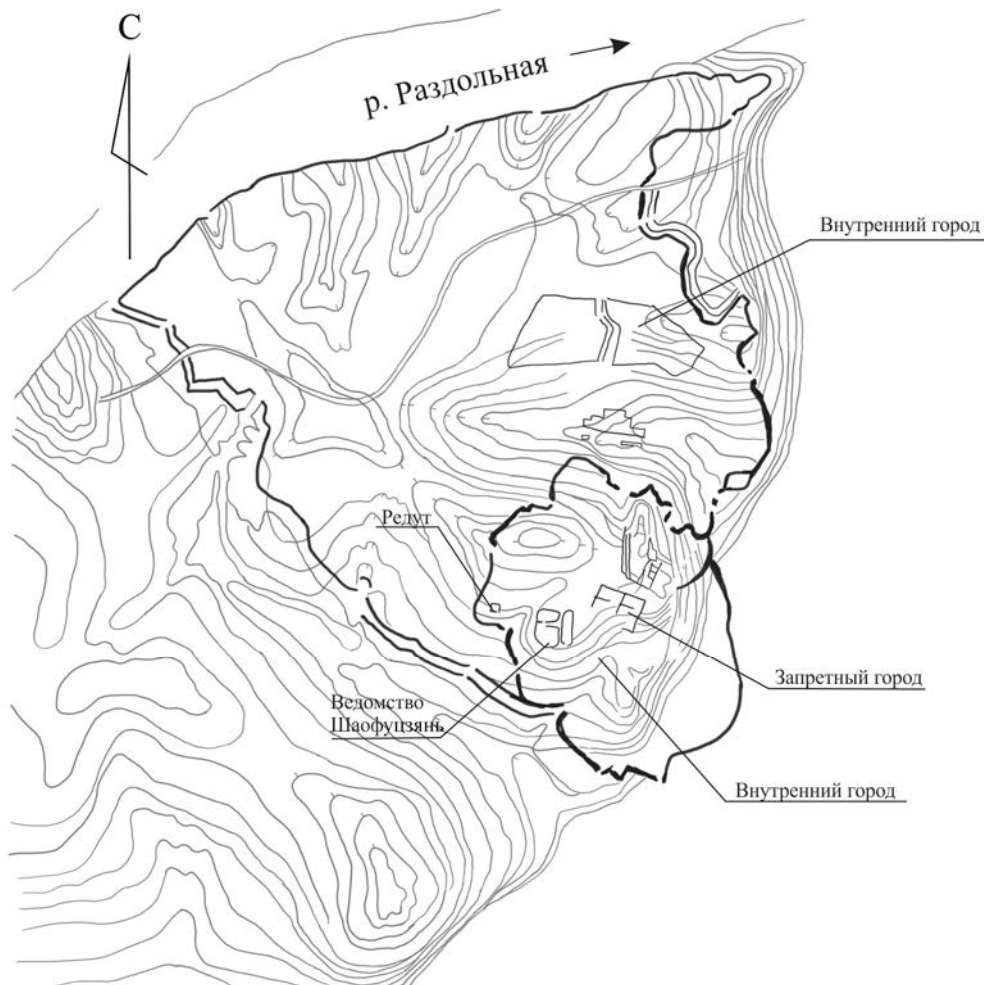

Рис. 7.2.
Красноярское городище (Артемьева 2011)

Красноярское городище

Располагается в Уссурийском городском округе Приморского края, в 4 км южнее административного центра — г. Уссурийск, на правом берегу р. Суйфун (р. Раздольная) (рис. 7.2, илл. 7.1). Памятник имеет длительную историю изучения. В 1868 г. его первые описания оставили А.И. Лопатин и Н.М. Пржевальский. В начале 70-х годов XIX в. на городище побывал П. Кафаров. В 1889 г. памятник исследовал и снял его план Л.А. Кропоткин. В 1915 г. оставил дневниковые запи-

си о городище А.З. Федоров. Следующий этап изучения городища начался в 1953 г. в связи с образованием Дальневосточной археологической экспедиции (ДВАЭ) под руководством А.П. Окладникова. В литературе опубликованы данные, относящиеся к этому периоду времени, о раскопках трех жилищ и трех построек под черепичной крышей. В 1983–1985 гг. работы на памятнике проводили В.А. Хорев и Ю.Г. Никитин. С 1995 г. по настоящее время на территории городища работает экспедиция под руководством Н.Г. Артемьевой.

Согласно принятой классификации памятников, городище является горным, оно занимает высокий утес и полностью вписано в сопочный рельеф местности. Краснояровское городище является самым крупным памятником, относящимся к чжурчжэньскому времени: площадь его составляет 180 га, оно обнесено высоким земляным валом общей протяженностью 7 км и высотой 2–6 м. Внутри памятника имеются остатки двух десятков водоемов, некогда обеспечивавших городище водой.

На территории памятника три довольно крупных обвалованных участка, являвшихся, по мнению исследователей, внутренними городами. Два из них, располагавшиеся в северо-восточной части памятника, относительно небольшие, некогда имели площадь 1–1,2 га, высоту валов 0,5–0,7 м; к сожалению, они уничтожены в настоящее время современным поселением — с. Утёсным. Здесь были обнаружены три государственных печати (Артемьева 2008а: 298).

Третий внутренний город, юго-восточный, имеет довольно большую площадь — 35 га, высота валов достигает 3–8 м. На территории внутреннего города расположено множество террасовидных площадок, являющихся остатками различных построек. В западной части внутреннего города расположен рудут — в виде четырехугольной земляной обваловки размером 20×30 м.

В результате многолетних исследований на памятнике были вскрыты различные объекты. Сюда можно отнести жилища, здания колоннадной конструкции, производственные и административные комплексы. Отдельно выделяются императорские палаты. Изучались также различные фортификационные сооружения: валы, ворота, башенные выступы.

Внешний город.

Жилища и производственные комплексы

Исследования внешнего города производились в северо-восточной и западной частях памятника, где средневековый памятник подвергся наиболее сильному разрушению в результате хозяйственной деятельности местного населения. По данным на 2011 г., здесь было раскопано 26 жилищ, хозяйственные дворы и производственные объекты. Исследователи зафиксировали четыре улицы. Иногда при возведении строительных объектов применялись такие строительные материалы, которые здесь использовались вторично. Это относится, в частности, к кирпичу, каменным базам от колонн, облицовочным каменным плитам и жерновом (Артемьева 2011: 274).

Основываясь на весьма кратких описаниях, приведенных в научной литературе, жилища, типичные для чжурчжэньской культуры, — наземные, квадратные

или прямоугольные в плане, каркасно-столбовой конструкции. Внутри жилищ находилась отопительная система — кан (Артемьева 1999: 250). Каны, как правило, трехканальные, трехсекционные; в центральной секции располагалась труба. Некоторые из жилых объектов, судя по всему, имели земляные обваловки для создания естественного препятствия сточным водам (Артемьева 2007: 413–414). В некоторых случаях каменные покрытия канов заменяли кирпичными. По соседству с жилищами имеются находки хозяйственных дворов с большим количеством ям, остатки производственных комплексов.

В 2004 г. в западной части памятника, находящейся на мысу между двух оврагов, было раскопано жилище с находками в виде различных военных предметов — шлем, панцирь, фрагменты двух мечей и пр. Это позволило предположить, что в этом районе городища располагался военный гарнизон (Артемьева 2005: 400).

Внутренний город.

Здания под черепичной крышей. Императорские дворцы

Внутренний город памятника разделен небольшими валами на отдельные участки. Во внутреннем городе Краснояровского городища были обнаружены постройки, выполнявшие административные функции (рис. 7.2). По мнению Н.Г. Артемьевой, одним из таких примеров является «комплекс Шаофуцзянь» (рис. 7.3). Он объединял остатки двух зданий колоннадного типа и одно жилое помещение барачного типа. Южнее комплекса были исследованы остатки еще четырех (?) построек колоннадного типа, рядом с которыми располагались жилища с несколькими канами внутри (Артемьева 2011: 274). Судя по находкам однообразных предметов, здесь могли быть государственные склады (там же).

Административный комплекс, о котором упоминается выше, был окружен небольшим валом шириной около 2 м, высотой 40–60 см, вероятно некогда оформленным в виде забора, который имел черепичное покрытие. С одной стороны хорошо прослеживаются остатки дороги. Вход же в комплекс находился в юго-западной части раскопанного объекта.

Постройки были расположены следующим образом (Артемьева 2001: 159). Одно из зданий, игравшее, очевидно, ведущую роль в ансамбле, располагалось в северной части комплекса. К западу от него — здание 2, восточнее — жилое помещение.

Здание 1 — прямоугольное в плане, размером 9×17 м. Во внутреннем пространстве имелось 50 колонн, 10 рядов по пять. Здание 2 — постройка колоннадного типа, также прямоугольная в плане, размером 7×17 м, 9 рядов по три колонны. Ниже этого здания прослеживались остатки еще одного горизонта: постройка была сооружена поверх него. В этом помещении прямоугольной формы размером 6×21 м сохранилось шесть небольших канов.

К зданию 1 примыкало еще одно помещение. Оно также прямоугольное в плане, размером 6×20 м, каркасно-столбовой конструкции, внутри располагались каны. Некоторые из них, по мнению исследователей, являлись производ-

ственными. В северо-восточном углу усадьбы располагалась хозяйственная пристройка — платформа размером 6×10 м. На запад от нее находилось еще одно небольшое сооружение размером 5×5 м. Последнее, вероятно, имело черепичную кровлю. Кроме этого, черепичную кровлю имели все три монументальные постройки.

Находки, обнаруженные при исследовании этого комплекса, многочисленны и относятся к разным категориям: это бытовые предметы, предметы вооружения, украшения, поясная гарнитура, бронзовые эталонные гири, монеты, фрагменты бронзовых зеркал и т.д.

Керамика подразделяется на две группы: массивные тарные сосуды, а также миниатюрные сосуды шаровидной формы, часть из которых были соединены друг с другом еще до обжига и имели два резервуара.

По мнению исследователей, данный комплекс — это палаты ведомства Шао-фуцзянь, которое руководило государственными ремесленными и строительными делами. Здесь же изготавливались эталоны веса (Артемьева 2001: 165–166). Помимо этих сведений в литературе приводятся краткие описания находившихся по соседству в этом же квартале других административных зданий. В частности, есть упоминания о «двух зданиях колоннадного типа под черепичной крышей, разрушенных пожаром, следы которого хорошо фиксируются стратиграфически» (Артемьева 2001б: 200) (здания № 3 и 4). Размеры этих построек 9×9 м и 5×8 м соответственно.

Еще одно из них (№ 5) исследовано в 2001 г.; оно колоннадной конструкции, его крыша была покрыта черепицей. Постройка размещалась на террасе, обнесенной земляным валом. Исходя из того что здесь было обнаружено большое количество металлических предметов ременной гарнитуры, исследователи предположили, что в этом месте располагалась государственная мастерская по их изготовлению. Вместе с этим обнаружены эталонная гиря и большое количество шаровидных сосудов. Здесь же были найдены остатки двух печей, фрагменты тиглей и обрезки железа (Артемьева 2002: 386).

Помимо зданий колоннадного типа в этом районе обнаружено помещение, очевидно, игравшее роль жилого: постройка размером 8×40 м, внутри помещения исследовано пять канов, которые, вероятно, были разделены перегородками на пять отдельных помещений (жилое помещение № 2). Крыша постройки черепичная. По мнению исследователей, это помещение также являлось мастерской, поскольку здесь были найдены обрезки металла, железные слитины.

Другое здание колоннадного типа под черепичной крышей было исследовано в этой же части памятника в 2006 г. Оно располагалось на склоне сопки. Размер постройки 11×20 м (5 баз в 9 рядах). Как правило, колонны, поддерживающие тяжелую черепичную крышу, опирались на каменные базы, а те, в свою очередь, на каменные забутовки — небольшие, неглубокие ямы квадратной формы, плотно утрамбованные камнем. В этом случае три колонны опирались на три каменных жернова. При исследовании помещения традиционно найдены керамические шаровидные сосуды, а также большое количество обрезков железа, удила и пешня (Артемьева 2009: 518).

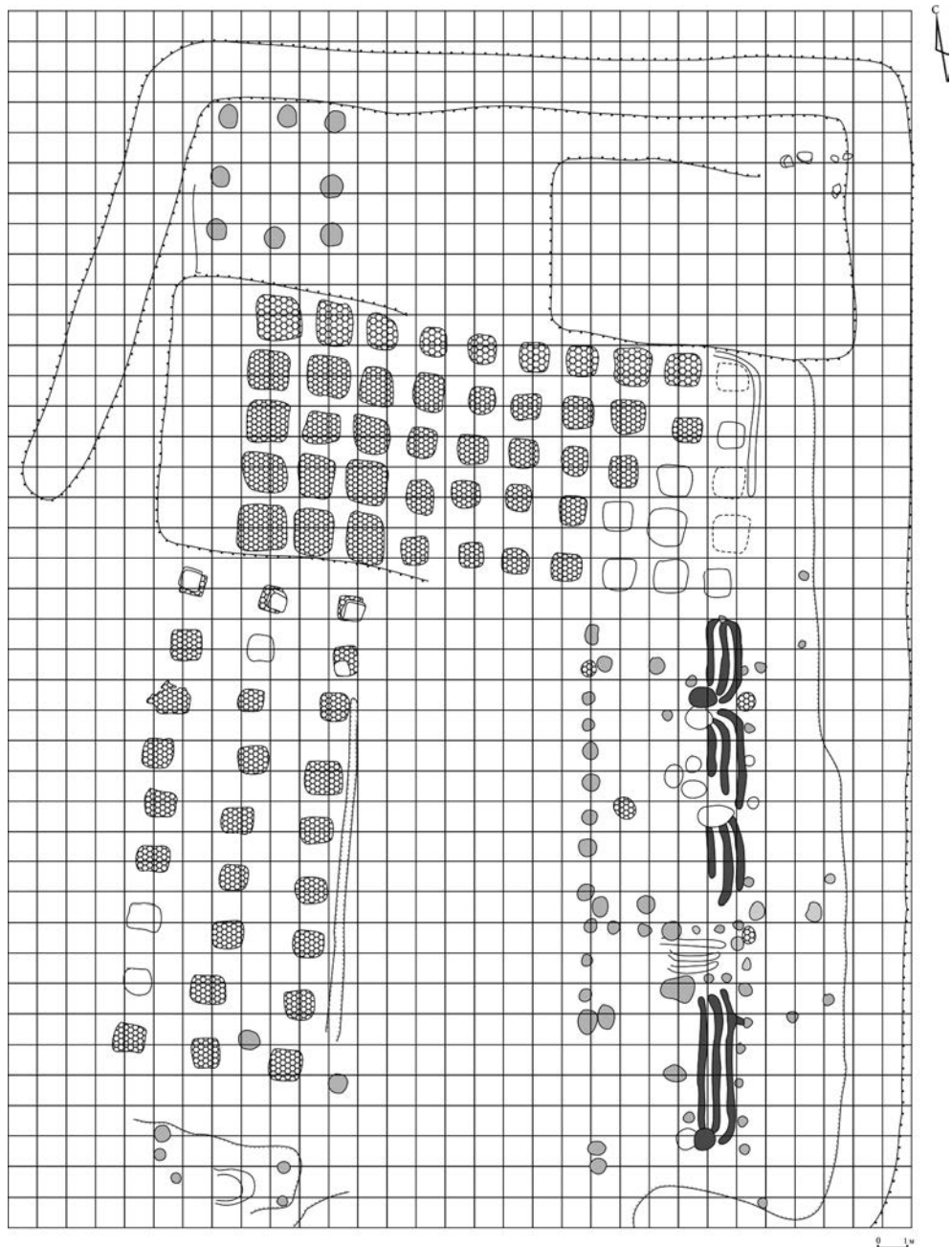

Рис. 7.3.
Административные постройки Красноярского городища
(Артемьева 2001)

В центральной части Запретного города располагалась императорская ставка (рис. 7.2). Запретный город — участок, где размещалась городская администрация городища; он окружен земляным валом, прямоугольный в плане. Еще в 50–60-х годах XX в. экспедицией под руководством А.П. Окладникова, а именно Н.Н. Забелиной и М.В. Воробьевым, в этом районе городища были исследованы три постройки. Их крыши были покрыты черепицей (Саранцева 2013: 49). Одна из построек была окружена небольшим оплывшим валом высотой не более 1–1,1 м. Площадь здания 8×43 м, ее занимают пять рядов по 22 основания колонн, располагавшихся на расстоянии 0,6–1,5 м друг от друга, сохранившихся в виде забутованных ям. Расположение входа не установлено. Из находок, обнаруженных на полу здания, — железная пила, серповидный предмет, топорик, наконечник дротика, замок, крючок, гвозди, фрагмент довольно крупного чугунного котла, а также большое количество обломков керамических изделий, которые отнесены к четырем типам. В первую очередь это фрагменты шаровидных сосудов, горшки и, очевидно, вазовидные сосуды. Кроме этого здесь были найдены образцы поливной керамики: фрагменты с коричневой и сине-зеленой глазурью (Воробьев 1967: 430–435).

Еще одна из построек колоннадного типа была исследована здесь же, в юго-западной части памятника. Найдено большое количество сильно фрагментированной черепицы. Основания баз колонн располагались в три ряда. Здание было обнаружено в нижнем строительном горизонте, в верхнем сохранились остатки прямоугольного в плане жилища: каркасного, площадью около 40 кв. м. Внутри жилища обнаружен кан П-образной формы, двухканальный. Кан имел два очага и трубу. Жилище частично перекрывало здание нижнего строительного горизонта (Хорев, Никитин 1985: 108–109).

В последние годы в Запретном городе также исследовались здания дворцового типа, построенные на террасах, идущих по склону (№ 6 и № 7). В плане постройки прямоугольные, размером 11×12 и 7×10 м. Вход располагался с южной стороны. Колонны у зданий находились лишь в двух противоположных друг другу стенах, они опирались на каменные базы, две другие стены не имели колонн и опирались на каркас (?). Крыши построек двускатные, черепичные; конек был украшен керамической плитой в виде дракона. Внутри дворцовых зданий находились большие каналы, выполненные из камня и кирпича, один из них длиной 10 м (Артемьева 2014а: 440–441). Севернее этих построек располагалась терраса размером 10×25 м. Здесь находился открытый павильон с системой водоемов и стояли в два ряда четыре колонны. Черепичное покрытие кровли не обнаружено.

В Запретном городе, в северо-восточной его части, в районе вала и ворот обнаружены остатки металлообрабатывающего производства (Артемьева, 2011а: 130). В частности, обнаружен производственный комплекс по выплавке железа и бронзы, по мнению исследователей, работавший под эгидой государства. Он представлял собой остатки мастерской в виде двух зон — производственной и жилой.

В жилой зоне (северо-восточная часть комплекса) раскопано прямоугольное жилище с трехсекционным трехканальным каном, с двумя очагами, размером

5×7 м. В одном из дымоходных каналов кана найден ковш для розлива металла. Рядом располагалась площадка 6×6 м, очевидно являвшаяся хозяйственным двором. Здесь были найдены наковальни и их фрагменты, фрагменты криц и пр. Кроме того, в юго-восточной части найдены четыре печи для выплавки металла. Две из них для железа, и две — для бронзы.

Печь № 1 квадратная в плане с куполообразным верхом, выложенным камнями и глиной, смешанной с травой, размером 140×120 см. Печь была многоразового использования. Печь № 2 худшей сохранности, аналогична первой, имела несколько меньшие размеры — 100×100 см. Здесь же располагались еще две печи. Печь № 3 круглая в плане, диаметром около 2 м. Рядом с печью обнаружено большое количество бронзовых предметов, их обломков и лома (Артемьева 2011: 135). Печь № 4 очень плохо сохранилась. На этом участке обнаружено большое количество шлака, выплесков металла; кроме этого, здесь имеются находки специализированного инструментария, предназначенного для обработки металла.

Редут городища находится в юго-западной части внутреннего города (рис. 7.2) (Артемьева 2003: 139–146). Он представляет собой обвалованный четырехугольный участок, длина каждой из стен составила 25 м, ширина вала в нижней его части 6–7 м, вверху 1,5 м. Вход в редут в виде разрыва земляного вала располагается в южном углу (рис. 7.4, 1). Редут был построен на первом этапе застройки городища.

Внутри укрепления были исследованы два неодинаковых по размеру жилища (рис. 7.4, 2). Одно из них (жилище 1), небольшое, имело размеры 5×7 м, обваловку по периметру объекта шириной примерно 2 м, высотой около полуметра. Кан жилища Г-образный, односекционный, имел четыре канала с очагом и трубой. Каналы поверх были обложены плоскими камнями, промежутки между ними забивались мелкими камушками. Глубина каналов кана 20–25 см, ширина 20 см. Очаг эллипсоидной формы размером 140×90 см, глубиной 35 см. Труба обложена камнями, находилась в северной части жилища. Размер ее составлял 45×42 см, глубина 10 см. Находки, обнаруженные в жилище, немногочисленны. В частности, были найдены железные гвозди, фрагмент металлического котла, шпильки, пробой с кольцом; в одном из дымоходных каналов обнаружена монета, возле очага — железная заслонка.

Второе жилище по своим размерам — 12×5 м — значительно больше первого, оно также «окружено» земляной обваловкой шириной до 1,5 м, высотой 60 см (рис. 7.4, 2). Кан в жилище был П-образный, трех-четырёхканальный, с двумя очагами и трубой. Ширина каналов кана 25–30 см, глубина 10–20 см. Очаг I глубиной 10 см, размером 60×70 см, располагался слева от входа в помещение, в своей верхней части обложен камнями. Очаг II, напротив, располагался с правой стороны, размером 85×50 см, глубиной 30 см, сверху он был перекрыт каменной плитой. Дымоходные каналы выполнены аналогично первому жилищу — поставленными «на попа» камнями; сверху они также были покрыты плоскими плитами. Труба представляла собой углубление размером около 40 см, обложенное камнями. Здесь был обнаружен фрагмент дна от большого керамического сосуда.

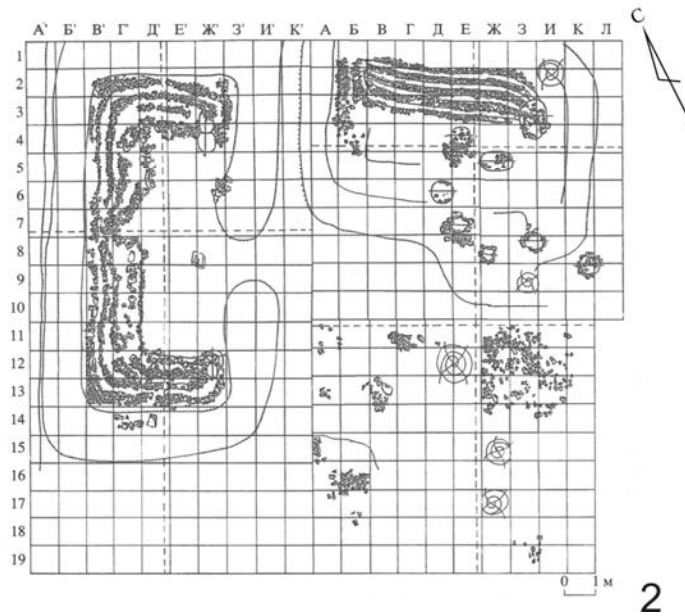
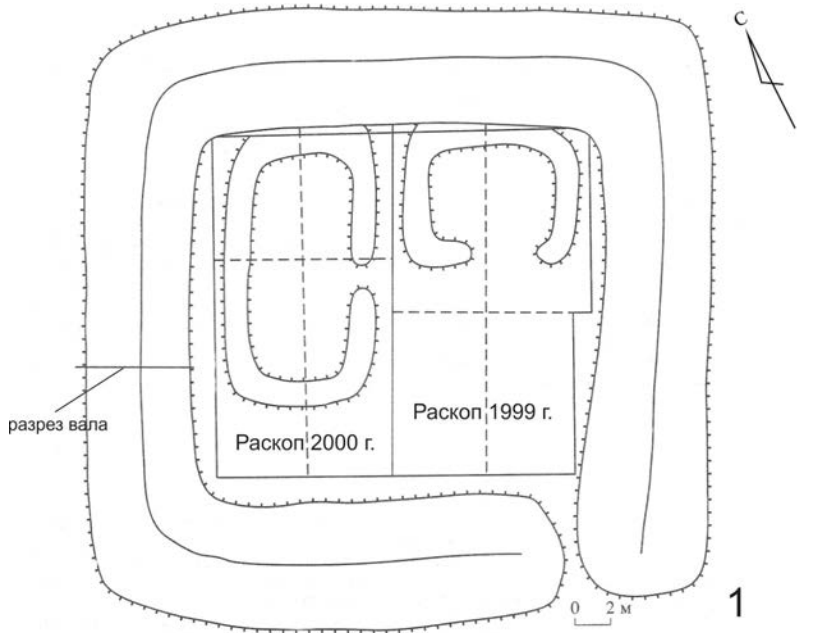

Рис. 7.4.

Редут Красноярского городища:

1 — схематический план; 2 — план жилищ 1 и 2 (Артемова 2003)

В жилище было найдено большое количество предметов. Особенно много здесь обнаружено керамики — более 30 сосудов. При этом типологически выделены горшковидные, вазовидные, шаровидные, банки, чаши, подставки и пр. Из металлических предметов найдено 11 бронзовых монет, несколько железных шплинтов и колец с пробоями, пружина от замка, наконечники стрел, бронзовая серьга.

По мнению Н.Г. Артемьевой, редут — это усадьба высокопоставленного должностного лица, возможно ставка военного коменданта или военачальника. Вероятно, в жилище, имевшем большую площадь, проживал сам комендант города, а в другом — его прислуга и охрана (Артемьева 2003: 145–146).

В результате изучения городища было установлено, что памятник относится к чжурчжэньскому периоду и является многослойным. Согласно мнению исследователей, изначально, там, где располагался юго-восточный внутренний город, «был построен город-крепость, прикрывавший доступ в долину, где находились два чжурчжэньских долинных городища — Южно-Уссурийское и Западно-Уссурийское». Этот город существовал до 1215 г., т.е. до образования государства Восточное Ся. После прихода Пусяня Ваньну и учреждения на этом месте нового города старый подвергся перестройке: территория города превратилась во внутренний город нового укрепления, впоследствии имевшего самые большие размеры в сравнении с площадью других городов. Поскольку внешний город является однослойным, было сделано предположение, что заселение этого обширного участка «происходило на втором этапе жизнедеятельности города» (Артемьева 2011: 274).

По мнению Н.Г. Артемьевой, в пользу отнесения Краснояровского городища к столице свидетельствуют огромная площадь памятника, специфическая планировка внутреннего города, наличие зданий колоннадного типа, а также многочисленные эпиграфические находки, имеющие датировку 1221, 1222 и 1230 гг. Исследователь полагает, что «при строительстве столичного города были применены лучшие и отработанные фортификационные приемы, впитавшие в себя национальные традиции, которые сформировались под когурёским влиянием строительства горных крепостей» (Артемьева 2008а: 298).

Шайгинское городище

Одним из самых исследованных горных городищ чжурчжэней на данный момент по праву является Шайгинское городище (рис. 7.5, илл. 7.2). Оно расположено в Партизанском районе Приморского края, в 9 км к северу от с. Фроловка и в 3 км к югу от с. Сергеевка, на горном мысу. Обнаружено и описано в 1891 г. горным инженером Д.Л. Ивановым. В 1962 г. городище обследовал Э.В. Шавкунов (Хорев 1978: 37). С 1963 г. на памятнике ведутся планомерные археологические раскопки. В.Э. Шавкунов исследовал городище до 1993 г. Вместе с ним в 1967–1969, 1972, 1989–1993 гг. здесь же вел исследования В.Д. Ленков, а в 1973–1977 гг. — В.А. Хорев (Артемьева 2012а: 24). С 2000 г. начался этап исследования памятника под руководством Н.Г. Артемьевой (Артемьева 2012).

Рис. 7.5.
Шайгинское городище

Площадь памятника составляет 45 га (рис. 7.5). Шайгинское городище является крупным административно-хозяйственным центром, большим средневековым городом, в котором были сконцентрированы государственная власть, военная и гражданская знать, располагались металлургические центры, ремесленные мастерские, городские склады и прочие объекты.

Интересно размещение построек внутри городища: будь то жилище с отопительной системой (каном), колоннадное здание или металлургическая печь — все они находятся на террасовидных площадках. Хаотично на первый взгляд расположенные террасы образуют продуманную до мелочей систему кварталов. Так, например, недалеко от ручья Батарейного, служившего жителям города источником воды, в самой нижней части памятника располагались металлургические мастерские (Леньков 1974: 11–34). Немного выше по склонам, в западной части города прослеживается квартал ремесленников. Здесь в небольших жилищах были также размещены ремесленные мастерские и работали металлурги-надомники. Этот квартал необычайно богат находками слесарных и ювелирных инструментов, различных бытовых изделий, украшений и т.д. В результате археологических раскопок в этом квартале удалось установить, что здесь проживали мастеровые, занимавшиеся разными видами ремесел. Это были слесари, изготавливавшие военные доспехи, а также косторезы, кожевенных дел мастера, ювелиры, гончары и др. (Артемьева 1998: 17).

На другом склоне, напротив квартала ремесленников, находятся три внутренних города, обнесенные небольшими земляными валами. Все три участка плотно примыкают друг к другу. В самом большом из них расположен редут. Здесь же находятся здания колоннадного типа, а также большие террасы. Кроме того, именно недалеко от редута были сделаны находки, относящиеся к предметам административного характера: печать «чжичжуна» (илл. 7.7, 2), эталонные гири, верительная бирка — *пайцза* (илл. 7.7, 1).

Найденная печать «чжичжуна» принадлежала чиновнику, помощнику начальника области. Она дает все основания предположить, что Шайгинское городище являлось крупным областным центром (Ивлиев 2006: 110). Как уже упоминалось, весьма ценной находкой является серебряная *пайцза* — свидетельство посланника императора Пусяня Ваньну. Присутствие столь высокого по рангу чиновника на этом городище еще раз говорит о его особом статусе у чжурчжэней (илл. 7.7, 1) (Шавкунов Э.В. и др. 1978; Ивлиев 2000: 185).

Эталонные гири, найденные здесь, по аналогии с находками из Красноярского городища, вероятно, должны были относиться к палате мер и весов. Можно предположить, что по крайней мере один из внутренних городов Шайгинского городища относился к аналогичному ведомству и большая часть зданий в нем могла являться городскими складами.

Согласно топографии памятника, в северо-восточной части городища также имеется обвалованный участок, который исследователи называют Запретным городом. Интересно, что на его территории были расположены довольно большие по площади жилища (около 100 кв. м); в центральной части исследован участок, где могло собираться большое количество людей, являвшийся, очевидно,

своеобразной площадью. Вход в этот Запретный город был оформлен как въездные ворота в виде парадной арки под черепичной крышей. Возможно, здесь была размещена администрация города (Артемьева 2012а: 27–28). Всю остальную территорию занимали жилища.

К настоящему времени на памятнике раскопано 291 жилище. Согласно выполненным исследователями подсчетам, всего на городище их должно быть не менее 400 (Артемьева 2012а: 34). Важным отличием шайгинских жилищ от аналогичных объектов других чжурчжэньских городов является то, что здесь, как правило, устраивались усадьбы в виде жилища и хозяйственного двора, где часто строился свайный амбар, в котором хранились продовольственные запасы.

Уникальной является система фортификации памятника. Вал Шайгинского городища имеет общую длину 3600 м. Его высота варьирует от 0,5 до 4 м в зависимости от труднодоступности участка (Артемьева 2009: 86). Он проходит по гребню и по краю склона сопки. В местах, где склон относительно пологий, вал дублирован дополнительным «фальшвалом». Такое место находится в южной части городища. Причем подножие сопки укреплено тремя подковообразными вальцами, которые получили у исследователей название «редан» (Артемьева 2009: 85).

Основной вал был усилен различными фортификационными сооружениями. Так, в наиболее уязвимых точках для возможности фланкирования противника были размещены 11 барбетов — П-образных выступов на внешнюю сторону вала. Их размеры от 8×5 м до 10×15 м. Внутри располагалась вымощенная камнями площадка. Исследователи считают, что она предназначалась для камнеметной машины, хотя это только предположения (Артемьева 2009: 87).

Рядом с центральными воротами находятся четыре башни — насыпи на валу с мощеной площадкой сверху, примерно 2×2 м. Башни служили дополнительным усилением ворот (Артемьева 2009: 87). На самых высоких точках городища, а также на краях отрогов, где вал делает резкий поворот, находились сторожевые башни — рондели. Всего их четыре, по две с каждой из крайних сторон городища (Артемьева 2009: 88).

Попасть на территорию городища можно было через одни из ворот, которых насчитывается четверо. Главные ворота находились в северо-западной стороне. Они представляли собой разрыв в валу с Г-образным захабом. Вал в воротах укреплен деревянными стенами, а вход оформлен деревянной аркой. Южнее захаб найдено большое количество черепицы, что говорит, возможно, о существовании в этом месте павильона с черепичной крышей. При раскопках центральных ворот была найдена железная маска, которая, скорее всего, являлась элементом одежды чжурчжэньского воина-стражника, который по совместительству был еще и лучником (Шавкунов В.Э. 1993: 80–83).

В северо-восточной стороне находилось двое ворот, одни из которых представляют просто разрыв в валу, а другие оформлены С-образным захабом. Еще одни ворота находятся в юго-западной стороне городища. Они представляют собой разрыв в валу. Возможно, что помимо своих обычных функций они также служили для сброса воды из ручья Батарейного во время сильных паводков (Артемьева 1998: 18).

Во время раскопок на Шайгинском городище было обнаружено много интересных находок, относящихся к военным, бытовым, административным предметам, а также к предметам роскоши, охоты и сельского хозяйства (рис. 7.11, 1–29, 31; 7.15, 7.16; илл. 7.7, илл. 7.8, 1, 2). Городище было весьма богатым. Большая часть находок имеет военное назначение, что свидетельствует о том, что город, обладая функциями административного областного центра, в первую очередь играл военную роль. Город должен был собственными силами защитить свое население от врага.

Ананьевское городище

Расположено в Надеждинском районе, в 6 км к западу от железнодорожной станции Веневитиново (рис. 7.6, 1). Памятник был обнаружен в 1971 г. А.В. Гарковик и В.А. Татарниковым, в 1972 г. его обследовал Э.В. Шавкунов. В 1973 г. инженером-топографом С.Н. Слободяном снят тахеометрический план памятника (Хорев 1978: 27–28). С 1976 по 1993 и с 1999 по 2003 г. В.А. Хоревым велись его стационарные исследования (Хорев 2012: 8). Городище находится на окончании горного хребта между реками Большая и Малая Ананьевка. Площадь памятника — 10,5 га (Хорев 2012). Городище имеет необычную фортификацию, которая показывает всю изобретательность чжурчжэньских инженеров. Оно расположено в довольно удобном месте для памятников такого рода, однако есть некоторые ландшафтные особенности местности, которые делали его уязвимым. Для исключения этого чжурчжэньские градостроители, применив некоторые фортификационные уловки, смогли использовать данные места в своих целях. Так, например, в восточной части городища отрог начинает спускаться в долину узким хребтом. Место довольно удобное, чтобы поднимались жители города, но и для вражеской атаки оно также подходит. Чтобы избавиться от подобной угрозы, средневековые строители построили четыре равнозначных отрезка вала прямо на хребте. Между этими отрезками имеется небольшое расстояние. Еще один отрезок проходит поперек хребта отрога, таким образом пересекаются тропинка и сам хребет. Ближе к окончанию отрога можно наблюдать еще два таких пересечения, а также небольшой редут — башню с земляным валом подпрямоугольной формы (рис. 7.6, 1).

Такая сложная фортификация устраивалась с одной целью — не дать возможности врагу сконцентрироваться на этом направлении, а при помощи системы валов рассеивать его. При этом не перекрывалась дорога, которая вела ко входу в городище. Протяженность основного вала чуть более 1800 м. Высота его не везде одинаковая и варьируется от 0,5 до 6 м. Это зависело в первую очередь от места прохождения вала и его доступности для врага. Когда высоты вала для защиты не хватало, строился дополнительный вал, или «фальшвал», который проходит так, чтобы создать своеобразный карман — ловушку для врага. Такой прием уже описывался нами на примере Шайгинского городища. На Ананьевском городище эта ловушка находится в западной части памятника. Там же находится и разрыв в валу, возможно одни из ворот. Главные ворота,

скорее всего, должны были находиться в северной части городища в районе оврага. Основной вал, подойдя к р. Малая Ананьевка, не смыкается, а образует разрыв в виде бутылочного горлышка. Ширина этого разрыва в самой узкой части примерно 80 м. На расстоянии примерно 80 м в глубь городища отсыпано еще два вспомогательных выгнутых вала, которые идут от основного вала к оврагу, тем самым сужая проход в городище до 20–15 м. Это и есть главные ворота, через которые проходит дорога, она в виде тропинки видна до сих пор. На городище можно проследить остатки башен попарно защищавших каждые из трех ворот. Вдоль всего вала часто встречаются каменные ядра, собранные в небольшие кучи.

Овраг с ручьем разделяет внутреннюю площадь памятника на две части: восточную и западную. В восточной части находится редут, а в западной — единственный внутренний город. В отличие от редута Шайгинского городища, ананьевский редут находится на большом расстоянии от внутреннего города. Возможно, у ананьевского внутреннего города были другие функции, отличные от шайгинского.

В 2003 г. была сделана важная находка в западной части городища, на самой высокой его точке, недалеко от внутреннего города. Этой находкой был диск эталонного веса в 5 цяней (3,75 г). Подобные находки сделаны на Красноярском, Шайгинском, Лазовском городищах, а также на городище Известковая сопка. Подобная находка указывает на то, что практически во всех чжурчжэньских городах должно было существовать отделение палаты мер и весов. Кроме того, диск оказался первой эпиграфической находкой, указывающей на принадлежность городища к государству Восточное Ся (Ивлиев, Хорев 2006).

Внутренний город представляет собой обвалованный прямоугольник общей площадью 4800 кв. м. Практически в центральной его части находится большая терраса, ориентированная по сторонам света, площадью 340 кв. м (34×10 м). На террасе расположено здание колоннадного типа, от которого сохранились каменные базы. По предположению В.А. Хорева, здание служило в качестве казенного склада для хранения всевозможного инвентаря (Хорев 2012: 32).

Ананьевский редут прямоугольной формы, размером 20×21 м. При раскопках здесь вскрыты остатки четырех жилищ, одно из них было разрушено.

Внутреннее пространство городища занято обвалованными западинами и площадками искусственных террас — остатков жилищ. Подсчитано, что на городище их около пятисот. К настоящему времени раскопано 118 жилых объектов. В ходе раскопок установлено, что памятник имеет несколько строительных горизонтов, которые практически единовременны. Жилища первого строительного горизонта обычно находились на небольших площадках 5×5 м и с П- или Г-образным каном. Жилища второго строительного горизонта несколько больше; имели, как правило, П-образные каналы, а рядом небольшой хозяйственный дворик, на котором иногда располагался амбар. Если жилища первого строительного горизонта строились хаотично по всей площади памятника, то объекты, принадлежащие ко второму строительному горизонту, уже строились согласно плану, с учетом фортификации и ландшафта местности.

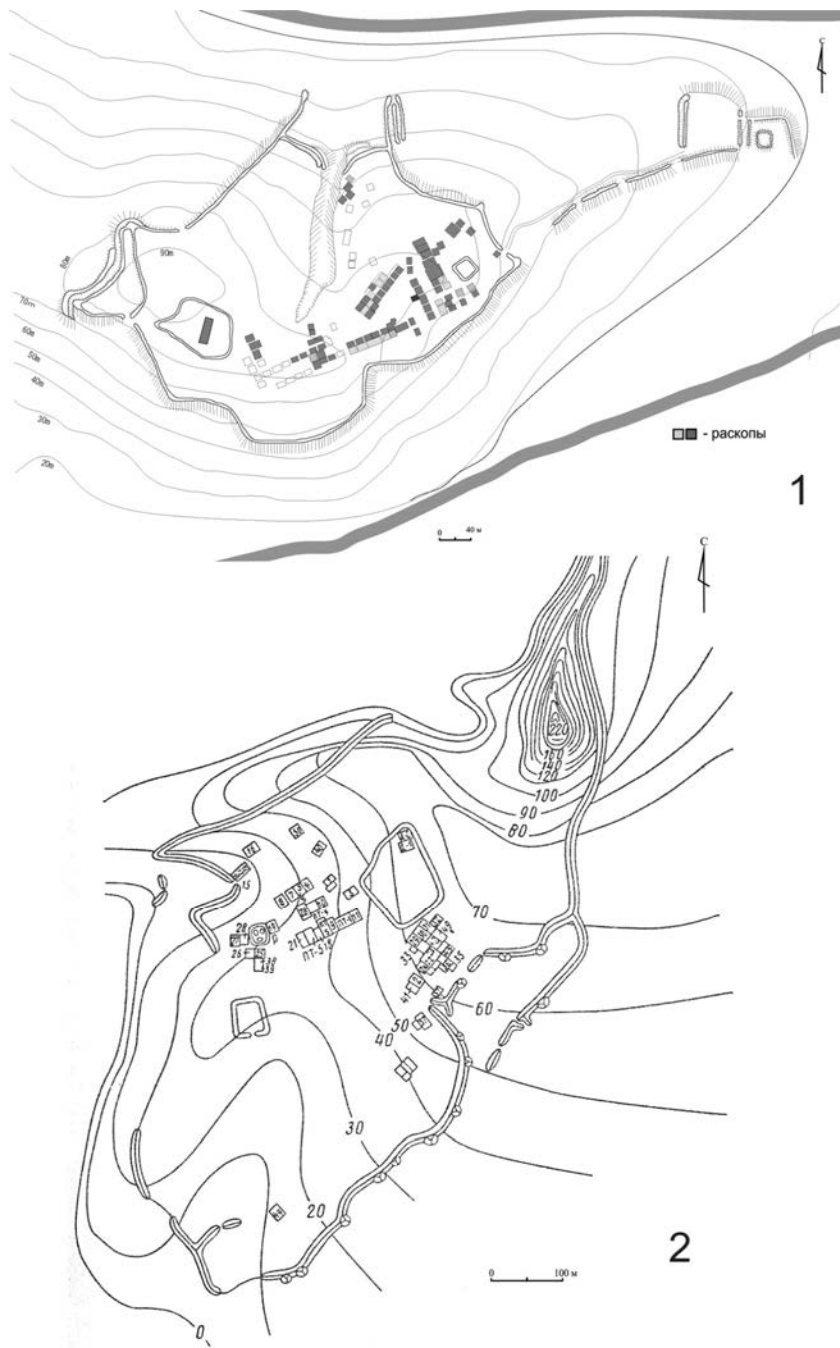

Рис. 7.6.
Чжурчжэньские горные городища Приморья:
1 — Ананьевское; 2 — Лазовское (Артемьева 2013)

Одним из наиболее интересных объектов, найденных на памятнике, является слесарная мастерская. Она представляла собой остатки площадки, на которой находилось 12 небольших горнов. Иногда горны располагались и в жилищах в виде небольших очажков с каналом, уходящим в общую отопительную систему. Здесь, очевидно, трудились мастера-надомники. Такие жилища встречены и на Шайгинском городище (Хорев 2012: 20–25), и на других чжурчжэньских памятниках.

Престижные находки, отсутствие металлолитейных печей и в то же время наличие большого количества карбонизированного зерна и практически полное отсутствие сельскохозяйственных орудий дало все основания Э.В. Шавкунову в 1987 г. предположить, что в городе, в отличие от Шайгинского городища, ничего не производили, а население существовало за счет эксплуатации рабов, а также окрестного сельскохозяйственного населения (Шавкунов Э.В. и др. 1987: 94). В.А. Хорев в своих дальнейших исследованиях выдвинул точку зрения, что городище являлось поселением типа *моукэ*, имевшим военно-земледельческие функции. Такое поселение само обеспечивало себя всем необходимым и выполняло военные задачи (Воробьев 1975: 130). Исследователь также предположил, что город сожгли осенью, когда уже был собран урожай зерновых. Находки зерна обнаружены в большинстве жилищ. Это, по мнению исследователя, свидетельствует в пользу того, что оно было разложено для просушки, а это делалось массово только после сбора урожая. Оставшиеся нетронутыми кучи ядер говорят о том, что или городище сгорело в ходе бытового пожара, или в городе в это время по какой-то причине не было дружины. Так это или не так, но одно остается фактом — после этого пожара город заново восстановлен не был (Хорев 2012: 98–99).

Лазовское городище

Еще одним эталонным памятником государства Восточное Ся является Лазовское городище (рис. 7.6, 2). Оно находится в Лазовском районе Приморского края, в 7 км к северу от поселка Лазо. Общая площадь памятника 25 га. Городище занимает горный мыс. Площадь памятника ограничивается либо неприступным обрывом, либо земляным валом. Впервые о памятнике сообщил Н.А. Пальчевский в 1893 г. По его данным Гусаковский вычертил план. В таком виде он попал в книгу Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткина «Древности амурского края» под № 61. В книге оно упоминается как «древнее укрепление в двух верстах от урочища Ван-гоу, в отрогах хребта Сихотэ-Алинь, на левом берегу реки Та-Судзухэ». В 1958 г. городище осмотрел Г.И. Андреев, а в 1966 г. Э.В. Шавкуновым на нем были проведены разведочные работы. С 1974 по 1988 г. на памятнике проводились стационарные археологические работы под руководством В.Д. Ленкова (Ленков, Артемьева 2003: 7).

Восточная и юго-восточная части городища опускаются в долину, где находится самое уязвимое место. Там расположены центральные ворота, которые за-

щищены сложной системой валов. Ворота имеют два прохода, так как в этом месте к валу был пристроен «фальшвал», который создавал своеобразный карман-ловушку. В «фальшвалу» имеется три разрыва. Тот разрыв, который должен был быть воротами, укреплен двумя дополнительными отрогами вала. В основном валу прослежены тоже три разрыва. Ворота основного вала усилены захабом. Вал, проходящий по всей восточной стороне, дополнительно усилен башнями. Их здесь можно насчитать одиннадцать. Такое дополнительное усиление связано со спуском вала в долину и довольно уязвимой, в случае осады города, высотой. От кармана-ловушки в сопку по хребту уходит вал, практически до вершины сопки (рис. 7.6, 2).

Еще одни ворота находятся в западной стороне городища. Здесь вал делает глубокий изгиб вовнутрь городища. В самой глубокой точке находится разрыв в валу — это и есть ворота. Они укреплены дополнительным валом, перекрывающим изгиб основного. В дополнительном валу также есть проход.

Городище имеет один редут и два внутренних города. Один из них находился в северной части памятника, он имел подпрямоугольную форму, окруженную валом до 1 м высотой. Площадь его около 1 га. Во время археологических работ на городище в этом районе было вскрыто два объекта: жилище с каном и здание административного типа.

Второй внутренний город располагался в юго-западной части. Он также подпрямоугольной формы, окружен метровым валом. Размеры внутреннего города 2000 кв. м (40×50 м). На его территории при раскопках было найдено восемь печей, вероятнее всего для обжига керамики.

Редут Лазовского городища находится в 100 м севернее второго внутреннего города. Сам редут такой же, как ананьевский или шайгинский. Представляет собой обвалованный прямоугольник 25×25 кв. м, ориентирован углами по сторонам света. В нем раскопано три жилища (Леньков, Артемьева 2003: 13).

Остальное жилое пространство города заполнено небольшими террасами и жилищными западинами, которые иногда имеют обваловку. К настоящему времени на территории Лазовского городища исследовано 68 жилищ. Раскопанные объекты — жилища, которые, как и на Ананьевском городище, можно разделить на ранние и поздние. Среди ранних — жилища с прямым, Г- или С-образным каном. Позднее эти жилища уничтожались, засыпались, и на их месте возникали новые, в основном с П-образным каном. Новое жилище планировалось с хозяйственным двором, на котором иногда возводился свайный амбар. Городище определяется исследователями как поселение с военно-сторожевыми функциями (Леньков, Артемьева 2003: 94).

Екатериновское городище

Довольно продолжительное время исследования ведутся и на Екатериновском городище (Партизанский район Приморского края). Оно расположено в 2 км к северо-востоку от с. Екатериновка, на склоне горной гряды у железнодорожной

станции Боец Кузнецов (рис. 7.7, 1). Памятник был обнаружен Н.А. Пальчевским. В 1963 г. его обследовал Э.В. Шавкунов (Хорев 1978: 35). В 1976–1977 гг. и 1980 г. на городище проводились стационарные раскопки под руководством В.Д. Ленькова. С 1998 г. и по настоящее время на памятнике работает Т.А. Васильева (Васильева 2000; 2005; 2011; 2014; Васильева, Сергушева 2014).

Площадь городища составляет около 27 га. Оно занимает чашевидный склон сопки, разделенный распадком на две части. По гребню сопки проходит оборонительный вал от 0,5 до 4 м высотой в зависимости от места, где он располагался. Вал укреплен 14 башнями. Центральный вход укреплен Г-образным захабом с восточной стороны (Васильева 2000: 149–150).

На территории городища находится три внутренних города (рис. 7.7, 1). Два из них располагаются на юге памятника. Они размещаются на небольшом расстоянии — в 20 м друг от друга. В плане это неправильные четырехугольники, обнесенные земляными валами до 1 м высотой. Их размеры следующие: 1) 63×73 м; 2) 86×73 м. Возможно, что на территории этих городов находилось металлургическое производство. Еще один внутренний город находится в северной части городища. Он представляет собой небольшой, неправильной формы четырехугольник, обнесенный земляным валом, высотой от 0,5 до 1 м. Его размеры 33–35 × 39–41 м. Вероятнее всего, этот город являлся административным центром городища. На его территории было раскопано несколько жилищ с довольно богатым вещевым материалом, а также своеобразная площадь для сбора горожан (Васильева 2005: 93–95).

Редут был построен на северо-западном, наиболее возвышенном участке. Он ничем не отличается от редутов других горных городищ: это обвалованный участок, прямоугольный в плане, размером 20×20 м. На дневной поверхности, внутри него прослеживаются три западины от жилищ (Васильева 2000: 150).

По всему чашевидному склону видны террасы, на которых находились жилища. К настоящему времени раскопано 22 жилища. Их отапливали П- или Г-образный каналы. Характер вещевого материала, который был найден на их территории, свидетельствует в пользу того, что некоторые из них принадлежали мастерам-надомникам (Васильева 2000: 150–151).

Судя по всему, Екатерининское городище должно принадлежать к типу военных поселений с военно-сторожевыми функциями.

Горнохуторское городище

Памятник находится в Черниговском районе Приморского края, в 3 км восточнее с. Горный Хутор (рис. 7.7, 2). Оно было обнаружено и визуально обследовано А.П. Окладниковым в 1953 г. Планомерные исследования этого памятника начались только в 1994 г. Т.А. Васильевой. За это время было вскрыто примерно 0,4 га площади, в которую вошли 20 наземных жилищ (Васильева 2012а: 49).

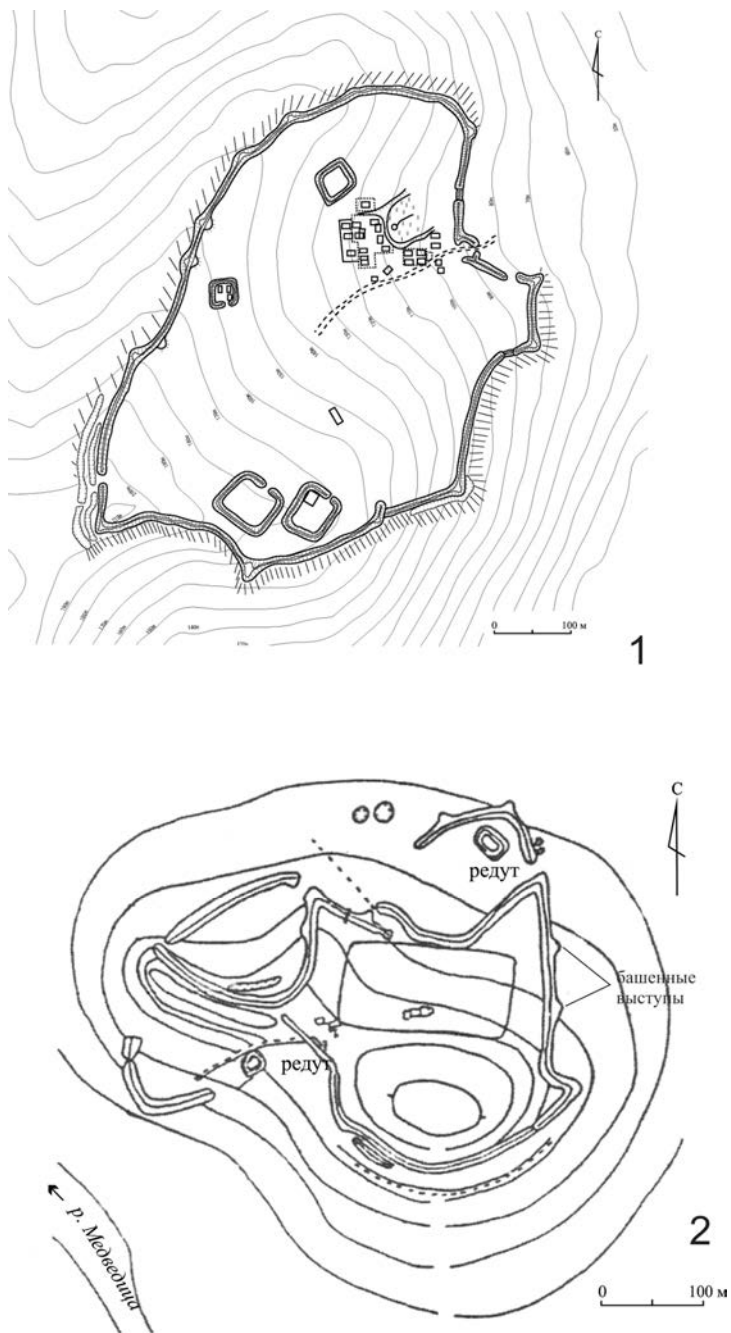

Рис. 7.7.
Чжурчжэньские горные городища Приморья:
1 — Екатериновское; 2 — Горнохutorsкое (Васильева 2012а)

Городище расположено на пологом склоне отдельно стоящей сопки. Площадь памятника составляет примерно 7 га. Оно обнесено земляным валом, довольно узким и крутым. Общая протяженность вала примерно 1700 м. Высота вала варьируется в зависимости от места. В тех местах, где возможен штурм противника, высота вала достигает 5 м, а в тех местах, где склон более крутой, высота вала не превышает 0,5 м. Пологие места усиливались дополнительным валом. Кроме того, в этих местах добавлялись башни. В северной части находятся ворота, которые прикрыты Г-образным захабом и башней. В северной и восточной частях городища находятся два редута. Интересно, что они вынесены за пределы основной площади городища и прикрыты только дополнительным валом. Центральная часть памятника сильно запахана, в результате чего на дневной поверхности никакие объекты не читаются. Немного видны лишь террасовидные площадки, и то в районе валов, где нет запашки.

Основной раскоп был разбит в центральной части города, в ходе археологических работ там была расчищена целая улица с 19 жилищами и металлургической печкой. Удивляет разнообразие обнаруженных в жилище канов. На небольшом участке располагались как двух-, так и трехканальные отопительные системы с С-, Г- и П-образными каналами (Васильева 2012: 45–47). Кроме того, на городище были найдены кузнечные горны, а многие жилища содержат следы надомного производства. Практически во всех жилищах есть инструменты для обработки дерева и кости. В некоторых жилищах есть инструменты слесарей-надомников. Помимо слесарного производства есть свидетельства и более сложного — ювелирного. Среди находок нередки и сельскохозяйственные орудия, но все же немалую часть составляют находки вооружения. Поселение в первую очередь являлось военным, однако торгово-ремесленные отношения ему не были чужды (Васильева 2012а).

Некоторые из городищ были практически не исследованы, однако от этого они не стали менее интересными. Сюда можно отнести городища Скалистое, Стоговая сопка и Дубовая сопка.

Скалистое городище

Скалистое городище (Ольгинский район) находится в 3–4 км к юго-западу от с. Новониколаевка, на правом берегу р. Аввакумовка. Сообщил о городище местный житель Ф.А. Силин в 1956 г. В 1969–1970 гг. его обследовал Э.В. Шавкунов. В 1972 и 1975 гг. В.Д. Леньковым было раскопано восемь жилищ с каналами и металлургический производственный комплекс с остатками горнов и печей. Был снят план оборонительных сооружений городища (Хорев 1978: 33). Площадь памятника довольно большая — около 80 га. Он занимает распадок, с двух сторон которого проходит скалистый хребет, а по дну распадка протекает ручей Скалистый. Вал проходит местами; там, где имеются скалистые выходы, вал отсутствует. Где их нет, там идет выложенная каменная стена высотой до 1,5 м. Выбор именно камня как сырья для возведения валов, а не изготовления их способом трамбовки земли, скорее всего, связан с доступностью именно этого материала. Интересно, что на

городище не найдены ни редут, ни внутренние города. В восточной части памятника, на некоторых высоких террасах имеются остатки черепичных завалов, вероятно, здесь располагались административные постройки.

Южная сторона усеяна маленькими террасами. По определению исследователей, это городище должно было выполнять функции города-крепости (Артемьева 2005а: 576–577).

Городище Стоговая сопка

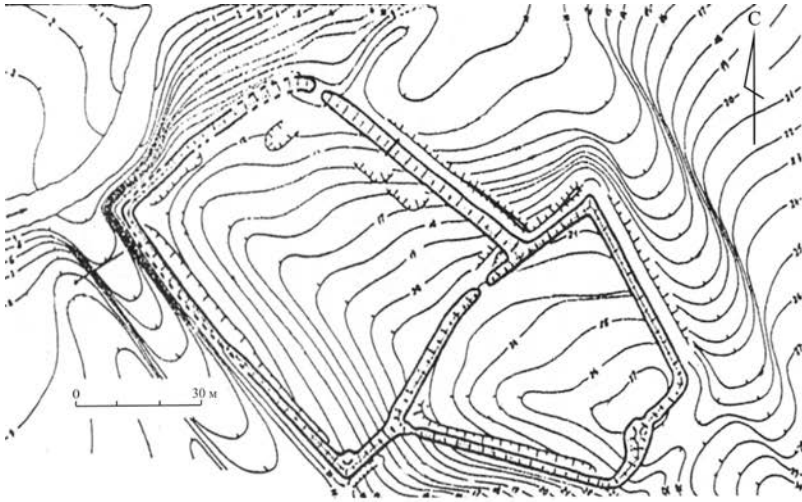
Городище Стоговая сопка (Анучинский район) расположено в 17 км вверх по течению р. Арсеньевки от пос. Виноградовка и в 3 км к северо-востоку от пос. Веселый (рис. 7.8, 2, илл. 7.3). Обнаружено Э.В. Шавкуновым в 1963 г. В 1965 г. им была заложена траншея через одно из жилищ городища. Полученный материал в ходе раскопок дал возможность датировать памятник чжурчжэньским временем. В 1971 г. городище было снято на план. Площадь памятника составила 12 га (Хорев 1978: 12). В конце 2000-х годов на городище работал С.Д. Прокопец (Прокопец 2012а).

В плане городище напоминает неправильный, постепенно расширяющийся к юго-востоку многоугольник, занимающий всю плоскость неприступной вершины сопки. На его территории находится большое количество жилищных западин, сохранились редут, дороги (одна из них представляет собой серпантин с 14 поворотами, спускающийся от городища в сторону р. Арсеньевки), каменная (базальтовая) кладка (вал), которая проходит практически по всей восточной границе памятника (илл. 7.4, 1).

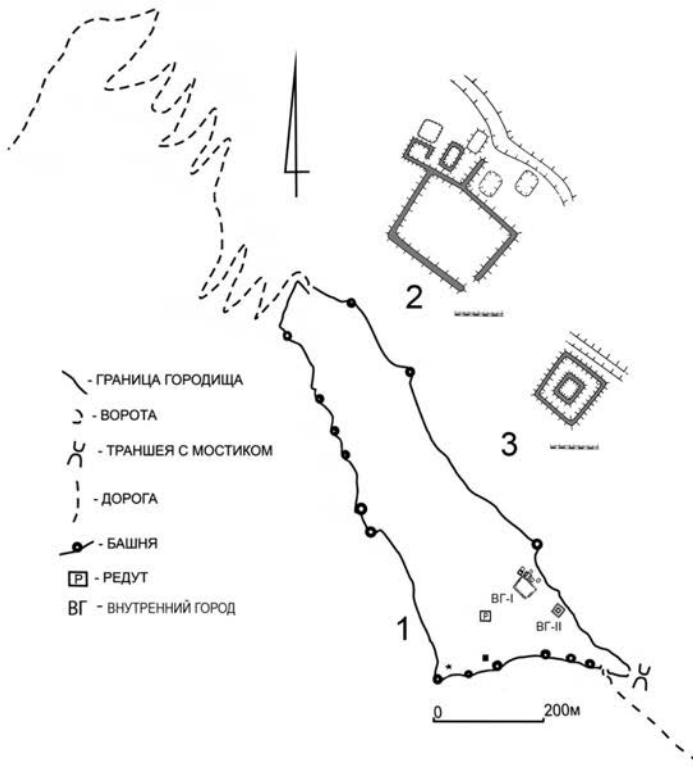
В ходе разведки 2008 г. в восточной части памятника были обнаружены два внутренних города. Оба были обвалованы, однако обваловка со временем сильно оплыла и на дневной поверхности в настоящее время почти не видна. Высота вала составляет 0,7 м. Возможно, что основная стена представляла собой деревянный частокол. Одной своей стеной внутренний город примыкает к дороге, которая идет вокруг городища. Он состоял из трех частей, похожих на обвалованные прямоугольники. В одной части на дневной поверхности практически ничего не было видно, в двух других находились жилищные западины. В одной части их было три, а в другой — две. Общая площадь внутреннего города — 1700 кв. м.

Второй внутренний город находится недалеко от первого и также примыкает одной своей частью к дороге. Он представляет собой обвалованный прямоугольник площадью 140 кв. м. По центру находится обвалованная западина площадью 35 кв. м. Функции этих внутренних городов пока не ясны.

Одна из западин, находящаяся в юго-западной части городища, была исследована в 2009 г. С.Д. Прокопцом (Прокопец 2012а). В ходе раскопок расчищены остатки отопительной системы жилища — П-образный трехканальный кан (рис. 7.9, илл. 7.4, 2). Кроме того, был обнаружен следующий вещественный материал: долотовидный наконечник стрелы, бронзовая монета «си нин юань бао», выпускавшаяся в период с 1068 по 1077 г., гвоздь, несколько фрагментов серо-глиняной керамики.

1

2

Рис. 7.8.

Чжурчжэньские городища Приморья:

1 — Гусевское (Артемьева, Хорев 2012); 2 — Стоговая сопка

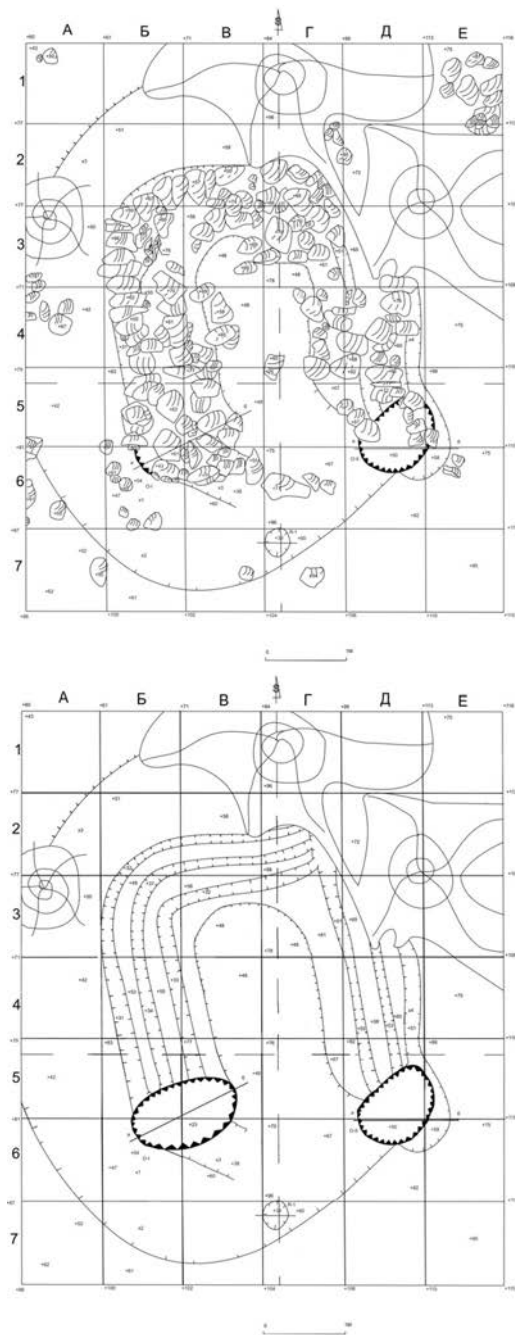

Рис. 7.9.

Жилище 1 городища Стоговая сопка:

вверху — каменное покрытие кана, внизу — кан после снятия камней, дымоходные каналы

Планировка городища, жилище с П-образным каном, а также вещественный материал, найденный в раскопе и при проведении разведок на территории городища, дают все основания датировать его временем существования государства Восточное Ся (1215–1233). Само городище, скорее всего, являлось гарнизоном и имело военно-сторожевые функции (Прокопец 2012: 249–253).

Городище Дубовая сопка

Городище Дубовая сопка (Шкотовский район) расположено на левом берегу р. Артемовки, севернее пос. Хатуничи. Обнаружено в 1966 г. Э.В. Шавкуновым. В 1970–1971 гг. на памятнике проводились археологические работы: раскопано несколько жилищ, снят план его оборонительных сооружений (Хорев 1978: 57).

Площадь городища весьма небольшая и составляет около 5 га. По периметру городище опоясывает вал высотой около 3 м, имеются центральные ворота, оформленные в виде захаба, а также руды размером около 20×20 м. По всей площади памятника хорошо прослеживаются жилищные западины диаметром 5–10 м. Во время раскопок одной из западин было зачищено жилище площадью 10 кв. м с трехсекционным каном. Памятник однослойный (Артемьева 1998: 31). Материалы памятника, а также его планиграфия характерны для чжурчжэньских горных городищ.

Гусевское городище

Еще к одному типу горных городищ чжурчжэней Приморья можно отнести Гусевское городище (рис. 7.8, 1). Оно расположено в Ханкайском районе, в 3,5 км западнее с. Кравцовки. Городище впервые осмотрено В.А. Хоревым и А.Л. Ивлиевым в 1988 г. по сообщению В.Н. Стрельбицкого. В 1997 г. памятник посетили А.Л. Мезенцев и Д.В. Бровко: проведена глазомерная съемка укрепления, а также разрезан вал. Площадь городища составила 0,06 га. Культурный слой зафиксировать не удалось, что, в свою очередь, не дало возможности датировать памятник (Мезенцев, Бровко 1999: 291). В 2003 г. памятник посетили сотрудники Сектора археологии средневековых городов Приморья под руководством Н.Г. Артемьевой. Было зафиксировано повсеместное нарушение дневной поверхности «черными археологами», а также собран подъемный материал, который браконьерами был выброшен. В сборы вошли такие предметы, как шлем, остатки нескольких доспехов-панцирей, боевые топорики, багор, копьё и т.д. По найденному материалу городище было датировано чжурчжэньским временем и определено как укрепление со сторожевыми функциями (Артемьева, Хорев 2012: 201–209).

К сожалению, Гусевское укрепление всегда рассматривалось как самостоятельный объект, хотя В.Н. Стрельбицкий утверждает, что предпосылкой нахождения укрепления был вал, который он увидел с дороги и по которому он вышел на памятник. Сейчас этот вал сильно изрезан новой трассой, но все же местами

виден. Известно, что за Гусевским укреплением в сторону о. Хасан нет ни одного чжурчжэньского городища. Недалеко от него располагается Ананьевское городище. В данном случае можно высказать предположение, что здесь располагается граница государства Восточное Ся в виде земляного вала. В этом контексте Гусевское укрепление вполне может являться пограничной заставой.

Городища долинного типа, датированные чжурчжэньским временем либо имеющие чжурчжэньский слой, не так многочисленны на территории Приморья, как, например, горные. Городища этого типа располагаются в долинах рек, они окружены высокими и мощными валами и рвами.

Долинные городища могли иметь как правильную, так и неправильную геометрическую форму. Внутренняя застройка таких памятников не всегда определена и не имеет четкой внутренней структуры и планировки. По мнению исследователей, их стены не всегда ориентированы по сторонам света, имеют произвольные число ворот и места их расположения (Артемьева 2008: 305). В пользу длительности функционирования долинных городищ свидетельствует насыщенность культурного слоя, а также следы их перестроек.

Южно-Уссурийское городище

Памятник располагается в южной части г. Уссурийск (рис. 7.10, 1). В результате активно ведущейся хозяйственной деятельности городище почти полностью разрушено.

Городище долинного типа, неправильной четырехугольной формы, полностью вписано в рельеф местности. Юго-восточный и юго-западный валы проходили по изгибам старого русла р. Суйфун (Раздольной) (Крадин, Никитин 2003: 354), довольно крупной водной артерии. Городище имело глубокий ров. По современным подсчетам, площадь памятника была достаточно велика и достигала 100 га. Согласно исследованиям, городище являлось центром цзиньской губернии Суйпинь (Артемьева 2008: 306). Судя по сохранившимся в литературе описаниям, высота земляных валов с двух сторон, украшавших городище, местами достигала 6 м (Артемьева 2008б: 98). Городище имело трое ворот, которые располагались в разных частях города. Они имели специальные захабы с ронделями. По подсчетам, на валах имелось более 40 башен.

Изучение памятника проводилось с середины XIX в. И. Лопатиным, П. Кафаровым, Ф. Буссе и А.З. Федоровым. Последний составил его подробную карту и провел разведочные раскопки. Дальнейшее исследование уссурийских древностей было продолжено лишь в 1953 г. Так, в 1954 г. на территории современного Гарнизонного сада Н.Н. Забелиной и М.В. Воробьевым велись раскопки небольшого кургана, расположенного в нескольких десятках метров от раскопок А.З. Федорова. Как писала Н.Н. Забелина, «постройка была круглой в плане, около 8 м в диаметре и была сильно разрушена. Внутри, в завале помещения, было очень много кусков кровельной черепицы и попадались глиняные плиточки с рельефным орнаментом... с узорами в виде цветов и листьев» (Забелина 1955:

276). Ниже уровня раскопанной беседки найдены остатки еще какой-то постройки (по предположению Н.Н. Забелиной — храма), вокруг которой «валялось много кусков кровельной черепицы и обломки кирпичей очень крупного размера» (Забелина 1955: 275–276).

При исследовании вала городища было выявлено два слоя, нижний также сохранил остатки большого количества черепицы. Первоначально памятник датирован на основе обнаружения монеты *Кай-Юань тунбао* (713–755), найденной в 1916 г. во время разборки основания вала VIII в. В 1954 г. при исследовании беседки в Гарнизонном саду были обнаружены две подобные монеты. Эта датировка ранее высказывалась и П. Кафаровым (Забелина 1960: 388).

В 1993 г. памятник исследовался совместной российско-корейской экспедицией под руководством Э.В. Шавкунова. В частности, на территории того же Гарнизонного сада заложена траншея, в ней обнаружены керамические строительные материалы (Раскопка памятников ..., 1994: 396, рис. 120).

В ходе исследований, проводившихся на территории Гарнизонного сада в 2001–2003 гг., в том месте, где располагались остатки каменных баз колонн, были найдены «артефакты, относящиеся к чжурчжэньскому времени» (Артемьева 2008б: 103–104). Это многочисленные фрагменты керамики, кирпича, украшений конька крыши, фарфоровые изделия, а также китайские монеты, датированные XI в. Изучение вала показало, что город был построен во времена Цзинь и продолжал существовать при государстве Восточное Ся (Артемьева 2008б: 105).

Последние исследования городища выявили три строительных горизонта, относящиеся ко времени чжурчжэней (Артемьева 2014: 20). Два из них — нижний и средний имеют остатки разрушенных жилых и административных объектов. Исследователи датировали их XII — первой третью XIII в. Верхний строительный горизонт относится к последнему этапу существования государства Восточное Ся (1234–1276).

Исследователи предполагают, что, вероятно, Южно-Уссурийское и Красноярское городища представляли собой «единый мегаполис» (Артемьева 2008: 298).

Западно-Уссурийское городище

Располагалось на западной окраине г. Уссурийска, в 2,5 км от Южно-Уссурийского городища. По типу памятников городище долинное, в плане представляло собой почти правильный квадрат, по разным сведениям площадью в пределах 60 га (Крадин, Никитин 2003: 354; Артемьева 2005а: 556) (рис. 7.10, 2). Рядом с городищем располагался небольшой рудут. К сожалению, уже в конце XIX в. памятник попал в зону интенсивного освоения и в настоящее время полностью разрушен городской застройкой. Судя по имеющимся в литературе данным, в начале 2000-х годов от городища сохранились лишь небольшие участки северного и западного валов длиной 200 м и 400 м, высотой до 3 м (Крадин, Никитин 2003: 354). Согласно другим данным, городище было обнесено валами высотой до 4,5 м (Артемьева 2001в: 45). По мнению исследователей, городище

«было построено не для обороны, а для размещения административной власти на этой территории, возможно после падения чжурчжэньской империи» (Артемьева 2008: 307). Было обнаружено несколько участков, где сохранилась нижняя часть культурного слоя (Крадин, Никитин 2003: 354). Находки, обнаруженные здесь: керамика и черепица серого цвета.

Николаевское городище

Расположено в Партизанском районе, на левом берегу р. Водопадная, в с. Николаевке. Памятник многослойный, общей площадью 33 га, относится к долинному типу, в плане имеет вид равнобедренной трапеции с закругленными углами (рис. 7.10, 3, илл. 7.5). Городище со всех сторон, кроме северо-западной части, обнесено мощными земляными валами, высота которых местами достигает 10 м. Ширина основания вала до 25 м, ширина окружавшего городище рва 3–4 м. По периметру вала прослеживаются остатки 12 башен, двое ворот, оформленные захабами. Площадь внутреннего города, расположенного в восточной части, — 4 га, некогда он имел вид прямоугольника, огороженного со всех сторон земляным валом (Шавкунов Э. 1966: 288–289).

В настоящее время городище сильно потревожено вспашкой. Стационарные раскопки проводились в 1960 и 1962 гг. Э.В. Шавкуновым. В этот период времени была исследована парадная арка, сохранившаяся в виде фундамента трехпролётных ворот, оформлявших въезд во внутренний город. Фундамент парадной арки был изготовлен из кирпича, крыша украшена скульптурными деталями в виде керамических драконов (илл. 7.6), фениксов и «крылатых» будд и покрыта черепицей с орнаментом (Шавкунов Э. 1966: 288–289).

В начале 2000 г. исследования памятника были продолжены. В результате были раскопаны остатки нескольких зданий, фундамент и основания стен которых были кирпичными, а крыши, поддерживаемые деревянными колоннами на каменных базах, были покрыты черепицей.

Как показали исследования, на территории внутреннего города располагались постройки под черепичной крышей. Здания, судя по остаткам богато украшенной крыши, являлись дворцовыми. Центральное здание, располагавшееся в северо-восточной части внутреннего города, было сооружено на платформе, облицованной кирпичом. На внешней стороне стен имеются ямы от небольших столбов, т.е. дворец являлся постройкой колоннадного типа с черепичной крышей. В плане здание дворца подпрямоугольное, размером 20×18 м, сохранились остатки 30 колонн, расположенных в пять рядов по шесть колонн. Вход в постройку располагался с северной стороны, был оформлен в виде арочного проема, который помимо черепицы украшали головы драконов. Кроме этого, здесь же были раскопаны еще две постройки, находившиеся на северной и западной платформах. Последние также были облицованы кирпичом. Внутри этих помещений было исследовано восемь печей-очагов открытого типа в виде замочной скважины (Артемьева 2010: 419).

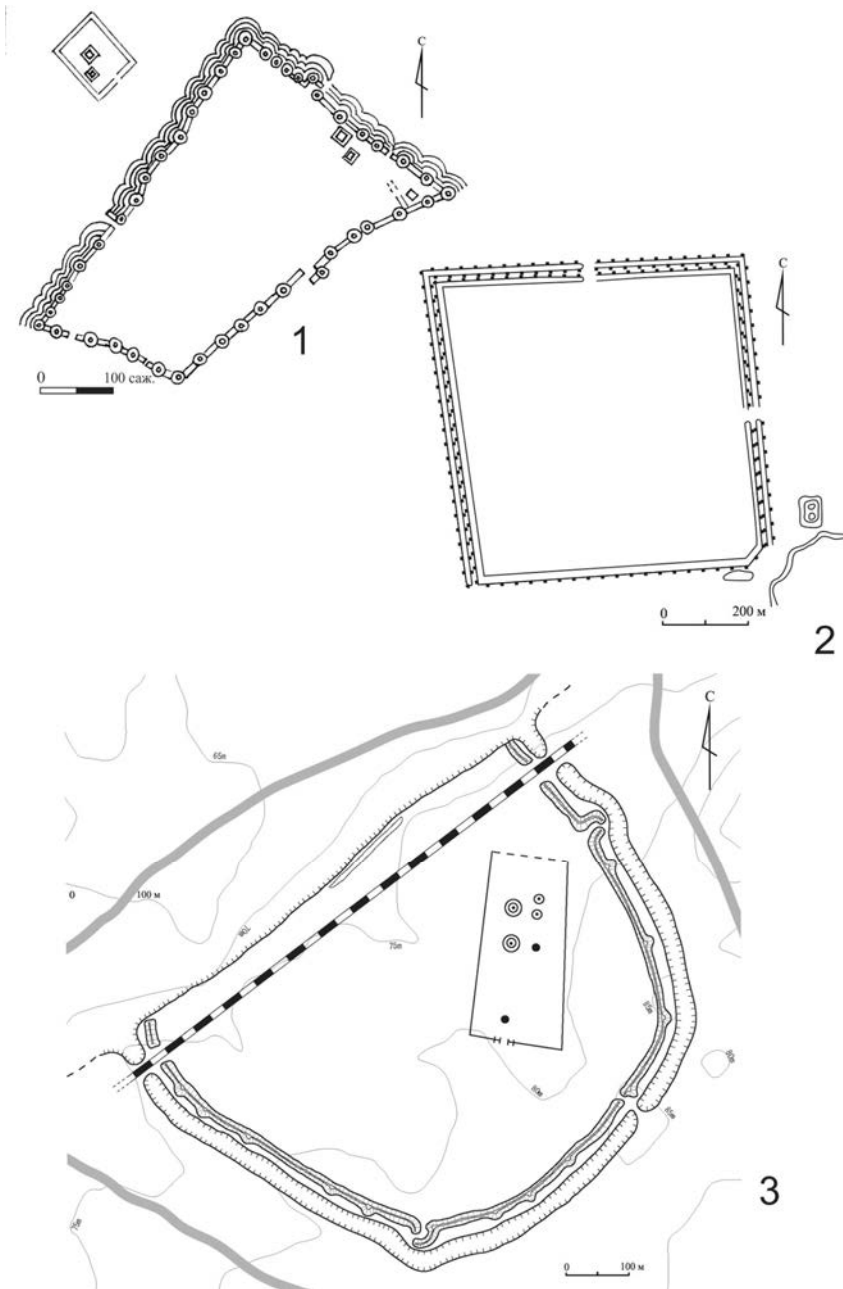

Рис. 7.10.

Долинные городища чжурчжэней Приморья.

1 — Южно-Уссурийское (план капитана Флоренского, 1868 г.) (Артемьева 2008б);

2 — Западно-Уссурийское (Артемьева 2005а); 3 — Николаевское

Кроме этого, была обследована самая большая на памятнике юго-восточная башня городища, выступающая за пределы крепостного вала, часть поверхности которой была покрыта большими речными гальками. С восточной стороны укрепления располагалось сторожевое помещение с каном. Изучению подверглись и другие башни города, например северо-восточная. Также на памятнике была найдена дренажная система городища (Артемьева 2015: 561).

Майское городище

Памятник расположен в Ханкайском районе, в 25 км от пос. Камень-Рыболов, на левом берегу р. Комиссаровки, в 10–12 км от западного берега оз. Ханка. Первые сведения о памятнике встречены в трудах дореволюционных ученых — И.А. Лопатина, Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткина. В 60-е годы. Э.В. Шавкуновым на городище была произведена археологическая разведка. В 1978, 1981 и 1988 гг. на городище работала экспедиция под руководством А.Л. Ивлиева.

Памятник долинного типа, представляет собой остатки, вероятно, отдельных усадеб, проявляющиеся в настоящее время в виде скоплений камней, фрагментированных кирпичей, черепицы и керамики, растянувшихся на пологих холмах на территории 3 км с востока на запад и 1,5 км с севера на юг. В центральной части памятника располагалось, очевидно, городище, которое было обнесено земляным валом и окружено двойным рвом (Алексеева и др. 1996: 169). Высота валов достигала 2–3 м, длина 132–150 м, они ориентированы по сторонам света. Городище имеет двое ворот — северные и южные, защищенные захабами. На валах прослеживаются угловые и фронтальные башни.

На городище и на окружающих его холмах заложено шесть раскопов, вскрыта площадь около 700 кв. м. Установлено, что памятник имеет несколько строительных горизонтов. Обнаружены строительные объекты в виде жилищ с остатками канов, а также котлованы, ямки от изгороди, колодец.

Исследования городища и его окрестностей позволили датировать его временем империи Цзинь, т.е. XII–XIII вв., и установить, что памятник функционировал достаточно длительный период времени.

Городская культура чжурчжэней

Чжурчжэньские города существовали как сосредоточение средневекового ремесла, которое полностью обеспечивало потребности местного населения. Прежде всего это касалось продуктов первой необходимости. За более чем полувековую историю археологических исследований на памятниках чжурчжэньской культуры зафиксированы остатки многих производств: прежде всего, керамического (включавшего изготовление бытовой посуды), изготовления строительных материалов, черной и цветной металлургии, производства оружия, стеклоделия,

ювелирного, камнерезного, косторезного ремесла. Кроме того, на городищах найдены многочисленные изделия, имевшие явно привозной характер, что свидетельствует о развитых торговых связях.

Средневековый город должен был обеспечить себя в первую очередь необходимыми продуктами питания. Находки костей животных и рыб на городищах немногочисленны, в первую очередь по причине преобладания в Приморье кислых почв, что делает сохранение костных остатков практически невозможным. Тем не менее имеющийся анализ данных свидетельствует, что жители чжурчжэньских городов наряду с ремеслом активно занимались сельским хозяйством — животноводством и земледелием, — а также охотой и рыболовством.

В литературе приводятся данные относительно занятий жителей Шайгинского городища животноводством. Несмотря на отрывочность и фрагментарность этих данных, в целом отмечается, что это занятие преобладало над охотничьим промыслом. На городище были найдены шесть видов домашних животных и девять видов диких. Домашние виды представлены костными остатками коровы, лошади, свиньи, собаки и домашней овцы. Дикие — косулей (пятнистым, благородным и северным (!) оленем), собакой, волком, лисицей и енотовидной собакой, а также дикой овцой. Домашние животные использовались не только в пищу, но и применялись в качестве тяглового скота, а также использовались в различных сельскохозяйственных работах. На городище нет следов строений в виде каких-либо загонов: очевидно, домашние животные содержались здесь же, вблизи домов и прилегающих к усадьбам площадях, а в зимнее время, возможно, находились в жилищах (Алексеева, Шавкунов 1986: 70–79). На Горнохуторском городище 73,4% костных остатков относилось к домашним животным. Здесь были обнаружены кости собак, свиней, коров и лошадей. Остальная часть принадлежала диким животным — косуле, дикому кабану, изюбрю, медведю (Васильева 2012: 51). На Ананьевском городище остеологические находки представлены тремя видами домашних животных — крупным рогатым скотом, лошадью, а также свиньей. Из диких зафиксирована косуля (Хорев 2012: 56).

Наиболее полная выборка остеологических материалов, повествующая о животноводческом хозяйстве чжурчжэней, имеется по Майскому городищу. Здесь было обнаружено более 6 тыс. различных остатков, принадлежащих млекопитающим, птицам, рыбам, рептилиям, моллюскам и амфибиям. Проанализировав эти материалы, исследователи выделили пять видов домашних животных (83,2%) и 12 видов диких (16,8%). Останки домашних животных сохранились в виде костей собаки, лошади, свиньи, коровы, а также барана или козла (Алексеева и др. 1996: 170–180).

Дикие животные представлены волком, медведем, енотовидной собакой, кабаргой, косулей (пятнистый олень и, возможно, изюбрь), диким кабаном, зайцем, зверьком семейства куньих и грызунов. Птицы представлены семейством куриных: это фазан, даурская куропатка, перепел. Из утиных — крякva, свиязь и гуси (там же).

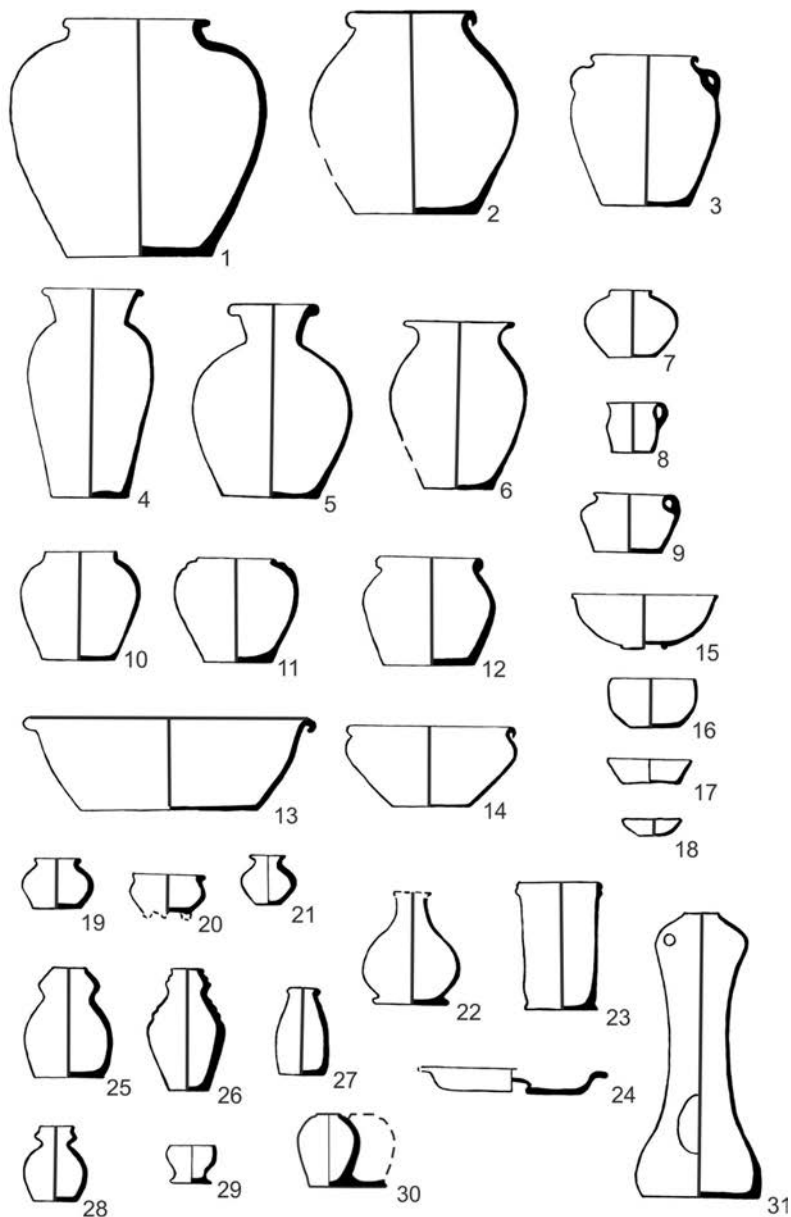

Рис. 7.11.

Ассортимент чжурчжэньской керамической посуды. 1–3, 12 — корчаги; 5–6 — вазовидные сосуды; 7 — шаровидный сосуд; 8–9 — кружки; 10–11 — горшковидные сосуды; 13–14 — тазовидные сосуды; 15–16, 20 — чаши; 17–18 — блюдца; 19, 21 — миниатюрные сосуды; 23 — банки; 24 — крышка; 25–28 — бутылевидные сосуды; 29 — бокал; 30 — двойной шаровидный сосуд; 31 — светильник. 1–29, 31 — Шайгинское городище; 30 — Красноярское городище (Тупикина 1978; 2012)

Несмотря на отрывочность сведений, ясно, что чжурчжэни культивировали разные типы растений. Это прежде всего просовые, зерновые, крупяные, бобовые, технические и садовые культуры. На сегодняшний день зафиксировано наличие 13 видов культурных растений. В частности, преобладают три вида проса; из зерновых — два вида ячменя; бобовые — в виде угловатой фасоли. Крупяные культуры представлены гречихой. Кроме этого, зафиксированы гаолян, два вида пшеницы, соя, горох и перилла (Васильева, Сергушева 2014; Хорев 2012: 55–56). На Ананьевском городище найдены кедровые и маньчжурские орехи, косточки вишни, семена лимонника, а также, возможно, малины (Хорев 2012: 55).

О том, что чжурчжэни занимались земледелием, свидетельствуют многочисленные находки различных металлических инструментов: это плуги, лемехи, лопаты, серпы, мотыги, соломорезки и другие изделия (рис. 7.15). Наряду с ними в жилищах также частыми находками являются ручные мельницы и крупорушки (Васильева 2012: 57; Артемьева, Болдин 2015; Болдин 2015). Особо следует упомянуть чжурчжэньскую тарную посуду в виде больших керамических емкостей — корчаг, ваз, банок. Часть из них имели ручки для подвешивания, в некоторых случаях наряду с сосудами обнаруживают керамические крышки. Такая посуда применялась для хранения в жилищах пищевых продуктов (рис. 7.11, 1–3, 5–6, 10–12, 23–24). Зафиксированные на чжурчжэньских городищах свайные амбары, построенные в черте некоторых усадеб, свидетельствуют о том, что у чжурчжэней существовали довольно приличные объемы запасов продовольствия.

Судя по наличию на памятниках находок костей не только домашних, но и диких животных, чжурчжэни занимались охотой. Расположение чжурчжэньских городищ вблизи больших и малых рек, нечастые находки костей рыб, а также рыболовные снасти, остроги, наконечники гарпунного типа позволяют сделать вывод, что еще одной отраслью средневекового хозяйства являлось рыболовство (Лещенко 1987: 128–133; 1989: 108–112). На Горнохуторском городище обнаружены кости рыб, согласно выполненным определениям, относящихся к семейству карповых (Васильева 2012: 57).

Обратившись непосредственно к археологическому материалу, обнаруженному на чжурчжэньских памятниках, основываясь на данных, полученных на исследованных производственных комплексах, можно с уверенностью сказать, что у чжурчжэней существовали металлообрабатывающее ремесло (черный и цветной металл), ювелирное дело, производство керамики и строительных материалов, стеклообработка. Вместе с этим в рамках домашних ремесел чжурчжэни, очевидно, занимались обработкой шкур животных, кожевенным ремеслом, ткачеством, прядением, деревообработкой, косторезным и камнерезным промыслами, изготовлением мелкой глиняной пластики (Лещенко 1996: 148; 2015).

Керамическое производство было особенно развито у чжурчжэней (Тупикина 1996). В настоящее время в общей сложности выделено около полутора десятков типов глиняной посуды: горшки, вазы, чаши, кружки, — а также шаровидные, тазовидные, банковидные и бутылевидные сосуды. Внутри некоторых типов

сосуды различаются своими размерами (рис. 7.11). Чжурчжэньская посуда — это, как правило, сероглиняные изделия стандартных форм, хорошего качества, с плотным звонким черепком, часто лощенные до металлического блеска, обожженные в восстановительной среде. Они имели устоявшиеся размеры и скромный декор, преимущественно на плечиках сосудов, в виде прочерченных прямых и волнистых линий, штампованного орнамента «розеток» и опоясывающего валика (подсчитано, например, что лишь 8,5% от всей керамики Ананьевского городища было декорировано) (Тупикина, Хорев 2001: 198). На некоторые сосуды были нанесены тамгообразные знаки.

подавляющее большинство сосудов изготовлено на гончарном круге; лишь на двух городищах — Шайгинском и Екатерининском — зафиксированы лепные изделия. Например, для Шайгинского городища доля такой керамики составляет не более 12% от общего количества находок (Тупикина 1996: 51; Тупикина, Хорев 2001: 194), для Екатерининского — около 30% (Леньков 1983: 63).

Исследователи выделяют следующие категории посуды (Тупикина 1996: 43–49):

1. Тарная; самая многочисленная категория. Сюда относятся крупные горшкovidные и вазovidные сосуды, о которых уже упоминалось выше. Посуда, принадлежащая к этой категории, очень ценилась местным населением. Об этом свидетельствуют следы починки таких емкостей. Это делалось с помощью просверливания сквозных отверстий и скрепления разбитых фрагментов металлическими скобами. Очевидно, что в починенной таким образом посуде могли находиться только неждкие продукты.
2. Кухонная посуда. Сюда относятся горшки средних размеров и низкие вазы. Часть сосудов имеют пищевой нагар. К этой категории, очевидно, можно отнести и так называемые пароварки — сосуды, имеющие сквозные отверстия в дне.
3. Столовая посуда представлена в основном чашами.
4. Осветительные и теплотехнические устройства специфических форм.

Такой ассортимент посуды является стандартным и постоянен для разных чжурчжэньских памятников (Тупикина 1996; 2012; Тупикина, Хорев, 2001; Макиевский 2012; Леньков 1983; и др.).

Изготовление сосудов на гончарном круге предполагало вытягивание из одного куска глины небольших керамических форм, конструирование и сборку больших сосудов.

Остатков гончарных печей, на которых обжигали керамическую посуду, на чжурчжэньских памятниках пока не выявлено. Предполагается существование больших керамических центров по ее изготовлению, а также производство посуды в рамках домашнего ремесла (Тупикина 2003: 347). В частности, на Шайгинском городище известны жилища гончаров, располагавшиеся в юго-восточной части города. Специализация по месту жительства характерна и для Лазовского городища. По мнению В.Д. Ленькова, здесь было построено 10 печей, предназначенных для обжига керамики; тут же располагались жилища обслуживающего

персонала. Квартал был ограничен насыпным валом с забором поверх него (Леньков, Артемьева 2003: 27–29).

На чжурчжэньских памятниках в Приморье массовыми находками являются шаровидные сосуды (рис. 7.11, 7). В последние годы на Красноярском городище в зданиях колоннадного типа находят много небольших шаровидных сосудов. К слову сказать, аналогичные сосуды были найдены и в одном из административных зданий Шайгинского городища — № 2 и в некоторых жилищах. Количество таких находок в каждой отдельной постройке велико — до нескольких сотен фрагментов. Сосуды изготовлены на гончарном круге, имеют небольшой размер, немного расширяющееся кверху тулово, едва оформленную горловину. Некоторые из них «сдвоенной» формы и представляют собой два отдельных резервуара (т.н. «двойняшки»), у одного из которых срезана одна из стенок, и он присоединен к другому сосуду и обожжен в таком состоянии (рис. 7.11, 31). Большинство из них изготовлено довольно небрежно. Они имеют стандартные размеры и, соответственно, близкий объем резервуара. Функциональное назначение ни одинарных, ни двойных шаровидных сосудов точно не установлено. Исследователи выдвигают различные точки зрения относительно функционального назначения таких находок. В частности, предполагается, что подобные сосуды являлись тарой для масла, светильниками; еще одна точка зрения — сосуды предназначались для хранения рисовой водки. Существует мнение, что это, возможно, резервуар для бомбы, куда вставлялся фитиль, который поджигался (Тупикина 1974: 185; Васильева 1983: 83).

Очевидно, что подобные шаровидные изделия играли некую техническую роль. Однако их внутренняя поверхность не содержит никаких следов использования. Учитывая все сказанное выше, а также контекст находок (в зданиях, выполнявших административные функции), с некоторой долей вероятности можно высказать предположение, что подобные сосуды могли применяться для транспортировки каких-либо химических реагентов.

Помимо простой сероглиняной керамики бытового назначения у чжурчжэней была распространена тонкокаменная **фарфоровая и фаянсовая посуда**, являвшаяся привозной, поступающая на территорию средневекового Приморья в результате импортно-экспортных операций из Северного и Южного Китая, Кореи, а также с территории Маньчжурии, с земель, занятых чжурчжэнями, продолжавшими эксплуатировать сунские печи (Гельман 1999: 111). Такая керамика представлена на чжурчжэньских памятниках восемью сортами, что свидетельствует в пользу регулярных торговых связей с соседями.

Помимо посуды чжурчжэни изготавливали **строительные материалы и архитектурную керамику**. Данное производство являлось развитой отраслью керамического производства. Строительные материалы представлены 13 типами кровельной черепицы, несколькими стандартами ее и кирпича (рис. 7.12) (Саранцева 2013: 95, рис. 240; Артемьева 1998: 64; Леньков 1974: 85–88). Все изделия сероглиняные, имеют стандартные размеры и форму. Рост городов, интенсивно ведущееся строительство стимулировали развитие широкомасштабного, массового производства строительной керамики у чжурчжэней Приморья.

Категория I. ПЛОСКАЯ ЧЕРЕПИЦА

- ТИП 1. Плоская (простая) черепица
- ТИП 2. Плоская черепица с оттисками пальцев
- ТИП 3. Плоская черепица с отливом
- ТИП 4. Плоская черепица с подтреугольным завершением
- ТИП 5. Плоская прямая черепица
- ТИП 6. Плоская трапециевидная черепица
- ТИП 7. Плоская узкая черепица

Категория II. ПОЛУЦИЛИНДРИЧЕСКАЯ ЧЕРЕПИЦА

- ТИП 1. Полуцилиндрическая (простая) черепица без хвостовика
- ТИП 2. Полуцилиндрическая (простая) черепица с хвостовиком
- ТИП 3. Полуцилиндрическая черепица без хвостовика с концевым диском
- ТИП 4. Полуцилиндрическая черепица с хвостовиком и концевым диском
- ТИП 5. Полуцилиндрическая фигурная черепица
- ТИП 6. Полуцилиндрическая полукруглая черепица

Рис. 7.12.

Ассортимент черепицы чжурчжэней Приморья

Черепица обнаружена практически на всех чжурчжэньских памятниках. Ею покрывали крыши зданий колоннадной конструкции. Исходя из ассортимента черепицы, можно сказать, что постройки были прямоугольные в плане и двухскатные. Применялось несколько систем (типов) кровельных покрытий. Система укладки черепицы, ассортимент, степень декора коньков и карнизов находились в зависимости от функционального назначения конкретного сооружения. Декор на карнизных черепицах традиционен для этого времени, это разнообразный антропозооморфный, растительный, геометрический орнамент. Некоторые разновидности орнамента, располагавшиеся на отливах плоской черепицы и бытовой керамики, идентичны друг другу, что свидетельствует, на наш взгляд, о единой

моде, бытовавшей у чжурчжэней. Кровельная скульптура представлена драконообразными чудовищами (Красноярское, Николаевское, Западно-Уссурийское и Южно-Уссурийское городища), а также скульптурами крылатых будд и фениксов на раструбе (Николаевское городище). Подобные мифические существа располагались на коньках крыш монументальных строений, имевших важные функции у чжурчжэней (илл. 7.6).

Черепица изготавливалась на шаблонах двух типов с помощью составления и уплотнения глиняных лент. Такая техника изготовления характерна для северосунской черепицы. Размеры черепицы, как упоминалось выше, являются довольно стандартными (Саранцева 2013: 63). Архитектурным модулем для черепицы чжурчжэней являлся 1 *чи*, который у чжурчжэней равнялся 31 см. Стандартизация в отрасли явилась следствием многих причин, в том числе специфики производства, и отразилась не только в размерах, но также в форме, декоре, технологии изготовления и ассортименте.

Мастерская по изготовлению строительной керамики с остатками двух печей располагалась в с. Сергеевка Партизанского района, в непосредственной близости от источника глины и воды и, вероятно, обеспечивала своей продукцией несколько близлежащих памятников, в их числе и Шайгинское городище. Одна из сохранившихся печей была полностью заполнена готовой продукцией (рис. 7.13). В ней находилось около 2 тыс. готовых плоских (простых) черепиц (Васильев 1995). Печь имела форму двухсторонне усеченного эллипса. Стенки печи были сложены из кирпича, возможно сырцового, свод печи — из обожженной глины, фрагментированного кирпича и черепицы. Топка печи сложена из глины, в форме сводчатой камеры. Камера обжига имела размеры 1,97×1,62×1,5 м. В задней части сохранились остатки четырех дымоходных каналов, которые были закрыты кусками кирпича и сырой глины. В центральной части камеры было установлено по три кирпича в толщину и по три в длину. По краям печи уложены цепочки в один кирпич толщиной, далее все остальные дымоходы отсекаются рядами на более узкие 10 каналов. Несмотря на плохую сохранность, очевидно, что по конструкции раскопанная печь представляла собой горн с оборотным пламенем. Вторая печь располагалась здесь же, имела большие размеры и была разобрана еще в древности. Возможно, в этой печи обжигались кирпич и кровельная скульптура.

Чжурчжэньские кирпичи прямоугольной формы. Согласно данным, приведенным в литературе, они представлены пятью размерными стандартами (Артемьева 1998: 64). Самый распространенный стандарт кирпича имеет соотношение длины и ширины 2:1, размер 30–31×15×5 см. Кирпич использовался в жилищном строительстве: из него были сложены основания стен, печи, а кроме этого, он применялся в устройстве теплотехнических конструкций. Иногда чжурчжэни использовали черепицу и кирпич утилитарно: ими покрывались дымоходные каналы канов в жилищах; кирпич обнаружен также в очагах.

Кроме вышеперечисленных категорий строительной керамики в архитектуре использовались декоративные плиты. Декор этих изделий очень изыскан. На одной из таких плит изображен петух в окружении растений, на другой — павлин (рис. 7.14).

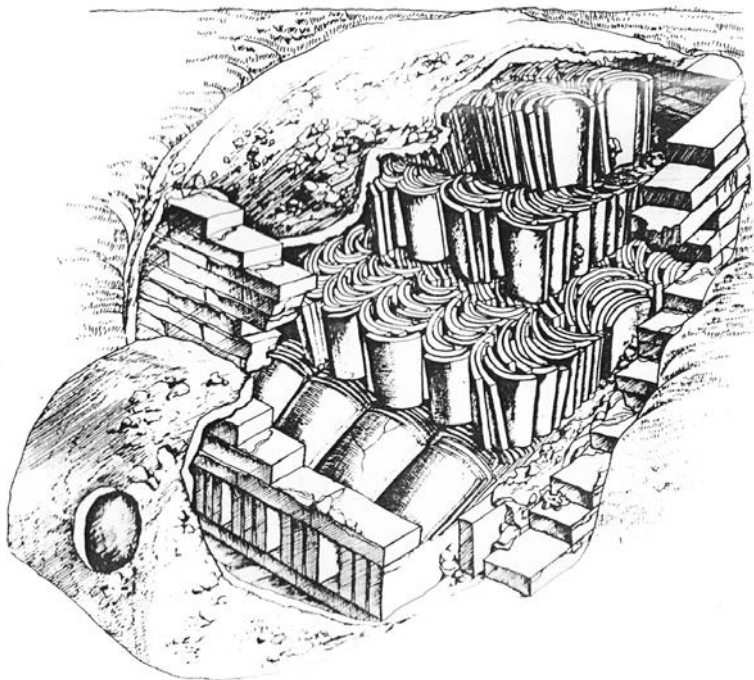

Рис. 7.13.

Печь для обжига черепицы (с. Сергеевка Партизанского района Приморского края).
Реконструкция (Васильев 1998)

Рис. 7.14.

Декоративная керамическая плита (Окладников 1959)

Близкими к керамическому производству являются **металлургия и металлообработывающее ремесло**. Следы производства в виде остатков производственных объектов — горнов и мастерских, зачастую представлявших собой отдельные комплексы, — обнаружены на многих чжурчжэньских памятниках: Красноярском, Шайгинском, Ананьевском, Новонежинском, Скалистом и Горнохуторском городищах, а также на городище Красный Мыс.

Часть из них являются большими производственными объектами. Планировка и размещение печей компактны, в одном месте преследовали, очевидно, цель создать максимальное удобство для их обслуживания, а также свести к минимуму количество специального персонала (Леньков 1974: 32). Например, на Шайгинском городище был исследован городской район в юго-западной части памятника, в котором функционировали подобные комплексы.

Мастерские 1, 2 и 5 являлись производственными площадками, где происходил полный цикл обработки металлов — от плавки до получения полуфабрикатов изделий из чугуна и цветных металлов и заканчивая кузнечными работами (Леньков 1974: 62). Недалеко от мастерских 3, 4, 6 находились жилые помещения работающих здесь ремесленников. Некоторые из прочих жилищ этого памятника также, очевидно, принадлежали ремесленникам и металлургам-надомникам. По мнению В.Д. Ленькова, здесь выплавляли железо в тиглях.

Большие производственные комплексы, по мнению исследователей, являлись государственными; те, что поменьше, возможно, принадлежали мастерам, работавшим на заказ.

Скалистое городище располагалось в непосредственной близости от пади Рудничной. Здесь были найдены залежи железной руды, и население занималось не только переработкой металла, но и его плавкой.

Следы металлообработывающего производства имеются на Горнохуторском и Екатерининском городищах. На Горнохуторском обнаружена площадка, где имеются шлаки и обломки изделий. Кроме этого, в другом месте найдены фрагменты керамических тиглей и отходы производства. В раскопе X среди жилищ обнаружены остатки плавильной печи, по конструкции аналогичной найденным на других чжурчжэньских памятниках, а также шлаки, корольки. В непосредственной близости от печи обнаружены два жилища, в которых, очевидно, проживали ремесленники, предположительно работавшие здесь же (Васильева 2012: 48–49).

Исследователями были выделены типы горнов и печей, что свидетельствует в пользу четкой специализации производства. В частности, были обнаружены горны двух типов — с принудительной подачей воздуха с помощью мехов и с подачей воздуха с помощью дымоходного канала (Леньков 1974: 89).

Плавильные печи также были двух видов. Одни из них предназначались для плавки чугуна из лома, для нагревания криц перед проковкой и плавки цветных металлов. Второй тип печей предназначался для переплавки криц, изготовления сырца, стали и цементации.

Помимо технических конструкций для работы с горячим металлом на чжурчжэньских памятниках часто находят весьма разнообразный инвентарь, позволяющий выполнять весь спектр кузнечных работ — ковку, варку и штамповку металла. Сюда относятся наковальни, клещи двух видов, молотки, напильники,

пробойники (бородки), кузнечные и слесарные зубила, молоты, штампы-отжимники, пинцеты и другой инструментарий. Подобные орудия являются универсальными, они применялись, очевидно, и для работы с цветным металлом. Кроме того, частыми находками являются инструменты для других работ, например деревообрабатывающих и сельскохозяйственных (см. рис. 7.15), а также бытовые предметы в виде металлической посуды, пружинных замков, ручек, ножниц, конской упряжи и пр. Изделия из чугуна представлены котлами, втулками ступиц тележных колес, чеками, весовыми гирьками (рис. 7.16, 7.17).

Чжурчжэни вели войны, поэтому нуждались в различного рода предметах вооружения; занимались изготовлением и производством различных доспехов и предметов конской сбруи (рис. 7.18, илл. 7.8) (Шавкунов В.Э. 1993; Прокопец 2012).

Цветная металлургия являлась частью металлургического производства чжурчжэней. Изделия из бронзы в виде наременной гарнитуры, зеркал, украшений и прочих предметов — довольно частая категория находок на чжурчжэньских городищах. Эти изделия, как правило, стандартны и однотипны, обнаруживают в своем составе устойчивые рецептуры бронзовых сплавов. Чжурчжэни применяли легирование свинцом и оловом, а также латунь, что свидетельствует в пользу «хорошо налаженного производства» (Конькова 1989: 85, 83). Как упоминалось выше, на памятниках находят инструментарий для работы с бронзой: пинцеты, а также льячки и тигли.

Таким образом, металлургическое производство являлось важной отраслью у чжурчжэней. Многообразие форм ремесла (государственное, частное, надомное), наличие разных видов сырья, возможность применения местной сырьевой базы, большой спрос у городского населения, разнообразие типов инструментария являются показателем высокого уровня специализации ремесла.

Развитые городские технологии проявились также в производстве различных изделий черной и цветной металлургии в виде массовых предметов быта и специализированных инструментов. Разнообразный ассортимент чжурчжэньской металлической посуды, самых элементарных, необходимых в быту вещей и инструментов свидетельствует о большой роли данной отрасли производства в экономике чжурчжэньских городов.

Исследования показали, что чжурчжэни имели хорошо отлаженную технологию выработки металла и изделий из него. Исследования выявили наличие товарообмена железными предметами между городищами (Леньков 1987: 107).

Кроме вышеперечисленных видов ремесел и производства у чжурчжэней несомненно существовали прядение и ткачество. На это указывают как археологические находки каменных и керамических пряслиц, так и отпечатки грубой материи на внутренней поверхности черепицы.

Наличие у чжурчжэней некоторых видов производства подтверждается косвенными признаками. Сюда можно отнести, например, стеклоделие и камнерезное ремесло. По мнению Г.Л. Силантьева, Шайгинское городище являлось крупным стеклообрабатывающим центром, местом производства стеклянных украшений и других изделий из разноцветного стекла (Силантьев 1987). Довольно часто в жилищах находят как кусочки минерального сырья, так и сами предметы в виде высокохудожественных украшений и парадной посуды из кварца, сердо-

лика, горного хрусталя и других пород, указывающие на то, что жители городища занимались камнерезным ремеслом. Несомненно, некоторые украшения могли быть привезены с территории Китая и Кореи.

Чжурчжэни в результате активных захватнических войн с соседями, завоевали большую часть сопредельных государств — Ляо и Сун, от которых они унаследовали многие культурные достижения и технологии, а также получили сильный толчок для развития своей аутентичной, оригинальной и многообразной культуры. В частности, это проявилось в создании собственной письменности. Чжурчжэньский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе. На городищах находят предметы с надписями как на чжурчжэньском, так и на китайском языке. Многие из чжурчжэньских надписей до сих пор не дешифрованы. На основе письменности киданей чжурчжэнями была создана морфемно-слоговая письменность — большое (1119 г.) и малое (1138 г.) чжурчжэньское письмо. К сожалению, о большом чжурчжэньском письме до сих пор практически ничего не известно (Певнов 2004: 3). Малым чжурчжэньским письмом написаны, как правило, личные клейма и письменные знаки на керамических сосудах, тавра, тушечнице, регистрационные надписи на бронзовых предметах — зеркалах, найденных в городах: у чжурчжэней существовала государственная монополия на добычу меди и производство бронзовых вещей. Часто надписи на бронзовых предметах содержат географические названия — местá их регистрации. Наряду с собственной письменностью чжурчжэни использовали и универсальную для всего Дальнего Востока китайскую иероглифику, что объясняется полиэтничностью чжурчжэньского государства, когда чжурчжэньский язык был понятен не всем жителям империи (Ивлиев 1978: 104–116). Китайскими иероглифами сделаны надписи на весовых гириях, печатах, предметах культа.

Чжурчжэни не были монотеистами. В городах обнаружено много находок, свидетельствующих о том, что они придерживались буддизма, даосизма, а также шаманизма. Религиозные верования носили, очевидно, синкретический характер. Можно предполагать существование чжурчжэньских городов в качестве религиозных центров. Об этом свидетельствуют находки некоторых весьма значимых культовых предметов. Так, например, в здании № 6 в Запретном городе Красноярского городища была обнаружена буддийская ваджра (Артемьева 2004: 102). Многие предметы лишь косвенно указывают на характер верований и мировоззрение чжурчжэней.

В последние годы были исследованы чжурчжэньские храмовые комплексы и могильные сооружения, находящиеся вне пределов городищ. Один из таких комплексов, по мнению исследователей, располагался на мысе Обрывистом в Шкотовском районе Приморского края. На вершине мыса, нависающего над морской бухтой, была обнаружена обвалованная земляная платформа, которая являлась остатками культового сооружения. Площадь сооружения 150 кв. м. К сожалению, проследить остатки колоннадной конструкции не удалось: предполагается, что колонны непосредственно опирались на естественное цокольное основание. Крыша постройки являлась четырехскатной и имела мощный черепичный настил, эстетически ничем не выделяющийся (Артемьева 2013: 38–39).

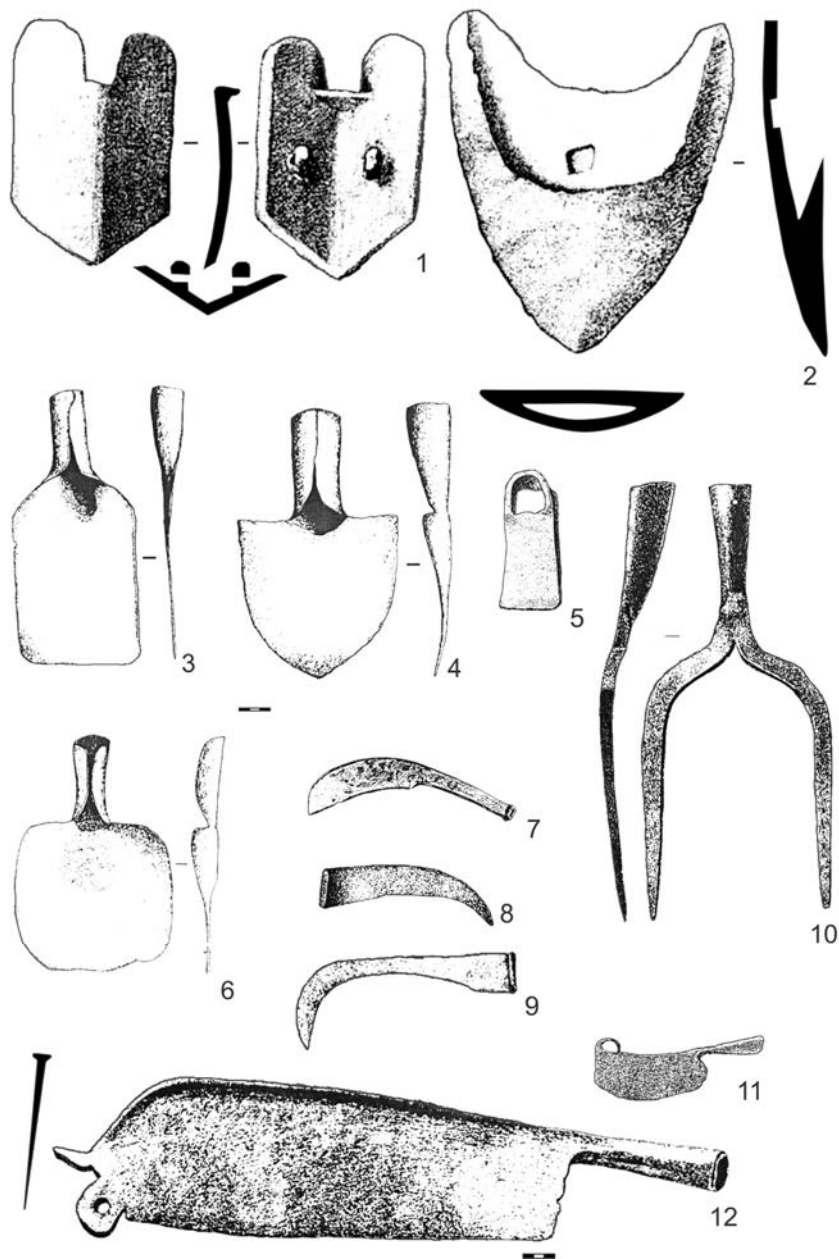

Рис. 7.15.

Металлические сельскохозяйственные орудия чжурчжэней (Болдин 2015):
1 — двухсторонний отвал (чугун); 2 — лемех (чугун); 3—4, 6 — лопаты (железо);
5 — мотыгообразное орудие (железо); 7—9 — серпы (железо); 10 — вилы (железо);
11 — сечка (железо); 12 — соломорезка (железо)

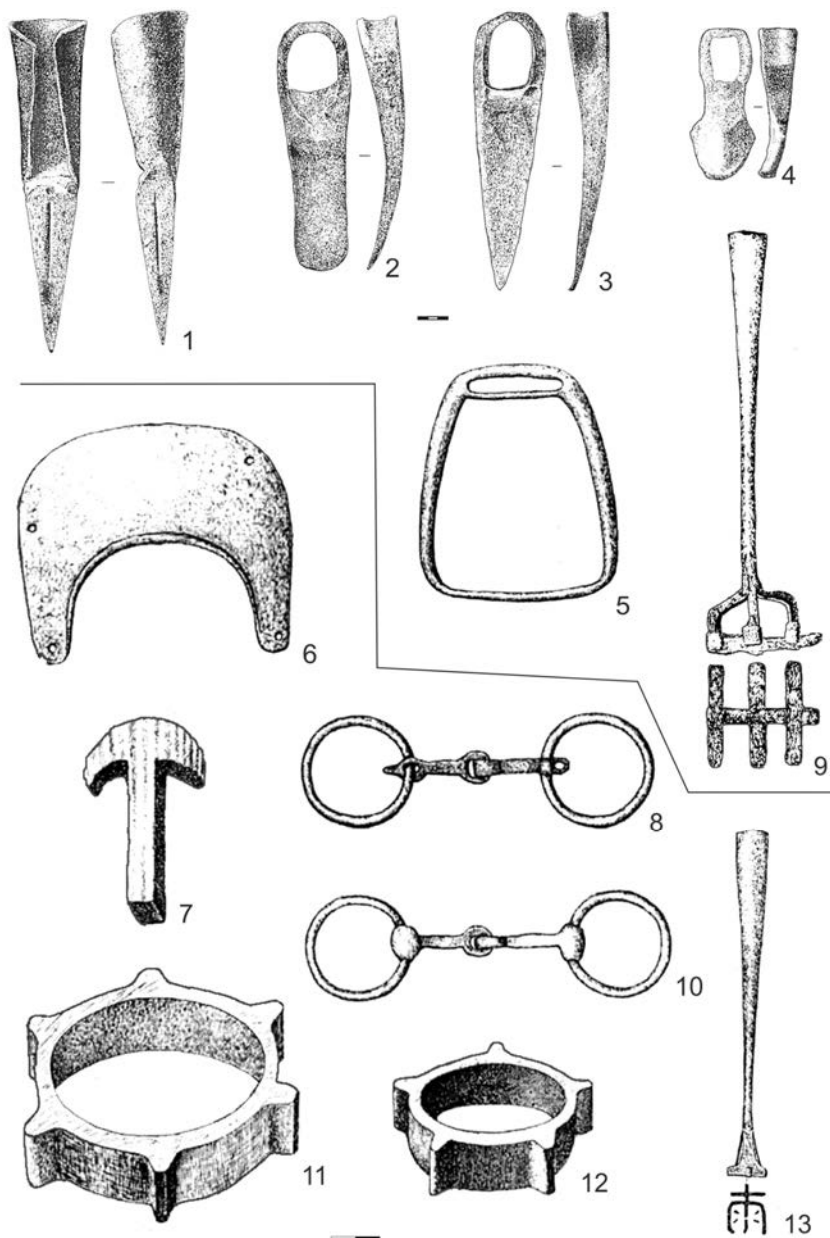

Рис. 7.16.

Металлические изделия чжурчжэней (Болдин 2015):

- 1 — пешня (железо); 2, 4 — мотыгообразные орудия (железо); 3 — кирка (железо);
 5 — стремя (железо); 6 — подмышечник для доспеха (железо);
 7 — чека втулки ступицы колеса (чугун); 8, 10 — удила (железо); 9, 13 — тавро (железо);
 11–12 — втулки ступицы колес (чугун)

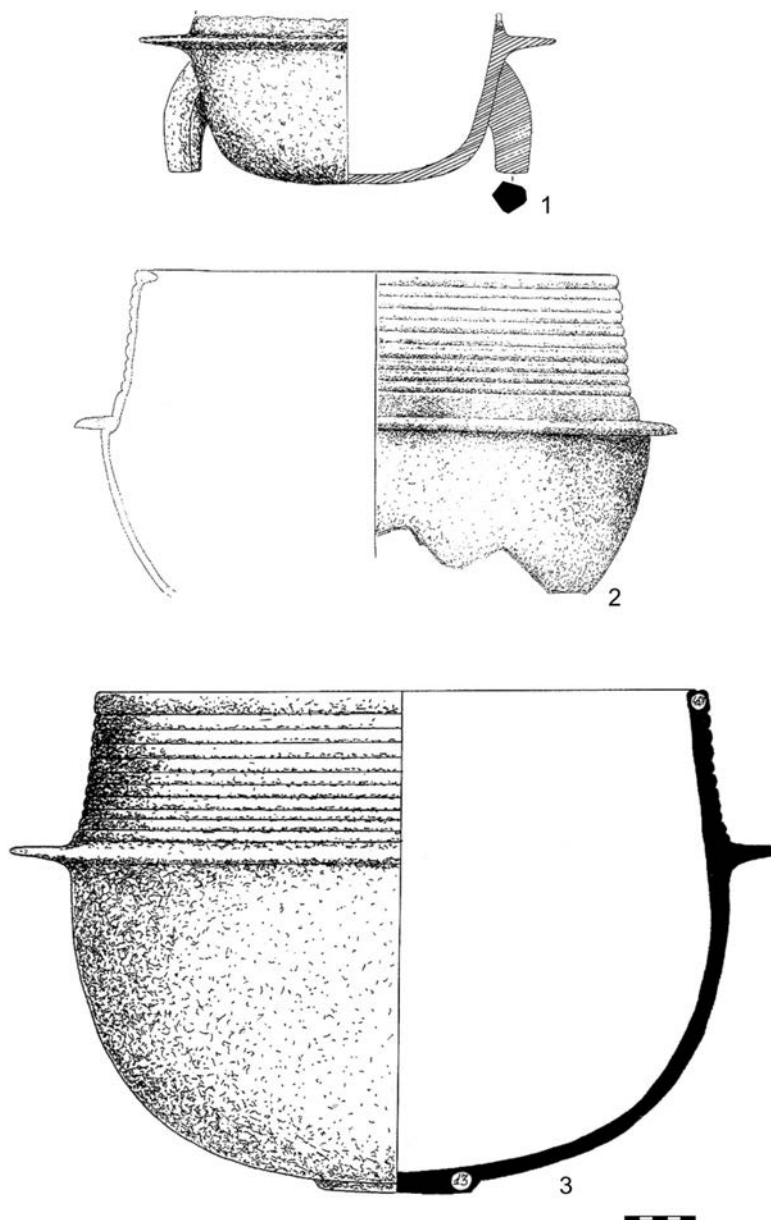

Рис. 7.17.

Металлическая посуда чжурчжэней Приморья — котлы из Новонежинского городища (Артемьева и др. 2012)

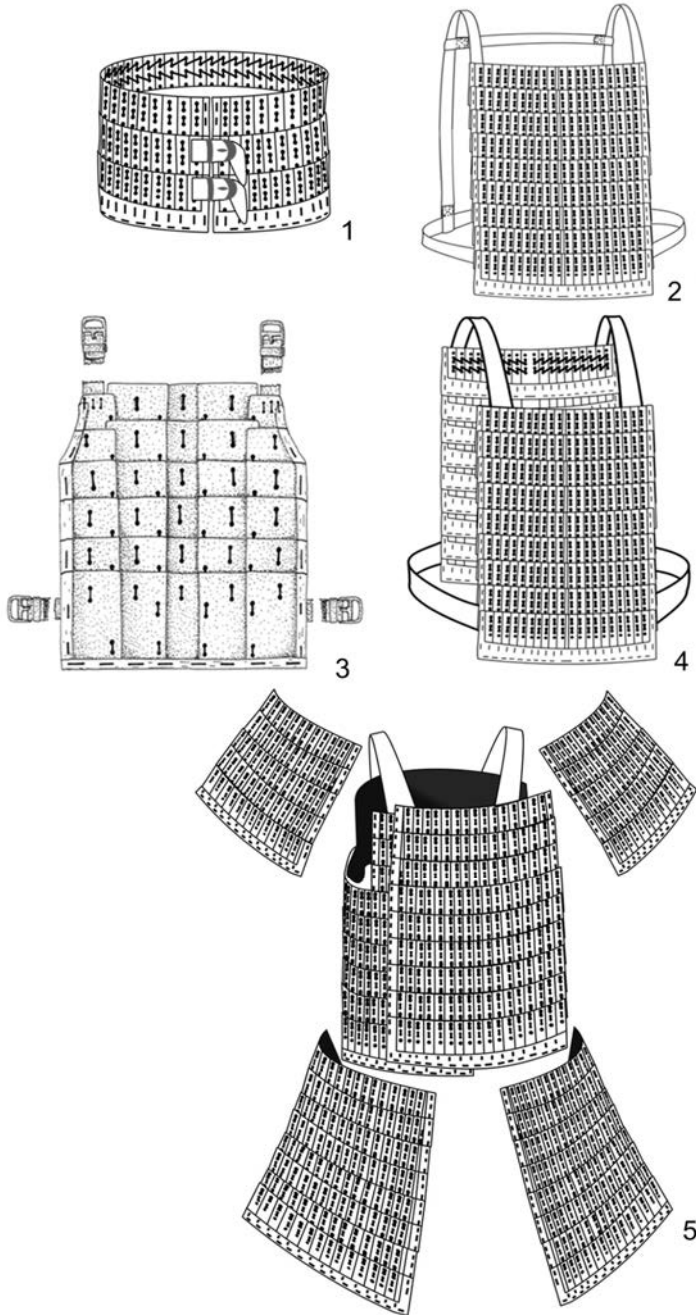

Рис. 7.18.

Графическая реконструкция доспеха чжурчжэней Приморья:
 1 — ламеллярный пояс; 2 — нагрудник; 3, 4 — кирасы; 5 — панцирь кавалериста

Подытоживая исследование чжурчжэньских городов и городской культуры, в целом можно констатировать, что они являлись опорой политической власти, сосредоточением административного аппарата, торгово-ремесленной жизни, выполняли военные функции.

На территории Приморья выявлены городища, имеющие различный государственный статус. Например, установлен город, имевший столичные функции, а именно Краснояровское городище — г. Кайюань, Верхняя столица чжурчжэньского государства. Шайгинское городище являлось областным городом (*фу*), а городища небольших размеров — военными поселениями (*моукэ*). Их топография, как и размеры, различны, однако наряду с индивидуальными чертами чжурчжэньские города имели общие особенности и планировку.

Чжурчжэньские горные городища имели четкое деление на кварталы. В городах отчетливо выделялись особые зоны — внутренние и запретные города, редуты. Хорошо была разработана система фортификации в виде валов и рвов, башен, ворот — обороны города от внешнего воздействия. Мотив выбора мест для строительства городов вполне понятен. Необходимо отметить возможную систему оповещения в случае опасности: все городища расположены на определенном расстоянии друг от друга. В городах аккумулировались продуктовые запасы и вооружение на случай войны с внешним врагом. Каждая крепость имела продуманную систему фортификации, была обеспечена водой и являлась практически неуязвимой.

Города также старались обеспечить себя необходимыми продуктами питания и бытовыми предметами. Их система жизнеобеспечения носила сложный, комплексный характер. Городское ремесло находилось на высоком уровне развития, с четкой системой внутриотраслевой специализации. Предположительно, существовали цеховые организации — объединения ремесленников одной специальности. Материальная культура чжурчжэньских городов была весьма развита и очень разнообразна.

Причины гибели чжурчжэньских городищ пока неясны.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Источники для реконструкции сельского хозяйства средневекового населения юга Дальнего Востока России

Для реконструкции хозяйства средневекового населения Дальнего Востока используют прямые и косвенные источники. Анализ первых позволяет убедительно реконструировать тот или иной компонент хозяйства. Среди них выделяются две основные группы — археологические и археобиологические (археоботанические и археозоологические). К археологическим источникам относятся в первую очередь артефакты, т.е. орудия труда (их части), чьи сельскохозяйственные функции не вызывают сомнений (например, металлические части пропашных орудий), а также археологические объекты, технологически связанные с земледелием или животноводством (остатки сельскохозяйственных полей, ирригационных систем, загонов для содержания скота и пр.)¹. Археобиологические источники — это остатки культурных растений и домашних животных, сохранившиеся в археологических отложениях. Растительные остатки, как правило, это макроостатки (прежде всего семена и плоды), которые, в отличие от микроостатков (пыльца, фитолиты, остатки крахмала), могут быть надежно идентифицированы². Остатки животных — идентифицируемые части скелета (целые кости

¹ Подобное их предназначение должно быть убедительно доказано.

² Все археоботанические источники могут быть разделены по размеру и, соответственно, по методикам их исследований на две группы: микроостатки и макроостатки. К микроостаткам относятся неразличимые визуально: споры и пыльца (пыльцевые зерна), фитолиты, фрагменты паренхимных и иных растительных тканей, растительные волокна, зерна крахмала и т.д. Макроостатки можно выявить невооруженным глазом. Формально к таким остаткам относят те, чьи размеры более 100 мкм. Это семена и плоды, объединяемые термином «карпоиды», а также древесина, стебли, листья и иные относительно крупные части растений (соцветия, фрагменты колосьев, початки кукурузы и т.п.) (Сергушева 2013: 15). Для их изучения тоже требуется оптическое оборудование.

или их фрагменты). Кроме этих источников к прямым источникам относятся письменные документы — средневековые китайские нарративы. Отдельные сведения, содержащиеся в них, могут использоваться для реконструкции земледелия и животноводства, но лишь после серьезного анализа конкретного источника и убедительного соотнесения этих данных с конкретной группой населения, временем и ареалом обитания, что удается далеко не всегда.

Косвенные источники позволяют реконструировать земледелие и животноводство лишь в предположительной форме. Они в целом аналогичны источникам, выделяемым среди прямых данных, — археологическим, археобиологическим, письменным. Этот список может быть дополнен данными с сопредельных территорий, а также сведениями эколого-географического характера, позволяющими делать выводы о соответствии природно-климатических условий конкретной местности занятиям земледелием и животноводством в определенное время.

Наиболее убедительные реконструкции возможны при использовании всех видов источников. Но культуросодержащие отложения археологических памятников российского Дальнего Востока в большинстве случаев содержат ограниченное число и количество источников³. Получаемый на основе их анализа результат не всегда выглядит убедительно, особенно при использовании исключительно косвенных данных. Безусловно, для наиболее полной реконструкции компонентов сельского хозяйства важны оба типа источников при ведущей роли прямых данных.

Реконструкция сельского хозяйства на юге российского Дальнего Востока в средние века представляет серьезные трудности из-за малочисленности источников. Особенно остро ощущается нехватка прямых данных для реконструкции объектов земледелия и животноводства, относящихся к раннему средневековью. Основную «отрицательную роль» в этом играют почвы дальневосточного региона, которые характеризуются кислым составом, как и почвы многих регионов мира. Органические остатки, попавшие в такие почвенные отложения, быстро разлагаются микроорганизмами. В этих условиях сохраняются только карбонизированные органические материалы. В условиях археологических памятников карбонизация (обугливание) является результатом прямой или опосредованной деятельности человека. Вероятность карбонизации растительных остатков в археологических отложениях всегда была достаточно высокой, так как в древности и средневековье человек повсеместно и широко использовал открытый огонь. Это при одновременном большом содержании продуктов и материалов растительного происхождения в окружении человека, обусловленном их широким использованием для обеспечения жизнедеятельности, способствовало сохранению их значительного числа в отложениях археологических памятников. Для извлечения таких остатков используется водная флотация — эффективная и доступная в исполнении методика (Сергушева 2013: 16). Карбонизированные костные остатки животных, поддающиеся идентификации, в отложениях средневековых

³ Это особенно справедливо для ранних средневековых памятников, чьи культуросодержащие отложения, как правило, не очень мощные, с низким содержанием находок.

археологических памятников Дальнего Востока встречаются чаще, чем на памятниках первобытного времени. Но не всегда сохранность этих остатков является удовлетворительной.

Считается, что основой экономик раннесредневековых государств на территории Дальнего Востока России были земледелие и животноводство. Соотношение между этими отраслями хозяйства определяют природно-климатические условия и культурно-историческое наследие. Реконструкция этих отраслей средневековой экономики затруднена недостатком данных. Содержащиеся в китайских летописях сведения о северных и восточных варварах — народах, проживавших на периферии китайской цивилизации и за ее пределами, — как правило, отрывочны и не позволяют составить целостного представления о хозяйстве этого населения, а также убедительно соотнести поименованное в данных источниках население с конкретными археологической культурой или ареалом расселения.

Археологические источники малочисленны и не всегда позволяют в полной мере реконструировать компоненты средневековых экономик. В последние годы к решению этой задачи был подключен археоботанический подход. Это позволило получить прямые данные для реконструкции использования растений средневековым населением Приморья, для восстановления списочного состава культурных растений, а также выявления экономической значимости различных сельскохозяйственных культур для отдельных районов и периодов. Однако дальнейшее выполнение таких реконструкций осложняет практически полное отсутствие аналогичных данных с территории Северо-Восточного Китая, который в средние века являлся цивилизационным центром по отношению к южным территориям современного Дальнего Востока России, являвшимся его периферией (первоначально дальней, а после включения в границы государств и развития экономических связей — ближней периферией).

Агроклиматические условия юга Дальнего Востока России

Физико-географические условия на большей части территории Дальнего Востока России не пригодны для ведения земледелия и животноводства. В тех же дальневосточных районах, где производство земледельческой и животноводческой продукции возможно, оно связано, как правило, со значительными рисками, уменьшить которые удастся с разной степенью результативности благодаря современным технологиям и достижениям сельскохозяйственной науки. Ведение земледелия и животноводства возможно лишь на юге региона — в Приморье и Приамурье, и то не повсеместно, а лишь в отдельных районах, составляющих основу современного сельскохозяйственного фонда. В Приморье это Приханкайская низменность, в Приамурье — южная часть Зейско-Буреинской равнины.

Рассмотрим подробнее агроклиматические ресурсы Приморья — территории, в той или иной степени входившей в состав государственных образований, о которых идет речь в настоящей книге.

Агроклиматические условия на территории Приморского края

Специфика агроклиматических ресурсов Приморья определяется неоднородностью его климатических и физико-географических условий. На территории Приморского края важнейшими факторами, влияющими на агроклиматические условия, являются термический режим, режим влажности и суровость зимы (условия перезимовки озимых культур). Последним в отношении средневекового земледелия можно пренебречь, так как озимые посевы не практиковались на этой территории вплоть до появления русского населения. Термический режим и режим влажности являются ведущими факторами для выявления районов с оптимальными условиями для ведения сельского хозяйства. Исходя из современного агроклиматического районирования Приморского края (Агроклиматические ресурсы... 1973), к местам с наилучшими условиями для возделывания сельскохозяйственных культур относится Раздольно-Приханкайская равнина. Ее климат характеризуется как наиболее теплый, умеренно-влажный или влажный. Агроклиматические условия южных районов, расположенных ближе к морскому побережью, хотя и имеют сходные термические показатели, но в целом хуже из-за близости моря. В этих районах в большей степени проявляется муссонный характер приморского климата. Погода этих районов во время вегетационного периода характеризуется туманами, повышенной облачностью, морозящими осадками и сниженной эффективностью солнечной радиации (Агроклиматические ресурсы... 1973: 13–14). Все это, но в большей степени, относится к районам на морском побережье, где успешное занятие земледелием возможно на значительном удалении от моря или в долинах, чья топография уменьшает его негативное влияние. Северные районы края имеют низкие термические показатели. При этом лучший режим влажности имеют территории районов, удаленных от морского побережья, в том числе за счет барьерного эффекта, создаваемого Сихотэ-Алиньским хребтом, протянувшимся с севера на юг параллельно береговой линии.

Таким образом, самые оптимальные агроклиматические условия в пределах Приморского края имеет область Раздольно-Приханкайской равнины и прилегающие к ней территории, в том числе долина р. Раздольная. В настоящее время именно здесь находятся основные сельскохозяйственные мощности края. Остальные территории могут быть использованы для занятия земледелием, хотя это связано, как правило, с большими рисками.

Краткая история земледелия на юге Дальнего Востока России

Земледелие и животноводство, как компоненты производящего хозяйства в южной части Дальнего Востока, реконструируются неодинаково. Благодаря применению археоботанического подхода при изучении археологических памятников к настоящему времени получены данные об отдельных этапах истории земледелия. На этом фоне изучение животноводства в дальневосточном регионе очень сильно отстает из-за отсутствия источников — в отложениях первобытных памятников не сохраняются остеологические материалы. Поэтому, предваряя

рассказ об истории производящего хозяйства на юге Дальнего Востока России в эпоху средневековья, я вынужденно акцентирую внимание на истории земледелия, так как о раннем животноводстве нам ничего доподлинно не известно.

Земледелие на территории современного Дальнего Востока России, прежде всего его южной части (Приморье), имеет относительно древнюю историю. Самые ранние прямые свидетельства его существования на этой территории относятся к позднему неолиту и датируются 5600–5450 кал.л.н. (Krounovka 1 site... 2004). Установлено, что земледельческие навыки и культурные растения появляются на этой территории с новым населением (зайсановская культурная традиция) (Вострецов и др. 2003), мигрировавшим из смежных районов Северо-Восточного Китая, где земледелие появилось еще раньше, о чем свидетельствуют находки культурного проса (7670–7610 кал.л.н.) в отложениях ранненеолитической культуры синлунва на юго-западе Маньчжурии (Zhao 2011: 301).

Просяное земледелие присутствовало в системах жизнеобеспечения у населения юга Дальнего Востока России и в последующие культурно-хронологические периоды (ранний палеометалл, железный век, раннее средневековье), что подтверждают прямые свидетельства (Андреева и др. 1986; Янушевич и др. 1990; Батаршев и др. 2014; Слепцов и др. 2008; Коломиец 2001; Сергушева 2005; 2010; 2013; и др.). Его эволюция проходила за счет увеличения видов и количества выращиваемых растений, что требовало развития технологии. Если в поздненеолитических отложениях памятников зайсановской культуры зафиксированы семена двух видов культурного проса (обыкновенного и итальянского) и в единичном случае периллы (Сергушева 2013), а в отложениях периода раннего палеометалла также только два вида проса (Батаршев и др. 2015: 31), то в раннем железном веке на территории Приморья население помимо культурного проса выращивало голозерный ячмень, пшеницу, сою, коноплю (Янушевич и др. 1990: 5–7; Слепцов и др. 2008). Как и прежде, новые виды культурных растений проникли на эту территорию в середине I тыс. до н.э. в результате миграции из Северо-Восточного Китая носителей кроуновской культуры раннего железного века. Земледелие являлось основой экономики у этого населения (Вострецов 2005: 175, 177). В последующем роль производящих форм хозяйства возрастала. Как полагают исследователи, земледелие и животноводство к средним векам стали той экономической основой, которая способствовала вхождению этой территории в состав ранних государственных образований (там же: 177).

Земледелие на территории российского Дальнего Востока в средние века (VI–XIII вв.)

1. Земледелие на территории юга российского Дальнего Востока в раннем средневековье (VI–VIII вв.) — мохэская археологическая культура

В раннем средневековье на территории юга Дальнего Востока России и сопредельных территориях Северо-Восточного Китая проживали носители мохэ-

ской археологической культуры — огромной культурно-исторической общности тунгусо-маньчжур, повлиявшей на последующие культурно-исторические события в регионе.

С мохэской археологической культурой в той или иной степени связаны происхождение и эволюция последующих средневековых культур Дальнего Востока и средневековых государств Бохай, Цзинь (Восточное Ся) (Деревянко Е.И. 1981: 32). Собирательное название ее носителей *мохэ* или *уци* (*уцзи*) известно из китайских династийных хроник. Полагают, что это население было тунгусо-маньчжурским и занимало особое место в средневековой истории региона, так как именно с ним, точнее с одним из его наиболее сильных объединений — *сумо мохэ*, связано создание в 698 г. самостоятельного мохэского государства Чжэнь (в последующем государство Бохай) во главе с Да Цзожуном. Его возникновение в это время оказалось возможным благодаря достаточному уровню социально-экономического развития мохэского общества и стечению исторических обстоятельств (Ивлиев 2003: 316–317; 2005: 449–453). Данное историческое событие произошло в долине верхнего течения р. Муданьцзян, т.е. относительно далеко от территории современного юга Дальнего Востока России. Влияние мохэского государства на окружение было сильным, и его границы расширялись. В восточном направлении этот процесс не встречал организованного противодействия по причине отсутствия каких-либо государственных образований на этой территории. Очевидно, что продвижение на восток было ограничено только способностью самого государства контролировать и удерживать завоеванные территории. Согласно современным исследованиям, вхождение в границы Бохайского царства юго-западных районов Приморья началось в первой половине VIII в. (Болдин 2002: 184; Ивлиев 2005: 454–457).

Мохэская археологическая культура имеет значительную протяженность в пространстве (центральные и юго-восточные районы Северо-Восточного Китая, Приморье и Приамурье) и во времени (VI–XI вв.). В Приморье среди памятников с мохэским археологическим материалом выделяются памятники добохайского (т.е. до вхождения этого региона в границы государства Бохай (698–926)) (VI–VII вв.), бохайского (VIII–IX вв.) и постбохайского времени (X–XI вв.) (Пискарева 2005: 419). Мохэский материальный компонент относительно дискретно продолжал существовать в материальной культуре средневекового населения Приморья не только во времена этого государства, но даже после его гибели (Болдин 1996б: 79).

Считается, что основу экономики мохэского населения составляло земледелие. Данный вывод основан на анализе косвенных сведений — китайских летописей и на материалах других археологических культур региона, в том числе предшествующего времени (Деревянко Е.И. 1981: 34–44). Летописные источники свидетельствуют о широком ареале расселения мохэских владений (от южной Маньчжурии до р. Амур и моря на востоке), а также о разнообразных системах хозяйства этого населения. Так, в 94-й главе «Истории северных династий» («Бэй ши»), озаглавленной «Повествование об уцзи», указывается на существование у уцзи, проживавших в южном ареале расселения, пашенного земледелия, при котором «землю пахут парю лошадей. Земля более произращает просо и пшеницу...». Одновре-

менно с этим упоминается об уззи, проживавших восточнее и использовавших каменные наконечники стрел во время охоты (Бичурин 1950б: 70). По-видимому, экономическое развитие проживавших в различных ареалах носителей одной, хотя и очень большой этнической группы было неравномерным, на что указывали исследователи (Деревянко Е.И. 1981: 52; Никитин 2005: 520). Таким образом, представляется некорректным проецировать сведения из китайских летописей на всё мохэское население без подтверждения археологическими источниками.

Мохэ, проживавшие в южных районах своего расселения — на юго-востоке Маньчжурии, — непосредственно контактировали с китайской цивилизацией (династия Северная Вэй, позже династии Суй и Тан). Очевидно, что сведения китайских летописей об этих народах вполне надежны. Не должны вызывать сомнений сообщения о том, что это население занималось пашенным земледелием, выращивая просо⁴ и пшеницу. Хотя археоботанические данные с памятников первой половины I тысячелетия юга Маньчжурии отсутствуют⁵, такие сведения имеются для смежных регионов. Известно, что у населения Корейского полуострова уже в начале эпохи бронзы, т.е. около 3500 л.н., существовало поликультурное земледелие (Archaeobotanical... 2015). Кроме двух видов проса население полуострова выращивало рис, голозерный ячмень, мягкую пшеницу, сою, фасоль адзуки (Lee et al. 2011). На памятниках ранних корейских государств (Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.), Пэкче (18 г. до н.э. — 663 г.), Силла (57 г. до н.э. — середина VII в.), Кая (42 г. до н.э. — 562 г.)) находят семена риса, ячменя, пшеницы, сои, фасоли, просяных (итальянское, японское и обыкновенное просо), тыквы-горлянки, дыни, персика. В летописях «Самгук саги» и «Самгук юса», описывающих события первой половины I тысячелетия, связанные с тремя ранними корейскими государствами, часто упоминается ячмень, фигурирует и просо. Ими награждали отличившихся чиновников и воинов. Имеются в этих источниках и упоминания о рисе. Со временем они становятся более частыми⁶. Все это позволяет с высокой долей вероятности говорить о том, что мохэские владения в южных ареалах своего расселения занимались сельским хозяйством, на что указывают и китайские нарративные источники.

Что же касается носителей мохэской археологической культуры, проживавших в восточных и северо-восточных районах своего расселения, т.е. на территории современного российского Дальнего Востока (Приморье и Приамурье), то вопрос о месте производящего хозяйства в их экономике не решен из-за недостатка данных. Ни на одном памятнике мохэской культуры добохайского времени, исследованном на территории Приморья, не найдены артефакты, однозначно связанные с земледелием⁷. Не известны они и на территории Приамурья.

⁴ В приведенном переводе вид проса не указан.

⁵ Такие данные нам не известны. Археоботанический подход применяется в археологии Северо-Восточного Китая ограниченно.

⁶ Информация предоставлена сотрудником Института культурного наследия Республики Корея М.А. Стоякиным.

⁷ Артефакты двойного назначения (лопаты, мотыги и т.п.) в категории сельскохозяйственных орудий не рассматриваются, так как они могли использоваться для иных целей (рытье ям, котлованов жилищ и т.п.).

Более того, целенаправленный поиск остатков культурных растений с использованием водной флотации на нескольких памятниках мохэской культуры в Приморье также не дал ясного результата (табл. 1). Так, при исследовании мохэского жилища на поселении Борисовка-3 профлотировано более 600 л грунта из нижней части его заполнения и обнаружены всего две зерновки культурных растений (просо итальянское (*Setaria italica*) и голозерный ячмень (*Hordeum vulgare* var. *nudum*)). По керамическому материалу поселение датировано V–VII вв. (Сергушева и др. 2010). Аналогичные усилия, предпринятые на памятнике Барабаш-5 (четыре ^{14}C датировки которого укладываются в VI–VII вв.), позволили получить единичные зерновки проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*). Столь низкая насыщенность семенами культурных растений отложений исследованных жилищных комплексов не позволяет убедительно реконструировать значимую роль земледелия в хозяйстве данного населения. В отложениях исследованных жилищ содержится очень мало археологических находок, что в целом характерно для мохэских памятников. По-видимому, жилища использовались непродолжительное время, были оставлены в спокойной обстановке и все более или менее ценные вещи обитатели забрали с собой. Но при условии сколько-нибудь значимой роли земледелия данное предположение не объясняет единичности находок семян культурных растений.

Имеющиеся археоботанические данные дают основания говорить о том, что носители мохэской культуры западного Приморья в добохайское время выращивали два вида проса (итальянское и обыкновенное) и голозерный ячмень, но не позволяют реконструировать роль земледелия у этого населения. При этом не ясно, был ли данный набор растений характерен для всех групп мохэского населения юга Дальнего Востока. Замечу, что единичные семена этих же видов растений были получены недавно из отложений жилища мохэской культуры поселения на Осиновом Озере (Западное Приамурье) (Сергушева и др. 2017).

Реконструкция систем земледелия у носителей мохэской культуры пока невозможна из-за отсутствия данных. Не исключено, что отсутствие находок пахотных орудий на мохэских памятниках может свидетельствовать о существовании подсечно-огневой системы земледелия. Известно, что при этой системе вспашка земли не требовалась, но были необходимы орудия для производства подсеки (Петров 1968). У мохэсцев могло существовать пойменное земледелие (пашенное или мотыжное). В этом случае земледельческие участки находились в речных поймах, на легких аллювиальных почвах. Для их обработки могли использоваться исключительно деревянные орудия, не сохранившиеся в археологических отложениях. Анализ местонахождений мохэских поселений добохайского времени не дает однозначного ответа о вероятной системе земледелия, так как они располагались в местах, пригодных для ведения обеих систем.

Реконструкция животноводства у мохэского населения пока невозможна из-за отсутствия надежных для этого источников — находки костных остатков животных слишком редки в отложениях раннесредневековых памятников, но даже в случае их обнаружения они не изучались специалистами.

2. Сельское хозяйство на территории юга российского Дальнего Востока во времена государства Бохай

В результате расширения границ бохайского государства в его состав вошли западные и юго-западные территории современного Приморья, заселенные мохэсками (Болдин 2002: 184; Ивлиев 2005: 454–457; Никитин 2005). С этого времени вектор культурной эволюции на территории российского Дальнего Востока радикально изменился. Несмотря на то что на протяжении всей истории Бохая эта территория оставалась восточной периферией государства и ее связи «с центральными регионами Бохая в целом оставались неразвитыми» (Крадин 2005: 440), ее включение в состав мохэского государства привело к значимым экономическим и культурным изменениям, в том числе и в сельском хозяйстве.

Сельскому хозяйству на территории Приморья во времена государства Бохай посвящены отдельные исследования, в которых анализировались артефакты и костные остатки с отдельных бохайских памятников (Алексеева, Болдин 1986, 1989; 1994; Алексеева и др. 1996; Болдин 1987). Обзорные работы, посвященные реконструкции различных аспектов земледелия и животноводства, единичны и отличаются обзорным характером изложения (Семениченко, Болдин 1981; Государство... 1994; Болдин 1994; 1996). В последние годы на археологических памятниках бохайского времени в Приморье ведется систематический и целенаправленный отбор археобиологических материалов (растительных и костных остатков). Изучение первых позволило получить новые данные о земледелии и его динамике на этой территории. Коллекции костных остатков животных ждут своих исследователей.

2.1. Земледелие на юге Дальнего Востока России как северо-восточной периферии государства Бохай

В сравнении с предыдущим периодом реконструкция земледелия на этой территории во времена существования государства Бохай осуществлена при анализе бóльшего количества прямых данных. При этом находки орудий труда, имевших отношение к земледелию, на памятниках этого периода все еще редки. Большая часть прямых данных — это семена культурных растений, находки которых становятся многочисленными на памятниках этого времени. Их анализ позволяет рассмотреть процесс эволюции земледелия в динамике от начального периода включения юго-западного Приморья в состав Бохая (первая половина VIII в.) и до разгрома государства киданями, а также некоторое время после этих событий (X в.).

Начальный этап включения части территории современного Приморья в границы государства Бохай представлен материалами нижнего горизонта обитания на памятниках Чернятино-5 и Синельниково-1. Это материалы мохэской культуры, которые содержат элементы, свидетельствующие о влиянии бохайской археологической культуры. Материалы этих памятников, как и целого ряда других, расположенных в долине верхнего и среднего течения р. Раздольная, свидетель-

ствуют о процессе присоединения данной территории к Бохайскому государству (Никитин 2005: 526–527). Очевидно, долина этой реки являлась основной магистралью данного процесса. При раскопках могильника Чернятино-5 и городища Синельниково-1 были получены коллекции семян растений. Их анализ показал преобладание остатков культурных растений в отложениях жилищных комплексов обоих памятников. Был восстановлен не только идентичный видовой состав культурных растений (четыре вида) (табл. 1), но и выявлено сходное процентное соотношение между их остатками (илл. 8.1). Количественные подсчеты семян культурных растений однозначно свидетельствуют о ведущей роли проса и меньшей значимости сои и голозерного ячменя в хозяйстве населения обоих памятников (Сергушева, Пискарева 2007; Сергушева 2016а). Обилие находок семян культурных растений на этих памятниках подтверждает значительную роль земледелия в экономике данного населения (Сергушева 2016а, б). В пользу этого свидетельствуют и косвенные археологические данные (Никитин 2005: 525).

После того как юго-западное и южное Приморье стали частью государства Бохай с учрежденной областью Шуайбинь (долина р. Раздольная) и округом Яньчжоу области Лунъюаньфу Восточной столицы (южная часть современного Хасанского района), происходит экономическое развитие этих районов. Имеющиеся у нас данные позволяют предполагать аграрный вектор этого развития. Так, на памятниках бохайского времени по сравнению с предыдущим периодом увеличивается число находок сельскохозяйственных артефактов (см. рис. 3.9: 8, 12), более многочисленными становятся остатки культурных растений, значительно расширяется список возделываемых культур. Это свидетельствует о возросшем технологическом уровне земледелия и его значении. Остатки культурных растений обнаружены на всех бохайских памятниках, где применялась методика водной флотации (городища Краскинское, Горбатка, поселения Чернятино-2 и Абрикосовское) (Sergusheva 2014). Кроме того, на ряде памятников визуально фиксировались зерновые скопления (городище Николаевское-2 (соя?), селище Константиновское-1) (Болдин 1994: 9; Государство... 1994). Об увеличении количества получаемого зернового продукта на бохайских памятниках свидетельствует присутствие семян культурных растений как в заполнениях жилищ, так и в отложениях нежилых объектов (дороги, межжилищное пространство). Список выращивавшихся растений значительно расширился к этому времени. На бохайских памятниках обнаружены семена более десяти видов культурных растений: просо итальянское, просо японское, просо обыкновенное, ячмень голозерный и пленчатый, пшеница мягкая, соя культурная, фасоль угловатая, горох посевной, чечевица посевная (?), гречиха посевная, перилла, конопля посевная, канатник Теофраста, крестоцветное растение (возможно, капуста *Brassica sp.*) (табл. 1) (Сергушева 2011: 89). Семена некоторых растений из этого списка (ячмень пленчатый, чечевица, горох, гречиха, конопля, канатник) обнаружены лишь на отдельных памятниках Приморья в единичных экземплярах. Но остатки проса итальянского, японского и обыкновенного, голозерного ячменя, мягкой пшеницы, сои, угловатой фасоли, периллы присутствуют на всех исследованных памятниках, иногда в значительных количествах (илл. 8.2). Именно эти культурные растения составляли основу

бохайского земледелия на юге Дальнего Востока России при ведущей роли итальянского и японского проса, о чем свидетельствуют частотность их находок и количественные подсчеты (илл. 8.1) (Сергушева 2002а; 2011; Sergusheva 2014: 113–115). Вне сомнения, просо японское, пшеница, ячмень пленчатый, гречиха посевная, фасоль угловатая и другие культурные растения имели бохайское происхождение, так как их находки отсутствуют на памятниках Приморья предшествующего периода.

С вхождением в состав государства Бохай территории юго-западного Приморья изменилась направленность земледелия у местного населения. В земледельческую культуру был интродуцирован целый комплекс совершенно новых для этого района видов растений. Главными земледельческими культурами у населения бохайских областей Приморья становятся просо японское и просо итальянское. При этом сокращается выращивание проса обыкновенного. Количество его семян не превышает 3–4% от общего числа семян культурных растений для любой из изученных коллекций бохайских памятников (Sergusheva 2014). Таким образом, после включения части территории современного Приморья в границы Бохая происходит полная трансформация местного земледелия. Оно переориентируется на выращивание двух видов проса, одно из которых (японское) является совершенно новым для данной территории. Одновременно увеличивается список видов культурных растений и значительно сокращается производство проса обыкновенного (илл. 8.1).

Пока открытым остается вопрос о причинах и конкретных механизмах этой трансформации. Мы не знаем, произошло ли это в результате культурного обмена и принятия местным (мохэским) населением технологий, привнесенных экономически более развитыми «пришельцами», или же явилось итогом переселения на вновь присоединенные территории пришлого населения (также мохэского) с сохранением их привычного хозяйственного уклада. Археологические данные пока не дают однозначного ответа. Отсутствие для этого периода археоботанических данных с сопредельных территорий Северо-Восточного Китая не позволяет делать выводы о том, является ли подобная смена ведущих компонентов в наборе культурных растений общей тенденцией для бохайского земледелия или же это явление локального характера. Отметим, что для археологических памятников Северо-Восточного Китая последующего времени, т.е. относящихся к династиям Ляо и Цзинь, известен практически такой же набор культурных растений⁸ (Zhao 2016: 42). Вероятно, подобный набор культурных растений к этому времени стал традиционным для данного региона.

*Технологические аспекты земледелия
в северо-восточной периферии государства Бохай*

Нет сомнений, что для выращивания столь разнообразного набора сельскохозяйственных культур требовались не только обширные агробиологические зна-

⁸ Очевидно, аналогичный набор культурных растений выращивался в Северо-Восточном Китае и ранее, во времена династий Суй и Тан. Но подобные данные для этого периода отсутствуют.

ния и приемы, но и соответствующий инвентарь. Очевидно, большая его часть изготавливалась из материалов, не сохранившихся в отложениях археологических памятников Приморья. Это не позволяет доподлинно реконструировать разнообразные трудовые операции, связанные с обработкой почвы, посевом, выращиванием и сбором урожая, его хранением. Но даже немногочисленные земледельческие артефакты, обнаруженные на бохайских памятниках, не только позволяют реконструировать некоторые из этих операций, но также свидетельствуют об увеличении получаемого земледельческого продукта, подтверждая в целом возросшую роль земледелия у населения юга современного российского Дальнего Востока в это время по сравнению с предыдущим периодом.

Попытка реконструировать технико-технологические аспекты земледелия на бохайских памятниках Приморья представлена в работах Л.Е. Семениченко и В.И. Болдина. Считается, что это население занималось пропашным грядковым земледелием, используя севооборот. Имеющееся сходство сельскохозяйственного инвентаря бохайцев и чжурчжэней было обусловлено, «скорее всего, общностью земледельческой традиции» (Семениченко, Болдин 1981: 69; Болдин 1994; 1996). Наличие пашенного земледелия подтверждается находками фрагментов плужных лемехов и отвалов из чугуна (Семениченко, Болдин 1981: 66–67; Государство... 1994: 92–93). Отмечено, что форма бохайских лемехов близка когурёским, силласким, чжурчжэньским (Болдин 1994: 8). Более десятка плужных лемехов было обнаружено на бохайском селище в долине р. Борисовка (Семениченко, Болдин 1981: 66). Подобная плотность находок закономерна для такой категории археологических памятников, так как селища — специализированные поселения, где население занималось сельским хозяйством. В то же время находки подобных артефактов на городищах свидетельствуют о занятиях городского населения пашенным земледелием. Но единичность этих находок на городищах позволяет предполагать, что пропашное земледелие практиковало не все население городищ. Лемехи использовались в качестве наворачия на плуг, в который впрягали крупный рогатый скот или лошадей. Помимо вспашки подобные плуги могли применяться для формирования гряд по уже вспаханному полю, для пропашки борозд между грядами или окучивания растений. Именно так эти орудия использовались еще в середине прошлого века маньчжурскими крестьянами (Стариков 1967: 144–145). Остатки средневековых земледельческих полей на территории Приморья не исследовались, поэтому реконструкция их размерных параметров невозможна.

Вспомогательные земледельческие орудия представлены на бохайских памятниках артефактами из металла — железными полотнами лопат и серпов. Находки каменных ступ для обрушивания зерна и ручных мельниц свидетельствуют о значительном объеме получаемой земледельческой продукции, для обработки которой требовались более производительные, чем ручные зернотерки, орудия (Семениченко, Болдин 1981: 68). Об увеличении объема зерновой продукции свидетельствует находка на городище Николаевское-2 остатков хранилища для зерна — ямы со встроенным в нее деревянным ларем, в котором находились карбонизированные семена сои (Болдин 1994: 9).

2.2. Животноводство на юге Дальнего Востока России во времена государства Бохай

Костные остатки животных удовлетворительной сохранности встречаются в отложениях бохайских памятников относительно часто, особенно на памятниках с мощным культурным слоем. Так, на Константиновском-1 селище, где раскопано чуть более 100 кв. м, в двух строительных горизонтах (с бохайским временем соотносится нижний горизонт) обнаружено почти 3000 фрагментов костных остатков животных (Алексеева, Болдин 1994: 38). На городище Николаевское-2 на 1500 кв. м исследованной площади памятника получено более 5000 костей и их фрагментов (Алексеева, Болдин 1986: 77). Несмотря на присутствие костных остатков животных в отложениях бохайских памятников, данная категория находок не всегда становилась объектом специального изучения. На сегодняшний день проанализированы и частично введены в научный оборот археозоологические данные с городищ Николаевское-2, Новогордеевское и Горбатка, с селищ Константиновское-1, Николаевское-1, Новогордеевское. Анализ археозоологических данных с этих памятников позволил реконструировать состав стада у населения Приморья в бохайское время. Но для воссоздания локальных и хронологических особенностей животноводства они явно недостаточны (Панасенко, Гельман 2009: 193). Среди проанализированных остеологических материалов с бохайских памятников преобладают кости домашних животных, их долевое содержание достигает 60–75% от всех костных остатков (Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994). В материалах этих памятников идентифицированы костные остатки четырех видов домашних животных — свиньи, собаки, коровы и лошади (Семеновиченко, Болдин 1981; Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994; Панасенко, Гельман 2008; 2009). Судя по количественным данным, основным домашним животным были свиньи. Также обильны костные остатки собак, принадлежавшие, как правило, взрослым и полувзрослым особям (Алексеева, Болдин 1986). В отдельных коллекциях долевое содержание костных остатков собак достигает значительного числа. Так, на городище Николаевское-2 им принадлежит четверть (25,2%) от всех остатков домашних животных (там же: 81). Очевидно, мясо собак составляло немалый процент в пище бохайского населения Приморья. Костные остатки крупного рогатого скота и лошадей на бохайских памятниках не столь многочисленны, как остатки свиней или собак. Хотя лошади и крупный рогатый скот также использовались в пищу, но содержались они прежде всего для хозяйственных и транспортных нужд (Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994). Крупный рогатый скот использовался в качестве тяглового и гужевого, а лошади — для верховой езды, о чем свидетельствуют находки чугунных лемехов и отвалов плугов, втулки и чеки для колес повозок, элементы конской сбруи. Из летописей известно, что область Шуайбинь в долине р. Раздольная славилась лошадьми, которые являлись предметом торговли не только в самом Бохае, но и поставлялись за его пределы, в том числе в империю Тан (Государство... 1994). Данные по остеологической коллекции с городища Горбатка демонстрируют большее содержание костей лошади при меньшей доли костей собаки (Панасенко, Гельман 2009: 198). Единичные находки костей мелкого рогатого скота (овца) лишь на одном горо-

дище (Николаевское-2) не позволяют надежно решать вопрос о содержании овец в Приморье в это время (Алексеева, Болдин 1986: 80–81). На Новогордеевском селище найдены кости курицы (Алексеева, Болдин 1989: 84).

В целом отмечены неудовлетворительные условия содержания и небольшие размеры домашних животных (Алексеева, Болдин 1994: 46). Возможно, бохайские лошади относились к породе низкорослых лошадей, подобной известной в Когурё под именем *квахамы* (*госяма*), т.е. лошади, на которой можно проезжать под фруктовыми деревьями (Джарылгасинова 1972: 112).

Домашние животные составляли большую часть мясного рациона населения бохайских памятников. Но значительной при этом оставалась роль охоты на диких животных (Алексеева, Болдин 1994: 46). На бохайских памятниках зафиксированы костные остатки кабана, косули, пятнистого оленя, кабарги, изюбря, медведя, волка, барсука и пр. (Алексеева, Болдин 1986: 78; Панасенко, Гельман 2009: 202).

Археобиологические и археологические данные с бохайских памятников юга Дальнего Востока России и их сравнение с материалами предыдущего периода свидетельствуют о том, что в бохайское время на юге российского Дальнего Востока произошло «качественное преобразование сельского хозяйства» (Крадин 2005: 440–441). Это проявилось в изменении объектов производства, увеличении объема получаемой продукции, обусловленном технико-технологическими новациями. Без сомнения, земледелие и животноводство были ведущими компонентами в хозяйстве населения районов Приморья, вошедших в состав Бохая. С этого времени основу поликультурного земледелия этих районов составляло выращивание проса итальянского и японского, значительное место занимало возделывание бобовых (соя и угловатая фасоль) и голозерного ячменя. Большинство культурных растений, чьи семена обнаружены на бохайских памятниках, не были известны на этой территории прежде. Очевидно, на вновь присоединенной к Бохайскому государству территории интродуцировались не отдельные виды, а весь набор культурных растений (возможно, за исключением имевшихся у местного населения видов) и соответствующий агротехнологический комплекс (технологические навыки, агрономические знания, орудия труда). Логичным представляется, что основная роль в этом должна была принадлежать целенаправленной политике государства. Однако механизмы осуществления этого только предстоит выяснить.

3. Сельское хозяйство на территории юга российского Дальнего Востока во времена государства Ляо (907–1125)

Реконструкция земледелия и животноводства у населения киданьской империи в целом представлена в «Истории киданьской империи Ляо» (Крадин, Ивлиев 2014). Согласно этому исследованию, земледелие было развито в южных и восточных районах империи, где проживало оседлое ханьское и бохайское население, а в северных и северо-западных регионах преобладало кочевое скотоводство; в западных районах, где исконно проживало киданьское население, эти два типа сочетались (Крадин, Ивлиев 2014: 121). Нашей задачей является реконструкция сельского хозяйства на российской территории в эпоху Ляо. Выполнение

этой задачи серьезно ограничено имеющимися источниками, точнее практически полным их отсутствием.

Киданьское государство Ляо, разгромившее королевство Бохай в 926 г. и захватившее его территории, было основано кочевниками-скотоводами — монголоязычными киданями. Изначально кидани обитали в бассейне р. Шара-Мурен и на северном берегу р. Ляохэ. В период наивысшего расцвета их империя занимала огромную территорию от Орхона на западе и до Желтого и Японского морей на востоке, от приаргунских степей на севере и до Великой Китайской равнины на юге. Численно кидани никогда не преобладали среди подданных империи. Значительную часть населения составляли покоренные киданями земледельцы китайского происхождения и бохайцы. Меньшая часть была представлена «варварскими» народами — скотоводческими и охотничьими племенами некиданьского происхождения (Крадин 2005: 443). Национальный состав империи был пестрым, что в сочетании с различными природно-климатическими условиями огромной территории киданьского государства «предопределило неравномерность экономического развития различных районов... преобладание в них разных моделей хозяйствования» (Крадин, Ивлиев 2014: 121).

После разгрома королевства Бохай на его территории киданями было основано вассальное государство Дундань. В нем были сохранены административная система и территориальное деление Бохая. На первых порах новое государство мало зависело от империи Ляо. Но по мере укрепления киданьской власти неизбежные противоречия между победителями и побежденными усилились, результатом чего стали почти непрерывные восстания бохайцев в X в., их массовое бегство в Корё (Ивлиев 2005: 470; Крадин, Ивлиев 2014: 36). Для подавления бохайского сопротивления кидани предприняли отработанную тактику массового переселения. Тысячи бохайцев были депортированы в западные районы империи Ляо. В результате такого переселения бохайское население появилось даже на территории современной Монголии, о чем свидетельствуют находки артефактов, характерных для бохайских памятников, например на городище Чинтолгой-балгас (Крадин и др. 2012: 161–162). «Бохайцы переселялись с большей части бывшей территории своего государства, в том числе из расположенных в Приморье восточных областей Хуайюань и Аньюань» (Крадин, Ивлиев 2014: 37). Территория Приморья входила в состав Бохая лишь частично и являлась его отдаленной северо-восточной периферией. Вероятно, экспансия киданей напрямую мало коснулась этой территории. По этой же причине насильственное переселение бывших бохайских подданных в долины рек Шара-Мурен и Ляохэ как инструмент борьбы с непокорными минимально касалось населения, проживавшего в бывших периферийных районах Бохая (Крадин 2005: 442). Отсутствие сколько-нибудь серийных находок изделий ляоского происхождения на археологических памятниках Приморья демонстрирует минимальное присутствие киданей на этой территории. По-видимому, не существовало сколько-нибудь заметного влияния киданей на модели хозяйствования, сложившиеся на территории Приморья в бохайское время. Очевидно, что эти модели сохранялись у населения Приморья и в последующие периоды.

3.1. Земледелие на территории юга российского Дальнего Востока во времена государства Ляо (907–1125)

Реконструкция хозяйства населения Приморья для этого времени серьезно ограничена тем, что в региональной археологии до сих пор отсутствуют надежные сведения о материальной культуре населения бывших бохайских областей в X–XII вв. Очевидно, бывшие бохайские городища и поселения продолжали существовать на этой территории и после разгрома Бохая (Дьякова 2016: 43). Одно из немногих исключений — городище Кокшаровка-1 и одновременный ему курган Кокшаровка-8. Анализ археологического материала и радиоуглеродных датировок обоих памятников позволил исследователям сделать вывод о существовании городища в позднебохайское и постбохайское время (Городище Кокшаровка... 2012: 167; Археологические памятники... 2015). Городище входило в состав Бохая и являлось крупным административным центром (Археологические памятники... 2015: 146). Найденные на городище и кургане артефакты представлены в основном керамическими изделиями утилитарного и ритуального характера, а также единичными изделиями из металла (наконечники стрел, ножи, скобы, гвозди и др.), соотносимыми с материалами бохайских археологических памятников Приморья. Отдельные артефакты неутилитарного назначения (в основном из разграбленного заполнения камеры кургана) имеют сходство с бохайскими и отчасти с ляоскими материалами (там же: 147). Ни один из артефактов, найденных на этих памятниках, не имеет отношения к земледелию и животноводству. Костные остатки животных, встречавшиеся в отложениях городища в виде отдельных экземпляров или скоплений (Городище... 2012: 102), не исследовались специалистами.

При отсутствии артефактов земледельческого облика реконструировать отдельные стороны земледелия помогают археоботанические материалы, полученные на городище и кургане с использованием флотационной методики. В археоботанической коллекции содержится более 4000 карбонизированных семян растений из отложений различных археологических объектов: административного комплекса, жилищ, производственных помещений, ритуального сооружения. Их анализ показал, что семена культурных растений составляют более 90% этой коллекции. На этом основании сделан вывод о значительной роли земледелия в хозяйстве населения городища. Идентифицированы семена 12 видов культурных растений. Основными среди них были просо итальянское и японское, голозерный ячмень, культурная соя, просо обыкновенное (илл. 8.1; 8.2; табл. 1). В меньшем количестве выращивались пшеница мягкая, фасоль угловатая, перилла, гречиха посевная, чьи семена представлены единичными находками (Сергушева 2012; Сергушева, Стоякин 2015). Сравнение археоботанических данных Кокшаровского городища и бохайских памятников Приморья демонстрирует сходный набор культурных растений (илл. 8.1). На этих памятниках не только совпадает список выращивавшихся растений, но и доминируют среди них одинаковые виды — итальянское и японское просо (Сергушева 2012). Очевидно, для населения горо-

дища Кокшаровка-1 и бохайских памятников именно эти два вида растений являлись основными. При совпадении списка культурных растений бохайских памятников и городища Кокшаровка-1 выявлено своеобразие последнего. Оно проявилось в большем содержании среди семян культурных видов остатков просяных (итальянское и японское просо) (илл. 8.1). Доля семян этих видов составляет 85–100% от общего числа остатков культурных растений в отложениях разных археологических объектов городища. На бохайских памятниках этот суммарный показатель близок к 50% или незначительно превышает его (Sergusheva 2014: 113). Агроклиматические характеристики района местонахождения кокшаровских памятников имеет нелучшие для территории Приморья показатели, в частности по термической обеспеченности, но в целом они приемлемы для занятия земледелием, даже для выращивания такой теплолюбивой культуры, как соя. Повидимому, иное предпочтение у населения Кокшаровского городища в ориентированности земледелия на выращивание большего количества проса итальянского и японского может быть результатом проявления некой культурной специфики населения, отразившейся в иных пищевых предпочтениях и, соответственно, в количественном составе выращивавшихся растений (там же: 113–117).

Отсутствие находок земледельческих орудий не позволяет реконструировать его технико-технологические аспекты у населения городища. Рядом со зданием № 1 административного комплекса обнаружены фрагменты усеченно-конической ступы из базальта. Диаметр ее основания 23–25 см, удлинненно-трапециевидная в сечении полость выбрана пикетажем (Городище... 2012: 157). Ступы для обработки зерна являются обычными находками на средневековых памятниках, где объем зернового производства требовал более производительных орудий для обработки зерна. Предположительно, население городища практиковало пашенное земледелие. Но доказательства этого отсутствуют.

На археологических памятниках Приморья не известны находки плужных лемехов из чугуна, характерных для ляоских памятников. У ляоских чугунных лемехов рабочий край имеет вид широкой и уплощенной закраины, переходящей в двояковыпуклый насад подтреугольной или параболической формы с ромбическим или эллипсоидным сечением (Джун Ён 2003: 110; Крадин, Ивлиев 2014: 128, рис. 35). Их вид разительно отличается от формы лемехов, найденных на юге российского Дальнего Востока не только на памятниках бохайского времени, но и последующего цзиньского периода. Как отмечают исследователи, земледельческие орудия, обнаруженные на ляоских памятниках, происходят в основном из южных районов киданьского государства, т.е. они характеризуют технико-технологический уровень земледелия населения этих районов — китайцев, включенных в состав империи Ляо, а не самих киданей (Крадин, Ивлиев 2014: 133).

Археоботанические данные Кокшаровского городища свидетельствуют о существовании поликультурного земледелия у его населения. При этом обитатели городища выращивали те же виды культурных растений, что и население бохайских округов в юго-западном и южном Приморье. Особенность археоботанического спектра городища Кокшаровка-1, в котором доминировали два вида проса при минимальной роли других культурных растений, предварительно объясняет-

ся проявлением некой культурной специфики населения городища (Sergusheva 2014: 116–117), которая могла сложиться еще в бохайское время.

Отрывочные археоботанические данные с памятников Северо-Восточного Китая периода династий Ляо и Цзинь свидетельствуют о выращивании таких культурных растений, как просо итальянское, обыкновенное и японское, соя культурная, фасоль угловатая, гречиха, пшеница мягкая, голозерный ячмень, конопля посевная, овес, перилла, сорго, рис (Zhao 2016: 42). Этому списку, за некоторыми исключениями (рис, овес, сорго), идентичен набор культурных растений, выращивавшихся на территории Приморья в бохайское время. Вероятно, подобный набор оставался актуальным на этой территории и в ляоское время, о чем косвенно свидетельствует сходный состав остатков культурных растений на памятниках последующего цзиньского времени.

4. Сельское хозяйство на территории юга российского Дальнего Востока в цзиньское время (1115–1234)

Киданьская империя пала в 1125 г. под ударами чжурчжэней, создавших в 1115 г. собственное государство Цзинь. После разгрома империи Ляо входившие в ее состав территории, в том числе и в Приморье, автоматически были присоединены к Цзиньскому государству. Долгое время археологические памятники Приморья XII–XIII вв., представленные в основном долинными и горными городищами, относились к цзиньскому времени. При этом исследователи обращали внимание на малую мощность культурных отложений на горных чжурчжэньских городищах. Благодаря находкам эпиграфических источников на этих памятниках, их расшифровке и анализу китайских летописей было установлено, что накануне монгольского завоевания, т.е. на закате существования Цзиньского государства, территория Приморья входила в состав сепаратистского государства Восточное Ся (Дун Ся), которое было основано в 1215 г. чжурчжэньским полководцем Пусянем Ваньну и, просуществовав в самостоятельном качестве всего 19 лет, в 1233 г. было разгромлено монголами (Ивлиев 2015). Во время существования государства Дун Ся проходила массовая колонизация территории Приморья, о чем свидетельствуют археологические данные (Ивлиев 1993). Именно в этот короткий период на территории Приморья и были построены чжурчжэньские горные городища, призванные защитить государство от внешних угроз — монгольской, цзиньской, корёской. Таким образом, археологические находки с этих городищ представляют материальную культуру «позднего этапа чжурчжэньской культуры» и датируются первой третью XIII в. В противоположность им большинство долинных городищ имеют мощные культурные отложения, свидетельствующие об их существовании в доцзиньское и цзиньское время, а возможно и после монгольского завоевания (Артемьева 2005: 547). При изучении цзиньской эпохи на юге российского Дальнего Востока основные усилия исследователей были направлены на изучение горных городищ. Селища и долинные городища пока остаются вне сферы интереса ученых, хотя некоторые из них в разные

годы и становились объектами исследований археологов: долинные городища Майское, Стеглянухинское, Николаевское, в какой-то степени Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Чугуевское (Леньков, Артемьева 2003: 87–88; Артемьева 2005), а также Константиновское селище. Но в массе своей археологический материал, характеризующий цзиньский период в истории Приморья, получен с горных крепостей, возведенных и существовавших непродолжительный период времени в первой трети XIII в.

Этот материал в целом сходен и содержит многочисленные категории артефактов и экофактов, позволяющих реконструировать культуру и хозяйство этого населения, в том числе земледелие и животноводство. Анализ источников (прямых и косвенных) с памятников государства Восточное Ся приводит к однозначному выводу о ведущей роли земледелия и животноводства в хозяйстве его обитателей, а также о сходстве земледельческой традиции бохайцев и чжурчжэней Приморья (Шавкунов 1990; Болдин 1996а, 2015). Исследователями-медиевистами реконструированы как отдельные технико-технологические элементы сельского хозяйства чжурчжэней (Болдин 1987), так и весь спектр сельскохозяйственных работ (Шавкунов, Болдин 1976; Болдин 2015), в том числе на отдельных городищах государства (Болдин, Шавкунов 1979; Шавкунов 1990; 105–122; Болдин, Хорев 1993; Васильева 2012). Исследования костных остатков животных с чжурчжэньских памятников проведены Э.В. Алексеевой и В.В. Гасилиным (Алексеева, Шавкунов 1983; Алексеева и др. 1996; Алексеева, Гасилин 2015). Изучение семян растений предоставило данные о культурных растениях, выращивавшихся населением этих городищ (Янушевич и др. 1990; Сергушева 2002б; 2010б; Васильева, Сергушева 2014).

4.1. Земледелие у населения чжурчжэньского государства Дун Ся (1215–1233) по данным археологических памятников Приморья

В сравнении с предыдущим периодом на памятниках этого времени количество прямых источников для реконструкции земледелия увеличивается многократно. Находки артефактов земледельческого облика, в том числе составные части упряжных пахотных орудий, становятся массовыми (рис. 7.15; 7.16). В большем количестве и объеме, по сравнению с предыдущими периодами, на чжурчжэньских памятниках фиксируются скопления семян культурных растений. Например, на Екатериновском городище «горелое зерно, принадлежащее, вероятно, итальянскому просу, обнаружено на кане жилища № 20» (Леньков 1983: 65). Площадь этого скопления около 6 кв. м, а мощность зернового слоя 2–4 см (Леньков, Артемьева 2013). По грубым подсчетам, объем этого скопления составлял не менее 150 л.

Методика водной флотации при исследовании городищ Дун Ся применяется от случая к случаю и, как правило, для выемки визуально различимых зерновых скоплений. Отсутствие сбалансированных коллекций остатков растений, полученных с использованием современных методик на памятниках Восточного Ся,

не позволяет реконструировать состав урожая и соотношения между различными видами культурных растений у населения чжурчжэньских горных городищ⁹. По этой же причине невозможно корректное сравнение данных о находках остатков культурных растений на этих памятниках с археоботаническими данными, полученными в результате систематических работ на археологических памятниках Приморья предшествующего времени (Сергушева 2010; Васильева, Сергушева 2014: 131).

Согласно имеющимся археоботаническим данным, полученным из зерновых скоплений на Шайгинском, Ананьевском, Екатерининском, Новонежинском¹⁰ городищах и на городище Известковая Сопка, население Приморья в первой трети XIII в. выращивало не менее 13 видов культурных растений (табл. 1). Среди них присутствуют просяные, зерновые, зернобобовые, крупяные, масличные, технические и, возможно, овощные культуры. Преобладают среди этих находок семена культурных просяных, среди которых идентифицированы три вида проса — итальянское, японское, обыкновенное — и гаолян (Янушевич и др. 1990; Сергушева 2002; 2009; 2010; Васильева, Сергушева 2014). Семена культурных просяных (за исключением гаоляна) встречаются на всех чжурчжэньских городищах, причем в значительных количествах (табл. 1). Подсчеты позволяют предполагать, что просо итальянское (чумиза) и просо японское, возможно, являлись ведущими земледельческими культурами (Сергушева 2010; Васильева, Сергушева 2014). Пшеница и ячмень играли, судя по частоте и объему находок их семян, значительную роль. Семена этих видов обнаружены на всех указанных городищах. Также на чжурчжэньских городищах зафиксировано в значительном объеме присутствие пленчатой разновидности ячменя, посевного гороха и гречихи (Сергушева 2010б; Васильева, Сергушева 2014). Эти растения в составе урожая у населения Приморья в бохайское время встречаются намного реже. Очевидно, в цзиньское время роль этих культурных растений стала более значимой для населения юга Дальнего Востока. Из овощных культур чжурчжэни, возможно, выращивали огурцы (*Cucumis sativus*). Небольшое скопление семян огурца было зафиксировано на Шайгинском городище (Сергушева 2010б). Остатки других овощных культур не обнаружены. Едва ли это отражает реальную ситуацию с выращиванием и использованием овощных растений. В большей степени это результат несистематического пробоотбора археоботанического материала на этих городищах. Существование садоводства подтверждается находкой на этом же городище косточки плода растения рода *Prunus sp.* (слива или абрикос). Ссылаясь на работу Д.П. Воробьева (Воробьев 1954), исследователи обращают внимание на присутствие в местах расположения средневековых городищ Приморья естественных насаждений плодовых деревьев (абрикос, груша, крупноплодный боярышник и др.). Их присутствие связывают с деятельностью средневекового

⁹ За исключением немногочисленных данных с городища Известковая Сопка, полученных в 1991 г. с использованием флотационной методики.

¹⁰ Результаты археоботанических исследований материалов с Новонежинского городища из архива автора.

населения Приморья (Болдин, Шавкунов 1979: 126–127). Хотя специально этот вопрос ботаниками не изучался.

Данные об идентификации среди карбонизированных семян с Шайгинского и Ананьевского городищ остатков мягкой пшеницы, ячменя, чумизы, гаоляна, гречихи, гороха, сои, фасоли, вигны¹¹ и риса (Шавкунов 1990: 106), опубликованные ранее, по-видимому, не в полном объеме соответствуют действительности. Так, до сих пор не подтверждена информация о находках на чжурчжэньских памятниках Приморья остатков риса¹². При этом остатки других культурных растений, упомянутых в данном перечне, неоднократно встречены на этих памятниках, иногда в значительных количествах (см. табл. 1). Отсутствие находок риса на горных городищах Приморья начала XIII в. свидетельствует об отсутствии его местного производства. При этом не исключается его возможный импорт из районов, где культура выращивания риса существовала задолго до этого (Маньчжурия, Корея). Так, археоботанические данные со средневековых памятников (период династий Ляо и Цзинь) Северо-Восточного Китая свидетельствуют о многочисленных остатках культурных растений, среди которых присутствуют и семена риса (Zhao 2016: 42).

Все дошедшие до нас артефакты, связанные с земледелием и животноводством чжурчжэней Приморья, изготовлены из металла и камня. Их описание и анализ представлены в работах Э.В. Шавкунова и В.И. Болдина (Болдин, Шавкунов 1979; Болдин 1996; 2015; Шавкунов 1990). Среди сельскохозяйственных орудий исследователи выделяют серии орудий, связанных с обработкой земли (чугунные лемехи и отвалы, лопаты), с уходом за посевами (мотыги, вилы), уборкой (серпы, косы-горбуши), обработкой (ступы, крупорушки, соломорезки, сечки), а также с хранением урожая (амбары, хранилищные ямы и емкости) (рис. 7.15). Такие артефакты зафиксированы на всех чжурчжэньских памятниках, где проводились стационарные археологические исследования (Шавкунов 1990; Болдин, Шавкунов 1979; Болдин, Хорев 1993: 88; Леньков 1983; Леньков, Артемьева 2003; Васильева 2012; и др.). Эти категории орудий встречаются не только при раскопках жилищ или во дворах, но и в кварталах ремесленников-надомников, а на Шайгинском городище «даже в ставке военного коменданта» (Болдин, Шавкунов 1979: 124). Очевидно, земледелием у чжурчжэней занимались практически все категории населения, включая ремесленников. Одновременно с этим стоит отме-

¹¹ Не совсем понятно, что за бобовые растения подразумевались под фасолью и вигной. Среди семян бобовых культур с чжурчжэньских городищ нами идентифицированы соя культурная и фасоль угловатая (фасоль адзуки) (*Vigna angularis*).

¹² Автором просмотрены все имеющиеся остатки культурных растений с дальневосточных археологических памятников, в том числе цзиньского времени (включая Шайгинское и Ананьевское городища), семена риса среди них не найдены. По устному сообщению В.И. Болдина (октябрь 2016 г.), находки семян риса на чжурчжэньских городищах Приморья ему не известны. В дополнение к сказанному обращает на себя внимание такая деталь, как отсутствие ссылки на авторство видового определения остатков риса с Шайгинского городища, притом что авторство видовых определений семян других культурных растений, перечисленных в том же предложении, указано в подстрочнике (Болдин, Шавкунов 1979: 125). Таким образом, приходится констатировать отсутствие находок остатков риса на средневековых археологических памятниках Приморья.

тить, что частотность находок таких орудий все же не является высокой, особенно в сравнении, например, с количеством найденных артефактов оружейного комплекса. Это, как представляется, объясняется в первую очередь характером исследованных городищ, которые являлись либо ремесленными (Шайгинское городище), либо военными центрами.

Находки чугунных частей пахотных орудий (лемехи и отвалы) убедительно свидетельствуют о существовании упряжного пашенного земледелия (рис. 7.15, 1, 2). Эти артефакты встречаются на чжурчжэньских памятниках Приморья повсеместно. Так, лемехи и их обломки зафиксированы в каждом третьем жилище верхнего строительного горизонта Ананьевского городища, которое соотносится с военно-земледельческим поселением — *моукэ* (Болдин, Хорев 1993: 87, 88, 91). Лемехи и отвалы с чжурчжэньских памятников имеют полные аналогии с бохайскими, когурёскими, силласкими находками (Болдин 2015: 188).

В качестве ручных орудий для обработки почвы исследователи указывают лопаты и мотыги (рис. 7.15, 3–6). При этом справедливо отмечают, что как универсальные орудия они имели более широкое использование, чем только для земледельческих работ (Шавкунов 1990: 107). Среди чугунных насадов для орудий, интерпретируемых исследователями как земледельческие мотыги (Болдин, Шавкунов 1979: рис. 1-7, 8; Болдин 2015: рис. 4-2), часть едва ли являлись таковыми. Эти орудия своими размерами и формой больше напоминают кирки. У них узкий, иногда даже заостренный рабочий край, клиновидное сечение, мощный втульчатый насад, значительный вес и характерные для кирок следы сработанности (замятость рабочего края) (рис. 7.16, 2–4). Такие орудия использовались для работы по твердому материалу, очевидно камню, и применялись при его добыче или обработке (изготовление каменных баз, ступ, жерновов и пр.)¹³. Среди металлических насадов на орудия, найденных на чжурчжэньских городищах, бесспорно, присутствуют насады для мотыгообразных орудий (Артемьева, Болдин 2015: рис. 2-2). Но их найдено не так много. Так, на Лазовском городище, где раскопано 68 жилищ, найдена единственная мотыга (Леньков, Артемьева 2003: 65). На Ананьевском городище раскопано 118 жилищ и обнаружено всего четыре мотыгообразных орудия (Хорев 2012: 49). Более многочисленны на этих памятниках находки лезвий серпов. Среди них выделяются два типа (с черешком и без него) (рис. 7.15, 7–9). Их морфология полностью аналогична серпам ляоского времени (Крадин, Ивлиев 2014: 130). Орудия для обработки урожая представлены каменными ручными мельницами и крупными жерновами, приводимыми в движение тягловыми животными (Болдин 2015: 195). Появление крупных жерновов свидетельствует об увеличении объема получаемой земледельческой продукции. Не теряют своего значения ступы, в том числе как составные элементы ножных крупорушек, бывших в индивидуальном употреблении отдельных домохозяйств. Во многих жилищах или на территории усадеб зафиксированы их остатки, представленные вкопанными в пол каменными сту-

¹³ Устное сообщение И.Ю. Слепцова о находках аналогичных орудий на территории каменоломни в Партизанском районе.

пами и двумя столбовыми ямами неподалеку (Шавкунов, Болдин 1976; Леньков 1983: 62; Шавкунов 1990: 110).

Разнообразнее становятся способы хранения зерновой продукции. Появляются свайные амбары как постоянный атрибут организации дворового пространства жилищ. Свайные амбары присутствуют во многих дворах. Их остатки представлены ямами для столбов. Расстояние между ямами было почти стандартным (190–200 см — данные по Ананьевскому городищу). Большинство амбаров имело девять столбов (по три в трех рядах), их площадь не превышала 16–17 кв. м. Зафиксированы амбары на 15 столбах (по пять в трех рядах), их площадь достигала 25 кв. м (Хорев 2012: 31). На Лазовском городище сваи таких амбаров устанавливались на каменные базы, количество и взаиморасположение которых идентично ямам от свайных амбаров на Ананьевском и Шайгинском городищах (Леньков, Артемьева 2013: 19–20). На Ананьевском городище раскопаны остатки 15 свайных амбаров (Хорев 2012: 31). На Шайгинском и Ананьевском городищах в некоторых амбарах обнаружено горелое зерно слоем мощностью до 15 см. В амбарах зерно хранили в емкостях или просто внасыпку (Шавкунов 1990: 110). В сгоревших амбарах, где зерно хранилось внасыпку, его слой отражал форму и размеры амбара (Леньков, Артемьева 2013: 20; Артемьева 2005: 569). На Ананьевском городище обнаружены остатки сгоревших берестяных и деревянных емкостей. Там же в жилищах со скоплениями зерна зафиксированы керамические сосуды одного типа — тонкостенные горшки с налепными петлевидными ручками, объемом 3–6–7 литров, у некоторых на тулове имелись сквозные круглые отверстия — вентиляционные продушины (Хорев 2012: 51). У чжурчжэней сохранили свое значение хранилищные ямы. Они обнаружены как внутри жилых построек, так и за их пределами (там же: 33). Яма-погреб исследована в жилище № 88 Шайгинского городища. Она имела диаметр 70 см и глубину 50 см. Ее стенки и пол были обмазаны толстым слоем глины и обожжены впоследствии. В яме был сооружен деревянный ларь с деревянной крышкой (Шавкунов 1990: 110).

Технико-технологические аспекты земледелия

Существует мнение, что чжурчжэни применяли грядковую, паровую, залежную, переложную системы земледелия, использовали подсеčno-огневую технологию для первоначальной обработки полей (Болдин 1986: 11–12; Болдин 2015). Но убедительные доказательства этого отсутствуют. Как было указано ранее, земледельческие поля периода средневековья на территории южной части российского Дальнего Востока пока не стали объектами археологических исследований.

Находки двух размерных типов чугунных отвалов свидетельствуют об использовании чжурчжэнями двух видов плугов (большой и малый) (Шавкунов 1990: 109). Крупные чугунные лемехи и отвалы¹⁴ являлись составными частями

¹⁴ В литературе имеются данные о размерах обнаруженных на Шайгинском и Новогордеевском городищах крупных лемехов. Они имеют длину в пределах 30–31 см и ширину 23–29 см. Отвал для подобного лемеха имеет длину и ширину соответственно 41 и 23 см. Размеры единственного найденного небольшого отвала — 23 и 14,5 см (Шавкунов 1990: 106).

больших плугов. В качестве тягла для них использовали крупный рогатый скот. Osteологические данные не противоречат этому (Алексеева, Шавкунов 1983: 73). В качестве тягла для малого плуга, по-видимому, использовалась мускульная сила человека (от одного до трех). Подобный способ вспашки с использованием ручного плуга еще в недавнем прошлом был широко распространен в Корее и Китае (Джун 2003: 166–207). Такой вид плуга, очевидно, был востребован при обработке небольших и/или труднодоступных участков, где работа упряжными орудиями была непродуктивна или невозможна.

Существует предположение, что большие плуги использовались чжурчжэнями «для вспашки залежной земли и поднятия целины» (Шавкунов 1990: 107). В то же время частота находок именно крупных лемехов, на фоне отсутствия других видов пахотных орудий, свидетельствует об их повсеместном использовании и востребованности. Вероятно, данный вид упряжного орудия у чжурчжэней Приморья был универсальным и использовался для обработки любых типов почв вне зависимости от применяемой системы земледелия.

Хотя на памятниках начала XIII в. обнаружено значительное число типов артефактов, связанных с земледелием, однако они не позволяют реконструировать весь цикл земледельческих операций. На чжурчжэньских памятниках отсутствуют находки многих вспомогательных орудий, но представление о таких орудиях могут восполнить имеющиеся этнографические сведения. Еще в начале XX в. исследователи традиционного земледелия Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) обращали внимание на чрезвычайно архаичный облик земледельческих орудий на этой территории (Скворцов 1933: 51; Стариков 1967: 135–163; Толмачев 1934: 47) и отмечали, что среднее крестьянское хозяйство в Маньчжурии имело порядка 50 (!) специализированных сельскохозяйственных орудий (там же: 48), большая часть которых изготавливалась из недолговечного материала — древесины (в основном мелколистного вяза) (Стариков 1967: 135–163; Скворцов 1926).

4.2. Животноводство у населения чжурчжэньского государства Дун Ся (1215–1233) по данным археологических памятников Приморья

Костные остатки животных на всех исследованных чжурчжэньских городищах присутствуют в значительных количествах, но не все они имеют хорошую сохранность (Алексеева, Шавкунов 1983: 71; Васильева 2012). Не все археозоологические коллекции становились предметом специальных исследований. К настоящему времени опубликованы результаты анализа коллекции костных остатков животных с Шайгинского и Майского городищ (Алексеева, Шавкунов 1983; Алексеева и др. 1996; Алексеева, Гасилин 2015). В литературе имеются сведения отдельного характера, касающиеся состава остеологических материалов с других чжурчжэньских городищ (Хорев 2012: 52–53; Васильева 2012). Исследованные зоологические материалы представлены кухонными остатками (Алексеева, Шавкунов 1983: 72; Алексеева, Гасилин 2015: 442; Васильева 2012: 56). Среди них

идентифицированы кости домашних и диких животных, кости домашних преобладают. На Майском городище им принадлежит 83% от всех костных остатков млекопитающих (Алексеева и др. 1996), на Горнохуторском городище — 73% (Васильева 2012: 57).

Среди костных остатков домашних животных на Шайгинском и Майском городищах идентифицированы четыре вида — свинья, собака, корова, лошадь. На Ананьевском городище обнаружены остатки (в порядке убывания) крупного рогатого скота и лошади, а также единичные остатки свиньи¹⁵ (Хорев 2012: 52). Присутствие еще одного вида — барана (или козла) — убедительно зафиксировано лишь для Майского городища. Возможность содержания этого домашнего животного населением именно этого городища обусловлена природно-климатическими условиями Приханкайской низменности, где находится данное городище (удаленность от морского побережья) (Алексеева и др. 1996: 173–174). Присутствие мелкого рогатого скота на других чжурчжэньских городищах (Шайгинское) расценивается как сомнительное из-за высокой влажности (Алексеева, Шавкунов 1983: 76).

Среди костных остатков домашних животных на Майском городище преобладают остатки свиньи, они составляют почти половину (47%) их. При этом кости собак в этой коллекции составляют 18%, коров — 17%, лошадей — 15%, барана — 3%. Таким образом, в общей структуре питания мясной пищей у населения Майского городища однозначно преобладали свиньи (Алексеева и др. 1996: 174; Алексеева, Гасилин 2015: 444–445, табл. 1). По высокой доле свиньи в домашнем стаде эти данные сопоставимы с данными бохайских памятников Приморья и сильно отличаются от данных Шайгинского городища, где содержание свиньи в стаде почти в семь раз меньше (Алексеева и др. 1996: 174).

На Шайгинском городище среди остеологических остатков домашних животных преобладают кости крупного рогатого скота (Алексеева, Шавкунов 1983: 71, табл. 1). Кости коров обнаружены во всех жилищах, где зафиксированы костные остатки. Они принадлежат взрослым особям небольших размеров (Алексеева, Шавкунов 1983: 73). Костные остатки лошадей по количеству находок занимают второе место, на третьем месте — свинья (Алексеева, Шавкунов 1983: 72).

В качестве мясного животного в это время продолжалось использование собаки, хотя в сравнении с данными бохайских памятников количество этих костных остатков значительно сократилось (Алексеева и др. 1996; Алексеева, Шавкунов 1983: 72).

Исследователи отмечают, что все домашние животные отличаются мелкими размерами (Алексеева, Шавкунов 1983: 72). Кости свиней и собак принадлежат молодым особям, это подтверждает их содержание для мясного использования. Кости коров и лошадей принадлежат взрослым особям, т.е. этих животных забивали на мясо после использования, очевидно, в качестве тягла для сельскохозяй-

¹⁵ Отмечается очень плохая сохранность костного материала на городище. Большинство образцов представлены зубами. Эти материалы могут быть использованы для реконструкции животноводства только в качестве дополнительных.

ственных работ, гужевого транспорта и верховой езды. Находки артефактов — насады на пахотные орудия, втулки от ступиц колес, чеки, удила, подковы, распределители конской сбруи, наременные украшения и пр. — подтверждают это. Анализ патологий костей коров и лошадей свидетельствует о неудовлетворительных условиях их содержания (Алексеева, Шавкунов 1983: 76).

Значение охоты у чжурчжэньского населения сохраняется, но ее объекты уже не столь разнообразны, как прежде. Среди остатков костей диких животных преобладают кости косули и кабана, соответственно 46% и 44% от числа всех костей диких животных (Алексеева и др. 1996; Алексеева, Гасилин 2015: 444–445, табл. 1).

Заключение

Территория юга Дальнего Востока России не относится к центрам (ни первичным, ни вторичным) происхождения земледелия. Земледелие появилось в этом регионе уже в сформировавшемся виде. Согласно археологическим и археоботаническим данным, это произошло в позднем неолите, около 5000 л.н., и было связано с миграцией населения из сопредельных районов Китая. Основанное изначально на выращивании проса земледелие сохранялось в экономиках первобытного населения юга Дальнего Востока России, о чем свидетельствуют находки семян обыкновенного и итальянского проса на памятниках начального палеометалла и последующего времени. В раннем железном веке в Приморье происходит расширение списочного состава культурных растений, в результате чего земледелие становится поликультурным. Начало данного этапа связано с появлением на этой территории кроуновской культуры, носители которой мигрировали из Северо-Восточного Китая. Следующий значимый этап в эволюции земледелия (и очевидно, животноводства)¹⁶, который удастся зафиксировать по археологическим данным, произошел уже в средние века. Он связан с вхождением в VIII в. южных и юго-западных районов Приморья в состав бохайского государства. В это время появляются убедительные и многочисленные свидетельства того, что сельское хозяйство (земледелие и животноводство) становится основой экономики населения этой территории. Его ведущее значение сохраняется и в дальнейшем, когда южные территории современного Дальнего Востока входили в состав средневековых государств Ляо и Цзинь. Изучение последующей эволюции сельского хозяйства на этой территории пока невозможно из-за отсутствия данных, датируемых временем династий Юань (1271–1368) и Мин (1368–1644).

¹⁶ Ограниченное количество источников и отсутствие их специальных исследований не позволяют пока реконструировать историю животноводства на его ранних этапах на юге российского Дальнего Востока. И лишь начиная со средневекового времени количество остеологических материалов на археологических памятниках заметно увеличивается. Некоторые из этих материалов изучены зоологами. Таким образом, объективные данные для реконструкции этого компонента сельского хозяйства имеются начиная со средневекового времени.

У раннесредневекового населения на территории Приморья — носителей мохэской археологической культуры сельское хозяйство, по-видимому, не играло существенной роли, о чем свидетельствуют единичные находки остатков культурных растений и отсутствие остеологических материалов на памятниках. Ситуация радикально изменилась после вхождения юго-западной части Приморья в состав государства Бохай. В это время увеличилось число видов выращиваемых растений и объем получаемой сельскохозяйственной продукции. На памятниках бохайского времени обнаружены карбонизированные семена 13 видов культурных растений разных групп — просяные, зерновые, крупяные, зернобобовые, масличные, прядильные. Наиболее многочисленны среди них остатки просяных культур. Очевидно, просо, представленное несколькими видами (итальянское, японское и обыкновенное), являлось основой бохайского земледелия в Приморье. На памятниках этого времени обнаружены артефакты, связанные с земледелием и животноводством. Хотя эти находки единичны, но их присутствие позволило реконструировать отдельные технологические аспекты земледелия и животноводства. Установлено, что население бохайского государства в Приморье практиковало упряжное пашенное земледелие и, вероятно, грядковую систему, которая хорошо адаптирована к муссонному климату южной части российского Дальнего Востока. Животноводство у населения государства Бохай на территории Приморья имело мясо-транспортную направленность. На памятниках обнаружены костные остатки четырех видов домашних животных: свиньи, собаки, коровы и лошади (Семениченко, Болдин 1981; Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994; Панасенко, Гельман 2008; 2009). Из них первые два вида были главными поставщиками мяса. Коровы и лошади прежде всего использовались в качестве тягла в сельском хозяйстве и как гужевого транспорт; а лошади еще и для верховой езды. Но мясо этих видов также употреблялось в пищу, их забивали во взрослом состоянии, но не в преклонном возрасте. Животноводство имело большое значение для бохайского населения Приморья, о чем свидетельствует высокая доля костных остатков домашних видов животных (60–75%) на памятниках (Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994).

Хозяйственный уклад населения напрямую зависит от природно-климатических условий района проживания и культурно-исторического наследия. Дальний Восток России отличается эколого-географическим разнообразием, что обусловило существование на этой территории разных систем жизнеобеспечения в широком диапазоне от исключительно присваивающих до специализированных производящих форм хозяйствования. Южные районы этой территории (Приморский край, среднее течение долины р. Амур (юг Амурской области и юго-запад Хабаровского края) являются наиболее приемлемыми для занятия земледелием территориями юга Дальнего Востока. И совсем не случайно первыми на территории Приморья в состав государства Бохай были включены районы с наилучшими агроклиматическими показателями (долина р. Раздольная и Приханкайская низменность).

Вероятно, во время существования государства Бохай на этой территории сложился и оформился тип земледелия с унифицированным набором культурных

растений и соответствующими технико-технологическими приемами их выращивания. Среди культурных растений основными были просо (прежде всего итальянское и японское), соя, ячмень и, вероятно, пшеница. Очевидно, этот тип земледелия в основе своей был перенесен из центральных районов Бохая на дальневосточные территории при их вхождении в состав этого государства. Он подвергался адаптации и модификации в соответствии с региональными экологическими и культурными особенностями. По-видимому, аналогичный процесс имел место и в животноводстве. Однако недостаток информации по сопредельным районам Китая пока не дает возможности верифицировать наше предположение.

Имеющиеся данные для реконструкции сельского хозяйства у населения юга российского Дальнего Востока во время существования империй Ляо и Цзинь слишком малочисленны для достоверных выводов о характере земледелия и животноводства. Но в совокупности с данными предшествующего бохайского периода и последующего времени (государство Дун Ся) эти данные свидетельствуют о сохранении значения земледелия и животноводства у населения этой территории на протяжении всей средневековой эпохи.

Обзор имеющихся данных о сельском хозяйстве у населения районов юга Дальнего Востока, входивших в состав последовательно сменявших одно другое средневековых государств, свидетельствует о существовании преемственности как в земледелии, так и в животноводстве у людей, проживавших в этом регионе. Это проявляется в сходном и устойчивом наборе культурных растений и домашних животных и, по-видимому, в одинаковых технико-технологических приемах выращивания растений, содержания и использования домашних животных. Преемственность особенно отчетливо заметна на материалах бохайского и цзиньского времени. Присутствие идентичных земледельческих орудий труда, одних и тех же видов культурных растений и домашних животных свидетельствует не только о существовании на этой территории у населения сходных систем экономики, но и об устойчивости технико-технологических приемов хозяйствования. Данное предположение косвенно подтверждают этнографические данные Маньчжурии, Кореи и Северного Китая, где еще в XX в. использовались сельскохозяйственные орудия, типологически аналогичные артефактам (плужные лемехи и отвалы), найденным на средневековых памятниках (Стариков 1967: 138–147; Джун Ён 2003). Эта устойчивость технических и, очевидно, технологических приемов земледелия в регионе обусловлена в какой-то степени успешной адаптацией к местным условиям и полному соответствию им. Многие земледельческие орудия прямого назначения, а также вспомогательные орудия в Восточной Азии имели устойчивую форму, сохранявшуюся на протяжении длительного времени — от средневековья вплоть до этнографического времени. Сохранение архаичного облика традиционных земледельческих орудий в Маньчжурии на протяжении длительного времени объясняется «исключительной продуманностью и предельной простотой... конструкций, соответствующих местным почвенно-климатическим условиям... универсальностью применения и легкостью управления тягловыми орудиями; несложностью ремонта» (Стариков 1967: 169).

Таким образом, справедливым представляется вывод о влиянии на экономические системы средневекового населения южной части российского Дальнего Востока государств, сменявшихся одно другим на протяжении нескольких столетий. В то же время нужно помнить, что территория юга российского Дальнего Востока даже в составе государственных образований оставалась их дальней периферией. Слабые региональные экономические связи, характерные для средневековых государств, способствовали длительному сохранению такого статуса за этими территориями и обуславливали устойчивость, а в дальнейшем и архаичность их сельского хозяйства.

Таблица 1.

**Находки остатков культурных растений
на средневековых памятниках Приморского края**

	Барабаш-5	Борисовка-3	Чернятино-5 (жилище)	Городище Синельниково-1	Новоселище-3	Краскинское городище	Городище Горбатка	Чернятино-2	Чернятино-5 (могильник)	Абрикосовское селище	Константиновское селище	Николаевское-2	Поселение Синие Скалы	Городище Кокшаровка-1	Кокшаровка-8 (курган)	Шайгинское городище	Ананьевское городище	Городище Известковая Сопка	Городище Новожекинское	Краскинский могильник	Городище Екатериновское	Итого памятников с остатками растений
Место-нахождение памятника	Ю	Ц	Ц	Ц	З	Ю	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	В	В	В	ЮВ	Ю	Ю	Ю	Ю	ЮВ	
Применение флотационной методики	да	да	да	да	нет	да	да	да	нет	да	нет	нет	нет	да	да	нет	да	да	да	да	да	
Культурные растения	Мохская АК					Государство Бохай							Бохай/ Ляо?	Государство Восточное Ся								
Просо обыкновенное	+		++	+++		+	+	+		+			+++	+		++	+		+	+	+	13 + 1?
Просо итальянское		+	++	+++		++	+++	++	+++	++			+	+++	+++	+++	+++	+++	+	++	+++	17
Просо японское				+		++	+++	++		++				++	++	+++?	+++				+++	8 + 2?
Гаолян																					+++	1
Просо неидентифицированное		+				+								+				+++		++		5 + 1?
Ячмень плечатый						+	+						+			++	+++	+++		+		6 + 1?
Ячмень голозерный		+	++	++	++	++	+	++	+	+			+++	+	+	+++	+++	+++			+	16 + 1?
Пшеница мягкая						++	+++	+		+	+			+		++	+++	+++	+		+	11

ГОРОДА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Наверное, не будет преувеличением сказать, что кочевники в целом отрицательно относились к городскому образу жизни. Необходимость пребывать в замкнутом пространстве вызывала дискомфорт у привыкшего к вольнице номада. Не случайно, например, у татар в Восточной Европе существовала поговорка «чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь» (Меховский 1936: 213, прим. 46). Поэтому обедневшие и перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и при первой же возможности возвращались к подвижному скотоводству. По этой же причине монгольские ханы предпочитали пышным дворцам, окруженным неприступными стенами, юрту и вольную степь.

По всей видимости, ставки большинства предводителей племенных союзов и вождей на территории Монголии XI–XII вв. представляли собой большие скопления юрт, телег и прочей утвари, которые растягивались на много километров по пространству степи. «[При перекочевках] повозки передвигаются по пять в одном ряду. [При сборах для перекочевок они], как вереницы муравьев, как нити при плетении веревки, тянутся [к одному месту] справа и слева на [протяжении] пятнадцати ли. Когда [колонна из съехавшихся повозок] выпрямляется и половина [их] достигает воды, то [колонна] останавливается» (Пэн Дая, Сюй Ин 1960: 138).

Тем не менее только на территории Монголии и Забайкалья имеется более двух десятков городищ и поселений, относящихся к периоду существования Монгольской империи (Пэрлээ 1961; Майдар 1971; Данилов 2004; Ткачев 2009). Возможно, одним из наиболее ранних поселений протогородского типа является памятник Аврага (в другом варианте Аварга).

Аврага (Аварга)

Памятник находится в месте изгиба Керулена, на его левом берегу, примерно в 10 км к югу от населенного пункта Дэлгэрхаан и на правом берегу небольшой

одноименной речушки Аварга. В этом месте к северу от реки расположено около тридцати подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Возможно, это следы фундаментов жилых усадеб, ремесленных мастерских и иных сооружений, над которыми возвышались юртообразные конструкции (рис. 9.1). Примерно по центру расположено главное сооружение — так называемая «платформа 1». Платформа имеет прямоугольную форму (11,1×7,9 м) и защищена двумя глиняными валами прямоугольной формы, с юга — вход. С севера все поселение отгорожено еле прослеживающимся дугообразным валом, едва ли выполнявшим фортификационные функции.

Памятник начиная с 2001 г. раскапывается японскими археологами (Preliminary Report 2003; Preliminary Report 2004; Shiraishi 2005; 2006; etc.). Радиоуглеродные датировки их шурфов и траншей внутри платформы и рядом с ней показывают широкий разброс дат между серединой XIII и XV столетием (Shiraishi 2005: 13). Среди находок — большое количество костей лошадей, овец, коз, керамика, обломки чугунных котлов, втулки ступиц колеса, железные гвозди, пробои, костяные накладки на лук, бронзовые монеты и украшения, осколки фарфоровых изделий (некоторые фрагменты датируются серединой XV в.) и т.д. (там же: 77–88).

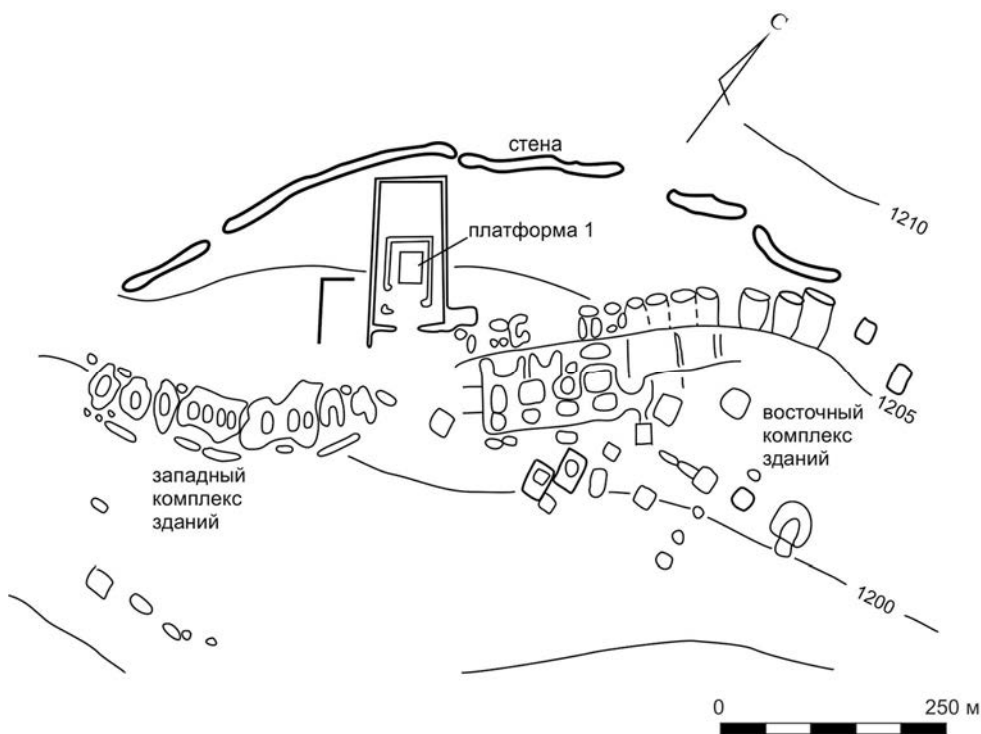

Рис. 9.1.
Аварга (Shiraishi 2005)

На памятнике выделено несколько культурных горизонтов. Первый, самый нижний, связывается с началом XIII в. В это время здесь была построена квадратная платформа со сторонами 17,6 м — ханская юрта Чингис-хана, по мнению Н. Шираиси. Горизонт 2а — восстановленный Угэдем в 1229 г. дворец. Горизонт 2б — снова восстановленное на этом же месте примерно в середине XIII в. здание, которое являлось хранилищем алтаря духа Чингис-хана. Горизонт 3 — стерильная прослойка четвертой четверти XIII в. Четвертый, последний горизонт авторы относят к самому концу того же столетия и связывают с сооружением в этом же месте святилища в память о монгольских хаганах.

Н. Шираиси связывает данный памятник со ставкой Чингис-хана, которая называлась *Аурух*. Он основывается на сообщении Чан-Чуня, согласно которому ставка располагается примерно в пяти днях пути на юго-запад от оз. Далайнор (Shiraishi 2005: 11–13; ср.: Rachewiltz 2004: 940). Это предположение разделяется не всеми. И. Рахевилц (Rachewiltz 2004: 499) считал Аурух собирательным названием ставки. По его мнению, этимология слова происходит из тюркского и обозначает нечто подобное «складу тяжелых вещей» или «лагерь». Он так и перевел этот термин на английский язык — *base camp* (основной лагерь). Из письменных источников следует, что Аурух не мог находиться в одном месте (Козин 1941: 173, § 233, 182, § 253). Ставка перекочевывала вместе с ее предводителем в зависимости от природно-климатических ритмов, политических и военных обстоятельств. На месте изучаемого японскими коллегами памятника могла быть, например, зимняя стоянка. С течением времени здесь мог сформироваться стационарный лагерь проживания какой-либо большой группы (например, обедневшие скотоводы и ремесленники).

Каракорум (Хархорин)

Создание империи и начало военных походов требовали переноса ставки из Восточной Монголии в новое место. В 1220 г. было принято решение о строительстве столичного города в историческом центре Монголии — долине Орхона. Место для столицы было выбрано не случайно. По всей видимости, Чингис-хан знал, что на этой территории располагались центры предшествующих степных империй (Трепавлов 1987), и рассматривал себя в качестве их преемника (Allsen 1996). Однако реальное строительство Каракорума (монг. Хархорин) началось только в 1235 г., когда, согласно «Юань ши», были воздвигнуты ханский дворец, городские стены и начато строительство других дворцов и жилищ для представителей монгольской элиты (Бичурин 1829: 250, 251). Эти данные подтверждаются сведениями из «Сборника» Рашид ад-Дина (1960: 40), по которым дворец Угэдея был возведен привезенными для этих целей из Китая ремесленниками и мастерами, он был с «высокими основаниями и колоннами». Каждая сторона дворца равнялась расстоянию в полет стрелы, т.е. примерно полтысячи шагов. Дворец получил название «Ваньянгу́н» (монг. *tïmen amuyulang*) — «дворец мира на десять тысяч лет».

Город не был подчинен правилам китайской геомантии. В некотором роде это был типичный кочевой лагерь на территории степи (Allsen 1996). Столица имела форму, близкую к прямоугольнику (в южной части — к равнобедренной трапеции). Северная стена была длиной 1900 м, восточная — 1320 м, западная — 1520 м, южная прослеживается на 560 м (Erdenbat, Pohl 2005). Высота городских стен не превышала 2 м, а глубина рва была не более 1,5 м при ширине до 7 м. Очевидно, что такая стена не была предназначена для крупномасштабной обороны от нападавшего врага (Киселев 1965: 173).

Местоположение будущей столицы было обусловлено в первую очередь геополитическими преимуществами. Из долины Орхона гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу, и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан. Теоретически нельзя исключать и того, что это было вызвано определенными амбициозными претензиями Угэдея на символическое господство в степном мире, и именно поэтому монгольские правители остановили свой выбор на месте, расположенном неподалеку от священных руин империй далекого прошлого — каменных изваяний тюркских каганов и развалин столицы уйгурского ханства (Allsen 1996). Возможно, местом первоначальной ставки была избрана территория городища Тахай-балгас у г. Малахитэ, где, по мнению ряда исследователей, располагалась ставка кереитов (Ткачев 1986: 225). Достаточно часто выбор имперских городов был обусловлен подобными причинами, поскольку основание столицы должно было ознаменовать наступление новой эпохи, идеологически отграничить царствующего правителя от предшественников и символически переструктурировать пространство и внутренние границы империи (Sinopoli 1994: 170–171).

Другой значимой причиной создания столицы было включение в состав Монгольской империи стран с земледельческо-городской экономикой. Это требовало принципиально иных способов управления завоеванными народами. В создавшейся ситуации выходом могли быть создание бюрократического аппарата по подобию завоеванных земледельческих цивилизаций и хотя бы частичная седентеризация органов управления. Афористично эту проблему выразил знаменитый советник первых двух монгольских ханов Елюй Чуцай в словах, обращенных к сыну Чингис-хана Угэдею: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» (Мункуев 1965: 65).

Наконец, важное место в создании столицы сыграла необходимость концентрации ремесленников из завоеванных стран. Монголы очень скоро осознали нехватку подготовленных кадров в различных областях деятельности, далеких от привычного образа существования номадов, но еще быстрее поняли, что квалифицированный специалист является таким же богатством, как скот или материальные ресурсы. Поэтому уже после захвата Самарканда в 1221 г. в плен была взята тысяча ремесленников (Рашид ад-Дин 1952б: 208). После покорения Хорезма в Монголию было угнано, по данным «Сборника» Рашид ад-Дина (1952б: 217), 100 тыс. ремесленников. Несомненно, это фантастическая цифра, которая свидетельствует только о том, что пленных было «видимо-невидимо». Следующая масштабная волна насильственной депортации ремесленников была

связана с походами на государство Цзинь, в результате чего в Каракорум было привезено много искусных ремесленников и мастерового люда, которые занимались украшением внутренних покоев дворца и производством для него утвари и различных украшений (Рашид ад-Дин 1960: 40). Третья масштабная волна уже относится к 1255–1259 гг., когда Хулагу присоединил к владениям империи территорию Ирана.

В Каракорум были свезены ремесленники и крестьяне из Китая и Средней Азии (Juvaini 1997: 236). Сюда собирались торговцы, дипломаты, путешественники и искатели приключений фактически со всего Старого Света. Кого здесь только не было! По словам европейских путешественников, в Каракоруме пребывали чжурчжэни и китайцы, жители Средней Азии, аланы, армяне, венгры, греки, грузины, немцы, русские, французы (при всей условности этнических наименований применительно к этому времени) (Книга Марко Поло 1956: 156; Плано Карпини 1957: 41, 58, 77; Рубрук 1957: 137–139, 143, 144, 161). Население Каракорума было объединено в несколько религиозных общин (Рашид ад-Дин 1960: 164).

Археологические материалы и музейные коллекции подтверждают данные сведения. Можно проследить близость концевых дисков черепицы на чжурчжэньских памятниках Приморья (Шавкунов 1990: 225) и средневековых памятниках Монголии (Киселев 1965: 93, 101, 320). Типичные чжурчжэньские каны найдены на многих археологических объектах монгольского времени: в Каракоруме, Хирихирином городище в Забайкалье, городище Дён-терек в Туве (Киселев 1965: рис. 20–22, 29, 33, 41, 74–75, 103–104; Артемьев 2005: 9). На городище Дён-терек в Туве обнаружены украшения в виде головы дракона и птицы феникс (Киселев 1965: 94–95), почти идентичные находкам из Приморья (Шавкунов 1990: 226). Подробное описание фарфоровых и поливных изделий из Каракорума, сделанное Л.А. Евтюховой, определенно указывает на их цзиньское и сунское происхождение, особенно таких сортов, как *цзюньяо*, *цычжэсоу* (Киселев 1965: 216–258). Некоторые орнаменты на сосудах имеют сходство с клиновидным орнаментом древнерусской керамики из Старой Рязани (Киселев 1957: 99–100).

До наших дней дошло подробное описание столицы Монгольской империи, сделанное Г. Рубруком: «О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (*non ita bona*) пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал Катайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней» (Рубрук 1957: 165).

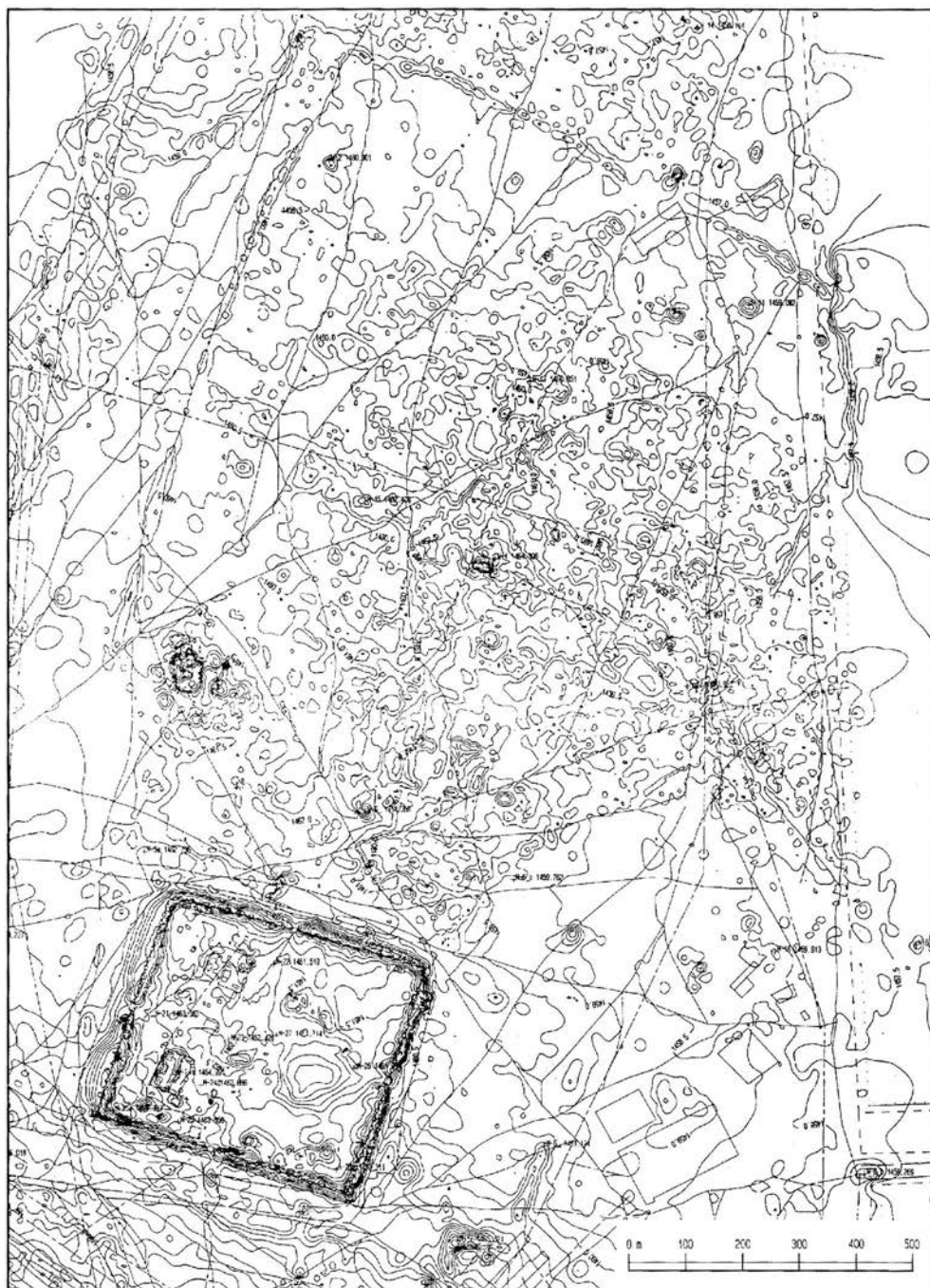

Рис. 9.2.
Каракорум (Като 1997)

Из этого описания следует, что город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий. Изучение распределения монет на территории Каракорума показывает, что северосунские монеты концентрируются в основном около дороги и близ восточных ворот. Напротив, возле дворца количество типичных в обращении монет гораздо меньше (Miyake 2005: 20). Современные исследователи полагают, что в Каракоруме проживало всего около 10–15 тыс. человек (Allsen 1996; Barkmann 2002: 14).

Необходимо также иметь в виду, что Рубрук смотрит на столицу Монгольской империи глазами средневекового европейца. Он понимает город только как пространство, огороженное стенами, а окрестности территории, занятые юртами и палаточными лагерями, оказались вне его восприятия городского пространства. Именно поэтому, с его точки зрения, размеры монгольской столицы не были более аббатства Сен-Дени из парижского предместья (Ткачев 1986: 223).

Наиболее точный план города (рис. 9.2, 9.3) был снят в конце XX в. японскими археологами (Kato 1997). Топографические планы показывают пространственную структуру города без хронологической динамики. Единственное исследование было выполнено японским археологом Н. Шираиси (Shiraishi 2001; 2002). Он основывался на сборе подъемных материалов (в первую очередь размеров кирпичей, на основе которых строилась авторская концепция хронологии) и исследованиях предыдущих авторов. По его мнению, первоначальным местом концентрации строительных работ были территория дворца и ось двух перекрещивающихся улиц. При этом он нашел более ранние материалы, датировав их VIII–XI вв. (Shiraishi 2002: 221). Следующим этапом, после строительства дворца, был период массового сооружения дворцов, крупных зданий в направлении к северу от дворца и к восточным воротам. Он разбил этот период на две фазы. На третьем этапе было построено мусульманское кладбище, территория города была расширена за пределы восточных ворот и построены храмовые конструкции в районе ныне действующего монастыря Эрдэни-цзуу. Этот период продлился до 1368 г. Между 1388 и 1585 гг. данная территория была не заселена. Так, в общих чертах, выглядела картина развития города (ibid.: 221–222, 228–230).

Интересные данные дает анализ послыонного распределения находок монет в Каракоруме (Киселев 1965: 184). Находки денег преимущественно в верхних слоях (1–6) так называемого «дома на перекрестке» показывают, что на начальных этапах существования города (соответственно слои 7–11) товарно-денежные отношения не играли важной роли. Можно предположить, что изначально перераспределение осуществлялось в основном посредством прямого обмена. Лишь позднее эти отношения были дополнены рыночными механизмами. Отсутствие массового количества денежных единиц других государств, по всей видимости, свидетельствует о том, что основные торговые операции внутри города производились в китайской валюте.

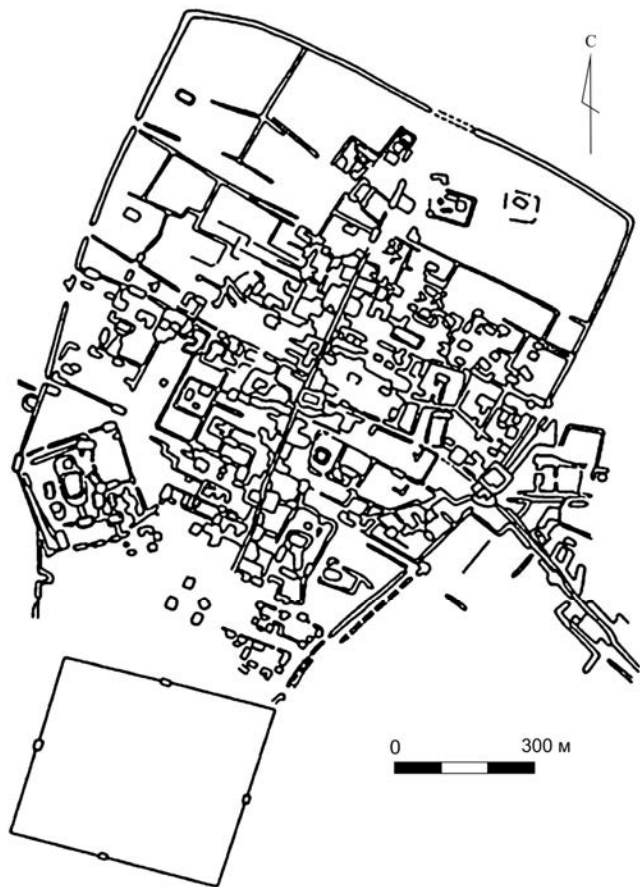

Рис. 9.3.
Каракорум (Kato 1997)

В южной части города находился хаанский дворец. Его подробное описание также было сделано Г. Рубруком: «Дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу... хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы (gradus): по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается. Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами, по которым поднимаются к хану, остается пустым; именно там становится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там сверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого — женщины¹. Дворец простирается с севера на юг. К югу, рядом с колонна-

¹ Это типичное для кочевников деление юрты на женскую (левую) и мужскую (правую) стороны.

ми, у правого бока, находятся возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братя хана. На левой стороне сделано так же; там сидят его жены и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он». Перед этим дворцом находилось знаменитое винное дерево, сделанное мастером Вильгельмом из Парижа. У корней дерева «находились четыре серебряных льва, имевшие внутри трубу, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутрь дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой — каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей — бал, то есть напиток из меда, из четвертой — рисовое пиво, именуемое террацина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом верху сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек. Через сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала он устроил раздувательные мехи, но они не давали достаточно ветру. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные. Итак, когда начальник виночерпиев нуждался в питье, он кричал ангелу, чтобы загудела труба; тогда лицо, спрятанное в подземной пещере, слыша это, сильно дуло в трубу, ведущую к ангелу; ангел подносил трубу ко рту, и труба гудела очень громко. Тогда, услышав это, прислужники, находившиеся в подвале, наливали каждый свой напиток в особую трубу, а трубы подавали жидкость вверх и вниз в приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпии брали напиток и разносили его по дворцу» (Рубрук 1957: 158–159).

В течение 1948–1949 гг. исследования крупного дворцового здания, находящегося в юго-западной части города, проводились выдающимся советским археологом С.В. Киселевым, определившим его как дворец Угэдея (Киселев 1965). В начале нового тысячелетия немецкий археолог Х.-Г. Хюттель пересмотрел эту точку зрения и интерпретировал данное здание как храм. Он основывался в первую очередь на несоответствии результатов раскопок С.В. Киселева визуальному описанию дворца, сделанному Г. Рубруком (рис. 9.4). Дворец, по мнению Хюттеля, должен был располагаться в районе современного монастыря Эрдэни-дзуу (Hüttel 2005). В 2005–2006 гг. были сделаны две траншеи в районе стены монастыря Эрдэни-цзуу. Там была зафиксирована стена более раннего времени (Hüttel 2009). Справедливости ради следует сказать, что стена более раннего времени, ниже стены из белого кирпича монастыря Эрдэни-цзуу, была зафиксирована еще во время тщательного обследования руин города проницательным Н. Шираиси (Shiraishi 2002: 228–229), однако он не придал этому большого значения. Судя по всему, размеры ханского дворцового комплекса были примерно 400×800 м. Он был разделен на две части внутренней стеной. Кроме того, неподалеку от раскопок С.В. Киселева были обнаружены гончарные печи (Franken 2005).

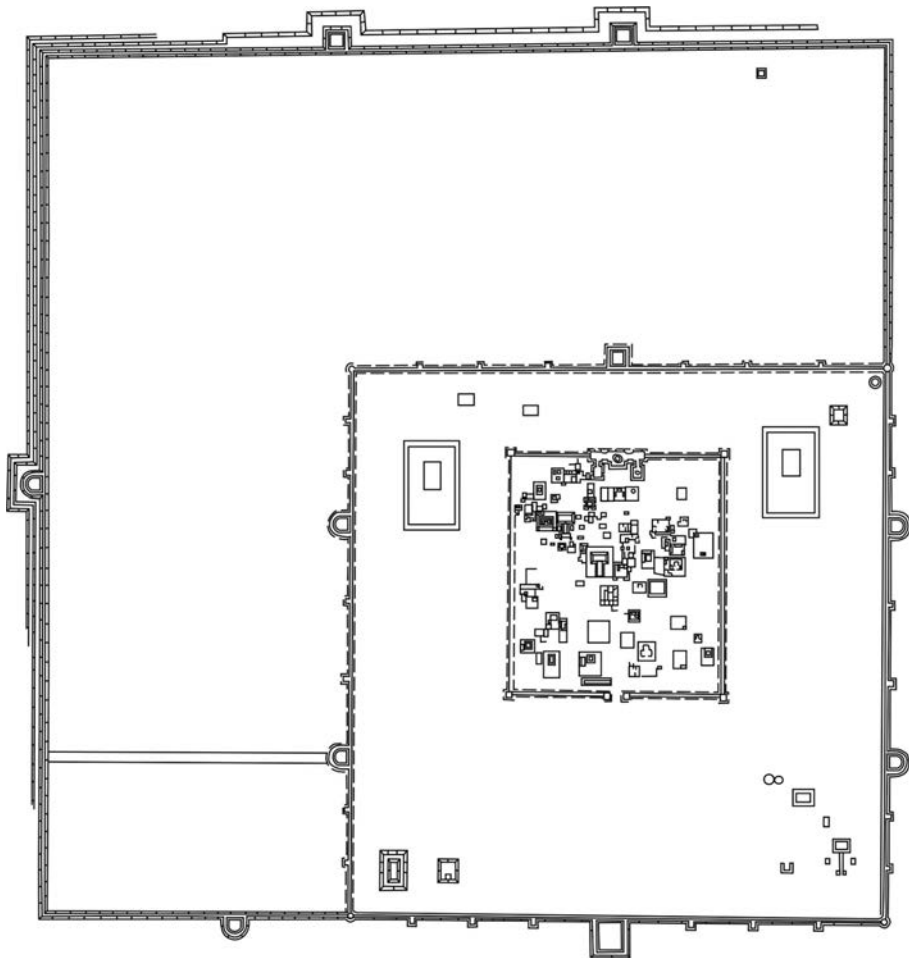

Рис. 9.4.
Шанду (Верхняя столица)

Другой отряд, под руководством Э. Поля, проводил исследования в районе перекрестка главных улиц. При раскопках в центре города были исследованы особенности стратиграфии. В нижнем горизонте были обнаружены остатки дороги с деревянными бордюрами. Дорога была выложена известняковой плиткой на гравийной подушке. В процессе раскопок было обнаружено множество разнообразных находок — монеты, наконечники стрел, украшения, втулки, ступицы колеса и др. Было подтверждено предположение, что в районе перекрестка находились остатки ремесленного квартала, о чем свидетельствуют многочисленные находки шлаков, заготовок для работы, печь для плавки цветных металлов, наковальня, горшочек с ртутью для ювелира (Erdenbat, Pohl 2005; Pohl 2009; Vemmann et al. 2010).

Надо сказать, что Угэдей-хаан большую часть своего времени проводил в сезонных перекочевках. «Весенним его местопребыванием были окрестности Каракорума, летним — луговья... осенним — [местность от] Куше-нор по Усункул, в одном дне пути от Каракорума, а зимним — Онг-хин» (Рашид ад-Дин 1960: 41). Н. Шираиси реконструирует этот сезонный маршрут следующим образом. Весной хаган путешествовал на север от Каракорума, где в окрестностях Дойтынбалгаса развлекался соколиной охотой. С началом лета он переезжал к югу от столицы под защиту прохлады Хангайских гор. С наступлением зимних холодов Угэдей переезжал на юг ближе к Гоби. Ранней весной он возвращался в Каракорум для решения государственных дел. Общая протяженность маршрута составляла около 450 км (Shiraishi 2004: 113–115). Гуюк, несмотря на короткий срок своего правления, как и отец, придерживался кочевого образа жизни (Плано Карпини 1957: 25). Этой традиции не изменил и Мункэ (Рубрук 1957: 153–154, 158).

В окрестностях Каракорума имеется много различных археологических объектов. Один из них, например городище Джаргаланд, расположенное к западу от монастыря Эрдэни-дзуу в одной из боковых долин, представляет собой прямоугольник размером примерно 100×60 м. Высота вала более 5 м, ширина у основания доходит до 12–14 м. Кроме того, имеется еще и невысокий внешний вал. На территории памятника встречаются жилищные западины и другие объекты. Нередко попадаются небольшие усадьбы, остатки которых в наши дни представляют собой холмообразные возвышения, окруженные валом квадратной формы с выходом, как правило, на юг. Точная датировка подобных объектов неизвестна. Археологические исследования здесь практически не велись. По подъемному материалу следует предположить, что они относятся ко времени Юаньской империи. Можно также допустить, что их существование относится к тому периоду, когда жизнь в центральной Монголии не была настолько безопасной, как в первые полвека существования державы. Иначе зачем бы понадобилось возводить вокруг жилых строений защитные стены?..

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением В.И. Ткачева, который полагает, что всю долину Орхона — от горы Малахитэ фактически до озера Угий-нур — можно рассматривать как сезонные очаги застройки столицы Монгольской империи (1986: 227–230). На этой территории хватало места и для размещения ханских ставок с многочисленной дворцовой челядью и кешиктенами, отдельных усадеб, храмовых комплексов, юрточных и палаточных городков сопровождавших хана монгольских аристократов, посланников иноземных государств, приезжих купцов и прочего разного люда. Приходя к схожим выводам, Н. Шираиси предлагает рассматривать данную территорию как *пригородную* (*peri-urban*) зону (Moses, Greer 1998; Shiraishi 2004: 114–116). Ее размеры варьировались в зависимости от сезона и местонахождения хана и его двора.

Помимо этого, в окрестностях столицы были найдены печи для выплавки чугуна (Pohl et al. 2012), а также каменоломни (Wemmann et al. 2011). Существовало два способа добычи камня. Там, где гранит был на поверхности, его добывали открытым способом. Другой способ предполагал разработку карьера. Для раскалывания камня выбивались клиновидные пазы или канавки длиной

около 10 см. Подобные каменоломни были найдены около Кондуйского городка в Забайкалье.

Включение в состав монгольской державы большого количества населения, которое не было привычно к типичной для степняков пище (мясо-молочные продукты), требовало создания специальных поселений для занятия хлебопашеством, распашки пригодных для земледелия территорий поблизости от Каракорума. «За последнее время [татары] захватывают людей Срединного государства и превращают [их] в рабов, [которые] бывают сыты, только [если] едят хлеб. Поэтому [татары] стали захватывать рис и пшеницу, и [теперь] в лагерях также варят кашу и едят» (Мэн-да бэй-лу 1975: 69). Археологические раскопки подтверждают данные письменных источников. На этой территории найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова (Наваан 1962: 64; Киселев 1965: 135, 210–211, 213–214).

Правда, этот район считается не очень благоприятным для развития земледелия — здесь выпадает мало осадков и слишком большие холода зимой. Вероятно, поэтому монгольские хаганы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие для жителей города. От Каракорума в направлении Китая на расстоянии в пять фарсангов были размещены ямские станции, на каждом перегоне поставлены сторожевые тысячи для охраны проезжающих по дороге (Рашид ад-Дин 1960: 41). Ежедневно в город по указу Угэдея прибывало 500 повозок, запряженных восьмью волами и нагруженных продуктами и напитками. Всё привезенное хранили в специальных амбарах и расходовали по мере необходимости (там же). Когда началась война между Хубилаем и Ариг-бугой, первый перекрыл подвоз продуктов в Каракорум, и в городе начался голод (Рашид ад-Дин 1960: 161). Постепенно перенос центра империи на юг привел Каракорум к упадку (Rossabi 1988: 113–114).

Каракорум оставался столицей до 1260 г., когда Хубилай перенес столицу из Каракорума в Кайпин (Шанду), а в 1264 г. — в Яньцзин (Пекин). Однако, несмотря на это, значение Каракорума как важного центра торговых коммуникаций не было утрачено. Об этом, в частности, свидетельствует раскопанный неподалеку от северного вала городища могильник с мусульманскими захоронениями этого времени, а также находки серебряных золотоордынских монет 1340-х годов (Войтов 1990: 133, 140, 146). Город также продолжал жить и после гибели династии Юань. Об этом свидетельствует находка бронзовой печати казначейства династии Северная Юань, датированной 1370 г. (Pohl 2009: 511, fig. 10).

Несмотря на то что Каракорум просуществовал в качестве столицы всего три десятилетия (как город 150–200? лет), толщина культурного слоя в центральной части памятника достигала, по мнению С.В. Киселева, 5–6 м (согласно современным данным, около 8 м). Это обусловлено активной жизнедеятельностью на данной территории. Стратиграфически в центральной части города также прослеживаются следы двух пожаров, которые еще С.В. Киселев (1965: 176, 192) связывал соответственно с захватом города китайскими войсками в 1380 г. (Далай 1983: 136) и разграблением во время усобиц при Тимур-каане в 1295 г. (Рашид ад-Дин 1960: 210) или осадой при Хубилае в 1261 г. (там же: 164).

Шанду (Верхняя столица)

Верхняя столица (Шанду) в архитектурном и культурном контексте являлась чем-то средним между Великой столицей (Даду) и Каракорумом (Хархорином) — степной столицей. Ее возведение связано с именем Лю Бин-чжуна (подробнее о нем: Chan Hok-lam 1967; Rossabi 1988: 28–30), одного из ближайших советников Хубилая. Именно ему в 1256 г. хаан поручил подыскать место для города в соответствии с традиционными принципами китайской геомантии. В том же году началось строительство новой столицы (Rossabi 1988: 31–32). Место было выбрано на границе степи и сельскохозяйственных территорий к северу от р. Луаньхэ и северо-западнее озера Долон-нур. Сначала город получил название *Кайтин* (Начало спокойствия), но в 1263 был переименован в *Шанду* (上都 Верхняя столица). Именно здесь была проведена инаугурация Хубилая в 1260 г.

Город был ориентирован по сторонам света и состоял из трех рядов стен (рис. 9.4). Внешний вал квадратной формы имел периметр 8800 м, высота вала 5 м. В валу было семь ворот, укрепленных дополнительными сооружениями, по двое в северном, восточном и южном валу и одни ворота в западном валу. В юго-восточной части города, примыкая к южному и восточному валу, находился императорский город, также в форме квадрата. Периметр его вала 5600 м, высота 5–6 м. Вал был сделан методом *ханту* и снаружи обложен камнями. В валу было шесть ворот, укрепленных дополнительными сооружениями. Одни ворота были расположены по центру северного и южного валов, по двое ворот с западной и восточной стороны. На каждом углу были башни. Кроме этого, на расстоянии примерно 150 м друг от друга на стенах располагались фронтальные башни. Снаружи и внутри от западных ворот находились лавки торговцев (Steinhardt 1988; Вэй Цзянь 2015).

На территории Верхней столицы найдены административные здания, склады, усадебные комплексы, торговые лавки, казармы, почтовые станции, жилища различных категорий населения (Wei Jian 2008). В северо-западной и северо-восточной частях Императорского города располагались буддийские храмы Цяньюань и Далунгуанхуаянь. В юго-восточном углу — храм Конфуция и школа. Внутри Императорского города находился дворцовый город, прямоугольной формы. Длина валов в меридиональном направлении 605 м, в широтном — 542 м. Внутри дворцового города находились фундаменты более 30 дворцовых и административных построек (Вэй Цзянь 2015: 407). По сообщению Марко Поло, главный дворец был выстроен из камня и мрамора, залы и покои отделаны золотом (Марко Поло 1956: 95).

В 1330 г., по данным переписи, в столице было более 40 тыс. домов и проживало около 120 тыс. человек (из них примерно половина внутри городских стен) (Вэй Цзянь 2015: 410). Несмотря на то что город строился по китайским правилам структурирования пространства, его внутренняя планировка была несколько нетипичной для китайского города. Во-первых, это следует из того, что Императорский город находился в юго-восточной части столицы, а ведь престижными

пространствами у монголов считались находившиеся на юге. В данном случае это справедливо и в отношении востока, который был более почетным у кочевников. Во-вторых, северная часть города (где у китайцев располагались дворцы и административные кварталы) была пустой, здесь находилась парковая зона. Согласно описанию Марко Поло, «вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие» (Марко Поло 1956: 95–96).

Город был фактической летней столицей династии. Сюда переезжал в жаркое время император с семьей и двором. По всей видимости, в северной части города в летнее время ставили юрты и палатки родственники императора, располагался двор, а также охранявшие императора кешиктены. В этой зоне ежегодно возводился разборный бамбуковый дворец, в котором Хубилаю было комфортно переносить знойный сезон.

По источникам известен порядок сезонных перекочевков Хубилая, который утвердился после строительства главной столицы — Даду. Здесь он жил примерно полгода — с сентября по февраль. Следующие три месяца хаган проводил на охоте и с начала мая до конца августа жил в своем бамбуковом дворце в Шанду (Книга Марко Поло 1956: 114, 116–118, 287–288). Венецианец оставил подробное описание дворца: хан «в той равнине, за стеной... выстроил большой дворец из бамбука; внутри он вызолочен и расписан зверями и птицами тонкой работы. Крыша тоже из бамбука, да такая крепкая и плотная, никакой дождь ее не попортит... великий хан построил его так, чтобы можно его по желанию переносить; более двухсот шелковых веревок поддерживали его. Великий хан живет здесь три месяца: июнь, июль и август; живет он тут в это время потому, что здесь не жарко, а очень приятно; в эти месяцы бамбуковый дворец великого хана собран, а в остальные он разобран» (Марко Поло 1956: 96).

Около города были расположены четыре пригородные заставы. Там находились торговые лавки, которые одновременно являлись жилыми помещениями. На севере находились казармы, на юге раскопаны питейные заведения, с внешней стороны западных ворот — большой рынок. К северу от города находилось монгольское кладбище, а к юго-востоку — китайское (Wei Jian 2008). Город был разграблен и сожжен в последний год существования династии Юань.

Даду (Великая столица)

В 1266 г. было принято решение о строительстве столицы на юге, в районе современного Пекина. Место для нее было выбрано к северо-востоку от Чжунду (中都), Средней столицы чжурчжэньского государства. Город располагался в северной части Китая, что позволяло осуществлять одновременный контроль как

над завоеванными территориями, так и над степью. Кроме того, выбор места был обусловлен удобным месторасположением для обороны, доступом к водным ресурсам и продовольствию. Для этих целей Великий канал был продлен до самой столицы. Через город протекали три реки (Rossabi 1976: 132).

Первоначально город назывался Яньцзин, а с 1272 г. получил наименование Даду (Великая столица 大都). Монголы называли его *Дайду* или *Йеке нийслэл*, а тюрки — *Ханбалык* или *Ханбалгасун* (город хана) (Rossabi 1976: 131). Город был спланирован Лю Бин-чжуном в соответствии с правилами китайской геомантии. В 1267 г. были начаты строительные работы, которые продлились до 1285 г. К ним было привлечено 28 тыс. человек (Steinhardt 1983: 155–156; 1990: 154–160).

Город имел форму прямоугольника, близкого к квадрату и ориентирован строго по сторонам света (рис. 9.5). Периметр внешнего вала составлял 28 600 м. По словам Марко Поло, вал был «в высоту шагов двадцать, а в толщину внизу шагов десять; наверху стена не так толста, как внизу; чем выше, тем тоньше, на самом верху шага три в ширину» (Марко Поло 1956: 107). Он был сооружен в 1267–1268 гг. из земли способом *ханту* (Liu 1992). Рашид-ад-Дин оставил любопытное описание того, как это осуществлялось на практике: «Кладут две доски, между ними насыпают влажной земли и уминают [ее] большой дубиной, пока не затвердеет, доски отнимают — получается стена. Так как [там] выпадает много дождей, а земля той области рыхлая, то такая стена бывает крепкой» (Рашид ад-Дин 1960: 174–175).

На внешнем валу имелось 11 ворот — по три с каждой стороны, кроме северной, где ворот было двое. Ширина ворот около 10 м. В городе были две большие улицы шириной 25 м. Марко Поло искренне восхищался размером главных столичных улиц. «Улицы в городе, скажу вам, широкие, прямые, из конца в конец все видно, из одних ворот в другие» (Марко Поло 1956: 107). Город был разделен улицами на 54 квартала. По широким улицам одновременно могли проскакать девять всадников в ряд (Rossabi 1976: 132).

В южной части столицы находился Императорский город (*хуанчэн*), где располагались административные здания, склады, дворцы Хубилая и его жен и наложниц, двор ученых. Здесь также имелись парки с водоемами и мостами. Императорский город был разделен двумя связанными между собой водоемами на две неравные части — западную и более обширную восточную. Именно в восточной части располагался Дворцовый город (*гунчэн*). По всей видимости, это тоже не случайность — восточная сторона у кочевников считалась более почетной, чем западная.

Н. Стейнхардт полагает, что план Даду главным образом следовал планиграфии классических столиц династий Китая (Steinhardt 1983: 152–154). Однако само по себе наличие Императорского города в южной части соответствовало монгольским представлениям об организации пространства. При организации кочевого лагеря южная часть считалась более престижной. Именно здесь располагалась ханская ставка, а к югу от нее должно было располагаться открытое пространство. Скорее всего, именно поэтому в Даду, к югу от Императорского города до южной стены находилось пустое пространство, тогда как в западном и восточ-

ном направления были многочисленные кварталы жителей города, отделенные друг от друга прямыми линиями улиц, идущими в широтном и меридиональном направлениях. Помимо этого, в северной части города располагалось несколько огромных участков (каждый не менее Императорского города), на которых нет следов улиц и кварталов. Возможно, это территории, на которых стояли юрты и палатки сопровождавших хана при перекочевках родственников, представителей элиты и двора, а также воинские гарнизоны. Как и в Шанду, в северной части Великой столицы была огромная парковая зона, в которой было насажено множество деревьев и куда выпущено много диких животных. Кроме того, на территории города имелось озеро, куда напустили самых разных рыб (Марко Поло 1956: 107).

Монгольское влияние выражалось также во многих деталях. Спальня Хубилая, например, была отделана мехом горностая. Он повелел для алтаря набрать травы и земли в Монголии, чтобы помнить о своей родине. В его главном парадном зале были размещены механические тигры (Rossabi 1976: 133). Кроме этого, в парках часто были расставлены монгольские юрты и шатры, в которых проживали ханские сыновья и другие родственники, предпочитая привычные условия жизни дворцовым сквознякам. Любопытный пример приводит П. Рачневский: когда одной из ханш пришло время родить, она ушла из покоев в юрту (цит. по: Rossabi 1976: 133).

Обычным жителям города было запрещено оставаться в Императорском городе на ночь. В главном дворце была расположена колокольня, которая давала сигнал к введению ночного режима. «Звонит тот колокол ночью, чтобы никто не смел ходить по городу после третьего бою; пробьет колокол по-указанному три раза, никто и не смеет ходить по городу, разве только те, кто к роженицам да к больным идут, да и те идут с фонарями» (Марко Поло 1956: 107).

Поскольку к югу от новой столицы находился цзиньский город Чжунду, его население продолжало заниматься торговлей и ремеслами, обеспечивая потребности главной столицы династии Юань. В совокупности с окружающими предместьями все это стало основой для формирования Южного города (Наньчэн 南城). При этом часть населения была переселена из Чжунду в новую столицу (Марко Поло 1956: 118). В целом население города и его окрестностей составляло 401 350 человек (Gaohua 2015: 35).

В Даду побывал Марко Поло, который описал столицу с неподдельным восторгом: «Домов и народу в этом городе, и внутри, и вне, превеликое множество... в предместьях жителей более, нежели в городе, там пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана... везут сюда драгоценные камни, жемчуг и всякие другие дорогие вещи. Все хорошие и дорогие вещи из Катая и других областей привозят суда; и все это для государей, что живут здесь, для их жен, для князей, для великого множества военных людей и для тех, что приходят сюда, ко двору великого хана... много здесь товаров продается и покупается. Каждый день, знаете, приезжает сюда более тысячи телег с шелком; ткутся тут сукна с золотом и шелковые материи» (Марко Поло 1956: 118–119).

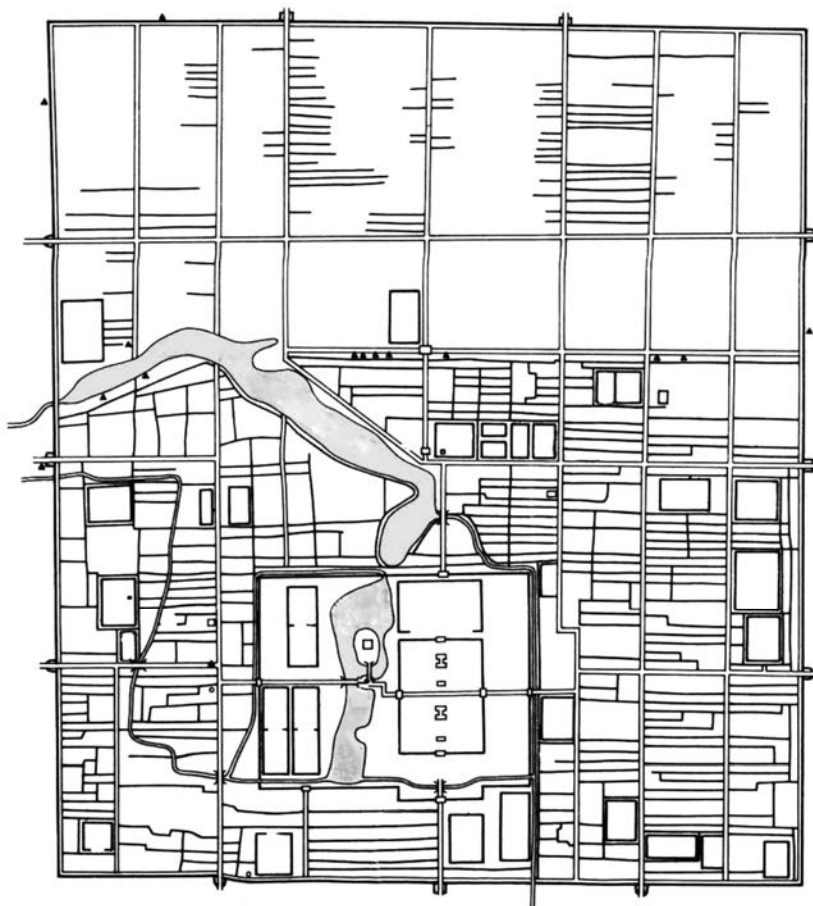

Рис. 9.5.
Даду (Великая столица)

В «Сборнике» Рашид-ад-Дина есть краткое описание ханского дворца, записанное с чьих-то слов: «Колонны и пол в нем целиком из мрамора, он очень красив и наряден; вокруг него четыре двора, один от другого на расстоянии полета стрелы. Внешний (двор) — для дворцовых слуг, внутренний — для сидения эмиров, которые собираются здесь каждое утро, третий — для стражи, и четвертый — для приближенных» (Рашид ад-Дин 1960: 174).

Побывавший в Даду Марко Поло сообщает дополнительные подробности: «Посередине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша пре-высокая. Стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть. Диву даешься, сколько там

покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит как кристалльная и светится издалека кругом дворца. Крыша эта, знаете, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы» (Марко Поло 1956: 106).

Город оставался столицей до конца существования династии. В августе 1368 г. войска Чжу Юаньчжана взяли Даду, после чего император Тогон-Тэмур был вынужден бежать со своей свитой и родственниками в монгольские степи. Сохранилось несколько версий стихотворного «Плача Тогон-Тэмюра» — последнего императора Юань. Версия, приводимая в «Алтан тобчи», хорошо передает ностальгические переживания по поводу утери города, ставшего для высшей монгольской элиты родным: «Разного рода драгоценностями, прекрасными и совершенными, наполненный мой Дайду!.. В год красного-лысого зайца лишился я тебя, милый Дайду! Если сверху посмотришь утром — туман, о прекрасная дымка моя!.. Преисполненный разного рода драгоценностями, мой восьмигранный субурган! Преисполненный девятью драгоценностями Дайду, мой город!.. Всем [моим] народом построена столица Дайду, дворцами наполнен был милый мой Дайду! Все разрушено [ныне] китайским народом!» (Лубсан Данзан 1973: 253–254).

Хирхириновое городище

Помимо столицы Каракорума известны другие города и крупные поселения Монгольской империи на территории Забайкалья и Внутренней Монголии. Возможно, самое известное из них — Хирхириновое городище, которое находится в России на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Фактически это открытое поселение без фортификационных сооружений, состоящее из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов. Памятник вытянут по линии запад–восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север–юг. В западной части усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной — объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков (рис. 9.6, илл. 9.1: 1). К северу от Хирхиринового городища, на ближайшей возвышенности находится могильник Окошки монгольского времени (Киселев 1961; Харинский и др. 2014).

В юго-восточной части памятника, в 350 м от берега Хирхиры располагалась ставка местного хана (110×100 м), окруженная валом с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом (рис. 9.6, илл. 9.1: 2). Дворец имел деревянные стены и четырехскатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселева в 1957–1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи) (илл. 9.4: 1–4), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Киселев 1965: 23–58). С.В. Киселев датировал памятник XIII веком и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

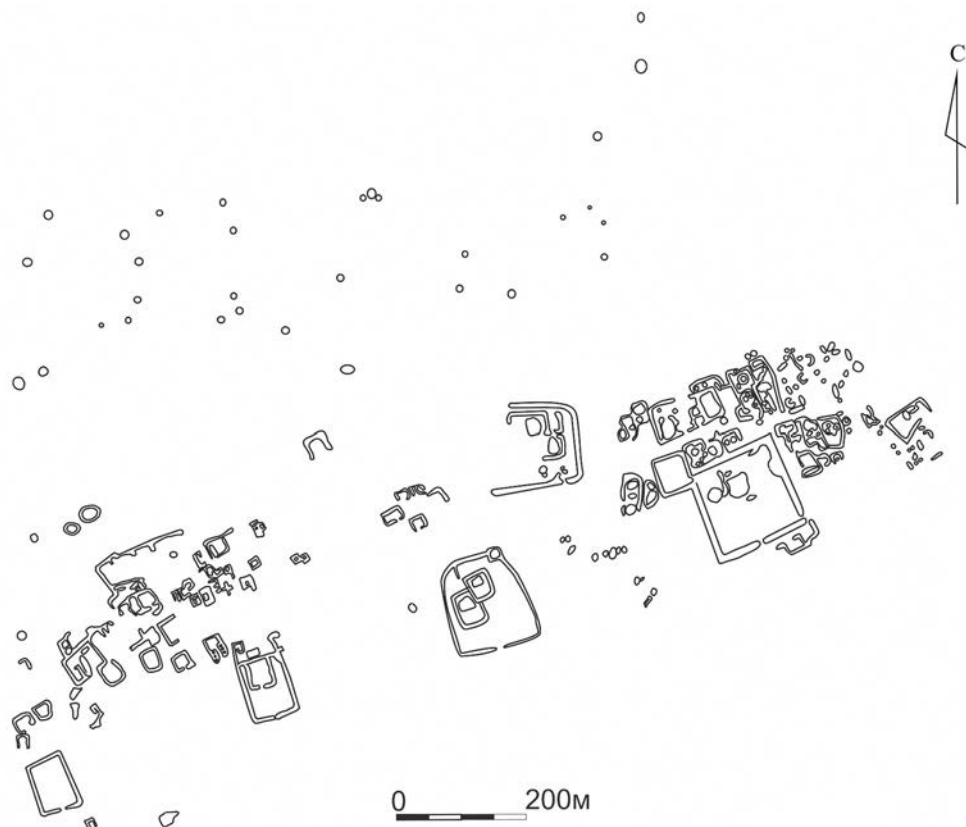

Рис. 9.6.
Хирхиринское городище

Начиная с 1997 г. в течение ряда лет памятник исследовался А.Р. Артемьевым (2005). Им были раскопаны две усадьбы. В первой, восточной части города находилось два жилища с канами (одно с кирпичным полом) (илл. 9.1: 3). Во второй на западном краю памятника было найдено здание с 12 базами от колонн и каном. Среди находок предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего попавшая сюда из Европы. А.Р. Артемьев также получил радиоуглеродные даты по западной усадьбе (1330–1420), которые расширили время существования памятника (2005: 13–14).

Наши исследования на памятнике в 2013–2014 гг. проводились на другой усадьбе, расположенной в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колоннами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой. Внутри найдены печь и остатки кана сложной конструкции (илл. 9.1: 4), а также

много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики, в том числе больших сосудов — хумов (илл. 9.2, 9.3). Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтверждают, что памятник существовал в XIV в.

Неподалеку от Хирхиринского городища, в 9 км к северо-востоку находится отдельно стоящая дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17×28–32 м, вытянутую по линии север–юг. С южной стороны склон имеет пологий спуск — пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м) близкой к квадрату формы размером примерно 71×71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы размером примерно 64×33 м. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. нами были изучены северная и западная части усадьбы, а также прилегающая к ним северная часть двора (Крадин и др. 2012; Крадин и др. 2014).

Платформа была сложена из плотной глины серого цвета. В процессе раскопок обнаружены следы нескольких дымоходных каналов. Трехканальный кан находился в северной части дома, остальные несколько канов были исследованы во время раскопок западной части жилища (илл. 9.5: 1, 2). Они имели предположительно по 4–6 дымоходных каналов. Можно предположить, что это местное забайкальское развитие дальневосточной традиции сооружения канов.

В разных частях раскопа, в различных пластах зафиксированы остатки кирпичных стенок, 16 целых кирпичей и около 3 тысяч их фрагментов разной величины, черепица (около 24 тыс. фрагментов) (илл. 9.4: 5–7), каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий, железные гвозди разных размеров (163 шт.), железные наконечники стрел, два железных ножа, фрагменты железной пилы, обломок лемеха, обломки тигля, железный замок чжурчжэньского и монгольского типов, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, альчики, игральные фишки и др. Имеется одна сунская монета — *Чжи-дао юаньбао* (995–997). Найдены фрагмент фарфорового изделия, фрагмент поливного сосуда и фрагмент глазурованной бутылки (илл. 9.5: 3).

Считается, что Хирхиринское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) — сына родного брата Чингис-хана Хасара (Киселев 1965: 56–57). Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Это древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224–1225). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингис-хана и Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность полета (Банзаров 1851; Клюкин 1927; Mugaуата 1950; Srba 2012).

Имя Есунке появляется в источниках в связи с политическим завещанием Чингис-хана. «Тайная история монголов» сообщает о том, что после похода на тангутов Чингис-хан, ориентировочно в конце 1224 г., вернулся в монгольские степи и провел там лето (Козин 1941: 189, § 264). У Рашид ад-Дина приводятся более подробные данные, согласно которым Чингис-хану приснился сон, пред-

вещавший ему скорую смерть. Из близких родственников в тот момент рядом с ним находился только юный племянник Есунке. Чингис-хан спросил его: «Мои сыновья, Угедей и Толуй, находятся далеко или близко?» — и повелел призвать их (Рашид-ад-Дин 1952: 231–232). После их приезда он провел закрытое совещание, на котором были решены вопросы престолонаследия. Из данного текста получается, что Есунке был фактически соучастником очень важных событий, когда решалась судьба политики — кто будет следующим правителем самой могущественной империи в мире того времени.

Согласно «Джама т-Таварих», «Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду... Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал войсками и племенем отца и своих старших и младших родителей. В то время, когда между Кубилай-кааном и Ариг-Бука случилась распря, Есунгу был у Кубилай-каана и принадлежал к числу его войска, как это будет обстоятельно изложено в летописи о Кубилай-каане. Говорят, что, когда Кубилай-каан в семидесятипятилетнем возрасте прибыл на курилтай, [у него] еще ни один волос не поседел» (Рашид-ад-Дин 1952: 52).

Иными словами, Есунке имел в Юаньской империи очень высокий статус, сопоставимый со статусом наследных принцев. Его резиденция была настоящим городом, который имел, по всей видимости, широкий круг разнообразных функций: являлся административным центром, здесь проживали ремесленники и земледельцы, обслуживавшие потребности хана, его приближенных, а также степных кочевников.

Город Хасара (Хэйшаньтоу)

По всей видимости, прямое отношение к Хирхиринскому городищу имел так называемый город Хасара — городище Хэйшаньтоу во Внутренней Монголии (рис. 9.8). Расстояние между данными памятниками всего 87 км. Городище Хэйшаньтоу находится примерно в 11 км от государственной границы между Россией и Китаем и в 10 км к северу от города с одноименным названием. Городище расположено на территории муниципального образования Эргуна. Возможно, данное городище было резиденцией Хасара. По форме оно близко к квадрату, ориентировано по сторонам света, окружено валом и рвом (рис. 9.7). Длина валов: северного — 587 м, южного — 578 м, западного — 598 м, восточного — 592 м. Общий периметр вала 2335 м. Высота основного вала до 4 м снаружи, около 2 м изнутри. На городище имеется четверо ворот, которые расположены по центру каждой из стен. Глубина рва в районе наиболее мощных южных ворот 1,7–2 м, ширина 5–6 м. Имеются фронтальные и угловые башни. Превышение угловых башен над валом 1,5–2 м, фронтальных — на метр. Башни выступают наружу примерно на 1–2 м.

На городище имеются так называемый внутренний город прямоугольной формы и еще одно внутреннее укрепление округлой формы.

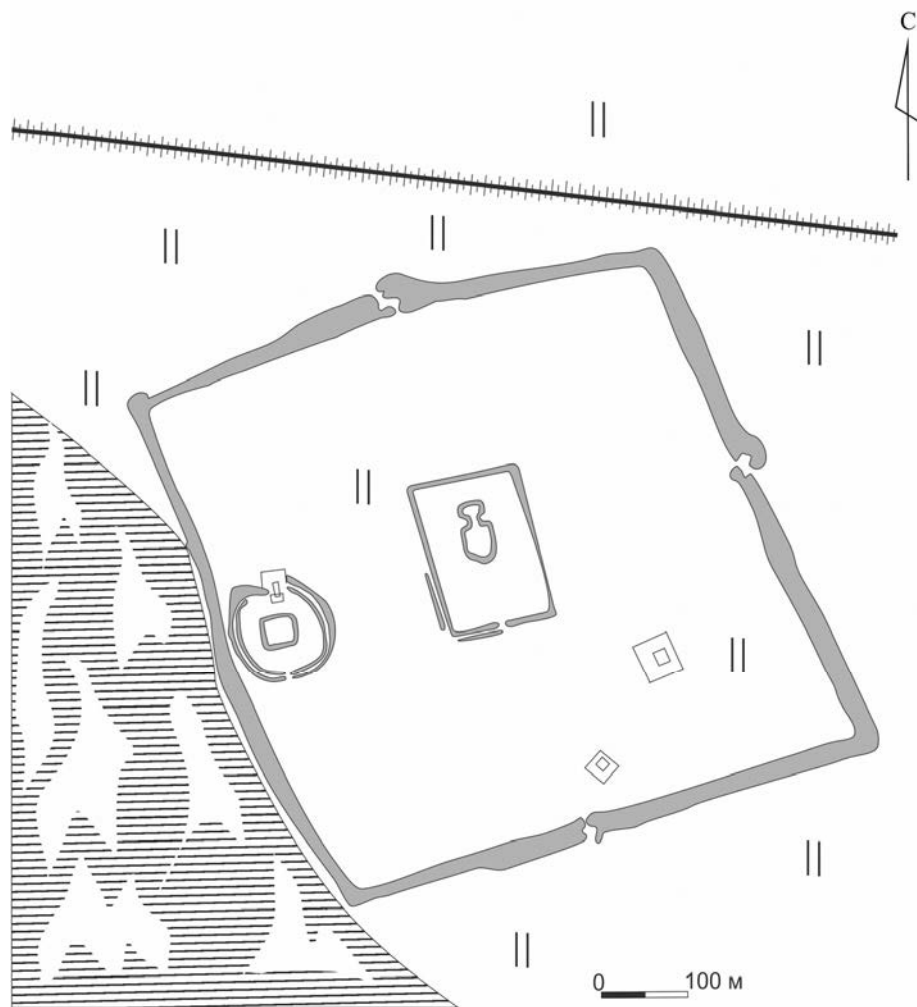

Рис. 9.7.
Город Хасара (Хэйшанью)

Внутренний город находится примерно по центру городища с некоторым смещением к востоку. Длина его западного и восточного валов 167 м, северного и южного — 113 м. Общий периметр вала составляет 560 м. Высота валов около 2 м. Глубина рва около метра, ширина до 3 м. По центру каждого из валов имеются ворота. В центральной части внутреннего города находится платформа с каменными базами. Высота платформы около 3 м. На территории внутреннего города найдены глазурованная черепица, глазурованная посуда, концевые диски с драконами.

Кроме того, на городище имеется еще внутреннее укрепление. Оно расположено к западу от главного внутреннего города, ближе к западному валу, примерно

напротив западных ворот. Это большая насыпь округлой формы с валом. Высота вала снаружи около 3 м, изнутри 0,5–0,9 м. Ширина вала сверху 3–4 м, у основания 6–7 м. Внутри находится земляная платформа, окруженная рвом. Ширина рва 3 м, глубина 0,5 м. По краям платформы имеется небольшой вал. С южной стороны находится пандус через ров, его ширина 5 м, длина 11 м.

Внутренняя поверхность городища, по всей видимости, была распахана. Во всяком случае, в юго-западной части хорошо видны следы распахки.

Неподалеку от южных ворот, к северо-востоку находится сооружение — квадратная платформа и вокруг нее квадратный вал и ров. Высота платформы не более 1 м. Вся конструкция не более 20 м в поперечнике. К востоку и юго-востоку от внутреннего города находятся различные конструкции и обвалованные платформы разных форм и размеров. В целом перед нами достаточно большой центр, который выполнял самые разнообразные городские функции.

Трудно сказать, имел ли Хасар реальное отношение к данному городищу. В связи с этим несколько смущает наличие на памятнике мощной фортификации, поскольку в ранний период истории империи Чингис-хана монголы строили города без серьезных защитных сооружений (Аврага, Каракорум, Хирхира). Однако данные территории несомненно входили в число территорий, подконтрольных Хасару и его потомкам. В источниках сообщается, что «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ и Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона и его внука Тукучара» (Рашид-ад-Дин 1952: 52). Здесь упомянуты следующие географические названия — реки Аргунь и Хайлар, озеро Кулун-нур (Далай-нор), что позволяет локализовать территории расселения потомков Хасара и Темуге в Северо-Восточной Монголии, Забайкалье и на западе Внутренней Монголии.

У Рашид ад-Дина приводится подробная биография Хасара. «Второй сын был Джочи-Касар. Джочи — имя, а значение касар — хищный зверь. Так как он был весьма сильным и стремительным, то стал обозначаться этим эпитетом. Говорят, что его плечи и грудь были так широки, а талия до такой степени тонка, что, когда он лежал на боку, собака проходила под его боком; сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал пополам, как деревянную стрелу, так что его хребет переламывался. Большую часть времени он находился в союзе и был единомышленным со своим братом Чингиз-ханом. Несмотря на то, что во время войны с Он-ханом он отделился от него и несколько раз случались другие положения, когда вина падала на него, однако в великой войне Чингиз-хана с Таян-ханом, государем найманов, Чингиз-хан повелел Касару вестать центром войска. Джочи-Касар проявил старание и выказал рвение в этом сражении. По этой причине Чингиз-хан соизволил его пожаловать и выделил его из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень высокого сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех своих дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» (Рашид-ад-Дин 1952: 51).

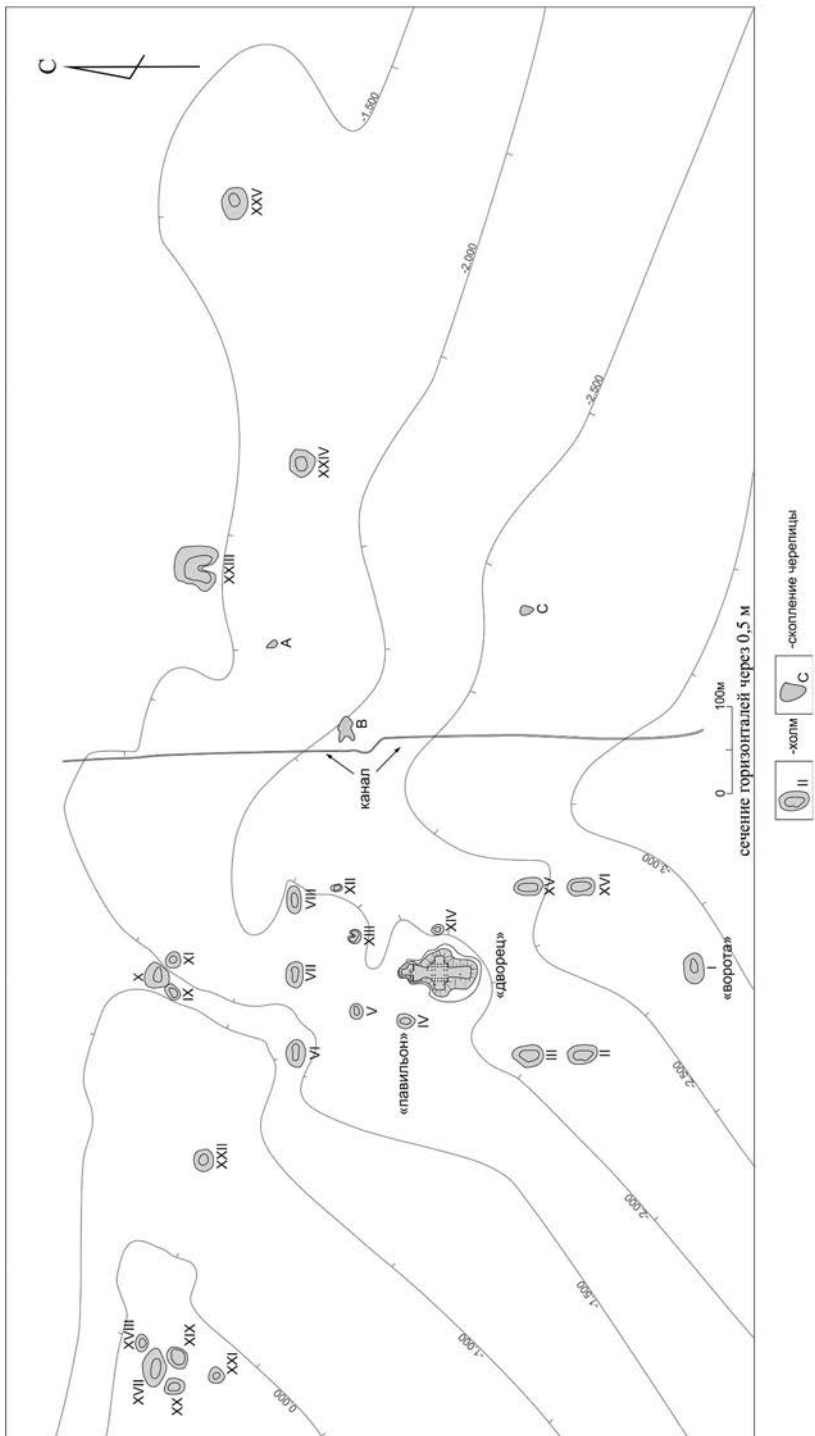

Рис. 9.8.

Кондуйский городок

Здесь очень важна информация о том, что линидж Хасара выделялся по своему статусу из других ветвей многочисленного родственного древа борджигинов и Чингисидов. Тем не менее следует отметить, что на деле властные привилегии Хасара сильно уступали полномочиям, которые Чингис-хан дал своим нукерам-друзьям. Так, «Тайная история монголов» сообщает, что при формировании тысяч и туменов основатель империи выделил своей матери на пару с братом Темугеотчигином одну тьму, а другому брату, Хасару, 5000 воинов (Козин 1941: 175–176, § 242). Через некоторое время Чингис отобрал у Хасара большую часть войска, оставив брату только 1400 юрт (Козин 1941: 177, § 244). Этот факт был зафиксирован наблюдательным Т. Барфилдом (Barfield 1992: 195), который не преминул подчеркнуть, что хан больше доверял руководство воинскими подразделениями своим боевым друзьям, чем родственникам. Это было обусловлено тремя следующими важными фактами: «дезертирством родственников после смерти отца, уходом тех родственников, которые избирали его ханом, и разногласиями с родственниками после того, как он стал главным правителем. Возможно, наиболее травматичным событием в жизни Чингис-хана был тот момент, когда монголы, убежденные тайджиутами, оставили семью Есугэя после его смерти» (ibid.: 193–194).

Кондуйский городок

Кондуйский городок находится в юго-восточной части Забайкальского края, в Борзинском районе, примерно в 7 км к югу от села Кондуй, в долинах рек Кондуй и Барун-Кондуй, которые являются притоками р. Урулюнгуи, впадающей в Аргунь. Памятник находится в 61,7 км к западу от Хирхиринаского городища. Свое название он получил от села Кондуй.

Общая площадь территории дворцового комплекса составила около 120 га (рис. 9.8). Протяженность разных объектов, относящихся к памятнику, в меридиональном направлении около 900 м, в широтном направлении примерно 1400 м. На этом пространстве находятся остатки дворцового комплекса и синхронной ему периферии монгольского времени. Он состоял из главного дворцового здания, расположенного в центре, окружавших его конструкций (ворота, павильоны и др.), а также находившихся поблизости других построек (жилые здания, вспомогательные помещения, печи для обжига строительных материалов и т.д.). Кроме того, не известно, сколько находилось на этой территории юрт различных категорий населения, а также разрушенных современной вспашкой жилищ обслуживающего персонала, располагавшихся к северу от памятника (рис. 9.9).

История исследования Кондуйского дворца насчитывает более двухсот лет. Впервые городок упомянут в 1818 г. в «Сибирском вестнике» Г. Спасским. Однако еще в 1798 г. П.К. Фроловым был выполнен первый план древних строений Кондуя. Огромную роль в изучении городка сыграли русские горные инженеры XVIII–XIX вв. П.К. Фролов, А. Таскин и А. Павлуцкий, а также создатель краеведческих музеев в Чите и Нерчинске А.К. Кузнецов и другие (Уманский 1962: 114–117; Павлуцкий 1867: 489–491; Таскин, рукопись; Киселев 1965: 325–328).

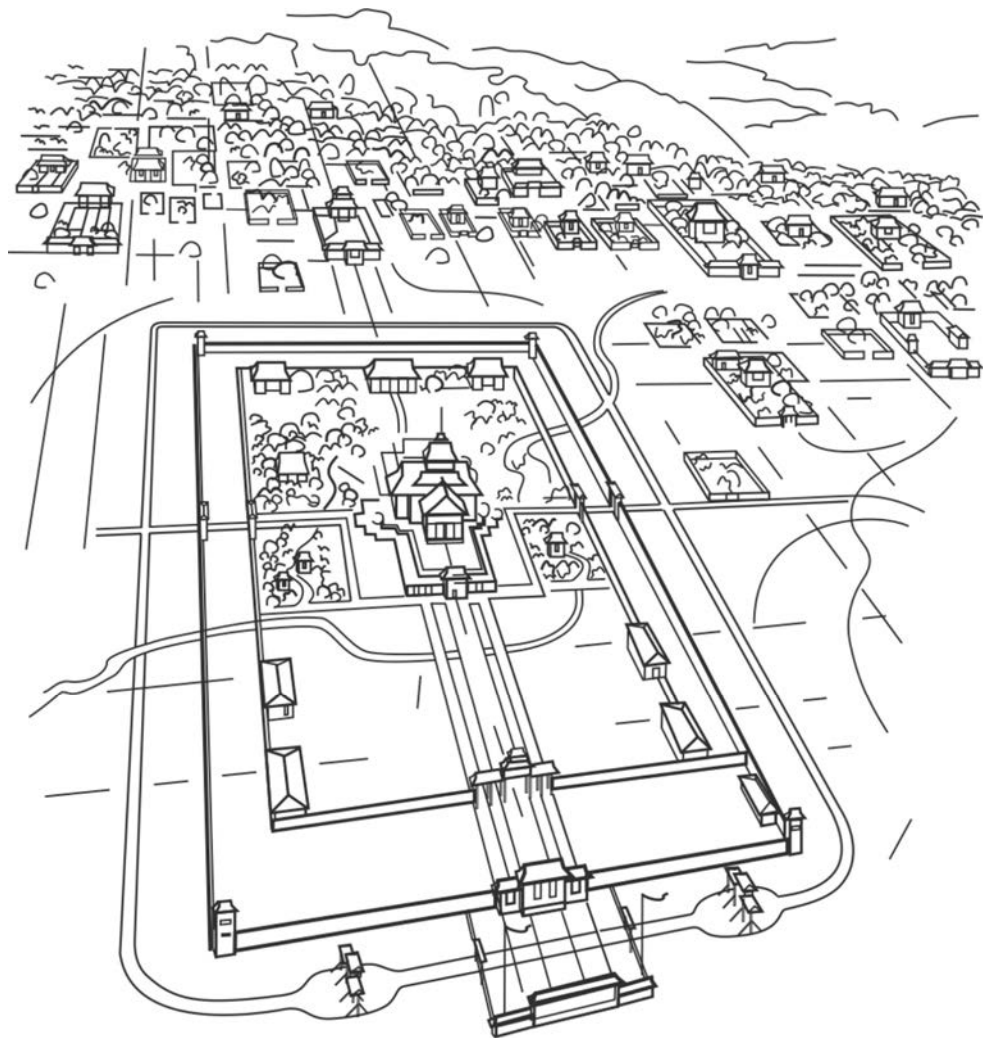

Рис. 9.9.

Кондуйский городок. Графическая реконструкция (Минерт 1990)

В начале 60-х годов XIX в. небольшие раскопки на памятнике производил А. Павлуцкий, после него в 1889 г. А.К. Кузнецов (Кузнецов 1925). Последний дал очень подробное описание памятника, составил план, собрал подъемный материал, траншеями исследовал дворец и южные ворота. Наиболее масштабные исследования связаны с именем С.В. Киселева. В 1957–1958 гг. им проводились исследования на памятнике на центральном здании (дворце), южных воротах и на одном из павильонов. Общая площадь раскопок — 2,5 тыс. кв. м (Киселев 1965: 324–369).

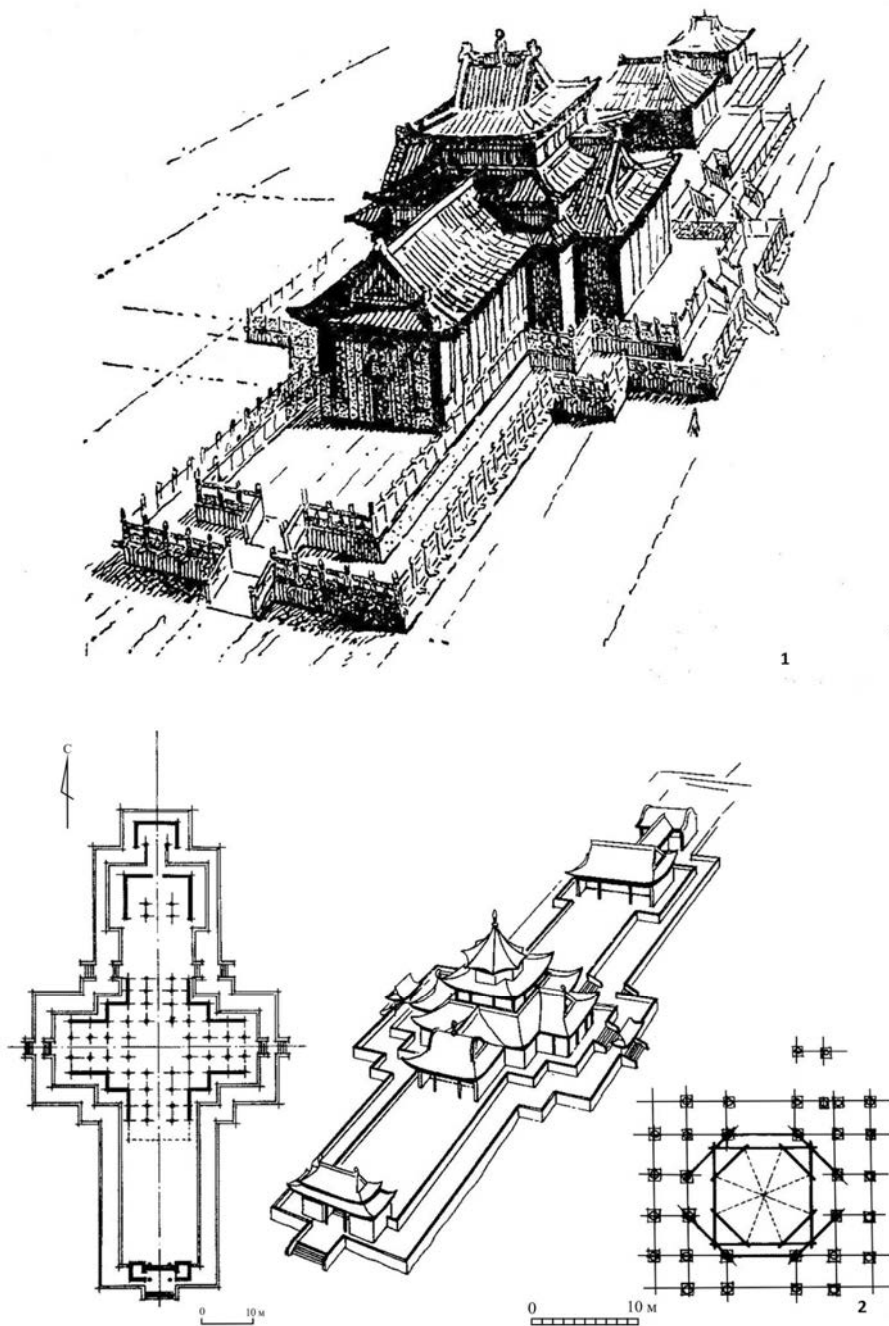

Рис. 9.10.

Кондуйский городок. Центральный дворец.

Графическая реконструкция: 1 — Минерт 1990; 2 — Ткачев 2009

Кондуйский дворец представлял собой здание крестообразной формы (илл. 9.6: 1, рис. 9.10)². Оно располагалось на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. Пол был выложен квадратными плитами размером 30×30 см. Террасы украшали деревянные, покрытые красным лаком балюстрады; деревянные столбики балюстрады укреплялись в опорных гранитных базах. Конструкцию балюстрады нижней террасы украшали вмонтированные в нее с интервалом 2 м гранитные изваяния драконов (31 экз.). Углы террасы венчали изваяния другого типа — в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря (илл. 9.6: 2).

Платформа была покрыта кирпичным полом, к ней вели пять кирпичных пандусов — по два с востока и запада и один, отмечающий главный вход — с юга. С северной стороны пандуса не было. Подобная планиграфическая структура сочетает в себе принципы организации пространства китайских (и опосредованно чжурчжэньских) зодчих и традиции организации пространства монголоязычных кочевников: выход из юрты на юг, северная сторона — *хоймор* — самая почетная, запретная.

Из бутового камня и кирпича была построена стена высотой предположительно 1,5–2 м. Верхнюю ее часть образовывали деревянные стены. Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колонн, обернутых материей и покрытых красным лаком. Здание, видимо, состояло из нескольких частей — аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Стены дворца были украшены фресками с изображениями животных и фантастических существ, крыша покрыта разноцветной черепицей (илл. 9.6: 4–8). Коньки и гребни покрывала черепица с желтой, зеленой и красной поливой. Коньки были украшены головами драконов с крыльями. По углам кровлю венчали человеческие фигуры в буддийском одеянии, а также фениксы и химеры. По мнению С.В. Киселева, Кондуйский дворец погиб в конце XIV в. от пожара.

Второй раскоп был заложен С.В. Киселевым западнее дворца. Было установлено, что в этом месте располагалась четырехугольная в плане беседка — постройка колоннадной конструкции. На полу также лежали квадратные плиты, на крыше была глазурованная черепица. Третий раскоп сделан в месте южных ворот. Они представляли собой также колоннадную постройку, с двумя боковыми помещениями и проходной частью посередине.

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания (рис. 9.8). Это был единый комплекс, который, возможно, в монгольское время огородили забором. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. К северу, западу и востоку от дворцового комплекса располагались другие здания, возможно жилища лиц высокого

² Крестообразная форма зданий не является уникальной для этого времени. На территории Китая во Внутренней Монголии находится цзиньское городище Сяюгушань-2 (это 156 км к юго-востоку от Кондуйского дворца). В центре городища находится большая крестообразная платформа с пандусом с южной стороны, отчасти похожая на Кондуйский дворец.

статуса. Наверное, за ними могли находиться наземные жилища или переносные юрты лиц, обеспечивавших жизнедеятельность дворца. Однако в настоящее время это невозможно проверить из-за интенсивной распашки данной территории в советское время. Подобная организация пространства по сути полностью копировала принципы расстановки юрт монгольской ставки.

В 2015–2016 гг. нами проводились исследования северо-западного павильона. До раскопок размеры возвышенности (местные жители называют их бутанами) составляли 36×20 м. Здание размером 23×8 м (23×9+2 м пандус) было вытянуто длинной стороной по линии запад–восток (рис. 9.11), располагалось на искусственной платформе и имело прямоугольную форму. Общая вскрытая площадь раскопа в двух полевых сезонах составила 465 кв. м. По периметру здания шла внешняя кирпичная стенка, которая, вероятно, предотвращала расползание насыпной платформы. Высота стенки не менее 23–25 см в четыре–пять кирпичей. Расстояние между этой стенкой и стеной здания примерно 60 см. Пространство забутовано камнями, обломками кирпичей и землей. Далее находилась стена здания. Можно предположить, что основные стены были сделаны из дерева, а основания — из кирпичей и камней. Основание стен здания было выполнено в два ряда кирпичей и забутовано землей, обломками кирпичей и камнями в пространстве между ними (аналогичная технология применялась в Шанду [Вей Цзянь 2015: 407]).

Общая ширина стены составляет около 80 см. Высота основания стены в три–четыре кирпича. Размер длинной стороны здания (по линии запад–восток) по внешней стороне постройки около 23 м. Короткая сторона здания (по линии север–юг) до 9 м. Внутри основания стены и на углах постройки располагались каменные базы колонн квадратной формы неодинаковых размеров. Самая маленькая база 46×46 см, толщиной около 10–12 см (кв. F'6,7); большая — 56,5×65 см (кв. B'13/14). Две из баз имели квадратные отверстия в центре размером 9,5×9,5 см. Базы располагались на стандартном расстоянии друг от друга, в среднем 3–3,5 м. В восточной части постройки расстояние между каменными базами составляло 4,5 м. Во время разборки внутренней части постройки на уровне пола найдено большое количество дерева, вероятно фрагментов от деревянных колонн. Согласно предварительному анализу, колонны делались из сосны. Пол в здании был выложен кирпичом квадратной и прямоугольной формы (илл. 9.7: 1, 2). Использовались два различных варианта выкладки пола. Внутри помещения каменные базы обнаружены не были, однако кирпичный пол не был однородным и ровным: в нескольких местах располагались углубления, где кирпичей не было. Возможно, они были выбраны в период разграбления памятника для использования при строительстве Кондуйской церкви и Цугольского дацана. Вход в здание располагался с южной стороны и был оформлен в виде пандуса (илл. 9.7: 3). Пандус находился посередине длинной южной стены постройки. В плане сверху пандус выглядел как равнобедренная трапеция. Его размеры следующие: широкое основание трапеции, примыкающее к зданию, — 3,70 м, узкое основание трапеции (вход на пандус) — 1,95 м, боковые стороны трапеции (боковые грани по

уровню погребенной дневной поверхности) — 2,54 м, боковые грани пандуса — 2,27 м. Боковые грани и грани оснований были оформлены стоящими на ребре кирпичами в один или два ряда. Угол подъема пандуса 13,5 градуса. Высота пандуса от уровня древней поверхности — 0,55 м. Поверхность пандуса, как и пол в здании, был выложен кирпичом в 12 рядов, если смотреть с севера на юг. Кирпичи, которыми был облицован пандус, сильно разрушены в сравнении с кирпичами боковых граней. Это свидетельство того, что поверхность пандуса подвергалась интенсивной нагрузке. Подобной нагрузке подвергались пандусы дворцового здания (Киселев, 1965: 338, рис. 179). Крыша дворца в основном была покрыта простой сероглиняной черепицей (илл. 9.8: 2–5). Любопытно, что кровля вдоль южной стены над пандусом имела украшение в виде черепицы с отливами. Декор на их поверхности двух типов. Кроме черепицы конек крыши постройки украшали керамические кровельные скульптуры драконообразных существ (илл. 9.7: 6, 8). Находки ее очень фрагментарны, они покрыты глазурью зеленого, желтого и белого цвета. Надо напомнить, что помимо уничтожения памятника строительными работами в начале XIX в. на протяжении многих лет приезжавшие сюда туристы и местные жители выносили огромное количество подъемного материала, в первую очередь глазури и фрагментов украшений. Нами было найдено несколько фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, три незначительных по своим размерам фрагмента концевых дисков, а также части узких черепиц, образывавших конек и скаты кровли (илл. 9.8: 6–9). Глазури, покрывавшие кровельные изделия, сохранились неплохо, они предположительно свинцовые; полупрозрачные, имеют блеск и прочно держатся на черепке. Кирпичи и напольные плиты имели стандартные размеры и форму, причем они соответствовали размерам целой и археологически целой черепицы: длина кирпича 31–34 см, ширина 14,8–17 см, толщина 4,8–5,5 см (илл. 9.8: 1). Плиты квадратной формы, размером 30–32 см, толщиной 5–5,5 см. Некоторые из кирпичей имели потеки зеленой глазури на поверхности. Черепица закреплялась в кровле с помощью довольно толстого слоя очень густого известкового раствора, который хорошо сохранился на некоторых изделиях и имеет такую плотную консистенцию, что его невозможно снять. Иногда в раствор подмешивалось некоторое количество травы. Находки, обнаруженные внутри здания, весьма немногочисленны. Это несколько железных гвоздей, каменное точило, две игральные фишки из черепицы и галечника, фрагменты бронзовой обкладки и фольги (?), а также небольшие фрагменты фарфоровых и фаянсовых сосудов, кости животных. Интересно, что кости молодого ягненка были найдены в основании стены. Кроме этого, в переотложенном состоянии найдена серия интересных каменных изделий. Собранные материалы (кости, дерево, уголь) были отобраны и переданы специалистам для исследования естественно-научными методами. Таким образом, строительные материалы (кирпичи, черепица, каменные базы) в целом аналогичны найденным на центральном дворце, с учетом того, что дворец был масштабнее и лучше украшен. Поскольку следов отопительной системы обнаружено не было, можно предположить, что постройка являлась летним павильоном.

Рис. 9.1.1.
Кондуйский городок. Северо-западный павильон (исследования 2015–2016 гг.)

Как писали дореволюционные исследователи (Кузнецов 1925: 36), камень для изготовления гранитных баз добывали неподалеку. В 2012 г. нами было обследовано предполагаемое место каменоломни в 16 км к северо-востоку, в пади Могойтуй. Это крутой каньон правого берега р. Могойтуй, где расположено много выходов гранита. Также была обследована каменоломня в районе горы Эке-Булаг в пади Барун-Нарын, которая находится на расстоянии 31 км к юго-западу от Кондуйского городка. Здесь также много выходов гранита. Удалось зафиксировать технологию изготовления плит. В подходящих кусках гранита на расстоянии 6–8 см выдалбливались углубления прямоугольной формы длиной 4–5 см и шириной 1–2 см. В результате получалась линия предполагаемого разлома, похожая на пунктир. Далее, видимо, туда вбивались клинья. Похожая технология была зафиксирована в каменоломнях около Каракорума — столицы Монгольской империи (Vemmann et al. 2011: 127).

Кроме этого, еще в 2012 г. нами были обнаружены гончарные печи, относящиеся непосредственно к Кондуйскому городку, зафиксированные еще С.В. Киселевым (1965: 327–328). Они расположены в 4 км на северо-восток от Центрального здания Кондуйского городка. Площадь памятника составляет 1,2 га. Здесь зафиксированы остатки в общей сложности 11 возвышенностей разной формы. Памятник, к сожалению, отчасти разрушен проселочными дорогами, ирригационными сооружениями. На поверхности одной из возвышенностей и вокруг нее было разбросано большое количество подъемного материала в виде фрагментов кирпичей, черепицы, напольных и облицовочных плит, кровельной скульптуры и пр., часто бракованных. Большинство изделий имеют на своей поверхности следы глазури зеленого и желтого цвета. Аналогичные изделия найдены и в других частях памятника. Они идентичны находкам из Кондуйского городка. Вероятно, здесь производились необходимые строительные материалы для возведения дворцового комплекса.

В северо-западной части памятника были зачищены остатки стены в виде обнажившихся двух рядов кирпича, длиной около 1,6 м. Также зафиксирован участок, где разбросано большое количество керамического шлака. Выходы глины находятся здесь же; в качестве источника воды использовался некогда протекавший здесь ручей. В юго-западной части производственного комплекса был заложен раскоп площадью 36 кв. м. Здесь, очевидно, были найдены остатки части основания обжигательного горна, заполненного сильно обгоревшими деревянными плахами. В раскопе собрано много шлака, фрагменты свода горна, бракованных изделий в виде деформированных остеклованных, ошлакованных изделий керамических строительных материалов, со следами сильного пережога.

На территории памятника был собран богатый подъемный материал, представленный в основном обломками глазурованных керамических строительных материалов — кирпича и кровельной черепицы, фрагментов облицовочных плит и кровельной скульптуры. В юго-западной части памятника имеется участок, на котором собраны остатки шлаков. Одна из предполагаемых печей разрушена, вокруг лежало большое количество кирпича, покрытого зеленой глазурью. Еще одна имела вид подковы.

Из материалов наших раскопок павильона в 2015 г. были получены калиброванные радиоуглеродные даты, которые позволили уточнить хронологию памятника (рис. 3). Согласно этим данным, памятник датируется по первой сигме 1191–1253 гг. (1σ 68,2%) и по второй сигме 1166–1260 гг. (2σ 95,4%). Калиброванная радиоуглеродная дата показывает, что дворец существовал в первой половине XIII в.

Таким образом, время строительства дворца приходится на период расцвета империи Чингис-хана и годы проживания на монгольской исторической прародине братьев Чингис-хана — Хасара и Темуге-отчигина и их наследников. Это подтверждается письменными источниками, где сказано: «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэи Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчинойона, и его внука Тукучара» (Рашид-ад-Дин 1952: 52). Здесь место расселения четко локализуется с Аргунью, оз. Далай-нор и Хайларом. При этом одна весьма пикантная деталь, возможно, объясняет наличие большого числа памятников монументальной архитектуры на этой территории. Тот же источник сообщает, что «Отчинойон отличался [своей] большой любовью к строительству, и везде, куда ни приходил, он строил дворцы [сарай] и загородные дворцы [кушк] и [разбивал] сады» (Рашид-ад-Дин 1952: 55).

Наличие драконов указывает на императорский статус построек. Это подтверждается включенностью братьев Чингис-хана и их потомков в высшую элиту империи. «Чингиз-хан соизволил его пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» (Рашид-ад-Дин 1952: 51). Нечто схожее написано в источниках о Темуге-отчигине: «Чингиз-хан любил его больше других братьев и сажал выше всех старших братьев. Его прямые потомки [фарзанд] до сих пор сидят выше прямых потомков двух других братьев» (Рашид-ад-Дин 1952: 55).

Потомки Хасара также имели высокий статус. Часть из них участвовали в военном походе на Иран и осели там (Рашид-ад-Дин 1952: 53). Хасариды имели высокие должности в государстве ильханов и даже печатали свои монеты (Рева 2015). Один из них, Туга-Тимур, был даже правителем государства в 1338–1352 гг. (Jackson 2017: 3–5, 21, 17–39, 35–37; Султанов 2007: 106). На востоке империи из сыновей Хасара самым известным был Есунке, резиденция которого находилась в Хирхиринском городище. Высокое положение Хасаридов и Темугеидов продлилось до конца 80-х годов XIII в. Они вступили в сговор с Хайду против Хубилая. «Когда сговор [их] обнаружился, каан повел войско и схватил их. Некоторых он казнил, а их войска разделил [между другими]. В настоящее время из их улуса никого не осталось» (Рашид-ад-Дин 1952: 56).

Кондуйский дворцовый комплекс был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции. При первом рассмотрении такие элементы, как симметрич-

ное, строгое размещение объектов по оси север–юг, расположение в центре ансамбля дворца и т.д., свидетельствуют о китайской архитектурной традиции. Однако строгое соблюдение принципа расположения всех вспомогательных построек к северу от главного места и открытый вид на юг (монг. *хурээ*) свидетельствуют о степных традициях организации пространства (Лбова, Васильева 1992: 145–146). В начале XIX в. строительные материалы городка — кирпичи, гранитные основания драконов и базы были использованы русскими казаками и крестьянами под фундаментом домов села Кондуй, а также для строительства в 1806 г. церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты (илл. 9.6: 3) (Н.П. Крадин, Н.Н. Крадин 2016). Кроме этого, материалы вывозились в агинские степи для возведения Цугольского дацана в 1801 г. (Кузнецов 1925: 22).

Кондуйский комплекс был не единственным дворцом на территории северных провинций Монгольской империи. Еще одно дворцовое здание было раскопано С.В. Даниловым на территории Бурятии в с. Нарсатуй. Здание также было сооружено на глинобитной платформе, укрепленной кирпичной стеной. Внутренняя площадь здания равнялась 16×19 м. Пол был выложен обожженными кирпичами. В качестве фундамента деревянных колонн использованы гранитные базы. Здание было покрыто черепичной крышей (Данилов 1992).

Заключение

В целом в Монгольской империи были разные формы поселений — имперские столицы, города с мощной фортификацией, неукрепленные города, небольшие городища, дворцы, отдельные усадьбы, сельские поселения. Забайкалье относилось к периферийным территориям Монгольской империи. В данной главе были рассмотрены столицы, а также три типа археологических памятников, существовавших на территории Восточного Забайкалья, — неукрепленный город, дворцовый комплекс, отдельная усадьба. Они имели различные функции. Хирхиринское городище было, по всей видимости, административным центром, местом сосредоточения ремесленников и земледельцев. Кондуйский дворец и усадьба Алестуй являлись пунктами сезонного проживания представителей разных элитных групп, а также местом сосредоточения простых категорий населения, обеспечивавшего верхи общества продуктами (в том числе сельскохозяйственными) и изделиями ремесла. При этом нужно помнить, что монументальная архитектура воплощает в себе в материальной форме политическое господство, служит точками притяжения коммуникаций и обеспечивает визуальный контроль над пространством (Smith 2003). Богато украшенные дворцы и другие здания символизировали идеологическое доминирование и формировали мировоззренческие установки у различных социальных групп населения. Ключевой вопрос, который интересует исследователей сейчас более всего: как обеспечивались функционирование и жизнедеятельность данных форм поселений? Поэтому в качестве первоочередной задачи ближайшего будущего видится изучение отдельных усадеб и домостроев, находившихся за пределами дворцовых комплексов.

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Изучение исторической динамики городов является еще одним важным направлением современной теоретической урбанистики (Chandler 1987; Modelski 2003; Коротаев, Гринин 2010; и др.). Для целей данной монографии важно иметь в виду, что рассматриваемый период пришелся на два подъема доиндустриальной мир-системы: условно говоря, «танско-арабский» (500–750/800 — расцвет Византии, Арабского мира, Китая, Второго Тюркского и Уйгурского каганатов) и «монгольский» (1000/1050 — 1250/1300 — завоевания монголов и создание доиндустриальной мир-системы), а также на фазу спада между ними (750/800 — 1000/1050 — упадок Каролингов, Аббасидов, Тан, гибель Уйгурского каганата). При этом дальневосточный регион и особенно Дальний Восток России находились «на краю Ойкумены», что обусловило периферийный и полупериферийный характер многих исторических процессов, и только монгольская глобализация на некоторое время сменила вектор геополитического доминирования (Kradin 2017).

Истоки урбанизации в дальневосточном регионе, как было показано во второй главе монографии Я.Е. Пискаревой, пришлись на мохэское время. Мохэские городища выполняли в основном функции защиты от врагов. Они располагались на различных возвышенностях и, как правило, имели небольшие размеры, а фортификация ограничивалась наличием рвов и валов. Некоторые городища являлись временными убежищами, в других население проживало постоянно.

С возникновением государства Бохай создаются настоящие города, которые были административными, ремесленными, торговыми, религиозными и культурными центрами. В середине VIII в. в Бохае появилась строгая городская планировка по китайскому образцу. В государстве существовала система пяти столиц, а также города различных рангов. В бохайское время формируется городская культура. Она влияла на распространение технологий, на формирование моды в одежде, повседневной жизни, на распространение грамотности, высокой культуры, мировых религий.

В Приморье археологи подразделяют городища на горные и равнинные. Горные городища имели небольшие размеры (до 3 га) и были вписаны в естествен-

ный рельеф (мысовидные городища, укрепления на вершинах сопок). Высота валов 1–3 м, на неприступных участках валы отсутствовали, или здесь сооружался небольшой вал и, возможно, частокол (см. гл. 3).

Кроме этого, по размерам городища в Приморье условно можно разделить на две группы: небольшие укрепленные пункты размером до 7,5 га и городища средних размеров, многие из которых вполне могут считаться настоящими городами (Горбатка, Краскинское, Кокшаровское-1). На данных памятниках прослеживаются более или менее четкая планиграфия, подражание градостроительным канонам танских и бохайских столиц. Их население занималось земледелием и ремеслом. Как показано в гл. 4, города являлись центрами власти на местах, торговли и обменов, обеспечивали сбор налогов и дани, здесь или рядом с ними располагались буддийские храмы.

Наиболее изученным среди городищ Приморья является Краскинское — центр округа Янь, морской порт, через который осуществлялись международные и торговые связи между Бохаем и Японией. Порт был связан сухопутными коммуникациями с Восточной столицей Бохая. Помимо этого, город был ремесленным центром, его население занималось земледелием, здесь располагались буддийские храмы, административные здания. Город делился главной улицей на две части, можно реконструировать структуру городских кварталов, разделенных мощенными камнем улицами.

Зачатки урбанизационных процессов у киданей можно проследить еще до создания империи Ляо. На рубеже IX–X вв. Шулань начал строить городища с каменными валами. У ранних киданей небольшие городища были местом сосредоточения земледельцев и ремесленников. Провозгласив создание империи, Елюй Абаоцзи захватил большое количество китайцев и расселил их в городах и поселениях на территории Внутренней Монголии. По мере формирования ляоской государственности масштабы урбанизационных процессов резко увеличились. Это было обусловлено тем, что в состав империи вошли значительные территории, населенные китайцами и бохайцами. Они составляли примерно 80% численности населения страны.

Система пяти столиц была заимствована из Бохая киданями: Верхняя и Средняя столицы Ляо располагались на исконно киданьских землях, Западная и Южная — на завоеванных китайских землях, Восточная столица — на территории бывшего Бохая. Как показано в гл. 6, помимо столичных городов в империи были города — административные центры (губерний, округов, уездов) разных рангов, города для обеспечения мавзолеев императоров, а также приграничные города. Столичные города резко выделяются по своим размерам и планиграфическим особенностям. В то же время не прослеживается четкой разницы по размерам между окружными (*чжоу*) и уездными (*сянь*) центрами, хотя понятно, что уездные города были меньше окружных.

Большинство киданьских городищ ориентированы своими валами по сторонам света, а ось их планировки имеет направление север–юг, однако некоторые ранние киданьские города, построенные в начале X в., ориентированы по оси северо-запад — юго-восток. Кидани использовали при сооружении валов метод послышной трамбовки земли *ханту*. Это было зафиксировано при раскопках на

киданьских городищах Чинтолгой-балгас и Хэрмэн-дэнж в Монголии. Кидани также строили на валах фронтальные башни. Специфической чертой фортификации являются расположение ворот и устройство оборонительных сооружений перед ними. Чаще всего ворота находились в центральных частях всех четырех стен. Иногда ворота представляют собой простой разрыв в стене, но чаще всего они защищены Г- или П-образным предвратным укреплением.

Города были центрами сосредоточения торговли и ремесел. О развитии ремесел в киданьских городах свидетельствует целый ряд археологических находок, в том числе гончарная мастерская обнаруженная на территории Императорского города Верхней столицы. Печи, в которых обжигали кирпич и черепицу, найдены на городище, являвшемся ляоским городом Юнчжоу у слияния рек Лаохахэ и Шара-Мурэн. Раскопаны гончарные печи к югу от городища Чинтолгой-балгас. Имеется также немало свидетельств сельскохозяйственной деятельности населения киданьских городов: находки всевозможных сельскохозяйственных орудий, а также следов старинных пашен и ирригационных сооружений в окрестностях городищ.

Для планировки киданьских городов характерны строгие геометрические формы валов, применение фронтальных и угловых башен, четкая планировка по линии север–юг с делением города на кварталы улицами, идущими от ворот. Все это характерно для городов китайских династий. Со времени династии Тан (618–907) сложились обязательные каноны, согласно которым дворцовый комплекс должен располагаться в северной части города, с северной стороны отсутствовали ворота, путь во дворец прокладывался от южных ворот, которые считались главными, улицы должны были быть ориентированы строго по сторонам света.

Раскопки киданьских городов на территории Монголии демонстрируют большое количество самых разнообразных находок, наличие жилищ с канами, компактную квартальную застройку, разработанную еще на этапе планирования города. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов скученно располагались жилища. Были найдены следы присутствия на территории городов бохайского населения, насильственно переселенного киданями с его исторической родины — Маньчжурии и Приморья.

Кидани также привнесли свое собственное понимание организации архитектурной среды. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве так, чтобы город стал для кочевников домом, местом, похожим на любимую и бескрайнюю степь. Поэтому в столичных городах (а также и в других городах) имеются большие пустые пространства. Здесь периодически возникали кочевые ставки. Императорский двор династии Ляо был мобильным и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками. Важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта. Она отсекала простых жителей от мест пребывания элиты, а также служила маркером этнической стратификации. Кидани создавали для завоеванных народов своего рода «чайна-тауны» вроде Ханьчэна Верхней столицы Линьхуанфу.

Истоки этногенеза чжурчжэней являются одной из слабо разработанных тем. Только в последние десятилетия ставится вопрос о выделении особо смольнин-

ской, или николаевской, культуры данного времени в Приморье. По всей видимости, городища ранних чжурчжэней являлись местом расположения ставок вождей. Однако подобные памятники еще плохо изучены. Не исключено, что ранние резиденции, которые размещались на месте позднейших административных центров империи Цзинь, были уничтожены позднейшей широкомасштабной застройкой.

Численность населения чжурчжэньского государства более чем в десять раз превышала численность подданных империи Ляо, городов было больше, и они были разнообразнее. Чжурчжэни сохранили систему пяти столиц. Прослеживается определенная преемственность между ляоскими и цзиньскими равнинными городищами в особенностях сооружения и планиграфии, системе фортификации, но в более развитой форме. Чжурчжэньские города и городища в Маньчжурии (Верхняя столица — Байчэн, Бали, Таху и др.) и в Приморье (Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Николаевское Партизанского района, Чугуевское, Майское и др.) имеют высокие валы и рвы перед ними, угловые и фронтальные башни, ворота с предвратными укреплениями. На территории Приморья находилась Верхняя столица государства Восточное Ся — город Кайюань (Краснояровское городище), а также крупный губернский город Сюйпинь (Южно-Уссурийское городище).

Особым вкладом в архитектуру и фортификацию городов стали чжурчжэньские горные городища (Шайгинское, Екатерининское, Лазовское, Ананьевское и др.), рассмотренные С.Е. Бакшеевой и С.Д. Прокопцом в гл. 7. Считается, что некоторые из горных городищ существовали в цзиньское время, но расцвет их строительства приходится на период образования буферного чжурчжэньского государства Восточное Ся (1115–1233). Для их сооружения использовались горные распадки. Вал возводился таким образом, чтобы проходил по гребням сопков, которые окружали распадок. Внутри распадка по склонам сооружались террасы. На них строились жилища, хозяйственные амбары, мастерские и склады. Внизу распадка, как правило, протекал ручей. В наиболее уязвимом месте, которым был выход распадка в долину, обычно возводились самые мощные укрепления с фронтальными башнями и предвратными укреплениями. Для горных городищ характерно также наличие так называемых внутренних городов, редута (небольшого квадратного в плане укрепления, находящегося внутри городища на высоком, стратегически значимом месте или около ворот).

Открытия российских ученых позволяют реконструировать разные ранги горных городищ в Приморье. Выявлены городища, имеющие различный государственный статус. Например, установлен город, имевший столичные функции, — Красноярское городище — Кайюань, Верхняя столица чжурчжэньского государства. Южно-Уссурийское городище было городом Сюйпинь, центром одноименной губернии империи Цзинь. Шайгинское городище являлось областным городом (*фу*), а городища небольших размеров, такое как Ананьевское, военными поселениями (*моукэ*). Размеры и планиграфия их различны, однако наряду с индивидуальными чертами чжурчжэньские города и городища имеют общие особенности и планировку.

Одно из наиболее изученных горных городищ чжурчжэней — Шайгинское. Это был настоящий город, в котором сконцентрировались институты власти,

мощный квартал металлургов и представителей других видов ремесел, городские склады и т.д. В нижней части распадка, поблизости от водного источника находились металлургические печи. Выше них — квартал ремесленников с небольшими жилищами-мастерскими. Напротив, на противоположном склоне распадка находятся три «внутренних города», окруженные земляными валами и примыкавшие друг к другу. Здесь имеются остатки зданий с колоннами и большие пустые пространства. В этом районе обнаружено большинство находок, связанных с институтами власти (пайцза, печать «чжичжуна», эталонные гири). В северо-восточной части городища имеется еще один «внутренний город» с большими жилищами, подобием площади и входом с черепичной аркой.

Примером небольшого военного поселения является Ананьевское городище в Надеждинском районе Приморья. Оно расположено на уплощенной части горного хребта и окружено валами. Площадь памятника — 10,5 га. Здесь раскопано 118 жилищ, а общее количество, возможно, превышает несколько сотен. При исследовании выделено два строительных горизонта. На раннем этапе существования памятника строились небольшие жилища с П- или Г-образным каном. Планировка отсутствовала. На позднем этапе возводились большие жилища с П-образным каном и хозяйственным амбаром. Строительство осуществлялось по единому плану. Жители городища занимались несением воинской службы и земледелием, они были объединены в военное поселение (*моукэ*).

В целом, чжурчжэньские равнинные и горные городища имели развитую фортификацию, которая была грамотно вписана в особенности ландшафта. Они имели сложную планиграфию — так называемые «запретные города», редуты, квартальное деление, улицы. На некоторых городах имелись большие пустые участки (как у киданей). На ряде памятников встречены фундаменты под юрты (Константиновское городище). Население городов занималось ремеслом, а также земледелием и животноводством. Уровень развития ремесла был высок для того времени. Мы можем предположить, что ремесленники могли быть организационно объединены под контролем государства; однако по данным археологии это не прослеживается.

В эпоху монгольской глобализации процессы урбанизации получают дальнейшее развитие, которое обусловило своеобразный вариант для империи монголов. Если не брать территории завоеванных государств, то для степных районов исторического центра Монгольской империи характерно наличие городов трех типов — имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов — административных центров (Аврага, Хирхира и, может быть, Нарсатуй) и отдельно стоящих дворцовых (Кондуй) и усадебных (Алестуй) комплексов (см. гл. 9).

Имперские столицы кочевников представляют собой сложное многофункциональное явление. С одной стороны, это политический центр — место сосредоточения элиты и аппарата управления, место концентрации и перераспределения военной добычи и дани. С другой стороны, это крупный центр международной торговли и производства. Кроме того, имперский город — это обязательно своеобразный культурный котел, в котором смешиваются традиции различных народов и стран, рождаются новые моды, инновационные импульсы.

Примером такого города стал Каракорум (Хархорин). Его строительство началось в 1235 г. Местоположение будущей столицы было обусловлено геополитическими преимуществами и исторической памятью кочевников об этих местах. Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и дворец монгольского хана, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, храмы и кумирни различных конфессий.

Чтобы прокормить горожан, монголы поселили поблизости большое число крестьян. Там, где они жили, найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова. Однако, поскольку здесь были плохие условия для развития земледелия, монголы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие.

Каракорум оставался столицей до 1260 г., а затем Хубилай перенес центр империи в Китай. Он построил два огромных города — Шанду и Даду. Шанду, или Верхняя столица, находился на границе степи и земледельческих территорий неподалеку от озера Долон-нор. Город был летней столицей. Сюда переезжал в жаркое время император с семьей и двором. В окрестностях император охотился. Здесь также проводились традиционные монгольские обряды и праздники. Внутри города, в юго-восточной части находился Императорский город, а внутри него — дворцовый город. Несмотря на то что город строился по китайским правилам структурирования пространства, его внутренняя планировка была несколько нетипичной для китайского города. Во-первых, это следует из того, что Императорский город находился в юго-восточной части города (наиболее престижные пространства у монголов находились на юге. В данном случае это справедливо и в отношении востока, который считался более почетным у кочевников). Во-вторых, северная часть города (где, согласно китайским правилам градостроительства, располагались дворцы и административные кварталы) была пустой, здесь находилась парковая зона.

Даду (Великая столица, Ханбалык) располагался в районе современного Пекина, к северо-востоку от чжурчжэньской Центральной столицы Чжунду. Город был спланирован в соответствии с правилами китайской геомантии. Согласно им при его строительстве была избрана строго симметричная планировка по осям север–юг и запад–восток. Город имел прямоугольную форму и состоял из нескольких частей. Периметр внешнего вала 28 600 м, на нем имелось 11 ворот. В Императорском городе находились административные здания, склады, дворцы Хубилая и его жен и наложниц, двор ученых. Здесь также располагались парки с водоемами и мостами.

Необходимо отметить еще один столичный город Монгольской империи. Когда Тогон-Тэмур был изгнан из Китая, он провозгласил создание государства Северная Юань и определил своей ставкой городище Барс-хот. Это подтверждается данными «Алтан Тобчи» (Лубсан Данзан 1973: 253). Данный памятник длительное время ошибочно интерпретируется как киданьское городище. По всей видимости, это связано с тем, что рядом с городищем находится киданьская пагода. Городище расположено на левом берегу реки Керулен в Восточном аймаке Монголии. По форме оно представляет собой неправильную трапецию. Западный и

восточный валы ориентированы по линии север–юг. Длина северного вала — 1,7 км, южного — 1,6 км, западного — 2 км, восточного вала — 1,4 км. В южной части городища зафиксированы две пересекающиеся улицы, остатки зданий и усадебных комплексов.

На данном памятнике не было найдено киданьской керамики. Более того, по своим размерам он приближается к столичным городам империи Ляо, что было недопустимо для провинциального города по градостроительным канонам того времени. Кроме того, крупные строения зафиксированы на юге города, что вписывается в монгольскую практику. Наконец, неподалеку находится памятник Барс-хот-3 — дворцовый комплекс Тогон-Тэмура. По всей видимости, после изгнания монголов из Китая именно здесь начал строиться столичный город. Однако по политическим причинам ставка была перенесена в древнюю столицу Монгольской империи — город Каракорум. После этого строительство нового столичного города было остановлено.

Помимо имперских столиц известны другие города на территории Забайкалья и Внутренней Монголии. Хирхириновское городище находится на юге Забайкалья. Это комплекс из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ. По линии запад–восток город вытянут почти на два километра и примерно на 700 м по линии север–юг. Усадьбы в западной части расположены отдельно друг от друга, в восточной — объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков. Здесь же расположен дворец, защищенный высокими стенами. Структурно похоже на Хирхиру городище Аврага, которое исследуется японскими археологами на территории Монголии.

Другой тип памятника — Кондуйский дворцовый комплекс на территории Забайкалья. Он находится в 61,7 км к западу от Хирхириновского городища и фактически синхронен ему. В центре ансамбля был расположен дворец — здание на платформе крестообразной формы. Дворец был окружен павильонами, на юге находились ворота. В совокупности ансамбль имел форму прямоугольника, ориентированного по сторонам света. Никаких других сооружений к югу от дворцового комплекса не строилось.

В 4 км к востоку от дворца, на пойме находились печи для производства строительных материалов. К северо-западу, северу и северо-востоку от дворцового комплекса располагалась серия строений П-образной формы, а также жилища лиц низкого статуса, которые, возможно, прислуживали при дворе. Кондуйский дворец служит наглядным подтверждением концепции символического господства и олицетворяет легитимность правящих монгольских элит. Стены и крыши дворца торжественно возвышались над юртами и хижинами простого народа. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразным фокусом притяжения сакральных сил.

* * *

В рамках исторического процесса город выступает как принципиально новая форма организации человеческого общежития. Города представляют собой поселения с многочисленным и гетерогенным населением, выполняющим различные

функции и имеющим разный статус (ремесленники, священники, торговцы и др.). В городах появляются разнообразные монументальные строения (храмы, дворцы, административные здания), особым образом структурируется пространство, что отражается в прокладывании улиц, строительстве стен и кварталов, площадей, парков и т.д. (Marcus, Sabloff 2008: 13).

Современные исследователи единодушны в том, что нет единого критерия, который бы указывал на универсальные признаки города (Cowgill 2004: 154; Smith 2016: 153). Чтобы отличить негородские поселения от городов, американский археолог-урбанист М. Смит предложил использовать серию археологических признаков, которые можно использовать при анализе различных обществ. Среди них площадь и плотность населения (там, где неизвестна численность жителей), наличие резиденции правителя, храмов и административных зданий, рынков и магазинов, импортных товаров, усыпальниц правителей, а также элиты, отражение социальных рангов в материальной культуре, наличие фортификации, ворот, улиц, кварталов, публичных мест, осевой планировки (Smith 2016: 159).

Так или иначе, дальневосточный средневековый город развивался в русле общеисторических тенденций. Более того, он формировался и трансформировался под определенным влиянием фактического центра восточноазиатской мир-системы — китайской цивилизации. В связи с этим важно отметить один принципиально важный признак для китайского города — наличие укрепленных стен. В Китае, в частности, стена воспринимается одновременно как средство защиты от внешнего врага и как символ города, символ отделения цивилизации от варварства (Lin 2009: 111). То же самое можно сказать и в отношении бохайского, киданьского и чжурчжэньского городов. Однако ранние монгольские города строились без серьезных укреплений, поскольку монголы считали себя покорителями мира и никого не опасались.

Любой город — это центр притяжения определенной территории, сосредоточение тех или иных функций. В зависимости от ранга города или его территориального расположения функции могли меняться. Так, для столичных городов характерно сосредоточение всех значимых функций — административно-политических, экономических (ремесло и торговля), культурных, религиозных. Города более низкого ранга (губернские, окружные и уездные центры) могли выполнять усеченный набор функций или иметь какую-то отдельную специализацию (ремесленный центр, морской порт, обеспечение и защита императорских мавзолеев, охрана границы и т.д.).

Города в дальневосточных государствах являлись центрами ремесленного производства. К сожалению, практически ничего не известно про внутреннюю организацию городов изучаемых обществ. Если про европейский город можно сказать, что он являлся одним из центров многополярности западного общества (Бродель 1988: 467–468; Уваров 2012: 441–444, 510, 816–817), то относительно дальневосточных империй можно только предполагать наличие условий, схожих с китайскими (Стужина 1979). Есть данные о развитии государственном контроле над ремеслом в Ляо, Цзинь и Юань (Леньков 1974: 163–171; Воробьев 1975: 232–243; Rossabi 1989: 169–172; Крадин, Ивлиев 2014: 148–149, 220–223). В рассмат-

риваемых империях отсутствовали самостоятельные институты внутригородского управления (подобные европейским цехам). Города были продуктом деятельности центральной власти и зависели от них.

Применительно к дальневосточным государствам и империям важно указать, что здесь значительную часть населения городов составляли крестьяне-земледельцы (подробнее см. гл. 8). Небольшие крепости (подобно военным поселениям *моукэ* у чжурчжэней) сами обеспечивали себя продуктами. Вокруг городов/городищ средних размеров всегда были в наличии обрабатываемые поля. На многих из этих городищ в ходе раскопок найдены сельскохозяйственные орудия труда. Анализ планиграфии даже таких ремесленных центров, как Шайгинское городище, показывает, что значительная часть его жителей должна была заниматься земледелием и животноводством. Нередко в непосредственной близости от городов найдены земледельческие посадки. Особенно это было значимо для кочевых империй, где основное население (без завоеванного) составляли кочевники. Все это подтверждает тезис, что в доиндустриальных обществах города всегда, в той или иной степени, были тесно связаны с земледелием (Kostof 1991: 38). Даже в высокоразвитой индустриальной Англии XIX в. на задних дворах держали домашних животных.

Несколько слов о различных вариантах классификаций и типологии, используемых в дальневосточной средневековой урбанистике. В основном все имеющиеся классификации основываются на особенностях рельефа и предполагают выделение «долинных» и «горных» городищ или их вариаций (Воробьев 1967; 1975; Шавкунов 1990; Болдин 1992; Дьякова 2006; 2009; и др.). Определяющим фактором существования подобных типологий является степень изученности. Между тем в более широком, общеисторическом контексте было бы интересно посмотреть, какие типологии доиндустриальных городов наиболее популярны в наше время.

Следует сразу сказать, что общепринятой и даже разделяемой большинством исследователей типологии нет. В традиционной историографии господствовало европоцентристское мнение, что средневековый город является базисом последующей индустриальной модернизации (в городах присутствует цеховая организация, а «городской воздух делает свободным»). В советское время в нашей стране этот тезис имплицитно вошел в марксистскую схему, где города классифицировались согласно формационной принадлежности. При этом густонаселенные азиатские города обычно считались «недоразвитыми» по сравнению с европейскими. На рубеже перестройки были сделаны попытки объяснить специфику города на Востоке исходя из концепции азиатского способа производства (Город 1990; Петров 1990). Однако, несмотря на магическую привлекательность данной теории для многих ориенталистов, уже тогда эти попытки не выглядели очень убедительными.

Как это ни парадоксально, схожие идеи длительное время господствовали и в западной литературе. В качестве типичного примера можно привести мнение В. Шлезингера, который противопоставлял западноевропейский раннесредневековый город восточноевропейскому. В первом, по его мнению, развивались торгово-рыночные отношения. Во втором специализированное ремесло и торговля

на большие расстояния были ориентированы главным образом на потребление элиты (Schlesinger 1963: 53 ff.).

Из более поздних типологий следует выделить попытки создать более сложные конструкции посредством комбинирования различных функциональных характеристик города. Так, Р. Фокс построила двухмерную типологию городов в доиндустриальных обществах. Она взяла две шкалы — уровень власти (от сегментарных до бюрократических обществ) и степень экономической свободы города от государства (от зависимого до автономного). В результате получились четыре типа города: «ритуальные», «административные» (сюда же входят «колониальные»), «торговые» (в том числе «города-государства») и современные «индустриальные» (Fox 1977). Другая, возможно, более удачная типология уже упоминавшегося выше М. Смита предполагает выделение трех типов городов: «религиозно-ритуальных», «экономических» и «политико-административных» (Smith 2016: 164). При этом автор имеет в виду, что в доиндустриальных обществах политический фактор обычно был преобладающим.

Понятно, что подобные типологии с трудом могут быть применимы к объекту нашего исследования, поскольку они базируются подчас на других исторических примерах. Если следовать, например, типологии Р. Фокс, то в рассматриваемом регионе существовали только «административные» («колониальные») города, что, собственно, мало дает нам для понимания регионального исторического процесса. Гораздо больший интерес представляет идея Смита. В качестве «религиозно-ритуальных» городов можно рассматривать киданьские города, которые возводили неподалеку от гробниц киданьских императоров (Цинчжоу). К числу «экономических» городов можно причислить большие открытые ремесленные поселения из числа пленников на территории Монголии в период империи Чингис-хана (памятники Тахилын Усны-суурин, Шаазан-хот в Гоби, так называемый «город Чинкая» в Восточном Алтае). Однако большинство городов средневековых империй Дальнего Востока должны быть отнесены к «политико-административным» городам.

Совершенно особый случай — имперские столицы. Это не только центр власти и идеологии, но также сосредоточение торговли и ремесла. Имперская столица — это место смешения различных культур и этнических групп, точка распространения мод и инноваций. Кроме того, дворцы, стены и храмы имперского города своего рода материальная презентация власти, реализация в опредмеченной форме притязаний их владельцев на территориальное и идеологическое господство.

С этой точки зрения как своеобразный территориальный маркер имперской идентичности можно рассматривать наличие больших свободных пространств в городах киданей и монголов. Известно, что на некоторых киданьских городищах имеются обширные участки без следов застройки (во Внутреннем городе Средней столицы, в Верхней столице империи Ляо, на городищах Баруун-хэрэм, Чинтолгой-балгас, Харбухын-балгас). Скорее всего, это места для установки шатров или юрт кочевников. В столицах они были предназначены для размещения двора и прочих служб, поскольку известно, что киданьские императоры перемещались со своим двором в соответствии с ритмами сезонных перекочевков. Подобные

большие территории были выделены при строительстве юаньских столиц Шанду и Даду. Там располагались многочисленные родственники монгольских императоров, придворные службы, кешиктены-дружинники.

Доиндустриальный город имел важное значение с точки зрения демонстрации символического господства власти над пространством. Городские стены или валы всегда производят впечатление, особенно на тех, кто живет в небольших по размеру хижинах или палатках. Городские стены маркируют территорию, они отражают претензии владельцев стен на окружающую территорию. Одновременно стены отделяют город от округи, являясь параллельно и символом, и инструментом сегрегации. Они выступают как своеобразный компонент космограммы сакральной структуризации пространства. С этой точки зрения городской ландшафт — это изобретенная и перестроенная искусственная среда в соответствии с чувствами и замыслами обладателей власти. Главная задача подобных преобразований — маркировать статусы и легитимность элиты, структурировать пространство и навязывать волю массам (Smith 2003).

Как образно подметил Б. Триггер, размеры архитектурных сооружений — это классический инструмент измерения археологами масштабов экономической или политической власти (Trigger 1990). Масштабные монументальные строения не только служат средством пропаганды существующей власти, но и заставляют людей испытывать эмоциональные переживания. Тем самым архитектура может рассматриваться как инструмент психологического влияния на поведение людей (Moore 2005; Smith 2008). Наконец, монументальная архитектура представляет собой определенную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о великом прошлом, но одновременно может выполнять и политический заказ — демонстрировать, например, неизбежность существующего политического строя (Smith 2003).

Другой важной составляющей городского ландшафта власти является пространственная сегрегация. Пространство считается мощным фактором для построения этнической идентичности (Kapferer 1988; Cordell, Yannie 1991). В более широком контексте в комплексных обществах пространство структурируется в той или иной степени в соответствии со структурой общества. Поскольку город — это территория, где появляются различные специализированные группы (ремесленники, торговцы, священнослужители, чиновники и др.), специализация неизбежно выступает предпосылкой для развития общественной иерархии (Kostof 1991: 37–38). Вследствие этого начинают фиксироваться границы между местами проживания и активной деятельности элиты и других социальных групп, очерчиваются кварталы разных социальных групп — торговцев, ремесленников и др. Справедливости ради следует отметить, что это не только результат деятельности элиты. Основоположники урбанистики еще давно подметили, что люди предпочитают селиться рядом с себе подобными (Wirth 1938). Однако городские стены должны были обеспечивать в первую очередь безопасность и защиту элитным группам, символизировать власть и олицетворять легитимность правящих групп.

Классическим примером пространственной сегрегации является выделение императорского (дворцового) города в столицах Бохая: Ляо, Цзинь, Юань, —

а также разделение киданьских городов на северную и южную части. В несколько меньшем масштабе сегрегация присутствует в виде так называемых «запретных городов» на городищах чжурчжэней в Приморье (Красноярковское, Шайгинское и др.). Возможно, даже наличие обвалованных усадеб на монгольских городах без фортификации (Хирхиринское городище) является своеобразным маркером отделения местной элиты от простых масс.

Наконец, важное место в визуализации власти занимали так называемые «священные места» — храмовая архитектура, святилища, места отправления различных ритуалов. Поскольку для системы власти традиционных обществ огромное значение имела религия, существует тесное переплетение религиозных и политических практик. При этом выделяется пять материально-пространственных признаков ритуальной архитектуры: неизменность, центрированность, вездесущность, масштаб и визуализация (Moore 1996; 2005). Все это в конечном счете также было нацелено на то, чтобы подавить волю простых людей и заставить смириться с существующими порядками.

Огромный потенциал для понимания природы урбанизации имеет морфология города. Принято считать, что городской ландшафт включает три компонента: планировку города, материалы строительства и архитектурный стиль, контекст использования зданий и площадей. Иными словами, изучение городского ландшафта предполагает описание физических, визуальных и функциональных аспектов градостроительства, что включает три ключевых вопроса: (1) то, как различные объекты и их группы расположены на местности; (2) то, из чего и в каком стилистическом оформлении построены здания; (3) то, как эти здания и открытые пространства используются (Whitehand 2001).

В связи с этим большое значение для понимания природы организации городов имеют труды К. Линча. Согласно его концепции, индивиды имеют представление о внутреннем пространстве города, основываясь на таких компонентах городского пространства, как дороги, узлы, границы, ориентиры и районы. С их помощью они создают некие устойчивые образы городов, которые затем неосознанно используются в разных формах активности и в процессе передвижения по городским коммуникациям (Lynch 1960; Линч 1982).

Примерами подобных коммуникаций для изучаемых нами обществ являются улицы средневековых дальневосточных городов. В гл. 4 Е.В. Асташенкова и Е.И. Гельман приводят данные о том, что количество найденных игральные фишек в районе главной улицы было больше, чем в жилых кварталах. Это наглядно показывает, что здесь находились участки социальной активности. На улицах располагались торговые лавки и ремесленные мастерские. Здесь люди взаимодействовали друг с другом, обменивались новостями, покупали товары, питались, играли в азартные игры. Важные социальные функции выполняли площади. Так, в центральной части городища Чэнцзышань были зафиксированы ровные площадки больших размеров, которые, возможно, использовались для военных тренировок (Болдин, Ивлиев 1997: 85).

Аналогичная роль площадей и улиц была выявлена и в городах более позднего времени. В городах империи Ляо на улицах располагались лавки торговцев и

мастерские ремесленников (Ляо чжунцин... 1961: 35–36). В Каракоруме основная концентрация найденных монет приходится на уличное пространство и территорию около восточных ворот (Miyake 2005: 20). По сведениям Г. Рубрука, там продавали дефицитное для горожан зерно (Рубрук 1957: 165). Именно на перекрестке главных улиц были найдены остатки ремесленного квартала, в том числе мастерская ювелира (Pohl 2009; 2010). При раскопках Шанду — другой столицы династии Юань — были найдены территория рынка, питейные заведения, пригородные заставы с торговыми лавками (Wei Jian 2008).

В работе «Теория лучшей формы города» К. Линч обсуждает различные нормативные теории города. Нормативные теории — это теории, которые сосредотачиваются на выявлении выгоды городского планирования для жизнедеятельности города как целостной системы. Фактически это функционалистская интерпретация городской морфологии. Имеются три нормативные модели: город как «организм», город как «машина» и, применительно к древности, город как военный гарнизон или лагерь колонистов. Первые две модели предполагают, что планировщики городов основывались на тех или иных представлениях об эффективности, целесообразности, безопасности и т.д. Нас больше всего интересует последняя модель, поскольку для нее Линч отмечает проецирование космологических представлений на морфологию городского пространства, например осевую процессию транспортной коммуникации, ярко проявляющуюся в образцах средневековой дальневосточной архитектуры (Lynch 1981).

Уже давно подмечено, что многие древние города можно рассматривать как материальное воплощение магических практик их основателей. Часто город выступает как особая космограмма (Fritz 1986; Ashmore 1989; Carrasco 1999; Vafna 2000; Smith 2008; Lilley 2009). Классическим воплощением является китайская архитектура, где столичный город выступал в качестве своеобразного микрокосма Вселенной. Поскольку китайский император был Сыном Неба и воплощением священной власти на земле, то и его столица должна была находиться в наиболее благоприятном месте. Обязательным компонентом был прямоугольный план города с осевой структурой улиц и ворот. Наиважнейшей осью была линия ян–инь, разделявшая город на западную и восточную половины и ориентированная по направлению север–юг. Это было обусловлено тем, что император сидел на троне, обратившись лицом на юг. Именно поэтому главные ворота находились на юге, откуда начинались все аудиенции и церемонии. Южные ворота выступали в качестве символической точки максимальной удаленности от сакрального центра, и по мере передвижения в северную сторону участники церемониальной акции достигали тронного зала — места сосредоточения максимальной благодати. По этой причине северная часть города считалась более престижной. Здесь располагались дворцовые и административные здания (в столицах — Императорский город), храмы, места проживания элиты (Wheatley 1971; Skinner 1977; Steinhardt 1990).

Все вышеизложенное нашло свое воплощение в столичной архитектуре Бохая — Ляо и Цзинь. Как было показано в главах 3 и 4, бохайские столицы имели строгую планировку. За основу были взяты строительные каноны Чаньаня —

столицы империи Тан. Так называемые «дворцовые города» располагались в северной части бохайских столиц. На Красинском городище в Приморье была выявлена четкая квартальная планировка. В северной части зафиксированы остатки больших зданий, раскопан храм. На Кокшаровском городище в северной части памятника (см. гл. 5) было раскопано крупное административное или дворцовое здание.

Верхняя столица империи Ляо возводилась как монументальная презентация молодой империи (Lin Hu 2009: 85). Поэтому китайские градостроительные каноны не были соблюдены здесь в полной мере. Впоследствии, по мере аккультурации завоевателей к культуре завоеванных, принципы и правила китайской архитектуры получили большее распространение. Проиллюстрируем это на примере городища Чинтолгой-балгас (см. гл. 6) — города Чжэньжоу, окружного приграничного центра с одноименным названием, который находится на территории Центральной Монголии. По форме городище представляло почти правильный прямоугольник со сторонами 1256×655 м. Оно ориентировано почти по сторонам света, вытянуто по линии север–юг. Город был разделен внутренним валом на северную и южную части. В городе пять ворот с Г-образным захабом (по двое с западной и восточной сторон и одни на юге), которые соединены улицами. Главная улица ведет от южных ворот на север и упирается в большой холм — остатки какого-то здания. Внутри городища выделяются отдельные кварталы и более крупные сооружения, которые сосредоточены в северной части. Это могли быть административные, дворцовые здания или храмы. В южной части городища также встречаются крупные объекты, но их меньше. Зато здесь есть большие пустые пространства (Крадин, Ивлиев и др. 2011).

В империи Цзинь наблюдается преемственность ляоских архитектурных традиций, что прослеживается в фортификации и планиграфии равнинных городищ. Однако чжурчжэньские города имеют более развитую, мощную фортификацию. На территории Приморья часть крупных городов соответствовали китайским градостроительным канонам (Чугуевское городище, Западно-Уссурийское городище), часть соответствовали частично (Николаевское городище Партизанского района), некоторые равнинные (Суйпинь — Южно-Уссурийское городище) и горные (Кайюань — Краснояровская крепость) города были построены в соответствии с другими принципами, которые еще предстоит осмыслить.

Горные городища в Приморье строились в соответствии с совсем другими правилами. Ключевой задачей проектировщиков и строителей города было сделать город максимально неуязвимым от внешнего врага, поскольку большинство городищ строились в период существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233), когда стране угрожал внешний враг в лице монголов. Здесь не соблюдались принципы осевой симметрии, но чжурчжэни выработали свои каноны градостроительной практики горных городищ: наличие внутренних «запретных городов» и так называемых редутов, расположение жилищ на террасах (они выступали аналогами улиц), наличие больших фронтальных на наиболее опасных участках и особых предвратных укреплений.

Монгольские столицы строились в соответствии с несколько иными принципами. Как было показано в гл. 9, при строительстве Каракорума были соблюдены монгольские принципы организации пространства, где дворец/ставка хана должны располагаться на юге, с открытым пространством в эту сторону. Вся строительная активность осуществлялась к западу, востоку и северу от дворца. При строительстве Шанду и Даду Лю Бин-чжуном были учтены правила китайской геомантии. Однако в Шанду Императорский и дворцовый города располагались в центре, а к северу от них находились большие садовые пространства для отдыха императора и его двора, места для дислокации императорского двора, obsługi и кешиктенов. Смещение Императорского и дворцового городов к востоку, скорее всего, также отражение пространственных представлений номадов: восточная сторона имеет более высокий статус, чем западная (более структурированная восточная сторона прослеживается также в Каракоруме и Хирхирином городище; в восточной части Каракорума найдено большее число монет). В Даду соблюдены те же принципы — Императорский и дворцовый города находятся на юге, главный императорский дворец несколько смещен к югу, на севере имеются большие свободные пространства.

Существуют разные модели пространственной организации современных городов — ортогональные и с сеткой, в форме звезды и/или концентрической (Smith 2007). В рамках чикагской школы урбанистики была создана так называемая «концентрическая зональная модель», согласно которой город представляет собой нечто вроде кольца, в центре которого находится деловой район, за ним фабричное кольцо, далее кольца мест жительства низших социальных групп и затем высших общественных слоев, пригороды (Park, Burgess 1924; Burgess 1925). Другая модель исходит из того, что город разбит на части и условно похож на разрезанный на доли праздничный пирог (Hoyt 1939). Позднее появились смешанные модели, модели с несколькими центрами (Harris, Ulman 1945). Естественно, что в течение времени значимость тех или иных районов города могла меняться. Например, на начальных этапах элита могла концентрироваться в центре, затем более престижным стало селиться на окраинах (Scargell 1979: 214–215).

Вышеизложенные теории были разработаны на примере изучения современных городов, и очевидно, что они не во всем и не всегда применимы к доиндустриальным обществам. Однако нельзя не согласиться с мнением Моника Смит, что «древние и современные города — результат ограниченного диапазона конфигураций, которые структурируют деятельность концентрированного населения» и «компоненты городов в прошлом и настоящем подобны» (Smith M. 2003: 2, 4). Это одновременно и посыл к новым исследованиям, и признание того, насколько мы схожи с нашими предками в выборе тех или иных практик. Однако нас разделяет примерно тысяча лет, и многое из того, что хотелось бы понять и донести до читателей в этой книге, по-прежнему остается неизведанным и недосказанным.

Список источников и литературы

- Абу-Луход 2001 — *Абу-Луход Ж.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира.* Вып. 2. Новосибирск, 2001.
- Авакьянц 1987 — *Авакьянц Г.С.* Киданьские тексты как историко-культурный источник (Этносимиотический анализ киданьских текстов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Агроклиматические ресурсы 1973 — *Агроклиматические ресурсы Приморского края: справочник.* Л., 1973.
- Алексеева и др. 1996 — *Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Ивлиев А.Л.* Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // *Археология Северной Пасифики.* Владивосток, 1996.
- Алексеева, Болдин 1986 — *Алексеева Э.В., Болдин В.И.* Материалы об охоте и животноводстве у населения бохайского городища Николаевское-II (Приморье) // *Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР.* Владивосток, 1986.
- Алексеева, Болдин 1989 — *Алексеева Э.В., Болдин В.И.* Остатки животных из средневековых слоев Новогордеевского селища и городища // *Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР.* Владивосток, 1989.
- Алексеева, Болдин 1994 — *Алексеева Э.В., Болдин В.И.* Остатки животных из средневекового селища Константиновское-1 // *Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России.* Владивосток, 1994.
- Алексеева, Гасилин 2015 — *Алексеева Э.В., Гасилин В.В.* Крупные млекопитающие в хозяйстве древнего населения Приханкайской низменности (Южное Приморье) // *Средневековые древности Приморья.* Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Алексеева, Шавкунов 1983 — *Алексеева Э.В., Шавкунов Э.В.* Дикие и домашние животные Шайгинского городища // *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий.* Владивосток, 1983.
- Андреева и др. 1986 — *Андреева Ж.В., Жуциховская И.С., Кононенко Н.А.* Янковская культура. М., 1986.
- Артемьев 2003 — *Артемьев А.Р.* Новые исследования средневековых поселений Забайкалья XIII–XIV вв. // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Омск, 2003.
- Артемьев 2004 — *Артемьев А.Р.* Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.) // *Российская археология,* 2004, № 4.
- Артемьев 2005 — *Артемьев А.Р.* Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // *Вестник ДВО РАН.* 2005, № 2.
- Артемьева 1989 — *Артемьева Н.Г.* К демографической характеристике чжурчжэньской семьи // *Новое в дальневосточной археологии (Материалы медиевистов).* Южно-Сахалинск, 1989.
- Артемьева 1989а — *Артемьева Н.Г.* Внутренняя топография Шайгинского городища // *Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР.* Владивосток, 1989.

- Артемьева 1998 — *Артемьева Н.Г.* Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). Владивосток, 1998.
- Артемьева 2001 — *Артемьева Н.Г.* Административный комплекс Краснояровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Мат-лы междунар. науч. конф. Владивосток, 2001.
- Артемьева 2001а — *Артемьева Н.Г.* Исследования городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001.
- Артемьева 2001б — *Артемьева Н.Г.* Исследования Краснояровского городища в Уссурийском районе Приморского края // Археологические открытия 1999 года. М., 2001.
- Артемьева 2001в — *Артемьева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Шайгинского городища в Партизанском районе, Южно-Уссурийского городища в Уссурийском районе и городища Красный Мыс в Шкотовском районе Приморского края в 2001 г. Архив ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 454.
- Артемьева 2002 — *Артемьева Н.Г.* Исследования средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2001 года. М., 2002.
- Артемьева 2003 — *Артемьева Н.Г.* Редут Краснояровского городища в Приморье // Российская археология. 2003, № 4.
- Артемьева 2004 — *Артемьева Н.Г.* Буддийский жезл Краснояровского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004, № 2 (18).
- Артемьева 2004а — *Артемьева Н.Г.* Исследования средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.
- Артемьева 2005 — *Артемьева Н.Г.* Исследования средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2004 года. М., 2005.
- Артемьева 2005а — *Артемьева Н.Г.* Города чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Артемьева 2007 — *Артемьева Н.Г.* Исследования городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.
- Артемьева 2008 — *Артемьева Н.Г.* Городища Цзинь (1115–1234 гг.) на территории Приморья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
- Артемьева 2008а — *Артемьева Н.Г.* Кайюань — Верхняя столица чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) // Столетие Великого АПЭ (К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова). Владивосток, 2008.
- Артемьева 2008б — *Артемьева Н.Г.* О датировке Южно-Уссурийского городища // Вестник ДВО РАН. 2008, № 2.
- Артемьева 2009 — *Артемьева Н.Г.* Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2009, № 5.
- Артемьева 2009а — *Артемьева Н.Г.* Исследование средневековых городищ в Приморье // Археологические открытия 2006 года. М., 2009.
- Артемьева 2010 — *Артемьева Н.Г.* Исследование средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2007 года. М., 2010.
- Артемьева 2011 — *Артемьева Н.Г.* Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011.
- Артемьева 2011а — *Артемьева Н.Г.* Начальные исследования мастерской по выплавке железа и бронзы на Краснояровском городище // Вестник ДВО РАН. 2011, № 1.
- Артемьева 2012 — *Артемьева Н.Г.* Андреанов Ключ — новый памятник мохэского периода в Приморье // Тихоокеанская археология. Вып. 23. Владивосток, 2012.
- Артемьева 2012а — *Артемьева Н.Г.* Арсенал метательных снарядов Краснояровского городища // Военное дело в АТР с древнейших времен до середины XX века. Владивосток, 2012.
- Артемьева 2012б — *Артемьева Н.Г.* Новый этап исследований Шайгинского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. Владивосток, 2012.

- Артемьева 2012в — *Артемьева Н.Г.* Чжурчжэньские валы // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Артемьева 2013 — *Артемьева Н.Г.* Функциональное назначение дополнительных фортификационных сооружений на чжурчжэньских городищах Приморья // Вестник ДВО РАН. 2013, № 4.
- Артемьева 2014 — *Артемьева Н.Г.* Итоги изучения памятников чжурчжэньской культуры в Приморье // Золотой мост древностей. Тихоокеанская археология. Вып. 29. Владивосток, 2014.
- Артемьева 2014а — *Артемьева Н.Г.* Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. М., 2014.
- Артемьева 2015 — *Артемьева Н.Г.* Археологические исследования средневековых памятников в Приморском крае в 2010–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 гг. М., 2015.
- Артемьева и др. 2012 — *Артемьева Н.Г., Анохин В.В., Ивлиев А.Л., Макиевский С.В.* Новонежинское городище — военное поселение Чжэньань // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Артемьева, Болдин 2015 — *Артемьева Н.Г., Болдин В.И.* Земледелие и животноводство чжурчжэней Приморья в XII–XIII вв. (по письменным и археологическим источникам) // Российская археология. 2015, №3.
- Артемьева, Ивлиев 2000 — *Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л.* Новые эпиграфические находки из Уссурийска // Российская археология. 2000, № 2.
- Артемьева, Макиевский 2015 — *Артемьева Н.Г., Макиевский С.В.* Керамика Новонежинского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Артемьева, Хорев 1999 — *Артемьева Н.Г., Хорев В.А.* Исследования Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края // Археологические открытия 1997 года. М., 1999.
- Артемьева, Хорев 2012 — *Артемьева Н.Г., Хорев В.А.* О датировке Гусевского укрепления // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Археологические памятники 2007 — Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2006 г.). Сеул, 2007.
- Археологические памятники 2008 — Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2007 г.). Деджон, 2008.
- Археологические памятники 2014 — Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. По материалам исследований 2012–2013 гг. Сеул, 2014.
- Археологические памятники 2015 — Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 годах. Тэджон, 2015.
- Асташенкова 2013 — *Асташенкова Е.В.* Изображения Будд, Бодхисатв и буддийских божеств в искусстве Бохая // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013, № 5.
- Баасан 2006 — *Баасан Ту.* Чингисийн далангэжюу вэ? (Что такое вал Чингис-хана?). Улаанбаатар, 2006 (на монг. яз.).
- Бальяньчэн 2014 — Бальяньчэн: эрцянъсы — эрцянъцзю няньду бохайго дунцин гучжи тянье каогу баогао (Бальяньчэн: Отчет о полевых археологических исследованиях остатков Восточной столицы государства Бохай в 2004–2009 гг.) / Институт археологии провинции Цзилинь, Центр приграничной археологии Цзилиньского университета, Бюро по охране и изучению памятников истории и культуры города Хуньчунь. Пекин, 2014 (на кит. яз.).
- Барфилд 2002 — *Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
- Барфилд 2008 — *Барфилд Т.* Теневые империи: формирование империй на границе степи // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.
- Барфилд 2009 — *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.). СПб., 2009.

- Батаршев и др. 2006 — *Батаршев С.В., Мезенцев А.Л., Крутых Е.Б.* Новые памятники эпохи палеометалла в Красноармейском районе Приморского края // Дальневосточные древности: каменный век, палеометалл, средневековье. Владивосток, 2006.
- Батаршев и др. 2014 — *Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Сергушева Е.А.* Маргаритовская археологическая культура в Приморье: итоги и перспективы изучения // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 7. Благовещенск, 2014.
- Бейссингер 2005 — *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. 2005, № 3.
- Беседнов, Гельман 2011 — *Беседнов Л.Н., Гельман Е.И.* Рыболовство населения бохайского городища Горбатка // Дальний Восток России в древности и средневековье (проблемы, поиски, решения). Владивосток, 2011.
- Бессонова и др. 2010 — *Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л., Гельман Е.И.* Применение геолого-геофизических и геохимических методов исследования культурного слоя Краскинского городища для решения археологических задач // Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище). Тез. междунар. науч. конф. Владивосток, 2010.
- Бессонова и др. 2012 — *Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л., Клюев Н.А., Зверев С.А.* Внутреннее устройство городища Кокшаровка-1 и его изменения под влиянием природного окружения // Россия и АТР. 2012, № 4.
- Бессонова, Ивлиев 2007 — *Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л.* Результаты применения магниторазведки для решения археологических задач на Краскинском городище // Вестник ДВО РАН. 2007, № 5.
- Бессонова, Клюев 2010 — *Бессонова Е.А., Клюев Н.А.* Результаты комплексных геолого-геомагнитных исследований на городище Кокшаровка-1 в 2009 г. // Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище). Тез. междунар. науч. конф. Владивосток, 2010.
- Бичурин 1829 — *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из Дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин 1950аб — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М.–Л., 1950.
- Бокщанин 1970 — *Бокщанин А.А.* Очерк китайско-индийских связей (с древности до XVI в.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Болдин 1977 — *Болдин В.И.* Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское I и Николаевское II в Михайловском районе Приморского края. 1977 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 6748.
- Болдин 1986 — *Болдин В.И.* Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Болдин 1987 — *Болдин В.И.* О двух видах орудий заготовки и переработки кормов для скота у чжурчжэней Приморья // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.
- Болдин 1992 — *Болдин В.И.* Бохайские городища в Приморье // Россия и АТР. 1992, № 2.
- Болдин 1993 — *Болдин В.И.* Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993.
- Болдин 1994 — *Болдин В.И.* Земледелие и промыслы Бохая // Россия и АТР. 1994, № 2.
- Болдин 1996 — *Болдин В.И.* К вопросу о датировке бохайских памятников Приморья // Археология Северной Пацифики. Владивосток, 1996.
- Болдин 2000 — *Болдин В.И.* Бохайские гончарные печи (по материалам Корсаковского селища) // История и археология юга Дальнего Востока. Владивосток. 2000.
- Болдин 2001 — *Болдин В.И.* Городище Синельниково-1 — раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001.
- Болдин 2001а — *Болдин В.И.* Результаты археологических исследований бохайских памятников Приморья в 1994–1998 гг. // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Мат-лы междунар. науч. конф. Владивосток, 2001.

- Болдин 2002 — *Болдин В.И.* Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур юго-западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002.
- Болдин 2015 — *Болдин В.И.* Сельское хозяйство чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. 2015, № 2.
- Болдин и др. 1990 — *Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э.* Новый тип бохайского жилища в Приморье // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990.
- Болдин и др. 1999 — *Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г., Гельман Е.И.* Исследования на Синиловском городище в Приморье // Археологические открытия 1997 года. М., 1999.
- Болдин и др. 2001 — *Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г.* «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001, № 3.
- Болдин и др. 2005 — *Болдин В.И., Гельман Е.И., Леценко Н.В., Ивлиев А.Л.* Уникальная находка на Краскинском городище: Подземная камера с черепичными стенами // Россия и АТР. 2005, № 3.
- Болдин и др. 2006 — *Болдин В.И., Гельман Е.И., Леценко Н.В., Юн Эюн.* Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище Приморского края в 2005 году. Сеул, 2006.
- Болдин и др. 2010 — *Болдин В.И., Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Леценко Н.В.* Бохайские памятники в Приморье и Константиновское 1 селище / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Корейский государственный университет культурного наследия. 2010.
- Болдин, Ивлиев 1997 — *Болдин В.И., Ивлиев А.Л.* Столичные города Бохая // Россия и АТР. 1997, № 3.
- Болдин, Ивлиев 2002 — *Болдин В.И., Ивлиев А.Л.* Многослойный памятник Новогордеевское городище: материалы раскопок 1986–1987 годов // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток, 2002 (Тр. ИИАЭ ДВО РАН; т. 11).
- Болдин, Никитин 1996 — *Болдин В.И., Никитин Ю.Г.* Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском, Уссурийском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 году. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 401.
- Болдин, Семениченко 1978 — *Болдин В.И., Семениченко Л.Е.* Стратиграфия городища Николаевка II и периодизация бохайской культуры в Приморье // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Болдин, Хорев 1993 — *Болдин В.И., Хорев В.А.* К характеристике сельскохозяйственной деятельности населения Ананьевского городища // Краеведческий вестник. Вып. I. Владивосток, 1993.
- Болдин, Шавкунов 1979 — *Болдин В.И., Шавкунов Э.В.* О характере и роли земледелия в хозяйстве населения Шайгинского городища // Советская этнография. 1979, № 6.
- Большаков 2001 — *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 2001.
- Большаков, Якобсон 1983 — *Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.
- Боровкова 1971 — *Боровкова Л.А.* Восстание красных войск в Китае. М., 1971.
- Бохай шанцзинчэн 2009 — Бохай шанцзинчэн: ицзюцзюба — эрцянъци няньду каогу фацзюэ дяоча баогао (Городище Верхней столицы Бохая: отчет об археологических раскопках и исследованиях в 1998–2007 годах). Т. 1, 2. Пекин, 2009 (на кит. яз.).
- Бродель 1988 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1988.
- Бродянский 2014 — *Бродянский Д.Л.* Рудановское городище. Анучинская и польцевская культура в Приморье. Владивосток, 2014.
- Буссе 1888 — *Буссе Ф.Ф.* Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 1. Владивосток, 1888.

- Буссе, Кропоткин 1908 — *Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А.* Остатки древностей в Амурском крае // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 12. Владивосток, 1908.
- Ван Ин 2016 — *Ван Ин.* Эрцяньшии — эрцяньшиэр нянь ляо шанцзин чэнчжи-дэ каогу фацзюэ хэ чубу жэньши (Археологические раскопки городища верхней столицы Ляо в 2011–2012 гг. и их предварительные результаты) // Дунъя дучэн хэ дилин каогу юй цидань ляо вэньхуа гоци сюэшу яньтаохуй луньвэньцзи (Сборник статей международной научной конференции «Археология столичных городов и императорских мавзолеев Восточной Азии и культура киданей и Ляо»). Пекин, 2016 (на кит. яз.).
- Ван Пэйсинь — *Ван Пэйсинь.* Бронзовые поясные украшения мохэ-чжурчжэней и связанные с ними вопросы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002.
- Ван Цзяньцюнь, Чэнь Сяньвэй 1989 — *Ван Цзяньцюнь, Чэнь Сяньвэй.* Кулунь ляодай бихуа му (Могилы с фресками эпохи Ляо в хошуне Хурэ-Ци). Пекин, 1989 (на кит. яз.).
- Ван Цин 1979 — *Ван Цин.* Ляо шанцзин ичжи (Городище — остатки Верхней столицы Ляо) // Вэньу. 1979, № 5 (на кит. яз.).
- Ван Чэнли 1984 — *Ван Чэнли.* Бохай цзянь ши (Краткая история Бохая). Харбин, 1984 (на кит. яз.).
- Ван Чэнли 2000 — *Ван Чэнли.* Чжунго дунбэй-дэ бохайго юй дунбэйяй (Государство Бохай северо-востока Китая и северо-восточная Азия). Чанчунь, 2000 (на кит. яз.).
- Ван Юйлан, Вэй Гочжун 2008 — *Ван Юйлан, Вэй Гочжун.* Бохай ши синькао (Новое исследование истории Бохая). Харбин, 2008.
- Ван Юйпин 1955 — *Ван Юйпин.* Чжаодауамэн линьдунцзе фасянь циданьцзу цзюй чжу ичжи (В Линьдунцзе аймака Джун-Уд обнаружено киданское поселение) // Вэньу цанькао цзыляо. 1955, № 2 (на кит. яз.).
- Васильев 1993 — *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1–2. М., 1993.
- Васильев 1995 — *Васильев Ю.М.* Раскопки печей для обжига черепицы // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
- Васильев 1998 — *Васильев Ю.М.* Отчет о раскопках печей для обжига черепицы в с. Сергеевке Партизанского района Приморского края. Архив ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 422.
- Васильева 1983 — *Васильева Т.А.* Новые данные о гончарстве на Шайгинском городище (по материалам раскопок 1974 г.) // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Васильева 2000 — *Васильева Т.А.* Исследования на Екатерининском городище // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток–Омск, 2000.
- Васильева 2005 — *Васильева Т.А.* Внутренние города Екатерининского городища (Приморский край) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005.
- Васильева 2011 — *Васильева Т.А.* Археологическое изучение памятников эпохи чжурчжэней дальневосточными археологами // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011.
- Васильева 2012 — *Васильева Т.А.* Хозяйство населения Горнохуторского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Васильева 2012а — *Васильева Т.А.* Горнохуторское городище // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. Владивосток, 2012.
- Васильева 2014 — *Васильева Т.А.* О внутренних городах Екатерининского городища // Золотой мост древности. Тихоокеанская археология. Вып. 29. Владивосток, 2014.
- Васильева, Сергушева 2014 — *Васильева Т.А., Сергушева Е.А.* Земледелие у чжурчжэней (по материалам исследования Екатерининского городища) // Россия и АТР. 2014, № 2.
- Васютин 2011 — *Васютин С.А.* Киданское городище Хэрмэн-Дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник БНЦ СО РАН. 2011, № 4.

- Васютин 2011а — *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник НГУ. Серия: История, филология, Т. 10. Вып. 1. 2011.
- Вернадский 1997 — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь–Москва, 1997.
- Викторова 1980 — *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Винокурова и др. 2016 — *Винокурова М.А., Омелько В.Е., Гасилин В.В., Гельман Е.И.* Млекопитающие (Mammalia) Краскинского городища (Бохай, VIII–X вв.), Приморский край // Териофауна России и сопредельных территорий. М., 2016.
- Войтов 1990 — *Войтов В.Е.* Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990.
- Воробьев 1954 — *Воробьев Д.П.* К вопросу о заносных сорных растениях в Приморском крае // Комаровские чтения. Владивосток, 1954. Вып. 4.
- Воробьев 1967 — *Воробьев М.В.* Развалины дворца в Красноярской крепости в Приморье // Историко-филологические исследования (К 70-летию акад. Н.И. Конрада). М., 1967.
- Воробьев 1968 — *Воробьев М.В.* Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1968.
- Воробьев 1975 — *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- Воробьев 1982 — *Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1982.
- Вострецов 1996 — *Вострецов Ю.Е.* Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Приморье в древности и средневековье. Уссурийск, 1996.
- Вострецов 2005 — *Вострецов Ю.Е.* Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Вострецов и др. 2003 — *Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х.* Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003.
- Всеобщая история архитектуры 1971 — Всеобщая история архитектуры. Т. 9. М., 1971.
- Вэй Гочжун и др. 2006 — *Вэй Гочжун, Чжу Гочэнь, Хао Цинъюнь.* Бохайго ши (История государства Бохай). Пекин, 2006 (на кит. яз.).
- Вэй Цзянь 2015 — *Вэй Цзянь.* Археологическое исследование Верхней столицы (Шанду) династии Юань // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Вэй Цуньчэн 2008 — *Вэй Цуньчэн.* Бохай каогу (Археология Бохая). Пекин, 2008 (на кит. яз.).
- Гай Чжиюн 2004 — *Гай Чжиюн.* Таньсюнь шицзюй-дэ ванго — Ляо Елюй Юйчжи му (В поисках погибшего царства — могила Елюя Юйчжи). Хух-хото, 2004 (на кит. яз.).
- Галактионов 1976 — *Галактионов О.С.* Два чжурчжэньских городища военно-стратегического назначения // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976.
- Галактионов 1983 — *Галактионов О.С.* Отчет об археологической разведке в Приморском крае в 1983 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 10177.
- Галактионов 1983а — *Галактионов О.С.* К вопросу о так называемых «редутах» // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Гельман 1999 — *Гельман Е.И.* Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток, 1999.
- Гельман 2002 — *Гельман Е.И.* О культурной принадлежности Новогордеевского селища // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002.

- Гельман 2005 — Гельман Е.И. Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Гельман 2006 — Гельман Е.И. Центр и периферия в Северо-Восточной части государства Бохай // Россия и АТР. 2006, № 3.
- Гельман 2007 — Гельман Е.И. Система жизнеобеспечения населения бохайского городища Горбатка // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007.
- Гельман 2014 — Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор VIII–X вв. из археологических памятников Приморья // История и статус Пальхэ в истории Кореи. Сеул, 2014.
- Гельман 2015 — Гельман Е.И. Бохайские жилища и хозяйственные сооружения // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2015.
- Гельман и др. 1999 — Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. Исследования на Синиловском городище в Приморье // Археологические открытия 1997 года. М., 1999.
- Гельман и др. 2000 — Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Раскопки колодца Краскинского городища // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Гельман и др. 2010 — Гельман Е.И., Болдин В.И., Астащенко Е.В., Ивлиев А.О., Лещенко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчет об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Сеул, 2010.
- Гельман и др. 2014 — Гельман Е.И., Ким Ын Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок, Астащенко Е.В., Пискарева Я.Е. Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище в российском Приморье в 2013 году. Сеул, 2014.
- Гельман и др. 2016 — Гельман Е.И., Астащенко Е.В., Пискарева Я.Е., Бессонова Е.А., Зверев С.А. Мультидисциплинарные исследования бохайской группы погребений в окрестностях Краскинского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016, № 4.
- Гельман и др. 2017 — Гельман Е.И., Астащенко Е.В., Буравлев И.Ю. Бронзолитейное производство в Бохае (по данным археологических исследований Краскинского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Ремесла и промыслы. Владивосток, 2017.
- Гельман, Ивлиев 2013 — Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН. 2013, № 1 (167).
- Гельман, Кодзима 2013 — Гельман Е.И., Кодзима Ё. Производство бронзы бохайским населением долины р. Илстой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013, № 5.
- Гонгор 1974 — Гонгор Д. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму (XI — начало XIII в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва–Улаанбаатар, 1974.
- Город 1990 — Город в формационном развитии стран Востока. М., 1990.
- Городище Кокшаровка-1 2012 — Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2010 годах. Колл. авторов (Н.А. Клюев, Чой Менг Сик, Юн Кван Джин и др.). Ч. 1, 2. Тэджон, 2012 (на рус., кор. яз.).
- Государство Бохай 1994 — Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Н.Г. Артемьева, В.И. Болдин, Т.А. Васильева, Е.И. Гельман, О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев, Л.В. Конькова, Н.Н. Крадин, В.Д. Ленков, Н.В. Лещенко, Г.Л. Силантьев, В.Э. Шавкунов, Э.В. Шавкунов. М., 1994.
- Греков, Якубовский 1950 — Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Губайдуллин 2003 — Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань, 2003.

- Даймонд 2012 — *Даймонд Дж.* Коллапс. М., 2012.
- Далай 1983 — *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
- Данилов 1992 — *Данилов С.В.* Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Данилов 2004 — *Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Дань Хуаша 1983 — *Дань Хуаша.* Бохай лиши дили яньцзю цинкуан шулюэ (Очерк исследованной исторической географии Бохая) // Хэйлунцзян вэньу цункань. 1983, № 1 (на кит. яз.).
- Даньшин 2006 — *Даньшин А.В.* Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово, 2006.
- Деревянко А.П. и др. 2005 — *Деревянко А.П., Ким Бон-Гон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.* Древние памятники Южного Приморья: отчет об исследовании поселения Булочка в 2004 году. Сеул, 2005.
- Деревянко Е.И. 1981 — *Деревянко Е.И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.
- Дерюгин, Гельман 2015 — *Дерюгин В.А., Гельман Е.И.* Япония как возможный поставщик нефти в средневековье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015, № 4.
- Джарылгасинова 1972 — *Джарылгасинова Р.Ш.* Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). М., 1972.
- Джун Ён Хак 2003 — *Джун Ён Хак.* Сравнительное исследование сельскохозяйственных орудий Кореи и Китая. Сеул, 2003 (на кор. яз.).
- Ди Космо 2008 — *Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.
- Древнемонгольские города 1965 — *Древнемонгольские города.* Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965.
- Дун Синьлинь 2015 — *Дун Синьлинь.* Новые результаты археологических раскопок остатков Царского города Верхней столицы Ляо в последние годы. Доклад на XVI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока в апреле 2015 г., Владивосток (в печати).
- Дунбэй... 1989 — *Дунбэй лиши дили* (Историческая география Северо-Восточного Китая). Т. 2 / Гл. редакторы-составители Сунь Цзиньцзи, Фэн Юнцзянь. Харбин, 1989 (на кит. яз.).
- Дьякова 1998 — *Дьякова О.В.* Мохэские памятники Приморья. Владивосток, 1998.
- Дьякова 2006 — *Дьякова О.В.* Средневековые фортификации Приморья: датировка, классификация, происхождение // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всероссийского археологического съезда. Т. 2. М., 2006.
- Дьякова 2009 — *Дьякова О.В.* Военное зодчество центрального Сихотэ-Алиня. М., 2009.
- Дьякова 2014 — *Дьякова О.В.* Государство Бохай: археология, история, политика. М., 2014.
- Дьякова 2016 — *Дьякова О.В.* Российское Приморье в эпоху кочевых империй: от Ляо к Юань // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Мат-лы VII междунар. науч. конф. Т. 2. Красноярск, 2016.
- Дьякова, Сакмаров 1996 — *Дьякова О.В., Сакмаров С.А.* «Мысовидные» укрепления юга Дальнего Востока и культурогенез региона // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». 18–20 июня 1996 г. Владивосток, 1996.
- Дьякова, Сакмаров 1996а — *Дьякова О.В., Сакмаров С.А.* Новый тип укрепленных поселений // Россия и АТР. 1996, № 3.
- Е Лунли 1979 — *Е Лунли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. В.С. Таскина. М., 1979.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М., 2002.
- Забелина 1955 — *Забелина Н.Н.* Раскопки Дальневосточной археологической экспедиции в г. Ворошилове (1954 г.) // Советское Приморье. Владивосток, 1955.

- Забелина 1960 — *Забелина Н.Н.* К исторической топографии города Уссурийска // География Дальнего Востока. Хабаровск, 1960.
- Ивлиев 1978 — *Ивлиев А.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 7478. 170 л.
- Ивлиев 1978а — *Ивлиев А.Л.* О надписях на бортиках средневековых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Ивлиев 1983 — *Ивлиев А.Л.* Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Ивлиев 1985 — *Ивлиев А.Л.* Жилища киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
- Ивлиев 1986 — *Ивлиев А.Л.* Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований). Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1986.
- Ивлиев 1988 — *Ивлиев А.Л.* Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988.
- Ивлиев 1993 — *Ивлиев А.Л.* Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1993.
- Ивлиев 1996 — *Ивлиев А.Л.* Письменные источники об истории Приморья середины I — начала II тысячелетия н.э. // Приморье в древности и средневековье (материалы региональной археологической конференции). Уссурийск, 1996.
- Ивлиев 1997 — *Ивлиев А.Л.* Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. 1997, № 1 (71).
- Ивлиев 2000 — *Ивлиев А.Л.* Шайгинская пайцца в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Ивлиев 2003 — *Ивлиев А.Л.* Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003.
- Ивлиев 2003а — *Ивлиев А.Л.* Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья международная науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003.
- Ивлиев 2005 — *Ивлиев А.Л.* Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Ивлиев 2006 — *Ивлиев А.Л.* О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006, № 2.
- Ивлиев 2014 — *Ивлиев А.Л.* Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья // Россия и АТР. 2014, № 4.
- Ивлиев 2015 — *Ивлиев А.Л.* Государство Дундань и археологические памятники на территории Приморья // Археологические юбилеи. Владивосток, 2015.
- Ивлиев 2015а — *Ивлиев А.Л.* Коллекция средневековых монет из памятников у Лобановки в Приморье // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Городища и поселения. Вып. 2. Владивосток, 2015.
- Ивлиев 2015б — *Ивлиев А.Л.* Шайгинское городище в свете эпиграфических данных // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Ивлиев 2016 — *Ивлиев А.Л.* Племя *тели* и Приморье в средние века // Средневековые древности Приморья. Вып. 4. Владивосток, 2016.
- Ивлиев, Болдин 1997 — *Ивлиев А.Л., Болдин В.И.* Столичные города Бохая // Россия и АТР. 1997, № 3.
- Ивлиев, Хорев 2006 — *Ивлиев А.Л., Хорев В.А.* О двух находках на Ананьевском городище // Россия и АТР. 2006. № 1.
- Ивлиев и др. 1998 — *Ивлиев А.Л., Болдин В.И., Никитин Ю.Г.* Новые сведения о фортификации бохайских городищ // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

- Ивлиев и др. 2017 — *Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Эрдэнэболд Л.* О доляском комплексе в материалах городища Хэрмэн-дэнж, Монголия // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017.
- Ильин 1997 — *Ильин М.В.* Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- Инь Шумэй 2007 — *Инь Шумэй.* Бронзовая статуя Будды из Шанцзина — из бохайской Верхней столицы (г. Нинань) // *Northern Cultural Relics.* 2007, № 2 (на кит. яз.).
- Инь Шумэй 2007а — *Инь Шумэй.* Нинъаньши бохай Шанцзинчэн фасянь-дэ тун фосянь (Бронзовая статуя Будды из бохайской Верхней столицы в муниципалитете Нинъань) // *Бэйфан вэньу.* 2007, № 2 (на кит. яз.).
- Карлов 1980 — *Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // *Русский город.* Вып. 3. М., 1980.
- Каспэ 1997 — *Каспэ С.И.* Империи: генезис, структура, функция // *Политические исследования.* 1997, № 5.
- Ким Джонг Хёк 2003 — *Ким Джонг Хёк.* Чаосьян дунхай ань идай-дэ бохай пиндичэн хэ шаньчэн (Бохайские равнинные и горные городища в районе побережья Восточного (Японского) моря Северной Кореи) // пер. на кит. яз. Ли Юнь. Лиши юй каогу синьси. Дунбэйяй (Новости истории и археологии. Северо-Восточная Азия). 2003, № 1 (на кит. яз.).
- Кириллов, Ковычев 2002 — *Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Киданьские древности Приаргунья // *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии.* Владивосток, 2002.
- Киселев 1947 — *Киселев С.В.* Монголия в древности // *Известия АН СССР. Серия истории и философии.* 1947. Т. 4, № 4.
- Киселев 1957 — *Киселев С.В.* Древние города Монголии // *Советская археология.* 1957, № 2.
- Киселев 1958 — *Киселев С.В.* Древние города Забайкалья // *Советская археология.* 1958, № 4.
- Киселев 1961 — *Киселев С.В.* Город монгольского Исункэ в Забайкалье // *Советская археология.* 1961, № 1.
- Киселев 1965 — *Киселев С.В.* (ред.). Древнемонгольские города. М., 1965.
- Классен 2012 — *Классен Х. Дэж. М.* Теория раннего государства сегодня // *Политическая антропология традиционных и современных обществ.* Мат-лы междунар. конф. Владивосток, 2012.
- Клюев и др. 2011 — *Клюев Н.А., Малков С.С., Якупов М.А.* Результаты исследования городища Кокшаровка-1 в Приморье в 2008–2009 гг. // *Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения.* Владивосток, 2011.
- Клюев и др. 2015 — *Клюев Н.А., Чи Бёнмок, Бессонова Е.А.* и др. Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 годах. Тэджон, 2015.
- Клюев и др. 2016 — *Клюев Н.А., Гридасова И.В., Якупов М.А.* Новые открытия в средневековой археологии Приморья: городище Кокшаровка-1 // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Мат-лы седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань–Ялта–Кишинев, 2016.
- Клюев, Гридасова 2017 — *Клюев Н.А., Гридасова И.В.* Особенности планиграфии архитектурного комплекса на городище Кокшаровка-1 в Приморье // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017.
- Клюев, Ивлиев 2013 — *Клюев Н.А., Ивлиев А.Л.* Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // *Россия и АТР.* 2013, № 3.
- Клюев, Слепцов, Ивлиев 2016 — *Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л.* Кокшаровка-8 — уникальный погребальный комплекс эпохи средневековья в Приморье // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды:*

- Материалы седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань–Ялта–Кишинев, 2016.
- Книга Марко Поло 1956 — Книга Марко Поло. М., 1956.
- Ковычев 2012 — *Ковычев Е.В.* К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 9. Иркутск, 2012.
- Кодзима 2015 — *Кодзима Ёситака.* Боккай дзэнкино ёто-никансуру кэнкё (Исследования столицы бохайского вана раннего периода) // Дунбэйя гудай шэжуй юй вэньхуа гоцзи сюэшу яньтаохуй. Цзыляоцэ (Международная научная конференция «Древние общество и культура Северо-Восточной Азии. Материалы»). Чанчунь, 2015.
- Кодзима, Гельман 2011 — *Кодзима Ё., Гельман Е.И.* Изучение сосуда с асфальтовым веществом, обнаруженным на Краскинском городище // Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая. Мат-лы междунар. науч. конф. Сеул–Владивосток, 2011.
- Козин 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.–Л., 1941.
- Коллинз 1998 — *Коллинз Р.* Предсказания в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира. Вып. 2. Новосибирск, 1998.
- Коллинз 2001 — *Коллинз Р.* Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и агро-принудительных обществ // Время мира. Вып. 2. Новосибирск, 2001.
- Коллмар-Пауленц 2004 — *Коллмар-Пауленц К.* Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1. Улан-Удэ, 2004.
- Коломиец 2001 — *Коломиец С.А.* Период развитого железа в Приморье (в контексте польцевской культурной общности). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.
- Коломиец и др. 2002 — *Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А.* Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002.
- Коломиец и др. 2003 — *Коломиец С.А., Афремов П.Я., Крутых Е.Б.* Новые памятники среднего течения р. Уссури // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003.
- Конькова 1989 — *Конькова Л.В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э. — XIII в. н.э.). Л., 1989.
- Коротаев и др. 2007 — *Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М., 2007.
- Коротаев, Гринин 2010 — *Коротаев А.В., Гринин Л.Е.* Политическое развитие Мир-Системы и урбанизация: сравнительный количественный анализ // История и математика: Эволюционная историческая макродинамика. М., 2010.
- Крадин 1989 — *Крадин Н.Н.* Социальный строй народов Дальнего Востока СССР I тыс. н.э. Владивосток, 1989.
- Крадин 2000 — *Крадин Н.Н.* Отчет об археологических исследованиях в Красноармейском и Пожарском районах Приморского края в 2000 году. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, № 449.
- Крадин 2005 — *Крадин Н.Н.* Становление и эволюция средневековой государственности // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Крадин 2005а — *Крадин Н.Н.* Тюркские руны и проблема образования бохайского государства // Междунар. конф. Фонда Когурёских исследований: Когурёская история и культура. Сеул, 2005.
- Крадин 2007 — *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Крадин 2011 — *Крадин Н.Н.* Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Т. 72. 2011, № 1–2.
- Крадин 2012 — *Крадин Н.Н.* Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ // Ранние формы политических систем. СПб.: Кунсткамера, 2012.
- Крадин 2014 — *Крадин Н.Н.* Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157).

- Крадин 2015 — *Крадин Н.Н.* Элиты в обществах кочевников Внутренней Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015.
- Крадин 2016 — *Крадин Н.Н.* Особенности исторической динамики кочевых империй Внутренней Азии // Тюркологический сборник. 2013–2014. М., 2016.
- Крадин и др. 1997 — *Крадин Н.Н., Клюев Н.А., Никитин Ю.Г.* Предварительные результаты изучения системы расселения древнего населения в бассейне реки Иман // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток, 1997.
- Крадин и др. 2010 — *Крадин Н.Н., Харинский А.В., Луньков А.В., Ковычев Е.В.* Предварительные результаты исследования усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Забайкалья. Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.
- Крадин, Ивлиев и др. 2011 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л.* Киданьский город Чинтолгой-балгас. М., 2011.
- Крадин и др. 2011а — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Эрдэнэболд Л.* Результаты исследования городища Хэрмэн-дэнж в 2010 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы междунар. науч. конф. Иркутск, 2011.
- Крадин и др. 2012 — *Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В.* Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы III междунар. науч. конф. Т. 2. Улан-Батор, 2012.
- Крадин и др. 2014 — *Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В.* Результаты геофизических исследований усадьбы Алестуй в Забайкалье // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014, № 4.
- Крадин и др. 2014а — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Саранцева С.Е., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л.* Киданьское городище Эмгэнтийн-хэрэм в Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы V междунар. науч. конф. Ч. 1. Кызыл, 2014.
- Крадин и др. 2017 — *Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Ковычев Е.В., Проконец С.Д.* Новые исследования Кондуйского городка // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017.
- Крадин, Ивлиев 2011 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* Результаты археологических исследований киданьских городов в Монголии // Вестник ДВО РАН. 2011, № 1.
- Крадин, Ивлиев 2014 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.
- Крадин Н.П., Крадин Н.Н. 2016 — *Крадин Н.П., Крадин Н.Н.* Кондуйские древности // Вопросы истории. 2016, № 12.
- Крадин, Никитин 2003 — *Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г.* Некоторые результаты изучения средневековых памятников Уссурийска // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003.
- Крадин, Никитин 2010 — *Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г.* Средневековые городища северного Приморья // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 6. Благовещенск, 2010.
- Крадин, Скрынникова 2006 — *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Краминец 2002 — *Краминец В.А.* Васильевское городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002.
- Краминец 2002а — *Краминец В.А.* Поселение и городище Васильевка-3 — новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002.
- Краткий отчет 1999 — Краткий отчет об археологических исследованиях в Приморском крае России. Корейско-российская совместная экспедиция. Корё научно-культурный центр. 1999.
- Кривошеев 2003 — *Кривошеев Ю.М.* Русь и монголы. СПб., 2003.
- Кривуля 2002 — *Кривуля Ю.В.* Археологические исследования на поселении Раковка-10 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002.

- Кривуля 2015 — *Кривуля Ю.В.* Жилища и хозяйственные постройки раннесредневекового поселения Абрамовка-3 // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015.
- Кривуля 2015а — *Кривуля Ю.В.* Исследование поселений Михайловка-1 и Михайловка-4 // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015.
- Куза 1983 — *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. Вып. 4. М., 1983.
- Кузнецов 1925 — *Кузнецов А.К.* Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин А.С.* Сыхэюань как архетип китайской архитектуры // Новые идеи нового века: Мат-лы междунар. науч. конф. Т. 1. Хабаровск, 2014.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Ларичев, Тюрюмина 1975 — *Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Лбова, Васильева 1992 — *Лбова Л.В., Васильева И.Г.* К вопросу о развитии принципов планировочной структуры древнемонгольских городов // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Леньков 1974 — *Леньков В.Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974.
- Леньков 1983 — *Леньков В.Д.* Некоторые аспекты материальной культуры чжурчжэней конца XI — XII вв. (по археологическим материалам Екатериновского городища) // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и сопредельных территорий. Владивосток, 1983.
- Леньков 1993 — *Леньков В.Д.* Черная металлургия Бохая: К вопросу организации и технологии производства // Россия и АТР. 1993, № 1.
- Леньков 1996 — *Леньков В.Д.* Основные виды ремесленных производств у чжурчжэней в XII–XIII вв. (по материалам археологических исследований) // Археология Северной Пасифики. Владивосток, 1996.
- Леньков, Артемьева 2003 — *Леньков В.Д., Артемьева Н.Г.* Лазовское городище. Владивосток, 2003.
- Лещенко 1987 — *Лещенко Н.В.* Классификация рыболовных крючков из Шайгинского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.
- Лещенко 1989 — *Лещенко Н.В.* Типы рыболовных грузил со средневековых памятников Приморья (VIII — нач. XIII в.) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
- Лещенко 1996 — *Лещенко Н.В.* Домашние ремесла средневекового населения Приморья // Археология Северной Пасифики. Владивосток, 1996.
- Лещенко 2015 — *Лещенко Н.В.* Система жизнеобеспечения населения Шайгинского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Лещенко, Прокопец 2015 — *Лещенко Н.В., Прокопец С.Д.* Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья) // Россия и АТР. 2015, № 3.
- Ли Вэньсинь 1958 — *Ли Вэньсинь.* Линьдун ляо шанцзин линьхуанфу гучэн нэй цыяо чжи (Остатки печей, производивших фарфоровую посуду, на городище ляоской Верхней столицы Линьхуанфу в Линьдуне) // Каогу сюэбао. 1958, № 2 (на кит. яз.).
- Ли Юю 1959 — *Ли Юю.* Нэймэн туцюаньсянь фасянь ляодай вэньу (Находка древностей эпохи Ляо в уезде Туцюань Внутренней Монголии) // Каогу. 1959, № 4 (на кит. яз.).
- Ли Юю 1961 — *Ли Юю.* Ляо чжунцзин сичэн вай-дэ гу муцзан (Древние погребения за Западным городом ляоской Средней столицы) // Вэньу. 1961, № 9 (на кит. яз.).
- Ли Юю 1977 — *Ли Юю.* Хухэаотэши ваньбухуаяньцзинта-дэ цзинь юань мин гэдай тичзи (Надписи эпох Цзинь, Юань, Мин в пагоде Ваньбухуаяньцзинта в Хух-Хото) // Вэньу. 1977, № 5 (на кит. яз.).

- Ли Лянь 1958 — *Ли Лянь*. Цзилинь тоудаоцзын сяю каогу даоча цзяньбао (Краткий отчет об археологической разведке в нижнем течении р. Тоудаоцзын провинции Цзилинь) // Каогу тунсюнь. 1958, № 9 (на кит. яз.).
- Ли Цзяньцай 1964 — *Ли Цзяньцай*. Цзилинь тахучэн даоча цзяньцзи (Краткое описание обследования городища Таху в провинции Гири) // Каогу. 1964, № 1 (на кит. яз.).
- Линч 1982 — *Линч К.* Образ города. М., 1982.
- Линьдун 1958 — Линьдун ляо шанцин линьхуанфу гучэннэй цыяочжи (Остатки печей, производивших фарфоровую посуду, на городище ляоской Верхней столицы Линьхуанфу в Линьдуне) // Каогу сюэбао. 1958, № 2 (на кит. яз.).
- Лу чжэн... 2013 — Лу чжэн ши ляо хэ та-дэ «чэн яо лун» (Посольская миссия Лу Чжэна в Ляо и его «Записи, сделанные в повозке») (2013-01-27 02:38:52). http://blog.sina.com.cn/s/blog_c02f27f7010193x0.html (дата обращения: 28.01.2018) (на кит. яз.).
- Лубсан Данзан 1973 — *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.
- Луньков и др. 2009 — *Луньков А.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В.* Пограничные сооружения киданей в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 7. Иркутск, 2009.
- Лю Сяодун 2006 — *Лю Сяодун*. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю (Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий). Харбин, 2006 (на кит. яз.).
- Лю Цзинвэнь 1982 — *Лю Цзинвэнь*. Кэюяньнци цяньгуйчжулин и, эрхао чэн даоча цзи (Об обследовании городищ 1 и 2 в Цяньгунчжулин хошуна Хорчин-Юицяньнци) // Дунбэй каогу юй лиши (Археология и история Дунбэя). Вып. 1. Пекин, 1982 (на кит. яз.).
- Людиншань бохай 2012 — Людиншань бохай муцзан: эрцяньсы — эрцяньцзю нянь цинли фацзюэ баогао (Бохайские погребения на горе Людиншань: отчет об обследовании и раскопках в 2004–2009 гг.) / Институт археологии провинции Цзилинь, Бюро по охране и изучению памятников истории и культуры города Дуньхуа. Пекин, 2012 (на кит. яз.).
- Людиншань юй бохайчжэнь 1997 — Людиншань юй бохайчжэнь — тандай бохайго-дэ гуйцзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь: кладбище аристократии и остатки столичного города государства Бохай эпохи Тан). Пекин, 1997 (на кит. яз.).
- Ляо чжунцин... 1961 — Ляо чжунцин фацзюэ вэйюаньхуй (Комитет по раскопкам ляоской Средней столицы). Ляо чжунцин чэнчжи фацзюэ-дэ чжуньяо шоухо (Важнейшие результаты раскопок городища Средней столицы Ляо) // Вэньбу. 1961, № 9 (на кит. яз.).
- ЛШШ, Ляо ши — Ляо ши (История династии Ляо). Сост. То То и др. (Уменьшенное издание 24 династийных историй Бона). Пекин, 1958 (на кит. яз.).
- Ляониншэн... 2009 — Ляониншэн вэньбу каогу яньцзюсо (Институт археологии провинции Ляонин). Ляонин чаоян сисаньцзя ляодай ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках поселения эпохи Ляо в Сисаньцзя города Чаоян провинции Ляонин) // Бэйфан вэньбу. 2009, № 1 (на кит. яз.).
- Майдар 1971 — *Майдар Д.* Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971.
- Майдар, Пюрвеев 1981 — *Майдар Д., Пюрвеев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1981.
- Макиевский 2012 — *Макиевский С.В.* Исследование металлургической печи на Новонежинском городище // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. Владивосток, 2012.
- Малая энциклопедия 2011 — Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011.
- Малявкин 1974 — *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Марков 1976 — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Масааки 1992 — *Масааки У.* Древняя Япония и Бохай // Надзо-но ококу — Бохай (Загадочное королевство — Бохай). Токио, 1992 (на яп. яз.).
- Массон 1976 — *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон 1989 — *Массон В.М.* Ранние цивилизации. Л., 1989.

- Матвеев 1929 — *Матвеев З.Н.* Бохай (Из истории Восточной Азии VIII–X вв.) // Труды Дальневосточного государственного университета. Сер. 6. 1929, № 8.
- Материалы 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. М., 1984.
- Медведев 1998 — *Медведев В.Е.* Бохайская кумирня в Приморье. Сеул, 1998.
- Медведев 2009 — *Медведев В.Е.* Городище у с. Кедрово и некоторые аспекты, связанные с польцевской культурой в Приуссурье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Тихоокеанская археология. Вып. 17. Владивосток, 2009.
- Медведев 2010 — *Медведев В.Е.* Кондратьевское городище // Традиционная культура востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2010.
- Мезенцев 2007 — *Мезенцев А.Л.* Борисовская группа мохэских памятников // Проблемы отечественной истории. Мат-лы науч. конф. Ч. 2. Уссурийск, 2007.
- Мезенцев 2011 — *Мезенцев А.Л.* Размеры приморских городищ // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011.
- Мезенцев 2014 — *Мезенцев А.Л.* Топографическая классификация средневековых сельских поселений в окрестностях Уссурийска // Традиционная культура востока Азии. Вып. 7. Благовещенск, 2014.
- Мезенцев, Бровко 1999 — *Мезенцев А.Л., Бровко Д.В.* Разведки в Приморском крае // Археологические открытия 1997 года. М., 1999.
- Мезенцев, Бурдонов 2007 — *Мезенцев А.Л., Бурдонов А.В.* Петровское городище // Проблемы отечественной истории: материалы научной конференции. Ч. 2. Уссурийск, 2007.
- Меховский 1936 — *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.
- Минерт 1983 — *Минерт Л.К.* Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.
- Минь Сюаньхуа 1956 — *Минь Сюаньхуа.* Дун мэngu ляодай цзючэн танькао цзи (Исследование древних городов эпохи Ляо в Восточной Монголии). Пекин, 1956 (на кит. яз.).
- Миякэ Тосисигэ 1944 — *Миякэ Тосисигэ.* Ринтё рёдай исэки тосаки (Записки об обследовании археологических памятников эпохи Ляо в Линьдуне) // Труды Маньчжурского об-ва охраны памятников. Вып. 7. Синьцзин, 1944 (на яп. яз.).
- Мункуев 1965 — *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцай. Пер. и исслед. М., 1965.
- Мэй 2004 — *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1. Улан-Удэ, 2004.
- Мэн-да бэй-лу 1975 — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер., комм. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.
- Наваан 1962 — *Наваан Д.* Клад железных предметов из Хаара-Хорина // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Нанзатов 2008 — *Нанзатов Б.З.* Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.
- Насилов 2002 — *Насилов А.Д.* «Восемнадцать степных законов». Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб., 2002.
- Нефедов 2007 — *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.
- Нефедов 2008 — *Нефедов С.А.* Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.
- Никитин 1989 — *Никитин Ю.Г.* Результаты археологических исследований в окрестностях села Константиновка в Приморском крае // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
- Никитин 2000 — *Никитин Ю.Г.* Население долины р. Суйфун в предгосударственный период // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Никитин 2005 — *Никитин Ю.Г.* Тан, Бохай и «восточные варвары» (восточная периферия Бохая) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

- Никитин и др. 2007 — *Никитин Ю.Г., Чжан Сук-Бэ, Пискарева Я.Е.* Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2006 г. Пуё, 2007.
- Никитин, Хорев 1986 — *Никитин Ю.Г., Хорев В.А.* Некоторые демографические аспекты изучения Ананьевского городища в Приморье // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Тез. докл. Новосибирск, 1986.
- Никитин, Чжан Сук-Бэ 2005 — *Никитин Ю.Г., Чжан Сук-Бэ.* Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2003–2004 гг. Пуё, 2005.
- Никитин, Чжан Сук-Бэ 2006 — *Никитин Ю.Г., Чжан Сук-Бэ.* Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2005 г. Пуё, 2006.
- Никитин, Чжан Сук-Бэ 2008 — *Никитин Ю.Г., Чжан Сук-Бэ.* Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. Пуё, 2008.
- Нинъань хунцзуньюйчан 2009 — Нинъань хунцзуньюйчан: ицзюцзюэр — ицзюцзюю няньду бохай муди каогу фацзюэ баогао (Нинъань Хунцзуньюйчан: отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992–1995 гг.). Т. 1, 2. Пекин, 2009 (на кит. яз.).
- Нэймэнгу... 1994 — Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо (Институт археологии Внутренней Монголии). Ляо шанцзин чэньчи каньча баогао (Отчет об обследовании городища Верхней столицы Ляо) Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи (Сборник статей по памятникам культуры и археологии Внутренней Монголии). Вып. 1. Гл. ред. Ли Юю, Вэй Цзянь. Пекин, 1994 (на кит. яз.).
- Окладников 1953 — *Окладников А.П.* Археологические исследования на Дальнем Востоке в 1953 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 830.
- Окладников 1959 — *Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.
- Отчет 2005 — Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников Приморья в 2004 г. Сеул, 2005 (на рус. и кор. яз.).
- Отчет 2010 — Отчет о раскопках на Константиновском I селище в Октябрьском районе Приморского края в 1992 году / Бохайские памятники в Приморье и Константиновское I селище. Сеул, 2010.
- Очир и др. 2005 — *Очир А., Энхтор А., Эрдэнэболд Л.* Хаар бух балгас ба туул голын сам дахь Хятаны Үеийн хот, суурингууд (Городище Харбухын-балгас и киданьские города и поселения в долине реки Тола). Улаанбаатар, 2005 (на монг. яз.).
- Очир и др. 2005а — *Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л.* Из исследования киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии // Международный симпозиум «Движение людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в средние века». Т. 1. Токио, 2005.
- Очир и др. 2008 — *Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Васютин С.А., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Анхбаяр Б., Батболд Г.* Археологические исследования на городище Чинтолгой (Отчет об археологических исследованиях на городище Чинтолгой 2004–2007 гг.). Улан-Батор, 2008 (на рус. и монг. яз.).
- Очир и др. 2013 — *Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х.* Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа (Раскопки могилы древних кочевников). Улаанбаатар, 2013 (на монг. яз.).
- Павленко 1989 — *Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
- Павлуцкий 1867 — *Павлуцкий А.* Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющихся вблизи кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах нерчинского горного округа // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. IX, X. Иркутск, 1867.
- Памятники 1991 — Памятники истории и культуры Приморского края. Материалы к Своду. Владивосток, 1991.
- Панасенко, Гельман 2008 — *Панасенко В.Е., Гельман Е.И.* Костные остатки млекопитающих из бохайского городища Горбатка // Вестник ДВО РАН. 2008, № 5.

- Панасенко, Гельман 2009 — *Панасенко В.Е., Гельман Е.И.* Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 8. 2009. Вып. 3: Археология и этнография.
- Певнов 2004 — *Певнов А.М.* Чтение чжурчжэньских письмен. СПб., 2004.
- Петров 1968 — *Петров В.П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Петров 1990 — *Петров А.М.* Феномен города в истории общественно-экономических структур восточных обществ // Зарубежный Восток: вопросы экономической истории города. М., 1990.
- Пиков 1980 — *Пиков Г.Г.* Буддизм в государстве киданей // Изв. СО АН СССР. 1980, № 1. Сер. Общественных наук. Вып. 1.
- Пискарева 2005 — *Пискарева Я.Е.* Локальные группы мохэских памятников в Приморье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Плано Карпини 1957 — *Плано Карпини.* История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Полутов 2015 — *Полутов А.В.* Посольства государства Бохай в Японию (727–763 гг.) // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015.
- Попов и др. 2015 — *Попов В.К., Клюев Н.А., Ноздрачев Е.А., Слепцов И.Ю.* Химический состав изделий из золота, серебра и меди в кургане Кокшаровка-8 (Приморье, X в.) и их возможные источники // Известия Иркутского гос. ун-та. Т. 12. 2015. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология.
- Попова 1999 — *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Прокопец 2011 — *Прокопец С.Д.* Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2010–2011 годах. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 679.
- Прокопец 2012 — *Прокопец С.Д.* Защитное вооружение чжурчжэней государства Восточное Ся. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012.
- Прокопец 2012а — *Прокопец С.Д.* Исследования Стоговского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Прокопец 2012б — *Прокопец С.Д.* Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2012 году. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 713.
- Прокопец 2014 — *Прокопец С.Д.* Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2014 году. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 785.
- Прокопец 2015 — *Прокопец С.Д.* Разнокультурная керамика из городища Николаевское-I // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск, 2015.
- Пэн Да-я и Сюй Тин 1960 — *Пэн Да-я и Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения, 1960, № 5.
- Пэрлээ 1957 — *Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии // Советская археология. 1957, № 3.
- Пэрлээ 1961 — *Пэрлээ Х.* Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон (Краткий очерк древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии). Улаанбаатар, 1961 (на монг. яз.).
- Пэрлээ 1962 — *Пэрлээ Х.* Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X — начало XII вв.) // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Пэрлээ 1974 — *Пэрлээ Х.* К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и железный век Сибири (Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 4). Новосибирск, 1974.
- Раков и др. 2010 — *Раков В.А., Гельман Е.И., Шарова О.А.* Промысел и торговля морскими водными биоресурсами в период средневековья на территории Приморья // Бохай: история

- и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище). Тез. междунар. науч. конф. 4–9 сентября 2010 г. Владивосток, 2010.
- Раков, Гельман 2002 — Раков В.А., Гельман Е.И. Малакофауна бохайского городища Горбатка // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002.
- Раскопка памятников 1994 — Раскопка памятников бохайской культуры Приморья России. Сеул, 1994.
- Рашид-ад-дин 1946 — Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.–Л., 1946.
- Рашид-ад-дин 1952 — Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1–2. М.–Л., 1952.
- Рашид-ад-дин 1960 — Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.–Л., 1960.
- Розов 1998 — История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова. Новосибирск, 1998.
- Рубленко 1985 — Рубленко Н.Г. Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 1985 г. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 331.
- Рубрук 1957 — Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Рудов 1963 — Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности // Советская этнография. 1963, № 3.
- Саенко и др. 2015 — Саенко Е.М., Проконец С.Д., Лутаенко К.А. Моллюски из средневекового городища Николаевское I (Приморье): палеоэкологическое и археозоологическое значение // *Ruthenica*. 2015. Т. 25, № 2.
- Сайтō Дзимбэ 1942 — Сайтō Дзимбэ. Мансйōкоку кантōсэ консюнкэн ханрадзэ-ницуйтэ (О городище Баньячэн в уезде Хуньчунь провинции Цзяньдао Маньчжоу-го) // Кōбогаку дзасси. 1942. Т. 32. № 5 (на яп. яз.).
- Сайтō Масару 1978 — Сайтō Масару. Ханрадзэ то тано исэки (Баньячэн и другие памятники). Ханрадзэсиканкōкай, 1978 (на яп. яз.).
- Саранцева 2013 — Саранцева С.Е. Чжурчжэньская черепица (по материалам средневековых памятников Приморья). Владивосток, 2013.
- Сахаров 1959 — Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- Свинин 2001 — Свинин В.В. Две медные монеты из городища Хар-Бухийн-Балгас (Монголия) // Краеведческие записки / Иркутский областной краеведческий музей. Вып. 8. Иркутск, 2001.
- Свинин и др. 1981 — Свинин В.В., Амгалан М., Бат-Эрдэнэ С., Горбунов А.В., Жаргалсайхан Ж., Коноваленко Л.Г., Тихомиров О.В., Туул Ж., Энхтугс Д. Киданьская керамика из раскопок городища Хар-Бухийн-балгас (Монголия) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Ч. 3. Тез. докл. Красноярск, 1991.
- Семениченко 1984 — Семениченко Л.Е. Отчет об археологических исследованиях на Старореченском городище в Приморском крае в 1982 году. Архив ИИАЭ ДВ ДВНЦ АН СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8.
- Семениченко, Болдин 1981 — Семениченко Л.Е., Болдин В.И. Новые данные о сельском хозяйстве бохайцев Приморья (по материалам археологических исследований) // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981.
- Семин 1986 — Семин П.Л. Отчет о раскопках поселения Михайловка-2 в Михайловском районе Приморского края. 1985–1986 гг. Архив ИА РАН. Р. 1. № 13436. 42 л.
- Семин 1989 — Семин П.Л. Отчет об археологических раскопках памятника Абрамовка-2 в Михайловском районе. Приморский край, 1989 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 13887. 120 л.
- Сергушева 2002 — Сергушева Е.А. Культурные растения бохайского городища Горбатка (Приморский край) по палеозтнботаническим данным // VII Дальневост. конф. молодых историков. Владивосток, 2002.
- Сергушева 2002a — Сергушева Е.А. Опыт изучения семян культурных растений со средневековых городищ Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002.
- Сергушева 2005 — Сергушева Е.А. Культурные растения на археологических памятниках Приморья по палеозтнботаническим данным // *Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia*. University of Kumamoto, 2005.

- Сергушева 2010 — *Сергушева Е.А.* Культурные растения средневекового населения Приморья // Россия и АТР. 2010, № 4.
- Сергушева 2010а — *Сергушева Е.А.* Семена растений на археологических памятниках Приморья бохайского времени // Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище). Тез. междунар. науч. конф. Владивосток, 2010.
- Сергушева 2010б — *Сергушева Е.А.* Семена растений с памятника Синие Скалы (Ольгинский район Приморского края) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Сб. науч. тр. Владивосток, 2010.
- Сергушева 2011 — *Сергушева Е.А.* Предварительные результаты идентификации карпоидов из раскопов XL и XLII Краскинского городища (по результатам раскопок 2009 г.) // Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в Российском Приморье в 2009 году. Сеул, 2011.
- Сергушева 2013 — *Сергушева Е.А.* Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4 (23). Тюмень, 2013.
- Сергушева 2016 — *Сергушева Е.А.* Культурные растения носителей мохэской археологической культуры (раннее средневековье, юг Дальнего Востока России) // Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции. Вып. 5. Т. 2. Тюмень, 2016.
- Сергушева 2016а — *Сергушева Е.А.* Предварительные результаты изучения коллекции семян растений с раннесредневекового городища Синельниково-1 (Юго-Западное Приморье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Мат-лы VII междунар. науч. конф. Т. 2. Красноярск, 2016.
- Сергушева и др. 2010 — *Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е., Астапенкова Е.В.* Результаты археологических исследований на поселении Борисовка-3 // Россия и АТР. 2010, № 4.
- Сергушева и др. 2016 — *Сергушева Е.А., Рябогина Н.Е., Ляцевская М.С., Гольева А.А.* Аргументация земледелия на археологических памятниках Приамурья и Приморья: результаты применения палеоботанических методик // Вестник Томского государственного университета. 2016, № 402.
- Сергушева и др. 2017 — *Сергушева Е.А., Коваленко С.В., Савченко Т.П., Крючко Е.И., Гридасова И.В.* Земледелие у носителей мохэской археологической культуры Западного Приамурья: результаты применения археоботанического подхода // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. Вып. 6. С. 311–319.
- Сергушева, Гельман 2014 — *Сергушева Е.А., Гельман Е.И.* Предварительные результаты изучения семян и плодов растений, полученных из раскопок Краскинского городища в районе восточных ворот // Мультидисциплинарные исследования в археологии. — Владивосток, 2014.
- Сергушева, Гельман 2014а — *Сергушева Е.А., Гельман Е.И.* Результаты исследований семян растений из бохайского поселения Абрикосовское-1 // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток, 2014.
- Сергушева, Пискарева 2007 — *Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е.* Семена и плоды растений из жилища № 2 могильника Чернятино-5 // Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2006 г. / Ю.Г. Никитин, Чжун Сук-Бэ, Я.Е. Пискарева. Даджон: Изд-во Гос. иссл. Ин-та культур. наследия Республики Корея, 2007. Т. 1. С. 375–391. Т. 2. С. 344–259.
- Сергушева, Стоякин 2015 — *Сергушева Е.А., Стоякин М.А.* Результаты археоботанических исследований. Приложение 2 // Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 годах. Тэджон, 2015.
- Сигучэн... 2007 — Сигучэн — эрцянлин — эрцяньюньюнду бохайго чжунцзин сяньдэфу гучжи тянье каогу баогао (Сигучэн — отчет о полевых археологических исследованиях Средней столицы Сяньдэфу государства Бохай в 2000–2005 гг.) / Гл. редактор Сун Юйбинь. Пекин, 2007 (на кит. яз.).

- Силантьев 1987 — *Силантьев Г.Л.* Стеклообрабатывающее производство на юге Дальнего Востока СССР в средние века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Симада 1951 — *Симада Масао.* Рё-но дзюраку исэки (Ляоские поселения) // *Кокогаку дзасси.* 1951. Т. 37, № 5 (на яп. яз.).
- Симада 1952 — *Симада Масао.* Рёдай сякай си кэнкю (Исследование социальной истории Ляо). Киото, 1952 (на яп. яз.).
- Синь тан шу — *Синь тан шу* (Новая история династии Тан) (в 20 томах). Сост. Оуян Сю, Сун Ци. Пекин, 1975.
- Сираиси 2008 — *Сираиси Норюки.* Хэрүмэнкава рюики-ниокэру рё (кэйтан) дзидай-но дзёкаку исэки (Остатки крепостей периода Ляо (Киданей) в долине реки Керулен) // *Рё кин сэйка кэнкю-но гэндзай* (Сегодняшний день исследований Ляо, Цзинь и Си Ся) (1). Токио, 2008.
- Скворцов 1926 — *Скворцов Б.В.* Полевые культурные растения Северной Маньчжурии // *Вестник Маньчжурии.* 1926, № 10.
- Скворцов 1933 — *Скворцов Б.В.* Агротехника в маньчжурской деревне // *Вестник Маньчжурии.* 1933, № 12.
- Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. 2-е изд. СПб., 2013.
- Слепцов, Пискарева и др. 2008 — *Слепцов И.Ю., Пискарева Я.Е., Гридасова И.Е.* Поселение Кордон-дровяник в Лазовском районе Приморского края: результаты раскопок мохэского жилища // *Россия и АТР.* № 2, 2013.
- Слепцов, Сергушева и др. 2008 — *Слепцов И.Ю., Сергушева Е.А., Горюшин Ю.А.* Жилище поселения Шеломаев Ключ (Приморье): планиграфия, инвентарь, ботанические остатки // *Cultural exchange in East-sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures.* Busan, 2008.
- Стариков 1967 — *Стариков В.С.* Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
- Стоякин 2010 — *Стоякин М.А.* Форт — новый тип оборонительного памятника периода Когу-рё на территории Республики Корея // *Вестник НГУ. Серия: история, филология.* Т. 9. 2010. Вып. 3. Археология и этнография.
- Стоякин 2012 — *Стоякин М.А.* Бохайские городища на территории Китая // *Россия и АТР.* 2012, № 4.
- Стужина 1979 — *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
- СТШ — *Синь тан шу* (Новая история династии Тан) (в 20 томах) / Сост. Оуян Сю, Сун Ци. Пекин, 1975.
- Су Бай 1977 — *Су Бай.* Дунбэй, нэймэнгу дицью-дэ сяньбэй ици — сяньбэй ици цзилу чжи и (Памятники сяньби в районе Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая. — Собрание сяньбийских памятников. Ч. 1) // *Вэньу.* 1977, № 5 (на кит. яз.).
- Сун Юйбинь 2009 — *Сун Юйбинь.* Бохай дучэн гучжи яньцзю (Исследование остатков столичных городов Бохая) // *Каогу.* 2009, № 6.
- Сунь Сюжэнь 1979 — *Сунь Сюжэнь.* Хэйлунцзян лишн каогу шулунь (Очерк истории и археологии Хэйлунцзяна) // *Шэхуй кэсюэ чжаньсянь.* Харбин. № 1. 1979 (на кит. яз.).
- Сунь Сюжэнь и др. 1991 — *Сунь Сюжэнь, Чжао Хунгуан, Ган Чжигэн.* Хэйлунцзян цьюйюй каогу (Археология района Хэйлунцзян). Шэньян, 1991 (на кит. яз.).
- Сунь Хун 2001 — *Сунь Хун.* Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // *Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай.* Владивосток, 2001.
- Сунь Цзиньцзи 2001 — *Сунь Цзиньцзи.* Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // *Древняя и средневековая история восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай.* Владивосток, 2001.
- Сунь Цзиньцзи и др. 2000 — *Сунь Цзиньцзи, Ай Шэнью, Чжуан Янь.* Этническое происхождение бохайцев // *История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова.* Владивосток, 2000.

- СШ — Суй шу (История династии Суй) (в 6 томах) / Сост. Вэй Чжэн и др. Пекин, 1973 (на кит. яз.).
- Съедин и др. 2013 — *Съедин В.Т., Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Зверев С.А., Контев М.А., Ноздрачев Е.А.* Минеральное сырье Краскинского городища (Приморский край) // Вестник ДВО РАН. 2013, № 1.
- Сюй Юйлинь 1977 — *Сюй Юйлинь*. Ляонин бэйпяо шуицюань ихао ляо му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1 в Шуицюани уезда Бэйпяо провинции Ляонин) // Вэньу. 1977, № 12 (на кит. яз.).
- Сян Чуньсун 1979 — *Сян Чуньсун*. Ляонин чжаоуда дицхой фасянь-дэ ляо му хуйхуа цзыляо (Материалы по живописи из ляоских могил, обнаруженных в районе Джу-Уд Ляонина) // Вэньу. 1979, № 6 (на кит. яз.).
- Такэсима 1939 — *Такэсима Такуити*. Рёно кэйсю дзёси (Руины ляоского Цинчжоу) // Тōхō гакухō. Т. 10. 1939, № 2 (на яп. яз.).
- Такэсима 1940 — *Такэсима Такуити*. Рё-но кэйсю дзёси (Руины Средней столицы Ляо) // Тохо гакухо. Т. 11. 1940, № 1 (на яп. яз.).
- Тамура, Юкё 1952–1953 — *Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси*. Кэйрё. Тō монгориа-ни окэру рёдай тэйрё то соно хэгика-никансуру кōкогаку-тэки тёса хōкоку (Цинлин. Отчет об археологическом обследовании императорских мавзолеев династии Ляо и их фресковой живописи в Восточной Монголии). Киото, 1952. Т. II; Киото, 1953. Т. I (на яп. яз.).
- Тань Хэцзы 1934 — *Тань Хэцзы*. Ляодай «дун мэн» «нань мань» цзиннэй-чжи миньцзу цзачу — мань мэн миньцзу ши-чжи и е (О смешении этносов в пределах «Восточной Монголии» и «Южной Маньчжурии» в эпоху Ляо — страница из истории этносов Маньчжурии и Монголии) // Говэнь чжоубао, 1934. Т. 11, № 6 (на кит. яз.).
- Таскин, рукопись — *Таскин А.* Донесение по осмотру древних развалин с представлением медной монеты с монгольской надписью и рисунка кондуйским развалинам. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 31. Оп. 1. Д. 867.
- Тихвинский 1977 — Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. 2-е изд. М., 1977.
- Тихомиров 1946 — *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города // Ученые записки МГУ. Вып. 97. М., 1946.
- Тишин 2015 — *Тишин В.В.* Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Ткачев 1984 — *Ткачев В.Н.* К реконструкции дворца Угэдэя в Каракоруме // Известия вузов: строительство и архитектура. 1984, № 8.
- Ткачев 1986 — *Ткачев В.Н.* Каракорум в XIII веке // *Mongolica: Памяти академика Б.Я. Владимирцова (1884–1931)*. М., 1986.
- Ткачев 2009 — *Ткачев В.Н.* История монгольской архитектуры. М., 2009.
- Толмачев 1934 — *Толмачев В.Я.* Земледельческие орудия маньчжурского крестьянина // Вестник Маньчжурии. 1934, № 14.
- Тории Рюдзо 1946 — *Тории Рюдзо*. Кокогаку-дзё ёри митару рё-но бунка дзуфу (Иллюстрированный альбом культуры Ляо с точки зрения археологии). Т. 1–4, 1946 (на яп. яз.).
- Торчинов 2002 — *Торчинов Е.А.* Философия буддизма Махаяны. СПб., 2002.
- Трепавлов 1987 — *Трепавлов В.В.* Историческое знание и государственные традиции // Исторические знания и современность. Свердловск, 1987.
- Тупкина 1978 — *Тупкина С.М.* Керамика чжурчжэней XII — нач. XIII в. и ее классификация // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Тупкина 1996 — *Тупкина С.М.* Керамика чжурчжэней Приморья XII — нач. XIII в. (по материалам археологических исследований Шайгинского городища). Владивосток, 1996.
- Тупкина 2003 — *Тупкина С.М.* Центр керамического производства в средневековом Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения акад.

- А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. Новосибирск, 2003.
- Тупикина 2012 — Тупикина С.М. О гончарстве средневекового Приморья (по материалам Краснояровского городища) // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
- Тупикина, Хорев 2001 — Тупикина С.М., Хорев В.А. Керамика Ананьевского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Мат-лы междунар. науч. конф. Владивосток, 2001.
- Турчин 2007 — Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007.
- Тюрюмина 2007 — История Железной империи / Пер. и комм. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск, 2007.
- Тюрюмина и др. 1974 — Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- У Цзусинь 1980 — У Цзусинь. Ляо жаочжоу гучэн даоча цзи (Об обследовании древнего ляоского города Жаочжоу) // Каогу. 1980, № 6 (на кит. яз.).
- Уваров 2012 — Уваров П.Ю. (ред.). Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.
- Уманский 1962 — Уманский А.П. О судьбе собраний П.К. Фролова // Алтай: литературно-художественный и общественно-политический альманах. Барнаул, 1962.
- Фань Эньши 2012 — Фань Эньши. Мохэ синшаньши яньцзю: и цзуньонь фачжань, бьяньхуа вэй чжунсинь (Исследование истории возвышения и эволюции мохэ — с упором на развитие и эволюцию этнических групп). Харбин, 2012 (на кит. яз.).
- Фэн Юнцзянь, Цзян Няньсы 1982 — Фэн Юнцзянь, Цзян Няньсы. Ляодай жаочжоу дяоча цзи (Об обследовании ляоского города Жаочжоу) // Дунбэй каогу юй лиши (Археология и история Северо-Восточного Китая). Вып. 1. Пекин, 1982 (на кит. яз.).
- Хакимов, Фаверо 2016 — Хакимов Р.И., Фаверо М. (ред.). Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.
- Харинский и др. 2010 — Харинский А.В., Луньков А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Томор-Очир Идэрхангай, Литвинцев А.Ю. Погребальный ритуал населения юго-западного Забайкалья во II тыс. н.э. по материалам могильника Окошки // Древние культуры Монголии и Забайкалья. Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.
- Харинский и др. 2012 — Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в юго-восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы III междунар. науч. конф. Т. 2. Улан-Батор, 2012.
- Харинский и др. 2014 — Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014, № 2.
- Холл 2004 — Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ, 2004.
- Хорев 1978 — Хорев В.А. Археологические памятники Приморского края. Владивосток, 1978.
- Хорев 2012 — Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток, 2012.
- Хорев, Никитин 1985 — Хорев В.А., Никитин Ю.Г. Новые археологические данные о Краснояровском городище (раскопки 1984 г.) // Арсеньевские чтения. Тез. докл. регион. конф. Уссурийск, 1985.
- Хоу Жэньчжи, Юй Вэйчао 1973 — Хоу Жэньчжи, Юй Вэйчао. Уланьбухэ шамодэ каогу фаянь хэ дили хуаньзин-дэ бяньцзянь (Археологические открытия в пустыне Улан-бухэ и изменения географической среды) // Каогу. 1973, № 2 (на кит. яз.).
- Хрусталева 2015 — Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). 2-е изд. СПб., 2015.

- Хуан Шэнчжан, Фан Юн 1962 — *Хуан Шэнчжан, Фан Юн*. Туюйхунь гуду — фусычэн фасянь цзи (Об открытии древней столицы туюйхуней — Фусычэна) // Каогу. 1962, № 8 (на кит. яз.).
- Цай Мэйбяо 1964 — *Цай Мэйбяо*. Цидань-дэ було цзучжи хэ гоцзя-дэ чаньшэн (Племенная организация и образование государства у киданей) // Лиши яньцзю. Т. 5–6. 1964 (на кит. яз.).
- Цзилинь... 2017 — Цзилинь хэлун «хэнаньтуньгучэн» фуча цзяньбао (Краткий отчет о повторном обследовании «городища Хэнаньтунь» в Хэлуне провинции Цзилинь) / Центр приграничных археологических исследований Цзилиньского университета, Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Музей Яньбяньского корейского национального автономного округа, Бюро по охране культурных ценностей города Хэлун // Вэньу. 2017, № 12.
- Цзилинь хэлунши 2009 — Цзилинь хэлунши лунхай бохай ванши муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил царского дома Бохая в Лунхае города Хэлун провинции Цзилинь) / Институт археологии провинции Цзилинь, Канцелярия комитета по памятникам истории и культуры Яньбяньского корейского национального автономного округа // Каогу. 2009, № 6 (на кит. яз.).
- Цзилиньшэн вэньу 2009 — Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, дуньхуаши вэньу гуаньлисо: Цзилинь дуньхуаши людиншань муцзонь эрцзяньсынянь фацзюэ цзяньбао (Институт археологии провинции Цзилинь, Бюро по охране памятников истории и археологии города Дуньхуа: Краткий отчет о раскопках могильника на горе Людиншань города Дуньхуа провинции Цзилинь в 2004 году) // Каогу. 2009, № 6 (на кит. яз.).
- Цзинь Юйфу [1982] — *Цзинь Юйфу*. Бохай го чжи чанпянь (Собрание сведений о государстве Бохай). Т. 1–2. [Чанчунь], [1982] (на кит. яз.).
- Цзя Чжоуцзе 1980 — *Цзя Чжоуцзе*. Нэймэнгу линьдун бэйшаньпо ляодай ичжи-дэ синчжи вэньти (Проблема характера памятника эпохи Ляо на склоне г. Бэйшань в Линьдуне Внутренней Монголии) // Каогу. 1980, № 1 (на кит. яз.).
- Цзян Нянсы, Фэн Юнцян 1982 — *Цзян Нянсы, Фэн Юнцян*. Ляодай юнчжоу даоча цзи (Об обследовании ляоского города Юнчжоу) // Вэньу. 1982, № 7 (на кит. яз.).
- Цисинхэ 2004 — Цисинхэ — саньцзянпинъюань гудай ичжи дяоча юй каньцэ баогао (Цисинхэ — отчет об исследовании и топографической съемке древних археологических памятников долины Трехречья. Пекин, 2004 (на кит. яз.).
- ЦТШ — Цю тан шу (Старая история династии Тан) / Сост. Лю Сюй и др. Пекин, 1975.
- ЦШ 1970 — Цзинь ши (История династии Цзинь) / Сост. Токто и др. Т. 1. Тайбэй, 1970 (на кит. яз.).
- ЦШ 1975 — Цзинь ши (История династии Цзинь) (в 8 томах) / Сост. Токто и др. Пекин, 1975 (на кит. яз.).
- Чжан Ишань 2012 — *Чжан Ишань*. Чжэньсяо гунчжу мучжун юэци цзай лунь (Еще раз о музыкальных инструментах из могилы принцессы Чжэнь-сяо) // Тумэньцзян сюэшу луньтань эрлинъизэр — доюань гуңцунь юй бяньлюй-дэ сюаньцзэ (Научный форум по реке Тумэньцзян, 2012. Мультикультурное сосуществование и выбор пограничной зоны). Сб. статей. Центр изучения Азии Яньбяньского университета. Яньбянь, 2012 (на кит. яз.).
- Чжан Тайсян 1981 — *Чжан Тайсян*. Дачэнцзы гучэн дяоча цзи (Об обследовании городища Дачэнцзы) // Вэньу цзыляо цункань. 1981. Вып. 4 (на кит. яз.).
- Чжан Чжэнмин 1979 — *Чжан Чжэнмин*. Цидань шилюэ (Очерк истории киданей). Пекин, 1979 (на кит. яз.).
- Чжань Цзюнь 1994 — *Чжань Цзюнь*. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994.
- Чжао Юнцзюнь 2015 — *Чжао Юнцзюнь*. Эрлинъисань — эрлинъиу нянь цзинь шанцзин чэнчжи каогу шоухо (Результаты археологических работ на городище Верхней столицы Цзинь в 2013–2015 гг.) // Дунбэй гудай шэхуй юй вэньхуа гоцзи сюэшу яньтаохуй. Цзыляоцэ (Международный научный симпозиум «Общество и культура Северо-Восточной Азии в древности». Материалы. Чанчунь, 2015 (на кит. яз.).

- Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984 — *Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун*. Бохай ши гао (Наброски по истории Бохая). Харбин, 1984.
- Чжэлимумэн... 1984 — Чжэлимумэн боугуань (Музей аймака Джирэм). Нэймэнгу холинхэ куанцюй цзиньдай цзехаобяньбао фацзюэ баогао (Отчет о раскопках крепостей на пограничном валу эпохи Цзинь в угольном бассейне Холинхэ Внутренней Монголии) // Каогу. 1984, № 2.
- Чжэн Юнчжэнь и др. 2011 — *Чжэн Юнчжэнь, Ли Дунхуй, Инь Сюаньчжэ*. Бохай ши лунь (Об истории Бохая). Чанчунь, 2011.
- Чэнь Сяньвэй 1964 — *Чэнь Сяньвэй*. Цзилинь хуайдэ циньцзятунь гучэн дяоча цзи (Об обследовании городища у деревни Циньцзятунь уезда Хуайдэ провинции Цзилинь) // Каогу. 1964, № 2 (на кит. яз.).
- Чэнь Юнчжи 2011 — *Чэнь Юнчжи*. Цидань ши жогань вэньти яньцзю (Исследование некоторых вопросов истории киданей). Пекин, 2011.
- Шавкунов В.Э. 1989 — *Шавкунов В.Э.* Центральные ворота Шайгинского городища // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
- Шавкунов В.Э. 1992 — *Шавкунов В.Э.* Для надежной обороны: Фортификация Шайгинского городища // Россия и АТР. 1992, № 2.
- Шавкунов В.Э. 1993 — *Шавкунов В.Э.* Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток, 1993.
- Шавкунов В.Э. 2000 — *Шавкунов В.Э.* Средневековые городища южной части Приморского края // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Шавкунов В.Э. 2005 — *Шавкунов В.Э.* К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. 2005, № 4.
- Шавкунов В.Э., Гельман 2002 — *Шавкунов В.Э., Гельман Е.И.* Многослойный памятник Ауровское городище // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 11: Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток, 2002.
- Шавкунов Э.В. 1966 — *Шавкунов Э.В.* Раскопки на Николаевском городище (1960–1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск, 1966.
- Шавкунов Э.В. 1968 — *Шавкунов Э.В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
- Шавкунов Э.В. 1971 — *Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев. 1971 г. Архив ИА РАН. Р-1. Д. 4537.
- Шавкунов Э.В. 1978 — *Шавкунов Э.В.* Об археологической разведке отряда по изучению средневековых памятников // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Шавкунов Э.В. 1990 — *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Шавкунов Э.В. 1994 — *Шавкунов Э.В.* О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994.
- Шавкунов Э.В. 1996 — *Шавкунов Э.В.* Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестник ДВО РАН. 1996, № 2.
- Шавкунов Э.В. 1999 — *Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1995 году / Краткий отчет об археологических исследованиях в Приморском крае России. Корейско-российская совместная экспедиция. Корё научно-культурный центр. 1999.
- Шавкунов Э.В. и др. 1978 — *Шавкунов Э.В., Певнов А.М., Ивлиев А.Л.* Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Шавкунов Э.В. и др. 1987 — *Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А.* Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.

- Шавкунов Э.В. и др. 1994 — *Шавкунов Э.В., Артемьева Н.Г., Васильева Т.А., Гельман Е.И., Тушикина С.М.* Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском районе Приморского края в 1993 году // Раскопки памятников бохайской культуры Приморья в России. Сеул, 1994.
- Шавкунов Э.В., Болдин 1976 — *Шавкунов Э.В., Болдин В.И.* Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчжэней // Советская этнография. 1976, № 2.
- Шао Готянь 1980 — *Шао Готянь.* Аоханьци найлингаоцунь чуту-дэ цзицзянь ляодай тао цыци (Глиняные и фарфоровые сосуды, найденные в деревне Найлингаоцунь хошуна Аохан-Ци) // Вэньу. 1980, № 7 (на кит. яз.).
- Шао Цинлун 1984 — *Шао Цинлун.* Нэймэнгу холинхэ куанцюй цзиньдай цзехео бяньбао фацзюэ баогао (Отчет о раскопках пограничных крепостей и вала эпохи Цзинь в угольном бассейне Холинхэ Внутренней Монголии) // Каогу. 1984, № 2 (на кит. яз.).
- Шарова и др. 2011 — *Шарова О.А., Гельман Е.И., Раков В.А.* Малакофауна бохайского городища Горбатка // Дальний Восток России в древности и средневековье (проблемы, поиски, решения). Владивосток, 2011.
- Шираиси 2008 — *Шираиси Н.* Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.
- Шумкова 2003 — *Шумкова А.Л.* Отчет о разведочных археологических работах в Ольгинском и Чугуевском районах Приморского края в 2003 г. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 545.
- Энхтур и др. 2011 — *Энхтур А., Усуки И., Сэнда Ё., Сагава М., Батболд Г., Буянхишиг Ц., Отгон Д.* Чинтолгой балгасны ваар сав шатаах зууны малтлага садалгааны урьдчисан урдун (Предварительные результаты раскопок гончарной печи на городище Чинтолгой-балгас) // Археологийн судлал. Т. XXXII. 2011.
- Ян Сюцюань 1997 — *Ян Сюцюань.* Изображение бронзового всадника из уезда Линькоу // Бэйфан Вэньу. 1997, № 4 (на кит. яз.).
- Ян Сюцюань 1997 — *Ян Сюцюань.* Линькоусянь чуту гудай цинтун цимажэнь сян (Изображение бронзового всадника, найденное в уезде Линькоу) // Бэйфан вэньу. 1997, № 4 (на кит. яз.).
- Янушевич и др. 1990 — *Янушевич З.В., Вострецов Ю.Е., Макарова С.А.* Палеоэтноботанические находки в Приморье. Препринт. Владивосток, 1990.
- Яньбянь 1991 — *Яньбянь чаосяньцзу цычжисичжэо боугуань (Музей Яньбяньского корейского национального автономного округа).* Бохай чжэньсяо гунчжу му фацзюэ цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках и обследовании могилы бохайской принцессы Чжэнь-сяо) // Бохай лиши юй вэньхуа (История и культура Бохая) / Гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь, 1991 (на кит. яз.).
- Яо Фэн 2001 — *Яо Фэн.* Политика национальной автономии империи Тан в отношении Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Мат-лы междунар. науч. конф. Владивосток, 2001.
- Abu-Lughod 1989 — *Abu-Lughod J.* Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350. New York, 1989.
- Adams 1966 — *Adams R. Mc.C.* The Evolution of Urban Society: Urban Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966.
- Adams 1981 — *Adams R. Mc.C.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use in the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981.
- Algaze 2008 — *Algaze G.* Ancient Mesopotamia at the dawn of civilization: The evolution of an urban landscape. Chicago, 2008.
- Allsen 1996 — *Allsen T.* Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe // Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996.
- Allsen 1997 — *Allsen T.* Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles. Cambridge, 1997.

- Allsen 2001 — *Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001.
- Allsen 2002 — *Allsen T.* The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire // Warfare in Inner Asian History (500–1800). Leiden, 2002
- Archaeobotanical Data — Archaeobotanical Data in East Asia: Prehistoric Age (на кор. яз.).
- Ashmore 1989 — *Ashmore W.* Construction and Cosmology: Politics and Ideology in Lowland Maya Settlement Patterns // Word and Image in Maya Culture: Explorations in Language, Writing, and Representations. Salt Lake City, 1989.
- Ayalon 1971/1973 — *Ayalon D.* The Great Yasa of Chinggis khan. A reexamination // *Studia Islamica*. Vol. 33, 34, 1971; Vol. 36, 1972; Vol. 38, 1973.
- Bafna 2000 — *Bafna S.* On the idea of the Mandala as a governing device in Indian architectural tradition. *Journal of the Society of Architectural Historians*, 2000.
- Bairoch 1988 — *Bairoch P.* Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present. Chicago, 1988.
- Barfield 1992 — *Barfield T.J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 2nd ed. Cambridge etc., 1992.
- Barfield 2000 — *Barfield T.* The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier // *Empires*. Cambridge, 2000.
- Barkmann 2002 — *Barkmann U.* Qara Qorum (Karakorum) — Fragmente zur Geschichte einer vergessenen Reichshauptstadt // *Bonn Contributions to Asian Archaeology*. Vol 1. Qara Qorum Cirt (Mongolia) I. Bonn, 2002.
- Bemmann et al. 2010 — *Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E.* (eds.). Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road. Wiesbaden, 2010.
- Bemmann et al. 2011 — *Bemmann J., Ahrens B., Grütznher Ch., Klingner R., Klitzsch N., Lehmann F., Linzen S., Munkhbayar L., Nomguunsuren G., Oczipka M., Piezonka H., Schütt B., Saran S.* Geoarchaeology in the Steppe — First Results of the Multidisciplinary Mongolian-German survey project in the Orkhon Valley, Central Mongolia // *Arkheologiin sudlal*. 2011. Vol. 30.
- Bemmann et al. 2011a — *Bemmann J., Höllman T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S.* A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. Vol. 6. 2011, No 6.
- Bemmann et al. 2014 — *Bemmann J., Lehdorff E., Klingner R., Linzen S., Munkhbayar L., Okzipka M., Piezonka H., Reicher S.* Biomarkers in Archaeology — Land Use around the Uyghur Capital Karabalgasun, Orkhon Valley, Mongolia // *Prähistorische Zeitschrift*. Vol. 89. 2014, No 2.
- Bennett 2016 — *Bennett G.* The Archaeological Study of an Inner Asian Empire: Using new Perspectives and Methods to Study the Medieval Liao Polity // *International Journal of Historical Archaeology*. 2016, № 4.
- Biran 1997 — *Biran M.* Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. Richmond, 1997.
- Biran 2004 — *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*. Leiden, 2004.
- Birch 2013 — *Birch J.* From prehistoric villages to cities: settlement aggregation and community transformation. New York, 2013.
- Blanton 1976 — *Blanton R.* Anthropological Study of Cities. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 5. 1976.
- Blanton 1982 — *Blanton R.E.* Urban beginnings: a view from anthropological archaeology // *Journal of Urban History*. Vol. 8. 1982.
- Bodley 2003 — *Bodley J.H.* The power of scale: A global history approach. Armonk. New York, 2003.
- Bondarenko 2006 — *Bondarenko D.M.* Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th — 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: Kom-Kniga, 2006.
- Boyle 1968 — *Boyle J.A.* The Cambridge History of Iran // The Saljuq and Mongol periods. Vol. 5. Cambridge, 1968.

- Brumfiel 1991 — *Brumfiel E.* Tribute and Commerce in Imperial Cite: The Case of Xaltocan, Mexico // *Early State Economics*. New Brunswick and London, 1991.
- Brumfiel, Earle 1987 — *Brumfiel E.M., Earle T.K.* (eds). *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. New York, 1987.
- Buell et al. 2000 — *Buell P., Anderson E., Perry Ch.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's Yin-shan Cheng-yao. London, 2000.
- Burbank, Cooper 2010 — *Burbank J., Cooper F.* *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, 2010.
- Burgess 1925 — *Burgess E.* The Growth of the City An Introduction to a Research Project // Park R., Burgess E., McKenzie R. *The City*. Chicago, 1925.
- Byington 2007 — *Byington M.E.* Control or Conquer? Koguryo's Relations with State and Peoples in Manchuria // *Journal of Northeast Asian History*. 2007. Vol. 4, No 1.
- Carballo 2013 — *Carballo D.M.* (ed.). *Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives*. Boulder, 2013.
- Carrasco 1999 — *Carrasco D.* *City of sacrifice: The Aztec Empire and the role of violence in civilization*. Boston, 1999.
- Chacon, Mendoza 2017 — *Chacon R., Mendoza R.* (eds.). *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer, 2017.
- Chambers 1988 — *Chambers J.* *The devil's horsemen: The Mongol invasion of Europe*. 2nd ed. London, 1988.
- Chan Hok-lam 1967 — *Chan Hok-lam.* Liu Ping-chung (1216-74): A Buddhist-Taoist Statement at the Court of Khubilai Khan // *T'oung Pao*. 1967. Vol. 53. No 1-3.
- Chan Hok-Lam 1991 — *Chan Hok-Lam.* "Ta Chin" (Great Golden): The Origin and Changing Interpretations of the Jurchen State // *T'oung Pao*. Vol. 77. 1991. No 4-5.
- Chandler 1987 — *Chandler T.* *Four thousand years of urban growth: An historical census*. Lewiston, New York, 1987.
- Chase-Dunn, Hall 1997 — *Chase-Dunn Ch., Hall T.* *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, 1997.
- Chavannes 1897/1898 — *Chavannes E.* *Voyageurs chinois chez les Khitans et les Joutchen* // *Journal Asiatique*, 9th series. 1897. Vol. 9; 1898. Vol. 11.
- Chen Gaohua 2015. — *Chen Gaohua.* *The Capital of The Yuan Dynasty*. Honolulu, 2015.
- Childe 1950 — *Childe V.G.* *The Urban Revolution* // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21, No 1.
- Chinggeltei 2002 — *Chinggeltei.* On the Problems of Reading Kitan Characters // *Acta Orientalia Hungaricae*. 2002. Vol. 55, Nos. 1-3.
- Clark, Parry 1990 — *Clark J.E., Parry W.J.* *Craft specialization and cultural complexity. Research in Economic Anthropology*. Vol. 12. Greenwich, 1990.
- Conzen 1968 — *Conzen M.R.G.* *The study of town plans in urban history* // *The study of urban history*. London, 1968.
- Conzen 2001 — *Conzen M.P.* *The study of urban form in the United States* // *Urban Morphology*. Vol. 5. 2001, No 1.
- Cordell, Yannie 1991 — *Cordell L.S., Yannie V.J.* *Ethnicity, Ethnogenesis, and the Individual: A Post-processual Approach toward Dialogue* // *Processual and Postprocessual Archaeology: Multiple Ways of Knowing the Past*. Carbondale, 1991.
- Costin 2004 — *Costin C. L.* *Craft economies of ancient Andean states* // *Archaeological Perspectives on Political Economies*. Salt Lake City, 2004.
- Cowgill 2004 — *Cowgill G.* *Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives* // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 33. 2004.
- Creekmore et al. 2014 — *Creekmore A.T. III, Fisher K.* (eds.). *Making Ancient Cities: Space and Place in Early Urban Societies*. Cambridge, 2014.
- Dardess 1972/1973 — *Dardess J.W.* *From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing forms of imperial rule in Mongolia and Central Asia* // *Monumnta Seria*. Vol. 30. 1972/1973.

- Dardess 1973 — *Dardess J.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yüan China. New York and London, 1973.
- De Marrais et al. 1996 — *De Marrais E., Castillo L.J., Earle T.* Ideology, materialization, and power strategies // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37, No 1.
- Di Cosmo 1999 — *Di Cosmo N.* State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. Vol. 10. 1999, No 1.
- Dumarçay, Royère 2001 — *Dumarçay J., Royère P.* Cambodian architecture: Eighth to thirteenth centuries. Leiden, 2001.
- Durand-Guédy 2013 — *Durand-Guédy D.* (ed.). Turko-Mongols Rulers, Cities and City Life. Leiden, 2013.
- Eisenstadt 1963 — *Eisenstadt S.* The Political Systems of Empire. New York, 1963.
- Ellen 2010 — *Ellen R.* Theories in anthropology and “anthropological theory” // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 16. 2010, No 2.
- Endicott-West 1989 — *Endicott-West E.* Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, 1989.
- Erdenbat, Pohl 2005 — *Erdenbat U., Pohl E.* Aus der Mitte der Hauptstadt-Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // *Dschingis Khan und seine Erben*. Bonn, 2005.
- Farquard 1990 — *Farquard D.M.* The government of China under Mongolian rule — A reference guide // *Münchener Ostasiatische Studien*. 1990, No 53.
- Feinman, Marcus 1998 — *Feinman G., Marcus J.* (eds.). Archaic states. Santa Fe, 1998.
- Flannery 1998 — *Flannery K.* The Ground Pland of Archaic States // *Archaic states*. Santa Fe, 1998.
- Flannery K., Marcus 2012 — *Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass., 2012.
- Fletcher 2009 — *Fletcher R.* Low-Density, Agrarian-Based Urbanism: A Comparative View // *Institute of Advanced Studies Insights*. Vol. 2. 2009, No 4.
- Fletcher 2012 — *Fletcher R.* Low-density, Agrarian-based Urbanism: Scale, Power, and Ecology // *The Comparative Archaeology of Complex Societies*. New York, 2012.
- Fox 1977 — *Fox R.G.* Urban Anthropology: Cities in Their Cultural Settings. Englewood Cliffs, 1977.
- Franke 1975 — *Franke H.* Chinese Texts on the Jurchen (I): A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch’ao pei-meng hi-pien // *Zentralasiatische Studien*. Vol. 9. 1975.
- Franke 1990 — *Franke H.* The forest peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens // *Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge, 1990.
- Franke 1994 — *Franke H.* China under Mongol Rule. Aldershot, 1994.
- Franke 1994a — *Franke H.* The Chin dynasty // *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Alien regimes and border states. Cambridge, 1994.
- Franken 2005 — *Franken C.* Die Brenöfen im Palastbezirk von Karakorum // *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München, 2005.
- Fritz 1986 — *Fritz J.M.* Vijayanagara: Authority and Meaning of a South Indian Imperial Capital // *American Anthropologist*. Vol. 88. 1986, No 1.
- Furihato et al. 2015 — *Furihato J., Nakamura A., Shoda S., Gelman E., Saito T., Kojima Y.* In Pursuit of Evidence for Local Production of Bohai Tricolored Earthenware: Chemical Analyses of Lead Glaze Ceramics Excavated from Kraskino and Gorbatka in the Russian Maritime Province // *Asian Archaeology*. Vol. 3. 2015.
- Gates 2003 — *Gates Ch.* Ancient Cities: The Archaeology of Urban Life in the Ancient Near East and Egypt, Greece, and Rome. New York, 2003.
- Gellner 1988 — *Gellner E.* Plough, Sword, and Book: The Structure of Human History. Chicago, 1988.
- Gelman 2006 — *Gelman E.I.* Trade Ceramics from bohais Sites of Russian Primor’e // *Beyond the Steppe and the Sown*. Leiden, 1996.
- Gelman 2013 — *Gelman E.I.* Pottery of Kraskinskoye walled town // *Краскинское городище — характер и функциональное назначение*. Токио, 2013.

- Genghis Khan 1997 — *Genghis Khan*. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1997.
- Gladwin 2008 — *Gladwin Th.* Doomsday Alert: Megachallenges Confronting Urban Modernity // The Journal of the International Institute. Vol. 16. 2008, No 1.
- Glaeser 2011 — *Glaeser Ed.* Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier. New York, 2011.
- Grinin et al. 2004 — *Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V.* (eds.). The Early State, Its Alternatives and Analogues. Volgograd: Uchitel, 2004.
- Haas 1982 — *Haas J.* The Evolution of the Prehistoric State. New York, 1982.
- Haas 2001 — *Haas J.* (ed.). From leaders to rulers. New York, 2001.
- Haggett 1977 — *Haggett P., Cliff A. D., Frey A.* Locational analysis in human geography. 2nd ed. London, 1977.
- Hansen 2000 — *Hansen M.H.* (ed.). A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000.
- Harris, Ulman 1945 — *Harris C., Ulman E.* The nature of Cities // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 242. 1945.
- Hedström, Udéhn 2009 — *Hedström P., Udéhn L.* Analytical sociology and theories of the middle range // The Oxford handbook of analytical sociology. New York, 2009.
- Hill, Dunbar 2003 — *Hill R.A., Dunbar R.* Social network size in humans // Human Nature. Vol. 14, 2003, No 1.
- Hodder 1986 — *Hodder I.* Reading the past: Current approaches to interpretation in archaeology. New York, 1986.
- Hodder 2006 — *Hodder I.* The leopard's tale: revealing the mysteries of Çatalhöyük. London, 2006.
- Hommon 2013 — *Hommon R.* The Ancient Hawaiian State. Oxford, 2013.
- Hoyt 1939 — *Hoyt H.* The structure and growth of residential neighborhoods in American cities. Washington, DC, 1939.
- Hsiao Ch'i-ch'ing 1978 — *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge, Mass., 1978.
- Hüttel 2005 — *Hüttel H.G.* Der Palast des Ögedei Khan — Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. München, 2005.
- Hüttel 2009 — *Hüttel H.G.* Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009.
- Isendahl 2012 — *Isendahl C.* Investigating Urban Experiences, Deconstructing Urban Essentialism // Urbanization and Global Environmental Change, Vol. 8. 2012.
- Ivliev 2013 — *Ivliev A.L.* Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Краскинское городище Приморья — характер и функциональное назначение. Токио, 2013.
- Jacobs 1969 — *Jacobs J.* The economy of cities. New York, 1969.
- Jagchid 1981 — *Jagchid S.* The Kitans and their cities // Central Asiatic Journal Vol. 25. 1981. No 1–2.
- Jennings, Earle 2016 — *Jennings J., Earle T.* Urbanization, State Formation, and Cooperation: A Reappraisal // Current Anthropology. Vol. 57. 2016, No 4.
- Juvaini 1997 — *Juvaini.* Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1997.
- Kapferer 1988 — *Kapferer B.* Legends of People, Myths of State. Washington, DC, 1988.
- Kato 1997 — *Kato Simpei.* Ancient City of Karakorum. Beijing, 1997.
- Kojima 1996 — *Kojima Y.* The history of relation between Mohe, Bohai and Japanese Islands // The First International Symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). Vladivostok, 1996.
- Kosse 1990 — *Kosse K.* Group size and societal complexity: Thresholds in the long-term memory // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 9. 1990, No 3.

- Kostof 1991 — *Kostof S.* The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History. London, 1991.
- Krader 1963 — *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.
- Kradin et al. 2000 — *Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., de Munck V., and Wason P.K.* (eds.). Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000.
- Kradin et al. 2005 — *Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Danilov S.V., Nikitin Yu.G., Enkhtur A., Erdenebold L.* Preliminary Results of the Investigation of Kitan Ancient Town 2004 — Ancient Town Chintolgoi Balgas in 2004 // Nomadic Studies Bulletin. Vol. 10. 2005.
- Kradin, Ivliev 2008 — *Kradin N.N., Ivliev A.L.* Departed Nation: the fate of Bohai peoples of Mongolia // Antiquity. Vol. 82. 2008, No 316.
- Kradin, Ivliev 2009 — *Kradin N.N., Ivliev A.L.* The Downfall of the Bohai state and the ethnic structure of the Kitan city of Chintolgoi balgas, Mongolia // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009.
- Kradin, Nikitin 1996 — *Kradin N.N., Nikitin Yu.G.* Space Organization of Bohai Sites in Primorye // The First International Symposium of Bohai Culture. Vladivostok, 1996.
- Krounovka 1 site... 2004 — *Krounovka 1 Site in Primorye, Russia.* Report of Excavations in 2002 and 2003: Study of Environmental Change of Early Holocene and The Prehistoric Subsistence System in Far East Asia // Komoto M. and Obata H. Kumamoto University: SHIMODA PRINT Co., Ltd, 2004. 58 p.
- Kwanten 1979 — *Kwanten L.* Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979.
- Lane 2003 — *Lane G.* Early Mongol rule in thirteenth-century Iran: a Persian renaissance. London, 2003.
- Langlois 1981 — *Langlois J.D.* (ed.). China under Mongol Rule. Princeton, 1981.
- Lee Gyoung-Ah et al. 2011 — *Lee Gyoung-Ah, Crawford G.W., Liu L., Sasaki Y., Chen X.* Archaeological soybean (*Glycine max*) in East Asia: Does size matter? // PLoS ONE. 2011. Vol. 6. No 11.
- Lightoot, Martinez 1995 — *Lightoot K., Martinez A.* Frontiers and Boundaries in Archaeological Perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 24. 1995.
- Lilley 2000 — *Lilley K.D.* Mapping the medieval city: Plan analysis and urban history // Urban History. Vol. 27. 2000, No 1.
- Lilley 2009 — *Lilley K.D.* City and cosmos: The medieval world in urban form. London, 2009.
- Lim Sang Sun 2001 — *Lim Sang Sun.* Taoistic thinking of Phohai people (with a focus on Epitaph of Princess Jung Hye and Princess Jung Hyo) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции. Владивосток, 2001.
- Lin Hu 2009 — *Lin Hu.* Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 2009.
- Lin Hu 2010 — *Lin Hu.* A Tale of Five Capitals: Contests for Legitimacy Between the Liao and its Rivals // Journal of Asian History. 2010. Vol. 44, No 2.
- Lin Hu 2011 — *Lin Hu.* Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires // Archaeological Dialogues. 2011. Vol. 18, No 2.
- Liu 1992 — *Liu C.Y.* The Yuan Dynasty Capital, Ta-tu: Imperial Building Programm and Bureaucracy // Tong Pao. Sec. series. 1992/ Vol. 78, № 4–5.
- Liudingshan 1997 — *Liudingshan and bohaizhen aristocratic cemetery and capital site of the Bohai state, Tang dynasty.* The Institute of Archaeology Chinese Academy of Social Sciences. Beijing, 1997 (на кит. яз.).
- Lynch 1960 — *Lynch K.* The image of the city. Cambridge, 1960.
- Lynch 1981 — *Lynch K.* A theory of good city form. Cambridge, 1981.
- Maisels 1999 — *Maisels Ch.* Early Civilizations of the Old World. London and New York, 1999.

- Marcus, Sabloff 2008 — *Marcus J., Sabloff J.* Introduction // *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, 2008.
- May 2007 — *May T.* *The Mongol Art of War*. Barnsley, 2007.
- McArtur 2002 — *McArtur M.* *Reading Buddhist Art. An all illustrated Guide to Buddhist Signs and Symbols*. London, 2002.
- Melville 1999 — *Melville Ch.* *The fall of Amir Chupan and the decline of the Ilkhanate, 1327-37: A decade of discord in Mongol Iran*. Bloomington, IN, 1999.
- Merton 1968 — *Merton R.K.* *Social theory and social structure* (3rd ed.). New York: Free Press, 1968.
- Minorsky 1947 — *Minorsky V.* Tamín ibn Bahr's journey to the Uyghurs // *Bulletin Sch. Orient. African Stu.* Vol. 12, 1947.
- Miyake 2005 — *Miyake T.* *Coins Collected from the Avraga Site // The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004*. Niigata, 2005.
- Modelski 2003 — *Modelski G.* *World cities: -3000 to 2000*. Washington, 2003.
- Moore 1996 — *Moore J.D.* *Architecture and power in the ancient Andes: The archaeology of public buildings*. New York, 1996.
- Moore 2005 — *Moore J.D.* *Cultural landscapes in the ancient Andes: Archaeologies of place*. Gainesville, 2005.
- Morgan 1987 — *Morgan D.* *The Mongols*. Oxford and New York, 1987.
- Morgan 1988 — *Morgan D.* *Medieval Persia 1040-1797*. London, 1988.
- Moses, Greer 1998 — *Moses L., Greer C.* *Kara Korum and its Peri-Urban Environment // Eurasian Studies Yearbook*. 1998. Vol. 70.
- Mumford 1961 — *Mumford L.* *The City in History*. New York, 1961.
- Mumford 2011 [1937] — *Mumford L.* *What is a city? // The city reader*. 5th ed. New York, 2011.
- Nichols, Charlton 1997 — *Nichols D.L., Charlton T.H.* (eds.). *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, DC, 1997.
- Park, Burgess 1924 — *Park R., Burgess E.* *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago, 1924.
- Peregrine 2001 — *Peregrine P.* *Cross-Cultural Comparative Approaches in Archaeology // Annual Review of Anthropology*, Vol. 30, 2001.
- Peregrine 2003 — *Peregrine P.* *Atlas of Cultural Evolution // World Cultures*. Vol. 14. 2003, No 1.
- Peregrine 2004 — *Peregrine P.* *Cross-Cultural Approaches in Archaeology: Comparative Ethnology, Comparative Archaeology, and Archaeoethnology // Journal of Archaeological Research*. Vol. 12. 2004, No 3.
- Peregrine, Ember 2001–2002 — *Encyclopedia of Prehistory*. Ed. by P. Peregrine and M. Ember. Vols 1–9. New York, 2001–2002.
- Pohl 2009 — *Pohl E.* *Interpretation without Excavation — Topographic Mapping on the Territory of the First Mongolian Capital Karakorum // Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn, 2009.
- Pohl 2010 — *Pohl E.* *The Excavations in the Craftsmen-Quarter of Karakorum (KAR-2) between 2000 and 2005 — Stratigraphy and Architecture // Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road*. Wiesbaden, 2010.
- Possehl 1998 — *Possehl G.* *Sociocultural complexity without the state: the Indus civilization // Feinman, G. and Marcus, J.* (eds.). *Archaic states*. Santa Fe, 1998.
- Preliminary Report 2003 — *Preliminary Report of Japan — Mongolian Joint Archaeological Expedition “New Century Project”*. 2002. Niigata, 2003.
- Preliminary Report 2004 — *Preliminary Report of Japan — Mongolian Joint Archaeological Expedition “New Century Project”*. 2003. Niigata, 2004.
- Price, Feinman 2010 — *Price D., Feinman G.* (eds.). *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. New York, 2010.

- Rachewiltz 1993 — *Rachewiltz I. de*. Some reflection on Činggis Qan's *Yasay* // East Asian History. 1993. Vol. 6.
- Rachewiltz 2004 — *Rachewiltz I. de*. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Transl. with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. 1–2. Leiden and Boston, 2004.
- Rapoport 1988 — *Rapoport A*. Levels of meaning in the built environment // Cross-cultural perspectives in non verbal communication. Toronto, 1988.
- Rapoport 1990 — *Rapoport A*. The meaning of the built environment: A nonverbal communication approach (rev. ed.). Tucson, 1990.
- Reckel 1995 — *Reckel J*. Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. Wiesbaden, 1995.
- Renfrew 1972 — *Renfrew C*. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C. London, 1972.
- Renfrew 2008 — *Renfrew C*. The City through Time and Space: Transformations of Centrality // The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World. Santa Fe, 2008.
- Rhie 1988 — *Rhie M*. Marylin. Interrelationship between the Buddhist art of China and the art of India and Central Asia from 618–755 A.D. Napoli, 1988.
- Rossabi 1988 — *Rossabi M*. Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley etc., 1988.
- Rossabi 1989 — *Rossabi M*. Khubilai Khan: His Life and Times. 2nd ed. Berkeley etc., 1989.
- Scargell 1979 — *Scargell D*. The Forms of Cities. London, 1979.
- Schledermann 1970 — *Schledermann H*. The Idea of the Town: Typology, Definitions and Approaches to the Study of the Medieval Town in Northern Europe // World Archaeology. 1970. Vol. 2, No 2.
- Schlesinger 1963 — *Schlesinger W*. Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 2. Göttingen, 1963.
- Senda, Enkhtur 2009 — *Senda Yoshihiro, Enkhtur A*. Chin tolgoi Balgas 2009. Research Report of Liao Dynasty's Castle Town site Chintolgoy, Mongolia. Sapporo, 2009.
- Sergusheva 2014 — *Sergusheva E.A*. Cultivated lands of the Bohai population of Primorye according to archaeobotanical data // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Vol. 42, No 2.
- Shiraishi 2001 — *Shiraishi N*. Chingisu-kan no Kōkogaku (Archaeology of Chinggis Khan). Tokyo, 2001 (на яп. яз.).
- Shiraishi 2002 — *Shiraishi N*. Mongory Teikoku shi kōkogaku-teki kenkyū. Tokyo, 2002 (на яп. яз.).
- Shiraishi 2004 — *Shiraishi N*. Seasonal Migrations of the Mongol Emperors and the Peri-Urban Area of Kharakorum // International Journal of Asian Studies. 2004. Vol. 1, № 1.
- Shiraishi 2005 — *Shiraishi N*. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site // The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004. Niigata, 2005.
- Shiraishi 2006 — *Shiraishi N*. Avraga Site: The 'Great Ordu' Of Genghis Khan // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden and Boston, 2006.
- Shiraishi, Tsogtbaatar 2009 — *Shiraishi N., Tsogtbaatar B*. A Preliminary Report on the Japanese-Mongolian Joint Archaeological Excavations at Avraga Site: The Great Ordu of Chinggis Khan // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009.
- Sinopoli 1994 — *Sinopoli C*. The Archaeology of Empires // Annual Review of Anthropology. Vol. 23. 1994.
- Sinopoli et al. 1995 — *Sinopoli M., Sinopoli C., Morrison K*. Dimensions of Imperial Control: The Vijayanagara Capital // American Anthropologist. 1995. Vol. 97, No 1.
- Sjoberg 1960 — *Sjoberg G*. The Preindustrial City. New York, 1960.
- Skinner 1977 — *Skinner G.W.* (ed.). The City in Late Imperial China. Stanford, CA, 1977.
- Smith 1989 — *Smith M.E*. Cities, Towns, and Urbanism: Response to Sanders and Webster // American Anthropologist. 1989. Vol. 91, No 2.

- Smith 2003 — *Smith A.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley, 2003.
- Smith 2003 — *Smith M.* (ed.). The Social Construction of Ancient Cities. Washington, D.C., 2003.
- Smith 2005 — *Smith M.L.* Networks, Territories, and the Cartography of Ancient States // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 95. 2005, No 4.
- Smith 2007 — *Smith M.E.* Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // *Journal of Planning History*. Vol. 6. 2007, No 1.
- Smith 2008 — *Smith M.E.* Aztec city-state capitals. Gainesville, 2008.
- Smith 2009 — *Smith M.E.* Review of the Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World // *American Anthropologist*. Vol. 111. 2009, No 4.
- Smith 2010 — *Smith M.E.* Sprawl, Squatters and Sustainable Cities: Can Archaeological Data Shed Light on Modern Urban Issues? // *Cambridge Archaeological Journal*. Vol. 20. 2010, No 2.
- Smith 2011 — *Smith M.* Empirical Urban Theory for Archaeologists // *Journal of Archaeological Method and Theory*. Vol. 18. 2011.
- Smith 2014 — *Smith M.L.* The archaeology of urban landscapes // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 43. 2014.
- Smith 2015 — *Smith M.L.* Towns and Cities: A Comment on 'Performing Towns' // *Archaeological Dialogues*. Vol. 22. 2015, No 2.
- Smith 2016 — *Smith M.E.* How can archaeologists identify early cities: definitions, types, and attributes // *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Cambridge, 2016.
- Song Ki-ho 1990 — *Song Ki-ho.* Current Trends in the Research of Palhae History // *Seoul Journal of Korean Studies*. Vol. 3. 1990, No 12.
- Song Ki-ho 1990a — *Song Ki-ho.* Several Questions in Studies of the History of Palhae // *Korea Journal*. Vol. 30. 1990, No 6.
- Song Ki-ho 1999 — *Song Ki-ho.* The Dual Status of Parhae: Kingdom and Empire // *Seoul Journal of Korean Studies*. Vol. 12. 1999, № 11.
- Song Yubin 2010 — *Song Yubin.* The Capital Site of Bohai Kingdom. *Chinese Archaeology*. Vol. 10, 2010.
- Srba 2012 — *Srba O.* Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilaγun-u bičig) // *Linguistica Brunensia*, Vol. 60. 2012, No 1–2.
- Steinhardt 1983 — *Steinhardt N.* The Plan of Khubilai Khan's Imperial City // *Artibus Asiae*. Vol. 44. 1983, No 2–3.
- Steinhardt 1988 — *Steinhardt N.* Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu // *Ars Orientalis*. Vol. 18. 1988.
- Steinhardt 1990 — *Steinhardt N.* Chinese Imperial City Planning. Honolulu, 1990.
- Steinhardt 1997 — *Steinhardt N.* Liao Architecture. Honolulu, 1997.
- Stoddart 1999 — *Stoddart S.* Urbanization and state formation // *Comparative Encyclopedia of Archaeology*. New York, 1999.
- Storey 2006 — *Storey G.* (ed.). Urbanism in the Preindustrial World. Tuscaloosa, 2006.
- Tainter 1988 — *Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1988.
- Tamura 1974 — *Tamura J.* Chugoku seituko oche-no kenkyu (Study of Conquest Dynasties in China). Vol. 1–3. Kioto, 1974 (на яп. яз.).
- Tao Jing-shen 1974 — *Tao Jing-shen.* Political Recruitment in the Chin Dynasty // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 94. 1974, № 1.
- Thapar 1981 — *Thapar R.* The State as Empire // *The Study of the State*. The Hague, 1981.
- Togan 1998 — *Togan I.* Flexibility and limitation in Steppe Formations: The Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden, 1998.
- Trigger 1990 — *Trigger B.* Monumental architecture: a thermodynamic explanation of behavior // *World Archaeology*. Vol. 22. 1990, No 2.
- Trigger 2003 — *Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations: A comparative Study. Cambridge, 2003.

- Tung-Ching-Ch'eng 1939 — Tung-Ching-Cheng. Report on the Excavation of the Site of the Capital of P'o-hai // *Archaeologia Orientalis*. Ser. A. Vol. V. Tokyo, 1939.
- Twitchett, Tietze 1994 — *Twitchett D., Tietze K.-P.* The Liao // *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907–1368. Cambridge, 1994.
- Ucko et al. 1970 — *Ucko P., Dimpleby G., Tringham R.* (eds.). *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1970.
- Underhill 2002 — *Underhill A.* *Craft Production and Social Change in Northern China*. New York, 2002.
- Usuki, Enkhtur 2009 — *Usuki Isao, Enkhtur A.* *Chin tolgoi balgas 1*. Sapporo, 2009.
- Wei Jian 2008. — *Wei Jian*. Shangdu Site of the Yuan Dynasty. Vol. I–II. Beijing, 2008 (на кит. яз.).
- Wengrow 2015 — *Wengrow D.* *Cities before the State in Early Eurasia*. Goody Lecture. Halle, 2015.
- Wheatley 1971 — *Wheatley P.* *The pivot of the four quarters: A preliminary enquiry into the origins and the character of the ancient Chinese city*. Chicago, 1971.
- Wheatley 1972 — *Wheatley P.* *The concept of urbanism // Man, Settlement, and Urbanism*. London, 1972.
- Whitehand 2001 — *Whitehand J.W.R.* *British urban morphology: The Conzenian tradition // Urban Morphology*. Vol. 5. 2001, No 2.
- Wirth 1938 — *Wirth L.* *Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology*. Vol. 44. 1938, No 1.
- Wittfogel, Feng 1949 — *Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng.* *History of Chinese Society*. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949 (*Transactions of the American Philosophical Society*, new series, 36).
- Wright 1995 — *Wright D.* *Wealth and War in Sino-nomadic Relations // The Tsing Hua Journal of Chinese Studies*, n.s. Vol. 25. 1995, No 3.
- Yao Tao-chung 2001 — *Yao Tao-chung.* *Buddhism and Taoism under the Chin // China under Jurchen Rule. Essays on Chin Intellectual and Cultural History*. New York, 2001.
- Yoffee 1997 — *Yoffee N.* *The Obvious and the Chimerical: City-States in Archaeological Perspective // The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, D.C., 1997.
- Yoffee 2009 — *Yoffee N.* *Making Ancient Cities Plausible // Review in Anthropology*. Vol. 38. 2009, No 4.
- Zhao 2016 — *Zhao Z.* *Barnyard-millet Farming Zone in Northeast Asia: Archaeobotanical Evidence from Northeastern China // 17th Conference of the International Work Group for Palaeoethnobotany*. Abstracts. Paris, 2016.

Summary

Towns of the Mediaeval Empires of the Far East. Ed. by N.N. Kradin.
Moscow: Oriental Literature Publisher, 2018

The volume deals with the study of urbanization in the states and empires of the Far East: Bohai (698–926), Liao (907–1125), Chin (115–1234), Dong Xia (1215–1233), Yuan (1206–1238). The features of development of fortified settlements, as well as the “urban revolution,” the origin of local states and urbanization processes are considered in it. The book researches into the typology of towns and fortified settlements, their topography and planigraphy, functions and socio-economic significance. Processes of interest are studied over a long-term period of 700 years. It was ascertained that urbanization emerged in the formation of complex societies and depended on demography and military clashes in Mohe (4th–7th centuries). Early fortified settlements did not perform the sole function of protection from enemies. Small fortified sites of early Khitan were places of concentration of tillers and artisans. Possibly, towns of the early Jurchen were residences of their chiefs. However, such towns are not known in Primorski Territory. They are possibly to be sought in what is now China. With the establishing of Bohai state, real towns were founded. They were centers of administration, handicraft, trade, religion and culture. In the mid-8th century, a strict urban layout of Chinese pattern appeared in Bohai. The Bohais adopted the system of five capitals from China. There were streets and quarters in towns. Researches of the ancient town Kraskino (Yanzhou, the sea port of Yan) prove it well. An urban culture was formed in the Bohai time. It inspired the dissemination of technologies, the formation of dress fashion, changes in the daily life, the spread of literacy, higher culture and world religions. The system of five capitals was borrowed by the Khitan from the Bohai. They were nomadic conquerors. So, the Supreme and Central capitals of Liao were built in the old land of Khitan. The Western and Southern capitals were in the conquered Chinese lands, and the Eastern capital was in the land of the former Bohai. The Khitan had also added their own understanding of organization of the architectural environment. They reshaped the concept of intraurban space so that town became a home for nomads, a home similar to their dear and boundless steppe. That is why there are large open spaces in capitals (and also in other towns). Nomadic camps periodically arose in these spaces. The imperial court of Liao dynasty was mobile and shifted according to seasonal migrations. The spatial segregation of the urban landscape was of great importance. It separated the ordinary inhabitants of a town from the residence of the elite. The segregation also served as a

marker of ethnic stratification. The Khitan made “China-towns” for conquered people. Based on the Khitan towns, the Jurchen version of plain fortified settlements with strict layout and more advanced fortification was formed in Manchuria and Primorye Region. After the foundation of the Golden Empire of Jurchen, the towns became larger, they received a layout similar to the Khitan design and more powerful fortifications. The mountain towns of the Jurchen became their special contribution to architecture and fortification of towns. Mountain ravines were used for their construction. The town wall was built on mountain ridges surrounding the ravine and terrace dwellings were dug out in the slopes of the ravine. The presence of fortifications in front of the gate, frontal towers on town walls, a small fortress inside the town, the availability of water sources (springs, brooks) are specific to mountain towns. Discoveries made by Russian scholars enable us to restore the different ranks of mountain towns in Primorye Region: a capital (Krasnyi Yar), an administrative and handicraft center (Shaiga), a military settlement, or *mouke* (Ananyevka). With the forming of the dual administrative system of the Liao Empire in Inner Mongolia, and of the Jurchen empire later, active construction of towns begins and the system of five capitals and urban hierarchy is established. In the epoch of Mongolian globalization, the urbanization processes attain their maximum growth. In the Yuan empire we selected imperial capital cities of the steppe area (Karakorum, Xiandu), the towns serving as administrative centers (Avraga, Khirkhira), palaces and country farmsteads (Kondui, Narsatui). Karakorum and other imperial capitals became true megapolises where contact between different cultural traditions of the East and the West took place. The imperial cities of nomads are a complex multifunctional phenomenon. On the one hand, such a city is a political center, a locus of centralization of the elite and administrative machinery, as well as a place of concentration and redistribution of the spoils of war and tribute. On the other hand, it is a big center of international trade and production. In addition, an imperial city is, surely, a special cultural “melting pot” in which the traditions of different peoples and countries intermix, new fashions and innovative impulses are born. Finally, the palaces, walls and temples of an imperial city are, in a way, the material presentation of power, realization, in a subjectified form, of the claims of their owners to territorial and ideological supremacy. Constructs of ethnic and genetic memory, bureaucratic practices of Chinese advisers, imperial ambitions of the steppe greatly affected the process of choosing the location of towns. The space of the urban environment was organized both in accordance with conventional town planning canons and with local peculiarities and innovations. The same can be said about the technology of fortification, the construction of public structures and dwellings. Town walls and towers embodied the control of imperial elite over subdued territories. The creation of sacred sites related to political power and religious supremacy was of major importance. Pagodas and temples dominated in a stately manner the walls and huts of the ordinary masses. They symbolized ideological domination, and were a special focus of attraction of large numbers of people.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Н.Н. Крадин</i>)	3
Глава 1. Средневековые империи Дальнего Востока (<i>Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев</i>)	13
Глава 2. Городища Мохэ (<i>Я.Е. Пискарева</i>)	52
Глава 3. Города Бохайского государства (<i>Е.И. Гельман, Е.В. Асташенкова, С.Д. Прокопец, А.Л. Ивлиев</i>)	68
Глава 4. Культура и повседневность бохайских городов (<i>Е.И. Гельман, Е.В. Асташенкова</i>)	124
Глава 5. Городища постбохайского времени (<i>Н.А. Клюев, А.Л. Ивлиев, И.В. Гридасова</i>)	149
Глава 6. Города империи Ляо (<i>Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев</i>)	169
Глава 7. Чжурчжэньские города (<i>С.Е. Бакшеева, С.Д. Прокопец</i>)	203
Глава 8. Сельское хозяйство городского населения (<i>Е.А. Сергушева</i>)	251
Глава 9. Города Монгольской империи (<i>Н.Н. Крадин, С.Е. Бакшеева</i>)	281
Глава 10. Урбанизационные процессы в исторической динамике (<i>Н.Н. Крадин</i>)	315
Список источников и литературы	330
Summary	365

Научное издание

**Города
средневековых империй
Дальнего Востока**

*Утверждено к печати
Институтом истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Редактор *Н.Н. Щигорева*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *А.Е. Танчарова*

Подписано в печать 15.11.2018
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 32,3. Усл. кр.-отт. 40,3. Уч.-изд. л. 31,5
Тираж 400 экз. Зак. №

ООО «Издательство восточной литературы»
127051, Москва, Петровский бульв., д. 3, стр. 2

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, г. Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака,
дом № 28, литера В, помещение 3Н ч.п.9,12 (каб. 201/1)